

2011

Известия УрГУ. Серия 2

№ 1 (87)

ИЗВЕСТИЯ

Уральского государственного

УНИВЕРСИТЕТА

ЕКАТЕРИНБУРГ

ИЗВЕСТИЯ УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. В. Алексеев**, акад. РАН
(Екатеринбург)
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
(Новосибирск)
- Д. Беннер**, проф. (Берлин)
- Дж. Боулт**, проф. (Лос-Анджелес)
- С. В. Голынец**, акад. РАН
(Екатеринбург)
- А. В. Головнев**, чл.-корр. РАН
(Екатеринбург)
- К. Н. Любутин**, докт. филос. наук
(Екатеринбург)
- М. Перри**, проф. (Бирмингем,
Великобритания)
- А. В. Перцев**, докт. филос. наук
(Екатеринбург)
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
(Москва)
- Х. Рюсс**, проф. (Мюнстер)
- В. В. Тулупов**, докт. филол. наук
(Воронеж)
- А. В. Черноухов**, докт. ист. наук
(Екатеринбург)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- Председатель
Д. В. Бугров, ректор УрГУ
- Заместители председателя
- А. О. Иванов**,
проректор по научной работе
- С. А. Рогожин**,
проректор по учебной работе
- А. В. Подчиненов**,
директор Издательско-
полиграфического
центра «Издательство УрГУ»
- Члены редакционного совета
- Л. М. Макушин**,
канд. ист. наук,
гл. редактор серии 1
«Проблемы образования,
науки и культуры»
- Л. С. Соболева**,
докт. филол. наук,
гл. редактор серии 2
«Гуманитарные науки»
- Н. В. Суслов**,
канд. филос. наук,
гл. редактор серии 3
«Общественные науки»

2011
№ 1 (87)

Серия 2
ГУМАНИТАРНЫЕ
НАУКИ

СЕРИЯ ОСНОВАНА
В 1999 ГОДУ

ВЫХОДИТ
ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ

Главный редактор

Л. С. Соболева

Заместитель главного редактора

Д. А. Редин

Члены редколлегии

Н. Н. Баранов

С. В. Гольнец

Е. П. Алексеев (отв. за выпуск)

О. В. Зырянов

В. Д. Камынин

Л. С. Лихачева (отв. за выпуск)

А. В. Маркин

Ю. А. Русина

А. В. Шаманаев

А. М. Плотникова

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Попова В. Н.* Праздник как форма культурной памяти: проблема «забвения» и реконструкции прошлого 6
- Рабинович Е. И.* Сновидение как механизм модернизации традиционной культуры Тибета 17
- Авдеева В. В.* Истоки наивного искусства Германии XX в.: специфика художественной традиции 25
- Доронченков И. А.* Матисс в России 1900—1910-х гг.: основные проблемы восприятия 36
- Гашева Н. Н.* Николай Гумилев и Поль Гоген: жизнетворческий и эстетический синтез 49
- Мережников А. Н.* Художественный метод М. А. Врубеля: интерпретации и оценки 57
- Будрина Л. А.* Русские камнерезы фирмы Картье 66

ФИЛОЛОГИЯ

- Архангельская В. В.* Имя *Алексей* как мотив в романе «Братья Карамазовы» 79
- Тарасова Н. А.* Знак тире в наборной рукописи «Дневника писателя» за 1877 г.: особенности пунктуации Достоевского 89
- Худенко Е. А.* Жизнетворчество М. М. Пришвина: игровая стратегия ... 96
- Налегач Н. В.* Мотив «опустошенного» слова в лирике И. Анненского и его развитие в поэзии постсимволизма ... 104
- Макрушина К. А.* Джейн Остен: феминизм и постколониальные исследования 112
- Летова И. А., Гусев А. В.* Языковая справа 1640-х гг. старопечатной Псалтири 120

- Кушир О. Н.* Реэтимологизация заимствованных префиксов как фактор актуализации лингвокультурных концептов 133
- Григоренко О. В.* Новые словообразовательные гнезда с вершиной-неологизмом со значением лица 145
- Билялова А. А.* Факультативность грамматических категорий числительных (на материале русского и татарского языков) 155
- Букреева О. М.* Семантика нисходяще-восходящего тона в диалогических текстах на английском языке 161

ИСТОРИЯ

- Суровень Д. А.* Китайско-корейские переселенцы аябито в Японии начала V в. 169
- Ласкова Н. В.* Пропаганда шотландской колонизации Америки в трактате 1625 г. Роберта Гордона Лохинвара .. 194
- Починская И. В.* Московская типография в первой половине XVIII в.: адаптивные процессы в официальном книгопечатании 204
- Белобородова И. Н.* Традиционное лесопользование на Русском Севере по нормам обычного права (середина XIX — начало XX в.) 213
- Попт И. А., Черноухов Э. А.* Алексей Иванович Кронеберг: провинциальный неудачник или успешный общественный деятель? 224
- Кубанцева И. А.* Роль общественных объединений XIX — начала XX в. в историографии материальной и духовной культуры мордвы 232
- Игнатова Н. М.* Численность спецпереселенцев — «бывших кулаков», призванных в Красную армию в 1941—1942 гг. 242

СОЦИОЛОГИЯ

- Барзгова Е. С., Вандышев М. Н., Лихачева Л. С.* Социализационный потенциал каникул подростков 253

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ
ПРОСТРАНСТВО УРАЛА

- Соболева Л. С.* Проблемы возрождения культурной памяти в решениях региональных научных конференций.... 263
- Анисимов К. В., Созина Е. К.* История литературы Урала в контексте региональных исследований 272
- Алексеев Е. П.* Лидер в художественной жизни Урала 1900–1930-х гг. 285
- Сафронова А. М.* Первая школа рисования на Урале и ее учебные пособия (1735–1750-е) 299

РЕЦЕНЗИИ

- Баранов Н. Н.* Либеральные депутаты германского рейхстага 311
- Шеметев А. А.* Зарождение практического использования матричного анализа рисков в управлении системами в Европе 313
- Федотов А. В.* Новая книга о буддийской скульптуре 326

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

- Комаров К. [Стихи] 328

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции

- Современные проблемы англистики. XX Международная конференция (*О. Г. Сидорова*) 331
- Зарубежная литература в вузе: инновации, методика, проблемы преподавания и изучения. II Международная научно-практическая конференция (*Л. А. Назарова*) 333
- Историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть. VI Всероссийская научная конференция (*Е. К. Созина*) 334

Информация

- О работе диссертационного совета Д 212.286.08 в 2010 г. 338
- Новые книги факультета искусствоведения и культурологии (*Л. С. Лихачева*) 340
- Список сокращений 342
- Сведения об авторах 343

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 793.2 + 008 + 159.954.3

В. Н. Попова

ПРАЗДНИК КАК ФОРМА КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ: ПРОБЛЕМА «ЗАБВЕНИЯ» И РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОШЛОГО

Рассматривается проблема трансформации праздничной культуры, показаны возможности изучения праздника в контексте культурной памяти, анализируются причины утверждения либо отторжения праздников обществом. В качестве вывода указывается на условия, обеспечивающие возможность создания нового варианта культурной памяти.

К л ю ч е в ы е с л о в а: праздничная культура, праздник, культурная память.

Практически все определения связывают праздник с памятью, всегда оформленной определенным образом. Это может быть память о прошлом вообще, о событиях, о героях, об истории народа. Ян Ассман называет праздник наряду с обрядом первичной формой культурной памяти и связывает это с тем, что причастность, гарантирующая групповую идентичность, в бесписьменных культурах могла быть обеспечена только за счет личного присутствия. Специальным поводом для сбора некой группы служили праздники и отправление обрядов, за счет своей регулярности осуществляющие передачу знания и закрепление идентичности празднующей группы. «Благодаря празднику как первичной организационной форме культурной памяти время в бесписьменных обществах делится на повседневное и праздничное, а благодаря культурной памяти мир повседневности дополняется, или расширяется, человеческая жизнь приобретает двухмерность, или двувременность, сохраняющуюся на всех стадиях культурной эволюции» [Ассман, с. 60]. Если в бесписьменных культурах причастность к событию, празднику могла быть обеспечена только за счет личного присутствия, то на более поздних этапах развития, с техническим усовершенствованием различных средств связи этот фактор перестает быть опреде-

ляющим. Границы между праздничным и повседневным временем все больше размываются, все чаще исследователи говорят о всеобщей фестивализации культуры, ее «гиперфестивности» (термин Ф. Мюрэ). Однако, несмотря на то, что праздник до некоторой степени утрачивает свое первоначальное сакральное значение (о том, что вера в праздник постепенно утрачивается, говорил еще Х.-Г. Гадамер), потребность человека и общества в празднике не исчезла. Праздничный календарь претерпевает изменения, ряд праздников исчезает, появляются новые праздники. И именно последние зачастую не имеют в социуме «признания», превращаясь просто в дни отдыха и развлечений. Мы можем наблюдать это, например, в случае с Днем народного единства, споры вокруг которого не утихают до сих пор. Нам представляется, что причиной подобного неприятия новых праздников является их безотносительность к культурной памяти празднующей группы. «Вспомнить — значит оживить прошлое в памяти, сделать его частью настоящего, частью современности» [Арнаутова, с. 170]. И в этом смысле ключевым становится то, что именно и каким образом вспоминается. История отечественной культуры дает нам примеры неоднократных попыток «вырезать» из памяти или «заретушировать» определенные моменты прошлого. В данном контексте рассмотрение праздника как формы культурной памяти может стать одним из наиболее перспективных исследовательских подходов в решении данной проблемы.

Тематика памяти, коммеморации, является одним из актуальных направлений гуманитарных исследований. Латинским термином *memoria* историки обозначают понятие «память» во всех проявлениях этого феномена: это и способность удержать знание о пережитом, о людях, умерших или отсутствующих, это и само воспоминание или припоминание событий и образов прошлого. Французский социолог Морис Хальбвакс, разрабатывая теорию памяти, говорит о необходимости различения двух видов памяти — внутренней и внешней, автобиографической и исторической; индивидуальной и коллективной. При этом индивидуальная память всегда опирается на память коллективную, более того, память отдельного человека может возникнуть только в процессе социализации. Обращаясь к коллективной памяти, человек уточняет свои воспоминания, восполняет возможные пробелы и может даже «заимствовать» чужие воспоминания, составляя, таким образом, представление о том, чему сам не был непосредственным свидетелем. Хальбвакс пишет, что «возникает своего рода искусственная среда, внешняя по отношению ко всем индивидуальным сознаниям, но охватывающая их, — некие коллективные время и пространство и коллективная история. Именно в таких рамках встречаются мысли (впечатления) индивидов, что подразумевает, что каждый из нас временно перестает быть самим собой. Вскоре мы возвращаемся в нас самих, привнося в свое сознание извне готовые опорные точки и системные единицы. К ним мы привязываем наши воспоминания» [Хальбвакс]. Хальбвакс утверждает, что прошлое является социальной конструкцией, формируемой духовными потребностями и контекстом каждого данного настоящего, и является продуктом культурного творчества. Он подчеркивает, что коллективная память не совпадает с историей, которая предстает как собрание фактов, занявших наиболее важное

место в памяти людей. «Но, будучи прочитанными в книгах, изучаемыми и заучиваемыми в школах, события прошлого отбираются, сопоставляются и классифицируются, исходя из потребностей или правил, которые не были актуальными для тех кругов, которые долгое время хранили живую память о них. Дело в том, что история обычно начинается в тот момент, когда заканчивается традиция, когда затухает или распадается социальная память. Пока воспоминание продолжает существовать, нет необходимости фиксировать его письменно, да и вообще как-либо фиксировать» [Там же]. Ян Ассман, вслед за Хальбваксом, также различает такие формы коллективной памяти о прошлом, как коммуникативная и культурная. Согласно этому разделению коммуникативная память охватывает воспоминания, связанные с недавним прошлым, воспоминания современников. Эта память актуальна до тех пор, пока живут ее носители (как правило, это три-четыре поколения), затем она сменяется новой памятью — памятью следующих поколений. Культурная же память, в отличие от коммуникативной, поддерживается в обществе специальными институтами, она носит уже не естественный, а «воссозданный» характер. Рассуждая о необходимости фиксации воспоминаний, целесообразно говорить о формировании культурной памяти, складывающейся путем воссоздания определенных фрагментов прошлого и их символического оформления. Одной из форм подобной символической переработки прошлого и ее репрезентации в настоящем является праздник.

Под культурной памятью в дальнейшем мы будем понимать одно из внешних измерений человеческой памяти, отвечающее за передачу смысла в культуре и через обращение к прошлому обосновывающее культурную идентичность вспоминающей группы (народа). Поддерживаемая общественными институтами, культурная память может быть актуализирована в большей или меньшей степени, а также может быть подвергнута трансформации или же более или менее полной замене путем применения различных практик «забвения» или, напротив, сохранения. Нам представляется необходимым также употребление термина *реконструкция*, когда речь идет о попытках вновь актуализировать символическую значимость какого-либо фрагмента истории культуры. «Культурная память направлена на фиксированные моменты в прошлом. В ней прошлое не может сохраняться как таковое. Прошлое скорее сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание» [Ассман, с. 54]. Специфика этих культурно сформированных, общественно обязательных «образов воспоминания» определяется следующими признаками: 1) отнесенность к конкретному времени и пространству, 2) отнесенность к конкретной группе и 3) воссоздание — как специфический для них способ действия. Фигурам воспоминания, как правило, присуще сакральное начало, и они нередко воплощаются в форме праздника.

Противопоставляя праздник и повседневность в бесписьменных культурах, Ассман говорит, что и культурная память в целом «есть орган не-повседневного воспоминания». Такого подхода придерживаются и некоторые другие исследователи, и нередко при интерпретации праздника как феномена культуры одним из основных посылов является то, что праздник — это противоположность обыденности. Такая постановка, пожалуй, продикто-

вана самой реальностью. В качестве примера можно привести советские праздники. Несмотря на то, что они не всегда были сопряжены с выходными днями, т. е. оставались включенными в будни, они все же являлись событием исключительным и исключаящим из повседневной жизни. Празднование годовщины Октябрьской революции (главный государственный праздник СССР) было сакральным по своей сути событием, обеспечивающим связь с «осевым временем», точкой отсчета новой эры, а потому праздник отмечался с большим размахом и предварялся длительным периодом тщательной подготовки.

В современной исследовательской литературе обозначен и подход, не противопоставляющий понятия «праздничное» и «повседневное», в рамках которого праздничная культура уже не рассматривается в контексте антиномии «праздник — повседневность». В такой интерпретации праздник в определенной степени перестает быть событием уникальным, и его устройство — это организация всевозможных «праздничных» мероприятий (имеется в виду использование средств технического тиражирования, многочисленные телепередачи, концерты, фестивали, в изобилии представленные в области медиакультуры). С этой точки зрения пространственные границы праздника становятся все более размытыми: теперь каждый с помощью телевидения или сети Интернет может «побывать» на праздничных мероприятиях, фактически на них не присутствуя. При этом праздник становится единичным событием, ни к чему не отсылающим и не имеющим продолжения или, наоборот, продолжающимся без основания, примером чего могут служить многочисленные субботние и воскресные телевизионные «праздники» (различные музыкальные и «юмористические» концерты, развлекательные передачи и т. п.).

В последнее десятилетие в России идет активный процесс «оживления» в обществе памяти о прошлом, и значительную роль в этом играет именно праздничная культура. Для культурной памяти важна не столько фактическая история, сколько история, воссозданная в воспоминании и преобразованная в миф, который также является фигурой воспоминания. Становясь мифом, история при этом не делается нереальной, напротив, только так она и может стать реальностью в смысле постоянной нормативной и формирующей силы. «Праздник предстает как актуализация первых времен мироздания, Urzeit, изначальной эры великого творения, когда все вещи, живые существа, социальные институты сложились в своей традиционной и окончательной форме» [Элиаде, с. 23]. «Новое погружение в вечность», которое происходит во время праздника, дает обществу возможность омолодиться, противостоять времени и обветшанию за счет воспоминания о золотом веке, а также возможность проведения параллелей с ним в настоящее. Немаловажное значение при этом обретают «места памяти» (термин П. Нора): праздники зачастую проводятся в пространстве, также наделенном сакральной силой. Так, религиозные праздники разворачиваются в храмах, святых местах; праздники, посвященные революции, — на площадях; торжества, призванные воскресить в памяти воспоминания о военных победах, — на местах сражений либо около памятников, символизирующих данные победы. Таким образом, пространство обретает мифический характер, «места памяти» становятся вехами, напоминающими о героях и их деяниях.

Поль Рикёр называет эти метки для памяти «указателями, призванными защищать от забвения» [Рикёр, с. 65]. Актуализация мифического прошлого происходит не только за счет нахождения в географическом пространстве или за счет воспоминания о событии. Чтобы вызвать в настоящем мифические образы, применяются самые различные приемы. С развитием технических средств передачи информации появилась возможность транслировать ее чрезвычайно широко. Если речь идет о памятных военных датах, то реализуется это и за счет показа хроник, и за счет съемки фильмов — новых «подтверждений» мифических событий. Как и в первобытном празднике, мифическое время и мифические герои «оживают» за счет перевоплощения живых носителей культурной памяти в своих умерших предков, яркий пример тому — театрализованные представления, инсценировки, разыгрывания событий прошлого. Роже Кайуа отмечает, что во время праздничного взрыва гражданские и административные власти «частично или полностью теряют свой авторитет, уступая его не столько регулярной касте священнослужителей, сколько тайным обществам или же выходцам с того света — лицедеям в масках, олицетворяющим богов или покойников» [Кайуа, с. 278]. До некоторой степени это актуально не только для первобытного праздника или средневековых карнавалов, но и для более поздних этапов развития общества. Однако для праздников, бытующих при тоталитарных режимах, это справедливо лишь отчасти: скорее, речь идет не о потере авторитета действующих властей (хотя бы и на время), но о еще большем закреплении и легитимации этого авторитета за счет «богов» и их славных деяний. На таких празднествах правители настоящего получают сакральное значение правителей прошлого и тем самым гарантируют свое будущее.

В то же время праздники обладают и собственной мифологической аурой. С течением времени складывается история появления праздника (в данном случае речь идет не о фактической истории, а именно о мифологической), традиции его празднования, расстановливающие акценты и закрепляющие праздники в пространстве культуры и в памяти. «Любой миф о происхождении дает нам и обосновывает какую-либо “новую ситуацию” — новую в том смысле, что она не существовала с самого начала мира. Мифы о происхождении продолжают и делают более полным и завершенным космогонический миф: они рассказывают, каким образом этот мир был изменен, обогащен или обеднен» [Элиаде, с. 26]. Подобные мифы о происхождении либо о существенной трансформации миропорядка продолжают бытовать и сейчас. Один из примеров современного мифа о празднике и его происхождении — День защитника Отечества, отмечаемый 23 февраля. Согласно истории возникновения праздника, он ознаменовал победу Красной армии над кайзеровскими войсками в 1918 г. Однако в газетах того времени не встречается никаких упоминаний о победах. Более того, известно, что в это время шло рассмотрение отнюдь не выгодных для Советской России условий мира, выдвинутых Германией, и Совет народных комиссаров эти условия принял. Официальная трактовка и окончательный вариант понимания сущности возникновения праздника отражены в «Кратком курсе истории ВКПб», появившемся в 1938 г.: «В ответ на брошенный партией и советским правительством клич “Социалистическое отечество в опас-

ности!» рабочий класс ответил усиленным формированием частей Красной армии. Молодые отряды новой армии — армии революционного народа — героически отражали натиск вооруженного до зубов германского хищника. Под Нарвой и Псковом немецким оккупантам был дан решительный отпор. Их продвижение на Петроград было приостановлено. День отпора войскам германского империализма — 23 февраля — стал днем рождения молодой Красной армии» [Краткий курс истории ВКП(б), с. 207]. Приведенный отрывок наглядно демонстрирует не только существование мифа о происхождении, но и применение практики «забвения»: новой власти потребовалось сместить исторические акценты с целью закрепления события как победного, что позволило бы вытеснить из памяти неприятные воспоминания, связанные с капитуляцией. Традиция ежегодного всенародного торжества закрепила праздник в массовом сознании и образ армии-победительницы — в культурной памяти.

Ю. М. Лотман отмечает, что культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, т. е. надиндивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых. «В этом смысле пространство культуры может быть определено как пространство некоторой общей памяти, то есть пространство, в пределах которого некоторые общие тексты могут сохраняться и актуализироваться. При этом актуализация их совершается в пределах некоторого смыслового инварианта, позволяющего говорить, что текст в контексте новой эпохи сохраняет, при всей вариантности истолкований, идентичность самому себе» [Лотман, с. 200–202]. Процессы переосмысления, изменения традиционного отношения к истории, к своему прошлому и прошлому человечества в целом характерны для истории культуры всех стран. Французский историк Пьер Нора пишет: «Мы живем в эпоху всемирного торжества памяти» [Нора, 2005]. В какой бы форме ни воплощались эти процессы, будь то формирование новых версий истории или их критика, собирание или уничтожение историко-культурных или архивных материалов, акцентирование одних исторических фактов и замалчивание других, все эти формы определенным образом фиксируют некие точки в прошлом, формируя тем самым особое восприятие не только индивидуальной истории, но и истории в ее глобальном аспекте. На протяжении истории культуры постоянно обнаруживаются «новые» факты, которые не столько обладают действительной новизной, сколько им придается значение новизны и значимости. Примером тому может служить вновь учрежденный праздник — День народного единства, отмечаемый 4 ноября. Исторической опорой празднику служат события XVII в. (освобождение Москвы от польских интервентов), приобретающие в современной социокультурной и политической ситуации новое звучание и несущие определенную смысловую нагрузку. День народного единства, на наш взгляд, являет собой пример одновременно и забвения, и реконструкции прошлого: с одной стороны, он как бы занимает нишу, освободившуюся после того, как 7 ноября утратило свой статус главного государственного праздника; с другой стороны — актуализирует символическую значимость событий, уже утраченную в обществе, и обретает новую мифологическую структуру.

В связи с подобными ситуациями Лотман пишет, что «меняется не только состав текстов, меняются сами тексты. Под влиянием новых кодов, которые используются для дешифровки текстов, отложившихся в памяти культуры в давно прошедшие времена, происходит смещение значимых и незначимых элементов структуры текста» [Лотман, с. 202]. Таким образом, для новых праздников характерно «извлечение» исторических фактов, событий из истории и придание им современного смысла, обставление их соответствующей мифологической структурой.

Духовный и идеологический вакуум, образовавшийся в России после 1991 г., в праздничной культуре восполнялся возрождением в сознании народа религиозных праздников, как языческих, так и монотеистических. Одним из следствий смены идеологических ориентиров стала значительная коммерциализация сферы культуры, включая и культуру праздничную. В связи с этим можно говорить о некоторой десакрализации праздника как одного из инструментов саморепрезентации власти.

Если советская эпоха строила новый вектор исторического отсчета, основываясь на отрицании и забвении предшествующей эпохи (царской России), то с начала 2000-х гг. можно наблюдать процесс возвращения к этим ценностям. К примеру, сейчас все больше говорится о том, что необходимо возвращение к традиционным православным ценностям, истокам русской культуры. Одно из последних предложений, отражающих данную тенденцию, высказал Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, который предложил учредить в России дополнительный церковный праздник в честь дня рождения святого благоверного князя Александра Невского и отмечать его 12 июня вместе с государственным праздником — Днем России. Это можно интерпретировать как попытку усилить в общественном сознании традиционную патриотическую составляющую этого праздника, апеллируя к памяти, к истории народа. Культурная память формируется веками, и в этом одно из ее отличий от коллективной памяти, которая существует в актуальном режиме лишь 80—100 лет. Система советских ценностей была разрушена с крушением СССР, и продолжительный период становления нового государства, сопровождавшийся социальным и финансовым кризисами, не позволил сложиться новой системе ценностей. В настоящее время День России не находит живого отклика среди населения, он не вызывает в культурной памяти никаких ассоциаций, в то время как память об Александре Невском сохраняется, фигура эта мифологизирована до крайней степени (в частности, образу Александра Невского в русской культурной памяти посвящен труд Ф. Б. Шенка).

Что позволяет поддерживать (или же трансформировать) культурную память? Один из способов — фиксация и передача «живых» воспоминаний о прошлом. Но, несмотря на то, что эта память субъективна, она отражает все же культурный, исторический контекст и структурируется как индивидуальным опытом, так и опытом общества в целом. В связи с этим Л. П. Репина отмечает, что «на социальное значение памяти, как и на ее внутреннюю структуру и способ передачи, мало воздействует ее соответствие реальности» [Репина, с. 326]. Дело в том, что когда речь идет о коллективной памяти, степень реальности

вспоминаемых событий не имеет столь же большого значения, как когда речь идет об истории как науке, где необходимо стремление к наибольшей объективности.

Еще один механизм закрепления культурной памяти, имеющий отношение к праздничной культуре наряду с воспоминанием, — *семиотизация пространства*. «Искусство запоминания работает с воображаемым пространством, помнящая культура — с расстановкой знаков в естественном пространстве» [Йейтс]. Закрепить культурную память призваны «пункты фиксации»¹. Однако на протяжении истории можно привести немало примеров попыток «скорректировать» культурную память за счет уничтожения прежних «мест памяти» и установления новых либо же дать новые трактовки их смыслов. При расстановке памятных знаков семиотизируются не только «памятники», но и само пространство, в котором они помещены. Применительно к праздничной культуре речь также идет не только о конкретных памятниках как о знаках, но и о целых местностях, которые становятся средствами передачи культурной памяти. Одним из ярких примеров в праздничной культуре России является День Победы, отмечаемый 9 мая. «Места памяти рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет, а значит — нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными» [Нора, 1999, с. 26—27]. Таким образом, места памяти призваны заменить «живую» память о прошлом, они служат постоянным напоминанием о том, что именно надо удержать в памяти. Поэтому не случайно при смене режима и политической идеологии, как правило, в первую очередь уничтожаются памятники — еще один вариант культурной практики «забвения». Так, сразу после путча 1991 г. в Москве толпой был демонтирован памятник Ф. Э. Дзержинскому — как символ политических репрессий советского времени.

Ассман подчеркивает, что культурному воспоминанию присуще нечто сакральное. Фигуры воспоминания имеют религиозный смысл, и воскрешение их в памяти часто происходит в форме праздника. «Праздник служит — кроме многих других функций — также воскрешению в памяти обосновывающего прошлого. Обосновывается через обращение к прошлому не что иное, как идентичность вспоминающей группы. Это не повседневная идентичность. Коллективным идентичностям присуща торжественность, приподнятость над уровнем повседневности» [Ассман, с. 55]. Так, в день празднования Победы вновь актуализируются события военных лет, при этом особое значение и торжественный размах приобретают именно памятные места и праздничные мероприятия в городах-героях. Своим существованием они как бы подтверждают подлинность и неизбежность воспоминаний об этой войне. Не менее важны и воспоминания о погибших, о тех, благодаря кому стала возможна победа. Память о них призвана обеспечить связь прошлого с настоящим, обеспечить связь между

¹ Например, Я. Ассман приводит в качестве одного из примеров египетские пирамиды [см.: Ассман].

поколениями. Таким образом, поколение, вспоминая подвиги погибших, становится сопричастным этим подвигам и словно бы принимает на себя славу, добытую в бою предками. В такой логике потомки победителей также являются победителями. «В социальной группе память о ее умерших членах очень важна для ощущения принадлежности к группе, поскольку свидетельствует о давности существования группы во времени, является частью ее истории и традиции, сопричастными которой ощущают себя все ее члены» [Арнаутова, с. 177].

В последние годы нередко можно слышать о том, что ход и итоги Второй мировой войны переоцениваются, переоценивается роль в ней стран-участниц, и ущерб, нанесенный этой войной. Безусловно, огромную роль играют и применяемые механизмы запоминания и забвения. Так, одной из форм сохранения памяти о прошлом может считаться создание архивов, книгохранилищ, которые являются составляющими так называемого «третьего мира» (концепция, разработанная К. Поппером), уничтожение которого грозит невозможностью воссоздания, реконструирования культуры. Как известно, одним из противоположно направленных процессов в истории является целенаправленное стирание фрагментов культурной памяти. Формам запоминания и удержания соответствуют отрицательные формы забвения путем складирования, а также вытеснения путем манипулирования, цензуры, уничтожения, переписывания и подмены [Ассман, с. 23]. Например, известную практику сжигания книг Т. Вернер интерпретировал не только как способ изъятия у читателя возможности получения информации, но и как радикальный способ изъятия данного фрагмента информации (воспоминания, *anamnesis*) из коллективной памяти, форму забывания [цит. по Арнаутова, с. 181]. В связи с этим можно говорить об «альянсе власти и забвения» (Ассман), когда власть доступными ей средствами, в частности через контроль над коммуникацией и с помощью технических достижений, сопротивляется влиянию истории и выстраивает свою версию прошлого, вплоть до полного его отрицания. Как пишет П. Нора, память — это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим, а история — репрезентация прошлого. «Память в силу своей чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны» [Нора, 1999, с. 20]. Из истории культуры России подобных примеров можно привести немало. Пожалуй, каждая эпоха «отбирала» только те исторические вехи, которые позволяли ей укрепить собственную значимость, и старалась забыть о том, что ставило под сомнение эту значимость. Процесс передачи культурной памяти всегда сопровождается отбором и упорядочиванием фактов, их трактовкой в соответствии с задачами на настоящее и будущее. При этом идеология, главенствующая в ту или иную эпоху, имеет немаловажное значение. «То, что искажает социальную память, представляет собой не какой-то дефект в процессе воспоминания, но скорее серию внешних ограничений» [Репина, с. 326]. Рассмотрение этих ограничений также является частью изучения историко-культурного контекста, формирующего память о прошлом. «Каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (то есть хранить), а что подлежит забвению» [Лотман, с. 200]. Так, например, известно, что Екатерина II приказала навсегда забыть о бунте Емельяна Пугачева, предать его забвению, и

всякие упоминания о нем были запрещены. Запрет этот строго соблюдался и не был отменен и после смерти императрицы. Когда же в 1833 г. А. С. Пушкин написал «Историю Пугачева» и, казалось бы, она должна была стать актуальной после стольких лет забвения, она не вызвала живого интереса современников поэта, не будучи в то время востребованной. Любой факт, любое событие из прошлого должны быть востребованы в настоящем или будущем. Вспоминается только то, что имеет значение, а то, чему значения не придается, может быть стерто из памяти как несуществовавшее вовсе.

Рассматривая праздник в контексте культурной памяти, следует отметить еще одно обстоятельство — культурную идентичность социума (народа, нации, индивидуума), принимающего или отторгающего праздник. Культурная память неизбежно соотносится с социальными группами, что и делает ее актуальной, она всегда ориентируется на современную ситуацию. Тексты и ритуалы фиксируют культурную память, а с помощью специальных носителей культурная память интерпретируется, сохраняется и институционализируется. Культурной памяти «присущи ценностность, релевантность и рефлексивность, поскольку интерпретация культурной памяти и воплощение ее на практике помогает социальной группе сформировать свой образ, свое представление о прошлом» [Эксле, с. 39]. Носителями культурной памяти являются те, кто обладает «неповседневными» знаниями — иными словами, знаниями, не доступными для большинства. К числу таких носителей культурной памяти Ассман относит шаманов, бардов, жрецов, учителей, художников, писателей, ученых и т. д. «В бесписьменных обществах специализация носителей памяти связана с теми требованиями, какие предъявляются к их памяти. Самым высоким требованием считается требование дословного воспроизведения традиции» [Ассман, с. 57]. Исторически праздничное время было временем такого воспроизведения традиции, и роль носителей культурной памяти (тех же шаманов) была невероятно значима. В настоящее время вопрос о носителях культурной памяти, их роли в созидании праздничной культуры является дискуссионным. С одной стороны, к числу ее носителей можно по-прежнему отнести интеллектуальную элиту общества (писателей, ученых, художников), с другой стороны, в России складывается ситуация, при которой авторитет данной группы в обществе уже не столь велик, как это было, например, в эпоху социализма, когда идеологический вектор этих носителей был определяющим. В то же время формирование, хранение и передача культурной памяти в современном обществе во многом обусловлены средствами технической воспроизводимости, значение которых также может рассматриваться с разных точек зрения. С развитием техники и технологий отпала необходимость запоминания и передачи смысла событий отдельным человеком, и до некоторой степени отпал риск утери этих воспоминаний. Однако общедоступность знания, которое прежде было доступно только «шаману», избранным, ведет к размыванию смыслов культуры. Отметим и еще одно следствие того, что функция носителей памяти о прошлом во многом утрачивает свою уникальность: несмотря на доступность информации, общество не испытывает потребности в знаниях, зафиксированных в пластах культурной памяти, все больше полагаясь на внешние носители.

Актуальность памяти, говорит П. Нора, определяется тем, что «прошлое перестало быть гарантией будущего, а потому память превратилась в движущую силу, в обещание преемственности» [Нора, 2005]. Изучение праздника как организационной формы культурной памяти представляется сегодня одним из наиболее продуктивных методологических подходов, поскольку рождение новой праздничной культуры в современной России сопряжено с обращением к культурному наследию и появлением иных трактовок истории. Говорить о создании нового варианта историко-культурной памяти и его закреплении с помощью праздника не только в официальном праздничном календаре, но и в общественном сознании станет возможно только в случае обеспечения исторической и культурной преемственности, поддержанной традициями, иначе будет утеряно смысловое наполнение праздника.

Арнаутова Ю. Е. От мемуа к «истории памяти» // *Одиссей* – 2003. М., 2003. С. 170–198.

Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М., 2004.

История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс [Электронный ресурс]. М., 1945. URL: http://lib.ru/DIALEKTIKA/kr_vkpb.txt (дата обращения: 30.12.2010)

Йейтс Ф. Искусство памяти / Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга». М., 1997.

Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М., 2003.

Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // *Лотман Ю. М. Избр. ст.* : в 3 т. Т. 1. Таллин, 1992.

Нора П. Всемирное торжество памяти [Электронный ресурс] // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2/3 (40/41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/> (дата обращения: 12.12.2010).

Нора П. Проблематика мест памяти [Электронный ресурс] // *Франция-память* / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб., 1999. С. 17–50. URL: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memoire-Nora.html> (дата обращения: 12.12.2010).

Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.

Репина Л. П. Коллективная память и мифы исторического сознания // *Сотворение Истории. Человек – Память – Текст* / отв. редактор Е. А. Вишленкова. Казань, 2001. С. 321–343.

Рикер П. Память, история, забвение. : пер. с фр. М., 2004.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память [Электронный ресурс] // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2/3 (40/41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/> (дата обращения: 10.12.2010).

Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / авториз. пер. с нем. Е. Земсковой и М. Лавринович. М., 2007.

Эксле О.Г. Аристократия, мемуа и культурная память // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени* / отв. ред. Л. П. Репина. М., 2003. С. 38–51.

Элиаде М. Аспекты мифа : пер. с фр. М., 2000.

Статья поступила в редакцию 03.09.2010 г.

УДК 159.963.382 + 39:008 + 398.7

Е. И. Рабинович**СНОВИДЕНИЕ КАК МЕХАНИЗМ МОДЕРНИЗАЦИИ
ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ТИБЕТА**

Анализируется роль сновидений как механизма внедрения культурных новаций в традиционной тибето-буддийской культуре. Рассматриваются пути внесения новаций, т. е. механизмы изменения консервативной традиционной культуры.

К л ю ч е в ы е с л о в а: сон, сновидения, традиционная культура, Тибет, модернизация и механизмы изменения традиционной культуры.

Содержание сновидений представителя определенной культуры детерминировано набором представлений, существующих в данной культуре, либо стереотипные образы возникают не в самих снах, но в процессе их припоминания и рассказывания [см.: Успенский, с. 32]. Американский антрополог Д. С. Линкольн ввел термин «культурная модель сновидений», который подразумевает, что люди видят сны в пределах образцов, заданных культурой [см.: Lincoln, p. 22]. В силу своей культурной обусловленности сновидения могут стать объектом культурологических изысканий.

Поскольку сны следуют культурной модели сновидений, они бесспорно консервативны, однако в пределах той же культурной модели обладают инновационным потенциалом. Практически повсеместно распространенная вера в сакральный источник сновидений становится причиной сакрализации самих сновидений. Если сновидениям обычного человека не придается большого значения, то отношение к сновидениям политических и религиозных лидеров иное. Во многих культурах считалось, что сновидения человека, от которого зависит благосостояние общества, адресованы не ему лично, но всему социуму и потому зачастую имеют решающее значение для его выживания. Такое отношение наблюдается к снам жрецов, шаманов, пророков, святых — как имеющих особенно близкую связь с сакральным источником сновидений.

Особенно значима роль сновидений в консервативных культурах. В этих сообществах принципиально важные, структурообразующие элементы культуры сакрализованы, а следовательно, любое их изменение является нарушением божественных установлений. При изменении исторических условий, когда старые структуры общества оказываются нежизнеспособны, откровения, полученные во сне, могут позволить заменить прежние структуры на новые, явленные через сон. Согласно данным, полученным при полевых антропологических исследованиях в различных сообществах, сообщения о сновидениях могут передать политические послания и обеспечить помощь сообществу, переживающему общинные кризисы. Например, шаманы мапуче (Южная Америка) не занимают постоянное положение в политической организации своих сообществ, однако принимают активное участие в разрешении проблемных ситуаций, поскольку через свои сновидения они корректируют старые или вводят новые

нормы, что позволяет преодолеть кризис [см.: Degard, p. 93]. В Папуа — Новой Гвинее описан случай, когда шаманские сны о Боге, Иисусе, Святом Духе и ангелах заставили асабано нагорья обратиться в христианство, «разъяснили и установили сверхъестественную власть Библии и письма, преобразив социальную структуру» [Lohmann, p. 867]¹. Таким образом, сны шаманов помогли разрешить казавшееся неразрешимым противоречие между верой предков и активно внедрявшимся христианством.

Сновидения, выполняя функцию урегулирования внутрикультурных противоречий, нередко являются единственным средством обеспечения физического выживания сообщества. Значение, которое придается сновидениям в традиционных культурах, позволяет нам предположить, что в этих культурах сновидения выполняют ряд принципиально значимых культурных функций. На наш взгляд, важнейшая из этих функций — внедрение культурных новаций в традиционном сообществе. Наиболее ярко это можно показать на примере традиционной тибето-буддийской культуры. Тибето-буддийская традиция отношения к сновидениям представляет особый интерес, поскольку зафиксирована в большом количестве письменных источников, особенно в агиографической литературе, что значительно облегчает ее изучение.

Тибетская традиция использования сновидений как метода внедрения культурных новаций не является автохтонной. Анализ этой традиции позволяет нам сделать вывод, что она использует уже выработанную в рамках индийского буддизма схему внедрения новаций в религиозную практику. Проверенным временем образцом для создания и идеологического обоснования тибетской традиции стало движение махасидхов (санскр. 'достигший полного совершенства'), время существования которого в Индии приблизительно датируется VIII — XII вв. (некоторые исследователи считают началом движения III в. [см.: Sanderson, p. 87]). Время инкорпорации методов, выработанных махасидхами, в монастырскую обрядность, составление письменных текстов, их кодификация и унификация, согласно оценке современных исследователей, X—XI вв. [см.: Samuel, p. 270]. Буддийские махасидхи — центральный идеал святости тантрического буддизма, или ваджраяны, последней ступени развития в индийском буддизме, перенесенной отсюда в Китай, Японию, Юго-Восточную Азию, и в особенности в Тибет и Монголию, где безраздельно доминирует до наших дней [см.: Ray, 2005, p. 5603b].

Движение махасидхов возникает как ответ на политический и экономический кризис в раннесредневековой Индии, вызвавший регионализацию индийских государств, волны переселений, политическую нестабильность и все большее значение каст и региональных ценностей. Буддийские общины столкнулись со сдвигом интеллектуальных ценностей в сторону брахманистских моделей и потерей интеллектуальных центров тяжести [см.: Davidson 2005, p. 371]. Буддизм в Индии ко времени появления движения махасидхов представлял собой развитую, стабильную систему, в которой все аспекты жизни его

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

последователей были строго регламентированы и освящены авторитетом священных текстов. По этой причине любые изменения этой канонизированной системы понимались как искажение Слов Будды. В условиях жесточайшего социально-политического кризиса на Индийском субконтиненте буддийские общины были поставлены на грань исчезновения, и единственным выходом являлась структурная трансформация всей религиозной системы буддизма. При этом любая возможная модернизация вступала в кажущееся непримиримым противоречие с консерватизмом системы. Выход из этой ситуации был найден в рамках движения махасиддхов. Для легализации нового тантрийского учения в качестве источника своей доктрины они указывали на откровения, полученные от божеств в мистических переживаниях — снах и видениях. Линия передачи Самвара-тантры описывается происходящей от Будды Ваджрадхары к бодхисатве Ваджрапани, который передал ее махасиддхе Сарахе, последний же изложил ее махасиддхе Луиве, через учеников которого она распространилась в Индии и Тибете [см.: Гой-лоцава Шоннупэл, с. 216]. Другие линии передачи учения возводятся к другим божествам, таким как Ваджрарахи [см.: Gray, p. 40].

Формы, которые приняло движение сиддхов, детерминированы социальными изменениями в индийском обществе, но вместе с тем модель так называемых буддийских «лесных отшельников», которой следовали сиддхи, традиционна для буддийского типа культуры начиная с легендарной биографии Будды Шакьямуни [см.: Ray, 1999, p. 434–447]. Использование махасиддхами снов, видений, мистических переживаний в качестве источника мистических учений было основано на прецедентах, которые можно было извлечь из более ранней традиции. В первую очередь образцом такого рода использования сновидений служат жития основателя буддизма [см.: Wayman, p. 400, 403, 405]. По причине авторитета общеизвестных агиографий Будды Шакьямуни, в буддийской культуре того времени (VIII–XII вв.) вера в истинность снов и видений святых была распространена повсеместно. Механизм включения в канон новых текстов с указанием на сны и видения как их источник был отчасти использован и при утверждении канона махаяны, поскольку считалось, что «последователи Будды, достигшие высокого уровня духовной реализации, могут в снах или трансовых состояниях посещать Будд и получать от них подлинные учения, в том числе махаянские сутры» [Walser, p. 289].

На основе этой веры махасиддхи объявили сны и видения источником мистических учений, причем не противоречащих учению Будды Шакьямуни, а напротив, либо происходящих от него, либо в полной мере согласующихся с его духом. По всей видимости, только такое мифологическое обоснование легитимности инновационных изменений было возможно в традиционной буддийской культуре. Методичное воспроизведение этой идеологической конструкции в индо-буддийских текстах и длительное историческое функционирование именно такого способа внедрения и легитимации новаций говорит как о его глубокой укорененности в мировоззрении представителей традиционных сообществ, так и о чрезвычайной действенности этого подхода в рамках культур подобного типа.

Буддийские сиддхи вынуждали монастырских буддистов использовать новые ритуалы и йогические системы, разрабатывать новые формы герменевтики, осмысливать быстро развивающуюся иконографию и создавать новый канон, включая в него тантры, переданные сиддхам божествами [см.: Davidson, 2005, р. 372]. К концу X — началу XI в. полное объединение тантр с монашеским образом жизни уже было в значительной степени произведено и тысячи текстов были записаны, распространялись и институционализировались. Массовое внедрение махасиддхами новаций, объявленных данными божествами в снах и видениях, и включение этих новшеств в монастырский буддизм оформились в буддизм ваджраяны. Инновации сиддхов помогли сохранить большие монастыри и остановить поток новых индуистских традиций, широкой волной накатывавшийся с юга [см.: Davidson, 2002, р. 338–339].

Тантрический буддизм проникает в Тибет в VIII в. Наиболее значимой фигурой для ранней истории буддизма в Тибете являлся Падмасамбхава — один из участников мистического движения махасиддхов [см.: Абхаядатта, с. 272]. Согласно доктрине тибетской буддийской школы *нингма*, разделяемой отчасти и рядом других школ тибетского буддизма, в VIII в. Падмасамбхавой были сокрыты клады из текстов и реликвий, называемые *терма* (*gter ma*). Открыватели кладов-терма, действовавшие с XI в. и до наших дней, получили название *тертонов* (*gter ston*). Считалось, что тертоны, находившие учения-терма с XI в. и до наших дней, в одном из своих прошлых воплощений являлись учениками Падмасамбхавы, получившими от него еще в VIII в. как будущее учение-терма, так и пророчество о нахождении этого учения [см.: Тулку Тондуб, с. 59–64].

Обыкновенно «скрытые сокровища» обнаруживались тертонами в их снах и видениях. Некоторые тертоны специально вырабатывали у себя привычку вести своеобразные дневники снов, в которые по пробуждении записывали содержание сновидений, поскольку они понимались как значимые религиозные инструкции [см.: Karmau, р. 5, 13]. Традиция указания в качестве источника учения-терма откровения, полученного во сне, существует в тибетском буддизме и в наши дни. Тертоны, отождествляя себя с учениками Падмасамбхавы, жившими в VIII в., опосредованно примыкали к движению махасиддхов, подражая последним как в деятельности по открытию и распространению новых учений, так и во внешнем облике и манере поведения (ношение длинных волос, декларируемая сексуальность и социально неприемлемое поведение) [см.: Baker, Laird]. Выработанный индийскими махасиддхами механизм внесения новаций был заново использован тибетскими тертонами.

Получение учений в снах и видениях дало возможность легитимного внесения новаций в религиозную практику. Внося изменения в религиозную практику, пронизывающую все стороны жизни тибетцев, полученные в снах и видениях терма меняли саму тибетскую культуру, отвечая на актуальные вызовы времени. Открытие новых учений в снах и видениях стало своеобразным методом саморегуляции тибетской культуры, методом, формально отрицающим всякую новизну, поскольку утверждалось, что вновь открытые учения записаны в древности и, следовательно, не являются новыми.

За время своего существования с XI в. и до наших дней внедрение учений терма, открытых в снах и видениях, оказало огромное влияние на тибетскую культуру, неоднократно радикально изменяя многие ее аспекты. Внедрение культурных новаций изменило представление последователей тибетского буддизма о смерти (терма Карма Лингпы, т. н. Тибетская книга мертвых). Поскольку учения-терма содержали исторические сочинения, то можно сказать, что эта традиция оказала влияние не только на настоящее культуры, но и на ее прошлое, изменяя представление тибетцев о своей истории [см.: Савицкий, с. 225–227]. Как терма вводились и медицинские трактаты. Одной из самых красочных религиозных церемоний в северо-буддийском мире являются ритуальные танцы цам, в которых монахи в масках и ярких одеждах изображают подвиги буддийских святых. Бутанская традиция танцев цам происходит из сновидения тертона Пема Лингпа (1450–1521) и поддерживается в Бутане до сих пор [см.: Aris, p. 40]. Видение божеств во сне — один из важных источников тибетского иконографического канона и одна из причин его обширности. Например, тертон Мингьюр Дордже не только сам создал целый ряд изображений явившихся ему в сновидениях божеств, но и оставил записанные под диктовку божеств во сне подробные иконографические описания последних. Здесь мы имеем дело «со своеобразным “реализмом”, поскольку божество должно было изображаться в точности так, как оно выглядело, явившись во сне» [Stein, p. 282].

Любые значительные визионерские опыты, возникавшие в снах и видениях, подпитывали буддийскую мифологическую картину мира и в этом качестве бесспорно поощрялись руководителями различных религиозных структур. Однако попытки сакрализации этих опытов, которые могли изменить ритуальные каноны (а значит, покуситься на чью-то монополию в этой области), как правило, пресекались. Возможно, что именно это является одной из главных причин того, что в школе гелуг (фактически правившей в Тибете в эпоху далай-лам), а до этого в школе сакья (стоявшей у власти в XIII–XIV вв.) наиболее последовательно не принималась традиция терма как несущая угрозу монополии и этих школ в ряде областей духовной и светской жизни тибетского социума.

Очевидно, что не только для тибетского общества, но и для любого социума и его властных структур внедрение новаций на основе личного мистического опыта представляет серьезную опасность. Поощрение и бесконтрольное внедрение в культуру инноваций (к тому же происходящих из трансперсональных переживаний, сакрализованных в традиционных культурах) способны не только подорвать стабильность, но и привести к полному разрушению ее основных структур. Это прекрасно понимали и сами носители этих традиций: даже в рамках школы нингма (в которой и появляется традиция терма) возникает целая система защиты от разрушительного потенциала этой традиции.

Анализ периода жизни известных тертонов позволяет нам сделать вывод о их наибольшей активности в кризисные времена тибетской истории, сопровождавшиеся социально-экономической нестабильностью, когда бесконтрольное внедрение в культуру новых элементов могло привести к катастрофическим последствиям. Появлением наибольшего количества тертонов отмечены XI–II, XVII и XIX вв.

XI—XII вв. — это время нового политического и экономического возрождения Тибета, а также время появления новых буддийских школ, быстро укрепивших свой авторитет и политическую власть. Появившиеся в этот период буддийские традиции получили название *сарма* (новые). Они противопоставляли себя школе *нингма* (старые) и открыто критиковали ее учения, поскольку политическое и экономическое влияние школ «было глубоко связано с общественной демонстрацией превосходства собственной религиозной традиции над другими» [Doctor, p. 31]. Ответом на эту критику выступило внедрение в религиозную практику нингма традиции обнаружения учений-терма для подтверждения аутентичности собственной традиции.

Несколько позднее подход к включениям инноваций через пророческие сновидения, открытый сиддхами, начинает активно использоваться и отрицавшими традицию терма представителями школ сарма. Теперь уже указание на махасиддхов, являющихся в снах и видениях их тибетских преемников, становится основанием для появления и канонизации новых учений, как, к примеру, в случае с сакьяским иерархом Саченом Кунга Ньингпо (XI—XII вв.), который в сновидении получил от махасиддхи Вирупы краткую версию учения Ламдрэ, впоследствии ставшего одной из центральных доктрин школы сакья [см.: Davidson, 2005, p. 317, 320]. Основатель школы *другпа кагью* Цангпа Гьяре (1161—1211) обнаруживает тексты, о которых утверждается, что они написаны Наропой и скрыты Марпой [см.: Roberts, p. 12]. Происхождение учения от индийских махасиддхов становится необходимым для удостоверения подлинности и конкурентоспособности тибето-буддийских школ и стоящих за ними аристократических кланов. Так, сновидения стали серьезным оружием в борьбе за религиозный авторитет и политическую власть между тибетскими школами и кланами в период «новых переводов».

XVII в. — время окончательного оформления в Тибете теократического государства далай-лам, когда наивысшим социальным статусом стал статус монаха, а крупнейшими феодалами — монастыри-университеты. В это время появляется феноменально большое количество тертонов в школе нингма, что было вызвано необходимостью защитить учение школы от нападков извне, а также спровоцировать изменение школы изнутри — для большего соответствия духу эпохи.

В XVII в. внедрением в тибетское общество терма занимались не только представители школы нингма. Тертоном считался и живший в это время один из крупнейших политических деятелей тибетской истории Пятый Далай-лама (1617—1682), который радикально поменял политическое устройство Тибета, окончательно превратившегося при нем в теократическое государство [см.: Dudjom Rinpoche, p. 821—824]. Как многие тибетские новаторы, Пятый Далай-лама использовал уникальные возможности, которые внедрение терма предоставляло для изменения тибетского общества. Однако в целом использование традиции терма не типично для школы гелуг, что не отменяет использования представителями школы вещей сновидений как источника включения инноваций. Например, Тринадцатый Далай-лама включил монгольский образ Белого Старца (тиб. *rgan dkar*; монг. *Cagan Ebugen*) в Цам, ежегодно исполняемый

в Потале, как происходящий из сна, который Далай-лама увидел во время своего изгнания в Монголии (1904 — 1906) [см.: Nebesky-Wojkowitz, p. 65]. Множество популярных молитв и религиозных гимнов вводились в ритуальный обиход как явленные в снах. Очень часто сновидения, посланные богами, объявлялись причиной возведения ступ и монастырей.

XIX — начало XX в. — кризисный период в тибетской истории, когда архаичный политический и экономический уклад жизни не только переживает глубокий внутрисистемный кризис, но и сталкивается с сильнейшим давлением со стороны окружающих Тибет государств. Как ответ на эти вызовы появляется целый ряд новаций, указывающих своим источником сновидения. Особенно показательны здесь так называемое «обновленческое» несектарное движение *рис-мед* (*ris med*), внесшее крупные изменения в религиозную практику и оказавшее существенное влияние на тибетскую культуру в целом.

Итак, мы приходим к выводу, что индийские махасиддхи использовали веру в вещи сны и видения для обоснования подлинности новых учений, чем вызвали революционные изменения в буддийской культуре. Этот прием легального внедрения новаций в традиционном обществе был заново использован тибетскими тертонами. Тексты жанра терма — наиболее яркий пример тибетской религиозной литературы, указывающей своим источником мистические откровения, полученные в снах. Пики активности движения тертонов, совпадая с критическими периодами тибетской истории, являются ответом на вызовы времени, способом разрешения накопившихся противоречий. Метод внедрения новаций через явленные в снах и видениях учения был взят на вооружение всеми тибетскими элитами. Откровения, данные через сны, стали значимым методом борьбы за политическое господство и религиозный авторитет. Харизматические фигуры тибетской истории, оказывавшие значительное влияние на культуру всего северобуддийского региона, зачастую указывали на мистические откровения во снах как на источник своей реформаторской деятельности. В дальнейшем использование сновидений как механизма внедрения новаций стало своеобразным методом саморегуляции декларативно консервативной тибетской культуры. Таким образом, важнейшей культурной функцией сна и сновидений в условиях консервативной тибетской культуры можно считать законное, социально приемлемое привнесение новаций в культуру традиционного общества.

Вероятно, описанный нами путь внесения новаций является одним из немногих возможных в традиционном обществе, основа существования которого — связь с предками и поддержание стабильности любыми средствами. При этом традиционная культура не является неизменной, но представляет собой динамическую, изменяющуюся систему, где «неизменность» и «стабильность» часто носят декларативный характер. В действительности любая традиционная культура может быть названа неизменной и консервативной разве что в аспекте материальной культуры, в плане стабильности коэффициента вырабатываемой энергии, т. е. культуры, понимаемой в духе Лесли Уайта [см.: Уайт, с. 78, 83—108]. Возможно, принципиальной характеристикой традиционного общества могут являться не такие характеристики, как

стабильность и консерватизм, а совсем иной механизм модернизации его ключевых структур.

Абхайдатта. Львы Будды : жизнеописания восьмидесяти четырех сиддхов. СПб., 1996.
Гой-лоцава Шоннуэл. Синяя летопись : (история буддизма в Тибете, VI–XV вв.). СПб., 2001.

Савицкий Л. С. О некоторых особенностях тибетской литературы XIV – XVI вв. // Жанры и стили литератур Китая и Кореи. М., 1969. С. 223–232.

Тулку Тондуб Ринпоче. Тайные учения Тибета: объяснение тибетской буддийской традиции терма. СПб., 2006.

Уайт Л. Избранное. Эволюция культуры. М., 2004.

Успенский Б. А. Избранные труды : в 2 т. Т. 1 : Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994.

Aris M. Hidden treasures and secret lives: a study of Pemalingpa (1450–1521) and the sixth Dalai Lama (1683–1706). L. ; N. Y. , 1989.

Baker I. A. , Laird T. Der geheime Tempel von Tibet. Eine mystische Reise in die Welt des Tantra. Munchen, 2000.

Davidson R. M. Indian esoteric Buddhism : a social history of the Tantric movement. N. Y., 2002.

Davidson R. M. Tibetan renaissance : Tantric Buddhism in the rebirth of Tibetan culture. N. Y., 2005.

Degarrod L. N. Dreams and visions // Shamanism : an Encyclopedia of World Beliefs, Practices, and Culture. Oxford, 2004. P. 89–95.

Doctor A. Tibetan treasure literature: Revelation, Tradition, and Accomplishment in Visionary Buddhism. Ithaca, 2005.

Dudjom Rinpoche. The Nyingma School of Tibetan Buddhism. Its Fundamentals and History. Vol. 1. Boston, 1991.

Gray D. On Supreme Bliss : a Study of the History and Interpretation Of the Cakrasamvara Tantra. Doctoral dissertation. N. Y., 2001.

Karmay S. G. Dorje Lingpa and His Rediscovery of the «Gold Needle» in Bhutan // The Journal of Bhutan Studies. 2000. Vol. 2, n. 2, winter. P. 1–35.

Lincoln J. S. The Dream in Primitive Cultures. N. Y., 2004.

Lohmann R. I. Dreams and Shamanism (Papua New Guinea) // Shamanism : an Encyclopedia of World Beliefs, Practices, and Culture. Oxford, 2004. P. 865–869.

Nebesky-Wojkowitz R. de. Tibetan religious dances : Tibetan text and annotated translation of the Chams yig. Leyden, 1976.

Ray R. A. Buddhist saints in India : a study in Buddhist values and orientations. N. Y., 1999.

Ray R. A. Mahasiddhas // Encyclopedia of Religion. Second Edition. Vol. 8. N. Y., 2005. P. 5603–5606.

Roberts P. A. The biographies of Rechungpa: the evolution of a Tibetan hagiography. L., 2007.

Samuel G. The origins of yoga and tantra: Indic religions to the thirteenth century. Cambridge, 2008.

Sanderson A. Vajrayana: origin and function // Buddhism into the year 2000. Bangkok ; Los Angeles, 1995. P. 87–102.

Stein R. A. Tibetan Civilization. Stanford, 1972.

Walser J. Nagarjuna in context: Mahayana Buddhism and early Indian culture. N. Y., 2005.

Wayman A. Buddhist Insight : essey. Delhi, 1990.

Статья поступила в редакцию 07.09.2010 г.

УДК 7.031.2(=811.1) + 76.023.1

В. В. Авдеева

ИСТОКИ НАИВНОГО ИСКУССТВА ГЕРМАНИИ XX В.: СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ*

Рассматриваются истоки наивного искусства Германии. К числу источников художественной традиции относятся вотивная живопись (*ex voto*), живопись на стекле, народное искусство и непрофессиональное искусство. Описывается творчество наиболее ярких художников-любителей XIX — начала XX в. — О. Брарена и его учеников, К.-Х. Тегена, А. Трильхаза, Ф. Рамхольца и их взаимоотношений с профессиональным миром (к примеру, с объединением «Юная Рейнланд» в Дюссельдорфе).

Ключевые слова: наивное искусство Германии, национальная художественная традиция, вотивное искусство, живопись на стекле, народное искусство, непрофессиональное искусство.

Формирование немецкого наивного искусства XX в. генетически определяет национальная художественная традиция, в этом обнаруживается его идейно-эстетический смысл и преемственность. На наш взгляд, одним из первых источников немецкого наива является вотивная живопись (*ex voto*)¹, с характерной для нее дарственной функцией или выполненными по обету чудотворными изображениями. Также можно проследить преемственность наивного творчества от живописи на стекле (*die Hinterglassmalerei*)², до народного искусства (*die Volkskunst*), и, наконец, непрофессионального искусства XVII—XIX веков, или искусства любителей (*die Laienkunst*), отражающих родовую сущность немецкого народа. Именно эти вышеперечисленные источники определяют и объясняют во многом специфические художественные качества немецкого наива XX в.: декоративность, яркий колорит, различные техники обработки материалов, склонность к использованию библейских сюжетов.

* Статья написана при поддержке научно-исследовательского проекта № 8226 «Наивное искусство Германии 1990-х–2000-х гг.: проблема эстетической переориентации», выполнявшегося в рамках аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)» и программы «Иммануил Кант» Министерства образования и науки РФ и Германской службы академических обменов ДААД.

¹ Вотивное искусство — искусство религиозного характера, распространенное в XVII — XIX вв. в Западной Европе, в основном станковые работы, выполненные маслом на доске (по своим качествам схоже с явлением иконописного примитива в России). Основная цель вотивных изображений — исцеление больного, поэтому центральными персонажами становится образ святого или святой, также изображается болящий (в другом случае может быть выполнен даже больной орган — сердце, желудок и т. д.) и собственно сам заказчик, который дает обет. Сегодня можно встретить в действующих католических храмах, храмовых музеях.

² Живопись на стекле — разновидность непрофессионального искусства в Западной Европе, получившая свое развитие в XIX в. на территории Австро-Венгрии (Румыния, Бавария и др.), выполнение изображения на стекле. Центральные темы — канонические библейские сюжеты, могли также встречаться и апокрифические сцены, сюжеты из народного фольклора и народных сказаний. Эту традицию заимствовали в XX в. югославские наивные художники Хлебины (Хорватия). Известно, что В. Кандинский и Г. Мюнттер в начале XX в. коллекционировали образцы живописи на стекле Верхней Баварии (хранятся в Музее Г. Мюнттер в Мюнхене).

Обратимся к осмыслению одного из первых предполагаемых источников — вотивного творчества, характерного явления средневековой культуры Западной Европы, в частности Германии. Сакральное по своей сути, оно предназначалось для конкретного религиозного действия, смысл которого заключался в излечении, более того, в исцелении данного по обету или принесенному в дар (ил. 1). К примеру, в образцах вотивного творчества из сокровищницы Бамбергского музея мы наблюдаем сложившуюся на тот момент художественную традицию вотивных изображений [см.: Baumgaertel-Fleischmann]: боля-

1. Вотивная доска. Бавария. 1857

щий или любой другой, требующий исцеления, обращается в молитве к Богу, который дарует ему выздоровление. Как правило, главный персонаж изображен в молитвенной коленопреклоненной позе (как истинный верующий) непосредственно перед Богом или каким-либо святым. Или он смиренно зафиксирован у ложа больного, чтобы просить помощи для своего ближнего (супруга или ребенка), страдающего недугом. Порой трогательно и ненавязчиво разворачивается сокровенный момент участия и сопричастия акта исцеления (*ex voto*) жанрового характера. По сути, запечатлена жанровая сцена, в которой основным участником становится сам заказчик. Отчасти этот факт напоминает распространенную в Средневековье продажу индульгенций, расчетливого «спасения души и тела».

Однако, в отличие от последнего, акцент ставится не столько на возможность исцеления, сколько на сам процесс прямого обращения к Божественному — Богу либо святому. На наш взгляд, прием изображения главного героя по смыслу схож с византийскими ктиторскими композициями VII — XI вв., в которых главная роль отведена заказчику — ктитору, своего рода попытка сопоставления реального события с библейским описанием. В целом, современники оценивали роль вотивных досок (*die Votivtafel*) не очень высоко, лишь в качестве «документов древнего паломнического использования, как хороший пример ношения костюма или локальной истории, как источник народной медицины или деревенских привычек» [Hansmann, p. 5]. Тем не менее, с точки зрения

немецкого специалиста К. Хансмanna, вотивное творчество занимает значительное место, оказываясь в промежуточном положении между высоким искусством и первозданными низовыми традициями [см.: Hansmann, p. 5].

Второе художественное направление, ставшее одним из источников наивной живописи в XX столетии, — искусство росписи по стеклу (*die Hinterglasmalerei*). Известны также локальные разновидности этой живописи, например *die Bavarian Hinterglasmalerei* [см.: Jacob, p. 8], распространившаяся в XVII—XVIII вв. в Европе, в частности на юге Германии (Швабия, Бавария). Во многом яркий колористический строй был заимствован наивными мастерами XX в., привнеся наиболее оптимистический характер, лишенный внутреннего драматизма вотивного изображения. Тем не менее религиозные темы будут составлять основной репертуар живописи по стеклу того времени. В частности, лучезарность и светоночность данного направления можно наблюдать в собраниях Музея иконы Реклингхаузена и других музеев [Hinterglasbilder, 1948; 1977; 1996]. Своей природе она обязана одной из разновидностей собственно иконного письма (*Hinterglas-Ikonen*) [см.: Skrobucha], которое бытовало с XVII—XVIII вв. на территории тогдашней Румынии (ил. 2). Наиболее популярна живопись на стекле стала благодаря деятельности художественной школы Югославии (местная деревушка Хлебина) и ее представителям — Ивана Генералича (Ivan Generalić, 1914—1992), Кеши Драгана (Kezi Dragan, 1930—1983) и других местных мастеров, воплотивших традиции народной культуры Восточной Европы [см.: Crnković].

Третий источник — народное творчество Германии (*die Volkskunst*) — закономерно выстраивает цепочку заимствований с наивным направлением в XX в., поскольку народный промысел обязан своему развитию в среде определенных профессий — рыбаков, горняков, пастихов, внутри которых и закрепился «наивный» труд. В основном анонимный, не всегда благодарный, но одновременно важный вид творчества осваивался вместе, в одном пространстве с народным искусством на протяжении XVII — середины XIX в., особенно когда в XVIII в. нахлынувшая волна освободительных крестьянских движений в стране способствовала идеализации

2. Архангел Михаил. Румыния. Живопись на стекле. 1825. 60 × 50 см. Собрание Раммерга

примитивной сельской жизни Германии и формированию народного искусства (картины, живопись на мебели, посуде), имеющего сходные качества с наивным творчеством [см.: Schmidt, S. 13–16]. Вероятно, будучи своего рода отражением бытия или традиционного народного искусства, по Вагнеру [см.: Вагнер, с. 54], наивное искусство Германии во многом заимствует некоторые его качества. Среди них можно выделить, во-первых, декоративность (как особенность фахверковой техники, ткачество), стилизацию (изображения птиц и животных на концах ребер крыши); во-вторых, технику исполнения (резьба по дереву или сграффито с изображениями святых, библейских или жанровых сцен); в-третьих, нотки сатиры и иронии (примером тому служит лубочная гравюра на дереве периода Реформации и Крестьянской войны 1524–1525). В то же время специфика некоторых занятий предвосхитила немецкую наивную скульптуру, например известный промысел, связанный с производством деревянных игрушек: Зайффен — в Саксонии, Зоннеберг — в Тюрингии. Для горняков этот вариант дополнительного заработка, переросший в XVIII в. в основной вид деятельности, стал своего рода основой художественной традиции наивного искусства Германии. Известные еще с XVI в. игрушечные цехи (любоединения ремесленников), базирующиеся в Нюрнберге, Обераммергау (Верхняя Бавария), в Берхтесгадене (Верхняя Бавария), популяризировали религиозные темы: сцены распятия, изображения святых, выполненные с особым прагматизмом и скрупулезностью. Однако в XIX в. наряду с традиционными персонажами (щелкунчик в горняцком мундире; фигура ангела, служащая с подсвечником; курильщик) появляются и современные образы: самолеты, автомобили. К примеру, тема Ноева ковчега крепко закрепилась в наивном искусстве, став лейтмотивом всего непрофессионального искусства Германии. В целом можно утверждать, что тематический спектр игрушек более чем разнообразен. Он обусловлен «живым отношением к вещам», как тонко заметил В. Бенямин, утверждающий, «что из всех европейцев, вероятно, лишь немцы и русские наделены подлинным гением игрушки [цит. по: Хампельман & Матрешка]. Однако на рубеже XIX–XX вв. разорение кустарей и, как следствие, упадок художественных ремесел привели к шаблонности и приспособлению к мещанским вкусам ввиду распространения массовых фабричных изделий. Однако этот вид народной деятельности чудесным образом трансформировался в XX в. в наивном направлении искусства Германии, особенно в скульптуре.

Четвертым важным источником художественной традиции, на наш взгляд, следует считать творчество непрофессиональных художников XVIII–XIX вв., уроженцев северо-фризских островов О. Брарена (1787–1839) и его учеников — К. П. Хансена и Ж. А. Боэтиуса [см.: Schlee], так называемое любительское или самодеятельное искусство (*Laienkunst*). Эти художники интуитивно вышли на новый уровень восприятия действительности. Следуя мнению известного исследователя Бихали-Мерина, мы можем их отнести к наивным мастерам первого поколения, к которым можно причислить также Киссенджера из Халлштатта (Hallstatt), рабочего солеварни, угольщика Йохана Якоба Хаусверта (Hauswirth) и Гисевиуса (Gisevius), преподававшего в школе в Тильзите [см.: Bihalji-Merin, p. 124]. Самой яркой личностью в плеяде родо-

начальников наивной школы, развернувших свою деятельность в XIX в., становится школьный учитель Олуф Брарен. Есть достоверные сведения, что у Олуфа Брарера был ученик — Кристиан Петер Хансен, живший на острове Зильте в Северном море, который работал в жанрах пейзажа и портрета. Известна также деятельность Жана Арндта Боётиуса (Volltius), земляка Брарера, продолжающего так называемую этническую линию правдивым изображением жителей фризских островов Северного моря в национальных костюмах. Несомненно, эти непрофессиональные мастера с островов Северного моря жили в окружении своих традиций и обычаев прошлого, не тронутого цивилизацией, ясно понимая их значение, пишет Бихали-Мерин [Bihalji-Merin, p. 124].

В данном случае автор сознательно останавливается на творчестве последнего, наиболее яркого, по Н. Михайлову [Michailov, S. 238], художника из вышеперечисленных немецких мастеров, поскольку анализ его работ дает возможность наиболее точно интерпретировать наивных художников второй половины XX в. Опираясь на мнения многих специалистов, можно утверждать, что именно Олуф Брарен (1787—1839) — отправная фигура в нашем большом списке имен. Например, уже неоднократно упоминавшийся Бихали-Мерин расценивает его живопись как самое важное достижение среди наиболее ранних произведений непрофессиональных мастеров. Его точку зрения поддерживает немецкий исследователь Франц Рох: «По-моему, эта выдающаяся трагическая личность является высшей точкой немецкой непрофессиональной живописи до XX столетия» [цит. по: Bihalji-Merin]. Скупые биографические данные о мастере-самоучке, почерпнутые из работ О. Бихали-Мерина, Э. Шлее, Т. Гроховиака [Grohowskiak, S. 8], дают возможность по-новому взглянуть на становление немецкой наивной школы. С точки зрения уже упомянутого Бихали-Мерина, именно вынужденная маргинальность Олуфа Брарера «усилила его природные способности к выражению и привела к тому, что он начал изливать свою душу в живописи». В портретах Брарена «Девушка с острова Фёр», «Невеста на Фёре» (ил. 3) прослеживаются не столько черты классицизма с его строгой монументальностью и лаконичностью, сколько образность и знаковость искусства Северного Возрождения. Некая преемственность художественной системы этой эпохи в большей степени вызывает ассоциации с творчеством Лукаса Кранаха и Ганса Балдунга Грина [см.: Bihalji-Merin]. Характерно, что с Грином Брарера сближает и маньеристическое отношение к главному объекту творчества — человеку, в отличие от других мастеров этой эпо-

3. Олуф Брарен (Braren Oluf, 1787—1839) Девушка с острова Фёр. 1820/30

хи, которые поклоняются природе. За этим возрожденческим пафосом стоят: с одной стороны — «пристальное внимание к форме, к красоте линии и цвета, наслаждение зримым миром», с другой — «отсутствие искреннего чувства, глубокой эмоциональности» [Либман, с. 177]. Наблюдательность и точность видения научили мастера-самоучку умело расставлять акценты в цветовых сочетаниях, делать детальную проработку, выделять основную форму, тем самым нивелируя объемность. Бихали-Мерин считает, что «точное изображение Брарером в цвете местных костюмов вносит этническую нотку в немецкую живопись» [Bihalji-Merin, p. 126].

Закономерным продолжением наивной художественной традиции становится деятельность второго поколения наивов Германии. Следуя теории Бихали-Мерина, к ним можно отнести немецких художников рубежа XIX—XX вв. Адальберта Трильхаза (1859—1936) и Карла Кристиана Тегена (1883—1935). К предшественникам наивного направления с полным правом принадлежит и «образованный» наивный мастер Феликс Рамхольц (1868—1947), настоящее имя — Феликс Муха. По-видимому, опосредованный интерес к искусству у него возник не случайно. Известно, что отцом у Рамхольца был Георг Муха, преподаватель в Баухаузе [см.: Jacob, p. 8]. Под влиянием отца Феликс сформировался как полноценный ученый наивный мастер. В его мастерской висели работы Шагала, Пикассо, Франца Марка, Пауля Клее и Файнингера [см.: Bihalji-Merin, p. 128]. Когда Рамхольц сам приступил к занятиям живописью, он выбрал бытовой жанр, в котором его герои предстают в анекдотических ситуациях. Например, главными персонажами в работах «Пенсионер» и «Соломенный вдовец» становятся мужчины, которых либо выгнала из дома жена, либо он готовится к новому свиданию — гладит свой костюм, находясь при этом в нижнем белье.

Для более полного построения художественной традиции обратимся к знаковой фигуре наивного направления Германии, некому образцу творчества — личности Адальберта Трильхаза (1859—1936), обладающего схожей харизмой с Руссо Таможенником, только у себя на родине [Roh, S. 106—115]. И сегодня многие музеи считают за честь иметь в своей коллекции его работы; пользуясь случаем, они выставляют их на последних триеннале наивного искусства в Братиславе — Клеменс-музей, Нойс; Общество наивного искусства, Ганновер [Insita'91, p. 51]. Фигура Трильхаза занимает особое положение в представленном списке наивных художников наряду с уже упоминавшимся Феликсом Рамхольцем. Интересным фактом становится то, что Адальберт Трильхаз и его коллега Феликс Рамхольц были не просто немецкими самородками, ставшими классиками наивной живописи. Очевидно, что они позиционировали себя как представители официального мира искусства в силу рода занятий: кроме того, что они были художниками, Рамхольц и Трильхаз вели активную собирательную деятельность. В то же время Трильхаз был другом и соратником немецких художников [см.: Barth], работающих в Дюссельдорфе в конце 1910-х — начале 1930-х гг., в большей степени с Отто Диксом [см.: Jacob, p. 8]. Это тем более удивительно, что у Трильхаза осуществлялся тесный контакт с художниками своего поколения, поскольку «в то время он жил в Дюссельдорфе, знал всех художников “молодой Рейнской страны” [Krempel], которые часто бывали у

некоей матушки Джоанны Эй (прозвище) и чествовали ее как патриарха» [Roh, S. 106–115]. Фактически его творчество поощрялось немецкими реалистами 20-х гг. XX столетия, в особенности художниками дюссельдорфского круга — Отто Диксом, Отто Панкоком, Максом Эрнстом, которые находились под крылом известного мецената Джоанны Эй [см.: Barth]. Вместе с ними он стал выставляться начиная с 1924 г. [см.: Jacob]. По всей видимости, поэтому «его фантастический стиль не имеет ничего общего с народными традициями, которым следовали деревенские преподаватели-художники» [Bihalji-Merin, p. 126].

Анализируя библейские картины Трильхаза, обнаруживаем, что Библия воспринимается этим художником так же, как и мастерами Средневековья, в произведениях которых, отличающихся особой экзальтацией, никогда не искажалась религиозная тема. Трактую религиозные сюжеты, наивный мастер подключает свое воображение, которое «взрывает» условности в искусстве. С одной стороны, мастер занимается вопросами самоидентификации, самооценки (насколько он совершенен, самодостаточен). Изначально в каждой работе он как будто даже порой интуитивно противопоставляет себя тем героям, которые ему импонируют, оценка их поведения «оглашается» качествами самой работы. Как правило, мастер предпочитает насыщенную цветовую гамму. Примечательна работа «Иеффай и его дочь». В основе ее лежит сюжет «Дочь Иеффая выходит навстречу отцу». Это сложная композиция с выделением главных персонажей, которые всегда изображаются по принципу иерархии (значительно больше и монументальнее, чем второстепенные). Например, в «Танце золотому тельцу», «Низвержении во ад», сильно перегруженных фигурами, немецкий автор достигает эффекта динамичного движения, некоторой пульсации. Четко обозначается и сознательная деформация форм (например, в работе «Прометей» предельно трансформированы мощные тела, широкие торсы словно врастают в толщину листа). Кроме того, налицо упрощенность как составляющая сторона формотворчества, своеобразный почерк, который вызывает множество споров и неоднозначных оценок среди исследователей. Подвижный штрих, неровность, шероховатость письма, едва заметная угловатость линий отличают графические листы этого автора («Иосиф с женой Потифара», «Ветхозаветная сцена»). С другой стороны, определенно заметен наивно детский взгляд на предметы, который неразрывно связан с религиозным мировоззрением. В силу своего мышления наивист XX столетия не способен отделять окружающий мир от религиозных событий, описанных в Библии. В определенной степени искусство несет отпечаток наивности, даже если автор отваживается на религиозную тему. Очевидно, что Трильхаз выражает единое отношение к художественным формам мира, собственное видение которого сближает его работы с детским творчеством. Когда у Трильхаза с возрастом прорываются пережитые чувства, источник его детских фантазий начинает снова бурлить (свойство большинства наивов). По мнению Юлиана Роха, «в его картинах нет ничего подсмотренного или изученного». Они так же оригинальны, как произведения гениального ребенка, и почти ничем не отличаются от детских работ.

К самобытной радости автора присовокупляются мечтательные черты, интуитивно добавляются шуточные детали. Заметна невооруженным глазом

некоторая неуклюжесть почерка, изломанность. Именно эти признаки, по мнению специалиста Юлиана Роха, не позволяют автору достичь совершенства художественного уровня Руссо. В то время, когда многие другие наивисты вспоминают впечатления своей юности, этот художник переживает библейские истории так простодушно и беспомощно, так поэтически и выразительно, как они были описаны в Священных текстах. Когда читаешь в них историю продажи Иосифа, невольно размышляешь, кто прав: мастер Высокого Ренессанса или наивист Трильхаз? Принципиально сильной стороной немецкого художника является то, что он достаточно свободно интерпретирует библейский сюжет, будь то Ветхий или Новый Завет. Эта особенность заставляет выстроить гипотезу о нарождающейся художественной традиции в непрофессиональном направлении, которая красной нитью проходит через творчество наивных художников 50–90-х гг. XX в. Речь идет о так называемой библейской линии. К истокам ее становления следует отнести ряд основополагающих работ Трильхаза. Условно можно подразделить сюжеты полотен немецкого мастера на два блока — ветхозаветные и новозаветные. Первый блок обширен своей тематикой: от сотворения до грехопадения мира, добро-зло, начиная от пророческих книг Самуила (сюжеты «Царь Саул у волшебницы Аэндор»). Автор подробно останавливается на писаниях, или агиографах (Руфь, Плач Иеремии, Эсфирь и др.). Порой достаточно трудно обосновать появление тех или иных персонажей (собственно, это и не входит в наши задачи).

Обратимся лишь к некоторым из упомянутых работ. К примеру, в произведении «Царь Саул у волшебницы Аэндор» оживает мистически таинственная сцена, одна из самых впечатляющих во всем библейском цикле. Проблема самоидентификации очевидна, когда художник как бы сравнивает себя с бунтарским библейским царем, вступившим в противоборство с Самуилом. Иными словами, мастер дает понять, что пришло время расплаты за непослушание, а роковой приговор — как очевидная неизбежность человеческой судьбы. Отчасти художник соглашается с данной трактовкой жизнеустройства. Но в то же время он сам разделяет позицию Саула, сознательно перегружая левую часть холста добавлением прислуги, которая тоже его поддерживает. В полотне доминируют три главных образа, находящиеся между собой в психологической взаимосвязи. В левой части картины представлен главный герой — Саул — в одеянии красного цвета, контрастирующем с темным пространством картины. Напротив, за колдовским действием изображена ведьма, жестом руки указывающая на Саула. Ее окружают слуги черной магии: ворон, кот и сова. В центре полотна виден окутанный бледным облаком призрак Самуила, вещающий Саулу злой рок. На лицах испуганных слуг, сопровождающих его, лежат холодные блики. Примечательно изображение жилища ведьмы, написанное синим цветом на стенном панно, на котором художник изобразил эмблему искусства ведьм — одетую в белое женщину, стоящую на льве. Художник строит композицию картины на цветовых контрастах, на противопоставлении статичных персонажей.

В другом полотне — «Каин и Авель» («Убийство Авеля») — автор продолжает выстраивать художественную традицию «библейской линии». Немецкий художник сознательно соединил произошедшие один за другим два события:

принесение жертвы Авелем и убийство самого Авеля. Созданное в картине ощущение убийства из зависти приобретает глубокий смысл. Художник противопоставляет жизнь надменных крестьян простому кочевому существованию мирных пастухов. Ягненок, как это характерно для христианского искусства, является символом смерти Христа на кресте.

Следующий библейский сюжет, запечатленный художником, — «Сон Иакова» («Лестница Иакова»). Несомненно, мастер вновь выбирает интерпретацию классического варианта библейской истории. Трильхаз останавливается на кульминации события из жизни знаковой фигуры — Иакова, от которого фактически ведется генеалогия всех праотцев Израиля. Сын Исаака и Ревекки обманом получил отцовское благословение, тем самым обрушив на себя гнев своего брата Исава. Немецкий мастер рассматривает как раз момент бегства, когда Иаков по дороге в окрестностях Харанна мирно засыпает на горе. Трильхаза не случайно волнует история чудесного духовного нисхождения, поскольку искусство рассматривается в этом контексте как форма религиозного возрождения. Вспомним хотя бы подобную функцию средневекового творчества — введение к духовным сущностям. В данном произведении наивный художник реализует себя как мастер колорита. Перед зрителем предстает картина, которая повествует о том, как Иаков пришел на место, где решил заночевать. Так как солнце уже зашло, он взял камень, положил его под голову и лег спать. И приснилось ему, что стоит на земле лестница, вершина которой упирается в небо, а по ней спускаются и поднимаются ангелы. Наверху стоит Бог и говорит: «Я есть бог твоего отца и бог Исаака, землю, где ты лежишь, хочу я отдать тебе и твоим потомкам». Вновь в картине Трильхаза завораживает наивное изложение библейского сюжета, сочетающееся с вымышленным событием. Иаков расположился отдыхать в холмистой местности, леса которой простираются до горных вершин, на подушке из роз, запах которых услаждал его сон. Золотисто-коричневого цвета косули, изображенные под пальмами, смотрят на небесное явление. Как огромные бабочки вдоль лестницы порхают призрачные летающие существа — подобие ангелов. Луна нежно освещает небо с облачным шлейфом. Особенно поэтически действует здесь контраст между правдивым колоритом ландшафта и выделенным красками изображением спящего Иакова, тело которого освещено солнцем. Еще один ветхозаветный сюжет рассмотрен Трильхазом в картине «Руфь и Вооз». Обратимся к основной канве сюжета — тексту Книги Руфь, повествующей о важном событии из жизни предков царя Давида. Здесь, вероятно, ставится вопрос природы человеческих отношений, лежащих в глубине истории. Художник как бы приоткрывает ворота истины: всем ли даны такие идеальные отношения между мужчиной и женщиной, хозяином и его подчиненным.

Второй блок произведений Трильхаза связан с воплощением новозаветных сюжетов, в которых основной акцент ставится на христологическом ц и к л е. Доминирующий образ Иисуса Христа вновь обращает внимание на аспект самоидентификации создателя картины. Избранный персонаж посланника Бога как будто срастается с мироощущением художника. Тот же насыщенный колорит воплощается в сюжете «Отрок Иисус в храме среди своих

учителей», жизненно драматические образы запечатлены в графических листах «Отдых у реки», «Голова Христа», «Пригвождение к кресту». Драматизм, инсказательность, метафоричность — все эти стороны художественного языка Трильхаза свидетельствуют о зарождении характерной традиции наивного искусства Германии, или «библейской линии». К примеру, многофигурная сцена в «Проповеди у реки» («Проповеди Иисуса у моря Галилейского») в большей мере строится на передаче экспрессивных образов, незаметно перерастающих в еди-

4. Адальберт Трильхаз (Trillhaase, Adalbert, 1859–1936). Голова Христа. 1930-е. Бумага, уголь.

ное тело, изголовьем которого становится тело Христа. Пронизывающе трогательным циклом Трильхаза можно считать интерпретацию страстей Господних, где тему мученичества, жертвенности с невероятной силой подчеркивает нарастающий драматизм значимого религиозного события. Начиная со сцены «Входа в Иерусалим», также «Голова Христа» (ил. 4), «Поругание Христа» (ил. 5), «Христа пригвозждают к кресту» и вплоть до «Воскрешения Христа», «Мучения первых христиан» — все эти сюжеты определенным образом выявляют неоднозначный взгляд автора на происходящие события в политической жизни Германии. То было время расцвета столь ненавистной многим Веймарской республики, когда национальный дух народа был низвергнут, распят, как великий мученик. Лишь скрытым (аллегорическим) языком можно было передать мрачные настроения на-

5. Адальберт Трильхаз (Adalbert Trillhaase, 1859–1936). Поругание Христа. 1930-е. Холст, масло

рода. Убедительное возрождение немецкой нации, обретение ею истинного лица выражается наиболее полно в работах «Добрый самаритянин», «Апостол Петр проповедует иудеям». Иными словами, речь идет, в отличие от предыдущих работ, о более оптимистическом настрое Трильхаза относительно будущего Германии.

Итак, наивное искусство Германии изначально вбирает глубинную художественную традицию: в первую очередь — votivное искусство (*ex voto*) с его дарственной функцией или выполненными по обету чудотворными изображениями, живопись на стекле (*Hinterglassmalerei*), а также народное искусство, отражающее родовую сущность немецкого народа, деятельность художников-любителей XVIII—XIX вв., живших на северофризских островах, среди которых главенствует фигура Олуфа Брарена. Завершают эту группу источников художники начала XX в. Трильхаз, Теген, Рамхольц, представляющие идеал наивного художника Германии, который не просто занимается иллюстрацией окружающего мира, а стремится в большей степени осмыслить его с помощью священной истории или бытовых сцен. В данном случае можно говорить о преемственности национальных традиций. Еще в XV в. в Германии художники искали в рамках религиозной тематики пути изображения реальной жизни (природы, интерьера) и человеческих чувств (например, передовые живописцы Швабии Лукас Мозер, Ханс Мультчер и др.), либо художники бидермейера утверждали бытовой жанр с его личностным отражением окружающего мира. Эта библейская и реалистическая линии наблюдается в искусстве Германии на протяжении всего его длинного пути развития, когда художники стали выразителями трагических потрясений мира и предтечами немецких наивов XX в.

Vagner G. K. О соотношении народного и самодеятельного искусства // Пробл. нар. искусства : сб. ст. / НИИ теории и истории изобр. искусств Акад. художеств СССР. М., 1982. С. 46—55.

Либман М. Я. Ганс Бальдунг, по прозвищу Грин // Очерки немецкого искусства позднего Средневековья и эпохи Возрождения. М., 1991. С. 177—190.

Хампельман & Матрёшка — деревянная игрушка из Германии и России // Каталог выставки Винтерсхалл АГ, Кассель и ОАО «Газпром». М. ; [Венгрия], 1999.

Crnkovič V. Die Schule von Hlebine — 75 Jahre : Katalog zur Ausstellung / Vladimir Crnkovič, Charlotte Zander, Cynthia Thumm. Kirchheim ; Heimstetten, 2005.

Barth P. Otto Dix und die Düsseldorfer Künstlerszene, 1920—1925. Düsseldorf, 1983.

Barth P. Johanna Ey und ihr Kuenstlerkreis : Katalog zur Ausstellung. Düsseldorf, 1984.

Baumgaertel-Fleischmann R. Ausgewaehlte Kunstwerke aus dem Dioezesanmuseum, Bamberg. Bamberg, 1992.

Bihalji-Merin O. Naive Lyricism Elsewhere in Europe // Modern primitives: masters of naive painting. N. Y., 1959. P.124—131.

Hansmann C. Aufnahmen // Roh, J. Ich hab wunderbare Hilf erlangt. Votivbilder aus Bayerischen Wallfartsorten. München, 1982.

Grohowiak Th. Vorbemerkung des Autors // Deutsche naive Kunst. Recklinghausen, 1976.

Jacob M. J. Naive and Outsider Painting from Germany: An Introduction // Naive and Outsider Painting from Germany and Paintings by Gabriele Muentler. Chicago, 1983. P. 8—10.

- Inštar91*: Medzinarodna prehľadka insitneho umenia pod zástitou UNESCO. Bratislava, 1991.
- Hinterglasbilder*. Europa-Asien-Afrika. Ausstellung des Staatlichen Museums von Voelkerkunde Dresden. Dresden, 1996. 70 S. ; *Hinterglasbilder aus rheinischen Museen* – Bonn, 1977; Keller, Dieter. *Hinterglasbilder*. Lorsch, 1948.
- Krempel U.* Am Anfang : das Junge Rheinland. Düsseldorf ,1985.
- Michailov N.* Zur Begriffsbestimmung der Laienmalerei // Zeitschrift für Kunstgeschichte. 1935. N 5/6. S.283 u. f.
- Roh J.* Adalbert Trillhaas religioese Malerei // «Das naive Bild der Welt».Ausstellung, Baden-Baden, Frankfurt am Main, 1961 : Katalog. Baden-Baden, 1961. S. 106–115.
- Skrobucha H.* *Hinterglas-Ikonen* // *Hinterglas-Ikonen aus Rumaenien*. Sammlung des Ikonenmuseums Recklinghausen. Naive Kunst. Boedeker. Trillhaase. Wittlich. Der deutsche Beitrag zur 2. Triennale der naiven Kunst.Bratislava 1969. 5. Dezember 1969 bis 4. Januar 1970. Städtische Galerie Schloß Oberhausen. Recklinghausen, 1969.
- Schmidt G.* Was ist ein «peintre naïf»? // Das naive Bild der Welt. Ausstellung. Baden-Baden.Frankfurt am Main.1961 : (Katalog). Baden-Baden, 1961. S. 13–16.
- Schlee E.* Oluf Braren (1787 – 1839). Husum,1986.

Статья поступила в редакцию 18.06.2010 г.

УДК 7.036“191” + 7.037.1 + 7.035.93

И. А. Доронченков

МАТИСС В РОССИИ 1900–1910-Х ГГ.: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ

Анализируются основные этапы и проблемы восприятия и оценки живописи Анри Матисса русскими художниками и критиками, нашедшие отражение в печати 1900–1910-х гг. Рассматривается борьба различных направлений в русском искусстве, определившая отношение к творчеству Матисса.

Ключевые слова: Матисс, фовизм, модернизм, авангард, «Мир искусства», «Аполлон».

Анри Матисс приобрел европейскую известность после Осеннего салона 1905 г. В отличие от Салона независимых, состоявшегося весной, его полотна и произведения единомышленников были выставлены компактно, что позволило критике заговорить о выходе на авансцену нового художественного движения. Благодаря остроте Л. Вокселя, за ними закрепилось имя «диких» (*fauves*), или **фовистов**. Вряд ли еще накануне их появления можно было предсказать, каким именно образом новое поколение реформирует живописную поэтику, но ощущение того, что в Париже готовятся перемены, висело в воздухе. Ожидалось, что они прекратят застой, ощутимый даже в либеральных салонах — Салоне Марсова поля и Салоне независимых. Засилье «полупередового» [см.: Дягилев, с. 130] искусства воспринималось тем более болезненно, что в памяти современников еще сохранялось потрясение от «выставки столетия», прошедшей в рамках Всемирной экспозиции 1900 г., которая показала развитие искус-

ства Франции от Давида до импрессионистов, впервые выявив внутреннюю логику живописной революции XIX в. В этих условиях фовисты, выступив сплоченной группой, предложили принципиально новый живописный язык, который преодолевал аморфность неоимпрессионистической формы, интегрировал открытия Сезанна, Ван Гога и Гогена и открывал простор творческой воле художника, преобразующей впечатления от природы.

Похоже, что русская критика не обратила должного внимания на выступление фовистов в Осеннем салоне. В этот момент у модернистов уже не было своего художественного издания: петербургский «Мир искусства» перестал выходить в 1904 г., московское «Искусство» не дотянуло до конца 1905 г. В хорошо информированных о западной культурной жизни брюсовских «Весах» ноябрьский номер прошел под знаком Бердсли, а в хронике декабрьской книжки отмечались выставки Тео ван Риссельберга, Кеса ван Донгена и Камиль Клодель. А главное, в России стремительно развивался политический кризис, в декабре переросший в московское вооруженное восстание.

Однако еще за год до выступления фовистов картина Матисса «Десерт» (1897) появилась на страницах «Мира искусства» (1904, № 8/9). По воспоминаниям И. Э. Грабаря, картину он увидел у А. Воллара и заказал снимок для журнала. Это стало поводом для знакомства с художником, произведений которого, если верить Грабарю, тогда еще никто не воспроизводил [Грабарь, с. 205–206].

Так началось знакомство русского художественного сообщества с живописцем, который оставался символом художественного радикализма вплоть до начала 1910-х гг., когда место «образцового» современного мастера была бесповоротно занято Пикассо. Положение Матисса в русском художественном сознании уникально: наши соотечественники впервые могли наблюдать эволюцию крупнейшего современного мастера, искусство которого было представлено в Москве особенно полно и разносторонне, и прежде всего благодаря собраниям С. И. Щукина и И. А. Морозова. Щукин начал покупать Матисса, вероятно, в 1906 г. К 1908 г. он сосредоточился на его современных произведениях, включая открыто экспериментальные («Игра в шары», 1908, Эрмитаж), а в 1909 г. заказал для лестницы своего особняка поистине революционные панно «Танец» и «Музыка» (1910, Эрмитаж). К 1914 г. ему принадлежало тридцать семь картин художника. Морозов открыл для себя лидера фовистов годом позже, и к 1914 г. собрал одиннадцать полотен, в том числе специально заказанный «Марокканский триптих» (1912/13, ГМИИ им. А. С. Пушкина). Сейчас история коллекционирования Матисса в России, равно как и его визит в Москву осенью 1911 г., хорошо изучены [см., в частности: Костеневич, Семенова]. Данная же статья посвящена тому, как менялись оценки мастера в художественном сознании России 1900–1910-х гг.

Матисс был впервые отмечен в русской прессе вскоре после того, как «Мир искусства» воспроизвел его картину¹, а после 1907 г. упоминался все чаще.

¹ «Henri-Matisse (так у автора. — И. Д.), Laprade, Albert André и еще другие — гораздо более слабые [чем Боннар], слишком эскизные, слишком торопливы и небрежны, и останавливаться на них не буду» [Шервашидзе, 1904а, с. 212].

Закономерно, что первые пространные отклики представляли собой изложения или переводы французской критики, далекой от категоричных оценок [см.: А., с. 101; Argos, p. 82–83]. Журналисты констатировали стремительный рост влияния Матисса на молодых художников. И хотя ясного представления о живописце отклики в русской печати еще не давали, парижский наблюдатель отмечал: «Московские художники с легкой руки Грабаря начинают о нем волноваться и говорить»².

Неоднократно отмечалось, что усвоение опыта постимпрессионистов русскими художниками происходило параллельно с открытием фовистов. В этом смысле в особом положении оказывались художники, жившие в Париже. Переписка П. П. Кончаловского с И. И. Машковым является уникальным свидетельством процесса самоопределения молодого живописца, для которого Матисс, воспринимаемый одновременно с Сезанном и Ван Гогом, по-новому формулирует смысл современной живописи и помогает противостоять авторитету учителей. Так, в октябре 1908 г. Кончаловский, выставивший свои вещи в Осеннем салоне и в конце месяца лично познакомившийся с лидером фовистов, писал другу: «Это какая-то музыка, дикая и культурная в то же время... В нем вся культура отразилась, и она не растлила его, а, наоборот, сделала гранитом... Да, Матисс уже приковал надежное звено к цепи того искусства, о котором говорит Гоген» [Кончаловский, с. 205–207]. Последнее утверждение, практически повторяющее слова немецкого критика Ю. Мейер-Грефе, весьма существенно: лидер фовистов рассматривается не как разрушитель традиции, напротив, он настойчиво встраивается в историю современной живописи.

Но следить за эволюцией Матисса на парижских выставках могли единицы русских парижан, еще меньшее их число было способно преодолеть шокирующее впечатление от его живописи. Отклики, подобные мнению Кончаловского, не были предназначены для печати. Вскоре, однако, положение стало меняться, так как в 1908–1910 г. Матисс принял участие в нескольких русских выставках. Состоявшийся в апреле – мае 1908 г. в Москве салон «Золотое руно» включал его картины «Прическа» (1901, Национальная галерея, Вашингтон), «Терраса в Сен-Тропезе» (1904, Музей Изабеллы Стюарт Гарднер, Бостон), «Герань и фрукты» (1906/07, Художественный институт, Чикаго), «Насыпь в Коллиуре» (1907, частное собрание) [см.: Поляков, с. 27]. Правда, один из обозревателей отметил тогда, что «вещи Матисса... не объясняют шума, который в Париже сопряжен с его именем» [Эттингер, 1908, с. 4] Четыре картины и девять рисунков были показаны через год на выставке «Золотого руна» в 1909 г. Два полотна, в том числе «Молодой моряк» (1905/06, Метрополитен-музей, Нью-Йорк) были включены в состав чрезвычайно пестрого «Салона Издебского» (1910) и показаны, кроме Петербурга, в Одессе, Киеве и Риге. В новом десятилетии, однако, Матисс фактически отсутствует на русских экспозициях. «Бубновый валет» в 1912 г. показал лишь три рисунка, принадлежавшие русским коллекционерам (каталог не конкретизирует владельца). Самая значи-

² Письмо М. Шапшал П. Эттингеру от 30 сентября 1907 г. [см.: Эттингер, 1989, с. 105].

тельная иностранная экспозиция этого периода «Сто лет французской живописи» (Петербург, 1912) включала шедевры импрессионистов и постимпрессионистов. Поначалу организаторы предполагали завершить линию от Давида до Сезанна «революционным» эпилогом. Н. Н. Врангель писал из Парижа С. К. Маковскому: «...В разговоре с официальными лицами мы больше всего настаиваем на характере ретроспективном, ибо иначе можно напугать разными Матиссами и проч. пугалами... Что думаешь Ты относительно Щукина и Морозова, чье участие было бы, я думаю, очень желательно?... Получили бы дивные вещи и не просили бы здесь разных “декадентов”, которые так пугают официальных лиц» [Врангель, с. 4 об.—5]. Однако московские собиратели от участия отказались, поэтому из современных художников на выставке не было никого левее Мангены и значительнее Боннара или Марке.

В конце 1907 г., анализируя на страницах «Золотого руна» актуальную художественную ситуацию, П. П. Муратов подчеркивал, что основной бедой современной европейской, прежде всего французской, живописи является сосредоточенность на форме и приеме, лишаящая искусство духовного содержания и, как следствие, широкого общественного резонанса. В этом ключе интерпретировался и Матисс: «Вместо изысканно-сложной техники стали искать изысканно-простую, — только и всего... По отдельной своей выставке Анри Матисс показался художником большого темперамента, большой смелости. Но к чему приложен его талант, его душевная сила, его смелость? К новой технике, к смелой технике, к дерзкой технике... А за этим так близко страшная пустота, холод, смертельная усталость!» [Муратов, 1907, с. 80].

Тем не менее символистский журнал не только проложил фовистам дорогу к русскому зрителю (здесь решающую роль играл, очевидно, А. Мерсеро, французский сотрудник московского издания), но и активно пропагандировал творчество их лидера. А. Барр отмечал, что шестой номер журнала за 1909 г. «был самой полной публикацией, посвященной Матиссу на любом языке до 1920 года» [Barre, p. 110]: он содержал статью Мерсеро, репродукции шестнадцати произведений (в том числе, восьми из русских собраний), а также перевод только что опубликованных во Франции «Заметок художника»³. Обращает на себя внимание, что авторы «Золотого руна», справедливо усмотрев в Матиссе центральную фигуру современного художественного процесса, в то же время постарались предложить читателю его символистскую интерпретацию. Она опиралась на принцип, сформулированный в статье Ш. Мориса и разделяемый идеологами издания: «...Новые течения французского искусства настоятельно призывают к инициативе поэта. Именно слову всегда должно повелевать хаосом. Пластические искусства... <...> ...после чудных технических открытий, от которых, однако, они погибли бы, оставаясь их зачарованными рабами, нуждаются в порядке, как и само общество: надо привести в порядок смуту сомнений, надо сделать это и с избытком богатств» [Moris, с. VIII]. Эту тенденцию развивает статья Мерсеро, который стремился доказать, что живопись Матисса —

³ Первоначально: [Matisse, p. 731–745].

обоснованная реакция на аморфный эмпиризм импрессионистического видения. Шокирующая же выразительность происходит не от разнузданной стихийной энергии, как это может показаться на первый взгляд. Напротив, «...из созерцания его полотен выделяется то, к чему темперамент и сознательное стремление заставляют его стремиться как к высшей цели искусства: ясность и спокойствие духа в самой благородной и возвышенной атмосфере: атмосфере идей, завоеванных изоощрением чувств» [Мерсеро, с. III]. Статья французского критика сопровождала публикацию «Заметок художника», которые, однако, скорее противоречили символистскому прочтению, нежели согласовывались с ним. «Заметки» существенно повлияли на восприятие Матисса в России. Однако даже зарождающийся авангард вряд ли полностью разделял принципы, сформулированные в статье. С одной стороны, Матисс выступал защитником внелитературной, «чистой» живописи: он утверждал «формальный» подход к картине, главенство воли над впечатлениями природы, видел задачу художника в поиске выразительности. Но при этом французский мастер фактически осуждал экспериментальное и интуитивное творчество, он ждал от художника сдержанности и требовательности к результатам своего труда (для лидеров русского авангарда этих лет, напротив, характерна поразительная продуктивность: Гончарова или Кончаловский, к примеру, писали и выставляли десятки, если не сотни, полотен в год).

Ко времени окончания издания журнала стало ясно, что «Золотое руно» выполнило функцию троянского коня: в недрах символистского издания, под воздействием пропагандируемой им живописи постимпрессионистов и фовистов сформировалась первая генерация русских авангардистов, лидером которой был М. Ф. Ларионов, руководивший художественным отделом «Руно».

К этому моменту имя Матисса в России стало символом устремлений новой живописи. Но на содержание этого символа оказывали влияние не только ее реальные особенности, но и ситуация в русском художественном сообществе. Пробующий силы авангард начал борьбу на два фронта — с консервативными силами академизированного передвижничества и со своими вчерашними союзниками — модернистами, чья генеалогия восходила к «Миру искусства». 1910-й г. стал поворотным в истории авангарда: зародился «Бубновый валет» — первое крупное выставочное объединение, в основе эстетики которого лежал опыт постимпрессионизма и фовизма.

Но превращение имени Матисса в эмблему стимулировали конкретные события художественной жизни. Еще в 1908 г. И. С. Остроухов поставил рядом имена Гогена и Матисса. Он писал А. П. Боткиной, что Щукин и Морозов возвратились из Парижа, «накупив уйму Гогенов, Матиссов и всего прочего» [Костеневич, Семенова, с. 12–13]. Но окончательно этот дуэт закрепился как критическое клише в 1910 г., после выступлений И. Е. Репина на страницах «Биржевых ведомостей», известных своими консервативными художественными вкусами. Салон Издебского показал в столице только две картины Матисса, но наряду с ними там было достаточное число работ фовистов и их отечественных последователей (к примеру, Машкова). Придя в ужас от увиденного, маслитый художник написал: «Вы, кажется, по отсталости воображаете, что те

москвичи (знаменитые своими чудачествами московские «купцы». — *И. Д.*) все еще едят ученых свиней и очаровательных поющих соловьев? — Ошибаетесь, теперь они коллекционируют матиссов» [Репин, 1910б, с. 5]. Эта публикация имела особый резонанс: минуло лишь полтора месяца после того, как скандальный отзыв Репина о произведениях К. С. Петрова-Водкина спровоцировал конфликт в петербургском художественном мире: «Этому безграмотному рабу случилось увидеть двух взбитых парижской рекламой нахальных недоучек Гогена и Матисса. Невежественный раб смекнул, что и он так сможет намалевать» [Репин, 1910а, с. 4]⁴. Оснований для подобной оценки Репин не имел: Петров-Водкин от влияния Гогена в ту пору был свободен, он ориентировался скорее на Ходлера, а недолгий интерес к Матиссу был еще впереди. Однако с легкой руки Репина пара «Гоген и Матисс» стала клише массовой критики, враждебной к современному искусству, равно как и упоминание лидера фовистов со строчной буквы: «Так вот она, душа “истинного” современного художника. Она мрачная, жестокая, душа человеконенавистника, циника и грубияна... Вот они, матисы и подматисы (так. — *И. Д.*), и с иностранными именами, и с русскими...» [М. Н., с. 4]. Впрочем, уже в 1911 г. Репин высказал суждение, свидетельствующее о попытке осмыслить искусство французского художника: «Принцип Матисса — при всем его нигилизме в живописи и безграмотности — погоня за живой — во что бы то ни стало — живой чертой под живым впечатлением организма...» [цит. по: Валентин Серов в воспоминаниях, с. 46].

Нарождающийся авангард стремился к тому, чтобы сделать свою оценку современного западного искусства доминирующей. Естественно, полемика разворачивалась вокруг центральной фигуры новой французской живописи. Показательна в этом отношении реплика «По поводу “Художественных писем” г-на А. Бенуа», подписанная именем поэта С. Городецкого, но в действительности принадлежавшая Ларионову. Она появилась весной 1910 г. в итоговом номере «Золотого руна» (1909), № 11–12 [см.: Харджиев, с. 70]. Ее автор стремился показать, насколько далеки от понимания современной живописи русские художники и критики. Молодой живописец сознательно поставил на одну доску простодушно-грубые реплики о Матиссе Н. Брешко-Брешковского, И. Репина, И. Бродского и гораздо более взвешенное суждение А. Бенуа: «Вкус-то оказывается одинаковым: все 4 морщатся от этого свежего дыхания жизни» [Городецкий, с. 91]. Ларионов не мог не понимать, что Бенуа инороден в ряду деятелей, занявших ретроградную позицию. И руководствовался он не только досадой: за несколько строк до разговора о Матиссе Бенуа посетовал на низкое качество работ самого Ларионова, выставленных Союзом русских художников. Подобная тактика — сознательное смешение позиций модернистов и консерваторов в отношении к современному западному искусству — останется характерной для публицистов авангарда. Они стремились монополизировать интерпретацию современной французской живописи, но не имели для этого ни

⁴ В защиту Петрова-Водкина выступили Бенуа и Л. С. Бакст. Репин имел возможность познакомиться с картинами Матисса при посещении собрания Щукина в декабре 1909 г. [см.: Северова, с. 184–190].

практических, ни интеллектуальных возможностей. Между тем выросшие из круга «Мира искусства» критики-модернисты настойчиво прививали русской публике свое понимание смысла новой французской живописи: Бенуа, Маковский, Тугендхольд и другие видели в искусстве Франции XIX в. закономерную эволюцию, которая в своей преемственности и логике должна была служить примером для реформирования русской живописной школы, но плоды которой не могут механически переноситься на неподготовленную почву. Об этом, в частности, и писал Бенуа в разозлившей Ларионова статье: «Мне вспоминаются... слова одного тонкого французского критика, который радуется тому, что среди учеников Матисса насчитываются одни только русские и американцы, и ни одного француза. Очевидно, наше варварство приближается к перетонченности передового француза, и только жаль, что свидетельством этого курьезного факта служит упадок в творчестве целого ряда талантливых русских художников» [Бенуа, 1910а, с. 2].

Среди произведений Матисса, оказавшихся в России, особое место занимают «Танец» и «Музыка». В начале 1909 г. Щукин заказал художнику панно для лестницы своего особняка [см.: Костеневич, Семенова, с. 164; Костеневич, 2008, с. 93–94]. Чуть позже, в апреле этого же года, Матисс изложил в интервью Ш. Этьенну идею трехчастного ансамбля, «регулирующего» эмоции человека, который поднимается по лестнице [Flam, p. 55]. Русский читатель узнал об этом проекте (без ссылки на имя заказчика) из статей Александра Мерсеро и Бенуа [Мерсеро, с. II–III; Бенуа, 1910б, с. 3]⁵.

«Танец» и «Музыка» до сих пор поражают зрителя интенсивностью элементарных цветов, энергией ритма и лаконизмом образного решения. Между тем эти «авангардные» качества полотен прямо связаны с тем, что они представляют собой монументально-декоративные панно.

Эти полотна не просто демонстрировали крайние пределы реформирования живописного языка. Расположенные на лестнице, они словно реализовывали задачу искусства Матисса, поставленную еще в «Заметках живописца, — позитивное эмоциональное воздействие на современного человека: «...Щукин говорил, что повешенный в этом месте “Танец” своими вихревым воздушным движением помогает ему легче всходить по ступеням и как бы возносит его» [Рудин, с. 5]⁶. Но подлинное значение полотен было более широким: они демонстрировали пример решения проблемы, которая была осознана в 1900–1910-е гг. как одна из центральных для отечественного искусства.

Мирискусники, а затем деятели «Аполлона» стремились «вырастить» большой синтетический стиль, которого в русском искусстве до сих пор не было. Лишь появление подобного стиля, ориентированного на европейскую живо-

⁵ Среди репродукций «Золотого руна» был принадлежавший Щукину акварельный эскиз к «Танцу» (ГМИИ). Матисс работал над третьим панно такого же размера, но завершил его лишь к 1916 г. («Девушки у реки», Художественный институт, Чикаго).

⁶ Ср.: «Но о чем я мечтаю больше всего, это об искусстве равновесия, чистоты, спокойствия, без сюжетов сложных и мятежных, которые были бы неизменно хороши как для интеллигентного работника, так и для делового человека и писателя; смягчая и успокаивая мозг, они будут аналогичны тому хорошему креслу, которое дает ему отдых от физической усталости» [Матисс, с. VIII].

писную традицию и основанного на синтезе искусств, было бы для отечественных модернистов знаком полноценности и зрелости национальной художественной школы. В этом смысле французская живопись последнего столетия, в которой подчеркивались эволюционные начала — преемственность поколений и проблем, должна была стать не источником заимствования приемов, а моделью подхода к традиции и современности. Не случайно раз за разом критики этого круга подчеркивали родство Сезанна и Ван Гога с живописцами XVI–XVII вв. и декоративные качества живописи Гогена.

Ожидания такого рода поначалу связывались с искусством художников символистского круга. Характерны акценты Бенуа, размышлявшего о М. Дени в 1901 г.: «Будьте, как дети»... Следует быть не только такими же *невинными*, как дети, но и такими же *мудрыми*... Морис Дени... мог бы рисовать с натуры, как рисуют тысячи его собратьев, но он презирает это» [Бенуа, 1901, с. 53]. В живописи Дени критик усмотрел тогда архаическую простоту, жертвующую жизнерадостием во имя подлинности и целостности.

В 1907 г. И. Морозов заказал Дени цикл панно «История Психеи» для концертного зала своего дворца [см.: Костеневич, 1999]. Через год он был показан в Осеннем салоне бок о бок с персональной выставкой Матисса. Заказ декоративного ансамбля современному западному мастеру был для России событием уникальным и создавал важный прецедент. Нельзя, очевидно, категорично утверждать, что появление в Москве «Истории Психеи» прямо повлияло на решение Щукина заказать декоративный ансамбль для своего особняка (есть мнение, что мысль заказать панно родилась у него в январе-феврале 1909 г. под впечатлением от картин «Радость жизни» и «Музыка»). Но именно после того, как панно Матисса были размещены на лестнице щукинского особняка, в Москве оказались наглядно представленными компромиссный и радикальный варианты развития наследия постимпрессионизма, причем в принципиальной для русского модернизма области декоративной живописи. Не случайно глубоко разочарованный «Историей Психеи» Бенуа дословно переадресовал свой призыв «Будьте, как дети» Матиссу и признал ущербность ретроспективизма Дени: «Ведь что стоило бы этому мастеру... “выправить” рисунок, сделать свою задачу более доступной, вообще угодить? Однополчанин Матисса — Морис Дени — так и сделал... Чудесный художник, большой поэт и великолепный техник, он все же... успокоился — наслаждаясь аплодисментами пошляков» [Бенуа, 1911, с. 2; ср.: Бенуа, 1990, с. 151]. Читателю фельетона Бенуа бросается в глаза, что зимой 1911 г. критик пишет о Матиссе практически в тех же выражениях, что за десять лет до того о Дени. Противостояние этих двух декоративных комплексов можно понять как схематичную модель конфликта в русском художественном сообществе 1910-х гг.⁷

Отныне именно с «Танца» и «Музыки» начиналось знакомство с коллекцией Щукина. Представляется, что такая «увертюра» должна была непосредственно

⁷ Следует отметить, что описанная коллизия впервые сложилась на парижской почве: в Осеннем салоне 1910 г. панно Матисса демонстрировались одновременно с циклом «Флорентийский вечер» Дени, созданным для особняка Шарля Стерна (Шти Пале, Париж) [см.: Green, p. 82–91].

влиять на восприятие собрания, заставляя посетителя выделять в развитии французской живописи прежде всего революционную тенденцию, которая привела к появлению этих панно.

Восприятие полотен поначалу требовало усилий даже от их владельца, не говоря о московской публике. Непосредственное влияние «Танца» скоро сказалось в работах художников различных направлений: таковы «Играющие мальчики» Кузьмы Петрова-Водкина (1911, ГТГ) и «Купальщик» Казимира Малевича (1911, музей Стеделик, Амстердам). Однако гораздо более существенным было само освобождающее воздействие лапидарных красных фигур в синезеленом пространстве-плоскости: самим своим присутствием они мешали московским художникам видеть и писать по-старому.

Щукинские панно стали водоразделом для русских художников и критиков. Большая часть модернистов, признавая дарование Матисса и внутреннюю закономерность его усилий, тем не менее относилась к ним настороженно или отрицательно. В них усматривали смешение нарочитой архаизации и современного урбанистического мировосприятия. Так, уже в начале 1910 г. Муратов, видевший, вероятно, эскиз, заявил: «Анри Матисс не рисует танцующих людей. Он рисует три упрощенных фигурки, расположенных так, чтобы как можно “короче” и схематичнее выразить ритм танца... Искусство Матисса уже окончательно и невыносимо ограниченное, убогое, — это искусство оскорбляет Аполлона» [Муратов, 1910, с. 97]. Французская критика (за исключением Аполлинера) столь же негативно отнеслась к «Танцу» и «Музыке», выставленным в Осеннем салоне 1910 г. А побывавший на выставке Серов писал И. Морозову: «...Матисс не нравится — это фонарь, а мальчишки (т. е. «Музыка». — *И. Д.*) гадость просто-напросто» [Валентин Серов в переписке, с. 238]⁸.

Я. Тугендхольд, видевший панно в Осеннем салоне, отмечал принципиальное отсутствие целостности в видении Матисса: «...одной половиной своего существа он принадлежит нашей нервной, американской современности, другой — мечтает о наивной монументальности первобытного века, об утраченной гармонии души. Отсюда это добровольное нисхождение в низины доисторичности... Но, перенеся эти первобытные пятна с (античных. — *И. Д.*) ваз на современное панно, Матисс “американизирует” краски, превращает панно в кричащую, видимую за полверсты афишу, — забывая о том, что стенопись имеет свои собственные традиции» [Тугендхольд, 1910, с. 31].

Бенуа расценил панно как негативный результат последовательного эксперимента, чей общий смысл, однако, отдельной неудачей не отменяется: «...Я верю в их честность, будучи совершенно при этом убежден в исключительной, перворазрядной одаренности их автора... его по-прежнему поглощает проблема... остающаяся до сих пор без решения, — проблема новой стенописи, новой декоративной живописи... прекрасной, цельной, радующей и поднимающей душу,

⁸ Письмо от 20 октября 1910 г. Справедливости ради надо вспомнить другое высказывание Серова: «Матисс, хотя и чувствую в нем талант и благородство, — но все же радости не дает — и странно, все другое зато делается чем-то скучным — тут можно попризадуматься» (Письмо О. Серовой от 20 ноября 1909 г.) [Валентин Серов в переписке, с. 184].

воздействующей одним бегом и ритмом сплетающихся линий и одним звоном красок. Матисс при этом гнушается каких-либо заимствований у предшественников и, мало того, он гнушается реализмом — заимствованием у природы. <...> И вот тут-то и начинается трагедия. Можно еще, пожалуй, “научиться совершенству”, подражая совершенным, но “нельзя научиться тому, чтобы разучиться”» [Бенуа, 1911, с. 2].

Между тем более молодые зрители, даже не принадлежавшие к радикальным художественным кругам, были способны принять произведения Матисса с энтузиазмом. Так, Б. Терновец писал в личном письме: «Это лучшее, что создано Матиссом, и, быть может, лучшее из того, что вообще дал пока 20 век. Это не живопись (ибо здесь нет формы), не картина — это иной род декоративно-монументального искусства — в тысячу раз сильнее и потрясающий» [Терновец, с. 10]. Характерно, впрочем, что такого рода оценки не получили широкого резонанса.

С начала 1910-х гг. основным для русского искусства стал конфликт между модернистами, стремившимися перестроить национальную традицию на ретроспективной основе, и авангардом, за несколько лет прошедшим путь от фовизма к беспредметности. Если на рубеже столетий «Мир искусства» был безусловным лидером борьбы с консервативными тенденциями, то теперь его преемники, консолидировавшиеся вокруг петербургского журнала «Аполлон» (1909–1917), утверждали свое творчество как направляющую и вместе с тем срединную линию национальной культуры. Именно из этого круга вышли наиболее существенные оценки Матисса, связанные с актуальными проблемами русской живописи. О Матиссе охотнее говорили не художники авангарда, чья живопись была генетически связана с его творчеством, а критики «Аполлона», для которых он служил индикатором состояния французской школы. Они не случайно ставили его в широкий культурный контекст, видя в стремлении к архаической выразительности оборотную сторону развития цивилизации: «...это искание жизненности во что бы то ни стало... отвечает какой то глубокой потребности нашей эпохи... демократическое варварство хочет быстрых и сильных ощущений для глаза, пресыщенного калейдоскопом современного Города; грядущая всеобщая американизация требует искусства, совпадающего с грубой откровенностью и нетерпеливым темпом новой жизни...» [Маковский, с. 27–28]. Но обаяние художественной дерзости, за которой стояли изощренность взгляда и вкуса, делали Матисса, с точки зрения аполлоновцев, особенно опасным для молодых отечественных последователей: «...он выработал собственную “манеру видеть”, настолько личную, парадоксальную, что вряд ли кому-нибудь из новаторов дозволено следовать за ним, не проделав самостоятельно всего сложного психологического пути, который привел Матисса к его последним работам, порою совершенно недоступным для понимания даже очень опытного зрителя» [Там же, с. 26].

Однако с началом 1910-х гг. искусство Матисса стало терять актуальность. Прав отчасти был современник, заметивший (правда, про парижан): «Публика, видно, научилась его смотреть, привыкла к нему и чувствует его. Для нее в мирных полотнах А. Матисса теперь ничего нет из того прежнего — крикливого,

безумного. Напротив, все натурально и просто, как земля...» [Курганский, с. 2]. Для русских авангардистов он сыграл освобождающую роль на рубеже десятилетий и перестал рассматриваться в качестве продуктивного образца. Восхищение художником, осязаемое, например, в письмах Кончаловского, сменилось демонстративным неприятием. Лишь на первый взгляд удивительно, что наиболее резкие оценки исходили из ларионовского круга: так, некто Варсонофий Паркин назвал Матисса «приятным вареньем» и заметил, что полотна Гончаровой превосходят его своей красочной выразительностью [см.: Паркин, с. 60]⁹. Еще один фиктивный персонаж, С. Худаков, обвинил художника — заодно с Пикассо — в потворстве буржуазным вкусам. Целя в соперников из «Бубнового валета», он писал про «салонного Матисса, решившего воспользоваться новейшими завоеваниями для спасения академии» и про «красочное варенье», приготовленное им «из остатков» неоимпрессионизма [см.: Худаков, с. 135]¹⁰.

Столь демонстративное пренебрежение части авангарда к Матиссу в 1910-е гг. диктовалось не только нарастающим различием творческих задач, но и желанием обосновать свою независимость, а также тем, что французский живописец обрел коммерческий успех и общественное признание, отсутствие которых очень болезненно переживалось отечественными новаторами. Кроме того, в первой половине десятилетия передовые русские художники начинали испытывать воздействие кубизма, и яркая плоскостная живопись Матисса казалась им пройденным этапом. Кубизм понимал картину как самодостаточный микрокосм, ориентировался на анализ структурных отношений предмета и среды. В этих условиях декоративные устремления Матисса и его плоскостная красочность выглядели по меньшей мере анахронизмом: «Живопись предпоследних дней была именно хромотерапией. Хромотерапия сделала свое дело. Дальше утрированных эмоций Матисса идти незачем. <...> Ты [читатель] должен был плюнуть на декоративную стену, ибо давно уже родился Пикассо» [Балльер, с. 23–24].

Как правило, критические оценки Матисса в это время исходят от авангарда, для модернистов же он превращается скорее в союзника. Исключением, подтверждающим правило, был опубликованный «Аполлоном» отклик Б. В. Анрепа на Вторую постимпрессионистическую выставку в Лондоне (1912), в котором лишенному трансцендентности, гедонистическому Матиссу противопоставлялось только что открытое наследие иконы: «Нам же, русским, воспитанным в почитании Божественных ликов, созданных благочестием наших иконописцев, для которых духовные символы имели единственное значение, а предметы природы свидетельствовали лишь о земном и тленном, искусство Матисса не представляется ни большим откровением, ни большим новшеством» [Анреп, с. 43].

Напротив, с середины 1910-х гг. «Аполлон» склонен утверждать отринутые Анрепом качества Матисса, связанные с декоративной природой его живописи,

⁹ Существуют два мнения относительно того, кто был автором этой статьи. Е. В. В. Баснер полагает, что это псевдоним Ларионова и И. М. Зданевича [см.: Баснер, с. 73]. Г. Г. Поспелов и Дж. Шарп приписывают статью Ларионову [см.: Поспелов, с. 32; Amazons of the Avant-Grade, p. 159].

¹⁰ Как полагает Е. В. Баснер, С. Худаков — также коллективный псевдоним М. Ларионова и И. Зданевича.

в сугубо позитивном ключе. Классичность французского мастера, его неразрывная связь с традицией были акцентированы утверждением Пикассо в качестве лидера современного искусства. В это время Матисс все чаще сопоставляется именно с ним, а не с Гогеном. Показателен пространственный обзор коллекции Щукина, опубликованный Тугендхольдом в 1914 г. Он полагает, что именно это собрание, исключительное по полноте и соответствию экспозиции устремлениям художника, дает наиболее полное, чем где-либо в Европе, представление о Матиссе. Таким образом, сформулированное далее в статье «аполлоновское» понимание искусства мастера предстает как объективная, наглядно подтверждаемая истина. Настаивая на том, что его «основная стихия» — декоративность, акцентируя «восточный», «орнаментальный» характер живописного мышления Матисса, сопоставляя его палитру с витражом, Тугендхольд превращает вчерашнего *enfant terrible* едва ли не в союзника русских традиционалистов, борющихся за современный синтетический стиль. Но это сближение с Матиссом, равно как и исключительно высокая оценка его дара, преследуют иную полемическую цель — подчеркнуть недостаточность его творчества, очевидную для русских модернистов, ориентированных на традицию, а не на новаторство: «...Матисс самый талантливый из всех колористов нашего времени и самый культурный: он вобрал в себя всю роскошь Востока и Византии... Но его живопись забывает о велениях стены, о гранях масляных красок, как таковых. Она — яркая брешь в стене, она — окно, она — гениальный плакат... Так, отправляясь от Гогена, приходит Матисс к расхождению с ним... Он — арабский Гоген, и вместе с тем — Гоген американского XX века...» [Тугендхольд, 1914, с. 28].

В эссе Тугендхольда с особой наглядностью продемонстрирована оппозиция «Матисс — Пикассо». В последующие годы, практически до послереволюционных лет, когда творчество Матисса утратит актуальность для русского искусства и упоминания его имени сведутся к минимуму, сопоставление вчерашнего и сегодняшнего лидера новаторов будет частым приемом русских критиков. И если Тугендхольд, утверждая, что «...в психологических истоках их искусства много общих формальных оснований» [Тугендхольд, 1914, с. 28], тем не менее строит свой анализ на противопоставлении двух мастеров, футурист И. А. Аксенов, напротив, приводит наглядные примеры постоянного, не всегда явного для зрителя творческого диалога двух мастеров [см.: Аксенов, с. 27, 35, 51–52].

Война, революция, длительный перерыв в отношениях с художественным миром Запада и радикальные перемены в русском искусстве привели к тому, что в 1920-е гг. отношение практически ко всем лидерам новой французской живописи изменилось. Представляется, что Матисс «пострадал» от этого более других. Произведения художника занимали достойное место в музейных залах, но его поэтика утратила актуальность для русского искусства в целом, а послевоенная эволюция его живописи оставалась практически неизвестной отечественному зрителю.

А. Художественная жизнь в Париже. Из газет и журналов // Весы. 1907. № 5. С. 101–102. Аксенов И. Пикассо и окрестности. М., 1917.

- Анрен Б.* По поводу лондонской выставки с участием русских художников // Аполлон. 1913. № 6. С. 39–48.
- Балльер А.* О хромотерапии, уже использованной // Союз молодежи. 1913. № 3. С. 23–24.
- Баснер Е.* Наталия Гончарова и Илья Зданевич о происхождении всёчества // Искусство авангарда: язык мирового общения. Уфа. 1993. С. 68–80.
- Бенуа А.* Морис Дени // Мир искусства. 1901. № 7. С. 51–55.
- Бенуа А.* Выставка «Союза» // Речь. 1910а. 26 февр. С. 2.
- Бенуа А.* «Салон» и школа Бакста. // Речь. 1910б. № 117, 1 (14) мая. С. 3.
- Бенуа А.* Московские впечатления // Речь. 1911. 4 февр. С. 2.
- Бенуа А.* Мои воспоминания : в 5 кн. Кн. 4–5. М. 1990.
- Врангель Н. Н.* Письмо С. К. Маковскому [весна 1911] // ОР РНБ. Ф. 129. Ед. хр. 1006.
- Городецкий С.* [Ларионов М.]. По поводу «Художественных писем» г-на А. Бенуа // Золотое руно. 1909. № 11/12. С. 90–93.
- Грабарь И.* Моя жизнь : автобиография. М. ; Л. 1937.
- Дягилев С.* Парижские выставки // Сергей Дягилев и русское искусство. Т. 1. М. 1982. С. 130–131. [Впервые: Мир искусства. 1901. № 7. С. 55–61].
- Зеленина К.* Новая иностранная литература о Матиссе // Печать и революция. 1927. № 6. С. 111–113.
- Кончаловский П. П.* Письма к И. И. Машкову / подгот. писем к печати, предисл. и коммент. И. С. Бологиной // Панорама искусств 78. М. 1979. С. 184–211.
- Костеневич А.* Пьер Боннар и Морис Дени. Декоративные ансамбли в собрании Эрмитажа. [СПб., 1999].
- Костеневич А., Семенова Н.* Матисс в России. [М., 1993].
- Костеневич А.* Искусство Франции, 1860–1950 : Живопись. Рисунок. Скульптура. Т. 1. СПб. 2008. 531 с.
- Курганный А.* Письма из Парижа I. Осенний салон // Против течения. 1911. 29 окт. С. 2.
- М. Н.* Салон // Нов. время. 1910. 24 апр. С. 4.
- Маковский С.* Художественные итоги // Аполлон. 1910. № 10. С. 23–34.
- Матисс А.* Заметки художника // Золотое руно. 1909. № 6. С. IV–X.
- Мерсеро А.* Henri Matisse и современная живопись // Золотое руно. 1909. № 6. С. I–III.
- Морис Ш.* Новые тенденции французского искусства // Золотое руно. 1908. № 11/12. С. I–VIII.
- Муратов П.* О высоком искусстве // Золотое руно. 1907. № 11/12. С. 75–84.
- Муратов П.* Художественное обозрение // Рус. мысль. 1910. № 1. С. 94–99 (2-я пагинация).
- Паркин В.* Ослиный хвост и Мишень // Ослиный хвост и Мишень. М. 1913. С. 51–82.
- Поляков В.* Книги русского кубофутуризма. М. 1998.
- Поспелов Г.* Восток и русское искусство // Декоратив. искусство СССР. 1978. № 4. С. 29–33.
- Ретин И. Е.* Критикам искусства // Биржевые ведомости. Вечер. вып. 1910а. 2 марта. С. 4.
- Ретин И.* Салон Издебского // Биржевые ведомости. Вечер. выпуск. 1910б. 20 мая. С. 5–6.
- Рудин Н.* В галерее С. И. Щукина в Москве // РГАЛИ. Ф. 2850. Оп. 1. № 9.
- Северова [Нордман] Н. Б.* Интимные страницы. [СПб., 1910].
- Валентин Серов* в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. Т. 1. Л., 1971.
- Валентин Серов* в переписке, документах и интервью. Т. 2. Л., 1989.
- Тугендхольд Я.* Осенний салон // Аполлон. 1910. № 12. С. 26–36.
- Тугендхольд Я.* Французское собрание С. И. Щукина // Аполлон. 1914. № 1/2. С. 5–46.

- Харджиев Н. И.* Статьи об авангарде : в 2 т. Т. 1. М. 1997.
- Худаков С.* Литература, художественная критика, диспуты и доклады // Ослиный хвост и Мишень. [М.], 1913. С. 127–151.
- Шервашидзе А.* Осенний салон // Хроника журн. «Мир искусства». 1904а. № 10. С. 209–213.
- Шервашидзе А.* Письмо из Парижа // Хроника журн. «Мир искусства». 1904б. № 5. С. 108–112.
- Эттингер П.* Салон «Золотого руна» // Рус. ведомости. 1908. 18 апр. С. 4.
- Эттингер П. Д.* Статьи. Из переписки. Воспоминания современников. М., 1989.
- Amazons of the Avant-Grade.* Ed. by John E. Bowlt and Matthew Drutt. [London], 1999.
- Arcos R.* Осенний салон. Письмо из Парижа // Весы. 1908. № 11. С. 81–87.
- Barr A.* Matisse, His Art and His Public. N. Y., [1951].
- Flam J.* Matisse on Art. Berkeley. Los Angeles, [1995].
- Matisse H.* Notes d'un peintre // La Grande Revue. LII. 1908, N 24. 25 Dec. P. 731–745.

Статья поступила в редакцию 03.06.2010 г.

УДК 008:930.85(470)“19” + 7.036“191”

Н. Н. Гашева

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ И ПОЛЬ ГОГЕН: ЖИЗНЕТВОРЧЕСКИЙ И ЭСТЕТИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ

Рассматривается универсальная для культуры рубежа XIX–XX вв. тенденция к духовному и эстетическому синтезу. Использование автором контекстно-герменевтического подхода обнаруживает близость психологических типов поэта Гумилева и художника Гогена, глубинные перекрестки в семантике их жизненных стратегий и эстетических устремлений. Делается вывод о том, что искусства разных видов, но соприродного стиля демонстрируют большую близость в своих поисках, чем искусства одного вида, но разных стилей, если рассматривать стиль как ритм мышления культуры.

Ключевые слова: синтез, контекст, полилог, герменевтика, психологический тип, жизненная стратегия, алгоритм творческого поведения, мифотворчество, экзистенция, экзотизм.

Одну из универсальных в русской культуре Серебряного века тенденцию — стремление к синтезу — можно рассматривать как сложный динамический полилог с самыми различными культурными традициями.

Н. Гумилев имел возможность познакомиться с творчеством П. Гогена и в России, где его картины стали появляться начиная с 1904 г., и в Париже, куда сам поэт приехал в 1906 г. Н. Гумилев, как известно, во время путешествия в 1913 г. в Абиссинию и Сомали вел подробный дневник, обнаруженный исследователями через четверть века. А в 1914 г. в России был опубликован дневник П. Гогена «Ноа-Ноа» («Благоуханная земля»), где художник, обладавший прекрасным писательским даром, талантливо и поэтично передает впечатления (несомненно, идеализированные) от своего путешествия на острова Полинезии.

Контекстно-герменевтический культурологический подход позволяет нам обнаружить близость психологических типов двух художников, глубинные перекрестки в семантике их жизнетворческих стратегий и эстетических устремлений. Оба они дети своей эпохи. Их индивидуальные творческие поиски выразили процессы, характерные для динамики художественного и в целом культурного сознания конца XIX — начала XX в. в Западной Европе и России. Поль Гоген раньше, а Николай Гумилев позднее стремились через обновление языка искусства к выработке новых духовных смыслов в своем творчестве.

Идеи немецких романтиков и Ф. Ницше о сознательном жизнетворчестве, авторстве своей судьбы повлияли на соловьевскую концепцию искусства — типичное проявление синтетической устремленности культуры Серебряного века. Поль Гоген не был знаком с идеями В. Соловьева, но духовно-эстетические интенции Ф. Ницше, опосредованно, через весь сложный механизм западноевропейской культуры, формировали алгоритм его творческого поведения.

Жизнетворческий синтез, реализующийся на уровне индивидуально-личностном, отчетливо воплощается в духовно-нравственных и эстетических поисках ключевых персон эпохи. Здесь важно подчеркнуть связь синтетизма и мифа. Синтетические структуры изначально складываются как универсальное средство мифологизации человеческого бытия. По своей утопической ориентации синтез соприроден мифу. Миф размыкает мир вечных аксиологических ценностей в мир повседневный. Способ синтетического миропредставления снимает противоречия между идеальной картиной мира и реальностью. Речь идет о том, что мифопоэтические символы, органично включенные в стратегию жизнетворчества, не иллюстрируют миф, а актуализируют идеальное начало тут и сейчас, осуществляют в реальности связь субъекта мифотворчества с Абсолютом. Синтетический образ включается в мистическую и эстетическую иерархию взаимосвязанных смыслов, визуально-семантических уровней мироздания, строит миф, поскольку складывается «как реально зримое воплощение мифологизированных пространственно-временных представлений об идеале» [Гашева, с. 262].

Установка на сознательное строительство своего «я», жизнетворчество, изоморфное стилю собственного искусства, — это то, что объединяет Н. Гумилева и П. Гогена. Стилистические формы поэзии и живописи в данном случае оказываются одновременно стилистическими формами культурно-эстетической биографии того и другого. Подспудные моменты синтетической взаимосвязи бытийной и творческой биографий художников, как бы ни были они порой парадоксальны, действуют контекстуально, опосредованно и неодолимо демонстрируя внутреннюю цельность человека — творящего и живущего. Сопоставление жизнетворческих стратегий Гумилева и Гогена позволяет убедиться, что характер жизненных и творческих противоречий, способ реакции на них глубоко укоренены в особенностях их индивидуального темперамента и в ментальности самой культуры конца XIX — начала XX в. Жизненный путь художников раскрывает не только витальную силу индивидуальности,

но и саму почву культуры, породившей этот выбор, это поведение, эту драму, это творчество. Из синтетического взаимодействия витальности и ментальности складывается конкретный рисунок жизни, судьба таланта корректируется незримой логикой культуры.

Можно говорить о взаимоориентированности судеб русского поэта-акмеиста и французского постимпрессиониста — представителей разных видов искусств. Речь идет не столько о схожести жизненных мотивировок, сколько о близости поэта и художника как определенных психологических типов. Трудно сказать, что выступает здесь первоначалом: художник ли, формируемый эпохой, или, наоборот, сама личность, влияющая на эпоху через утверждение новых способов мироощущения и бытия. Сопоставление жизнетворческих стратегий Гумилева и Гогена, обнаруживая их общность, свидетельствует о том, что чисто индивидуальные антропологические характеристики могут становиться и характеристиками культурно-антропологическими. Существование несомненных переключек между фигурами Гумилева и Гогена показывает, как искусство, являясь предметом жизненных усилий их личностей, целью, постепенно превращается в средство творения самой жизни этих личностей.

Ницшеанская идея личностного усилия, идея «жизненного порыва» и самосозидания сверхчеловека — стержень неоромантической философии Н. Гумилева и П. Гогена, стимул и источник индивидуального мифотворчества каждого из них. Архетип путешествия становится центром этой индивидуальной мифологии, а главным ее персонажем — настоящий мужчина, поэт и художник Николай Гумилев — мужественный путешественник, воин, охотник, и Поль Гоген — путешественник, отважный моряк, бродяга. Оба они открыватели новых неведомых стран, у каждого своя *terra incognita*, свой рай, своя утопия. Путешествие как жизненный сценарий включает в свою семантику экзистенциальные ценности: освобождение, самопознание, путь самоидентификации. А. Ахматова, ревновавшая Н. Гумилева к путешествиям, цитирует в записной книжке слова А. Модильяни: «Путешествия подменяют настоящее действие (*action*), создают впечатление чего-то, чего в самом деле нет» [цит. по: Давидсон, с. 225]. Сама она никогда не путешествовала дальше Западной Европы. Но для Гумилева и Гогена путешествие — это способ расширения границ собственной личности, ее экзистенциального самообновления. Гумилевская Африка, так же как и гогеновская Полинезия, — это не географическое понятие, а мечта о «другой» жизни, нафантазированный плод неоромантического воображения об обетованной земле. Художественные миры Гогена и Гумилева глубоко индивидуальны. И тот и другой стремились захватить жизнь в ее самых ярких, экстраординарных проявлениях, порой предпочитали намеренно раскрашивать ее, когда она не устраивала их своим однообразием. И. Одоевцева отмечает характерную черту Н. Гумилева: «...Вспоминая свое прошлое, очень увлекался и каждый раз украшал его все новыми и новыми подробностями... Гумилев импровизировал красноречиво и вдохновенно, передавал свои воспоминания в различных версиях» [Одоевцева, с. 125]. Стоит ли упрекать поэта в подобных выдумках? Уместно будет процитировать столь любимого Гумилевым Ницше: «Поэту не только в творчестве, но и в жизни трудно освободиться

от лжи и обмана... ведь вся порода поэтов чувствует склонность ко лжи и ощущает ее невинность» [Ницше, с. 345]. В этом же грехе обвиняют многие мемуаристы и исследователи Гогена. Установка на поэтическое преобразование реальности объединяет художников. «Обычное» их тяготило: оба прочно были связаны с символизмом. Экзотизм их творчества на первый взгляд может показаться экстравертным, т. е. направленным вовне (местом действия их произведений становятся экзотические страны, объектом описания — необычные путешествия во времени и пространстве, в новые миры). На самом деле экзотика их творчества интровертна: это экзотика «я»-экзистенции. Оба художника стремились к открытию таинственных связей человека и мира. Гумилев придавал силе воздействия поэзии абсолютную исключительность, для него стихотворение — магический тотем, простой, как символ, но гипнотизирующий, как заклинание: «Поэзия должна гипнотизировать — в этом ее сила» [Гумилев, 1990, с. 250]. При этом экзотизм Гумилева, который критика особенно часто ставила ему в вину, связан ведь не только с его «африканскими» стихами. Это черта поэтического сознания, существующего на уровне пограничных состояний: то ему мерещится пуля, что его «с землю разлучит», то рождается поразительный по визуальной пластике образ палача «в красной рубашке, с лицом как вымя», который срежет ему голову, то какое-то темное возмездие судьбы за все прожитое время. По Гумилеву, творчество рождает в поэте «чувство катастрофичности, ему кажется, что он говорит свое последнее и самое главное слово, без познания чего не стоило и земле рождаться» [Там же, с. 112]. П. Гоген много ранее Н. Гумилева осознает судьбу художника как трагедию, мыслит участь творца в современном искусстве как участь отверженного, изгоя. Оба видят себя избранниками и бросают вызов житейской обыденщине. Оба могли бы повторить мысль О. Уайльда о том, что жизнь художника, чтобы быть прекрасной, должна закончиться неудачей, и что профессия художника — отнюдь не безопасное для личности занятие. Их реальные биографии стали продолжением их искусства.

Каждое искусство обладает особыми, лишь ему свойственными возможностями. Вместе с тем каждый вид искусства тяготеет к умножению, расширению своих возможностей, используя опыт смежных искусств. К концу XIX — началу XX в. эстетическое сознание становится все более гибким, пластичным, нарушается тверделость границ между разными искусствами, их орбиты пересекаются, переплетаются между собой. Литература (в нашем случае поэзия) и живопись активно движутся навстречу друг другу; иногда эти процессы бессознательны, иногда осознанны. Выразительность слова начинает обогащаться визуальной образностью, а изобразительный язык живописи тяготеет к духовной экспрессии. В творчестве П. Гогена, западноевропейского импрессиониста, и в поэзии Н. Гумилева, русского поэта-акмеиста, мы обнаруживаем эту двуединую тенденцию художественного сознания рубежа веков. В живописи Гогена сказывается влияние литературных методов создания образа. Речь о сжатости, концентрированности, метафоричности слова-образа и стремлении Гогена передавать не видимость предметов, максимально приближенных к оптическому восприятию человеческим глазом, а их сущность, идею, используя образ как

знак, символ. С этой целью Гоген разрабатывал собственную живописную систему, названную им *синтетизмом*: плоскостная композиция, декоративное упрощение цвета и рисунка, призванные быть аналогом переживания, с элементами символики, произвольный колорит и произвольный цвет, моделирующие экспрессивно-чувственную картину первозданного мира. В то же время Н. Гумилев в 1910-е гг., через несколько лет после дебюта П. Гогена в искусстве (художник умер в 1903 г.), в статьях, манифестирующих новую акмеистскую эстетику, и в своей поэтической практике воплощает в качестве доминирующих целей своей системы постижение земного мира в красоте его первозданных подробностей, воскрешение в правах живого, страстного человека, мир феноменов, конкретной чувственности. Гумилев обращается к вещественно-логическому смыслу слов, к живописной точности образа. Для его поэзии характерно усиление в стихе повествовательной интонации, ориентация на изобразительность, пластические искусства, эстетизация первородства натурального, естественного, природного бытия. Адамизм, или кларизм, акмеистов, и в частности поэтическая манера Н. Гумилева, тяготеет к синтезу конкретного и обобщенного архетипического, к стилизации. Все это объединяет поэта с поисками Гогена. Изобразительность поэтического слова Гумилева связана с его стремлением находить словесный и зрительный эквивалент конкретной эмоции, переживанию. Это, разумеется, духовная конкретность, духовная пластика. Это всегда выражение впечатления в сочетании с показом немногих, но очень выразительных изобразительных деталей. Гумилев показывает нечто через свое переживание этого нечто. Скажем, портрет создается не через скрупулезное описание, а несколькими крупными штрихами, как у Гогена, конкретика сочетается с обобщением: двумя-тремя акцентными мазками подчеркиваются лишь наиболее выразительные моменты и детали. Тот и другой оперируют метафорой и символом. Сравнение туземки из стихотворения Н. Гумилева с гогеновской «Евой» (другое название работы «Таитянка») позволяет увидеть близость приемов создания портрета, где на первый план выходит не психологизм, а стремление стилизовать некий архетипический символ. Живописный портрет туземки в стихотворении Гумилева малоподвижен, подробности, детали визуальны, статичны: *Ее фарфоровое тело / Тревожит смутной белизной, / Как лепесток сирени белой / Под умирающей луной* [Гумилев, 2000, с. 80]. В экзотических стихах Гумилева поражает чувственная, осязаемая яркость: *запах крови, темный, пьяный, как любовь, убийца с глазами гиены, как куренья пахнут травы*. Мир экзотических баллад — это мир зримых, колоритных образов, переданных через насыщенные и сочные краски: зеленые подножья, эбеновая кожа, красные губы, багровые пятна, разноцветная палатка, алый пояс, кровавое мясо. В одной из своих заметок Гумилев восклицает: «Поэт с горячим сердцем и деятельной любовью не захочет образов, на которые нельзя посмотреть и к которым нельзя прикоснуться ласкающей рукой». Гумилев вводит визуальное описание в самые фантастические сюжеты, и выбирает эпитеты, благодаря которым предмет можно увидеть и ощутить: тяжкие лапы, пьяный запах, ласкающая груда шкур звериных и шелковых тканей, гибкие складки. Все это роднит Гумилева с Гогеном, синтезирующий метод которого сосредоточен

на акцентировании зрительных образов, выражающих обостренную экспрессию чувства. Гоген преобразует реальную природу в декоративный узор. Его язык гиперболичен. Он усиливает интенсивность тонов, ибо его интересует не цвет определенной травы, а те эмоции, которые она должна выражать. Он понимает цвет символически. Гоген стилизует форму предметов, подчеркивая нужный ему линейный ритм совсем не в соответствии с тем, как он выглядит в натуре.

То же у Гумилева. Не образ героини, а впечатление от поэтического созерцания ее, содержание воображения определяет форму, яркие чувственные ассоциации органично связаны с интеллектуальной силой словесной выразительности. Образ обнаженной Евы у Гогена, невозмутимо срывающей греховно-красный плод с живописного фантастического дерева, конкретен и одновременно многозначен, метафоричен, обобщен. Важно духовное содержание, авторская концепция, философия, побудившая художника к бегству из буржуазной Европы на Таити, так что Ева — символ этой мечты о золотом веке. Ее первобытная экзотичность, пропущенная через призму романтического авторского воображения, рождается за счет решительного упрощения и членения цвета и формы. Можно говорить о статичности, даже сходстве с аппликацией (Гоген использовал термин «клуазонизм»). В экзотических стихах Гумилева живописность тоже часто оказывается близка к анимационным картинкам.

Поразительно сочетание у того и другого общей установки на экспрессию живописного видения, тенденция к «музыкальности» живописной образности, открытая чувственность, предельная эмоциональность и вместе с тем, несмотря на тяготение к открытости, почти исповедальности творческого самовыражения, — рассудочность, стремление к созданию жестких и устойчивых композиций, законченных и уравновешенных форм. На самых экзотических «первобытных» образах того и другого лежит печать рациональной ясности. Оба любили равновесные конструкции, стремились к декоративной упорядоченности, продумывали и «отрабатывали» тщательно ритмы и интонации своего языка, не терпели мешанины, хаоса в фактуре, стихийности и случайности в применении художественных средств. Эта «ремесленная» требовательность, холодный расчет, стремление «поверить алгеброй гармонию» раздражали в Гогене, например, страстного и безоглядного в творчестве В. Ван Гога. Во многом из-за этого произошел разрыв в дружбе двух замечательных художников.

В свою очередь, те же качества раздражали в Н. Гумилеве и символиста А. Блока. Отзыв Блока о поэзии Гумилева назывался «Без божества, без вдохновенья...». Этот синтез выдумки, интуиции и конструктивной четкости, конкретного наблюдения, воображения и рассудка создают особый эффект в творчестве художника и поэта. Тот и другой чутко следили за ритмами своих впечатлений и умели подчинить волевому замыслу лиризм и экспрессию.

Неповторимость и необычайный колорит творчества П. Гогена и Н. Гумилева связаны с их стремлением к реализации собственных теоретических систем на практике. Синтетизм Гогена и акмеизм (адамизм) Гумилева выразились в их творчестве прежде всего в повороте к архаике, мифам, легендам, символике, религии, типам, мистике древних народов. Но выражается это не только

в сюжетику, но прежде всего в выработке синтетической формы. Отсюда у Гогена стилизация в конкретных таитянских сюжетах мотивов и символов древневосточных культур, имитация древнеегипетского канона с его плоскостностью, субстанциональностью, совмещением в одном изображении разных точек зрения — и вместе с тем насыщение такого рода визуальных сюжетов напряженной рефлексией современного кризисного сознания. Гумилев, в свою очередь, обращается к древнему жанру эпической баллады, но тоже стилизует ее, наполняя энергией активного напряженного личностного сознания. Примитивы Гогена сродни балладам Гумилева. Для народной баллады характерна сюжетность, которая обеспечивается тоном объективного и последовательного внеавторского повествования о событиях; отсутствие лирических отступлений, эмоциональных пояснений, морализации; передача событий в самых напряженных, самых действенных моментах, развернутая фабула. Гумилев перерабатывает этот жанр, привнося в него поэтическую интимность, погружает читателя в сферу таинственного, обогащает балладу детализацией эмоциональных переживаний героев. Мотивировка событий полностью заменяется символикой. Особенно эти качества проявились в экзотических стихах поэта. Для Гумилева как поэта Серебряного века, «одинокое человека, стоящего перед лицом Вечности», по выражению Е. Эткинда [см.: Эткинд, с. 105], Африка — начало начал, колыбель человечества, как Полинезия для Гогена — земля, где зародились первые кристаллики жизни, еще примитивные и чистые в своем развитии, подарившие миру формы жизни будущих цивилизаций. Поэт видит в Африке не типичное, а экстраординарное. Жажду жизни утоляет романтика, которую Гумилев находит в вечной и неизвестной Африке, столь далекой от обыденной, привычной действительности («Невеста льва», «Озеро Чад», «Зараза», «Игры», «Попугай», «Гиена», «Ягуар», «Носорог», «Кенгуру», «Жираф», «Слоненок», «Леопард» и др.). Колоритный и экспрессивный мир Африки экзотичен и визуален, как экзотичен и визуален мир гогеновской Полинезии, романтизированной западноевропейским художником. Однако Гумилев ищет динамику, описывает жизнь в пиковых ситуациях. В его представлении Африка — воплощение хаотической бездны бытия, где люди отождествляются с животными, а дикие звери похожи на людей, где жизнь и смерть идут рука об руку, а сама жизнь представляет собой вечное противоборство.

Гоген же искал покоя: в его симметричных стилизованных композициях Полинезия, какой он мечтал ее видеть, — это мир устойчивости, оставившегося, застывшего мгновения, неподвижности и запечатленности идеала постоянства. В то же время реальная жизнь художника на Таити открыла ему неразрешимые противоречия, раздражающие этот мир, как и мир его собственной души. Миф разрушается изнутри. Индивидуальное сознание художника обнаруживает глубинный трагизм существования. Отсюда в полотнах нота беспокойства, философского размышления, жадного вопрошания, парадоксальная противоречивость названий многих его картин, символический диссонанс визуального и вербального ряда («А ты ревнуешь?», «Больше никогда», «Кто мы? Откуда? Куда мы идем?»). Авторские названия соотносимы со знаменитыми открытыми финалами в стихах Гумилева, передающими тревожность,

остроту ситуации, смятение чувств. Открытый финал завораживает, заставляет волноваться, но автор не дарит возможности «увидеть», чем все кончится, оставляя простор читательской мечте. Гоген, как и Гумилев, намеренно не завершает «события», разрушает инерцию идиллического восприятия неожиданным вопросом (например, работа Гогена «Брод» и стихотворение Гумилева «Озеро Чад»). Событие, поставленное Гумилевым во главу угла, удивляет, шокирует, дарит читателю сложную гамму противоречивых переживаний. Баллады-новеллы, представляющие динамичные мгновения жизни, складываются в разноцветные мозаичные панно, в которых анархичные фантазии поэта обретают гармонию.

Гоген-фантаст, пристрастный к гиперболизму «примитивов», стремится воплотить идею гармонии бытия через тяготение к декоративности. Орнаментальность, яркость красочных пятен в его творчестве позволили исследователям назвать его стиль *к о в р о в ы м*.

Таким образом, Н. Гумилев с его методом «галлюцинирующего реализма» — и П. Гоген, синтезирующий цвет и линию, движутся в одном направлении в области формообразования, обогащая свой язык за счет расширения его выразительных средств: символистская парадигматика в их творчестве синтезируется с экспрессионистской.

В истории отдельных искусств нет прямолинейного движения: отдельные отрезки развития не находятся в последовательной причинно-следственной связи друг с другом. Искусства разных видов соприродного стиля, подчеркнем еще раз, демонстрируют нам большую близость в своих поисках, чем разностилевые искусства одного вида, если рассматривать стиль как ритм мышления культуры.

Гашева Н. Н. Синтез в русской культуре : типология и динамика форм. Пермь. 2009. 348 с.

Гумилев Н. Избранная лирика. М., 2000. 280с.

Гумилев Н. Письма о русской поэзии. М., 1990. 257 с.

Давидсон А. Николай Гумилев. М., 2001. 300 с.

Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству // Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1990. 350 с.

Одоевцева И. На берегах Невы. М., 1988. 200 с.

Эткинд Е. Единство «серебряного века» // Звезда. 1989. № 12. С. 105—118.

Статья поступила в редакцию 13.05.2010 г.

УДК 7.036“19” + 7.035.93 + 165.5

А. Н. Мережников

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МЕТОД М. А. ВРУБЕЛЯ:
ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ОЦЕНКИ**

Анализируются споры о художественном методе М. А. Врубеля. Сравниваются позиции исследователей, одни из которых видят во Врубеле художника модерна, а другие — создателя классически прекрасных форм, значение которых не обусловлено стилевой принадлежностью. Творческий метод мастера рассматривается с позиций структурализма и герменевтики.

Ключевые слова: М. А. Врубель, классика, модерн, форма, стиль, метод, структурализм, герменевтика.

Если проследить, как воспринимали и интерпретировали гений Врубеля при его жизни или впоследствии, можно уловить два различных подхода, две позиции, причем различие между ними ясно ощущается, но его не так-то легко выразить в вербальной форме. Одна из них представляется более критичной, а другая более апологетичной. «Трижды романтический мастер» (если применить к создателю «Демона» слова булгаковского Воланда) воспринимается или как противоречивый талант, к которому следует относиться избирательно (и прежде всего с позиций художественного вкуса), или же как идеальный художник, чей корпус творений является, по сути, одним совершенным произведением. Но вместе с тем ясно, что дело не только в разном качественном уровне оценки, а в том, что имеет место методологическое различие в отношении к самому феномену творчества Врубеля. Это различие отчетливо заметно, если сравнить характеристики, данные мастеру двумя выдающимися представителями культуры Серебряного века — А. Н. Бенуа и А. Я. Головиным.

«...Врубель не гений и... как большинство современных, в особенности русских, художников не знает границ своего таланта и вечно возносится якобы в высшие, в сущности только чуждые ему, сферы», — писал Александр Бенуа, наиболее компетентный и вместе с тем наиболее толерантный из русских критиков [Бенуа, с. 403]. И далее: «Хамелеонство, отзывчивость, податливость Врубеля безграничны. Человек, сумевший несравненно ближе, нежели Васнецов (и раньше Васнецова), подойти к строгим византийцам в своих кирилловских фресках и с таким же совершенством, так же свободно и непринужденно подражающий лучшим современным западным художникам, — не просто ловкий трюкер, но нечто большее, во всяком случае, странное и выдающееся явление, встречающееся только в старческие эпохи, когда накапливается слишком много скрещивающихся идеалов и идет великая, трудная работа сводки самого пестрого в одно целое» [Там же, с. 407—408].

В этих блестяще написанных строках заключена целая программа, исправно работающая и сегодня. Не будем придавать значения суждениям оценочного характера (не гений, но и не трюкер, а нечто большее), высказанным лидером мирискусников (необходимо сделать поправку на «оптическое искажение»,

обусловленное сверхблизкой дистанцией), и выделим позитивные моменты. Бенуа видит сильную сторону Врубеля в том, что тот вступает в творческий диалог и с искусством прошлых эпох, и с современными ему мастерами мирового уровня (слово «подражает» в контексте статьи следует понимать именно так), и считает это качество адекватным эстетической доминанте эпохи. Слабость же его в том, что он «не знает границ своего таланта», и это, по мнению критика, тоже симптоматично. Мы сегодня, зная стиль эпохи (модерн), согласимся с Бенуа в признании значения синкретических свойств художника, его протеизма, но при этом подчеркнем, что эти качества можно считать ключевыми, если подходить к творчеству Врубеля именно с позиций стиля. То же относится и к «знанию границ своего таланта». Всякий талант имеет границы, но если сам художник ставит границы развитию своего таланта и художественного мастерства, то он не художник, а ремесленник, проще говоря, халтурщик. Высказывание Бенуа можно считать корректным лишь в том случае, если под «границами таланта» понимать не границы его развития, а, так сказать, границы «ареала обитания», стилевую «нишу», вмещающую в себя весь спектр задач, «показанных» дару конкретного художника.

Следует отметить, что Бенуа в своей статье признает во Врубеле художника, «обладающего... огромным мастерством» [Бенуа, с. 403], но говорит об этом как-то вскользь, чуть ли не как о чем-то само собой разумеющемся, словно профессиональное мастерство является лишь пропуском на тот уровень, находясь на котором, художник заслуживает быть объектом критического суждения. Критик, кажется, недооценивает уровень этого мастерства (кстати сказать, намного превышающий уровень мастерства самого Александра Бенуа как художника), что и является причиной того, что какой-то наиболее важный «сегмент» врубелевского гения ускользает, и для критического анализа остается «не гений».

При этом подчеркнем, что А. Н. Бенуа прав в таком «препарировании» Врубеля со своей точки зрения. Оценивать художника с позиций стиля совершенно естественно для мирискусника. И в рамках такого подхода Врубель действительно не гений. Гений, в понимании Бенуа, — это некий абсолюте, не зависящий от «системных» проблем эпохи. Эпоха может заблуждаться, но гений — нет. Бенуа же показывает Врубеля как художника, «грехи» которого (истинные или мнимые) суть «грехи» стиля эпохи. И это справедливо, если сосредоточиться не на уникальном в творчестве мастера, а на том, что типично; не на чудесном, а на закономерном.

Александр Яковлевич Головин, обладающий не менее изысканным вкусом, чем А. Н. Бенуа, и не менее высокой художественной квалификацией, работал исключительно как художник-практик. В его оценке наследия мастера проявился принципиально иной критерий. В очень краткой (содержащей всего около двухсот пятидесяти слов) главке воспоминаний, посвященной Врубелю, семь раз повторено слово «классичность». Автор настойчиво произносит его, как бы заклиная читателя: «Мне всегда казалось непостижимым, как люди не замечали удивительной “классичности” Врубеля»; «...он во всех своих произведениях был удивительно классичен...»; «Все, что бы ни сделал Врубель, было

классически хорошо» и т. д. [Врубель. Переписка, с. 275—276]. Думается, что столь эмоциональная, нервная интонация, вообще-то не свойственная мемуарному жанру, объясняется скрытой полемикой с позицией Бенуа.

Обратим внимание, что в первой из процитированных фраз, характеризующей Врубеля в целом как явление в искусстве («бренд», как сказали бы сейчас), Головин употребляет ключевое слово в кавычках, а говоря о работах мастера как о «вещах» («Все, что бы ни сделал Врубель...»), кавычки снимает. Из этого следует, что в первом случае классичность следует понимать в переносном смысле, обусловленность которого может, очевидно, быть воспринята из контекста, во втором же — в прямом.

Александр Яковлевич объясняет, что есть, в его понимании, классика «без кавычек»: «...если понимать под “классикой” убедительность, основательность, внушительность художественного произведения» [Там же]. Данное высказывание, хотя и брошенное вскользь, является программным и полемичным, оно фиксирует принципиально важные позиции. Даже некая стилистическая шероховатость¹ оказывается, если вдуматься, содержательной, как бы указывая на существование некоего смыслового «штампа», укоренившегося уже на уровне обыденного разума и подразумевающего «классику» как некую общность, определяемую наличием легко узнаваемых атрибутов: элементов ордерной системы, лепнины, «зефиров и амуров» и т. п. Это, скорее, в глазах профанов, но и для специалистов, людей, не закрепощенных массовым вкусом, также характерно то, что «классичность» понимается исключительно как стилевая, а точнее, как стилистическая категория, что обрекает ее на вторичность, на невозможность существования без кавычек. В процитированной фразе трактовка автором феномена классичности выражена неявно, косвенным образом, но мы попытаемся развернуть ее исходя из контекста. Итак, главные качества, свойственные классической вещи, — это, во-первых, серьезность, архитектурность, структурность при высшей степени мастерства; а во-вторых, самодостаточность, необусловленность той или иной стилистикой. Так, видимо, следует понимать приблизительные характеристики: «убедительность, основательность, внушительность». В общем, интуитивное и контекстуальное высказывание Головина можно интерпретировать так: нет классического стиля, а есть классическое совершенство (отсюда как высшая оценка — «классически хорошо»). И произведения Врубеля классичны потому, что они обладают вышеназванными качествами, а не в силу того, что они используют классику как «строительный материал» или как основу для стилизованных реплик (что свойственно, в частности, мирискусникам).

Если мы солидарны с этой позицией, признав Врубеля прежде всего как художника-классика, то для нас должен быть несомненен приоритет формы в его творческом наследии. Именно к форме в первую очередь приложимы такие характеристики, как убедительность, а особенно основательность и внушительность.

¹ Строго говоря, словом «классика» обозначается сущность, а не свойство, и потому она не может быть квалифицирована как «убедительность» и «внушительность», которые суть качества, могущие быть свойственными сущности, но не являющиеся ею самой.

В свете вышеизложенного ясно, что применительно к Врубелю речь следует вести не о классических сюжетах и мотивах (как у академистов) или классических образах (как у символистов), хотя и то и другое имеет место в его творчестве (вспомним соответственно «Суд Париса» и «Пана»), но именно о классических формах с присущими им тектоничностью, композиционной цельностью и завершенностью. Вообще все врубелевские формы именно таковы: они совершенны даже в незавершенных вещах.

Итак, Врубель прежде всего гений формы, архитектор в своем искусстве. Это, в свою очередь, подводит нас к проблеме соотношения стиля и метода. Ведь если определен главный эпитет, которым мы снабдили мастера — классический, то, чтобы избавиться это слово от кавычек, надо его к чему-то отнести: классический стиль или классический метод? Думается, в рамках врубелеведения следует в соотношении «стиль — метод» закрепить доминирующее значение за методом, поскольку именно в контексте метода можно вести речь о «чистом» формообразовании, о форме как «вещи в себе».

Автор одной из последних крупных книг о творчестве Врубеля П. К. Суздаlev называет свой труд «проблемно-монографическим исследованием». В нем Суздаlev решает задачу, сложную в том числе и в формальном отношении: представить свое видение творческого пути художника, одновременно вскрывая проблемы, возникающие перед исследователем, изучающим тот или иной его этап. Конечно, такого рода проблематика потребовала тщательной разработки диалектики «стиль — метод», а кроме того, привнесла определенную полемику. Автор пишет: «Творческий метод подлинного художника тесно связан с присущим ему изобразительным языком — совокупностью средств, способов, приемов изображения, во внешнем контексте и своеобразии которых обычно усматривают индивидуальные и общие, национальные и мировые исторические особенности стиля и манеры мастера» [Суздаlev, с. 33]. И далее: «Понимание изобразительного языка Врубеля, истоков формирования его индивидуального стиля возможно лишь в результате последовательного рассмотрения становления и последующего развития мастера как художника, мыслителя, человека; при этом нельзя терять из виду целостность личности Врубеля при всей сложности его жизни, искусства и творческой мысли» [Там же]. Выделим наиболее важные позиции, обозначенные Суздаlevым. Прежде всего, как видим, для исследователя творческий метод и стиль художника предстают как некий континуум: от «творческого метода подлинного художника» он доходит до «мировых исторических особенностей стиля» в пределах одной фразы. Далее синтез стиля и метода осуществляется в лоне «изобразительного языка», который определен как «совокупность средств, способов, приемов изображения». Следует отметить, что «язык» Суздаlevа явно ближе к методу, нежели к стилю (рискну сказать, что даже не вполне ясно, в чем разница между тем и другим; словарь Ожегова, например, определяет метод как «способ действовать, поступать каким-н. образом, прием» [Ожегов, Шведова, с. 353], так что, поменяв «действовать» на «изображать», получаем практически идентичные формулировки). Что же касается стиля, то, во-первых, стиль у Суздаlevа фактически отождествляется с авторской манерой, т. е. мыслится прежде всего

как персональный атрибут, «во внешнем контексте» которого проявляются «общие, национальные и мировые исторические особенности». Во-вторых, важно отметить, что названные стилевые качества, по Суздалеву, «усматриваются» (!) в творчестве художника — иными словами, они возникают, так сказать, пост-фактум, как последующее оценочное суждение (и, возможно, не свободное от произвольности или ангажированности), формируемое независимо от воли художника, роль которого в интеграции индивидуальной манеры в «большой стиль», таким образом, оказывается в большей степени пассивной. Кажется, что в голосе автора слышатся нотки недоверия к этим «усматривающим». Он как бы оберегает любимого им гения от неких анонимных «резонеров», настаивая на индивидуальности его стиля, на «целостности личности», подчеркивая, как уже было сказано, континуальное единство и неразделимость таких категорий, как язык, метод, манера, стиль.

Такой авторитетный исследователь, как Д. В. Сарабьянов, напротив, рассматривает метод исключительно в контексте стиля. В работе «Модерн» он пишет: «Итак, стиль — это общность формы. За ней, или, лучше, над ней располагаются другие общности и системы: общность мировоззренческая, общности, образующиеся на основе отношения художников к окружающей действительности, на основе единства творческого метода, определенная система жанров в пределах какого-либо вида искусства (как часто ее называют, жанровая структура), иконографическая общность. Некоторые из них в известной мере регулируют движение стиля; другие оказываются в положении подчиненном — зависят от стиля. Так или иначе, они находятся по отношению друг к другу в известной зависимости при отсутствии полного совпадения» [Сарабьянов, с. 31]. Как видим, для автора и стиль, и метод — это «общности», т. е. нечто присущее многим, но не одному. Далее автор высказывается еще более категорично: «В каком бы варианте реализации мы ни взяли стиль — в виде ли всеильного стиля эпохи или в варианте суженном, он всегда имеет одно важное качество: стиль — категория надличностная. Художник в тот момент, когда он начинает свою художественную деятельность, вступает в игру, которая ему предложена; он принимает условия этой игры; он включается в определенное движение. Разумеется, художник может восстать против этого движения, опровергнуть его своим творчеством. Но он делает это в пределах самого движения. Даже тогда, когда он с порога отрицает существующий стиль, он к нему приобщается хотя бы своей позицией отрицания. То, что дается художнику в виде стиля или в виде разных вариантов стилевых направлений, — предопределено» [Там же, с. 38].

По всей видимости, имеет место противоречие в трактовке соотношения стиля и метода и, очевидно, даже в трактовке самих этих понятий применительно к творчеству одного художника у двух столь авторитетных специалистов. Для Суздалева существуют прежде всего собственный метод и индивидуальный стиль, формирующийся на основе авторской манеры. Между ними существует прямая и неразрывная (как бы даже интимная) связь, для обозначения которой Суздалев, видимо, и вводит еще одно понятие — *изобразительный язык*, в то время как связь между индивидуальным стилем и

Стилем представляется весьма опосредованной и только косвенным образом касающейся самого художника.

Д. В. Сарабьянов разворачивает эту схему на девяносто градусов. Обратим внимание на многозначительное уточнение в процитированном отрывке: «...за ней (общностью формы, т. е. стилем. — А. М.) или, лучше, над ней располагаются другие общности и системы...». Если суздальская схема — горизонталь, то Сарабьянов выстраивает вертикаль (которую так и хочется назвать «властной»), столп из «общностей», утверждающий истину индивидуального творчества.

Все-таки так ли уж противоречат друг другу эти две схемы? Не будем забывать, что книга Суздалева — монография, посвященная персонально Врубелю, в то время как труд Сарабьянова представляет мастера как одного из художников модерна в контексте Стиля.

Кроме того, сравнивая процитированные отрывки, трудно отделаться от мысли, что суздальская «совокупность средств, способов, приемов изображения» вполне могла бы быть квалифицирована как *общность формы*. Если позволить себе такую вольность, то мы приходим к идее некоей двухполюсной системы с переменным напряжением, когда одна позиция оказывается инверсией другой.

Общим является и некоторый фатализм обоих исследователей в вопросе отношения художника к стилю. У Суздалева мы уже обнаружили неких «усматривающих», подобных хору в античной трагедии, что созвучно со словами Сарабьянова о предопределенности стиля для художника (однако то, в чем первый видит некую угрозу, для второго — фактор позитивный, усиливающий позицию художника, подводящий фундамент под его творчество).

При этом, однако, терминологическое противоречие не снимается. По Д. В. Сарабьянову, индивидуальный стиль — некорректное выражение, однако за П. К. Суздальевым стоит сложившаяся терминологическая традиция, равно приемлющая и стиль эпохи, и стиль художника. Очевидно, решение проблемы может быть найдено лишь в ходе строительства и совершенствования самого терминологического аппарата искусствоведения, что, само собой разумеется, выходит за рамки проблематики данной статьи.

Однако рассмотренная концептуальная коллизия представляет интерес с методологической точки зрения, и именно с этой позиции она может быть здесь рассмотрена.

Умберто Эко, один из наиболее харизматичных деятелей современной культуры, историк, культуролог и писатель-беллетрист, написал работу под названием: «Отсутствующая структура. Введение в семиологию». В ней автор уделяет большое внимание структурализму в его разных ипостасях: и как философской концепции, и как аналитической практике, и, в частности, как структуралистской художественной критике. Ряд рассуждений методологического плана, содержащихся в соответствующих главах книги, представляются актуальными при рассмотрении нашей проблемы. Эко приводит две позиции, два взгляда на методы и приоритеты художественной критики, возводя их соответственно к двум современным философским концепциям — структурализму и

герменевтике. «Герменевтическую» позицию автор «Имени розы» иллюстрирует цитатой из текста, принадлежащего французскому критику Жоржу Пуле: «Целью критики является интимное постижение критикуемой реальности. Подобное постижение возможно лишь в той мере, в какой критическая мысль становится критикуемой, прочувствовав, продумав, вообразив последнюю изнутри. Нет ничего менее объективного, чем это движение духа. В противоположность тому, что обычно думают, критика должна избегать каких бы то ни было объектов (автор, рассматриваемый как другой, или его произведение, рассматриваемое как вещь); то, что должно быть уловлено, это субъективность, деятельность духа, которой не понять со стороны, не испытать в себе самом действия этой субъективности» [Эко, с. 357—358]. Этот подход Эко противопоставляет структуралистскому: «Вполне очевидно, что с точки зрения структурализма структуры не “переживаются”, как раз наоборот, как мы подчеркивали, сопоставляя структуралистский и феноменологический методы, структура тем лучше функционирует, чем успешнее замораживает объект, превращая его в некую окаменелость. С другой стороны, как не согласиться с тем, что произведение искусства располагает к герменевтической интерпретации гораздо более, нежели к структурному анализу?» [Там же]. Делая вывод, Эко говорит (солидаризуясь в этом с отцом герменевтики Полем Рикером) о том, что два подхода должны дополнять друг друга: «герменевтическому прочтению подлежат великие произведения, близкие нашему мироощущению, многоплановые и неоднозначные: структурный же метод оказывается более эффективным при анализе типовых произведений (массовая культура) или когда мы сталкиваемся с далекими и чуждыми нам культурными контекстами, непостижимыми изнутри и потому редуцируемыми к неким константным, характеризующим их структурам» [Там же].

Применительно к нашей проблематике снова зададимся вопросом о нашем отношении к явлению, называемому Врубелем. Понимаем ли мы его как художника Серебряного века, великого среди великих, гения среди гениев, существующего в контексте европейского модерна? Или же Врубель для нас — эксклюзив, VIP-персона, представляющая интерес прежде всего как «вещь в себе»? Оба подхода имеют равное право на существование, и оба являются плодотворными. Но, думается, не лишне напомнить, что это именно два методологически различных пути и смешение их неминуемо приведет к «системному сбою». При этом отметим, что процитированные выше фрагменты трудов П. К. Суздалева и Д. В. Сарабьянова, а ранее А. Я. Головина и А. Н. Бенуа вполне могли бы служить иллюстрацией взаимоотношений герменевтического и структурного методов (в трактовке У. Эко).

Можно говорить о том, что в творчестве Врубеля есть то, что постижимо только изнутри, — врубелевский генезис, обусловленный синтезом неповторимого дарования Врубеля, его интровертного темперамента и чистяковской школы, настоянной на академической традиции, «культе глубокой природы» и европейских новациях (живописи Фортунни, Мейссонье, Бастьен-Лепаж). Техника этого синтеза и определяет внутреннюю лабораторию художника, «алхимию» его творчества.

Наравне с этим, существуют качества искусства Врубеля, постижимые извне: его символизм, метафорика, многослойная структура образов. Как это ни странно, но именно специфическую, причудливую образность Врубеля мы не сможем воспринять адекватно, пребывая внутри его аутичного мира. Как известно, Врубель всегда подчеркнуто не интересовался современной ему станковой живописью, испытывая пиетет лишь к классическому искусству и к старой русской Академии, подчас эпатажу друзей-художников («Айвазовский — замечательный художник» [Константин Коровин вспоминает, с. 89]). Также известна симпатия художника к массовому искусству — политипажам, олеографическим изображениям, этикеткам (например, по воспоминаниям К. Коровина, Михаил Александрович ставил тому в пример этикетку французского шампанского [см.: Там же, с. 64]). При этом сегодня невозможно усомниться в принадлежности творчества российского мастера к мейнстриму европейского модерна. Сегодня никоим образом Врубеля нельзя представить маргиналом, аутсайдером, хотя при жизни он вполне мог бы быть причислен к таковым. Констатируем, что модерн Врубеля формировался «по умолчанию», неявным для него самого образом, путем инфильтрации стилевых качеств, зачастую через вторичное искусство (О механизме такой инфильтрации см.: [Сарабьянова]).

Применив терминологию, предлагаемую У. Эко, можно сказать, что при анализе метода Врубеля более «показанным» представляется герменевтический подход, а при анализе стиля — структурный. Если же представлять индивидуальный стиль мастера и его собственный метод как некую континуальную целостность (в соответствии с подходом Суздалева), тогда, очевидно, и подход к технике анализа должен быть комбинированный, т. е. структурно-герменевтический.

В качестве иллюстрации того, что указанное разграничение подходов (или приемов) целесообразно и даже необходимо, рассмотрим его применительно к конкретному «узлу» врубелеведения.

Неоднократно говорилось о связи искусства Врубеля с творчеством Мариано Фортунни. На существование такой связи указал сам художник, с гордостью упомянув в одном из писем, что в Академии за ним закрепилось прозвище «Фортуни» [Врубель. Переписка, с. 65]. Этот мастер был очень популярен в России, причем в Академии значительно выше ценили его малоформатные акварели, чем масляные картины. Это, разумеется, не случайно, так как именно в этих камерных вещах проявилось новаторство Фортунни в области пластики, построения усложненных ракурсов, наложений и пересечений форм, задолго предвосхитивших пластические конструкции Пикассо. Этюдный (можно сказать, «репортажный») характер этих работ, придающий им визуальный характер «фактуры», как бы говорящий зрителю, что художник не собирается предлагать ему никакой программы, а преподносит должным образом препарированный фрагмент реальности для собственного осмысления, наверное, был рассчитливо «спроектирован» испанцем, как специальный формат, подходящий для подачи его ориентальной (или экзотической) тематики. Однако чистяковская школа, с ее нелюбовью к ложному пафосу и культом «глубокой природы», несомненно восприняла новации Фортунни гораздо более серьезно, чем просто

удачный проект, увидев в них материал для строительства нового художественного метода.

При этом масляные картины Фортунни (например, «Заклинатели змей», хранится в собрании ГМИИ) воспринимались уже как программные и вполне укладывались в привычные представления об ориентализме (картины в восточном вкусе). Примечательно, что С. П. Яремич в своей монографии вообще поставил под сомнение влияние Фортунни на Врубеля, заявляя, что врубелевские работы скорее напоминают о картинах Жерома [см.: Яремич, с. 285]. Это любопытное замечание Яремича возвращает нас к основной проблематике. Ведь очевидно, что сопоставление Врубеля с Фортунни, с одной стороны, и с Жеромом — с другой, возможно только по разным каналам: с первым — на основе напряженного пластицизма, построения пространства композиции (в частности, использования приема пропущенного переднего плана), кажущейся якобы фрагментарности изображения, в позитивном, творческом натурализме; со вторым же — прежде всего в сюжетах (например, гаремная тема) и в общей атмосфере многозначительного молчания, тишины, могущей быть равно истолкованной и как зловещая, и как мирно-созерцательная, т. е. исключительно с образно-тематической позиции. С полным основанием можно утверждать, что канал, предлагаемый Яремичем, — стилистический, в то время как канал, указанный самим Врубелем, проложен на основе общности метода. Столь же очевидно, что этот «методический» канал значительно более важен, поскольку именно он приводит нас к пониманию генезиса врубелевской формы, в то время как влияние европейского ориентализма (в лице Жерома) — фактор скорее умозрительный, не касающийся главного нерва в творчестве мастера.

Отсюда следует, что для изучения творчества Врубеля следует считать приоритетным подход именно с позиций метода, а не стиля, если рассматривать его как художника-классика, создателя уникальных форм и полагать именно классическое, т. е. внестилевое, сверхстилевое качество врубелевской формы наиболее значимым.

Бенуа А. Н. История русской живописи в XIX веке. М., 1995.

Врубель. Переписка, воспоминания о художнике. Л., 1963.

Константин Коровин вспоминает... М., 1990.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.

Сарабьянов Д. В. Модерн. История стиля. М., 2001.

Суздалев П. К. Врубель. М., 1991.

Степан Петрович Яремич : [сборник] : в 2 т. / сост., авт. предисл. И. И. Выдрин, В. П. Третьяков. Т. 1 : Оценки и воспоминания современников. Статьи Яремича о современниках. Т. 2 : О Врубеле : Монография. Статья. Переписка. СПб., 2005. (Классика искусствознания).

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2004.

Статья поступила в редакцию 20.03.2010 г.

УДК 7.05 + 7.038.17 + 739.2

Л. А. Будрина

РУССКИЕ КАМНЕРЕЗЫ ФИРМЫ КАРТЬЕ*

Рассматривается один из частных случаев российско-европейского сотрудничества — опыт французской фирмы Картье, размещающей заказы у русских поставщиков, в том числе уральцев. Анализируются архивные материалы Ювелирного дома Картье.

Ключевые слова: фирма Картье, русское камнерезное дело, ар-деко, взаимодействие ювелирного и камнерезного искусств.

Международные контакты в области декоративно-прикладного искусства рубежа XIX—XX в. — чрезвычайно интересная, но малоизученная тема. Одним из частных случаев российско-европейского сотрудничества в этой области является опыт французской фирмы Картье (Cartier). Можно предположить, что эта фирма была не единственной размещавшей заказы у российских мастеров. Однако это предприятие является одним из немногих сохранивших свои архивы, что позволяет проследить историю и характер деловых связей парижской фирмы и российских камнерезов.

Традиции каменного декора парадных интерьеров появились в России еще в XVIII в. Тогда эта мода была спровоцирована стремлением подражать убранству европейских дворов. Расцвет русского камнерезного дела во второй половине XVIII — XIX в. охватил широкий круг специализированных предприятий разного масштаба: императорские гранильные фабрики Петергофа, Екатеринбурга и Кольвани, крупные частные фирмы и кустарное производство Петербурга и Екатеринбурга. В результате этого к концу XIX в. складывается насыщенный рынок произведений разного размера, стоимости и качества работ, равно востребованных в связи с распространением моды на каменные безделушки из придворно-аристократического мира в быт купечества и буржуазии.

Всемирные выставки 1850—1900-х гг. отчасти познакомили европейскую публику с каменными изделиями русских мастеров, но смогли обеспечить создание сети сбыта только для ограненных самоцветов — ювелирного сырья.

Эффектный выход на европейский рынок фирмы Карла Фаберже, получившей и исполнившей в 1907 г. крупный заказ английского короля Эдуарда VII — комплекс камнерезных «портретов» животных королевской фермы в Стриденгаме [см.: Фаберже: придворный ювелир, с. 31], открытие в 1903 г. собственного магазина русской фирмы в Лондоне — все это обострило конку-

* В 2009 г. благодаря участию в программе Министерства культуры Франции и коммуникаций «Profession culture» автору удалось поработать в архивах Ювелирного дома Картье (Париж) с инвентарными книгами, копийной тетрадью с перепиской с Россией и альбомами с фотофиксацией предметов. Продолжение этой работы стало возможным благодаря поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации (грант государственной поддержки молодых ученых, МК-6764.2010.6).

рентную борьбу на европейском рынке роскоши, что стало стимулом для некоторых фирм Старого Света разнообразить собственный ассортимент путем включения в него модных камнерезных предметов. В поисках поставщиков представители этих торговых домов едут в Россию.

Одно из наиболее ранних упоминаний о сотрудничестве французского Ювелирного дома Картье и российских камнерезов появилось в книге Александра фон Солодкофф «Русское золотое и серебряное дело 17–19 веков», изданной в 1981 г. Приводя информацию о деятельности А. К. Денисова-Уральского, он упоминает о поставках его камнерезных работ в Париж в 1908–1917 гг. [см.: Solodkoff, p. 210].

Существенно подробнее вопросы взаимодействия мастеров ювелирного и камнерезного дела были рассмотрены Гансом Надельхоффером в монографии, вышедшей на французском языке в 1984 г. Эта книга стала первой и, казалось, исчерпывающей историей Дома Картье. В главе 6 и комментариях к ней впервые приводится информация о сотрудничестве с российскими производителями и указываются их имена: московский ювелир Яр, камнерез Свечников, Карл Верфель с Обводного канала в Петербурге, московская фирма Овчинникова, Денисов-Уральский, Лагутяев, Суrowsый [см.: Nadelhoffer, p. 91–93, 296].

В каталоге выставки «Фаберже: придворный ювелир» (1993) опубликована статья «Проблема “Фальшберже”», посвященная вопросу атрибуции произведений фирмы Фаберже. В ней Геза фон Габсбург приводит сведения из учетных книг парижской ювелирной фирмы Картье, о том, что в них перечислено более двух сотен фигурок животных из самоцветов, многие из которых были приобретены у поставщиков поделочного камня, к которым обращался и Фаберже [см.: Фаберже: придворный ювелир, с. 165–167].

В 1997 г. отрывки из книги Надельхоффера были переведены на русский язык и опубликованы с комментариями В. В. Скурлова в книге «Фаберже и петербургские ювелиры» [Фаберже и др., 605–621].

Проблема идентификации камнерезных предметов «от Картье» затронула и Джуди Рюдое, посвятившую этому вопросу главу «Русский стиль» в каталоге, вышедшем в 1997 г. к выставке «Картье 1900–1939» (Музей Метрополитан в Нью-Йорке и Британский музей в Лондоне) [Rudoe, p. 101–115]. Большой интерес представляют опубликованные в этом издании камнерезные предметы французских ателье, выполненные под очевидным влиянием русских аналогов.

Наконец, в 2003 г. в Мюнхене прошла выставка «Картье и Фаберже: соперники при царском дворе» [см.: Fabergé — Cartier]. В каталоге этой выставки помещены статья о русских связях Картье, список поставок из России и содержание копировальной книги с фрагментами переписки с Россией, подготовленные к публикации Гезой фон Габсбург. Для него впервые со времени Надельхоффера были открыты архивы Ювелирного дома Картье. Однако и в этом, наиболее полном на данный момент исследовании содержатся неточности и нестыковки.

История контактов представителей фирмы Картье с российскими поставщиками резного камня может быть условно разделена на два этапа. Первый связан с ознакомительными визитами в Россию Пьера Картье, второй — с регулярными

коммерческими выставками Луи Картье. Характер деятельности и круг поставщиков на этих двух стадиях существенно отличаются.

Этап первый (1904–1907)

В декабре 1903 г. в Петербурге открылась I Международная художественно-промышленная выставка изделий из металла и камня. В составе участников были именитые российские фирмы, представители европейских ювелирных домов, уральские камнерезы.

Точные даты первого путешествия Картье в Россию неизвестны, но на основании писем можно предположить, что Пьер Картье посетил петербургскую выставку (закрывающуюся в феврале): 7 января он сделал покупки в магазине Карла Верфеля, а в двадцатых числах пишет уже из Парижа. Таким образом, в Петербурге он побывал в первой половине января. Вероятно, время для путешествия было выбрано не случайно, т. к. среди потенциальных поставщиков, к которым Картье адресует свои письма с предложением о сотрудничестве в январе 1904 г., большинство — участники выставки.

• **Карл Верфель.** В ходе этой поездки Пьер Картье посетил в Петербурге магазин участника петербургской выставки Карла Верфеля (подробнее на истории этой фирмы мы остановимся далее). Это сотрудничество оказалось плодотворным. 7 января в магазине Карла Верфеля приобретено кольцо из аметистовых шариков. В письме к Верфелю от 27 января заказаны еще два таких кольца, а на следующий день — еще четыре. В инвентарную книгу «Colliers» внесена одна запись, имеющая отношение к этим закупкам: 6 февраля на приход поставлено кольцо из 47 шариков из аметиста и двух шариков застежки. В графе, содержащей сведения о доработках предметов, указано, что для кольца была выполнена застежка и футляр. Уже через десять дней кольцо было продано. Остальные кольца, вероятно, были распределены между ателье для более существенной доработки и в книге уже записаны без ссылки на первоначального поставщика.

• **Генрих Яр.** В рамках первого путешествия в Россию Пьер Картье посещает и Москву [см.: Nadelhoffer, с. 92], где устанавливает один из наиболее продуктивных контактов: за десять лет Генрих Яр поставит в Париж около двухсот предметов. Любопытен тот факт, что на момент начала сотрудничества с французами Генрих Готфридович Яр являлся управляющим московской фабрики Фаберже [Вся Москва, 1901, с. 525]. Можно предположить, что работа на Картье повлияла на положение Яра и стала одной из причин ухода от Фаберже: в 1911 г. Генрих Яр уже обозначен как самостоятельный ювелир [см.: Там же, с. 838], а в 1915 г. Яр становится владельцем мастерской и магазина [Фаберже и др., с. 146].

Основную массу предметов, отправленных Яром в Париж, составляют небольшие серебряные с эмалью вещицы кабинетного ассортимента: рамки, звонки, чехольчики для стиральных резинок и т. п. Упомянуть этого поставщика в разговоре о камне заставляют два момента.

Во-первых, в поставках Яра встречаются и камнерезные предметы. Так, в июне 1904 г. в Париж были отправлены четыре флакона для смачивания

марок из жада в виде груши, яблока и томатов с серебряными оправками. В сентябре того же года во Франции получены пепельницы из жада, нефрита, розового и серого уральских мраморов с серебряными золочеными и эмалированными оправками. В 1906—1907 гг. от Яра были получены и четыре ручки для зонтиков разной формы (круглые, овальные и в виде костыля) из орлеца-родонита в эмалевой серебряной оправке разного цвета. Кто именно поставлял Яру каменные детали, неизвестно. Можно предположить, что уральский камень приобретался в московских магазинах (например, подходящий ассортимент был в «Сибирском базаре» на Тверской и «Сибирских камнях» на Арбате), в которых можно было приобрести как готовые изделия, так и всевозможные образцы и заготовки [см.: Вся Москва, 1902; Памятная книжка].

Вторая причина обращения к мастерской Яра связана с нереализованным коммерческим контактом с уральским камнерезом Свечниковым.

• Свечников. Среди первых поставщиков камнерезных изделий Надельхоффер упоминает этого камнереза (*Svietchnikoff*) [см.: Nadelhoffer, p. 296]. Версию о сотрудничестве с этим мастером поддерживает и Геца фон Габсбург [Fabergé — Cartier, p. 78]. В книге «Фаберже и петербургские ювелиры» по поводу возможной трактовки этой личности приведены две версии [см.: Фаберже и др., с. 137].

Действительно, в архиве Дома Картье сохранилась обширная корреспонденция, адресованная Свечникову. Началась она в январе 1904 г., содержит сведения о личном общении Пьера Картье и этого камнереза. Более того, в одном из писем речь идет о встрече в петербургском ателье камнереза. Дальнейшая корреспонденция, продолжавшаяся до середины апреля, содержит запрос на составление каталога анималистики (изображения в натуральную величину с указанием материалов и цен); к сожалению, неизвестно, был ли каталог составлен и отправлен в Париж. Кроме того, у Свечникова просили прислать образцы используемых камней (15—20 штук). Далее в письмах упоминается о французских эскизах слонов трех величин, отправленных для выяснения возможности и стоимости изготовления по ним предметов из орлеца, жада и нефрита. В январе же был отправлен запрос о стоимости изготовления шести орлецовых ваз по парижскому эскизу, позже развернулась дискуссия о завышенной стоимости этих работ. Также мы узнаем, что еще 7 января у Свечникова был размещен заказ на 36 предметов, которые он должен был отправить в Москву Яру для окончательной доработки.

В середине марта Картье составляет письмо с полным перечислением всего заказанного: нож для бумаги из нефрита, две печати из нефрита и горного хрусталя, нефритовая рамка с окошком, шесть подставок для перьев, маленькая и большая круглые рамки из нефрита, две пепельницы из орлеца, шесть чарок (в письме к Яру есть уточнение: из нефрита), ромбовидная нефритовая рамка, четыре пепельницы из хрусталя, шесть крышечек их хрусталя для коробок, нефритовая чернильница, две рукоятки для ножей для бумаги из нефрита, 20 образцов камней, рамка из горного хрусталя с гравировкой по парижской модели — всего на сумму 400 рублей. Однако по неизвестной причине Свечников посылает Яру большее количество предметов (46) по более высоким ценам.

Картье ставит ультиматум: либо цены будут снижены, либо заказ возвращен исполнителю, а дальнейшее сотрудничество будет прекращено.

Сравнение поставок, выполненных московской фирмой Яра со списком заказа Свечникова, убедительно свидетельствует о том, что Картье выполнил свою угрозу: в Париж не поступит ни одного предмета, соответствующего списку. Таким образом, несмотря на наличие деловых контактов, нет оснований считать Свечникова поставщиком парижан.

• **И в а н Л а г у т я е в.** Еще одним екатеринбургским участником выставки в Петербурге был Иван Лагутяев, показавший на ней изделия из уральских камней [Первая международная..., с. 12]. У Надельхоффера он назван среди поставщиков (фамилия дана в искаженном варианте: *Lagoutiev*, в письмах стоит: *Lagoutieff à Ekaterinbourg*) [см.: Nadelhoffer, с. 296], приведен перечень поставленных в Париж предметов (аметистовые кольца, пепельницы и ручки для зонтов). Предприятие Ивана Николаевича Лагутяева (1838—1910), занимавшееся скупкой каменного товара у кустарей и последующей перепродажей, было основано его отцом, Николаем Ивановичем, в 1843 г. [см.: Подробный указатель, с. 10]. Каменными изделиями Лагутяев торговал в основном магазине в самом центре Екатеринбурга и на вокзале [см.: Уральский торгово-промышленный адрес-календарь, 1903; 1904; 1906], где держал небольшую витрину в зале первого класса [см.: Злоказов, с. 473]. Фирма И. Н. Лагутяева неоднократно принимала участие в международных выставках. Например, в 1888 г. в Копенгагене он продемонстрировал ограненные аметисты [см.: *Catalogue de la section...*].

В архивах Картье есть копии четырех писем, отправленных в Екатеринбург. В первом (от 6 февраля 1904 г.) содержится заказ на 6 аметистовых колец, ручку для зонта из жада, пепельницу и нож для бумаги из нефрита (есть пометка о пяти приложенных рисунках). В следующем письме от 10 февраля французы просят для уточнения обозначений прислать в Париж по образцу аметистов «густой», «средней» и «светлой» воды. Не имея, очевидно, ответа, 9 марта заказы повторяют с указанием спешности их выполнения. Наконец, 21 апреля датировано последнее письмо, в котором заказ повторен еще раз, к нему добавлена просьба выслать два или три аметиста для броши. В этом же письме содержится ссылка на представителя фирмы Лагутяева на выставке в Петербурге, который уверил Пьера Картье в возможности исполнения заказов для Парижа. В дальнейшем адресованных Лагутяеву писем в копийной тетради не встречается. Нет сведений и о получении каких-либо предметов от этого предприятия и в инвентарных книгах.

Таким образом, можно достаточно обоснованно заключить, что предприятие екатеринбургского купца Ивана Лагутяева так и не стало поставщиком Дома Картье.

• **О в ч и н н и к о в ы.** В инвентарных книгах Картье, как правило, указывалась только фамилия поставщика или название фирмы, что существенно затрудняет определение в случае однофамильцев. Именно такая ситуация сложилась с трактовкой поставщика «Овчинников». Ганс Надельхоффер предполагает, что речь идет о фирме Павла Овчинникова, основанной в Москве в 1853 г.

и специализировавшейся на производстве предметов с эмалью в русском стиле [см.: Nadelhoffer, p. 92]. В комментариях к переводу В. В. Скурлов высказывает предположение о том, что речь должна идти об екатеринбургском предприятии Прокофия Овчинникова [Фаберже и др., с. 607]. Геца фон Габсбург возвращается к версии Надельхоффера [см.: Fabergé — Cartier, p. 78].

В списках поставок под фамилией «Овчинников» за 1904–1905 гг. можно выделить партии предметов, уральское происхождение которых представляется сомнительным. Речь идет о достаточно однородном ассортименте, в котором ручки для зонтов, ножи для бумаги, кнопки электрических звонков. Большая часть этих предметов описана как крупная деталь из камня в серебряной (иногда с золотом) оправе, покрытой эмалью и в некоторых случаях дополненная мелкими драгоценными камнями — сапфирами, рубинами, хризолитами. В палитре эмалей более десяти оттенков, что заставляет нас усомниться в екатеринбургском происхождении этих предметов. Три предмета из этих поставок включают в себя анималистические мотивы, на основании чего часть из них была записана в книгу «Животные». Подробно описаны звонки в виде нефритового слоника под колпаком из горного хрусталя и в форме головы совы из жада с красными эмалевыми глазками, мышка из серой яшмы, позднее также смонтированная на звонок. Описания каменных частей содержат много уральских обозначений камней. Так, в списке встречается «дымчатый топаз» — традиционное на Урале обозначение дымчатого кварца. Достаточно много упоминаний нефрита и жада — камней привозных, но активно обрабатывавшихся уральцами (например, в 1897 г. на Екатеринбургской гранильной фабрике была выполнена лампада из нефрита). Далее идет почти полный список уральских минералогических богатств: топаз, родонит, изумруд, амазонит, аметист, аквамарин, горный хрусталь, и даже минерал с обозначением «розовый уральский камень». Относительно этих предметов (всего их около 40) можно признать вполне убедительной версию об их московском происхождении. Существенно отличается ассортимент четырех поставок, источник которых в списке 2003 г. также обозначен как «Owchinnikow». Внесенные целиком в инвентарную книгу «Животные» (выполнены с декабря 1904 по декабрь 1907 г.), эти посылки содержали около 30 фигурок животных, вырезанных из разнообразных камней и снабженных инкрустированными глазками из бриллиантов, сапфиров, оливинов (скорее всего, речь идет о демантоидах) и аквамаринов. Наибольшей популярностью пользовались слоны: две трети фигурок представляют именно этих животных, исполнены в трех размерах — маленький, крупный и средний. Слоны выполнены из обсидиана, зеленого жада, яшмы, мохового агата, лазурита, красноватого гранита, нефрита. Кроме слонов, в списке присутствуют морской лев из обсидиана на куске горного хрусталя, жаба из пурпурина и лягушки из зеленого жада, носорог, кенгуру из серого агата, бульдог из жада.

Относительно этих поставок в инвентарных книгах содержится важное уточнение: у записи от 15 декабря 1904 г. указана не только фамилия, но и имя поставщика: «Owtchinnikow Prokor». Вероятно, несостоявшееся сотрудничество с одним екатеринбургским поставщиком камнерезной продукции заставило найти новый источник.

Выбор этого поставщика мог быть обоснован деловой репутацией и известностью предприятия Прокопия Самойловича Овчинникова (1870–1954). Его каменная коммерция опиралась на семейную традицию добычи минералов в богатейшей Мурзинской самоцветной области, основанной еще его отцом, Самойло Овчинниковым. Эта семья сосредоточила в своих руках весь технологический цикл — от забоя до мастерской [см.: Дмитриев, с. 42]. Сбывали товар купцы не только в своих магазинах в Екатеринбурге, но и через обширную агентскую сеть, при создании которой они пользовались и таким мощным инструментом, как всемирные выставки. Имя Прокопия Овчинникова мы находим в каталогах выставок в Копенгагене (1888), Париже (1889, 1900), Чикаго (1893), Антверпене (1894), Стокгольме (1897). В 1889 г. за представленные минералы и граненые камни Овчинников получает бронзовую медаль выставки [см.: Liste, p. 353]. Стоит отметить, что в том же разделе были представлены африканские алмазы, опалы, сапфиры и рубины из Австралии, колумбийские изумруды, драгоценные камни Бразилии, фирма Тиффани демонстрировала подготовленную Дж. Ф. Кунцем коллекцию декоративных камней Северной Америки [см.: Reports, p. 121].

В 1893 г. годовая продукция предприятия составляла 20 тыс. руб., на Овчинникова трудилось около 100 человек, занятых на добыче и обработке камня [Catalogue of the Russian..., p. 152]. Перед Первой мировой войной на него работали до 150 старателей-копачей, а в Мурзинке и прилегающих селениях трудилось около полусотни гранильщиков [см.: Дмитриев, с. 58]. Овчинников из деревни Южаково Пермской губернии принимал участие в Первой международной выставке изделий из металла и камня в 1903–1904 гг., продемонстрировав на ней «драгоценные и цветные камни в сыром и в обделанном виде» [Первая международная..., с. 17].

Таким образом, уже в первый год сотрудничества Картье с российскими фирмами среди активных поставщиков изделий из камня мы видим уральцев.

• Суровый. Если относительно трактовок Свечниковых и Овчинниковых высказываются разные предположения, то относительно этого поставщика каменных зверюшек остается определенная доля сомнения. В книге Надельхоффера мы находим указание о резчике камней, специализирующемся на животных, по фамилии Суrowый (*Sourowi*) [см.: Nadelhoffer, p. 296]. С этой трактовкой фамилии согласен и В. В. Скурлов [Фаберже и др., с. 618]. Г. фон Габсбург игнорирует этого поставщика и в списке предметов, и в аннотациях к переписке Картье с Россией.

В копийной тетради мы находим два письма, адресованных этому загадочному поставщику в ответ на его предложение о сотрудничестве. В первом из них, датированном 1 августа 1905 г., выражается готовность к сотрудничеству и просьба описать типы изготавливаемых анималистических фигурок с указанием материалов, размеров и цен, 6-м октября помечено письмо с переводом на русский язык, из которого мы узнаем, что господин Картье готов выкупить присланные в качестве образцов фигурки и просит выставить за них счет. В инвентарной книге «Животные» были обнаружены записи, сделанные в ноябре 1905 г., в которых зафиксирован приход от Суrowого четырех предме-

тов — двух слонов из жадеита с рубиновыми глазами, слоника из горного хрусталя и топазового медведя (к последним двум скульптурам глаза были выполнены уже в Париже). Характер предметов, язык письма и включение его в тетрадь переписки с Россией позволяют согласиться с Надельхоффером в том, что касается географии этих поставок.

В. В. Скурлов сообщил нам о своем предположении: речь может идти о Георгии Герасимовиче Суровом, информацию о котором исследователю удалось обнаружить в фонде Петербургской ремесленной управы, где он числился в 1903—1905 гг. в списках мастеров серебряного цеха.

Этап второй (1910—1914)

Новый виток интереса к российскому производству приходится на начало 1910-х гг. Получение в 1907 г. свидетельства поставщика российского императорского двора способствует расширению клиентуры Картье. С 1908 по 1914 г. эта фирма организует в Петербурге ежегодно две выставки-продажи (на Рождество и Пасху), еще одна была подготовлена к Рождеству 1911 г. в Москве [см.: Rudoe, p. 102].

Переписка с поставщиками этого времени не сохранилась, но в сообщениях от представителей Картье в Петербурге иногда проскальзывают нюансы деловых взаимоотношений с ними. Например, в одном из писем 1913 г. Дезире Сарда наряду с информацией о платежах петербургских клиентов приводит данные об отправке в Париж 24 предметов из родонита и нефрита от Денисова-Уральского [Fabergé — Cartier, p. 87].

- Карл Фаберже. Пристальное внимание к продукции конкурента нашло отражение в приобретении в январе 1910 г. через Стопфорда, англичанина, сотрудничавшего с фирмой Карла Фаберже, шести зверюшек этой фирмы: свинья из розового жада, лиса из красного сердолика, пингвин из обсидиана, сова из окаменелого дерева, медведь из коричневого жада и утенок из розового жада.

- Карл Верфель. В мае 1911 г. Картье восстанавливает связи с предприятием Верфеля. Фабрика по производству бронзовых вещей была основана в 1842 г. (по другим сведениям — в 1840-м) петербургским купцом 3-й гильдии Федором Федоровичем Верфелем. Уже на выставке 1849 г. Верфель показывает предметы, ставшие фирменным знаком предприятия, работы, сочетающие в себе художественную бронзу и поделочный камень (тогда фирма ограничилась малахитом) [см.: Указатель..., с. 60]. Широкая известность пришла к фирме Верфеля в последней четверти XIX в., под управлением Карла Федоровича, сына основателя (руководил с 1873 г.). В 1895 г. предприятие получает статус придворного поставщика [см.: Пальшина, с. 42]. Постепенно перечень используемых камней и ассортимент изделий с ними увеличивается. Об этом можно судить по справочным изданиям всероссийских и всемирных выставок, активным участником которых фирма была на протяжении всего времени своего существования. Так, в 1876 г. на всемирной выставке в Филадельфии фирма «Гесрих и Верфель» демонстрирует «Декоративные предметы из малахита, лазурита, яшмы, родонита, нефрита, лабрадорита и других сибирских камней»

[см.: Reports, p. 36]. Подобные же предметы фирма показывала на выставках 1878 и 1900 гг. в Париже, 1885 и 1894 гг. в Антверпене.

Верфель не только использовал уральский камень в своих произведениях, но и нанимал на работу уральцев — выпускников Екатеринбургской художественно-промышленной школы [см.: Пальшина, с. 44].

В 1911 г. Картье закупает у Верфеля флаконы в виде овощей и фруктов. Популярностью пользуются томаты (из пурпурина, нефрита, жадеита), груши (алтайский жад, жадеит, нефрит) и яблоки (розовый жад, орлец колыванский, кварц колыванский). Всего было получено 15 флаконов, в ранних записях встречаются указания на наличие у них хвостика из нефрита или жада с кисточкой. Можно предположить, что эти предметы продолжают серию приспособлений для смачивания марок, полученную от Яра в 1904 г.

Кроме флаконов, у Верфеля закуплена партия пепельниц геометрической формы (овальные, квадратные, прямоугольные, круглые) из лазурита, нефрита, серой уральской яшмы. Отдельно стоит выделить три пепельницы разной формы из пурпурина, чуть позднее будет приобретено еще две.

Анималистику у этого поставщика Картье закупает всего два раза. В мае 1911 г. на приход поставлена пепельница «Тюлень» овальной формы из кавказского обсидиана, а первого сентября того же года — курица из алебастра с пурпуриновым гребнем и агатовым клювом, на лапках. Следует отметить, что это единственный предмет, выполненный в технике объемной мозаики, который можно связать с этим ателье в русских поставках Картье.

Последние предметы от Верфеля были получены в декабре 1912 г., за время этого непродолжительного сотрудничества в Париж было отправлено 26 предметов из цветного камня.

• **Благотворительный базар.** Помимо заказных предметов, в инвентарных книгах встречаются и приобретения, сделанные «по случаю». В декабре 1911 г. в инвентарные книги на приход поставлено четыре предмета с пометкой о том, что они закуплены на «Bazar Doubassoff». Два из них записаны в книгу «Животные»: слоник из обсидиана и «очень маленький» слоник из жадеита. Там же были закуплены два овальных сосуда из змеевика.

Возможно, приобретение этих предметов было связано с участием в благотворительном базаре, организованном Дубасовыми либо проведенном в их доме с целью укрепления позиций Картье в петербургском свете или в поисках новых поставщиков.

• **Алексей Денисов-Уральский.** В последние годы сотрудничества с российскими поставщиками наиболее продуктивные контакты у фирмы Картье сложились с Алексеем Козьмичом Денисовым-Уральским. Вероятно, уральский мастер не вызвал интереса у парижской фирмы раньше в силу стечения обстоятельств: выставка, организованная им в 1903 г. в Петербурге, была названа самим организатором ювелирной. «Пестро, разнообразно, красиво, но более говорит об искусстве выделки, чем о самих камнях и металлах», — цитирует Денисова-Уральского автор статьи в «Новом времени» [Уральский клад, с. 4].

Можно предположить, что интерес к работам Алексея Козьмича возник в связи с открытием в январе 1911 г. второй выставки — «Урал и его богатства»,

совпавшей по времени с рождественской выставкой Картье. На эту выставку временно переводится с набережной Мойки магазин «Уральские камни» [см.: Денисов-Уральский, обложка]. О том, что выставка пользовалась не только популярностью у публики, но и определенной официальной поддержкой, свидетельствует заметка в газете «Правительственный вестник», сообщающая, что «24 января их величества государь император и государыня императрица Мария Федоровна посетили выставку» [цит. по Фаберже и др., с. 311–312]. Помимо первых лиц, выставку посетили князья императорской фамилии. Все вместе они с интересом «обозревали» выставку более полутора часов и остались чрезвычайно удовлетворены увиденным.

Поставки Денисова-Уральского в Париж продолжались с мая 1911 по июнь 1914 г., за это время для Картье было изготовлено около сотни предметов: фигурки животных, пепельницы, вазы, пресс-папье... Очевидно, что Денисов-Уральский являлся ведущим российским поставщиком камнерезных предметов.

Интересен ассортимент а н и м а л и с т и к и. Наряду с уникальными фигурками (шагающий тигр из тигрового глаза, дромадер и козел из нефрита, зубр из яшмы) были и серии предметов (три свинки из жадеита, восемь мышек из кварца, горного хрусталя, обсидиана и жада).

В инвентарной книге есть воспроизведение некоторых предметов в виде карандашных набросков на полях, что позволяет провести параллели и выявить аналоги. Так, рисунок орла из коричневой пятнистой яшмы схож с орлом из коричневого обсидиана из собрания Минералогического музея Пермского государственного университета («Орел со сложенными крыльями», 6,2 × 3,9 × 3,3 см, инв. № 26).

В том же собрании ранее находилась и яшмовая мышка со свернутым хвостиком (утрачена, сохранились фотографии) — вероятно, аналог поставленных в Париж обсидиановых и хрустальных зверушек.

В декабре 1911 г. Денисов-Уральский отправляет Картье фигуру морского льва из обсидиана. В январе следующего года к нему был добавлен пьедестал из горного хрусталя (Беркин-Варангоз). Таким образом, фигура стала больше напоминать предметы, продаваемые фирмой Фаберже. Например, в каталоге Мюнхенской выставки воспроизведена скульптура морского льва из обсидиана на основании-льдине из куска горного хрусталя. Автор каталога указывает, что этот предмет есть на одной из фотографий в альбоме изделий фирмы Фаберже [см.: Fabergé — Cartier, p. 248].

Ближайший аналог этого произведения в творчестве уральского мастера — представляющая Британию композиция из серии «Аллегорические скульптуры воюющих держав» 1916 г., где основание фигуры выполнено из горного хрусталя, продублированного льдистым кварцем (из собрания Пермской государственной художественной галереи, 18,0 × 31,8 × 17,0 см, инв. № С-117).

В инвентарную книгу в декабре 1911 г. была внесена следующая запись: «Grand-duc jaspe». Цена закупки, указанная рядом, свидетельствует о крупных размерах работы. Эта запись в монографии Надельхоффера была трактована как изображение Великого князя Николая [см.: Nadelhoffer, p. 296]. Скульптура

из зеленоватой яшмы в начале 1912 г. направлена в ателье Беркин-Варангоза, где была установлена на аметистовой жеоде. Внесение этой работы в инвентарь анималистических фигурок, а также еще один возможный перевод французского слова *duc* (филин) — сочетание информации о цене с нюансами перевода дают повод говорить о том, что в Париж была отправлена крупная скульптура филина, выполненная из яшмы зеленого тона.

Уже в первой отправленной в Париж посылке будет произведение, выполненное в технике объемной мозаики, — голова петуха из пурпурина с шеей из розового жада и обсидиана. Всего Картье закупит у Денисова-Уральского восемь подобных скульптур. Исполнение анималистических скульптур в технике объемной мозаики можно считать одной из визитных карточек творчества А. К. Денисова-Уральского. Надо отметить, что все поставленные в Париж объемные мозаики воспроизводят птиц — петуха, попугая, какаду, гуся, селезня, курицу. В сохранившемся камнерезном наследии мастера мы находим несколько аналогичных предметов. Так, в Пермской государственной художественной галерее хранится скульптура индюка из пегматита с родонитовыми головкой и бородой (9,5 × 13,5 × 9,2 см, инв. № С-118). Индюшка (или цесарка) с туловищем из серого гранита и деталями головки из кварца, яшмы и пурпурина (6,7 × 6,5 × 3,0 см, инв. № 19), а также агатовый пингвин с обсидиановой грудкой и кремневыми лапами (6,5 × 2,7 × 2,9 см, инв. № 24) составляют часть собрания музея в Пермской университете.

Украшением коллекции является композиция в виде сидящего на нефритовой скале попугая из жадеита, голова и оперение которого дополнены соколиным глазом, опалом, малахитом (13,0 × 5,6 × 4,6 см [попугай]; 28,2 × 34,0 × 18,0 см [скала], инв. № 13). Аналогичная композиция воспроизведена в работе, ранее находившейся в собрании Мишеля Камидяна. Датировка произведения 1911—1914 гг., опубликованная в 2000 г. В. В. Скурловым [см.: Скурлов, с. 29], совпадает со временем исполнения мозаичных скульптур для Картье.

Иногда скульптуры дорабатывались уже в Париже. Например, попугай из пурпурина, яшмы, лазурита и нефрита был дополнен во французском ателье Беркин-Варангоза: птицу закрепили на оформленной по торцам кабошонами из сапфиров жердочке из слоновой кости, установленной на флюоритовом основании.

Не менее любопытна и ф р у к т о в о - о в о щ н а я с е р и я. В декабре 1911 г. в Париже получены пять слив (из сердолика и кварцита), репа из яшмы и две луковицы (одна — из яшмы, вторая — из желтого гиацинта с нефритом). За исключением полученного в конце 1912 г. флакона для клея в виде томата (из пурпурина, с нефритовым хвостиком), работы Денисова-Уральского не повторяют ассортимент поставленных изделий Верфеля. Можно отметить развитие «овощной» серии в интересной композиции — корень дунганской редьки из кварца и зеленого кварцита с наверху в виде головы свиньи из розового кварцита (Минералогический музей Пермского государственного университета, 6,2 × 5,8 × 24,3 см, инв. № 48).

Кроме сюжетных скульптур, в декабре 1911 г. и в декабре 1912 г. для Картье было изготовлено две партии интерьерных предметов: вазы из нефрита и

орлеца, пепельницы из кварцита, орлеца, горного хрусталя и раухтопаза, плато для письменного стола из орлеца, кварцевые прессы. Возможно, последние были идентичны по форме большому прессу из дымчатого кварца, поступившему в Музей Московского Кремля в 1924 г. из дворцового имущества (ранее находился в кабинете императора Николая II в Александровском дворце Царского Села, 19,0 × 15,0 см, инв. № ДК-92) [см.: Мунтян, с. 64].

В списке полученных от Денисова-Уральского в 1912 г. изделий есть два образца традиционных для Екатеринбурга многогранников с гравированными изображениями знаков зодиака. О традиции изготовления таких предметов (на Урале их относили к печатям) свидетельствуют мемуары путешественников. Так, С. И. Трубин писал в 1862 г. о том, что среди печатей, которые ему предлагали приобрести «были двенадцатигранники, на которых вырезаны 12 знаков зодиака» [цит. по: Злоказов, с. 266]. В коллекции Музея истории камнерезного и ювелирного искусства есть образец такого типа печатей (2,4 × 2,4 × 2,4, инв. № МЮК 913/85).

Что касается ваз, то большая их часть направлялась на доработку к французским партнерам Картье. Показателен пример цилиндрической вазы из нефрита, доставленной в Париж 15 декабря 1911 г. На склад фирмы она возвращается только в конце июля 1912 г. дополненная ножкой из агата и нефритовым основанием в ателье Беркин-Варангоза и украшенная полоской белой эмали с шестью сапфирами-кабошонами в мастерской Лавабра. Нам удалось найти в фотоальбомах парижской фирмы изображение этой вазы в законченном виде. Лаконичность декора, чистота линий, сдержанность композиции свидетельствуют о ее принадлежности к зарождающемуся ар-деко.

Пришедшая из России мода на интерьерные украшения из цветного камня стимулирует расширение собственного французского производства. Появляются крупные мастерские, идет перепрофилирование граничных производств в камнерезные. Полученный в предвоенное десятилетие импульс сыграл свою роль: с середины 1920-х гг. к использованию разнообразных поделочных камней обращаются такие яркие представители ар-деко, как французские фирмы «Братья Лаклош», «Остертаг» и «Братья Верже», итальянцы Жанесич и Раваско, продолжают работать с камнем и ателье фирмы Картье.

Сотрудничество с уральскими мастерами, обеспечившее хорошее знание колористических возможностей природного камня, в совокупности с другими факторами послужило катализатором зарождения нового стиливого направления в прикладном искусстве межвоенной Европы. Опыт, приобретенный в годы сотрудничества с российскими поставщиками, вывел в авангард ар-деко фирму Картье, в ателье которой еще в 1910-е гг. создаются предметы интерьерного декора в лаконичной стилистике этого направления.

Вся Москва : адрес. и справ. кн. на 1901 год. М., 1901.

Вся Москва : адрес. и справ. кн. на 1902 год. М., 1902.

Вся Москва : адрес. и справ. кн. на 1911 год. М., 1911.

- Денисов-Уральский А. К.* Урал и его богатства : руководство к обзору II выставки, устр. А. К. Денисовым-Уральским, авт. выставл. картин и скульптур и собственником всех экспонатов. 5 изд-е. СПб., 1911.
- Дмитриев А. В.* Узорочье «хрустальных погребов». Екатеринбург, 2008.
- Злоказов Л. Д.* Старый Екатеринбург: город глазами очевидцев. Екатеринбург, 2000.
- Иванов А. Н.* Мастера золотого и серебряного дела в России (1600—1926) : руководство для экспертов-искусствоведов : в 2 т. Т. 1. М., 2002.
- Мунтян Т. Н.* Фаберже : Великие ювелиры России. Сокровища Оружейной палаты. М., 2000.
- Пальшина А.* Бронза и камень Карла Верфеля // Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования. 2004. № 7/8 (19), июль-авг. С. 42—49.
- Памятная книжка Московской губернии на 1904 год.* М., 1904.
- Первая международная художественно-промышленная выставка изделий из металла и камня, 1903/04, Санкт-Петербург :* каталог. СПб, 1903.
- Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Н. Новгороде. Отд. X, Худ.-промышл. М., 1896.*
- Скурлов В. В.* Камнерезная композиция «Попугай» // Антиквариат. СПб, 2000. Осень.
- Указатель С.-Петербургской выставки изделий промышленности Российской империи, Царства Польского и Великого княжества Финляндского в 1849 г.* СПб, 1849.
- Уральский клад //* Перм. губерн. ведомости. 1903. № 270. 14 дек.
- Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1903 год.* Пермь, 1903.
- Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1904 год.* Пермь, 1904.
- Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1906 год.* Пермь, 1906.
- Фаберже Т. Ф., Горыня А. С., Скурлов В. В.* Фаберже и петербургские ювелиры. СПб., 1997.
- Фаберже: придворный ювелир :* каталог выставки / авт.-сост. Г. фон Габсбург, М. Лопато. СПб. ; Вашингтон, 1993.
- Catalogue de la section russe a l'Exposition scandinave de Copenhague en 1888.* Copenhague, 1888.
- Catalogue of the Russian section : World's Columbian exposition, 1893, Chicago ; S.-Pb., 1893.*
- Fabergé — Cartier. Rivalen am Zarenhof / hrsg. von Géza von Habsburg, mit Beitr. von Johann Georg Prinz von Hohenzollern... [et al.]. München ; Hirmer, 2003.*
- Liste des recompenses / Ministere du commerce, de l'industrie et des colonies, Exposition universelle de 1889, a Paris. Paris, 1889.*
- Nadelhoffer H. Cartier. Paris, 1984.*
- Reports and awards commission / U. S. cent. commis., Intern. exhibtion, 1876. Washington, 1880. Vol. 5.*
- Rudoe, J. Cartier, 1900—1939. Paris, 1997.*
- Solodkoff, A. von. Russian Gold and Silverwork 17th—19th Century. N. Y., 1981.*

Статья поступила в редакцию 1.05.2010 г.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1-312.6 + 801.73

В. В. Архангельская

ИМЯ АЛЕКСЕЙ КАК МОТИВ В РОМАНЕ «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Рассматривается проблема обоснования гипотезы автобиографической мотивировки имени Алексея Карамазова на уровне поэтики романа «Братья Карамазовы». Доказывается, что память о младшем сыне Достоевского в значительной степени определяет топику и ряд значимых мотивов романа, одним из которых является само имя «Алексей».

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы», имя как мотив.

Из письма Достоевского писателю и педагогу В. В. Михайлову от 16 марта 1878 г. известно, что детская тема должна была стать одной из главных в его новом романе: «Я замыслил и скоро начну большой роман, в котором, между другими, будут много участвовать дети, и именно малолетние, с семи до пятнадцати лет примерно. Детей будет выведено много. Я их изучаю, и всю жизнь изучал, и очень люблю, и сам их имею. Но наблюдения такого человека, как Вы, для меня (я понимаю это) будут драгоценны. Итак, напишите мне *об детях* (здесь и далее без примечаний — курсив автора. — В. А.) то, что сами знаете» [Достоевский, т. 15, с. 411]¹. Однако жизнь корректирует планы писателя: ровно через два месяца (16 мая 1878 г.), не дожив трех месяцев до своего трехлетия, умирает младший сын Достоевского Алеша, и детская тема в новом романе («Братья Карамазовы») конкретизируется мотивом детской смерти.

Алексей Федорович — так величали бы взрослого сына Достоевского, если бы не его трагическая кончина. И именно так зовут главного героя «Братьев Карамазовых», образ которого является одним из самых светлых во всем творчестве писателя. Кроме того, отец Алеши, Федор Карамазов, тезка автора романа. На то, что младший Карамазов назван в честь покойного сына Достоевского,

¹ Далее ссылки на это издание даются сокращенно, с указанием тома и страницы.

указывают многие исследователи [см.: Альтман, с. 117–120; Селезнев, с. 482–483; Соколов, с. 366]. К собственно биографическим основам этой точки зрения следует отнести тот факт, что свой последний, итоговый роман, замысел которого вызревал еще с конца 1860-х гг. в форме черновиков к романам «Житие великого грешника» и «Атеизм», Достоевский начинает в Оптиной пустыни всего через полтора месяца после смерти Алеши (об истории создания «Братьев Карамазовых» подробнее см.: [Долинин]), т. е. потеря сына, по сути, становится «спусковым механизмом» воплощения давнишнего замысла Достоевского — романа, которого, не случись трагедии, могло бы и не быть, так как он мог бы не успеть его написать. В любом случае, смеем предположить, это было бы уже совершенно иное произведение, с другим именем его главного героя. Однако следует учитывать интерпретацию В. Е. Ветловской, которая наиболее последовательно доказывает генетическую связь образа Алеши Карамазова с Алексеем — Божиим человеком², и даже называет роман «своеобразным толкованием» Жития этого святого. По мысли этого известнейшего исследователя поэтики Достоевского, герой назван в честь одноименного святого, что доказывается общностью некоторых мотивов жития Алексея — Божия человека и жизнеописания Алексея Карамазова, а также собственно наличествующими в тексте прямыми ссылками на героя Жития [Ветловская, с. 168–198]. Для В. Е. Ветловской имя Алексея Карамазова вообще выступает в служебной функции некоего указания на святого как на прототип героя. Вспомним также, что М. С. Альтман в числе возможных прототипов младшего Карамазова называл Дмитрия Каракозова (указывая на созвучие фамилий и конспиративное имя террориста — Алексей Петров), а также инока Алексея — героя романа Жорж Санд «Спиридон», и знакомого Достоевского — Алексея Храповицкого, принявшего постриг в возрасте 22 лет [см.: Альтман, с. 118–119]. Кроме того, в число возможных прототипических источников имени младшего Карамазова, по всей видимости, следует включить еще и митрополита Московского и всея Руси Алексия, Чудотворца³. Но не будем забывать о принципиальной многоплановости символики и множественности источников имен в произведениях Достоевского. Причем наиболее показательны в этом отношении романы «великого пятикнижия», ибо, как отмечает Л. П. Щенникова, для них наиболее характерно «усложнение семантики, символики и ассоциативности имен героев» [Щенникова, с. 168]. Поэтому, учитывая достаточную аргументированность вышеназванных версий, отметим, что каждая из них не является альтернативой относительно других, а скорее сосуществует с ними. Однако в центре нашего внимания не вопрос о прототипе образа Алексея Карамазова, а представление об имени сына Достоевского как первоисточнике, первопринципе бытия имени *Алексей* в романе. Между тем на сегодня практически отсутствуют работы, доказывающие или опровергающие эту точку зрения ис-

² Святой, персонаж сказаний и легенд.

³ Сопоставляя жизнеописание литературного героя и Житие святителя, мы находим общие черты: уход в монастырь в возрасте 19 лет, соименность и социальный статус отцов — дворянина Федора Карамазова и боярина Феодора Бяконта.

ходя из собственно поэтики романа. Мы же убеждены, что память о младшем сыне писателя в значительной степени определяет топику и ряд значимых мотивов романа, причем ключом для их выявления является его имя. Показать путь наших рассуждений и есть цель этой статьи. При этом другие номинации героев, носящих имя Алексей (апеллятивы), мы будем рассматривать посредством формулы «qui et» (он же), ибо, как пишет о. Павел Флоренский в своем трактате «Имена», «всякое другое имя в конечном счете утверждается на этом, основном, посредством формулы ο' καί, “qui et”, “он же”, и только это одно, служа опорой всем, само опирается уже не на имя, а на *самую сущность*» [Флоренский, с. 23].

Обратимся к тексту «Братьев Карамазовых». В сильной позиции, сразу после заглавия и предваряя эпиграф, стоит посвящение. Это посвящение является уникальным прецедентом в творчестве Достоевского, который приобретает еще большую значимость в связи с указанной «проекцией» имен мужа и сына А. Г. Достоевской в произведение. Писатель посвящает свой последний, итоговый, роман жене, матери Алеша: «Посвящается Анне Григорьевне Достоевской» [т. 15, с. 5]. Акцент сделан на полном имени, прямо указывающем на семейные узы адресата с автором. Подчеркнуто личностный, интимный характер посвящения указывает на то, что адресат и есть тот читатель, который прочтет роман во всей его смысловой полноте. Однако посвящение — это еще и адресация романа как некоего *с о о б щ е н и я*, полный смысл которого скрыт от широкой публики. И действительно, наличие такого сообщения явствует из воспоминаний А. Г. Достоевской: «Многие мои сомнения, мысли и даже слова запечатлены Федором Михайловичем в “Братьях Карамазовых” в главе “Верующие бабы”, где потерявшая своего ребенка женщина рассказывает о своем горе старцу Зосиме» [Достоевская, с. 232]. При этом если «верующая баба» Настасьюшка воспроизводит в романе слова А. Г. Достоевской, то Зосима в этом эпизоде, по свидетельству жены писателя, цитирует оптинского старца Амвросия, с которым Достоевский встречался после смерти сына: «Когда Федор Михайлович рассказал “старцу” о постигшем нас несчастье и о моем слишком бурно проявившемся горе, то старец спросил его, верующая ли я, и когда Федор Михайлович отвечал утвердительно, то просил его передать мне его благословение, а также те слова, которые потом в романе старец Зосима сказал опечаленной матери» [Там же, с. 233]. Далее, в небольшом предисловии «От автора» необыкновенная, почти отеческая близость повествователя и главного героя, младшего Карамазова, задается высокой частотностью употребления притяжательного местоимения *мой/свой* по отношению к Алексею Федоровичу: *героя моего Алексея Федоровича Карамазова, моим героем, своим героем, моего Алексея Федоровича, героя моего Алексея Федоровича, моего героя* [т. 14, с. 5]. Причем Алеша вводится в роман именно как *Алексей Федорович*, только в первых трех абзацах предисловия автор называет героя по имени и отчеству пять раз. Нетрудно заметить, что таким образом Достоевский вводит в текст и свое имя — *Федор*. Одновременно самым частотным в тексте является уменьшительно-ласкательная форма имени героя — *Алеша*. Федор Карамазов всегда называет сына так и близко к этому (*Алеша / Алешка / Леша*). Тем самым

подчеркивается особое нежное отцовское отношение Федора Карамазова к младшему сыну (*Алексеем / Алешей / Лешей* называли сына Достоевские в своих письмах и воспоминаниях [см.: Достоевская; Достоевский, Достоевская]). Наконец, Алеша Достоевский, как и Алеша Карамазов, был третьим и младшим сыном, а кроме того, оба — сыновья от вторых жен обоих Федоров⁴.

Обратимся непосредственно к эпизоду, в котором А. Г. Достоевская узнала автобиографический сюжет. В главе «Верующие бабы» к старцу Зосиме приходит «еще вовсе не старая женщина, но очень худая и испитая, не то что загоревшая, а как бы совсем почерневшая лицом» [т. 14, с. 45]. Настасьюшка оплакивает смерть сына: «Сыночка жаль, батюшка, трехлеточек был, без трех только месяцев и три бы годика ему» [Там же]. Как известно, Алеша Достоевский также умер, не дожив трех месяцев до своего трехлетия (даты его жизни: 10 августа 1875 г. — 16 мая 1878 г.). Отметим, что мать рассказывает о смерти сына (этот рассказ занимает две страницы), ни разу (!) не упомянув его имени. Налицо как бы затянувшееся «сокрытие» имени. Его как будто не решаются назвать. Но в конце концов Настасьюшка вынуждена «открыть» это м и л о е и м я для заупокойной молитвы, ибо прозорливец Зосима вопрошает: «А младенчика твоего... как звали-то?» И тогда наступает почти детективная развязка, произносится и м я-п р и з н а н и е: «Алексеем, батюшка». В ответ Зосима уточняет: «На Алексея — человека Божия?» И получает соответствующий ответ: «Божия, батюшка, Божия, Алексея — человека Божия!» [т. 14, с. 46—47]. Как известно из «Воспоминаний» А. Г. Достоевской, Алексей Достоевский был назван именно в честь Алексея — человека Божия, одного из самых почитаемых писателем святых [см.: Достоевская, с. 203]. Отсюда, в нашем понимании, формируется некая «троица» безусловно связанных между собой Алексеев: Достоевский, трехлеточек, Алексей — Божий человек. Алексей Карамазов на первый взгляд оказывается вне этого круга, а вопрос о «присутствии» в романе Алеши Достоевского, казалось бы, можно считать исчерпанным. Но вернемся к тексту. В утешение Настасьюшке Зосима говорит следующее: «или не знаешь ты... сколь сии младенцы пред престолом Божиим дерзновенны? Даже и нет никого дерзновеннее их в Царствии Небесном: Ты, Господи, даровал нам жизнь, говорят они Богу, и только лишь мы узрели ее, как Ты ее у нас и взял назад. И столь дерзновенно просят и спрашивают, что Господь дает им немедленно а н г е л ь с к и й ч и н. А посему, — молвил святой, — и ты радуйся, жено, а не плачь, и твой младенец теперь у Господа в сонме а н г е л о в его пребывает» [т. 14, с. 45—46]. И далее: «Посему знай и ты, мать, что и твой младенец наверно теперь предстоит пред престолом Господним, и радуется, и веселится, и о тебе Бога молит <...> сыночек твой — есть единый от ангелов Божиих» [Там же]. Но, вспомним, что именно «ангелом» называет своего сына Алексея Федор Карамазов. При этом само слово «ангел» впервые вводится в текст романа именно в речи Федора Павловича по отношению к Алеше: *Тебя, мой ангел, никогда не оставлю* [т. 14, с. 23], *хоть до тебя как до ангела ничего не коснется*

⁴ Названные совпадения весьма интересны, но пока не представляют достаточной базы для соответствующих выводов.

[т. 14, с. 24]. Слово «ангел» в различных словоформах встречается в тексте романа ровно 60 раз. Из них прямо по отношению к Алеше оно употребляется с самой высокой частотой — 16 раз, приведем эти контексты. Отцом Федором Павловичем: *тебя, мой **ангел**, никогда не оставлю* [с. 23]; *хоть до тебя как до **ангела** ничего не коснется* [с. 24]; *милый **ангел**, скажи правду: была давеча Грушенька, али нет?* [с. 130]; *Леша, утоли ты мое сердце, будь **ангелом**, скажи правду!* [с. 130]; *прощай, **ангел**, давеча ты за меня заступился, век не забуду* [с. 131]; Дмитрием: *послать **ангела**. Я мог бы послать всякого, но мне надо было послать **ангела** <...> **ангелу** в небе я уже сказал, но надо сказать и **ангелу** на земле. Ты **ангел** на земле* [с. 97]; *и мы все Карамазовы такие же, и в тебе, **ангеле**, это насекомое живет, и в крови твоей бури родит* [с. 100]; Раkitиным: *это из **ангелов** - то!* [с. 308]. г-жой Хохлаковой: *вы ничего не наделали, вы действовали прелестно, как ангел. <...> Напротив вы поступили, как **ангел**, как **ангел**, я это тысячи тысяч раз повторить готова* [с. 177]; Лизой Хохлаковой: *мама, почему он поступил как **ангел** <...> за что вы в **ангелы** попали?* [с. 178]. Как видно из приведенных контекстов, номинация «ангел» по отношению к Алеше звучит рефреном в речи персонажей, настойчиво повторяясь, иногда несколько раз в одном периоде. Причем г-жа Хохлакова, по ее собственному выражению, готова называть Алешу ангелом «тысячи тысяч раз», а Лиза акцентирует наше внимание на неслучайном характере этой номинации, задавая отнюдь не риторический вопрос: «за что вы в ангелы попали?». Суггестивное повторение этой номинации и вопрос Лизы очевидно указывают на особый авторский смысл этой характеристики героя. Вспомним, что Алешу называют еще и «херувимом». Грушенька обращается так к Алеше дважды в рамках одной главы («Луковка»): *Оставь ты его, Алеша, **херувим** ты мой, видишь он какой, нашел кому говорить* [с. 322], *Зачем ты, **херувим**, не приходил прежде* [с. 323]. Вслед за ней дважды же и в рамках одной главы («Гимн и секрет») Митя именуется Алешу херувимом: *Алеша, **херувим** ты мой, меня убивают разные философии, чорт их дер!* [т. 15, с. 31]; *Я хоть и говорю, что Иван над нами высший, но ты у меня херувим* [с. 34]. Затем с явлением Алеша сразу после Черта, Мите вторит и Иван: *Он тебя испугался, тебя, **голубя**. Ты «чистый **херувим**». Тебя Дмитрий **херувимом** зовет. Херувим...* [с. 85]. И если номинация «ангел» употребляется и по отношению к другим героям (хотя и гораздо реже, чем по отношению к протагонисту «Братьев Карамазовых»), то «херувимом» именуют в романе только Алешу. Принимая во внимание исключительный характер этой номинации в отношении Алеша, взятой в аспекте ее повторяемости, можно сделать вывод, что именно в ней более, чем в других, выразилась сущность этого образа.

При этом номинация «херувим» как синоним слова «ангел», на наш взгляд, имеет в тексте уточняющий характер. Херувимы довольно часто фигурируют в текстах Священного Писания. Апокрифическая 2-я книга Еноха описывает их как ангелов шестого и седьмого неба, вместе с серафимами поющих хвалу Богу возле его престола [см.: Мифы народов мира, II, 589]. Кроме того, согласно небесной иерархии Псевдо-Дионисия Ареопагита, признаваемой православной церковью, херувимы — один из высших ангельских чинов. Как известно,

иерархия эта включает девять чинов, перечисляемых в таком порядке: первая и высшая триада (характеризуемая непосредственной близостью к Богу) — серафимы, херувимы, престолы; вторая — господства, силы, власти; третья — начала, архангелы, ангелы [см.: Мифы народов мира, т. 1, с. 362]. Вспомним, что, по словам Зосимы, сыночек Настасьюшки «наверно теперь предстоит пред престолом господним», а муж Никитушка уверяет ее, что он «у Господа Бога вместе с ангелами воспевают» [т. 14, с. 46], а обе эти функции, как мы уже знаем, выполняют высшие чины — серафимы и херувимы. Кроме того, в имени *Алексей* и в номинации «херувим» заложена общая семантика охранительной функции: имя происходит от др.-греч. ἄλξιω — «защищать» [см.: Суперанская, с. 105], а херувимы в христианской мифологии это, по сути, «ангелоподобные существа-стражи», которые после изгнания Богом Адама и Евы из рая были поставлены охранять пути к дереву жизни. Охранительная функция херувимов отмечена в культовой символике: Бог велит увенчать крышку ковчега завета двумя золотыми херувимами, они же призваны охранять в храме Соломона содержимое ковчега — скрижали завета [см.: Мифы народов мира, т. 2, с. 198].

Резюмируем выделенные параллели: 1) трехлеточка и Алексея Карамазова именуют в тексте «ангелами»; 2) Алешу называют еще и «херувимом», а трехлеточек получает некий неназванный ангельский чин и вместе с ним функции «предстояния перед Богом» и «воспевания», которые указывают на то, что чин этот — один из двух высших; 3) семантика имени трехлеточка и младшего Карамазова («защитник») соответствует охранительной функции херувимов. Отсюда трехлеточек и Алексей Карамазов получают в тексте один ангельский чин, оба они — херувимы.

Однако ангельский чин в ретроспективном прочтении текста становится еще и смысловым синонимом обретения Царства Небесного, рая. Этот мотив объединяет теперь сына Достоевского, его литературного двойника (трехлеточка) и Алешу Карамазова. Выделенная ранее «троица» преобразуется уже в «четверку» безусловно связанных между собой Алексеев: Достоевский, трехлеточек, Алексей — человек Божий и Карамазов. Здесь Алексей — человек Божий — это святой покровитель Алешки Достоевского, который упоминается в той же роли в истории трехлеточка, а также фигурирует как оним-метафора по отношению к Карамазову (вспомним ракигинское: *Алешенька, Божий человек* [т. 14, с. 321], а также слова Мити: *Я-то пропал, Алексей, я-то, Божий ты человек!* [т. 15, с. 27]).

Кроме того, на наш взгляд, ангельское, райское бессмертие Алешки Достоевского знаменуется еще и тем, что писатель помещает своего героя Алешу в монастырь. «Посмотрите, в какой они долине роз проживают!» — восклицает Федор Павлович по приезде в этот монастырь. А далее следует описание монастырского сада: «Действительно, хоть роз теперь и не было, но было множество редких и прекрасных осенних цветов везде, где только можно было их насадить. Лелеяла их, видимо, опытная рука. Цветники устроены были в оградах церквей и между могил. Домик, в котором находилась келья старца, деревянный, одноэтажный, с галереей перед входом, был тоже обсажен цветами»

[т. 14, с. 35]. Следует отметить, что эта картина буквально утопающего в цветах монастыря пронизана символикой сакрального пространства, загробного мира, рая. Описание объединяет сразу три локуса, которые в русской мифологии так или иначе отождествлялись с раем: это сад, монастырь и домик, «весь в цветочках». Во-первых, это роскошный монастырский сад. «В легендах о странствиях души по загробному миру рай чаще всего представляется садом: “неизреченной красоты сад зеленый”» [Криничная, с. 926]. Моделью для формирования образа рая-сада в христианской культурной традиции послужил образ библейского эдемского сада, отсюда “цветочная” символика пронизывает все находящееся в этом сакральном пространстве» [Там же, с. 927]. И действительно, цветы в окрестностях монастыря были «везде, где только можно было их насадить», «в оградах церквей и между могил», «домик <...> тоже обсажен цветами», они — и в доме старца: «Два горшка цветов на окне, а в углу много икон — одна из них Богородицы, огромного размера и писанная, вероятно, еще задолго до раскола». Но и сам монастырь является символическим эквивалентом рая, ибо, как отмечает Н. А. Криничная, «приравнивание церкви (монастыря) к раю устойчиво в христианской культуре» [Там же, с. 936]. Причем если визионеру на его пути в рай попадает «хороший домик», то он непременно «весь в цветочках» [Там же, с. 927]. Как видно, домик старца Зосимы, весь обсаженный цветами, вписан в пространство монастыря-рая, который, в свою очередь, располагается в «долине роз» сада-рая. Примечательно, что в черновых набросках к роману, относимых предположительно к началу сентября 1878 г., есть следующая запись: «Алеша мог выходить из монастыря. Жил в келье и носил подрясник, по благослов<лению>, не принадлежа, однако же, вовсе монастырю. Описание скита, цветы (слегка)» [т. 15, с. 200]. Это особое указание на цветы очень знаменательно с учетом того, что в завершенном тексте романа это *слегка* трансформируется уже в *везде, где только можно было их насадить*, а значит, намеренно утверждается символика пространства монастыря как рая. Соответствует этой концепции и наличие в келье старца Зосимы фигурок херувимчиков, которые, во-первых, сторожат ворота этого рая, а во-вторых, впервые здесь называются в тексте, предваряя собственно номинацию Алеши херувимом и ее дальнейшее закрепление за ним во всем тексте романа.

Далее следует особо отметить, что именно в «Братьях Карамазовых» мотив детской смерти, который можно отнести к числу индивидуальных для всего творчества Достоевского, достигает своего апогея (трехлеточек; шестипалый младенец Григория и Марфы; дети из «анекдотов» Ивана; юноша Маркел; голодное замерзшее «дитё» с «сизыми ручонками» — из сна Мити; Илюша Снегирев). Открывает череду детских смертей именно гибель трехлеточка Алеши. Полагаем, все детские смерти в «Братьях Карамазовых» представляют собой частные реализации скрытой темы романа — смерти сына Достоевского. Поясним это на примере Илюши. Роман, открывающийся как жизнеописание Алеши, как будто совершая жизненный цикл, завершается похоронами Илюши. Это созвучие имен, возможно, не обратило бы на себя наше внимание, если бы не знаменательное обращение Федора Павловича к сыну Алеше из черновых записей к роману с комментарием редактора — «описка»: «Илюша, прокляну.

Ведь отцовское проклятие, знаешь, что значит» [т. 15, с. 204]. Как видно, созвучие это не только осознавалось Достоевским, но и доходило до смешения. От имен — к сущностям. Как и «защитник» Алеша, Илюша также выступает «защитником»: оба заступаются за своих отцов («Прощай, ангел, давеча ты за меня заступился, век не забуду», — говорит Федор Павлович Алеше [т. 14, с. 131]; Илюша пырнул Красоткина «перочинным ножичком в бедро, заступаясь за отца» [Там же, с. 466]. И вспомним еще раз слова утешения Зосимы, высказанные Настасьишке: «Посему знай и ты, мать, что твой младенец наверно теперь предстоит пред престолом Господним, и радуется, и веселится, и о тебе Бога молит. А потому и ты плачь, но радуйся» [Там же, с. 46]. Слова Зосимы, вероятно, отсылают к древней славянской традиции, согласно которой «поминки по младенцу назывались рад о в а н и е, так как считалось, что родители должны радоваться, получив своего з а щ и т н и к а на небесах в виде маленького ангела» [Славянская мифология, с. 22]. Следовательно, трехлеточек Алексей также реализует этимологическую семантику своего имени в функции небесного защитника своих родителей, т. е. как и Алеша с Илюшей — своих отцов. Кроме того, взаимосвязь образов Илюши/Алеши (трехлеточка), выраженная в созвучии имен и общей охранительной функции, находит свое отражение и в мотиве трепетного отношения родителей к вещам их умерших детей. «Посмотрю на его бельишечко, на рубашоночку аль на сапожки и взвою. Разложу, что после него осталось, всякую вещь его, смотрю и вою», — говорит Настасьишка [т. 14, с. 45]; Снегирев после похорон сына увидел «Илюшины сапожки, стоявшие оба рядышком <...> поднял руки и так и бросился к ним, пал на колени, схватил один сапожок и, прильнув к нему губами, начал жадно целовать его...» [Там же, с. 194]. В связи с этими, финальными, сценами романа нельзя не вспомнить и об упоминавшейся уже символике рая-сада и рая-монастыря (церкви). Цветы так настойчиво акцентируются, звуча рефреном почти в каждой фразе, что, можно сказать, становятся самостоятельными «героями» последнего эпизода. Не приводя всех контекстов, отметим, что слово «цветы» в различных словоформах фигурирует здесь с чрезвычайной частотой (22 раза), а плюсом к тому отдельно сказано о «маленькой белой розе в руках Илюши» [т. 15, с. 190]. «Цветочный» код, как уже отмечалось, связан с раем. Отпевание Илюши проходит в церкви, которая, как и монастырь, является символическим эквивалентом рая. Так авторский миф об обретенном сыном рае находит свое отражение в символическом плане романа.

В черновиках к роману встречается следующая запись: «Иова искушал Господь. Детей отнял» [Там же, с. 245]. Но эта запись потенциально могла быть короче, например: «Иова искушал Господь», ведь, как мы знаем из Книги Иова, ветхозаветный праведник подвергся и другим тяжким испытаниям. Причем, потеряв детей, лишившись всего, что имел, Иов не возроптал на Господа, а благословил его имя: «Господь дал, Господь и взял — благословенно имя Господне!» [Библия, с. 512]. Решающим же испытанием веры Иова, согласно преданию, стала «проказа лютая», которой поразил праведника Сатана с позволения Господа. Но Достоевский конкретизирует: «...Детей отнял», делает акцент именно на этом испытании Иова, испытании, которое пережил сам. Не потому

ли роман так правдоподобно и лично изображает кризис веры? Не потому ли именно смерть безвинных детей становится сильнейшим аргументом Ивана в его бунте против Бога?

Иов, лишившись детей и претерпев другие беды, в конечном итоге все-таки смиряется, «раскаивается в прахе и пепле» в своем малодушии, а Господь восполняет ему потери, в том числе посылает новых детей [см.: Там же, с. 535]. Однако, по мысли автора «Братьев Карамазовых», для отцов, переживших своих детей, сверхчеловеческое смирение Иова может быть лишь идеалом. В действительности же новые дети не могут заменить собой умерших, память о последних свята. Эта мысль звучит полемически открыто по отношению к притче, когда, умирая, Илюша говорит своему отцу: «Папа, не плачь... а как я умру, то возьми ты хорошего мальчика, другого... сам выбери из них из всех, хорошего, назови его Илюшей и люби его вместо меня...», а тот восклицает: «Не хочу хорошего мальчика! Не хочу другого мальчика! <...> Аще забуду тебя, Иерусалиме, да прильпнет...» [т. 14, с. 507].

В одном из писем 1875 г. Достоевский писал жене: «Читаю Книгу Иова, и она приводит меня в болезненный восторг: бросаю читать и хожу по часу в комнате, чуть не плача. <...> Эта книга, Аня, странно это — одна из первых, которая поразила меня в жизни, я был еще тогда почти младенцем!» [Достоевский, Достоевская, с. 183]. Как видно, Книга Иова была особенно дорога Достоевскому. Вся жизнь писателя, полная испытаний, заслуживает сравнения с судьбой Иова. Последнее из этих испытаний — смерть сына, как показывает топика «Братьев Карамазовых» [см. об этом: Ляху, с. 129–143; Казаков, с. 180–186], заставила Достоевского вновь обратиться к Книге Иова. Думается, Достоевский все-таки оставляет открытым вопрос Ивана, но как «горнило сомнений», как вопрос, который встает даже перед идеалом праведника — Иовом, когда тот теряет детей, как вопрос на пути к обретению истинной веры через страдание. И право на этот вопрос писатель оставляет именно отцам, а не «русским мальчикам» вроде Ивана, которые мудрствуют лукаво, имея лишь одну цель — утвердить вместо веры в Бога принцип вседозволенности.

Подведем итоги. Ветхозаветный сюжет об Иове, можно сказать, становится частью личного мифа писателя и художественно переосмысливается в романе. В то же время история трехлеточка (по сути — сына) мифологизируется Достоевским, приобретает черты вечного сюжета. Не случайно слова утешения Зосимы даны как цитирование «древнего великого святого»: «Вот что, мать, — проговорил старец, — однажды древний великий святой увидел во храме такую же, как ты, плачущую мать и тоже по младенце своем, по единственному, которого тоже призвал Господь» [т. 14, с. 45]. Кроме того, в истории Настасьюшки Зосима «узнает» евангельский сюжет о несчастной Рахили: «А это <...> “древняя Рахиль плачет о детях своих и не может утешиться, потому что их нет”, и таковой вам, матерям, предел на земле положен» [Там же, с. 46].

Имя *Алексей*, взятое в аспекте его повторяемости в романе (Алексей Карамазов, Алексей-трехлеточек, Алексей — Божий человек, Илюша — как созвучный

вариант имени «Алеша») и параллельного бытия в судьбе писателя (Алексей Достоевский), является м о т и в о м. Выделенные номинации («ангел», «херувим»), по сути — вариации этого имени как мотива, соотносятся по принципу «он же», вступают в отношения взаимоопределения. При этом Алеша Карамазов, трехлеточек Алексей и Илюша, на наш взгляд, являют собой художественные эманации идеи райского бессмертия сына Достоевского, а сам роман в этом смысле представляет собой своеобразный литературный памятник ему.

-
- Альтман М. С.* Достоевский. По вехам имен. Саратов, 1975.
Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 1993.
Ветловская В. Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы». Л., 1977.
Долинин А. С. Последние романы Достоевского : как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М., 1963.
Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971.
Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка. Л., 1976.
Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л., 1972—1976.
Казаков А. А. Тема страдания невинных в романе «Братья Карамазовы» (сюжет Иова и сюжет Христа) // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения : [сб. ст.] М., 2007. С. 180—186
Криничная Н. А. Русская мифология. Мир образов фольклора. М., 2004.
Ляху В. С. Влияние поэтики Библии на поэтику Ф. М. Достоевского // Вопр. лит. 1998. Вып. 4. С. 129—143.
Мифы народов мира : Энцикл. слов. : в 2 т. М., 1980—1982.
Селезнев Ю. И. Достоевский. М., 1981.
Славянская мифология : Энцикл. слов. М., 2002.
Соколов Б. В. Расшифрованный Достоевский : Тайны романов о Христе. Преступление и наказание. Идиот. Бесы. Братья Карамазовы. М., 2007.
Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. М., 2003.
Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников : в 2 т. / сост. А. Долинин. М., 1964.
Щенникова Л. П. Имена // Достоевский : эстетика и поэтика : словарь-справочник. Челябинск, 1997. С. 167—168.
Флоренский П. Имена. М., 2001.

Статья поступила в редакцию 10.06.2010 г.

УДК 821.161.1-6 + 81'367.635

Н. А. Тарасова

**ЗНАК ТИРЕ В НАБОРНОЙ РУКОПИСИ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»
ЗА 1877 Г. : ОСОБЕННОСТИ ПУНКТУАЦИИ ДОСТОЕВСКОГО**

Анализируются особенности авторской пунктуации Ф. М. Достоевского и характера ее отражения в печати на материале наборной рукописи «Дневника писателя» за 1877 г. и ее публикаций. В научный оборот вводятся новые текстологические факты, свидетельствующие о значении индивидуальных языковых особенностей авторского текста для понимания его семантики и поэтики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: критика текста, творчество Достоевского.

По точному определению В. Н. Захарова, «для Достоевского пунктуация была интонационной и интуитивной (разрядка наша. — *Н. Т.*). Его знаки препинания являются знаками авторской интонации, авторского ритма. Читать тексты Достоевского по знакам его пунктуации — все равно что по нотам читать партитуру композитора. Эта интонационная партитура постепенно исчезала и исчезла в посмертных изданиях» [Захаров, с. 195]. Между тем в определенных случаях авторские написания заслуживают более пристального внимания. Далее приведены цитаты из 1) наборной рукописи, 2) прижизненного издания «Дневника писателя» за 1877 г. [Достоевский, 1878] и 3) академического Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского [Достоевский, 1972–1990]. Сравнение этих трех источников указывает на допущенные в печати ошибки воспроизведения авторского текста. В предлагаемой ниже таблице сравнений выдержки из академического издания необходимо соотносить прежде всего с текстом рукописи, анализ которой позволяет в ряде случаев принять иные по сравнению с указанной публикацией текстологические решения. Данные прижизненного издания приводятся, чтобы можно было проследить изменение авторского текста в печатном процессе. Корректур «Дневника писателя» не сохранилась, однако приведенные ниже примеры показывают утрату тех или иных авторских написаний, негативно отразившуюся на смысловых характеристиках материала, поэтому анализ корректуры едва ли повлиял бы на выводы: в рассматриваемых примерах речь идет об отнюдь не творческих изменениях текста, очевидных именно при сравнении публикаций и рукописи.

Особое значение в наборной рукописи «Дневника писателя» имеет знак тире. Рассмотрим примеры (см. таблицу).

В апрельском выпуске Достоевский рассуждает о восточном вопросе, и в частности об отношении России к другим нациям, обосновывая идею духовного объединения людей: «Мы первые объявим миру, что не чрез подавление личностей иноплеменных нам национальностей хотим мы достигнуть собственного преуспевания, а, напротив, видим его лишь в свободнейшем и самостоятельном развитии всех других наций и в братском единении с ними, восполняясь одна другою, прививая к себе их органические особенности и уделяя им и

Ошибка воспроизведения автором текста

№ п/п	[Достоевский, 1972–1990]	[Достоевский, 1878]	Наборная рукопись
<i>Апрель</i>			
1	учась у них и уча <u>их</u> , и <u>так</u> до тех пор, когда человечество [т. 25, с. 100]	учась у нихъ и уча <u>ихъ</u> и <u>такъ</u> до тѣхъ поръ когда человечество [с. 92]	учась у нихъ и уча <u>ихъ</u> — и <u>такъ</u> до тѣхъ поръ когда человечество [РГБ, ф. 93, I. 2. 12, л. 21]
2	Но как устроить <u>рай</u> — <u>я не знаю</u> , потому что не умею передать словами. После сна <u>моего потерял</u> слова [т. 25, с. 118]	Но какъ устроить <u>рай</u> — <u>я не знаю</u> , потому что не умѣю передать словами. После сна <u>моего потерялъ</u> слова [с. 109]	Но какъ устроить <u>рай</u> — <u>я не знаю</u> , потому что не умѣю передать словами. После сна <u>моего</u> — <u>потерялъ</u> слова. [РГБ, ф. 93. I. 2. 12, л. 83, 85]
<i>Май — июнь</i>			
3	мне и показалось, что прямое, голословное, безо всякихъ объяснений объявление о том, что следующий выпуск «Дневника» выйдет вместе с июньским, было бы несколько беспцеремонным, <u>и почему же</u> было не объявить причину, из-за которой так вышло? [т. 25, с. 126]	мнѣ и показалось что прямое, голословное, безо всякихъ объяснений объявление о томъ, что слѣдующій выпускъ «Дневника» выйдетъ вмѣстѣ съ июньскимъ, было бы нѣсколько безцеремоннымъ и <u>почему же</u> было не объявить причину, изъ за которой такъ вышло? [с. 118]	мнѣ и показалось что прямое, голословное, безо всякихъ объяснений объявление о томъ, что слѣдующій выпускъ «Дневника» выйдетъ вмѣстѣ съ Юньскимъ, было бы нѣсколько безцеремоннымъ, и — <u>почему же</u> было не объявить причину изъ за которой такъ вышло? [ИРЛИ, ф. 100. № 29480. л. 9; в черновом автографе тире — РГБ, ф. 93, I. 2. 12, л. 115]
4	должно было развестись чрезвычайное множество людей, так сказать, обойденных, позабытых, оставленных без внимания и <u>досадующих</u> [т. 25, с. 127]	должно было развестись чрезвычайное множество людей, такъ сказать, обойденныхъ, позабытыхъ, оставленныхъ безъ вниманія и <u>досадующихъ</u> [с. 118]	должно было развестись чрезвычайное множество людей такъ сказать обойденныхъ, позабытыхъ, оставленныхъ безъ вниманія и — <u>досадующихъ</u> [ИРЛИ, ф. 100, № 29480, л. 9 об.; в черновом автографе тире — РГБ, ф. 93. I. 2. 12, л. 117]
5	Нет, действует пока всё еще та же славянская природа наша, которой всего бы только поскорей <u>выругаться</u> , да тем <u>и покончить</u> [т. 25, с. 128]	Нѣтъ, дѣйствуетъ пока все еще та же славянская природа наша, которой всего бы только поскорѣй <u>выругаться</u> , да <u>тѣмъ</u> и покончить [с. 119]	Нѣтъ, дѣйствуетъ пока все еще та же славянская [порода] /природа наша/, которой всего бы только поскорѣй [бы] <u>выругаться</u> — да <u>тѣмъ</u> и покончить [ИРЛИ, ф. 100, № 29480, л. 11; в черновом автографе тире — РГБ, ф. 93, I. 2. 12, л. 121]
6	Я получаю от молодежи множество <u>писем</u> и <u>все подписанные</u> [т. 25, с. 128]	Я получаю отъ молодежи множество <u>писемъ</u> и <u>всѣ подписанныя</u> [с. 119]	Я получаю отъ молодежи множество <u>писемъ</u> — и <u>всѣ подписанные</u> . [ИРЛИ, ф. 100, № 29480, л. 11; в черновом ав-

Продолжение табл.

№ п/п	[Достоевский, 1972–1990]	[Достоевский, 1878]	Наборная рукопись
7	В самом деле, в наше, столь народное, столь единительное и патриотическое время, когда именно всюду ищешь у себя дома русских, ждешь русских, желаешь и требуешь русских, в такое время слишком тяжело видеть [т. 25, с. 136]	Въ самомъ дѣлѣ, въ наше, столь народное, столь единительное и патриотическое время, когда именно всюду ищешь у себя дома русскихъ, ждешь русскихъ, желаешь и требуешь русскихъ, въ такое время слишкомъ тяжело видѣть [с. 127]	тографе тире — РГБ, ф. 93, I. 2. 12, л. 121] Въ самомъ дѣлѣ, въ наше, столь народное, /столь единительное/ и патриотическое время, когда именно всюду ищешь у себя дома русскихъ, ждешь русскихъ, желаешь и требуешь русскихъ, — въ такое время слишкомъ тяжело видѣть [ИРЛИ, ф. 100, № 29480, л. 22; в черновом автографе тире — РГБ, ф. 93, I. 2. 12, л. 141]
8	являлись дипломатические умы, положим, прехитрейшие, интриганы, с претензией на реальнейшее понимание вещей, а между тем дальше своего носу и текущих интересов (да еще самых поверхностных и ошибочных) никто из них ничего не усматривал! [т. 25, с. 143]	являлись дипломатическіе умы, положимъ прехитрѣйшіе, интриганы, съ претензією на реальнѣйшее пониманіе вещей, а между тѣмъ, дальше своего носу и текущихъ интересовъ (да еще самыхъ поверхностныхъ и ошибочныхъ) никто изъ нихъ ничего не усматривалъ! [с. 133]	являлись дипломатическіе умы, — положимъ прехитрѣйшіе, интриганы, съ претензією на реальнѣйшее пониманіе вещей, а между тѣмъ дальше своего носу и текущихъ интересовъ (да еще самыхъ поверхностныхъ и ошибочныхъ) никто изъ нихъ ничего не усматривалъ! [ИРЛИ, ф. 100, № 29480, л. 30; в черновом автографе тире — РГБ, ф. 93. I. 2. 12, л. 151]
9	не предвидится, и Англия в уединении [т. 25, с. 150]	не предвидится и Англія въ уединеніи [с. 140]	не предвидится, и Англія [по неволѣ] /—/ въ уединеніи [ИРЛИ, ф. 100, № 29480, л. 39; в черновом автографе тире нет — РГБ, ф. 93, I. 2. 12, л. 161]
<i>Июль — август</i>			
10	А если не вырвать у них оружие и — чтоб не убивать их, уйти, то они ведь тотчас же [т. 25, с. 222]	А если не вырвать у нихъ оружіе и — чтобъ не убивать ихъ уйти, то они вѣдь тотчасъ же [с. 207]	А если не вырвать у нихъ оружіе и — чтобъ не убивать ихъ — уйти, то они /вѣдь/ тотчасъ же [РГБ, ф. 93, I. 2. 12, л. 207]
<i>Сентябрь</i>			
11	Но и не умри папа, возможность недоразумений и столкновений останется [т. 26, с. 19]	Но и не умри папа возможность недоразумѣній и столкновеній останется [с. 223]	Но и не умри Папа — /возможность/ недоразумѣні[я]/и/ и столкновеній останется [Там же, л. 33]

Окончание табл.

№ п/п	[Достоевский, 1972–1990]	[Достоевский, 1878]	Наборная рукопись
<i>Ноябрь</i>			
12	потому что <u>он лишь</u> «стриюцкий» [т. 26, с. 64]	потому что <u>онъ лишь</u> «стриюцкий» [с. 266]	/потому что <u>онъ — лишь</u> / «стриюцкий» [Там же, л. 137]
13	Этот человек — я, <u>потому что</u> ввел и употребил это слово в литературе в первый раз — я. [т. 26, л. 65]	Этот <u>человѣкъ</u> — я, <u>потому что</u> ввелъ и употребилъ это слово въ литературѣ въ первый разъ — я. [с. 267]	Этотъ <u>человѣкъ</u> я — <u>потому что</u> ввелъ и употребилъ это слово въ литературѣ въ первый разъ — я. [Там же, л. 140]
14	Может быть, и я участвовал в изобретении, <u>не</u> помню. [т. 26, л. 66]	Можетъ быть и я участвовалъ въ изобрѣтении, <u>не</u> помню. [с. 269]	Можетъ быть и я участвовалъ въ изобрѣтении, — [не знаю,] <u>не</u> помню. [Там же, л. 144]
15	Тот высокомерный взгляд, который бросает иной европеец теперь на народ наш и на движение его, отрицая во всем народе нашем всякую мысль и движение, «кроме глупо-кликушечьих выходов из тысячей простонародья какого-нибудь одного дурака», <u>неужели такой взгляд</u> , возможность такого взгляда, обратившаяся в действительность, не стоит изображенной выше фантастической картинки? [т. 26, с. 69–70]	Тотъ высокомерный взгляд, который бросаетъ иной европеецъ теперь на народъ нашъ и на движение его, отрицая во всемъ народѣ нашемъ всякую мысль и движение, «кромѣ глупокликушечьихъ выходовъ изъ тысячей простонародья какого-нибудь одного дурака», <u>неужели такой взгляд</u> , возможность такого взгляда, обратившаяся въ дѣйствительность, не стоитъ изображенной выше фантастической картинки? [с. 271–272]	Тотъ высокомерный взглядъ [напримѣръ], который бросаетъ иной европеецъ теперь на народъ /нашъ/ и на движение его, отрицая во всемъ народъ? <u>нашемъ</u> всякую мысль и движение, «кромѣ глупо-кликушечьихъ выходовъ изъ тысячей простонародья какого-нибудь одного дурака» — <u>неужели такой взгляд</u> , /возможность такого взгляда, обратившаяся въ дѣйствительность/, не стоитъ [выше] изображенной выше фантастической картинки? [Там же, л. 150]
16	Помните ли, господа, как еще летом, еще задолго до «Плевны», мы вдруг вошли в Болгарию, <u>явились за Балканами и онемели от негодования</u> [т. 26, с. 73]	Помните-ли, господа, какъ еще лѣтомъ, еще задолго до «Плевны» мы вдруг вошли въ Болгарію, <u>явились за Балканами и онемѣли отъ негодованія</u> [с. 274]	Помните-ли, господа, какъ еще лѣтомъ, еще задолго до «Плевны» мы вдруг [побѣдно] вошли въ Болгарію, <u>явились за Балканами и — онемѣли отъ негодованія</u> . [Там же, л. 158]
<i>Декабрь</i>			
17	Кроме того, на суде не оказалось и свидетелей, которые бы могли подтвердить жестокость <u>мачехи — мачехино</u> битье. [т. 26, с. 97]	Кромѣ того, на судѣ не оказалось и свидѣтелей, которые бы могли подтвердить жестокость <u>мачихи, — мачихино</u> битье. [с. 297]	Кромѣ того, на судѣ не оказалось /и/ свидѣтелей, которые бы могли подтвердить жестокость <u>мачихи, мачихино</u> битье. [Там же, л. 222]

от себя ветви для прививки, сообщаясь с ними душой и духом, участь у них и уча их, и так до тех пор, когда человечество, восполняясь мировым общением народов до всеобщего единства, как великое и великолепное древо, осенит собою счастливую землю» [Достоевский, 1972–1990; т. 25, с. 100]. После строк «участь у них и уча их» следует пауза, указывающая на логическое завершение мысли в виде резюме, итога: «и так до тех пор...», — отделенного от основной части высказывания знаком тире. Безусловно, этот знак, пропущенный в печати, необходимо восстанавливать в дефинитивном тексте. Причина пропуска достаточно типична — расположение записи: тире оказывается в самом конце строки (см. пример 1 в табл.).

В рукописи рассказа «Сон смешного человека» (пример 2) довольно много синтаксических конструкций, подчеркивающих эмоциональное состояние героя, который проходит перед читателем путь от греха к прозрению и обретению истины — путь, обозначенный автором как переживание, как экзистенциальный опыт. Использование тире здесь не во всех случаях соответствует пунктуационной норме, но всегда — поэтике образа. Так, предложение «После сна моего потерял слова» (вариант печатного текста) нормативно. Но в авторском тексте, как видим, записано иначе: «После сна моего — потерял слова», — и тире здесь не только является указанием на пропущенное подлежащее, но и выполняет экспрессивную функцию, усиливая значение увиденного героем сна (часто слово «сон» автор записывает с заглавной буквы, что не отражено в печати).

В примерах 3–6 знак тире в рукописи также отделяет основную часть от ударной концовки высказывания. Смысловая структура каждой фразы такова: тезис — логический вывод (*объявление было бы бесцеремонным, и — почему же не назвать причину; природа наша такова, что нам бы только выругаться — да тем и покончить*), тезис — дополнительная характеристика в форме определения (*должно было развестись множество людей обойденных, забытых... — и досаждающих; я получаю множество писем — и все подписанные*). В последнем случае союз «и» первоначально (в первом слое записи в черновом автографе) отсутствовал [см.: РГБ, ф. 93, I. 2. 12, л. 121], но его появление не отменяет необходимость использования тире, если учесть, что здесь тире также экспрессивно: автор говорит об анонимных ругательных письмах, не очень-то сдерживая свои эмоции. Тире, таким образом, следует восстанавливать в авторском тексте как фактор стиля, интонации, логики суждения. Похожий случай показан в примере 16 (см. табл.): *помните, как мы вдруг явились за Балканами и — онемели от негодования*. Здесь тире передает значение неожиданности, несоответствия ожидаемого и реального (речь о том, что пришедшие спасти Болгарию от турок русские волонтеры ожидали увидеть упадок и разорение, а оказалось, что быт «угнетаемых» не во всем соответствует этим представлениям). Пропуск знака в печати в примерах 6 и 16 объясняется местоположением записи на странице — тире находится в самом конце строки и могло быть попросту не замечено при наборе текста.

Иногда тире употребляется при смысловом повторе-обобщении — как в примере 7, где в начале предложения заявлена часть тезиса (*в наше время...*), затем

дана конкретизация заявленного (*время, когда...*) и — после тире — представлено завершение тезиса (*в такое время слишком тяжело видеть...*). В кольцевой структуре высказывания тире отделяет начальную и финальную части тезиса. Аналогичная структура предложения представлена в примере 15: начало тезиса (*тот высокомерный взгляд...*), конкретизация (*взгляд, который...*), заключительная часть тезиса после тире (*неужели такой взгляд...*). При изучении рукописного текста устанавливается и причина, по которой тире не отражено в печати: очевидно, этот знак, расположенный в конце строки, не был замечен из-за правки текста: ниже в рукописи появляется вставка, вписанный фрагмент, осложняющий восприятие контекста и «заслоняющий» нюансы записи.

В примере 8 тире фиксирует авторское короткое отступление от основной линии рассуждений, логически выраженных при помощи противопоставления: *являлись умы — положим, прехитрейшие, но...* В черновом автографе в финале предложения вместо восклицательного знака — точка [см.: РГБ, ф. 93, I. 2. 12, л. 151]. Исправление текста на стадии наборной рукописи сознательное: оттенок восклицания заложен в стилистических характеристиках высказывания.

В девятом примере тире появляется именно на стадии наборной рукописи. В черновом автографе записано: *Англія поневоль въ уединеніи* [РГБ, ф. 93, I. 2. 12, л. 161]; в наборной рукописи наречие вычеркнуто и заменено знаком тире, придающим фразе большую резкость звучания: *Англія — в уединеніи*. Тире имеет значение еще и потому, что данная характеристика политического положения Англии («уединение») повторяется в тексте неоднократно и в одном случае даже подчеркивается графически (в печати выделена курсивом):

«Это критическое ея положеніе можетъ быть формулировано точнѣйшимъ образомъ въ одномъ словѣ: *Уединеніе*, ибо никогда еще можетъ быть Англія не была въ такомъ страшномъ уединеніи какъ теперь» [ИРЛИ, ф. 100, № 29480, л. 38 об.].

В примере 10 посредством тире выделяется вставная конструкция, показывающая особенности интонационного оформления мысли (второе тире, не отраженное в печати, в рукописи находится в конце строки); в одиннадцатом — тире подчеркивает интонационное деление предложения на два состава (*но не умри Папа — возможность недоразумений и столкновений останется*); в двенадцатом и четырнадцатом — указывает на паузу и интонационно усиливает вторую часть высказывания (*он — лишь стрюцкий; может быть, и я участвовал — не помню*). Тринадцатый случай показывает, как «выравнивается» текст в процессе издания. Авторская фраза в наборной рукописи более экспрессивна: перед союзом «потому что» можно было бы поставить запятую, но Достоевский использует тире (*этот человек я — потому что...*), словно бы стремясь выдержать паузу перед тем, как продолжить рассуждения. При этом, используя местоимение «я» далее, автор усиливает его звучание при помощи тире (*употребил это слово в литературе в первый раз — я*). Поставленный знак передает именно факт первичности словоупотребления, закрепленности глагола *стусшеваться*, о котором идет речь, за лицом, за личностью, за конкретным «я». В печатном тексте вариант постановки тире другой: в обоих случаях дан-

ный знак оказывается перед личным местоимением — происходит упрощение авторского текста, исходная интонация фразы теряется.

Последний пример иллюстрирует обратный процесс — не исчезновение, а появление тире в печатном тексте (в данном случае — необоснованное). То, что наборщик принял за знак тире, на самом деле — надстрочная черта в литере «т» слова «свидетельство» из следующего предложения. Появление тире в окончательном тексте — это опечатка.

Невозможно не признать, что Достоевский, не придававший существенного значения грамматическим руководствам своего времени (по крайней мере, нет прямых свидетельств в пользу этого), вместе с тем тончайшим образом чувствовал все смысловые нюансы языка и возможности их речевого использования. Как указывает А. А. Шунейко, Достоевский «рассматривал, осмысливал, описывал многообразные речевые акты, характер поведения их участников, многосторонние особенности речи не только с позиции аналитика... но и как художник. То есть представление о многообразии типов речевого поведения и многообразии сопровождающих их особенностей речи было для него одновременно интуитивным знанием, каковым оно является для большинства носителей языка, и результатом аналитического и художественного познания. Так как объект был осмыслен со всех сторон, которые открываются этим каналам получения информации, великий романист имел полное (помноженное на гениальность) представление о типах речевого поведения» [Шунейко, с. 80]. Эта тонкая способность чувствовать слово и разнообразными способами (тропы, художественные приемы, использование прецедентных текстов и др.) передавать его оттенки проявляется и в работе Достоевского над художественно-публицистическим «Дневником писателя».

Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 г. СПб., 1878.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л., 1972–1990.

Захаров В. Н. Достоевский для XXI века // Вестн. Рос. гуманитар. науч. фонда. 1999. № 3. С. 194–199.

Шунейко А. А. Языковая личность Ф. М. Достоевского в отражении языковой критики // Слово Достоевского 2000 / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН ; под ред. Ю. Н. Караулова, Е. Л. Гинзбурга. М., 2001. С. 56–102.

ИРЛИ. Ф. 100. № 29480 (Наборная рукопись «Дневника писателя» за май — июнь 1877 г.).

РГБ. Ф. 93. I. 2. 12 (Наборная рукопись «Дневника писателя» за апрель, июль — август; черновой автограф за май — июнь 1877 г.; I. 2. 13 (Наборная рукопись «Дневника писателя» за сентябрь, ноябрь, декабрь 1877 г.).

Статья поступила в редакцию 13.10.2010 г.

УДК 821.161.1-6 + 82-312.6

Е. А. Худенко

ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВО М. М. ПРИШВИНА: ИГРОВАЯ СТРАТЕГИЯ

Исследуется жизнетворческая концепция М. М. Пришвина как особая игровая стратегия. На материале дневников и романа писателя «Журавлиная родина» рассматриваются философско-эстетические и художественные формы реализации данной поведенческой стратегии.

Ключевые слова: М. Пришвин, жизнетворчество, игровая стратегия, творческое поведение.

В художественной системе М. М. Пришвина (1873—1954) игра выступает в качестве особой стратегии творческого поведения художника. В основании философии пришвинской игры лежит романтическое представление о художнике, творящем иную действительность. В историческом разрезе эта игра восходит к театру Античности, осмысленному писателем как диалог человека с космосом, имеющий экзистенциальные смыслы [см.: Тахо-Годи, с. 208]. Формы игровой стратегии актуализируются в жизнетворчестве Пришвина особенно в 1930-е гг. и выражаются в обращении к «устным» жанрам — сказке, легенде, были, под которыми писатель скрывает злободневное содержание своих размышлений, в создании игрового романа о творчестве «Журавлиная родина» (1929).

В литературоведении бытуют две точки зрения на игровые формы Пришвина-художника:

1) игра зарождается в литературном быте, в повседневности и обретает универсальный характер для всего творчества, выступая в качестве «онтологической, эстетической и социально-психологической категории» [Исупов, с. 213];

2) игра имеет социальный генезис в его творчестве, ее этапный характер (20—30-е гг.) объясняется необходимостью выживания для художника в кардинально изменившейся действительности: «это поведение, присущее человеку, живущему на грани жизни и смерти, когда антитезой самоубийству становится художественное творчество, но когда быть художником нельзя» [Дворцова, с. 142].

Мы исследуем игровые формы, выработанные Пришвиным, как авторскую стратегию, которая представляет собой особый творческий закон, структурно-семантический принцип, действующий на разных уровнях художественной системы (от языковой игры до игрового образа мира). Суть этого творческого принципа, по мнению М. В. Карякиной, состоит в «свободном, нарочито вольном соединении субъектом игры разнородных элементов, условно допускающем невозможное как возможное, позволяющем представить несовместимое как инварианты единого. В основе игры лежат механизмы сопротивления (борьбы), подмены, оборачиваемости и деформации. Следствием произвольного обращения с материалом действительности становится творение условного мира смещенной (вытесненной) реальности» [Карякина, с. 16].

Размышления об игровом элементе культуры, звучащие лейтмотивом в дневнике писателя с начала 20-х гг., приводят его к понятию творческой свободы художника — необходимой составляющей творческого поведения в целом. Свобода для Пришвина — результат мощного внутреннего усилия, она тесно связана с обретением состояния внутренней гармонии — состояния мгновенного, неустойчивого, которое нужно находить и удерживать. «Писать играя» означает, по Пришвину, добиться гармоничного соотношения понятий «надо» и «хочется», слова и поступка, быта и бытия. Диалектическое снятие противоположных смыслов связано именно с присутствием игры и ее способностью «устанавливать иные содержательные связи между парами антиномично противоположных понятий, ее свойствами поглощать или замещать сам факт антиномии фактом собственного мирозерцательного содержания» [Исупов, с. 121].

Подобная творческая свобода достигается художником через два противоположных, а на самом деле смежных пути: через полную отдачу материалу и через отчуждение от него. «Растворение» художника в материале, игра по правилам, задаваемым жанром и логикой творимого текста, несомненно, освобождает художника от обязательств социальной и обыденной действительности. Это ведет к лудификации художнического поведения в целом, снятию границы между искусством и действительностью. И пусть это умозрительное (виртуальное) изживание конфликтности непродолжительно, но запомнившееся внутреннее состояние открытости миру столь сладостно, что требует персеверации. «Отчуждение» от материала возвращает художника к восстановлению границы и разводит пространства творчества и жизни. «Соблюдение правил в игре является целью. Целью искусства является истина, выраженная на языке условных правил. Поэтому игра не может быть средством хранения информации и средством выработки новых знаний (она лишь путь к овладению уже добытыми навыками). Между тем именно это составляет сущность искусства» [Лотман, с. 91]. Позиционная свобода, даруемая аксиологическим аспектом игры как точкой зрения на события внутреннего и внешнего мира человеческой деятельности, позволяет выработать отношение художника к «другому» — бытию, миру, человеку. Таким образом, игровые поведенческие формы Пришвина естественно и необходимо вытекают из его философии диалогиста, его установки на собеседника-друга.

Достижение полного слияния с материалом совершается через созерцательность, доходящую до исчезновения границ предмета и высвобождения им энергии. Происходит явление истинной, полной партиципации, приводящее к свободе видения «за двоих». Игровое начало здесь обретает новое содержание: игра в широком смысле становится «актуальной реализацией дуальности в единстве, партиципацией в действии» [Орлов, с. 165]. Пришвинское внимание к «другому» дает обретение свободы за счет добровольного принятия на себя функций не только «я», но и «ты». Рождающееся «мы» постулирует некую универсальность, а потому в дальнейшем служит основой для моделируемой гармонии бытия. Освобождение обретается художником не в отказе от всяческих правил социальной игры, но в предвосхищении через собственное внутреннее состояние

такого положения мира, когда мир становится единым («Мы»). Сам факт обращения Пришвина к сказочным и мифологическим жанрам есть опыт создания единой реальности: миф становится возвращением к истинной партиципации, сказка — к начальной национальной философии.

Процесс «отчуждения» от материала связан с постоянным осознанием Пришвиным условности игровых форм: «Между прочим, дети отлично знают, играя, что они играют» [Пришвин, 1978, с. 269]. Открытая рефлексия по поводу собственных игровых позиций как в тексте, так и в жизни придает игровой стратегии Пришвина особую функциональную насыщенность. Игра в этом аспекте становится *п р и е м о м*, сознательно применяемым художником в целях создания эстетической/этической иллюзии или снятия ее. Пришвин все время отстраняется от только что употребленного им игрового приема, он как бы боится «заиграться» — и это тоже значимо. Как философ, борющийся за смысл в пространстве антиномий, он понимает, что свободная стихия игры может привести его к непредсказуемым результатам, поэтому игра выстраивается в его системе как намеренная художническая стратегия. Стратегия эта носит настолько тотальный характер, что мы можем говорить об осознании художником жизни как игры.

Игра как свободная жизненная стратегия (и стратегия свободы) обретает у Пришвина черты «серьезного важного дела». Это дело по завершении трагедии жизни через предсоздание ее будущих праздничных форм. «Серьезная игра» является одной из составляющих частей пришвинской игры как «творчества жизни». Она находится в отношениях дополнительности с такими эвристическими смыслами писательской игры, как «веселое чудо», «детская забава», «небывалое». Игровая стратегия компенсирует, по Пришвину, нравственную недостаточность жизни: художник должен играть всегда так, чтобы достраивать (настраивать) жизнь до (на) совершенства(о): «Если нет у них (людей. — Е. Х.) игрушки, нет досуга играть и забываться в игре иногда совершенно, то вся эта деловая и умная жизнь ни к чему, и в этом уме не будет смысла. Значит, мы, артисты, призваны дать людям радость игры против необходимости умереть» [Пришвин, 1978, с. 291]. Именно такое преодоление страха смерти через игру и будет ощущаться Пришвиным как важнейшее дело для художника советской эпохи.

Необычность пришвинской игровой стратегии заключается и в том, что к игровым формам поведения («радостное серьезное») писатель относит явления аскезы и отшельничества, монашеского подвижничества. Эти явления в истории культуры всегда причислялись к неигровым формам жизни. Пришвин же включает их в игровые формы поведения человека, видя в аскезе искусствовенный элемент: «Культура монашества и есть попытка управления жизнью, из этой великой попытки вышло все большое искусство» [Пришвин, 1957б, с. 654]. Аскетизм понимается писателем как борьба за жизнь против страха смерти — «тяжелая борьба с несчастьем за радость бытия». Не случайно в выписке, сделанной из книги К. Н. Леонтьева, Пришвин подчеркивает слова, вскрывающие характер его пути к этой радости, пути «против уравнительного оптимизма. Монахи — пессимисты для земли» [Там же]. Аскетизм как условие

высшей духовности означает, по Пришвину, приближение будущей совершенной жизни. Этот феномен как «мост, перекинутый в названное иное бытие» (Ф. Ницше), выполняет, по сути, те же функции, что должно выполнять и современное искусство, — на деле строить этот мост в другое бытие через строительство самого себя. Пришвин акцентирует внимание не столько на философии аскетизма, сколько на его практической ценности — на аскетизме как типе поведения, преобразующего идеальное в эмпирическую реальность: «Аскетизм имеет только рабочую ценность, а отвлеченный аскетизм часто от дьявола: аскетизм рабочий должен сопровождаться великой радостью, потому что он все силы собирает для достижения радостной цели» [Пришвин, 1978, с. 293].

В этом аспекте явление аскетизма приравнивается Пришвиным к житнетворчеству писателя. Осознание истинного пути как пути преодоления трагедии через радость, несомненно, выражает психолого-биографическую доминанту самого Пришвина, назвавшего себя в одной из дневниковых записей «веселым отшельником». В этом самоопределении — и четкое осознание собственного места в литературе советской эпохи, и способность игровым образом «изжить» все тяготы творческой и человеческой жизни. Кроме того, художественная аскеза («запреты») выступает для писателя условием добывания правды жизни, дающейся только через самоограничение: «свободен человек только в своей жертве».

В романе «Журавлиная родина» Пришвин говорит о двух видах аскезы. Первый — «самоограничение творческое, в котором создатель новой формы выбирает из себя и утверждает такое, что годится для многих если не теперь, то в будущем. Чувство утраты при этом счастья поправляется радованием в творчестве. <...> Другой вид аскетизма истребляет в индивидуальности всю ее самость с полом и эросом, от личности остается дух бесплотный, мертвящий творчество жизни в самых ее зародышах» [Пришвин, 1957а, с. 323–324].

Второй вариант аскетизма неприемлем для Пришвина и наличием определенной позы (в православном смысле — гордыни) — той игры, которая отвергалась им изначально как игра внешняя, случайная. В этом случае монах представляется Пришвину человеком «частичным», уходящим от полноты и целостности жизни и, следовательно, лишенным права на ее духовное воплощение. Таким образом, феномен аскезы реализовывал в житнетворческой игровой стратегии пропедевтическую функцию, предваряя будущую жизнь в ее пути от страдания к радости.

Онтологическая реконструкция невыявленных состояний бытия, происходящая в игре («деятельности по дополнению бытия» [Исупов]), позволяет с новой точки взглянуть на бытование мифологемы «пира жизни» в поэтике Пришвина. Произведения писателя, посвященные теме сотворчества природы и человека (это в основном дневниковые книги), выявляют его отношение к органическому миру как «пиру жизни», «трагическому празднику», совмещающему начала жизни и смерти [см.: Козубовская, с. 83]. Природный мир существует у Пришвина по законам карнавального действия, переворачивания «верхнего» и «нижнего» уровней за счет цикла смертей и рождений живого мира.

Это, например, «закон зерна», который писатель распространяет и на человеческую жизнь, совмещая понятия быта и бытия: «Гармонический переход небывалого в быт можно видеть в судьбе семени, несущемся по весенней воде в мир небывалого, где оно прорастает, закрепляется и растет много лет», а затем, давая всходы, умирает [Пришвин, 1957б, с. 558].

Метафора пира жизни универсализируется писателем, налагаясь на понимание сути жизни как празднования и ликования по поводу того, что движение совершается за счет «переработки» (в результате поглощения-поедания не только материальной оболочки, но и неотделимой от нее духовной сущности) низших форм жизни в высшие. Это движение (осуществляемое в том числе и по законам пищеварительной цепи) осмысливается художником как онтологически-игровое. Бог создал мир, играя, а человек стал первой «игрушкой» в его руках (скрытая цитата гераклитовского «дитяти, играющего камушками» — образа Вечности): «Всякий творец, в том числе и описанный в Книге Бытия, начинает создавать только себе на забаву... <...> ...просто как ребенок играет. Моя картина творчества должна начаться игрой ребенка. <...> С этой игры и можно будет начать свою Книгу Бытия, постепенно, через вечную игрушку, переходя к сознательному плану творчества: от создания света, разделения воды и суши, постепенно от низших форм жизни к высшим» [Пришвин, 1957а, с. 443].

Такая «экстатическая», по определению М. Н. Эпштейна, игра исходит из «переполняющего чувства единства со всем окружающим: мир переживается изнутри как целое» [Эпштейн, с. 278]. Космический карнавал в пространстве пришвинских метаморфоз остается в рамках единого недифференцированного действия, как и положено карнавалу, который не должен переходить в сценическую площадку.

Игровая философия художника лишена, в отличие от романтико-символистской игровой эстетики, черт театральности. В данном случае мы сталкиваемся с определенным художественным парадоксом, когда жизнетворческие устремления писателя не приводят его к театрализации как неизбежному следствию эстетизации действительности. Собственная жизнь Пришвина, осмысленная как фрагмент Книги Бытия, формируется как художественное произведение не драматургического рода. Конфликтный элемент противостояния игра/жизнь не имеет ни концептуального, ни жанрово-стилистического выражения в художественном творчестве писателя. Существует лишь одно произведение драматургического характера («Базар», 1928), посвященное событиям первых послереволюционных лет, — пьеса, практически лишенная сценичности, так как это была «пьеса для чтения вслух». Очевидно, что явно выраженная эпико-лирическая доминанта поэтики писателя с постоянной заявкой на скрытый диалогизм аккумулирует в себе и некий драматический элемент.

В данном аспекте мы возвращаемся к медиаторной функции игровых поведенческих форм автора: игра становится не знаком балансирования между драматическими началами жизни (быть и казаться; для себя и для других), но знаком компромисса и выхода из этих противоречий. В одном из писем Пришвина М. Горькому читаем: «Мне теперь часто в голову приходит,

что люди несчастны, главным образом потому, что им приходится разделять себя надвое, одно для заработка (служба), другое для себя (игра). Вероятно, соединить одно с другим трудно, и когда случается, то выходит всем на удивление, и люди эти (пять, шесть) называются художниками» [Пришвин, 1978, с. 291].

Неизбежная театральность жизни (социально-ролевое положение человека, усиленное противостоянием тоталитарной государственной системе) принимается Пришвиным, но сознательно не моделируется им по причине возникающей ситуации двойничества и связанной с ней трагедийностью. В связи с этим вызывает сомнение факт существования так называемых «текстов-масок» у Пришвина, создающих ему, по мнению Н. П. Дворцовой, репутацию особенного человека и включающих писателя в пространство советской жизни. К таким «текстам-маскам» исследовательница относит некоторые журналистские опыты Пришвина, очерк «Башмаки», «Ленин на охоте». Но они, по нашему мнению, выполняют не столько функцию «установления личины для дураков», сколько функцию диалога с эпохой, «попытки искренней, но до конца не осуществленной, художественно не реализованной» [Холодова, с. 115].

Театральность, понимаемая в данном случае широко — как то, что имеет сцену (раздел, границу, сопряжение), принадлежит для писателя к области экспериментаторства, испытания, поиска. Такая театральность подключается в авторскую поэтику через пространство творческого диалога, через подтекстовые и метатекстовые смыслы, становясь своеобразной «игрой ума, игрой воображения». С этой точки зрения мы можем говорить об игре Пришвина как особой философии, философском методе разрешения, или, вернее, попытке разрешения антиномичных смыслов бытия в особом пространственно-временном континууме — «параболе отношений бытия и бытийности» [Агеносов, с. 6].

В онтогенетическом разрезе игра в творческой биографии индивидуума связана, по Пришвину, с периодом детства и понятием «детскость»: «Игра — почти уже возвращенное детство» [Пришвин, 1957б, с. 491]. Писатель вскрывает глубину формулы об игровом начале культуры: «Игра — это есть допускаемая ложь: “будто правда”. Этой игрой и наполнена основная жизнь ребенка, и это же детское “будто” сохраняется у художника и переходит в большую сознательную игру, называемую искусством» [Там же, с. 455]. «Детскость» взрослой души при этом соответствует художническому состоянию «остранения». Состояние «взрослой детскости» способствует «выходу из повседневности в условный мир, но не отрицающему, а как бы отодвигающему действительность на дистанцию, с которой она предстает в ином, снимающем ее однообразность и привычность преломлении» [Исупов, с. 113].

В контексте игровой стратегии писателя по-новому высвечивается и приверженность к охоте, которую, несомненно, можно отнести к игровому действию. Трактовка охоты как своеобразной игры принадлежит еще Платону, который сопоставил все этапы эстетического творения (от замысла — до его завершения) с этапами добывания добычи [см.: Лосев]. Театральная природа охоты несомненно синонимична игровому действию. Охота, имитирующая и поле брани, и сценическую площадку, и любовный поединок, открывает для Пришвина

выход естественным, свободным наклонностям человека, подключаясь к левым членам оппозиции «природа, культура — государство, цивилизация». Охота ведет к постижению целостности бытия, моделируя историю развития человечества: от грехопадения (пролитая кровь как познание мира через насилие и потрясение) — к пути спасения (обретенная через страдание любовь). Мировоззренческая сущность игрового поведения художника, заключающаяся в преодолении «страды жизни» (Н. П. Дворцова), оказывается засемантизированной в охотничьем действе.

Знаменателен в этом плане факт соединения писателем понятий «монашество» и «охотник». В начале 1920-х гг. Пришвин записывает в дневнике, что его жизнь превратилась в «жизнь аскета ради одного желания быть свободным охотником». Эти явления поставлены в один ряд не по принципу антитезы, но по тождеству мироощущения: для Пришвина это истинная поэтическая свобода, выросшая из запрета и значимая в этическом плане. Такая свобода не приведет к произволу и художественной вседозволенности, не обратится в несвободу. Эту опасность Пришвин всегда допускает и старается уберечься от нее: «Если творчество есть сила освобождения от цепей, то это же самое творчество может и сковать цепь» [Пришвин, 1990, с. 324]. Таким образом, в охоте как инварианте игровых поведенческих отношений художника с миром обретается момент совершенной свободы; происходит максимальное раскрытие личности и достижение победы в «оволении» жизни.

В контексте изучаемой нами проблемы особого внимания заслуживают тексты, тема и структура которых связана с осмыслением процесса творчества как игрового, — автометаописательный роман Пришвина «Журавлиная родина». Своеобразие игрового поведения автора в романе связано с раскрытием («обнажением») игровых приемов, с объяснением причины, смысла и истоков игры. Игровая стихия искусства в целом оказывается родственно (генетически) принадлежащей каждому человеку. В связи с этим сложность интеллектуально-писательских смыслов оказывается мнимой, а их элитарность — разрушенной. У Пришвина в тексте все приемы писательской игры разоблачены, но от этого текст не становится неинтересным, т. к. сама действительность «дописывает» текст так, как писателю и не снилось: «представлялось мне... а это...». Функции писателя в этом тотально игровом хороводе жизни представляются Пришвину как функции маляра, который «марал» указатель с надписью «дорога в Маралово»: на указателе значилось «оволарам в агород» — дорога шла влево, и «маляру захотелось, чтобы, расположив буквы налево, указывать тем самым дорогу» [Пришвин, 1957а, с. 395]. Впитать в себя креативное начало мира, отлить его в определенную, адекватную ему форму — такова в общих чертах задача всякого Творца.

Роман «Журавлиная родина» по игровой стихии своей не мог быть законченным. Подзаголовок «Повесть о неудавшемся романе», появившийся в издании 1933 г. и впоследствии снятый писателем, обретает, на наш взгляд, прямо противоположный смысл. «Повесть» в данном случае следует понимать в летописном смысле: это летопись о современной и вечной жизни, тайнах творчества и человеческого мастерства. «Неудавшийся» — не имеющий законченной

формы, это не столько оценка авторская, сколько ирония над «чужим словом» — возможной оценкой критика-формалиста. По Пришвину, неудача должна знаменовать писательскую удачу: романа в классическом понимании жанра нет, но есть прием «пойманной на удачу» формы, тождественно передающей игровую доминанту бытия: «журавль в небе» обернулся «синицей в руке».

Игровая атмосфера романа в основном и диктовала автору осознанное рефлексирование собственного текста как «неудачного», это была некая «игра в неудачу» и неудачника — в жизнетворческом плане. Необходимо заметить, что именно в период написания романа, и особенно в начале 30-х гг., Пришвин неоднократно подвергался нападкам как участник «Перевала», его обвиняли в буржуазности и конформизме, в далекости проблем его книг от народных забот и бедствий. До общественной травли не дошло: Пришвин своевременно сбежал на Дальний Восток, где была создана «жемчужина» его творчества — повесть «Жень-шень» (1933). «Мнимость» творческой неудачи в данном случае создавалась не только игровой поэтикой романа и не только зыбкой в оценках социально-общественной атмосферой вокруг писателя, но и четко осознаваемым Пришвиным-философом ритмом: пережитая неудача порождает удачу, не пойманное вовремя счастье может обернуться «птицей в руке», что и случилось впоследствии. «Неудавшийся» роман Пришвина был оценен М. М. Бахтиным очень высоко — как «не имеющий аналогов философский роман о творчестве» [Бахтин, с. 25].

Агеносов В. В. Творчество М. Пришвина и советский философский роман : пособие по спецкурсу. М., 1988.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.

Дворцова Н. П. Путь творчества Пришвина и русская литература начала XX века : дис. ... докт. филол. наук. М., 1994.

Исупов К. Г. Игра в литературном творчестве и произведении : дис. ... канд. филол. наук. Донецк, 1975.

Карякина М. В. Феномен игры в творчестве Леонида Андреева : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.

Козубовская Г. П. Лирический мир И. Анненского: поэтика отражений и сцеплений // Рус. лит. 1995. № 2. С. 72–86.

Лосев А. Ф. Охота как символ платоновского учения об идеях // Лосев А. Ф. История античной эстетики. Том 3 : Высокая классика. М., 1974. С. 277–293.

Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 1998. С. 14–285.

Орлов Г. А. Дерево музыки. Вашингтон ; СПб., 1992.

Пришвин М. М. Дневники. М., 1990.

Пришвин М. М. Журавлиная родина // Пришвин М. М. Собр. соч. : в 6 т. Т. 4 : Мои тетрадки. М., 1957а. С. 304–448.

Пришвин М. М. Записи о творчестве // Контекст 1978. М., 1978. С. 268–297.

Пришвин М. М. Из дневников последних лет // Пришвин М. М. Собр. соч. : в 6 т. Т. 6. М., 1957б. С. 333–799.

Тахо-Годи А. А. Жизнь как космическая игра в представлениях древних греков // Искусство слова. М., 1973. С. 208–217.

Холодова З. Я. Творчество М. Пришвина и литературный процесс. Иваново, 1994.

Эпштейн М. Н. Игра в жизни и в искусстве // Эпштейн М. Н. Парадоксы новизны : о литературном развитии XIX—XX веков. М., 1988. С. 276—304.

Статья поступила в редакцию 03.03.2010 г.

УДК 821.161.1-1 + 7.036.45 + 811.133.1-1

Н. В. Налегач

МОТИВ «ОПУСТОШЕННОГО» СЛОВА В ЛИРИКЕ И. АННЕНСКОГО И ЕГО РАЗВИТИЕ В ПОЭЗИИ ПОСТСИМВОЛИЗМА

Исследуется оформление мотива «опустошенного» слова в поэзии И. Анненского и его развитие в лирике постсимволистов. Особое внимание уделено этому мотиву в стихотворениях поэтов «парижской ноты».

Ключевые слова: поэзия постсимволизма, И. Анненский, Н. Гумилев, А. Штайгер, Б. Закович, «парижская нота».

В связи с изменением художественной парадигмы в русской литературе рубежа XIX—XX вв. актуализировался интерес к феномену слова. В художественных произведениях авторов этой эпохи внимание к феноменологии слова воплотилось на уровне образности, тематики и мотивной структуры. Преобладающей концепцией в русском модернизме становится представление о сакральности или магии слова, его способности изменять течение реальности, что прямо провозглашалось в статьях, манифестах и художественных произведениях авторов этого круга. Достаточно вспомнить характерные названия: «Магия слов» (1904) А. Белого, «Поэзия как волшебство» (1914) К. Бальмонта и др. Данное явление также неоднократно становилось предметом научного осмысления [см., например: Ермилова; Ханзен-Леве; Лотман; и др.]. В этой интерпретации силы и могущества слова сложнейшим образом переплелись самые разные источники. С одной стороны, это христианская традиция и особенности исторического принятия христианства на Руси. Примечательно, что русский список «Прогласа» Константина Философа был издан А. И. Соболевским в 1902 г. В. Н. Топоров, подробно анализируя варианты списков фрагментов «Прогласа», раскрывает сущность софийной наполненности мира в свете логосной трактовки бытия Слова [см.: Топоров]. С другой стороны, это гностицистско-окультистская традиция, подробно рассмотренная в ее влиянии на русский модернизм в монографии Н. А. Богомолова [2000].

Определяя этот период в развитии русской литературы как «финал эпохи слова», М. Н. Виролайнен отмечает одну важную особенность: «для поэтов Серебряного века поэтическое “я” равно экзистенциальному, реальному “я”, а поэтический мир экстраполирован в непосредственное бытие. Такая экстраполяция — залог слиянности конечного и бесконечного, составляющей одну из основных целей поэзии» [Виролайнен, с. 415]. Применительно к феноменоло-

гии слова эта цель поэзии, как отмечает исследовательница, реализуется как стремление снять границу «между словом и миром, и снимается она через бесконечную, неудержимую экспансию слова, которое уже не подражает миру, а создает свой особый язык, которому хочется подчинить все сферы бытия. Слово изливается в мир и признает в качестве истинного только тот мир, который совпал со словом. Снимая границу между собою и миром, оно остается единственным подлинным уровнем мироздания, в котором, кроме него, есть лишь косная материя, которая тоже должна быть пронизана всепроницающим “невещественным веществом” слова» [Виролайнен, с. 416].

Столкновение этой философско-эстетической концепции Слова с хаотически распадающейся социально-исторической реальностью станет источником разочарования в возможностях слова изменять законы реальности, моделировать ее, наиболее полно воплотившемся в литературе русской эмиграции первой волны и в требовании «аскетизма» поэтического слова, ставшем программой для Г. Адамовича и поэтов «парижской ноты», на что указала в своей работе А. Кузнецова [2009]. Эталонное воплощение поэтики аскетичного слова Г. Адамович и его последователи усматривали в поэзии И. Анненского: «Но как настоящий художник Анненский был душевно целомудрен, стыдлив и скуп. Его стихи не превратились в сплошной плач, в музыку Чайковского. Прелесть его поэзии в ее сдержанности» [Адамович, с. 77]. Кроме того, этот принцип воплотился в отказе видеть в слове живую связь разных планов рассыпающегося бытия, что практически афористично выразилось в лирике Г. Иванова: «И касаясь торжества, / Превращаясь в торжество, / Рассыпаются слова / И не значат ничего» [Иванов Г., с. 249].

Однако стоит учитывать, что этот мотив «опустошенного» слова был предвосхищен в рамках поэзии символизма еще в лирике И. Анненского. В частности, здесь можно указать на его стихотворение «Ты опять со мной...», открывающее «Трилистник осенний» в «Кипарисовом ларце», в финале которого и появляется образ опустошенного слова: «Знаешь что... я думал, что больнее / Увидать пустыми тайны слов» [Анненский, с. 92].

По сути, этот образ перекликается с другими, более известными символами И. Анненского: ненужные строфы, больные стихи, слово «невозможно», — посредством которых в его поэзии раскрывается художественная феноменология слова. Каждый из этих символов связан с развитием определенных мотивов, в той или иной степени изученных в литературоведении. И если мотиву ненужных строф и больных стихов посвящен ряд исследований [см.: Гитин; Петрова; Тырышкина], как и мотиву объяснения в любви к слову [см., в частности: Верхейл], то мотив «опустошенного» слова еще не получил должного освещения.

Приведем текст стихотворения полностью:

Ты опять со мной, подруга осень,
Но сквозь сеть нагих твоих ветвей
Никогда бледней не стыла просинь,
И снегов не помню я мертвей.

Я твоих печальнее отребий
 И черней твоих не видел вод,
 На твоём лияло-ветхом небе
 Желтых туч томит меня развод.

До конца все видеть, цепenea...
 О, как этот воздух странно нов...
 Знаешь что... я думал, что больнее
 Увидать пустыми тайны слов...

[Анненский, с. 91–92]

В первой строфе в согласии с поэтикой названия всего микроцикла изображена осень. При этом строфа композиционно построена на контрасте. С одной стороны, в первом же стихе осень сопровождается эпитетом «подруга» и подчеркивается повторяемость встреч с нею («Ты опять со мной, подруга осень...»); с другой, начиная со второго стиха, мотив повторяемости сменяется мотивом необычности ее явления. Синтаксически этот смысл акцентирован союзом *но* и поддержан местоимением *никогда* и образами, усиливающими мотив надвигающегося конца. Особенно это метафорическое соотношение осени как времени года с образом надвигающейся смерти акцентировано в финале строфы в восприятии лирическим субъектом мертвенности снегов.

Во второй строфе конкретизируется образ осени как смертоносного начала, что усиливается и поэтикой олицетворений, и символикой цветописи, сочетающей в себе черно-желтую гамму с образом *лияло-ветхого неба*. Это пронзительно печальное настроение лирического «я» подготавливает несмиренное отношение к явлению осени-смерти в последней строфе, в которой ключевую роль играет мотив «опустошенного» слова как подошедшей к финалу жизни. Более того, невозможность принять и осознать сам феномен конца, по сути, обесмысливает и саму человеческую жизнь, что и выражено в контрасте эмоций. Если в первых двух строфах нарастают печаль, горечь, то в последней строфе, напротив, лирический субъект с удивлением констатирует почти безболезненность состоявшейся утраты: *Знаешь что... я думал, что больнее / Увидать пустыми тайны слов*. Это удивление, выраженное в прямом высказывании и усиленное ритмом сбивчивой речи растерянного человека, и создает неповторимое ощущение свершившейся трагедии как чего-то обыденного. В итоге чувство утраты не изживается, а, напротив, приобретает максимальное выражение.

Ритмическая композиция стихотворения (5-стопный хорей с перекрестной рифмовкой), насыщенная благодаря лермонтовской традиции «Выхожу один я на дорогу...» [см.: Тарановский; Гаспаров] медитативным содержанием проблематики жизни и смерти и их взаимоотношения, вновь актуализируется в синтезе мотивов смысла жизни перед лицом смерти как живого и мертвого слова в стихотворении Н. Гумилева «Слово», которое, по мнению Вяч. Вс. Иванова, «остается одним из поэтических завещаний Гумилева» [Иванов Вяч., с. 243].

В основе лирического сюжета этого стихотворения — развитие антиномии «живое — мертвое» слово, реализованной в том числе и как разрушениеживительной связи прошлого и современности — темы, являющейся одной из клю-

чевых для акмеистического миропонимания и поэтики, что доказала в своей работе Л. Г. Кихней [с. 24–37]. В свете указанной исследовательницей логосной первоосновы этого мира, как это представлено в стихотворении «Слово», его текст отчетливо распадается на две части. В первой (строфы I–IV) утверждается представление о Слове как мирозозидающем и миродержащем начале. Две последние строфы изображают процесс десакрализации Слова в мире людей. Десакрализация в пятой строфе изображена как забвение Божественной природы Слова, откровением чего были начальные стихи Евангелия от Иоанна. В заключительной строфе мотив забвения приобретает эсхатологическое значение, перерастая в мотив отсечения Божественного смысла, дающего слову силу и власть одухотворять и животворить эту реальность посредством употребления слова в целях «низкой жизни». Таким образом, происходит подмена подлинного смысла ложным, отсюда в финале стихотворения оформляется мотив мертвых слов, уподобленных мертвым пчелам (показательно, что в христианской символической пчела означает высокую жертвенность, готовность отдать свою жизнь ради защиты подлинных ценностей), а мир соответственно уподоблен «опустелому улью».

Не настаивая на прямом влиянии стихотворения И. Анненского «Ты опять со мной...» на стихотворение Н. Гумилева «Слово», все же отметим бросающееся в глаза общее композиционно-смысловое решение: оба стихотворения завершаются лирическим переживанием смерти слова, которое в стихотворении И. Анненского оформляется в мотив человеческого умирания, а в стихотворении Н. Гумилева — в мотив гибели всего мира. Таким образом, оба поэта изображают феномен смерти как таковой именно как смерть логосного начала.

Обращаясь теперь к стихотворению Г. Иванова «Перед тем, как умереть...» (1930), включенному в поэтическую книгу «Розы» (1931), отметим, что, кроме указанной в комментариях А. Ю. Арьева связи лирического сюжета и образности этого стихотворения с последней книгой М. Кузмина «Форель разбивает лед», обнаруживается и другой источник мотива рассыпающихся смыслов слова — стихотворение И. Анненского «Ты опять со мной...», тоже из итоговой книги уже другого поэта-предшественника. В стихотворении И. Анненского мотив старости как предчувствия смерти перерастает в мотив «опустошенного» слова как утраты смысла существования. У Г. Иванова, при всем внешнем сходстве взаимосвязи этих мотивов в первой строфе, все же содержится и мотив оправдания, пусть и не высоко-сакрального, как это было в поэзии символизма, но все же дающего право сказать душе поэта в последнем слове: «Перед тем, как умереть, / Надо же глаза закрыть. / Перед тем, как замолчать, / Надо же поговорить» [Иванов Г., с. 249]. Таким образом, смысл его стихотворения иронически балансирует на грани двух противоположных отношений к слову, в результате чего происходит отказ от веры в сакральные возможности слова, важной для поэтической системы Н. Гумилева, но и утверждение любви к нему, пусть и десакрализованному, как к последнему проявлению жизни души в этом мире.

Мотив «опустошенного» слова в поэзии «парижской ноты», наследовавшей от Г. Адамовича и Г. Иванова культ И. Анненского, чаще развивается все же не

столько в онтологическом, сколько в психологическом ключе, становясь свойством человеческих отношений. В этом смысле наиболее показательна поэзия А. Штейгера, в которой слово предстает не только как связь с музыкой мироздания, но чаще как пустая условность разговора, в котором души людей прячутся друг от друга в мнимом ощущении счастья и благополучия. Здесь можно привести в пример такие его стихотворения из посмертно опубликованной книги стихов «2 x 2 = 4. Стихи 1926–1939» (1982), как «Мы верим книгам, музыке, стихам...», «Как нам от громких отучиться слов...», «Бедность легко узнают по заплатке...» и др.

Так, в стихотворении «Мы верим книгам, музыке, стихам...» в основе лирического сюжета — переживание столкновения веры и реальной действительности:

Мы верим книгам, музыке, стихам,
Мы верим снам, которые нам снятся,
Мы верим слову...(Даже тем словам,
Что говорят в утешенье нам,
Что из окна вагона говорятся)...
[Штейгер, с. 33]

Мотив «опустошенного» слова раскрывается здесь как мотив слова обманно-утешающего, прикрывающего боль и ужас расставания. Если добавить к этому контекст книги, лирический герой которой в ряде стихотворений изображен смертельно больным, то этот мотив расставания получает дополнительный смысл, связанный с семантикой умирания. И тогда слово ободряющее, обещающее новую встречу, опустошено в свете открывающейся правды о надвигающейся смерти. И слова, произносимые отъезжающим с целью ободрить остающегося, а также якобы бодрое доверие к их смыслу оказываются лишь внешней условной игрой, не способной скрыть подлинную реальность разворачивающейся трагедии.

Сходным образом развивается мотив «опустошенного» слова и в стихотворении «Бедность легко узнают по заплатке...», в котором горе прикрывается словами о благополучии:

Бедность легко узнают по заплатке.
Годы — по губ опустившейся складке.
Горе ? но здесь начинаются прятки —
Эта любимая взрослых игра.
— «Все, разумеется, в полном порядке».
У собеседника — с плеч гора
[Там же, с. 43]

Мотив словесных прятков, по сути, отталкивается от мотива «опустошенного» слова и становится основой иронически развивающегося лирического сюжета, в котором сталкивается представление о том, что жизнь — это счастье (так должно быть), с тем, что жизнь — это горе (так есть), как это представлено в тексте. И слово, с помощью которого организованы смысловые «прятки», представляет все должным образом, но только представляет, поскольку бес-

сильно возвести этот мир к идеалу. Поэтому в ряде стихотворений А. Штейгера оно обретает функцию маскарадную, поскольку становится выражением не сути, но лишь маски этой реальности.

Ближе к поэзии И. Анненского мотив «опустошенного» слова развивается в стихотворениях Б. Заковича. Так, в стихотворении «Я узнаю подчас на глубине...» представлено столкновение открывающегося в момент вдохновения сакрального смысла слова с той реальностью, которая давно этот смысл уже утратила. И вновь, как в стихотворении поэта-предшественника, мотив этот раскрывается посредством темы смерти:

Я узнаю подчас на глубине
Слов человека буднично-печальных
Какой-то отзвук слов первоначальных,
Какой-то свет, мне памятный во сне,

Какие-то, — как после сновидений, —
Забывшие, но близкие слова,
Какие-то мне видимых явлений
Источники, заметные едва.

Но, узнавая слабыми глазами,
Как на земле уныло и темно,
Я возвратить холодными слезами
Не пробую умершего давно.

[Закович, с. 324]

В двух начальных строфах последовательно развивается мотив поэтического вдохновения как откровения о высшем надмирном значении слова. Не случайно этот мотив сопровождается мотивами сна и памяти как проникновения в сверхреальность. Мотив откровения усиливается в первой строфе тем, что сакральный смысл обнаруживается *на глубине / Слов человека буднично-печальных*, перекликаясь с утверждением И. Анненского о поэтической силе и власти будничных слов. Однако в последней строфе лирический субъект, столкнувшись с феноменом смерти, отказывается верить этим сакральным смыслам, и сон-откровение оборачивается пустым сновидением, а слово, обещающее выход к смыслам бытия, утрачивает этот первоначальный смысл, становясь опустошенно-будничным, не способным спасти от смерти и утрат.

Связь «опустошенного», или пустого, слова со смертью становится основой лирического сюжета и в его стихотворении «Только простые слова...»:

Только простые слова,
Только совсем пустые...
Зимние ночи, Нева
Или Париж — пустыня.
Поезд идет окружной
В дыме под бледной луной.
Поговори же со мной,
Как говорила весной!

Нет, никогда, никогда.
 Завтра так рано вставать.
 Ты для себя угадал,
 Как хорошо умирать.
 [Закович, с. 326]

В первой строфе слова *простые* раскрываются как *пустые*, и эта пустота слов в пределах строфы обнаруживается как опустошенная в своей значимости реальность. Во второй строфе опустошенному слову и миру противопоставлена жажда разговора, пронизанного смыслом любви как силы, наполняющей пустыню мира и спасающей его от бессмыслицы. Мотив любви метафорически раскрывается в этой строфе посредством образности луны, весны, собеседницы. Однако в третьей строфе этот разговор представлен несостоявшимся. При этом в самом мотиве несостоявшегося разговора семантически зарифмованными оказались буднично-прагматичный отказ от разговора (*завтра так рано вставать*) с невозможностью этого разговора в плане экзистенциально-онтологическом вследствие утраты самим миром любви как того смысла, которым он был наполнен. Этой двойной утратой и мотивирован, по сути, финальный отказ лирического субъекта от страха смерти, что и напоминает иронический ход в стихотворении И. Анненского «Ты опять со мной», связанный с удивлением от пережитой безболезненности утраты жизни, поскольку ей предшествовала утрата смысла.

Мотив «опустошенного» слова как утраты смысла жизни развивается и в стихотворении «С любителями слов “о добром и о вечном”...», посвященном Л. Червинской, также поэту, входившему в круг «парижской ноты»:

С любителями слов «о добром и о вечном»
 Случается и мне ночами толковать.
 Высокие слова, мне нужные, конечно.

А дома тишина, железная кровать
 И пачка папирос, чтоб молча тосковать
 Чтоб ничего не знать, пока в рассвете млечном

Не встанет день и, слышные едва,
 Не скажет он правдивые слова.
 [Там же, с. 329]

В основе лирического сюжета ироническое признание в том, что, с одной стороны, слова, ведущие к высокому идеалу, необходимы лирическому герою, как это явлено в первой строфе, но в двух следующих строфах эти высокие слова при столкновении с реальной действительностью, представленной в метафоре наступающего дня как трезвомыслия, оборачиваются самообманом, поэтической мечтой, бессильной что-либо изменить в окружающем мире. Показательно, что высокие слова «о добром и о вечном» противопоставлены «правдивым словам». Тем самым опустошение их смысла представлено в этом стихотворении как гибель мечты перед лицом прагматичной реальности. Не случайно, слова высокие обнаруживаются и обретаются в ночном разговоре, а

слова правдивые утверждаются «в рассвете млечном». Восходящая к «ночной поэзии» оппозиция истины, открывающейся в ночном откровении, и фальши как блистающем покрове дня переворачивается в смысловом отношении в стихотворении Б. Заковича и служит тем самым раскрытию мотива «опустошенного» слова как разрушенной надежды.

Возвращаясь в целом к одному из любимых поэтами «парижской ноты» мотиву «опустошенного» слова, можем теперь утверждать, что он явился не только следствием переосмысления места поэзии в этом гибнущем мире, в котором человеческое «я», по сути, отторгается реальностью, но и продолжением мысли Г. Адамовича и Г. Иванова о наследовании поэзией русской эмиграции музыки И. Анненского.

Адамович Г. Иннокентий Анненский // Адамович Г. Литературные беседы. Кн. 1 : Звено, 1923–1926. СПб., 1998. С. 75–78.

Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии / вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. А. В. Федорова. Л., 1990.

Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 2000.

Верхейл К. Трагизм в лирике Анненского // Звезда. 1995. № 9. С. 208–216.

Виролайнен М. Н. Исторические метаморфозы русской словесности. СПб., 2007.

Гаспаров М. Л. Метр и смысл. М., 1999.

Гитин В. Е. «Интенсивный метод» в поэзии Анненского (поэтика вариантов: два «пушкинских» стихотворения в «Тихих песнях») // Рус. лит. 1997. № 4. С. 34–53.

Ермилова Е. В. Теория и образный мир русского символизма. М., 1989.

Закович Б. Стихи // «В Россию ветром строчки занесет...». Поэты парижской ноты / сост., предисл., примеч. В. Крейда. М., 2003. С. 321–332.

Иванов Вяч. Вс. Звездная вспышка (поэтический мир Н. С. Гумилева) // Иванов Вяч. Вс. Избр. тр. по семиотике и истории культуры. Т. 2. Статьи о русской литературе. М., 2000. С. 220–245.

Иванов Г. В. Стихотворения / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. А. Ю. Арьева. СПб., 2005.

Кихней Л. Г. Акмеизм: миропонимание и поэтика. М., 2005.

Кузнецова А. Поэтика аскезы: И. Анненский и поэты «парижской ноты» // Иннокентий Федорович Анненский, 1855–1909 : материалы и исследования. М., 2009. С. 414–421.

Лотман М. Осип Манделштам: поэтика воплощенного слова // Классицизм и модернизм. Тарту, 1994. С. 195–217.

Петрова Г. В. Творчество Иннокентия Анненского : учеб. пособие. В. Новгород, 2002.

Тарановский К. О взаимоотношении стихотворного ритма и тематики // Тарановский К. О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 372–403.

Топоров В. Н. Слово и премудрость («логосная структура»): «Проглас» Константина Философа // Russian literature. 1988. Т. 33, № 1. С. 1–80.

Тырышкина Е. В. К вопросу о литературных переключках: В. Маяковский и И. Анненский («Несколько слов о себе самом» и «Тоска припоминания») // Сибир. филол. журн. 2007. № 3. С. 48–51.

Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / пер. с нем. М. Ю. Некрасова. СПб., 2003. (Современная западная русистика).

Штейгер А. $2 \times 2 = 4$. Стихи 1926–1939 / библиогр. зам. А. Головиной; предисл. Ю. Иваска. Н. У., 1982.

Статья поступила в редакцию 07.04.2010 г.

УДК 811.111-311.6 + 316.346.2-055.2

К. А. Макрушина

ДЖЕЙН ОСТЕН: ФЕМИНИЗМ И ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Освещаются современные подходы в исследовании творчества Джейн Остен (1775—1817), такие как феминистская критика и постколониальные исследования. Прослеживается эволюция в оценке произведений писательницы от морально-назидательной литературы до конкретно-исторических исследований ее романов.

Ключевые слова: феминизм, «вторая волна» феминизма, постколониальные исследования, колониальная политика, гендер.

Исследования творческого наследия знаменитой английской писательницы начала XIX в. Джейн Остен имеют долгую историю. В эпоху господства романтизма творчество этой писательницы, повествующее всего лишь о жизни английского провинциального дворянства, осталось незамеченным, а потому и не оцененным современниками по достоинству. За два столетия исследований ее произведений был проделан значительный путь — от определения их как назидательной и морализирующей литературы для юных девушек до оценки в качестве источника, отражающего свое время. В Викторианскую эпоху Дж. Остен рассматривали как «автора социальных комедий» или делали акцент на эстетической составляющей ее творчества. В этот же период сформировался и сам культ писательницы, который активно создавался ее родственниками.

В 60—70-е гг. XX в. стало очевидным, что литературоведческие исследования романов писательницы являются неполными вне анализа исторического контекста романов. Произведения Дж. Остен попали в поле внимания профессиональных историков. «Новая историческая наука», оформление которой связано с деятельностью школы «Анналов», расширила источниковую базу исторических исследований, включив в нее данные смежных наук, в нашем случае — литературоведения. Ведущей областью конкретно-исторических исследований «новой исторической науки» стала социальная история. В рамках «новой социальной истории» под влиянием антропологии началась разработка методов реконструкции стереотипов сознания, глубинной программы человеческой деятельности, заложенной в культурной традиции и нашедшей выражение в произведениях искусства, литературы и т. д. Таким образом, благодаря «новой исторической науке» художественный текст становится историческим источником, отражающим реалии своего времени, и открывает широкие возможности для интерпретации конкретно-исторической эпохи. Появление во второй половине XX в. феминистских и постколониальных исследований позволило переоткрыть мир произведений Джейн Остен. Следует отметить, что существует немалое количество работ в рамках феминистских и постколониальных исследований, посвященных романам писательницы. В данной статье отражены лишь те, которые оказали влияние на развитие исследований социальной истории Англии на рубеже XVIII—XIX вв.

Современные исследовательские подходы в интерпретации и изучении произведений Остен во многом сложились благодаря исследованиям британских литературоведов XX в. Среди них ключевой фигурой является оксфордский профессор А. С. Бредли (Bradley), один из крупнейших шекспироведов XX в. Он заложил основы академического подхода в изучении произведений Остен. В своем курсе лекций в Оксфордском университете он оспорил взгляд на Дж. Остен как на автора социальных комедий и предложил деление ее романов на «ранние» и «поздние» [см.: Bradley], которое в дальнейшем использовалось другими исследователями.

Другим автором, оказавшим глубокое влияние на становление современной историографии о Джейн Остен, является М. Батлер (Butler), английский литературный критик, известная своими исследованиями в области английской литературы XVIII—XIX вв. Она поставила под вопрос образ «исключительно эстетической» Остен, какой ее хотели показать сторонники и непосредственные участники политических схваток начала XIX в., против которых и была направлена консервативная, по мнению М. Батлер, художественная литература писательницы. Этот поворот в оценке Остен можно охарактеризовать в целом как движение от идеализма к историзму. В работе «Дж. Остен и война идей» М. Батлер выдвинула идею «политической Остен», поместив ее произведения в сложное течение интеллектуальных идей в Англии, вызванных Французской революцией [см.: Butler]. Здесь Остен впервые рассматривалась в аспекте современных ей вопросов и категорий: Французская революция, война, национализм, империя, класс, духовенство, город — деревня, уничтожение рабства, карьерные возможности, женская эмансипация; были ли ее политические воззрения близки к тори, вигам или радикалам; была ли она сторонником консерватизма, революционных действий или занимала реформистскую позицию между двумя этими крайностями. Это и есть круг вопросов, который оказался в поле внимания современных исследователей Остен.

Конец 60-х гг. XX в. был отмечен появлением «второй волны» феминизма. В рамках этого движения в 1970-е гг. складывается литературоведческий феминизм (*feminism literary criticism*). На первый план в это время выходит осознание того, что Джейн Остен в первую очередь была женщиной-писательницей. В центре внимания «второй волны» англо-американского академического феминизма оказались идеологические битвы за восстановление традиции женщин-писательниц, так как до этого в истории литературы преобладали имена мужчин-писателей. Тот факт, что Остен была первой в ряду женских авторов, породил возникновение очевидного вопроса: как мы можем рассматривать ее вне категории, сформулированной как «женское писательство» (*women's writing*). При изучении традиции «женского писательства» исследователи сталкиваются с проблемой объединения в этой категории очень разных произведений в рамках гендерного подхода, это и писательницы-женщины, и писатели, пишущие о женщинах, не обязательно женского пола. Данный тезис является ключевым для работы американских литературных критиков С. Гилберт и С. Губар, ярких представительниц литературоведческого феминизма и феминистской теории. Их работа «Женщина писательница и

литературное воображение XIX в.» стала вехой для американского феминизма в 1970—е гг. и по праву считается ключевым исследовательским текстом для «второй волны» феминизма [см.: Gilbert, Gubar]. В своей работе они показывают, что женщины-писательницы XIX в. были ограничены в своих творческих возможностях в изображении женского характера, героини могли быть воплощением либо ангела, либо монстра. Такая патриархальная точка зрения выстроилась благодаря многим поколениям мужчин-писателей. Именно с этой дихотомией в изображении героинь и были вынуждены бороться Дж. Остен, сестры Бронте, Дж. Элиот, М. Шелли. Данный факт повлиял на восприятие современниками Джейн Остен исключительно как писательницы романов для женщин.

Представители феминистской критики не только находят объяснение особенностям произведений Остен в том, что они вышли из-под пера женщины, но и стремятся дать комплексную оценку произведения Остен. Главное значение здесь приобрели литературный жанр, стиль повествования романов. Во внимание также были приняты такие личные факторы, как темперамент, интеллект, образование, круг чтения Остен и др., а кроме того, современные ей литературные направления. В прошлом такое внимание к Остен приводило к пренебрежению другими писательницами. Однако уже в 70-е гг. XX в. стал очевиден интерес к их произведениям, которые по большей части оказались незначительными и совершенно забытыми сегодня. Интерес к ним современных исследователей определялся стремлением интегрировать Дж. Остен в бытовавшую литературную традицию. В результате этого Остен была вписана в исторический контекст новыми путями, в то время как другие английские женщины-писательницы XVIII—XIX вв. и жанры, в которых они работали, были оценены заново.

Интерес феминисток к автору произведения выражается в том, чтобы определить, как и почему гендерные вопросы рассматривались или умалчивались в его работах, путем исследования противоречий, которые вызывает гендер в произведении. В случае с Дж. Остен вопрос о ее феминизме стал центральным по ряду причин. Главные герои романов Остен — женщины. Сюжеты ее романов вращаются вокруг брака, ухаживания и женских жизненных проблем. Это именно те вопросы, которые волновали и волнуют феминисток. Также она была близкой современницей Мэри Уолстонкрафт (1759—1797), которая считается одной из первых феминистских философов Великобритании. Уолстонкрафт получила известность благодаря эссе «Защита прав женщины» (1792). Эта работа, одно из немногих сочинений, появившихся до XIX в., может быть причислена к феминистским произведениям.

Наряду с работой С. Гилберт и С. Губар в 1980-е гг. вышли монографии других американских литературоведов — Дж. П. Браун, М. Киркхэм, К. Л. Джонсон. Они подняли феминистскую критику на уровень, с которого уже нельзя было вернуться к ранним точкам зрения на аполитичную и даже консервативную Остен, не стремившуюся критиковать существующий социальный порядок, как представляла ее М. Батлер. Браун приписывала Остен «свойственное женщинам сознание», которое позволило ей показать, как женщины находят

способы развить и отстоять свою женственность, несмотря на ограничения, которые на них наложены. Дж. П. Браун определяет феминизм Остен как «домашний», а не «героический», который не стремится выйти за рамки домашнего очага и предлагает сравнительно-историческую перспективу ее произведений [см.: Brown]. М. Киркхэм в своей работе, выстроенной уже как историческое исследование, находит тождественность взглядов на права женщин Дж. Остен и М. Уолстонкрафт, определяя их как «просвещенный» феминизм. Рассматривая романы Остен, она делает акцент на ее месте в дискуссии о роли женщины и литературы в Англии на рубеже веков [см.: Kirkham]. К. Л. Джонсон показывает глубокое влияние политики на женский роман XVIII в., доказывая, что Остен не была аполитичной. Она помещает Дж. Остен в один ряд с традицией женского романа XVIII в., который хоть и не нес в себе реформистских идей, но по сути своей скептически относился к консервативной идеологии. Как и другие американские критики-феминисты 1980-х гг., Джонсон интересуется и фактом (женского) авторства, и стратегиями, каким образом это скрывалось, как того требовало время [см.: Johnson].

Так, постепенно в центре внимания современных феминистских исследований оказалась гендерная проблематика. Центральная тематика гетеросексуальной любви в романах Остен сталкивается с консервативным восприятием нормативных социальных институтов ухаживания и брака. Хотя первым своим читателям Остен могла показаться антиромантической, прагматичной. Часто романтическое чувство изображалось ею при помощи сатиры, что исходило из глубокого понимания того, что у женщин среднего класса есть мало альтернатив браку (всем пяти дочерям Беннет в романе «Гордость и предубеждение» отец был не в состоянии оставить приличное приданое). Привилегия счастливого брака для ее героинь не более чем хорошая развязка романа (даже моральный императив), поэтому сопровождается острой критикой патриархальных социальных норм (неравный брак Элизабет Беннет и мистера Дарси).

Появление интереса к гендерной проблематике в произведениях Остен на рубеже XX–XXI вв. в восточных странах показывает сложность и глубину романов писательницы, широкие возможности для их интерпретации в рамках феминистской критики. Индийская исследовательница Р. Ванита пишет о реакции девушек, студенток колледжа, в учебных классах Индии на героинь из классических английских романов XIX в. [Vanita], а южнокорейская исследовательница Парк Ю-ми анализирует творчество современных корейских женщин-писательниц, в чьих романах можно найти свадебные сюжеты романов Остен [Park]. Эти работы открывают кросскультурную перспективу исследований феминизма романов Остен, которая резонирует и отличается от мейнстрима англо-американских феминистов. Эти обращения к Остен являются следствием открытия в ее работах того универсального значения, которое имеет место не только на английской почве, но и в различных национальных пространствах и исторических ситуациях. Вопросы, на которые проливают свет представители феминистской критики, привлекли внимание сторонников постколониальных исследований. Английские патриархальные традиции стали

рассматриваться в колониальном и неоколониальном контекстах в свете тенденций глобализации западной культуры.

Следует отметить, что феминизм и постколониальные исследования в рамках изучения произведений Остен развивались в одно и то же время и имели точки соприкосновения. Так, жанровая классификация произведений Дж. Остен как «домашней (бытовой) литературы» привела к появлению интереса исследователей к формальным и идеологическим аспектам этого жанра. В этом отношении интересным является исследование Н. Армстронг, профессора Бостонского университета, сферой интересов которой является английская литература XVIII—XIX вв., гендерные исследования, история империи и сексуальности. Она рассматривает центральное положение «домашнего» в художественной литературе XIX в. как маркер всеобъемлющей феминизации буржуазной культуры [см.: Armstrong]. В то время как другие исследователи отмечали, что нет существенной разницы между «домашним» и внешним публичным миром, особенно с тех пор, как слово «домашний» стало употребляться в значении «национальное государство», «домашняя экономика». Например, хотя связи между «домашними реальностями» и «имперскими вымыслами» активно не признавались героями романов «Мэнсфилд-парка», это «непризнание» само по себе, согласно М. Стюарт, является аспектом имперской идеологии [см.: Stewart]. В романе идеализированное домашнее пространство, «аполитичное и неэкономическое», не несет в себе следов «жестокости, присущей имперской силе», которая является сферой приложения мужской активности во внешнем мире. Упоминание в романе «Мэнсфилд-парк» о путешествии сэра Томаса Бертрама на Антигуа (Вест-Индия) стало причиной появления остальных вопросов и противоречий в исследовательской среде. Это путешествие представляет собой, по мнению М. Стюарт, так называемый «постколониальный» ответ Остен. Хотя намек на рабство не является главным вопросом в романе, эта и несколько других разрозненных ссылок на интересы сэра Томаса Бертрама в Вест-Индии в романе являются более чем просто косвенной темой для разговора среди героев, а наличие небольших авторских комментариев и тем более их отсутствие дает возможность судить об их значении для самой Остен. Для нее существование колонии, как и метрополии, было в порядке вещей и являлось частью имперского сознания.

Принято считать, что начало постколониальных исследований приходится на 1979 г., когда выходит в свет книга Э. Саида «Ориентализм». Несмотря на всеобщее возмущение и развернутую критику книги Э. Саида учеными-ориенталистами, она сразу же заняла место культового текста в постколониальных исследованиях. Не «Восток», а «Запад» теперь становится объектом рассмотрения, анализа и деконструкции. Именно Э. Саид в работе «Культура и империализм» ставит вопрос об отношении Остен к ситуации в Вест-Индии и детально рассматривает эту проблему [см.: Said]. Он говорит о том, что Дж. Остен видела законные основания в заокеанской собственности сэра Томаса Бертрама как залого спокойствия, порядка и процветания Мэнсфилда, одного центрального поместья, экономическую поддержку которого обеспечивает периферия. Он говорит о том, что европейская культура, особенно английский

роман, невольно, но систематически работали над тем, чтобы получить общественное одобрение колониальной политике. Именно роман был рупором имперской идеологии Великобритании. Саид не был первым, кто заметил «связь с Антигуа». Он сам указывает и развивает модель писателя-неомарксиста и культуролога Р. Уильямса [см.: Williams]. Саид делит все страны на центр и периферию и показывает, что сопутствующими явлениями европейской культуры и ее империалистических компаний стали работоторговля, колониальные плантации, имперские военные авантюры, территориальные завоевания. Саид находит исторические обстоятельства, которые могут оправдать такую равнодушную позицию Остен к борьбе за отмену рабства. Он предлагает вместо вдумчивого поиска в романах «политического бессознательного» искать в них понимание того, каким образом литературные произведения могли противостоять своей культуре. Романы Остен не могут укрыть существование другой стороны (колонии), потому что они обладают «формальной включенностью» в эту структуру. Таким образом, историческая честность и постколониальное видение породили разоблачающую функцию современных исследований романов Остен и других английских писателей XIX в.

За публикацией работы Э. Саида последовало большое количество критических откликов. В дальнейшем дискуссия свелась к вопросу о том, что сэр Томас делал на Антигуа? Подавлял восстание, продавал собственность, лично следил за своими плантациями, чтобы понять какие изменения несет отмена рабства и работоторговли? Каковы на самом деле источники процветания Мэнсфилда? Одобряет или критикует Остен ценности Мэнсфилд-парка, восхищение Фани семейным имением? Ее отношение к делу сэра Томаса? Или она закрывает глаза на источники благосостояния Мэнсфилд-парка (плантации, отсюда труд рабов)? Или она знает о них, но мирится с их существованием? Что означает «гробовое молчание», последовавшее за вопросом о рабстве? Эта дискуссия подтолкнула к дальнейшим исследованиям биографии самой Остен, чтобы тщательно собрать факты о ее семье и выяснить, что могла знать и читать о рабстве сама Остен. Параллельно в рамках конкретно-исторических исследований изучались дебаты того времени по вопросу рабства, собственности, наследования земли и других форм благосостояния. Современные феминистские и постколониальные исследования парадоксальным образом сошлись в вопросе женского «рабства», который лежит на поверхности романа «Мэнсфилд-парк» и косвенно затрагивается в романе «Эмма». Троп женского «рабства», как показали критики, циркулирует в многочисленных текстах того времени в описании положения женщин, иногда высказывая пожелания в пользу отмены женского «рабства», особенно в связи с вопросом рабства на Карибах. Однако надо осознавать различие — по уровню и характеру — между зависимым положением женщин, основанным на зарождающемся феминистском индивидуализме, и африканской работоторговлей рубежа XVIII—XIX вв., где за чернокожим населением африканского континента не признавался равноправный статус по расовому признаку.

Новый взгляд на Остен, открытый постколониальными исследованиями, определил появление новых тем в среде академических исследователей. Уже

в начале XXI в. вышла работа литературоведа К. Туити «Романтическая Остен: сексуальная политика и литературный канон», где рассматривается, как Остен стала центральной фигурой английского литературного канона, частью британского интеллектуального наследия и глобальной культуры [Tuite]. Для нее Остен остается консервативным романтиком, как бы это ни оспаривалось авторами, упомянутыми выше. Автор демонстрирует глубокое понимание исторического и философского основания романов и освещает их в рамках общей борьбы за культурное признание женщины в конце XVIII в.

В 90-е гг. XX в. оформилась развернутая критика феминистских и постколониальных исследований. М. Уэлдрон предлагает унифицированный критический подход к роману без любых неуместных ссылок на историко-культурные детали или акцента на единственно верное официальное прочтение романа в рамках литературоведения. Она очень подробно рассматривает каждый из романов, развитие персонажей, их сходство и отличие от героев и героинь других писателей — современников Остен [см.: Waldron]. В ряде работ также раздавались схожие призывы к тому, что надо тщательно исследовать тексты, а не теоретизировать над романами Остен. Высказывались предложения сохранить Остен от «феминисток, историков и... радикальных теоретиков» и вернуть ее обычным англо-говорящим читателям [см.: Gard]. Такой подход изначально разделялся не всеми. Книга историка-франковеда У. Робертса «Джейн Остен и Французская революция», впервые опубликованная в 1979 г., а затем переизданная в 1995 г., является примером ценности и оригинальности междисциплинарных исследований, основанных на синтезе подходов истории, искусства и литературы. Его исследование ярко демонстрирует, как литературное произведение передает колорит и особенности исторической эпохи [Roberts].

На рубеже XX—XXI вв. типичными стали исследования в русле: Джейн Остен и еда / религия / образование / популярная художественная литература / театр / и т. п. Одним из лучших среди них является работа австралийского ученого Дж. Уилтшира «Джейн Остен и тело», которая отражает вновь возникший интерес к исследованиям тела, медицинских практик, телесного. Автор обращается не только к теории сексуальности тела, но затрагивает и более глубокие вопросы, например, как «находит свое отражение культура в теле». Он рассматривает романы Дж. Остен с точки зрения психологии ее современников и культуры, исследует озабоченность ее героинь (а также иногда героев) вопросами здоровья [Wiltshire]. В 2002 г. появилась книга под заголовком «Джейн Остен и театр», что также подчеркивает богатый потенциал этой темы. Исследование профессора Сиднейского университета П. Гей посвящено анализу театрального контекста эпохи творчества Остен и проводит параллели между ее романами и современной ей драмой. Автор совершает глубокое погружение в театральный мир Лондона и Бата. Она исследует «диалог» между зрелыми романами писательницы и комедией, трагедией, готическим театром, ранней мелодрамой. П. Гей пересматривает взгляд на романы в свете этого диалога, чтобы показать театральность, распространенную составляющую поведения в высшем свете, в котором постоянно приходится вращаться героиням Остен [см.: Gay].

Таким образом, современный этап исследования творчества Дж. Остен берет свое начало в 60-е гг. XX в. Именно в этот период складываются два новых направления, определившие дальнейшее развитие исследований в области «остеноведения»: феминизм и постколониальные исследования. Благодаря появлению такой дискуссии были выявлены новые исследовательские подходы. Феминистские исследования выделили такую категорию анализа, как *женщина-писательница*, и сосредоточили свое внимание на положении женщин в Англии начала XIX в. Постколониальные исследования вписали произведения Дж. Остен в канву имперской колониальной политики, изучая ее «присутствие» в романах писательницы. Дж. Остен заняла заметное место в междисциплинарных исследованиях «новой исторической науки». Среди книг, посвященных каноническим английским писателям, именно о Дж. Остен написано много работ не специалистами, а людьми, не имеющими отношения к академическому знанию. Феномен популярности Дж. Остен можно объяснить тем, что восприятие художественного наследия писательницы по прошествии уже почти двух веков закономерно меняется в сторону выявления нравственно-философского содержания романов. Ее произведения представляют собой ценность как часть исторической памяти британцев. Созвучность произведений Дж. Остен самым острым проблемам современной цивилизации обуславливает востребованность исследований, обращенных к «общечеловеческой составляющей» ее творчества и сегодня, в начале XXI в.

-
- Armstrong N.* Desire and domestic fiction : a political history of the novel. Oxford, 1987.
Bradley A. C. A miscellany. L., 1929.
Brown J. P. Jane Austen's novels: social change and literary form. Cambr., 1979.
Butler M. Jane Austen and the war of ideas. Oxford, 1975.
Byrne P. Jane Austen and the theatre., L ; N. Y., 2002.
Gard R. Jane Austen's novels : the art of clarity. N. Haven ; L., 1992.
Gay P. Jane Austen and the theatre. Cambr., 2002.
Gilbert S. M., Gubar S. The madwoman in the attic : the woman writer and the nineteenth-century literary imagination. N. Y., 1979.
Johnson C. L. Jane Austen: women, politics, and the novel. Chicago, 1988.
Kirkham M. Jane Austen, feminism and fiction. Brighton, 1983.
Park Y. Father's daughters: critical realism examines patriarchy in Jane Austen's *Pride and prejudice* and Pak Wanso's *A faltering afternoon* // *The postcolonial Jane Austen* / eds. Park You-me and R. Sunder Rajan. L., 2000.
Roberts W. Jane Austen and the French Revolution. L., 1979.
Stewart M. Domestic realities and imperial fictions: Jane Austen's novels in Eighteenth-century contexts. L., 1993.
Said E. W. Jane Austen and empire // *Culture and imperialism*. N. Y., 1993.
Tuite C. Romantic Austen: Sexual politics and the literary canon. Cambr., 2002.
Vanita R. Mansfield park in *Miranda house* // *The life of the land: English literary studies in India*. Delhi, 1992.
Waldron M. Jane Austen and the fiction of her time. Cambr., 1999.
Williams R. *Critical Perspectives* // *Contemporary Marxist Literary Criticism*. L., 1989.
Wiltshire J. Jane Austen and the body : the picture of health. Cambr., 1992.

Статья поступила в редакцию 13.05.2010 г.

УДК 26-246.2 + 27-243.63 + 811.163.1'35

И. А. Легова
А. В. Гусев**ЯЗЫКОВАЯ СПРАВА 1640-Х ГГ. СТАРОПЕЧАТНОЙ ПСАЛТИРИ**

Анализируется языковая работа (справа) над текстом Псалтири в 1640-е гг., в частности касающаяся вопросов орфографии: сентябрьское издание Псалтири 1645 г. становится итогом языковой работы справщиков при издании Псалтири в 1641 и 1642 гг., что делает последнюю Псалтирь важным источником для характеристики грамматических и орфографических тенденций в церковнославянском языке того периода.

Ключевые слова: Псалтирь; церковнославянский язык; языковая справа; орфографические тенденции.

Среди богослужебных книг Русской православной церкви особое место принадлежит Псалтири (Псалтыри): она широко применяется как для совершения храмовых богослужений, так и частного молитвенного правила. В средневековой Руси у Псалтири была еще одна важная внебогослужебная функция: она была одной из тех книг, по которой учились грамоте [см.: Вознесенский, с. 60]¹. Неудивительно, что при столь широкой сфере употребления Псалтирь неоднократно переиздавалась, и этот факт делает особенно интересным изучение языка книг, вышедших в периоды т. н. к н и ж н ы х с п р а в.

Среди таких периодов книжных справ особое место занимает семнадцатый век. Наибольшую известность среди книжных справ XVII в. получила справа, проходившая при патриархе Никоне, хотя фактически весь XVII в. в Московском государстве проходит под лозунгом книжной справки — явления гораздо более сложного и важного, чем кажется на первый взгляд [см.: Флоровский, с. 56]. Необходимость книжной справки была вызвана началом книгопечатания, для которого были необходимы исправленные книги. Создание же подобных образцов книг было очень трудной задачей не только для XVI, но и для XVII в., а поэтому богослужебные книги, изданные в Московском государстве в это время, будучи объектом внимания справщиков, от издания к изданию постоянно претерпевали изменения [см.: Вознесенский, с. 211—216]. Из-за неоднородности и часто непоследовательности вносившихся изменений процесс справки предстает как явление сложное, а поэтому конкретное издание может одновременно сочетать в себе черты разных этапов исправления книг. Исходя из особенностей и направленности работы справщиков в разные годы, весь XVII в. можно условно поделить на периоды, и одним из них являются 1640-е гг.

Период 1640-х гг. стал особой эпохой в истории московского книгопечатания. Выполнив к концу 1630-х гг. первую и наиболее важную задачу — выпуск полного круга богослужебных книг, московские печатники, подталкиваемые

¹ *Псалтирь (Псалтырь)* — часть Библии, книга псалмов; *псалтирь (псалтырь)* — сборник псалмов для чтения вслух, учебная книга.

общими грекофильскими настроениями, обращаются к югозападно-русской книжной традиции. И печать таких югозападно-русских книг, как Кириллова книга в 1644 г., Книга о вере и Грамматика Мелетия Смотрицкого в 1648 г., становится началом того явления, которое впоследствии будет названо третьим южнославянским влиянием [см.: Вознесенский, с. 68–75]. Но увлеченность «греческим» — это не единственное изменение в работе Печатного двора в те годы. Условия 1640-х гг. коренным образом изменили и направленность работы справщиков над издаваемыми книгами: теперь перед ними стоит задача выработать подходящие для сакральных текстов языковые средства, задача упорядочить грамматическую систему издаваемых книг [Там же, с. 231–238]. И в этом отношении интерес представляют три издания простой Псалтири, вышедшие на Московском печатном дворе в ноябре 1641 г., в декабре 1642 г. и в сентябре 1645 г. соответственно: именно на эти три издания приходится основная языковая работа над текстом Псалтири в 1640-е гг. Изменения, вносившиеся в эти издания, касались в первую очередь грамматики языка Псалтири [Там же, с. 231–238], являющейся более показательной в отношении изменений представлений о языковой норме, чем орфография, в которой более сложно отделить субъективную составляющую. Тем не менее вопросы орфографии² также не оставались лишними внимания работников Печатного двора³, что становится очевидно даже при первичном сравнении текста Псалтирей, напечатанных в эти годы.

Работа над текстом Псалтири, начавшаяся с издания 1641 г., завершилась сентябрьским изданием Псалтири 1645 г. В следующий раз языковая сторона текста Псалтири станет объектом внимания справщиков уже в 1649 г., а поэтому

² Рассмотрение орфографии книг дониконовского времени требует определенных оговорок. Прежде всего нужно иметь в виду, что, в силу того, что многотиражные издания печатались одновременно в несколько заводов, а значит, с нескольких наборов, они могли быть представлены экземплярами, отражающими разные представления об орфографии [см.: Вознесенский, с. 92]. Однако в отношении рассматриваемых изданий Псалтири эта сложность не встает: все они выходили тиражом в 1200 экземпляров [см.: Московские кирилловские издания..., с. 156 (№ 78), 304 (№ 19), 210 (№ 93), 256 (№ 111)], а следовательно, печатались с одного набора. Нельзя исключить возможность исправления текста Псалтирей во время печати, что также, если это действительно имело место, могло стать причиной появления различий в тексте между различными экземплярами одного издания. Кроме того, в конкретный экземпляр могли входить тексты хотя и одного набора, но набранные разными наборщиками, каждый из которых мог придерживаться своих взглядов на орфографию. Для решения этих сложностей необходимо обращение к наибольшему числу экземпляров одного издания, чего для данного исследования сделать не удалось, а поэтому мы учитываем вероятность погрешности в оценке орфографии рассматриваемых изданий Псалтири.

³ Можно с уверенностью говорить о том, кто именно исправлял рассматриваемые в статье издания Псалтири. Хотя об этих изданиях Псалтири известно только то, что при выпуске каждого из них справщикам было пожаловано пять экземпляров изданных книг [см.: Московские кирилловские издания..., с. 156 (№ 78), 304 (№ 19), 210 (№ 93), 256 (№ 111)], анализ сведений о печати других изданий тех лет позволяет говорить не только о том, что количество выданных книг, как правило, соответствовало количеству справщиков, но и о том, кто именно исправлял книги, а следовательно, в период с мая 1642 г. до по крайней мере декабря 1650 г. исправлением книг занимались следующие пять человек: протопоп *Михаил Рогов*, бывший соборный ключарь *Иван Наседка*, старец *Савватий*, *Шестом Мартемьянов*, *Захарий Афанасьев*. Если изменения, вносившиеся в книги 1640-х гг., были делом только этих справщиков, то справу тех лет, как результат деятельности определенной группы лиц можно рассматривать как одно явление.

сентябрьское издание Псалтири 1645 г. становится итогом языковой работы справщиков при издании Псалтири в 1641 и 1642 гг. Это делает сентябрьскую Псалтирь 1645 г. важным источником для характеристики тех грамматических и орфографических тенденций, которые имели место в церковнославянском языке Москвы первой половины 1640-х гг.

Не притязая на полноту исследования, в данной статье мы попытаемся охарактеризовать в контексте языковой справки 1640-х гг. употребление буквы Ѯ по первым пяти кафизмам Псалтири, вышедшей в сентябре 1645 г. на Московском печатном дворе. Для решения этой задачи необходимо, во-первых, сопоставление орфографии сентябрьской Псалтири 1645 г.⁴ с орфографией как предыдущих⁵, так и последующих изданий⁶, а во-вторых, сравнение ее с нормой, изложенной в «Грамматике» Мелетия Смотрицкого, изданной в 1648 г. В рассматриваемых изданиях Псалтири справщики решали два главных вопроса, касающихся употребления буквы Ѯ: во-первых, употребление ее графических вариантов, а во-вторых, ее использование после шипящих. Рассмотрим эти вопросы.

В тексте первой кафизмы Псалтири, напечатанной в сентябре 1645 г., в середине слова в безударной позиции всегда пишется лигатура Ѯ̅, а в ударной — и лигатура Ѯ̅, и диграф Ѯ̅. В начале слова пишется диграф Ѯ̅ вне зависимости от того, находится Ѯ̅ под ударением или нет. Однако есть исключения: в отличие от принятой сегодня в церковнославянском языке нормы, когда в начале слова Ѯ̅⁷ всегда пишется в виде диграфа [см.: Алипий, с. 18], в первой кафизме Псалтири 1645 г. есть случаи, когда в силу определенного положения среди

⁴ Необходимость сопоставления орфографической системы сентябрьской Псалтири 1645 г. с орфографической системой предыдущих и последующих изданий вызвана характером справки 1640-х гг. Непоследовательность и разнохарактерность вносившихся изменений делает простое описание орфографии конкретного издания недостаточным, т. к. в пределах одного издания редко можно говорить о последовательной и сформировавшейся норме. Намного чаще приходится иметь дело только с тенденцией к выработке устойчивой нормы, а говорить о тенденции уверенно можно, рассматривая орфографию только конкретного издания в сравнении с орфографией предыдущих и последующих изданий. Возможность проведения такого сравнения обусловлена тем, что между последовательными изданиями одной и той же книги существует преемственность, т. к., приготавливая к выпуску новое издание книги, справщики, по большей части использовали в качестве основы для исправлений ее последнее издание [см.: Мансветов, с. 9]. Кроме того, как выше уже говорилось (см. примеч. 2), исправлением рассматриваемых изданий Псалтири занимались одни и те же лица. В нашем случае мы ограничились одним предыдущим (1642) и двумя последующими (декабрь 1645, 1647) изданиями.

⁵ Тот экземпляр Псалтири 1642 г., с которым мы работали, был частично восстановлен, а поэтому при соотнесении его с сентябрьским изданием 1645 г. текст на восстановленных фрагментах нами не учитывался, т. к. трудно говорить, насколько он оригинален.

⁶ К сожалению, мы не имели возможности сверять текст сентябрьской Псалтири 1645 г. с текстом следующего издания Псалтири, вышедшего в декабре того же года. Поэтому мы обратились к тексту Псалтири, напечатанной в единоверческой типографии при Свято-Введенской церкви г. Москвы в 1881 г. Выбор именно этого издания обусловлен тем, что, согласно послесловию, оно напечатано с Псалтири, вышедшей в декабре 1645 г. Уже после завершения исследования мы сравнили текст псалмов этого единоверческого издания Псалтири с текстом псалмов оригинального издания декабря 1645 г. (РНБ). Это сравнение показало, что псалмы в единоверческом издании 1881 г. действительно перепечатаны с декабрьского издания 1645 г.

⁷ Здесь и далее, для обозначения букв как таковых, т. е. безотносительно к их строчным графическим вариантам, мы будем использовать их прописные варианты.

других букв **Ѹ** пишется не в виде диграфа, а в виде лигатуры. Так, **Ѹ** в виде лигатуры **Ѹ** в абсолютном начале слова мы находим в тех случаях, когда второй слог также содержит гласную **Ѹ**⁸, находящуюся в ударном положении, причем даже в тех случаях, когда вторая **Ѹ** является йотированной⁹. В тех случаях, когда начальному безударному **Ѹ** предшествует слово, оканчивающееся на ударную **Ѡ**, **Ѹ** также пишется в виде лигатуры¹⁰, а если **Ѡ** безударна, то **Ѹ** в начале следующего слова пишется в виде диграфа¹¹. Подобное явление встречается и в середине слова, когда ударная **Ѹ**, если ей предшествует **Ѡ**, пишется в виде лигатуры, а не ожидаемого диграфа¹². Это правило действует и в том случае, когда буква **Ѹ** отделена от предшествующей ему буквы **Ѡ** одной согласной¹³. Последнее правило выполняется во всех подобных случаях на протяжении всей первой кафизмы, за исключением одного слова — **ѡзѡвоѸ** [4:4]. Здесь, вероятно, мы имеем дело с результатом непоследовательности вносимых справщиками изменений, т. к. в следующем издании диграф в этом слове будет заменен лигатурой.

Сопоставив текст Псалтири издания сентября 1645 г. с текстом предыдущего издания 1642 г., мы обнаружили в первой кафизме тринадцать случаев внесения изменений, касающихся употребления букв **Ѹ** и **ѡѸ**. Десять из них представляют собой замену находящейся в ударной позиции лигатуры **Ѹ** диграфом **ѡѸ**¹⁴. В одном случае произведена замена ударного диграфа **ѡѸ**, перед которым через одну согласную букву находится **Ѡ**, лигатурой **Ѹ**¹⁵. Два случая правки связаны с изменением ударения, и эти случаи позволяют говорить о зависимости написания вариантов **Ѹ** от ударного и безударного положения в слове с большей уверенностью. Так, если в случае со словом **даѡпадоѸтъ** [5:11]¹⁶ становится очевидно намерение справщиков писать в ударном положении диграф **ѡѸ**, то слово **ѡрѡкоѸ** [7:4]¹⁷ свидетельствует о том, что в безударном положении справщики предпочитали писать лигатуру **Ѹ**. Все эти случаи внесения в сентябрьскую Псалтирь 1645 г. изменений отражают фонетический принцип в выборе того или иного варианта буквы **Ѹ**. Наряду с правленными словами, в сентябрьском издании Псалтири остались и неправленные: так, мы обнаруживаем оставшееся без правки слово **ѡкѡпѡ** [2:2], в котором лигатура будет

⁸ Например: **ѸсноѸхъ** [3:6], **ѸсноѸ** [4:9].

⁹ Например: **Ѹсрю** [8:4].

¹⁰ Например: **своегѡ ѡмножишасѡ** [4:8].

¹¹ Например: **ѡкѡ ѡднѡ** [4:4], **ѡкѡ ѡслыша** [6:8].

¹² Например: **ѡздоѸтъ** [8:3].

¹³ Например: **сосѸды** [2:9], **ѡрѡжемъ** [5:13], **высотѸ** [7:8].

¹⁴ **ѡѸ** — **ѡѸ** [3:3], **застѸпникъ** — **застѡпникъ** [3:4], **застѸпнѡтъ** — **застѡпнѡтъ** [3:6], **ѡсѸе** — **ѡсѡе** [3:8], **закѡнпрѡстѸпницы** — **закѡнпрѡстѡпницы** [5:6], **мѸжа** — **мѡѸжа** [5:7], **сѸетно** — **сѡетно** [5:10], **ѡсмѡтѸтсѡ** — **ѡсмѡтѡтсѡ** [6:11], **сѸщѡхъ** — **сѡщѡхъ** [8:3], **ѸвалѸ** — **ѸвалоѸ** [8:3].

¹⁵ **навѸсоѸ** — **на высотѸ** [7:8].

¹⁶ Вместо **даѡпадоѸтъ**.

¹⁷ Вместо **ѡрѡкоѸ**.

заменена на диграф только в следующем издании Псалтири. Кроме таких слов, которые не были исправлены случайно, есть и те, которые не подверглись исправлению специально, т. к. их написание соответствовало тем принципам, которыми руководствовались справщики, внося исправления, и таких слов — абсолютное большинство. Так, и в издании 1642 г. мы находим слова, где в середине и в конце слова под ударением пишется диграф *ѡѣ*¹⁸, а там, где ударному *ѡ* через один согласный предшествует *о*, — лигатура *ѡ*¹⁹. Это значит, что справщики вносимыми изменениями только продолжали начатую ранее работу, но их работа имела одно важное отличие: сентябрьская Псалтирь 1645 г. вышла после печати на Печатном дворе в 1644 г. Апостола. В эту книгу печатниками было помещено грамматическое приложение, в которое было добавлено рассуждение о норме при написании букв *ѣ* и *ѡѣ*. То, что подобные рассуждения, касающиеся букв *ѣ* и *ѡѣ*, были внесены в грамматическое приложение именно в эти годы, позволяет нам связывать изложенную в нем норму с языковой работой, которая велась на Московском печатном дворе в те годы, тем более что исправляли книги в эти годы одни и те же люди (см. примеч. 2). Это делает вопрос о том, насколько изложенная в нем норма соответствует норме, примененной при издании Псалтири в сентябре 1645 г., особенно важным.

В Апостоле 1644 г. мы находим следующие рассуждения о норме употребления букв *ѣ* и *ѡѣ*: «Тѡкоже ѡ ѡ ѣ, ѡ ѡѣ, разсѣждѣніе ѡ дрѣвнихъ прѡхѡмъ. ѡдѣже рѣчь ѡтѣжчѣетсѧ, ѡлѣ ѡзострѣетсѧ, тоѣ полагаѣхѣ, ѡѣ, дрѣвнѣи писцы. ѡкѡ, прѣндѡѣ, прѣнесѡѣ, везѡѣ, ѡдѡѣ. ѡѣкѡѣ, ѡѣѣѣ. рѡзвѣ ѡдѣже, ѡ, прѣдварѣетъ заѣдиноѡ бѡѣвоѡ. ѡкѡ, томѣ, комѣ, тоѣ, ѣ, полагаѣтсѧ; ѡлѣ, златѡѣстѣ; ѡлѣ поѣчѣніе, поѣчѣніѡ поѣчѣнію, поѣчѣніемъ, ѡ поѣчѣніи» [Апостол, л. 312]. В этом фрагменте прежде всего обращает на себя внимание замечание авторов приложения о том, что приводимые ими далее правила употребления графических вариантов буквы *ѡ* сформулированы не ими, а «древними». Нельзя исключать, что эта отсылка к «древним» — свидетельство того, что авторы приложения в своей работе опирались на рукописную традицию, тем более что далее конкретизируется, что так, как изложено в этих правилах, графические варианты буквы *ѡ* использовали именно древние писцы. Само построение правила создает впечатление, что им авторы приложения описывают ранее существовавшую норму употребления букв *ѣ* и *ѡѣ*. В качестве главного принципа, который авторы приложения считают определяющим при выборе того или иного графического варианта буквы *ѡ*, полагается ударность слога. При этом все случаи отклонения от этого принципа вполне объяснимы стремлением избежать возникновения неудобных для чтения сочетаний букв. Такая норма употребления букв *ѣ* и *ѡѣ*, в целом, в полной мере соответствует не только тем принципам, которыми руководствовались справ-

¹⁸ Например: *мѡѣѣ* [1:1], *главоѣ* [3:4].

¹⁹ Например: *сосѣды* [2:9], [7:14].

щики, внося изменения в Псалтирь 1642 г., но и норме, которую мы находим в сентябрьском издании Псалтири 1645 г., исключая лишь некоторые частные случаи употребления этих букв.

Более подробно норма употребления букв Ѹ и оу в сентябрьской Псалтири 1645 г. раскрыта в переизданной в 1648 г. на Печатном дворе «Грамматике» Мелетия Смотрицкого, специально для этого издания отредактированной московскими справщиками и приведенной ими в соответствие с великорусской нормой церковнославянского языка [см.: Успенский, с. 413]. Употреблению букв Ѹ и оу в «Грамматике» посвящено сразу два параграфа. Первый параграф, озаглавленный как **Канѡнъ пѣтый ѡ оу, и Ѹ**, состоит из двух частей: первая часть представляет собой полную перепечатку, исключая примеры, из «Грамматики» 1619 г. правила²⁰ об употреблении букв Ѹ и оу, а вторая часть — изложение российской традиции использования этих букв. Последнее специально оговаривается в начале этой второй части, причем практически в тех же словах и с той же отсылкой «к древним», что и в грамматическом приложении Апостола 1644 г.: «**Нашеѧ же великіѧ рѸсїи дрѣвнихъ писцѡвъ разсѸждѣніе сицевѡ...**» [Смотрицкий, 1648, л. 53]. Далее следуют те правила, руководствоваться которыми следует при выборе того или иного написания буквы Ѹ. Приведем их в сравнении с изложенными в грамматическом приложении Апостола 1644 г.

Апостол (1644)

1. **Идѣже рѣчь ѡтѧжѣетсѧ, или изострѣетсѧ, тоу полагахѸ, оу, дрѣвни писцы. ѡкв, приидоу2, принесоу2, везоу, идоу. лѸкоу, лоуку.**
2. **развѣ идѣже, о, предварѣетъ заѣдиною воуковою. ѡкв, томѸ, комѸ, тоу, Ѹ, полагаѣетсѧ;**
3. **или, златоустъ; или побчѣні, побчѣніѧ побчѣнію, побчѣніемъ, ѡ побчѣніи** [Апостол, л. 312]

Грамматика (1648)

Ѹ и оу, в началѣ и всредѣ писахѸ

1. **ѡкв, придоу принесоу, привлекоу, несоу, везоу. и пробчаѧ. идѣже ѡтѧжѣетсѧ, тоу полагахѸ оу.**
2. **Ѹ же писахѸ в сицевыхъ. ѡкв, томѸ, комѸ, зовѸ. и пробчаѧ.**
3. **или златоустъ. побчѣніе.**
4. **или Ѹмоу Ѹчю, или, лоуку. лѸкоу. ащеи же прилѸчитсѧ трѣмъ симъ воуквамъ быти во единомъ речѣніи. ѡкв, воудущѸ. сѸгоубѸ. сице достѡитъ писати Ѹ и оу** [Смотрицкий, 1648, л. 53]

²⁰ В первом издании «Грамматики» мы находим следующее правило употребления букв Ѹ и оу: «**аще и воискхѸ речѣніѧ слѡзехѸ неразличнѣ полагаѣма быти ѡвыкоша, искѸснѣйшими ѡвѣе писцами оу вначалѣ речѣній, Ѹ же иѸ средѣ и вконци оупотребѣема ѡвращѣтсѧ: ѡкв, оумѸдрѡю: оустѸпѡю**» [Смотрицкий, 1619, л. 10]. Это правило полагает в качестве главного принципа при выборе одного из двух строчных графических вариантов буквы Ѹ ее положение в слове, а не ударность, что мы встречаем во второй, добавленной в издание 1648 г. части этого параграфа и в грамматическом приложении Апостола 1644 г. То, что московские справщики, издавая в 1648 г. «Грамматику», сочли недостаточным просто перепечатать это правило из предыдущего издания, позволяет нам ставить вопрос о взаимосвязи справки, которая велась на Московском печатном дворе в 1640-е гг., и изложенной в «Грамматике» 1648 г. нормы употребления букв Ѹ и оу.

Как мы видим, правила из «Грамматики» очень напоминают правила из грамматического приложения Апостола 1644 г., и они также создают впечатление, что ими редакторы «Грамматики» описывают ранее существовавшую норму употребления графических вариантов буквы Ѧ. При этом и в приложении Апостола, и в «Грамматике» в качестве главного принципа выбора того или иного варианта буквы Ѧ полагается фонетический принцип, а все исключения из него объясняются стремлением избежать появления неудобных для чтения сочетаний букв. Количество последних в «Грамматике» расширено за счет указаний, как следует поступать, если сразу в нескольких слогах одного слова используется буква Ѧ. В том случае, если в одном слове диграф оу должен писаться и в начале слова согласно грамматико-морфологическому принципу, и во втором слоге от начала согласно фонетическому принципу, предпочтение отдается фонетическому, а не грамматико-морфологическому принципу, что позволяет избежать употребления диграфа оу в двух последовательных словах. Грамматико-морфологический принцип, хотя и не оговаривается специально, все же не исключается, подтверждением чего служит приведение и в Апостоле, и в «Грамматике» в качестве примера употребления лигатуры у слова **поучѣніе**, который показывает, что в случае присоединения к слову, начинающемуся с диграфа оу, приставки диграф заменяется лигатурой ѡ. Кроме того, в «Грамматике», как отмечалось выше, первая часть первого параграфа об употреблении букв оу и ѡ предлагает исходить при выборе этих букв не из фонетического, а из позиционного принципа. Этот же принцип отражен в «Грамматике» и во втором параграфе²¹ об употреблении графических вариантов буквы Ѧ, озаглавленном как **Канѡнъ второй ѡ оу**. В этом параграфе, хотя и говорится, что диграф оу может писаться в начале и в конце **речѣніа** в качестве примера приводятся примеры, где диграф используется только в начале: «**оу тебѣ, оу менѣ, оу ѡного**» [Смотрицкий, 1648, л. 55]. Таким образом, в изложенных в «Грамматике» правилах, в отличие от грамматического приложения Апостола 1644 г., мы находим не только фонетический принцип в выборе написания того или иного графического варианта буквы Ѧ, но и грамматико-морфологический. Эта разница между правилами, изложенными в Апостоле и в «Грамматике», вполне объяснима с точки зрения их назначения: если в Апостоле правила имели целью оправдать вносимые в богослужебные книги изменения²², то в «Грамматике» их целью уже было изложить имеющуюся норму во всей ее полноте. Подтверждением этого служит то, что зафиксированные в Апостоле правила отражают только вносившиеся в сентябрьскую Псалтирь 1645 г. изменения, касающиеся употребления букв оу и ѡ, а зафиксированные в

²¹ Этот параграф отсутствует в «Грамматике» 1619 г.

²² В грамматическом приложении Апостола мы находим следующее небезынтересное замечание его авторов, которое позволяет нам судить о цели приводимых в приложении грамматических правил: «**Иа ѡсѣмъже васъ не немѡлимъ, ѡкв да не позѡзритъ вѡша кѡпнѡ ѡбщѡгѡ совѣта совѣсть, егда ѡѡв ѡзритѣ вписменѣхъ, ѡкв вы рещи занѣдовычѣніе странность, ѡли впросѡдн, ѡвозмнѣтѣ вы ѡкв нѡво сіѣ и не ѡвычнѡ; ѣй ѣй, не нѡво и не ѡнаи ѡѡв сіѡ, вписѡшасѡ. но ѡво ѡѡв ѡ дрѣвнихъ вѣдѡщихъ доврѡписѡвъ нѡшез великіз рѡснѡ**» [Апостол, л. 312].

«Грамматике» — в целом норму употребления этих букв в данном издании Псалтири.

Теперь рассмотрим употребление букв **Ѹ** после шипящих. В отличие от принятой сегодня в церковнославянском языке нормы, согласно которой в положении после шипящих всегда пишется **Ѹ**, а не **Ю**, в сентябрьской Псалтири 1645 г. после шипящих мы находим и **Ѹ**, и **Ю**, причем случаев употребления последней намного больше, чем первой. Для удобства анализа разделим все случаи употребления **Ѹ** и **Ю** после шипящих на четыре группы, в соответствии с той согласной, после которой они пишутся.

• К первой группе мы отнесли употребление **Ѹ** и **Ю** после **Ж**. В первых пяти кафизмах мы находим четырнадцать случаев написания после **Ж** букв **Ю** и **Ѹ**, двенадцать из которых представляют собой личные окончания первого лица единственного числа и третьего лица множественного числа глаголов настоящего времени изъявительного наклонения, один — окончание существительного и один — часть корня существительного. В каждой из этих трех групп прослеживается своя норма правописания **Ѹ** и **Ю** после **Ж**. Так, в использовании **Ѹ** (**Ю**) после **Ж** в окончаниях глаголов определяющим для справщиков является спряжение: если глагол относится к первому спряжению, то справщики предпочитали писать после **Ж** в окончании первого лица единственного числа настоящего времени букву **Ѹ**²³, а если второго — букву **Ю**²⁴. Это правило является новшеством сентябрьской Псалтири 1645 г., т. к. в предыдущем издании 1642 г. в первом лице единственного числа настоящего времени глаголов не только первого, но и второго спряжения после **Ж** практически всегда пишется **Ѹ**, а не **Ю**²⁵. Причиной, по которой справщики решают использовать в сентябрьской Псалтири 1645 г. букву **Ю** после **Ж** в качестве показателя второго спряжения, вероятно, является то, что во втором спряжении в первом лице единственного числа настоящего времени всегда появляется *j* [см.: Алипий, с. 102]. Такой подход в написании **Ѹ** (**Ю**) после шипящих в окончаниях глаголов можно охарактеризовать как м о р ф о л о г и ч е с к и й.

Как было сказано выше, в первых пяти кафизмах есть два случая использования **Ѹ** (**Ю**) после **Ж** в именах существительных, и эти случаи показывают иные подходы в выборе использования этих букв. Так, если в использовании диграфа²⁶ **Ѹ** после **Ж** в корне слова **жѸпелъ** [10:6] следует видеть фонетический принцип, то использование **Ю** в слове **лжѸ** [5:7] может говорить о стремлении

²³ **подвѣжѸ** [12:6; 15:8], **подвѣжѸса** [9:27].

²⁴ **положѸ** [12:3], **положѸса** [11:6], **ѸтвержѸ** [31:8] и т.д.

²⁵ Все, за одним исключением, внесенные в первые пять кафизм издания Псалтири сентября 1645 г. исправления, касающиеся употребления букв **Ѹ** и **Ю** после **Ж**, представляют собой замену **У** на **Ю** в окончаниях глаголов второго спряжения в настоящем времени: **положѸса** — **положѸса** [11:6], **положѸ** — **положѸ** [12:3], **ѸтвержѸ** — **ѸтвержѸ** [31:8], **непостыжѸса** — **непостыжѸса** [24:1; 24:20; 29:7; 30:1; 31:8].

²⁶ В предыдущем издании Псалтири 1642 г. в этом слове использован не диграф **Ѹ**, а лигатура **у**. Произведенная замена лигатуры на диграф в слове **жѸпелъ** свидетельствует о сознательном использовании в этом слове **Ѹ**, что, в свою очередь, позволяет нам ставить вопрос о существовании нормы употребления **Ѹ** (**Ю**) после **ж** в корне слова.

справщиков использованием в окончаниях после шипящих **Ю**, а не **У** противопоставить омонимичные формы мужского и женского родов. Однако за недостатком материала в отношении двух последних принципов использования **У** (**Ю**) после **Ж** можно говорить только с достаточной долей условности.

• Ко второй группе мы отнесли употребление **У** и **Ю** после **Ш**. Эта группа в первых пяти кафизмах представлена девятнадцатью словами, в двух из которых **У** (**Ю**) после **Ш** является личным окончанием глагола, в шестнадцати — окончанием существительного и в одном — частью корня существительного. Во всех этих случаях употребление букв **У** (**Ю**) после **Ш** подчинено тем же принципам, что и употребление этих букв после **Ж**. Так, в окончаниях первого лица единственного числа глаголов настоящего времени, каждый из которых относится ко второму спряжению, мы находим после **Ш Ю**, а не **У**²⁷, а то, что в этих словах буква **Ю** употреблена вместо использовавшейся в предыдущем издании буквы **У**²⁸, говорит о сознательном использовании в этих словах именно буквы **Ю** как показателя второго спряжения. Использование **у** в корне слова **шѹмомъ**²⁹ [9:7] отражает тот же фонетический принцип, который мы видели в случае с использованием **у** в слове **жѹпелъ**, а употребление **Ю** в окончаниях существительных женского рода³⁰ объяснимо стремлением справщиков противопоставлять формы женского рода формам мужского рода использованием **Ю** в окончаниях после шипящих. В данном случае, видимо, противопоставляются форма винительного падежа существительных женского рода винительному падежу единственного числа существительных мужского рода.

• К третьей группе мы отнесли использование **У** (**Ю**) после **Ч**. В первых пяти кафизмах **У** (**Ю**) после **Ч** используется десять раз: в двух случаях эти буквы используются в личных окончаниях глагола, в семи случаях — в корнях слов и в одном случае — в конце основы действительного причастия настоящего времени. Как и в случае с использованием **У** (**Ю**) после **Ш**, в сентябрьской Псалтири 1645 г. **У** (**Ю**) после **Ч** используются в соответствии с теми же самыми принципами: в первом лице единственного числа глаголов второго спряжения после **Ч** употребляется **Ю**³¹, в корнях слов употребляется та буква, которая слышится, т. е. в данном случае **Ю**, в силу мягкости предшествующей ей буквы **Ч**³². Принадлежностью к первому спряжению, видимо, также обусловлено использование **У** в причастии **велерѣчүщии** [34:26].

²⁷ **У**ѹстрашѹ [26:1].

²⁸ В издании 1642 г. эти слова пишутся через букву **У**: **уѹстрашѹ** [26:1], **иѹсшѹтъ** [36:2].

²⁹ Диграф **уѹ** в этом слове появляется в сентябрьском издании Псалтири 1645 г., заменяя использовавшуюся в предыдущем издании 1642 г. лигатуру **у**. Эта замена говорит о том, что использование **уѹ** после **Ж** в этом слове носит не случайный, а сознательный характер.

³⁰ В первых пяти кафизмах использование **Ю** после **Ш** в окончаниях существительных мы находим только в слове **дшю** [6:5; 7:6 и др.].

³¹ **ѹмочю** [6:7] (в этом слове в издании 1642 г. используется буква **У**, а поэтому замена ее в сентябрьском издании буквой **Ю** свидетельствует о стремлении справщиков писать в окончаниях глаголов второго спряжения после шипящих именно **Ю**, а не **У**), **наѹчю** [33:12].

³² **чѹдно** [8:2; 8:10], **чюдеса** [9:2], **чюдѹи** [17:45; 17:46], **чюдѹихъ** [18:14], **чюдеса** [33:12].

• К четвертой группе мы отнесли использование **Ѹ** (**Ю**) после **Щ**. В первых пяти кафизмах **Ѹ** (**Ю**) используется после **Щ** двенадцать раз: шесть раз в личных окончаниях глаголов, три раза в окончаниях действительных причастий и три раза в суффиксах действительных причастий. В личных окончаниях глаголов настоящего времени **Ѹ** (**Ю**) после **Щ** используются в соответствии со спряжением глагола: в глаголах первого спряжения используется **Ѹ**³³, а второго — **Ю**³⁴. Однако есть одно исключение: в слове **давѡзвѣщѡѹ** [9:15], глаголе второго спряжения, вопреки вышеуказанному принципу мы находим **Ѹ**. Более того, замена в этом слове использовавшейся в предыдущем издании 1642 г. лигатуры у диграфом **ѡѹ** говорит о неслучайном характере использования в этом слове именно **Ѹ**. Ясность в этой ситуации вносит следующее за сентябрьским декабрьское издание Псалтири 1645 г., в котором диграф **ѡѹ**, в соответствии со спряжением глагола, в слове **давѡзвѣщѡѹ** будет заменен буквой **Ю**, что свидетельствует о том, что использование в этом слове диграфа **ѡѹ** в сентябрьском издании Псалтири 1645 г. носит ошибочный характер. Употребление **Ѹ** в словах **ѡщѣщнхъ** [23:6] и **ѡщѣщн** [34:2], вероятно, также обусловлено тем, что эти причастия образованы от глагола первого спряжения. Использование **Ѹ** в окончаниях кратких действительных причастий мужского рода дательного падежа³⁵ подтверждает наше предположение о стремлении справщиков использованием **Ѹ** (**Ю**) после шипящих в окончаниях противопоставлять омонимичные формы мужского и женского родов, в данном случае противопоставляются дательный падеж единственного числа мужского рода винительному падежу единственного числа женского рода³⁶.

Проанализировав, таким образом, использование **Ѹ** (**Ю**) после шипящих, мы пришли к следующим выводам. Во-первых, в корнях слов использование этих букв подчинено фонетическому принципу, т. е. после твердого согласного пишется **Ѹ**, а после мягкого — **Ю**. Во-вторых, использование букв **Ѹ** (**Ю**) в окончаниях первого лица единственного числа глаголов настоящего времени определяется спряжением глагола: если глагол относится к первому спряжению, то используется **Ѹ**, а если ко второму — то **Ю**. Такой подход в правописании букв **Ѹ** (**Ю**) в окончаниях глаголов является новшеством сентябрьской Псалтири 1645 г., т. к. в предыдущем издании 1642 г. не проводится такого различия спряжений глагола. Спряжением также определяется использование **Ѹ** в суффиксах действительных причастий настоящего времени. В-третьих, использование букв **Ѹ** (**Ю**) после шипящих в окончаниях существительных и действительных кратких причастий настоящего времени служит для различения омонимичных форм женского и мужского родов.

³³ **взыщѡѹ** [26:4; 26:8].

³⁴ **насыщѡсѧ** [16:15], **невозвращѡсѧ** [17:38].

³⁵ **несѡщѣ** [7:3], **ѡзвѣщѡщѣ** [7:3], **спасѡщѣ** [7:3].

³⁶ В Псалтири есть только одно краткое действительное причастие женского рода, основа которого оканчивается на **Щ**, стоящее в форме винительного падежа единственного числа, и в этом слове мы находим в окончании именно **Ю**, а не **Ѹ**: **всещѡщѡсѧ** [112:8].

В целом, такая норма употребления буквѣ (Ю) после шипящих соответствует норме употребления этих букв, зафиксированной в «Грамматике» Мелетия Смотрицкого 1648 г., в которой мы находим следующее замечание³⁷ относительно употребления буквы Ю (в левой колонке приводится текст этого параграфа, а в правой — комментарий к нему).

1. ю, ѳсицевѣхъ полагаѣтса; ѳкѡ, стою, таю, зрю	Хотя в этой части параграфа все три случая употребления Ю представлены глаголами второго спряжения, она вряд ли имеет целью указать ее употребление в качестве показателя второго спряжения, так как это будет сделано ниже. Здесь Ю пишется исходя из фонетического принципа, т. е. в соответствии с произношением. Употребление Ю после шипящих будет рассмотрено далее специально, и в этом случае будет предложено ориентироваться на морфологию
2. своѣствено же ёмоу значити жѣнскаго рода именѣ и глаголы	Далее рассматриваются два частных случая употребления этой буквы, в которых использование буквы Ю связано с выделением тех или иных форм
3. ѳкѡ, доушоу аличюю	Первым частным случаем употребления буквы Ю является ее использование в качестве показателя женского рода. Использованием буквы Ю снимается омонимия между следующими формами: между винительными падежами единственного числа существительных женского и мужского рода с основой на -Ш ³⁸ ; между винительным падежом единственного числа кратких действительных причастий настоящего времени женского рода и дательным падежом кратких действительных причастий настоящего времени мужского рода ³⁹
4. по дрѣвнихъ писцовѣвъ разѣма. такоже и по грамматикѣи оуставохъ, въ ѳ и части глагола,	Преамбулой ко второму частному случаю употребления буквы Ю служит то замечание, что далее следуемое правило отражает принцип использования буквы Ю, которым руководствовались «древние писцы». Такая отсылка к «древним писцам» вновь ставит вопрос о влиянии рукописной традиции на изложенную в «Грамматике» норму
5. второмъ спряжѣнии на первое лице; ѳкѡ вождю, молчию, ношию, рычию, хожю. и прочаа [Смотрицкий, 1648. Л. 54 об.—55]	Вторым частным случаем употребления буквы Ю является ее использование в первом лице единственного числа глаголов настоящего времени в качестве показателя второго спряжения

³⁷ Этот параграф отсутствует в предыдущем издании «Грамматики» 1619 г.

³⁸ «Грамматика» 1648 г. снимает омонимию между винительными падежами единственного числа существительных женского и мужского рода с основой на -Ш: доушоу [Смотрицкий, 1648, л. 55] и ѳношѣ [Там же, л. 59]. При этом устранение омонимии между винительным и дательным падежами единственного числа существительных женского и мужского рода с основой на -Ж в «Грамматике» не предполагается: мрѣжю [Там же, л. 58] и мѣтѣжю [Там же, л. 124].

³⁹ В частности, в парадигме склонения действительного причастия настоящего времени вибѣщѣи проводится это различие омонимичных форм: вибѣщѣи (дательный падеж единственного числа мужского рода) — вибѣщю (винительный падеж единственного числа женского рода) [Смотрицкий, 1648, л. 264–264 об.].

Проанализировав, таким образом, изложенную в «Грамматике» 1648 г. норму употребления буквы **Ю**, мы видим, что принципы ее использования после шипящих в целом соответствуют той норме, которую мы находим в сентябрьской Псалтири 1645 г. Более того, отталкиваясь от нормы «Грамматики» мы можем более определенно говорить о принципах использования **Ю** после шипящих в тексте Псалтири (в частности, для снятия омонимии между формами мужского и женского родов. Так, если анализ текста Псалтири позволил нам только предположить ее наличие в отношении существительных с основой на **-Ж** и **-Ш**, то анализ изложенной в Грамматике нормы показал, что она предполагает снятие омонимии между формами мужского и женского рода только в случае с существительными с основой на **-Ш**. Учитывая то, что остальные принципы употребления **Ю** в сентябрьской Псалтири реализовывают ту норму, которая изложена в «Грамматике», мы можем предположить такую же ситуацию и в отношении использования **Ю** в целях противопоставления омонимичных форм мужского и женского родов.

Подведем итоги. Проведенный в рамках данной статьи анализ употребления буквы **У** в сентябрьской Псалтири 1645 г. показал, что орфография этого издания Псалтири отражает разные этапы языковой справки 1640-х гг. Очевиден и тот факт, что результат, достигнутый в сентябрьской Псалтири 1645 г., еще не мыслится справщиками как окончательный: завершая работу по реализации в тексте Псалтири одной нормы, справщики одновременно с этим начинают работу над другой. Отсюда разная степень разработанности в тексте Псалтири норм употребления различных букв. И в зависимости от степени разработанности и характера можно выделить три варианта нормы.

1. Норма была определена до выхода сентябрьской Псалтири 1645 г., и работа справщиков при издании этой Псалтири в отношении ее сводится к устранению числа неисправленных форм. Такой характер носит норма употребления графических вариантов буквы **У**—**У̇** и **у**.

2. Норма отсутствует в издании Псалтири 1642 г. и начинает вводиться справщиками в сентябрьском издании Псалтири 1645 г. В декабрьском издании Псалтири 1645 г. и в издании 1647 г. норма не претерпевает изменений. Такой характер носит норма употребления буквы **Ю** после шипящих в окончаниях первого лица единственного числа настоящего времени глаголов второго спряжения.

3. Норма была определена до выхода сентябрьской Псалтири 1645 г., но, в отличие от вышеуказанного случая, она уже в издании 1642 г. полностью реализовывается, а поэтому не является объектом специального внимания справщиков при работе над изданиями Псалтири в 1642—1647 гг. Такой характер имеет норма употребления букв **У** и **Ю** после шипящих в окончаниях существительных, в суффиксах и окончаниях действительных причастий настоящего времени.

Анализ употребления буквы **У** в сентябрьской Псалтири 1645 г. показал также, что ее использование определяется тремя следующими принципами:

1. **Грамматико-морфологический.** В соответствии с этим принципом использование той или иной буквы имеет целью выделение начала грамматического слова. Этот принцип реализуется в случае с употреблением диграфа *и* в начале слова и лигатуры *у* в середине и в конце;

2. **Фонетический.** Этот принцип определяет использование той или иной буквы в зависимости от ее ударности, от звука, который ею должен обозначаться. Этот принцип находит применение при употреблении под ударением диграфа *ѳ*, а без ударения — лигатуры *ѣ*, употреблении *ѵ* (**Ю**) после шипящих в корнях слов. Использование лигатуры *ѣ* в ударной позиции в середине и в конце слова, имеющее целью избежать неудобочитаемых сочетаний букв, можно отнести к случаям реализации фонетического принципа;

3. **Морфологический.** Этот принцип реализуется в тех случаях, когда использование тех или иных букв призвано противопоставить омонимичные грамматические формы, а также различные грамматические категории слов. В соответствии с этим принципом в сентябрьской Псалтири 1645 г. употребляются буквы *ѣ* (**Ю**) после шипящих в окончаниях глаголов и существительных, в суффиксах и окончаниях действительных причастий настоящего времени.

Анализ орфографии сентябрьской Псалтири 1645 г. показал также, что в этом издании реализовывались те языковые установки, которые будут зафиксированы в качестве нормы в «Грамматике» 1648 г.

Алипий (Гаманович), иером. Грамматика церковно-славянского языка. М., 1991.

Апостол. М., 1644.

Вознесенский А. В. К истории славянской печатной Псалтири : Московская традиция XVI—XVII веков. Простая Псалтирь. М. ; СПб., 2010.

Мансветов И. Как у нас правились церковныя книги : материалы для книжной справки в XVII столетии. М., 1883.

Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА. Вып. 2. М., 2002.

Псалтирь. М., 1642.

Псалтирь. М., 1645.

Псалтирь. М., 1647.

Псалтирь. М., 1881.

Смотрицкий М. Грамматика [Электронный ресурс]. Вильно, 1619. URL: <http://www.litopys.org.ua/smotrgram/sm.htm>.

Смотрицкий М. Грамматика. М., 1648.

Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). М., 2002.

Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Минск, 2001.

Статья поступила в редакцию 10.09.2010 г.

УДК 81'272 + 81'255.2 + 81'373.45

О. Н. Кушнир

РЕЭТИМОЛОГИЗАЦИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ ПРЕФИКСОВ КАК ФАКТОР АКТУАЛИЗАЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ

Рассматривается необходимость анализа лингвокультурных концептов, вербализуемых заимствованными префиксами, в аспекте динамической синхронии. Предлагается типология данных концептов, предполагающая их распределение на векторные, временные и пространственные; приведены примеры их лингвоконцептологической реэтимологизации.

Ключевые слова: динамическая лингвокультурология, концепт, лингвоконцептологическая реэтимологизация.

Реэтимологизация — это, с одной стороны, объективно протекающий процесс актуализации, «оживления» в языковом сознании и разностилевой речи носителей языка синхронической и этимологической внутренней формы лексем, психолингвистическая актуализация семантики корневых и словообразовательных морфем (в аспекте морфосемантики) и деривационных отношений (в аспекте словообразовательной семантики); с другой стороны — результат исследовательских усилий лингвистов, связанных с семантической реконструкцией как лексем в ходе их этимологического анализа [см.: Трубачев], так и вербализуемых этими лексемами концептов в ходе анализа лингвоконцептологического. Лингвоконцептологическая реэтимологизация может осуществляться в различных аспектах: диахроническом, синхроническом или в аспекте динамической синхронии (т. е. в аспекте текущих изменений концептуария). Данная работа связана с последним из названных аспектов.

В русской лингвоконцептологии обращение к семантическим этимонам на основе реэтимологизации корневых морфем и последующей актуализации внутренней формы целых лексем, выступающих в качестве основных средств вербализации тех или иных концептов (*Вера, Любовь, Причина* и мн. др.), — один из основных методов, последовательно использованный, в частности, в современном фундаментальном исследовании [см.: Степанов]. Вне поля зрения исследователей остаются концепты, связанные с семантикой префиксальных и префиксоидальных морфем, в том числе заимствованных. Изучение их лингвоконцептуального содержания представляется особенно значимым в контексте динамической лингвоконцептологии, основывающейся на материале Новейшего времени (рубеж XX—XXI вв.), ознаменовавшегося появлением множества новых лексем, включающих заимствованные префиксы и префиксоиды (и соотносительные с ними новые концепты), актуализацией, деактуализацией или переосмыслением «старых» концептов.

В основе лингвокультурологического анализа языковых изменений необходимо лежит некоторая типология концептов, явная или неявная. Применительно к анализу заимствованных лексем это, как правило, номинативная или

лингвистическая типология, поскольку появление и/или активизация в современном русском языке многочисленных заимствований связывают по преимуществу с такими хорошо известными причинами, как потребность в именовании новых реалий, необходимость специализации понятий, тенденция к экономии языковых средств и т. п. [см. об этом: Крысин, 1996]. Однако развитие русской концептосферы связано не только с достаточно очевидными номинативными потребностями или лингвистическими закономерностями, но и с глубинными изменениями в сфере языкового сознания, которые и составляют основной предмет динамической лингвоконцептологии.

Трудности исследования этих глубинных изменений обусловлены самой природой концепта (по характеристике В. В. Колесова, «выражения неопределимой сущности бытия в неопределенной сфере сознания» [Колесов, 2002, с. 51]), находящего опору во внутренней форме вербализующих его ключевых слов, которая, выступая как «явленность этимона», — «всегда смысл, который направляет движение содержательных форм концепта», «инвариант, который приближается к концепту, но... еще не есть концепт» [Там же, с. 52]. Не только русское, но и заимствованное слово как средство вербализации концепта — это «свидетельство русской интуиции» [Колесов, 2007, с. 4], которая, как всякий объект научного исследования, исчерпывающим образом вскрыта быть не может, а сколько-нибудь ощутимые научные подвижки не могут быть достигнуты вне обращения лингвистики к смежным областям знаний о человеке и обществе, особенно в лингвокультурологии.

Префиксы как аффиксальные словообразовательные морфемы реализуют по преимуществу *п о н я т и й н у ю ф у н к ц и ю*, выступая в семантическом отношении как сигнификативы, как средство языкового опредмечивания отношений между денотативными составляющими концепта (макроконцепта), например: *война* — *антивоенный* (*антивоенное движение / выступления / митинг*), где префикс *анти-* однозначно отсылает к представлению о противоборстве некоторых сил; *диакон* — *архидиакон*, *иерей* — *архиерей*, где префикс *архи-* так же однозначно отсылает к понятийному представлению о церковной иерархии. Соотносительные с этими префиксами сигнификативные концепты — соответственно «Противоборство» и «Иерархия».

Основные источники динамической лингвоконцептологии, помимо толковых и иных филологических словарей разных лет, — неографические словари и «Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения» [см.: Толковый словарь]. Последующее изложение мы основываем преимущественно на материалах этого последнего словаря.

Весь лексикографический материал авторы указанного словаря делят на пять групп, каждой из которых соответствует специфический аспект синхронной динамики: 1) новое слово (значение); 2) относительно новое слово (значение); 3) актуализация слова (значения); 4) возвращение слова в актив из пассивного запаса; 5) уход слова в пассивный запас [см.: Там же, с. 32].

Лингвоконцептологическое осмысление этой лексикографической систематизации с точки зрения лингвистики связано с представлением о том, что процессы развития концептосферы неотделимы от динамических сдвигов в спосо-

бах вербализации ее составляющих, а с позиций культурологии — с тем, что в России «на исторических гранях... действуют хаотические процессы, объединяемые общим для них релятивным механизмом культуры — “смутой”» [Кондаков, с. 585]. Языковые приметы «смуты» наиболее очевидны на лексическом уровне; соответствующие лексемы сравнительно быстро либо уходят из оборота, либо входят в употребление. Морфематические приметы «смуты» менее очевидны и обладают, по выражению фармацевтов, пролонгированным действием.

По нашим наблюдениям, основные группы подвергающихся существенным изменениям сигнификативных концептов, вербализуемых заимствованными префиксами, — **векторные** (именование предлагается нами в соответствии с представлением о векторном типе антонимии), **временные** и **пространственные**.

Векторные концепты. Лучше всего просматриваются сквозь призму семантики дериватов с префиксом **анти-**, одно из существенных средств управления общественным сознанием, призванное задавать понятийные ориентиры, формировать отношение к текущим социальным процессам. Помимо **анти-**, напрямую соотносятся с векторной антонимией заимствованный префикс **контр-** и собственно русская приставка **противо-**; в совокупности названные префиксы и включающие их дериваты образуют целостное морфосемантическое поле, вербализующее динамически изменяющийся макроконцепт «Противостояние, противоборство».

Основное назначение префикса **анти-** в рамках этого морфосемантического поля и имплицитного им макроконцепта — создавать образ врага и нацеливать на негативное к нему отношение и/или прямое противодействие. Однако содержание макроконцепта «Противостояние, противоборство», рассматриваемого сквозь призму использования **анти-** и его синонимов в составе производных слов, в советские и постсоветские годы оказывается существенно различным.

Объекты противонаправленности, фиксированные мотивирующими в составе дериватов с префиксом **анти-**, по данным русского языка советских времен связаны с теми идеологически «чужими», которые либо находятся за пределами страны (СССР), либо, находясь внутри, представляют интересы чуждых внешних сил, ср.: *антибольшевизм, антивоенный, антикоммунизм, антинаучный, антирабочий, антирасизм, антисемитизм, антифашизм*. Семантическая абсурдность дериватов, образованных по такой модели, определяется тем, что конструирование любого понятия «от противного» на основе одного только отрицания или противопоставления чему-либо является с точки зрения логики конструирования понятий не просто непродуктивным, но бессмысленным, поскольку не вскрывает сущности соответствующих явлений. Зададим, к примеру, простой вопрос: *антинаучный* — это какой по номинативному или, тем более, референциальному своему содержанию? По словарному определению, сигнификативное содержание лексемы «антинаучный» — чуждый науке. Но что «по жизни», в рамках обиходных представлений считать «чуждым

науке»? Религию, мистику, любовь и сострадание, этику вне представлений о «разумном эгоизме»? Генетику и кибернетику, как было в советские времена? Любое художественное творчество? Вопросы абсолютно бессмысленные. Как видим, при кажущейся ясности сигнификата конкретное номинативное содержание понятия, стоящего за лексемой «антинаучный», оказывается и неопределенным и неопределимым.

То же самое и с другими приведенными выше примерами, и с производными на *контр-*, (*контрреволюция*, *контрреволюционер*, *контрпропаганда*).

Любому квазипонятию (в современной философской терминологии — «пустому знаку», «симулякру»¹), построенному через отрицание или противопоставление, как в случае с префиксом *анти-*, можно соположить практически любое произвольное номинативное и/или референциальное содержание, что делает симулякры удобным средством манипуляции общественным сознанием.

По данным русского языка рубежа XX—XXI вв., дериваты с префиксом *анти-* и синонимичными ему (а значит, и содержание макроконцепта «Противостояние, противоборство») уже не носят характера лингвокогнитивного абсурда и приобретают конкретное номинативное и референциальное содержание. Прежде всего это проявляется в сфере политики, ср. словарные данные Г. И. Тираспольского [Тираспольский, с. 27—36, 152—153]: прилагательные, связанные с именованиями тех политических лидеров, которые в восприятии носителей языка ассоциируются как с их «портретными» характеристиками, так и с ощутимыми для всех аспектами их деятельности: *антигорбачевский* (и *антигорбачевизм*), *антиельцинский*, *антисталинский* (и *антисталинистский*, *антисталинист*); затем лексемы, образованные от названий политических партий и общественно-политических течений, событий общественно-политической жизни, в семантике которых наличествует конкретное номинативное содержание, в восприятии носителей языка отчетливо соотносящееся с теми или иными референциально ясными явлениями и событиями: *антидемократический* (и *антидемократ*), *антизабастовочный*, *антизаконный*, *антизападный* (и *антизападничество*), *антииндивидуализм*, *антикоммерческий*, *антикоммунизм* (и *антикоммунистический*, *антикоммунист*, *антикоммуняка*, в совершенно новых по сравнению с советскими временами смыслах, фиксирующих изменения в макроконцепте «Коммунизм»), *антиконституционный*, *антикризисный*, *антимассонский*, *антимонопольный*, *антинародный*, *антиноменклатурный*, *антиперестроечный* (и *антиперестроечник*, *контрперестроечный*, *контрперестройка*), *антиправовой* (и *антиправо*), *антипрезидентский*, *антиреформатор* (и *контрреформа*), *антирыночный* (и *антирыночно*, *антирыночник*, *антирыночность* — с очевидной актуализацией макроконцепта «Рыночные отношения / Рынок», особенно с учетом дериватов с другой морфной структурой — *рыноч-*

¹ По определениям М. А. Можейко, «пустой знак» связан с «восприятием семиотических сред как самодостаточной реальности, вне какой бы то ни было гарантированности со стороны текстовых феноменов», термин «симулякр» фиксирует «способ осуществления событийности, который реализуется в акте семиозиса и не имеет иной формы бытия, помимо перцептивно-символической» [Новейший философский словарь, с. 910, 900].

ный, контррыночный, нерыночный, внерыночный, по-рыночному), антисемитизм (и антисемитский, антиссионистский с очевидной актуализацией концепта «Еврейство/Евреи», перекрещивающегося с концептом «Масонство/Масоны», что отражается в деривате *антимасонский*), *антитоталитарный* (с очевидным переосмыслением макроконцепта «Советский»).

Любопытно отметить, что дериваты с префиксом *противо-* в указанном слове Г. И. Тираспольского не представлены; в «Толковом словаре русского языка» конца XX в. зафиксировано лишь два деривата с *противо-*: *противозаконный* и *противоправный*; с *контр-*: *контркультура* и *контркультурный*, *контрперестройка* и *контрперестроечный*, *контрреформа* и *контрреформаторский*.

Таким образом, префикс *анти-* нельзя рассматривать иначе, как основной морфосемантический префиксальный маркер динамических изменений, связанных с макроконцептом «Противостояние, противоборство».

«**Временные**» концепты². Восприятие времени в русском языковом сознании (как во всей христианской части индоевропейского мира), а следовательно, специфика макроконцепта «Время» и в целом, и в составляющих его частных концептах основывается на линейных, «горизонтальных» представлениях типа «позади — впереди», «раньше — позже». Однако это восприятие, будучи основным, не исключает и «вертикальных» представлений, причиной чего, по формулировке С. А. Чугуновой, выступает «антропоцентрическая модель вертикального времени», основывающаяся на корпоральных представлениях [Чугунова, с. 156 и след.].

Эвристическая значимость данного факта для анализа динамики временных концептов состоит в том, что «горизонтальные» и «вертикальные» представления оказываются совмещенными. Временное «позже» ассоциируется не только с пространственным «дальше», но и с представлением «выше», в коннотативном прочтении — «совершеннее, лучше».

Динамика лингвоконцептуальных изменений, акцентирующих совмещение «горизонтального» и «вертикального», отчетливо просматривается в рамках сигнификативно-коннотативного морфосемантического поля, отражающего движение исторического времени, которое хорошо проявляется в дериватах с префиксом *пост-* на фоне принадлежащих тому же полю дериватов на *нео-*, собственно русск. *после-* и квазиантонимичном *прото-*.

Префикс *пост-*, помимо значения «происходящий, имеющий место после того, что названо мотивирующим словом», основывающегося на латинском этимоне (лат. *post* — ‘сзади, позади > затем, потом, после, позже, впоследствии’)³, которое представлено в многочисленных дериватах советского времени и синонимичных им по морфосемантике производных с префиксом *после-* (ср.,

² Кавычки в данном случае использованы с целью акцентировки, что представления о собственно времени составляют лишь лингвокогнитивную основу рассматриваемого материала, который в семантическом отношении, разумеется, шире собственно темпоральных представлений.

³ Здесь и далее латинские этимоны реконструируются по: [Дворецкий].

например: *постинфекционный, постоперационный, пострадиационный, постэмбриональный* и *послебаный, послегриппозный, послеоперационный, послеполевой*), развил еще в советские годы дополнительный сигнификативный смысл, связанный с движением исторического времени (ср., например: *постимпрессионизм, постромантический* и *послеромантический, послесъездовский*); в конце XX — начале XXI в. доминантными в новообразованиях становятся сигнификативный смысл «современный, характерный для настоящего времени» и связанные с ним коннотативные смыслы «более совершенный по отношению к тому, лишенный недостатков того, с чем связано то, что названо мотивирующим». Этот пучок смыслов устойчиво реализуется только в дериватах с **пост-**, ср.: *посткоммунистический, постперестройка* (и *постперестроечный, постперестройщик*), *постсоветский, постсоциалистический, постсталинский*.

Дериваты с префиксоидом **нео-** реализуют иной пучок смыслов: по сигнификату это базовое, прямолинейно опирающееся на этимон значение «после того, что названо мотивирующим», коннотативная составляющая может быть прочитана как в мелиоративном, так и в пейоративном ключе, ср.: *необольшевизм, неокommунизм* (и *неокommунист, неокommунистический*), *неоконсервативный, неосталинизм* (и *неосталинистский, неосталинист*), *неототалитарный*, в словаре Г. И. Тираспольского еще впервые фиксируемое слово *неохрущевизм*.

Безусловная актуальность того пучка смыслов, который реализуется новыми дериватами с **пост-**, проявляется также в появлении окказионализмов (ср., примеры, родственные языковой игре: [Сивова, с. 37]), в регулярном использовании префиксальной редупликации. Так, наряду с бытовавшими ранее в эстетике именованиями типа *постимпрессионизм*, а затем и *постпостимпрессионизм, постэкспрессионизм* и *постпостэкспрессионизм* теперь возникло и более общее именование *постпостмодернизм*, которое даже вошло в словари [см.: Лексикон нонклассики, с. 354; Постмодернизм, с. 327]; специфика соответствующего явления активно рассматривается специалистами по литературоведению и эстетике; наличествуют как бездефисное написание (*постпостмодернизм* [Курицын]), так и дефисное (*пост-постмодернизм* [Маньковская, с. 531]). Сами понятия и соответствующие термины приобретают общенаучное значение (например, в психологии — ср.: [Янчук]; в политологии — ср.: [Неретина, Огурцов]). Морфемная редупликация *пост-пост-* встречается и в составе других современных терминов (например, *пост-постконвенциональный* как термин используется в работе: [Уилбер]).

Прото- и **пост-** — по этимонам квазисимметричные антонимичные префиксы⁴; их квазиантонимическая оппозитивность активно развивается.

Префикс **прото-**, помимо значения «предшествующий — как существовавший в прошлом по отношению к настоящему», основывающегося на греческом этимоне «первый» (ср.: *протограф, протостория, протонеолит, проторенессанс*), развивает и значение «предшествующий как существующий в настоя-

⁴ Квазисимметричные, поскольку различаются не только семантическими компонентами типа раньше — позже; префикс **прото-** также включает компоненты типа 'относящийся к истокам, древнейший'.

щем по отношению к будущему». К примеру, *прототип*, совсем недавно в лексикографической практике трактовавшийся только в рамках оппозиции «прошлое — настоящее», как первоначальный образец; прообраз [Словарь русского языка, с. 537], ныне толкуется уже и в рамках оппозиции «прошлое, и/или настоящее, и/или будущее, ср.: «...первоначальный образец, прообраз кого-, чего-л. в будущем» [Новейший большой толковый словарь, с. 1034]. Таким образом, в триадической временной оппозиции «прошлое — настоящее — будущее» оказываются актуализованными все компоненты одновременно.

«Пространственные»⁵ концепты. Основываются на исходной «пространственной» семантике префиксов *интер-*, *дис-* и *де-*, фундирующих различные морфосемантические поля, динамично развивающиеся в текущий период. Поиск таких именовании для вербализуемых этими полями концептов, которые адекватно отражали бы их сущность, — трудноразрешимая задача, в силу чего предлагаемые далее именовании следует воспринимать как предварительные.

Лингвоконцептуальный смысл префикса *интер-*, как восходящего к латинскому этимону *inter-* ‘между, посреди > внутри > взаимно...’ (*intel-* — перед начальным *l* основного слова), казалось бы, логично интерпретировать как «взаимодействие», однако такое терминологическое решение представляется слишком узким, в силу чего представляется целесообразным говорить о концепте «Интер...» с трудноопределимым, но вполне осознаваемым говорящими пучком смыслов с «пространственным» ядром «между, посреди» + «взаимо...».

Именно этот пучок смыслов лежит в основе терминов информатики *интерактивный*, *интерфейс*, *Интернет* (*интернетовский*, *Инет*), которые ныне обрели статус общепотребительных и являются безусловно общеизвестными; отчётливо эти смыслы просматриваются и в *интердевочка* ‘валютная проститутка’.

Менее очевидны процессы реэтимологизации префикса *интер-* и соотносительного с ним концепта «Интер...» в лексемах «интеллект» и особенно «интеллигенция».

Этимологически *интеллект* восходит к лат. *intellectus* ‘ощущение, восприятие > разумение, понимание > понятие, рассудок > смысл, значение’, от глагола *intellegere* ‘ощущать, воспринимать, подмечать, замечать > познавать, узнавать, мыслить’, складывающегося из приставки *intel-* / *inter-* в значении ‘между, посреди’ и глагола *legere* ‘собирать; выщипывать, вынимать, извлекать; сматывать, наматывать, скручивать; подбирать, выбирать, набирать; принимать > видеть, различать взором’ (этимологически однокоренные *интеллигенция*, *легенда*, *легион*, *лекция*, *селекция* и др.). Реэтимологизация лексемы *интеллект* связана с приобретшим широкую употребительность словосочетанием *искусственный интеллект* — интеллект, моделирующий человеческую способность оперировать различными образами и символами (с актуализацией таких указанных выше этимологических сем, как «замечать», «извлекать», «различать» и др.).

⁵ В кавычках, акцентирующих условность именовании.

Дискуссии вокруг понятия «интеллигенция» в нашей стране ведутся уже многие десятилетия. В контексте данной работы важно обратить внимание на два исходных для последующих размышлений момента. Во-первых, сущ. *интеллигент* наличествует в «Толковом словаре русского языка XX века», несмотря на то, что этот словарь ориентирован исключительно на неологию, причем первое из значений этого существительного представлено с указанием «зафиксировано впервые»: «Тот, кто отличается стремлением к знаниям, культурой поведения и твердыми нравственными принципами (независимо от уровня образования, рода занятий и социального положения)» [Толковый словарь, с. 271]. Принципиальное отличие этого словарного толкования от принятых в советские времена — в специальном подчеркивании «независимо от уровня образования, рода занятий» (ср. типичное для советских лет толкование сущ. *интеллигенция*: «...социальная группа, состоящая из людей, профессионально занимающихся умственным трудом» [Черных, с. 351]). Во-вторых, в лексикографических изданиях принято ссылаться на латинский этимон без учета его морфной структуры: ср., например, у М. Фасмера: «...и н т е л л и г е н ц и я, от лат. *intelligentia* ‘понимание’» [Фасмер, с. 135]. Современные профессионально-лингвистические исследования феномена *интеллигента* и *интеллигенции* также обходят стороной вопрос о внутренней форме этих лексем (см., в частности: [Крысин, 2001, с. 92]. Другие распространенные характеристики *интеллигента* связаны с его «высоким моральным самосознанием и духовной культурой», а *интеллигенции* — с понятием «духовная элита общества» и т. п. [см.: Вепрева, с. 89].

По нашим наблюдениям, у современных молодых людей понятие «интеллигенция» устойчиво связывается с понятием интеллекта и современными информационными технологиями (по данным «Русского ассоциативного словаря» отнюдь не случайны наиболее частотные реакции на стимульное слово «интеллигент» — «человек» и «умный», т. е. «умный человек» [Русский ассоциативный словарь, с. 235]). Говоря коротко, в современном восприятии интеллигентом не может быть человек вне интеллекта и Интернета. Актуализация морфосемантического поля, центрирующегося на префиксе *интер-*, notably, особенно если учесть, что для современных образованных молодых людей совершенно естественны интернациональные связи, предполагающие владение иностранным языком (языками). В этом лингвокультурном контексте нельзя не признать, что либо внутренняя форма сущ. «интеллигенция» актуализуется, либо само понятие интеллигенции утрачивает сколько-нибудь ясное значение.

По внутренней этимологической форме *интеллигенция* — собир. от *интеллигент*, возникшего на базе лат. прич. *intelligens, intelligentis (intellegens)* ‘знающий, понимающий, разумный’, от глагола *intellegere* ‘ощущать, воспринимать, подмечать, замечать > познавать, узнавать > мыслить > знать толк, разбираться’ < *intel-* (основная огласовка: *интер...*) + *legere* (как в рассмотренном выше сущ. *интеллект*).

⁶ В советские годы — вполне по В. И. Далю, у которого *межеумок* — «...нечто среднее, ни туда, ни сюда, все, что не принадлежит ни к тому, ни к другому сорту, разбору, разряду» [Даль, с. 315].

На протяжении многих предшествующих десятилетий (и в царской России, и в советские годы) акцентировалось специфически «срединное», «межумочное» положение интеллигенции⁶: в социальном отношении — «разночинное», в религиозном отношении — между верой и безбожием, в политическом — между преданностью власти и даже принадлежностью к ней и принципиальным диссидентством, в нравственном, в национальном отношении — установка на «всечеловечность» (по словам Н. А. Бердяева, на «сверхнациональные идеалы» [Бердяев, с. 13]). В современном прочтении *интеллигент* — это прежде всего человек, умеющий работать с информацией, находящийся «внутри», «посреди» информационного пространства, в том числе «внутри» пространства культуры, включая культуру нравственную.

Возможности иного прочтения внутренней формы «интеллигенции» в современных условиях представляются весьма сомнительными.

С точки зрения идеографической лексикографии (как одного из важнейших источников лингвоконцептологии) «задаче полного, непрерывного и без остатка членения дескрипторной области в классификационных схемах служит также прием антонимического противопоставления дескрипторов и дескрипторных блоков» [Караулов, 1981, с. 156]. Это общий эпистемологический принцип формирования перечня лингвокультурных концептов, с тем уточнением, что «антонимическое противопоставление» следует понимать как контраст, оппозицию, противопоставление и соположение, сопоставление, совсем не обязательно антонимическое (поскольку, как говорится, все познается в сравнении, а сравнение — исходная когнитивная операция, лежащая в основе любой познавательной деятельности). В фундаментальных работах Ю. Н. Караулова, связанных с конструированием тезауруса русского литературного языка, зафиксировано, что в каталоге дескрипторов, «...который был получен методом компиляции классификационных схем наиболее крупных идеографических словарей и включил свыше 1500 единиц» [Караулов, 1980, с. 8], дескриптор «Интеллигенция» отсутствует; отсутствует и соответствующая статья в «Русском семантическом словаре» [см.: Русский семантический словарь]. Это «значимое отсутствие», причина которого — в отсутствии ясных лексико-семантических оппозитивов *интеллигенции* и *интеллигенту*.

Интеллигенция — явление временное, как временными были оппозиции «рабочий — капиталист» или, тем более, «крестьянин — помещик», между полярными элементами которых находила себе место «интеллигенция». Интеллигенция как «духовная элита» играла существенную роль в истории нашей страны, когда слой людей с европейским образованием был узок. По определению Д. Н. Овсяннико-Куликовского, *интеллигенция* — это «образованная и мыслящая часть общества, созидаящая и распространяющая общечеловеческие духовные ценности» [Овсяннико-Куликовский, с. 4]. Это определение явно опирается на определение В. И. Даля (ср.: *интеллигенция* [в собирательном значении] — «разумная, образованная, умственно развитая часть жителей» [Даль, с. 46]).

В современных условиях духовного и религиозного возрождения России «общечеловеческие ценности» не могут быть абсолютным моральным критерием в силу бессодержательности этого понятия. Ориентация на общечеловеческие

ценности безотносительно специфики своей национальной культуры и ее ценностей, своей религии выступает скорее дискредитирующим, а не комплиментативным фактором. По словам С. Н. Булгакова, «...вместо атеизма наша интеллигенция воспринимает догмы религии человекобожия... Основным догматом, свойственным всем его вариантам, является вера в естественное совершенство человека, в бесконечный прогресс, осуществляемый силами человека...» [Булгаков, с. 124–125]. В наши дни специфически «срединное» положение интеллигенции в информационном пространстве требует от нее признания антиномичности совершенства — несовершенства человека, неотделимости прогресса от регресса

Морфосемантическое поле с фундирующим префиксом **дис-**, восходящим к лат. этимону *dis-* (гр. *δυσ-*) в значениях ‘разделение, разъединение, расчленение’ (рус. аналог — наречное словосочетание «в разные стороны»), лингвокультурологически целесообразно интерпретировать как вербализацию концепта с условным названием «Разделение/отделение/рассогласование». Соответствующие семы — нередко с дальнейшим семантическим развитием в «отрицание» и даже в «противоположность» — отчетливо просматриваются в таких лексемах, как *дисгармония*, *дискурс*, *диспропорция*, *диссимилиация*, *диссонанс*, *диссоциация*, *дисфункция* и т.п.

В новейшей истории русского языка актуализация префикса **дис-** фиксируется в сущ. *диссидент* и таких производных от него, как *диссидентка*, *диссидентский*, *диссидентство*, *диссидентствовать*.

Диссидент восходит к лат. этимонам — прич. *dissidens (dissidentis)* ‘несогласный’ и глаголу *dissidere* ‘быть, вдали, отстоять, находиться далеко > быть несогласным > отличаться, противоречить > восставать, бунтовать’ (букв. исходный смысл ‘неровно сидеть’), складывающемуся из прист. *dis-* + *sidere* ‘сидеться; застревать, засесть’. На закате Советского Союза как коммунистического государства лексема *диссидент* стала распространенной в силу очевидной, хотя, как правило, неосознаваемой актуализации этимона префикса **дис-**.

По данным Г. И. Тираспольского, *диссидент* и производные от него — лексемы устаревающие; в стилистическом отношении *диссидент* и *диссидентство* трактуются им как книжные (*диссидентский* — без стилистических помет), *диссидент* — как разговорное, *диссидб* и *дисидб*, *диссер* в значении «диссидент» — как сниж. и пренебр.; фиксируется также омоним *диссидент* в значении «тот, кто дважды отбывал заключение в тюрьме или в лагере за свои политические убеждения» [Тираспольский, с. 105–106].

По нашим наблюдениям, реэтимологизации на основе семантической актуализации префикса **дис-** подвергается в научной среде и сущ. *диссертация* (из лат. сущ. *dissertatio* ‘рассуждение, изыскание, доклад’, от глагола *disserere* ‘разбирать, обсуждать > подробно говорить, рассуждать’, складывающегося из *dis-* + *serere* ‘сплетать, соединять > завязывать, начинать > обсуждать’), на что, безусловно, влияет широкое использование диссертантами сети Интернет, предполагающей обращение (по рус. аналогу *в разные стороны*) к самым разным и неожиданным источникам, в том числе принадлежащим различным сферам знания.

На сходных основаниях (с семантическим этимологом «в разные стороны») может быть прочитан и приобретший широкое распространение лингвистический (скорее, уже общенаучный) термин *дискурс* (из лат. сущ. *discursus* ‘беготня в разные стороны > движение, круговорот, непрерывное мелькание > беседа, разговор’, от глагола *discurrere* ‘бегать в разные стороны, разбегаться > разделяться > рассказывать, излагать’, складывающегося из прист. *dis-* + *currere* ‘бегать, спешить > уходить, проноситься’), поскольку существо понятия «дискурса» сводится к рассмотрению речи с позиций разных участников общения — как минимум, адресанта, адресата и речевой ситуации, что ведет к перифрастическому толкованию дискурса как «речи в жизни (в живой, реальной ситуации общения/сообщения)».

Менее очевидна реэтимологизация в случае сущ. *дискуссия*, особенно в применении к новому телевизионному жанру ток-шоу (из англ. *talk show*, букв. ‘демонстрация/зрелище/представление разговора’). По визуальному ряду (в визуальной модальности) — это действительно «зрелище разговора», по текстуальному (в вербальной модальности) — это *дискуссия*, в соответствии с лат. этимологом *discussio* ‘сотрясение > исследование, рассмотрение > финансовая ревизия’, от глагола *discutere* ‘разбивать, раздроблять > разгонять, рассеивать > расстраивать, опровергать > исследовать, обсуждать’, складывающегося из прист. *dis-* + *quatere* ‘трясти, потрясать > ударять, бить > колебать’; в современном прочтении ‘спор, обсуждение какого-л. вопроса на собрании, в печати, в беседе и т. п.’, в условиях актуализации указанных выше смыслов рус. заимствованного префикса *дис-*.

Морфосемантическое поле с фундирующим префиксом *де-*, восходящим к лат. этимону — предлогу и приставке *de...* (рус. соответствия — *из, от, с*), реализующим два основных значения: 1) отделение, удаление (например, *дегазация, демобилизация, демилитаризация, демобилизация, демонополизация*); 2) вниз (например, *деградация, деморализация*).

Лингвоконцептуальное соответствие этим значениям в новейшей истории русского языка находит только первое из указанных значений; соотносительный концепт с условным названием «Утрата/исчезновение» отчетливо просматривается в таких новых дериватах, как *десакрализация, десоветизация, дестабилизация* (и *дестабилизировать, дестабилизирующий*), *деструктивный* (по внутренней морфосемантической форме ‘способствующий утрате/исчезновению структуры (упорядоченности, структурированности)’, также *деструктивность, деструкция*), *деформация* (по внутренней форме ‘утрата и/или искажение формы, упорядоченности’, также *деформировать*), *децентрализация* (и *децентрализованный, децентрализованно, децентралистский*).

В заключение несколько слов о необходимости «защиты русского языка» от заимствований, о которой часто говорят в последние годы.

Любой профессиональный филолог знает: язык — саморазвивающаяся и саморегулирующаяся система. Ее функционирование и развитие обусловлены как внутренними, так и внешними факторами — как собственно лингвистическими, так и внеязыковыми, в том числе межнациональным и межкультурным

взаимодействием. «Защитить» язык от заимствований можно только одним способом — установить «железный занавес», преграждающий пути межкультурного взаимодействия, обеспечить искусственную изоляцию национальной культуры. Целесообразность и даже сама возможность установки такого барьера в обсуждении не нуждаются.

Рассмотренный в данной работе материал однозначно свидетельствует: заимствованные элементы занимают в лингвоконцептуальной системе специфическую нишу, тем самым развивая и обогащая наше главное национальное достояние — русский язык. От «ненужных» заимствованных элементов, периодически появляющихся в русской речи, язык освободится сам; мы можем помочь только в том, чтобы процессы самоочищения развивались более эффективно. Наилучший способ — развитие общей культуры говорящих, национально-патриотическое воспитание, забота об «экологии духа», поскольку экология языка строится не на собственно лингвистическом, а на духовно-нравственном основании.

-
- Бердяев Н. А.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990.
- Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество: (из размышлений о религиозных идеалах русской интеллигенции) // Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество. М., 1992.
- Вепрева И. Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М., 2005.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 2. Репринт. изд. М., 1999.
- Дворецкий И. Х.* Латино-русский словарь. М., 1976.
- Караулов Ю. Н.* Частотный словарь семантических множителей русского языка. М., 1980.
- Караулов Ю. Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.
- Колесов В. В.* Философия русского слова. СПб., 2002.
- Колесов В. В.* Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2007.
- Кондаков И. В.* Культурология : история культуры России : курс лекций. М., 2003.
- Крысин Л. П.* Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Рус. яз. конца XX столетия (1985—1995). М., 1996.
- Крысин Л. П.* Современный русский интеллигент : попытка реч. портрета // Рус. яз. в науч. освещении. 2001. № 1. С. 146—155.
- Курицын В.* Русский литературный постмодернизм. М., 2000.
- Лексикон* нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / под ред. В. В. Бычкова. — М., 2003.
- Маньковская Н. Б.* Эстетика постмодернизма. СПб., 2000.
- Неретина С. С., Огурцов А. П.* Концепты политического сознания [Электронный ресурс] // Полит. концептология : журн. меадисциплинар. исслед. 2009. № 1—2. URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2009.1/contents.html>.
- Новейший большой* толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.; М., 2008.
- Новейший философский* словарь. 2-е изд. / сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов. Минск, 2001.
- Овсяннико-Куликовский Д. Н.* Литературно-критические работы : в 2 т. Т. 2 : Из «Истории русской интеллигенции». Воспоминания. М., 1989.
- Постмодернизм* : энциклопедия / сост. и ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. Минск, 2001.

Русский ассоциативный словарь : в 2 т. Т. 1 : От стимула к реакции : около 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов [и др.]. М., 2002.

Русский семантический словарь : опыт автомат. построения тезауруса : от понятия к слову / Ю. Н. Караулов [и др.]. М., 1982.

Сивова А. А. Переходные способы деривации в публицистике конца XX — начала XXI в. // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы : тр. и материалы / под общ. ред. К. Р. Галиуллина. Казань, 2004. С. 36–37.

Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература : учеб. пособие. М., 2001.

Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. Т. 3. М., 1984.

Степанов Ю. С. Константы : Словарь русской культуры. 2-е изд. М., 2001.

Тираспольский Г. И. Словарь политической борьбы : материалы 1988–1996 гг. Сыктывкар, 2006.

Толковый словарь русского языка конца XX в. : языковые изменения / под ред. Г. Н. Скляревой. СПб., 1998.

Трубачев О. Н. Приемы семантической реконструкции // Сравнит.-ист. изучение языков разных семей. Теория лингвист. реконструкции. М., 1988. С.197–222.

Уилбер К. Интегральная психология : Сознание. Дух. Психология. Терапия : пер. с англ. / под ред. А. Киселева. М., 2004.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 2. М., 1986.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. Т. 1. М., 2001.

Чугунова С. А. «Движение времени» у представителей разных культур : монография. Брянск, 2009.

Яничук В. А. Психология на рубеже третьего тысячелетия. Поиски парадигмальных координат, способа теоретизирования и метода исследования // Адукацыя і выхаванне. 1999. № 8. С. 15–19.

Статья поступила в редакцию 11.02.2010 г.

УДК 81'373.611 + 81'373.43

О. В. Григоренко

НОВЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ГНЕЗДА С ВЕРШИНОЙ-НЕОЛОГИЗМОМ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА

Анализируются новые словообразовательные гнезда, вершиной которых являются неологизмы — наименования лиц. Рассматриваются структурно-семантические особенности словообразовательных гнезд, характеризуется состав словообразовательных гнезд, определяется специфика входящих в состав гнезд комплексных единиц словообразования — словообразовательных пар, цепочек и парадигм.

К л ю ч е в ы е с л о в а : неологизмы, наименования лиц, деривация, словообразовательные парадигмы.

Разноаспектный анализ словообразовательных гнезд в системе русского языка в настоящее время занимает важное место среди исследований, выполненных в русле современной дериватологии (см., в частности, исследования А. Н. Тихонова, Е. Л. Гинзбург, И. С. Улуханова, И. А. Ширшова, С. С. Белокрыницкой,

Е. А. Земской, А. М. Зализняка, Т. А. Санаевой, Л. В. Рацибурской и др.), в то время как ранее длительное время в центре внимания дериватологов находились главным образом конструкции бинарные, состоящие из производящего и производного слова. Ср.: «Словообразовательная семантика связи слов, входящих в гнездо, обычно изучалась недостаточно и односторонне: устанавливались связи с одним («ближайшим») словом гнезда и оставались без внимания другие связи. Лишь в самое последнее время появились работы, в которых рассматриваются гнезда в целом. Однако связи слов в гнезде все еще остаются неописанными и нерасклассифицированными» (Улуханов, с. 21). Весьма актуальным и перспективным направлением дериватологических исследований является изучение словообразовательных гнезд в преломлении к проблемам неологии и неографии. Особенно интересным представляется анализ новых словообразовательных гнезд, возникновение которых обусловлено появлением значительного числа неологизмов, в первую очередь заимствований.

В настоящее время существует большое количество работ, посвященных анализу неологизмов русского языка. Среди них особое место занимают исследования, направленные на изучение деривационных особенностей неогенной лексики: с одной стороны, это работы по изучению специфики возникновения новых производных в русском языке (работы Л. В. Рацибурской, Н. С. Валгиной, Е. А. Земской, Т. В. Поповой, Н. А. Янко-Триницкой, И. А. Нефляшевой, Л. Ю. Касьяновой и др.), а с другой стороны — исследования по изучению деривационного потенциала неологизмов (работы Т. В. Поповой, Л. А. Араевой, Л. А. Барановой, Г. Н. Алиевой, М. Н. Золотаревой и др.).

Деривационный потенциал неологизма понимается как его способность выступать в качестве производящей базы для образования новых слов посредством определенных способов словообразования (в первую очередь морфологических). При этом специфическим случаем реализации деривационного потенциала, показателем высокой словообразовательной активности является возможность нового слова формировать словообразовательные гнезда. Конец XX — начало XXI в., будучи этапом динамических количественно-качественных лексико-семантических изменений, демонстрирует также процессы активного расширения старых словообразовательных гнезд и появления новых деривационных структур подобного типа. В связи с этим к чрезвычайно важным и актуальным проблемам современной неологии следует отнести не только необходимость определения места современных неологизмов в системе узусальных словообразовательных гнезд русского языка, но и комплексный анализ структурно-семантических особенностей новых словообразовательных гнезд, вершиной которых являются неологизмы.

Весьма богатый материал для подобного анализа представляют собой неологизмы — наименования лиц как составляющие одного из самых неогенных участков лексической системы современного русского языка. В состав новых узусальных единиц со значением лица входят разнородные в генетическом отношении словесные знаки: 1) внешние заимствования (например: *бодигард* (англ. *body-guard*), *копирайтер* (англ. *copy writer*), *кутюрье* (франц. *couturier*), *кавист* (фр. *caviste*), *напарницы* (ит. *paparazzi*), *бариста* (ит. *barista*),

мачо (исп. *tacho* — самец); 2) внутренние заимствования (например: *лох* — пренебр. 'излишне доверчивый человек, которого легко обмануть; простак; жертва мошенников; непрофессионал', *законник* — то же, что *вор в законе*, *кидала* — 'мошенник, вымогающий деньги под разными предложениями и не выполняющий обязательств; аферист' и др.); 3) словообразовательные неологизмы (например: *интернетчик*, *силовик*, *сатанист*, *посткоммунист*, *вернопутинец*, *вирусоноситель*, *порнозвезда* и др.); 4) семантические неологизмы (например: *гастролер* — преступник, совершающий преступления за пределами территории своего обычного проживания, *зомби* — человек, подвергшийся специальной насильственной обработке психики с целью внушения ему каких-либо указаний, установления контроля над его поведением, и др.).

Указанные типы неологизмов характеризуются разной степенью словообразовательной активности и словообразовательной производности. Например, в составе иноязычной заимствованной лексики выделяется группа неологизмов с нулевой словообразовательной производностью; данные единицы в настоящее время не имеют в русском языке никаких производных (ср.: *напарацци*, *яппи*, *якудза*, *бариста*, *хостес* и др.). Среди новых наименований лиц к неологизмам с нулевой словообразовательной производностью относятся несклоняемые существительные иноязычного происхождения. С другой стороны, многие заимствования, а также словообразовательные неологизмы чрезвычайно активны в деривационном плане (при этом словообразовательные неологизмы сами выступают в роли дериватов). Образование новых слов от наименований лиц осуществляется по наиболее активным в настоящее время словообразовательным моделям. Ср., например, образование наименований лиц женского пола от соответствующих номинаций лиц мужского пола: *дилер* — *дилерша*, *керлингист* — *керлингистка*, *неокоммунист* — *неокоммунистка*, *пиарщик* — *пиарщица* и др.; образование прилагательных: *видеопират* — *видеопиратский*, *игроман* — *игроманский*, *копирайтер* — *копирайтерский*, *наркодилер* — *наркодилерский*, *промоутер* — *промоутерский* и др.).

Массовый приток однокоренных заимствований создает условия для их словообразовательной членимости на русской почве. В настоящее время как параллельные заимствования функционируют в русском языке такие единицы, как *кайт* — *кайтер* — *кайтинг*, *дилер* — *диллинг*, *бодибилдер* — *бодибилдинг*, *скейтборд* — *борд* — *сноуборд* — *бордер* — *скейтбординг* — *сноубординг* и др., *грумер* — *грумлинг*, *джоггер* — *джоггинг*, *дриблер* — *дриблинг* и т. д. По мнению исследователей, в настоящее время во многих европейских языках увеличивается число англицизмов, в составе которых присутствуют хорошо вычленимые суффиксальные элементы **-er**, **-ing**. А. Э. Рыцарева приводит мнение М. Гёрлаха, составителя словаря англицизмов, функционирующих в европейских языках [см.: A Dictionary...]: «Очевидно, что процесс интенсивного заимствования достиг такого уровня, на котором морфемы **-er** и **-ing** правильно интерпретируются говорящими в большинстве языков, особенно при вычленении из отдельного слова» (цит. по: Рыцарева, с. 66). При этом вопрос о словообразовательной производности подобных слов, а следовательно, об их месте в структуре словообразовательного гнезда на современном этапе развития русского языка

не может быть решен однозначно. Ср., в частности, следующие мнения: «Словообразовательный суффикс сам по себе не может быть вычленен из заимствованных слов, если в нем не вычленена образующая основа, вычлененная не только формально, но и семантически» (Добродомов, с. 260); «Фактором, способствующим развитию способности некоторых таких слов к членению в русском языке, служит заимствование соотносительных пар слов: *скайсерфинг* — *скайсерфер*, *кикбоксинг* — *кикбоксер*, *бодибилдинг* — *бодибилдер*. Однако говорить в этом случае о наличии словообразовательной структуры слова не приходится, так как в русском языке отсутствует производящая база для этих слов» [Сологуб, с. 130].

Тем не менее изучение новых словообразовательных гнезд (СГ) представляется весьма перспективным исследованием на современном этапе развития русского языка, отражающим синхронное состояние лексической системы. Как показал анализ, в настоящее время в современном русском языке функционирует около 50 новых наименований лиц, которые, выступая в качестве вершины, формируют новые словообразовательные гнезда. К таким единицам в большинстве своем относятся иноязычные заимствования типа *байер*, *бейсер*, *бодигард*, *бутлегер*, *гей*, *диггер*, *дилер*, *дистрибьютор*, *инсайдер*, *коллектор*, *копирайтер* и др. «Как известно, словообразовательная активность иноязычного лексического элемента, его способность служить базой для создания производных слов с помощью аффиксальных средств заимствующего языка — один из показателей укоренения заимствования в этом языке. Эти показатели — фонетическое и графическое освоение заимствования, включение его в систему грамматических форм, стабилизация лексического значения, более или менее широкая и, главное, регулярная употребляемость в речи — в совокупности составляют условия полной адаптации иноязычного элемента в языке-реципиенте» [Крысин, с. 15].

Единичные словообразовательные гнезда формируются аббревиатурными неологизмами со значением лица (ср. СГ с вершиной-существительным *бомж*), жаргонными единицами, возникшими на русской почве (ср. СГ с вершиной *лох*). В качестве самостоятельных СГ нами рассматриваются такие словообразовательные структуры, которые формируются на базе семантических неологизмов, демонстрирующих кардинальные различия в системе дериватов по сравнению с единицами, послужившими семантической базой для становления и развития у лексемы нового значения «человек» (ср., в частности, СГ таких единиц, как *модель*, *челнок*, употребленных в разных значениях).

СГ являются одной из специфических лингвистических классификаций лексического состава языка. По мнению Э. П. Кадькаловой, «выстраивая в отношении первичности — вторичности слова разных тематических, семантических, грамматических и функциональных характеристик, они более других подразделений металингвистики приближаются к образу живой лексической системы и становятся одним из самых перспективных источников ее объяснительного изучения» [Кадькалова, с. 229—230]. Обладая устойчивостью и стабильностью, словообразовательное гнездо вместе с тем выступает открытой системой, способной к развитию, что ставит данное языковое образование в ряд самонастраивающихся систем [Казак, с. 54].

С учетом существующих в современной дериватологии дефиниций СГ наиболее приемлемым представляется определение данной языковой единицы как единицы словообразовательного уровня, а именно как иерархически упорядоченной интеграции сосуществующих однокоренных слов, связанных отношениями производности и объединенных в структуре гнезда в словообразовательные пары, цепочки и парадигмы (см. работы А. Н. Тихонова, Е. А. Земской, И. С. Улуханова и др.). Каждое словообразовательное гнездо состоит из вершины и производных — слов-дериватов.

В структурно-количественном отношении в анализируемом материале выделяются следующие СГ: бинарные (двучленные), трехчленные, четырехчленные и т. д.

Бинарные (двучленные) СГ представлены вершиной СГ и одним производным. Они составляют незначительную часть от общего числа словообразовательных гнезд с вершиной, представленной новой единицей со значением лица. Так, в качестве бинарных СГ нами отмечены такие гнезда, вершиной которых являются следующие агентивы-неологизмы: *кетчер* (*кетчерский*), *питчер* (*питчерский*), *тейп* (*тейповый*) и др. Трехчленные СГ включают, помимо вершины, еще два деривата. В исследуемом материале к трехчленным СГ относятся гнезда, в которых вершинами являются такие неологизмы — наименования лиц, как *байер* (*байерша*, *байерский*), *бодигард* (*бодигардский*, *бодигардовский*), *скальпер* (*скальперский*, *скальперство*), *фейкер* (*фейкерский*, *фейкерство*) и некоторые другие. Однако более распространены в современном русском языке словообразовательные гнезда, в составе которых четыре и более членов. Так, к четырехчленным (вершина и три производных) мы относим словообразовательные гнезда с вершинами *бутлегер* (*бутлегерша*, *бутлегерский*, *бутлегерство*), *джоббер* (*джоббер*, *джобберский*, *джобберство*); *коллектор* (*коллекторский*, *коллекторство*, *коллекторствовать*) и др. Пять и более членов отмечается в словообразовательных гнездах с вершинами *ламер* (*ламерша*, *ламерский*, *ламерство*, *ламерствовать*), *моджахед* (*моджахедский*, *моджахедство*, *моджахедствовать*, *моджахедствующий*, *по-моджахедски*); *путана* (*путанский*, *путанка*, *путанить*, *путанство*, *путанствовать*, *путанствующий*, *суперпутана*, *экс-путана*), *риелтор* (*риелторский*, *риелторша*, *риелторство*, *риелторствовать*, *риелторствующий*, *по-риелторски*) и т. д.

Одним из многочленных является словообразовательное гнездо с вершиной *гей*. В составе данного гнезда, по нашим подсчетам, обнаруживается более 25 членов. Данное гнездо представляет собой открытую структуру, поскольку вершина гнезда, лексема *гей*, в период своего активного вхождения в русский язык функционировала как существительное, а затем, наряду с этим, приобрела черты и свойства аналитического прилагательного, что породило огромное число сложных слов, в которых первая часть была представлена именно данной единицей в значении «относящийся к геям». В результате в составе словообразовательного гнезда отмечаются как производные, мотивированные собственно существительным (*гейский*, *гейство*), так и единицы, имеющие опосредованную связь с субстантивом (*гей-парад*, *гей-клуб*, *гей-икона*, *гей-сообщество*,

гей-тусовка, гей-концерт, гей-артист, гей-активист и т. д.). Единицы словообразовательного гнезда с вершиной *гей* активны, актуальны и частотны на страницах современной периодической печати. Ср.: *Но нельзя на основании приверженности этим общим взглядам отождествлять, например, крупных ученых-естественников с активистами гей-сообщества или сатанистами* (Новая газета, 2009, 27 окт.); *Организаторы московского гей-парада получили из столичной прокуратуры официальный отказ в возбуждении уголовного дела в отношении мэра Москвы Юрия Лужкова, которого представители сексуальных меньшинств обвинили в воспрепятствовании проведению их акций* (Новая газета, 2010, 7 июня); *Однако времена менялись, хвастать гейством сначала стало немодным, а потом и просто опасным для общественной жизни* (Новая газета, 2005, 6 окт.) и др.

Как уже было отмечено, основными единицами словообразовательного гнезда являются словообразовательная пара, словообразовательная цепочка и словообразовательная парадигма.

Поскольку предметом рассмотрения являются словообразовательные гнезда с вершиной, представляющей собой существительное со значением лица, то следует предположить, что структура сформированных данными неологизмами гнезд будет иметь определенное сходство в аспекте реализации деривационных возможностей исходного слова. Как показал анализ, образование некоторых производных имеет регулярный характер, что в первую очередь находит отражение в специфике образования словообразовательных пар.

Достаточно регулярно от неологизмов — наименований лиц, выступающих в качестве вершины словообразовательного гнезда, образуются существительные, обозначающие лицо женского пола. Данные единицы представляют собой стилистически сниженные суффиксальные производные, образованные либо с помощью суффикса **-ш(а)**, либо с помощью суффикса **-к(а)**. Так, в качестве словообразовательных пар в составе анализируемых словообразовательных гнезд нами отмечены следующие: *байер* → *байер-ш(а)*; *бутлегер* → *бутлегер-ш(а)*; *диггер* → *диггер-ш(а)*; *лузер* → *лузер-ш(а)*; *тьютор* → *тьютор-ш(а)*; *трансвестит* → *трансвестит-к(а)*; *шахид* → *шахид-к(а)* и др. В некоторых словообразовательных гнездах представлены словообразовательные пары с производными наименованиями лиц женского пола как с суффиксом **-к(а)**, так и с суффиксом **-ш(а)**. Ср.: *растаман* → *растаман-ш(а)*; *растаман* → *растаман-к(а)*; *респондент* → *респондент-ш(а)*; *респондент* → *респондент-к(а)*; *тинейджер* → *тинейджер-ш(а)*; *тинейджер* → *тинейджер-к(а)*.

Регулярными словообразовательными парами в составе ряда словообразовательных гнезд являются пары, в которых производный дериват, находящийся на первой ступени словообразовательной производности, представляет собой прилагательное, образованное от вершины словообразовательного гнезда суффиксальным способом при помощи суффикса **-ск(ий)** (например: *диггер* → *диггер-ск(ий)*; *пушер* → *пушер-ск(ий)*; *дистрибьютор* → *дистрибьютор-ск(ий)*; *инсайдер* → *инсайдер-ск(ий)* и др.), а также пары, включающие суффиксальный субстантивный дериват со значением отвлеченного действия, процесса (в качестве словообразовательного форманта в производном слове выступает

суффикс **-ств(о)** (например: *бутлегер* → *бутлегер-ств(о)*; *риэлтор* → *риэлтор-ств(о)*; *скальпер* → *скальпер-ств(о)*; *киллер* → *киллер-ств(о)* и др.). В некоторых случаях производные имена существительные с суффиксом **-ств(о)** обозначают состояние человека, дают характеристику временного промежутка (например: *тинейджер* → *тинейджер-ств(о)*; *лузер* → *лузер-ств(о)*; *трансвестит* → *трансвестит-ств(о)*; *хардлайнер* → *хардлайнер-ств(о)* и др.).

В составе словообразовательных гнезд выделяются и менее регулярные словообразовательные пары. Так, в ряде словообразовательных гнезд встречается пара, в которой на первой ступени словообразовательной производности находится дериват, представляющий собой существительное, образованное приставочным способом. В качестве регулярных приставок используются приставки **супер-** и **экс-** (*модель* → **супер***модель*; *модель* → **экс-***модель*; *легионер* → **супер***легионер*; *легионер* → **экс-***легионер*; *путана* → **супер***путана*; *путана* → **экс-***путана*; *мачо* → **супер***мачо*; *лузер* → **супер***лузер* и др.). Интересными представляются также пары, в которых производная единица является аффиксоидальным образованием. В большинстве случаев в процессе деривации используется префиксоиды типа **секс-**, **порно-**, **фото-**, **кино-**, **топ-** и т. д. (*модель* → **секс-***модель*; **фото***модель*; **порно***модель*; **топ-***модель*; *мачо* → **секс-***мачо*; *легионер* → **топ-***легионер* и др.).

Регулярными следует рассматривать отмеченные в некоторых словообразовательных гнездах словообразовательные пары, в составе которых на первой ступени производности находится глагольный суффиксальный дериват (в качестве словообразовательного форманта используются суффиксы **-и(ть)**, **-ирова(ть)** (например: *растаман* → *растаман-и(ть)*; *лузер* → *лузер-и(ть)*; *челнок* → *челноч-и(ть)*; а также: *спонсор* → *спонс-ирова(ть)*; *зомби* → *зомб-ирова(ть)* и др.).

В качестве регулярных следует рассматривать некоторые словообразовательные пары в составе словообразовательного гнезда, в которых производное слово находится уже на второй или на третьей ступени словообразовательной производности. В этих случаях в качестве производящей базы выступает уже не вершина словообразовательного гнезда, а дериват первой (второй и т. д.) ступени. Ср., в частности, достаточно регулярное образование наречий префиксально-суффиксальным способом, в которых в качестве словообразовательного форманта выступает префикс **по-** и суффикс **-и**. Например: *диггерский* (II) → **по-***диггерск-и*; *инсайдерский* (II) → **по-***инсайдерск-и*; *риэлторский* (II) → **по-***риэлторск-и* и др.

В качестве нерегулярных словообразовательных пар функционирует значительное число бинарных оппозиций, в которых производные находятся либо на первой, либо на последующих ступенях словообразовательной производности. В качестве примеров приведем лишь некоторые из них: *лох* → *лох-ушк(а)*; *лох* → *лох-(о)трон*; *электрат* → *электора-(ль)н(ый)*; *крейзи* → *крейз-анут(-ый)*; *бомж* → *бомж-овк(а)*; *бомж-ульк(а)*; *бомж-онок*; *бомж-ева(ть)* и др.; *модель* → *модель-мен*; *челночить* → *челноч-ник* и др.

Словообразовательные цепочки, представляя собой ряд однокоренных слов, связанных отношениями словообразовательной производности, включают

вершину словообразовательного гнезда и два и более производных, составленных из словообразовательных пар. Многие регулярные пары являются составными частями регулярных словообразовательных цепочек. Ср., в частности: *диггер* → *диггер-ск(ий)* → *по-диггерск-и*; *инсайдер* → *инсайдер-ск(ий)* → *по-инсайдерск-и*; *лузер* → *лузер-ск(ий)* → *по-лузерск-и*; *растаман* → *растаман-ск(ий)* → *по-растаманск-и*; *риэлтор* → *риэлтор-ск(ий)* → *по-риэлторск-и*; *моджахед* → *моджахед-ск(ий)* → *по-моджахедск-и* и другие сходные словообразовательные цепочки. В исследуемом материале представлены также и нерегулярные словообразовательные цепочки, которые, как правило, встречаются в одном словообразовательном гнезде. Например: *зомби* → *зомбировать* → *зомбировщик* → *зомбировщица*; *спонсор* → *спонсировать* → *проспонсировать*; *челнок* → *челночить* → *челночник* → *челночница*; *лох* → *лохотрон* → *лохотронщик* → *лохотронщица* и некоторые другие.

В составе исследуемых словообразовательных гнезд как отдельные составляющие комплексные единицы выделяются словообразовательные парадигмы, представляющие собой совокупность мотивированных слов, имеющих одну и ту же мотивирующую основу и находящихся на одной ступени деривации. Подобно тому как есть регулярные словообразовательные пары, регулярные словообразовательные цепочки, так и существуют регулярные словообразовательные парадигмы. Например:

<i>дистрибьютор</i> →	<i>дистрибьютор-ск(ий)</i>
	<i>дистрибьютор-ств(о)</i>
	<i>дистрибьютор-ствова(ть)</i>
	<i>дистрибьютор-ш(а)</i>

Как видно из приведенной схемы словообразовательной парадигмы, на первой ступени словообразования находится три деривата, образованные суффиксальным способом: прилагательное с суффиксом **-ск(ий)**, отвлеченное существительное с суффиксом **-ств(о)**, глагол с суффиксом **-ствова(ть)** и существительное — наименование лица женского пола с суффиксом **-ш(а)**. Аналогичные дериваты обнаруживаются на первой ступени словообразования и в других словообразовательных гнездах, что говорит о регулярности представления данной парадигмы в нескольких словообразовательных гнездах с вершинной-неологизмом со значением лица. Ср., в частности:

<i>инсайдер</i> →	<i>инсайдер-ск(ий)</i>
	<i>инсайдер-ств(о)</i>
	<i>инсайдер-ствова(ть)</i>
	<i>инсайдер-ш(а)</i>

В то же время существуют и более своеобразные и специфичные словообразовательные парадигмы. Так, например, на первой ступени словопроизводства у лексемы *спонсор* находится 9 дериватов, которые вместе с производящим словом образуют следующую парадигму:

спонсор →

спонсорский
спонсорство
спонсор-ш(а)
спонсор-инг
спонс-ирова(ть)
спонсор-ну(ть)
супер-спонсор
топ-спонсор
экс-спонсор

На второй ступени словообразования в данной гнезде находятся другие дериваты, которые, в частности, входят в следующую словообразовательную парадигму:

спонс-ирова(ть) →

про-спонсировать
за-спонсировать
от-спонсировать
пере-спонсировать
до-спонсировать
недо-спонсировать
спонсирова-ниѝ(е)

С учетом входящих в состав лексических единиц, а также с учетом сформированных ими в составе гнезда комплексных единиц словообразования (словообразовательных пар, словообразовательных цепочек и словообразовательных парадигм) многим исследователям представляется возможным выделение различных типов словообразовательных гнезд на основе их структурных признаков. Исследователь Т. А. Гревцева подробно освещает данный вопрос и возможные варианты типологии гнезд. В качестве основных типов словообразовательных, по ее мнению, гнезд выступают следующие разновидности: 1) СГ-пары слов — производящее слово и его единственное производное как результат замкнутого, одноактного словообразования; 2) СГ-цепи (цепочки) слов (цепочечные гнезда) как результат последовательного словообразования: единственное производное исходного слова становится производящим для единственного же производного второй степени производности и т.д.; 3) СГ-пучки (веера) слов (веерные гнезда) как результат параллельного словообразования: от исходного производящего образуется несколько производных (два и более) на первой степени производности; 4) СГ-деревья — комплексы цепочек и вееров слов (комплексные гнезда), результат последовательного и параллельного словообразования [см.: Гревцева, с. 93–95].

В исследуемом нами материале отмечены единичные словообразовательные гнезда-пары, которые соответствуют бинарным словообразовательным гнездам; словообразовательных гнезд-цепочек с вершиной, представленной новым словом, имеющим значение «лицо, человек», не зафиксировано. В абсолютном большинстве случаев новые наименования лиц дают начало веерным гнездам

(соответствующим словообразовательным парадигмам) и комплексным гнездам.

Как показал анализ, наиболее распространены комплексные гнезда (гнезда-деревья). Ср., в частности, следующие СГ, являющиеся примерами вееро-цепочечных гнезд:

<i>диггер</i>	→	<i>диггер-ш-а</i> <i>диггер-ск-ий</i> → <i>диггер-ств-о</i> <i>диггер-ствова-ть</i>	→	<i>по-диггерск-и</i>
<i>лох</i>	→	<i>лох-ушк-а</i> <i>лош-их-а (жарг.)</i> <i>лох-(о)трон</i> →	<i>лохотрон-щик</i> →	<i>лохотрон-щиц-а</i>
			<i>суперлохотрон</i> <i>лохотрон-и-ть</i> →	<i>за-лохотронить</i> <i>от-лохотронить</i>
		<i>лох-(ов)ск-ий</i> →		<i>по-лоховск-и</i>

Преобладание веерных и комплексных гнезд над парными и цепочечными СГ свидетельствует о высоком деривационном потенциале неологизмов — наименований лиц.

Следует обратить внимание также на тот факт, что проанализированные нами словообразовательные гнезда представляют собой открытые структуры, активно пополняемые новыми единицами, что изменяет не только состав, но и структуру соответствующих гнезд в сторону их дальнейшего усложнения. Представляется, что изучение неологизмов русского языка с учетом их словообразовательной активности при соотношении с существующими словообразовательными гнездами предоставляет, кроме того, основания для прогнозирования нового производного, который рано или поздно может заполнить соответствующую словообразовательную лауну.

Таким образом, анализ СГ с вершиной-неологизмом — наименованием лица позволяет показать не только значимость данного фрагмента в общей системе неогенных лексических единиц, но также выявить их особенный деривационный потенциал, способствующий развитию словарного состава русского языка на современном хронологическом срезе и в перспективе его развития.

Гревцева Т. А. Структурно-семантическая организация словообразовательных гнезд с исходным морфологически несклоняемым существительным в современном русском языке : дис. ... канд.филол. наук. Липецк, 2004. .

Добродомов И. Г. Проблемы заимствования морфем // Актуал. пробл. рус. словообразования. Ч. 1. Самарканд. 1972.

Кадькалова Э. П. К перспективам изучения словообразовательных гнезд // Актуал. пробл. рус. словообразования : материалы VII междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию проф. А. Н. Тихонова. Елец, 2001.

Казак Ю. М. Интегративный подход к описанию словообразовательного гнезда // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2004. № 2. С. 54–61.

Крысин Л. П., Ю Хак Су. О словообразовательных возможностях иноязычных неологизмов // Филол. науки. 1998. № 3. С. 15–21.

Рыцарева А. Э. Прагмалингвистический аспект интернациональной лексики (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.

Сологуб О. П. Усвоение иноязычных структурных элементов в русском языке // Наука. Университет. 2002 : материалы III науч. конф. Новосибирск, 2002. С. 130 – 134.

Улуханов И. С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М., 2005.

A Dictionary of European Anglicisms: A Usage Dictionary of Anglicisms in Sixteen European Languages / ed. by Manfred Gortlach. Oxford, 2005.

Статья поступила в редакцию 04.06..2010 г.

УДК 811.161.1'367.627 + 811.512.145'367.627

А. А. Билялова

ФАКУЛЬТАТИВНОСТЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Анализируются факультативные варианты в сфере склонения числительных в русском и татарском языках, которые появляются в результате активных трансформаций в словоизменении числительных. Дается краткая характеристика факультативности и подчеркивается необходимость изучения данного явления в языке.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русский язык, татарский язык, факультативность, имя числительное, трансформации в словообразовании, факультативные и облигаторные варианты.

Явление факультативности как иррегулярности употребления грамматических показателей впервые было отмечено в китайском языке и занимает особое место в грамматической проблематике китайского и некоторых других языков Восточной и Юго-Восточной Азии. Еще в тридцатые годы французский ученый А. Масперо выдвинул идею, основанную на самом факте наличия в языке феномена факультативности. Согласно его концепции, имеющиеся в языке формальные элементы используются в речи чисто субъективно, т. е. факультативность употребления формальных показателей в китайском языке имеет абсолютный характер. Однако последующее изучение закономерностей использования формальных показателей в китайском языке не подтвердило справедливости взглядов А. Масперо относительно абсолютного характера факультативности. Термин «факультативность» получил самое широкое употребление в работах европейских ученых, посвященных описанию языков изолирующей

типологии, в конце 50-х гг. XX в. В отечественном научном арсенале накоплен определенный опыт в описании факультативности, однако в лингвистической литературе нет единства в понимании и трактовке данного языкового феномена: одни ученые рассматривают факультативность на фоне избыточности и экономии языковых средств, другие видят в ней эллипсис, третьи — необязательную сочетаемость. Отметим, что проблема факультативности представляет интерес для лингвистов в области любых языков. Так, Е. М. Быкова, исследовавшая бенгальский язык, который относится к группе агглютинативных языков, признает существование факультативности в языке как возможность использования/неиспользования служебного элемента грамматической единицы. «Эта возможность, — пишет Е. М. Быкова в статье «Факультативность?», — является одной из характерных черт нефлективных языков, в грамматической структуре которых агглютинация занимает ведущее место, и возможное использование и «опущение» элемента данной грамматической единицы встречается довольно часто» [см.: Быкова, с. 16]. Г. Д. Санжеев, исследователь монгольского языка, под факультативностью понимает возможность синонимично заменять другим без существенного изменения в плане содержания, например: *бурхан тура* и *бурханай тура* (храм), *зочид буудал* и *зочдын буудал* (гостиница). Ссылаясь на данные по истории монгольского языка, ученый делает вывод о том, что особую важность представляет изучение явления факультативности в тесной связи с д и а х р о н и е й. Весьма важным в изучении проблемы факультативности он считает то, что задача исследователя явлений факультативности в языке должна заключаться в выяснении того, какие единицы языка (фонемы, морфемы, слова и грамматические средства), когда и при каких условиях могут однозначно выступать одна вместо другой. [см.: Санжеев, с. 85]. Значительный вклад в методологию объяснения факультативности был внесен Л. Н. Кисилевой. В статье «Несколько замечаний по вопросу о факультативности», исследуя проблему факультативного использования языковых средств в языке дари, она обращает внимание на то, что о факультативности следует говорить в связи с вариантами языковых единиц — фонем, морфем, слов, конструкций, возникающих в процессе их реализации в речи [см.: Кисилева, с. 44]. Таким образом, ученый тесно связывает факультативность с вариантностью, ссылаясь на определения факультативности такими учеными, как О. С. Ахманова, которая, анализируя термины «факультативная фонема» и «факультативный вариант», противопоставляет им понятия не свободно-го, позиционно обусловленного варианта [см.: Ахманова, с. 565]. Проблема факультативности в отечественной лингвистике наиболее подробно освещается в работах крупнейшего исследователя изолирующих языков В. М. Солнцева. Определение, которое В. М. Солнцев дает явлению факультативности, является, пожалуй, наиболее полным и развернутым. Он пишет: «Под факультативностью можно понимать свободу (или возможность) опущения или, наоборот, употребление в речевой цепи в рамках слова, словосочетания или предложения того или иного языкового элемента, его изменения или изменение порядка следования языковых элементов при двух условиях: а) отсутствие изменения грамматических отношений между языковыми элементами в речевой

цепи и б) отсутствие заметного изменения выражаемого значения или смысла» [Солнцев, с. 95]. В рамках статьи мы не претендуем на исчерпывающее перечисление всех научных трудов, посвященных проблеме факультативности, но даже отмеченные нами работы обуславливают пестроту в определении и понимании данного языкового явления. При всем разнообразии существующих трактовок, однако, представляется возможным, взяв за основу определение факультативности, данное В. М. Солнцевым, добавить, что сама факультативность может проявляться только при наличии варианности, которая порождает облигаторные и факультативные речевые варианты. Таким образом, под факультативным вариантом мы понимаем функционирующую в языке речевую модификацию, которая существует наряду с кодифицированным литературным облигаторным вариантом в определенных лингвистических и экстралингвистических условиях.

На протяжении вот уже нескольких лет лингвисты говорят о трансформации, которой подвергаются имена числительные в современной речи. Активная реализация подобных языковых тенденций, вызывающая определенные трансформации в склонении числительных, приводит к появлению речевых вариантов в их употреблении. Предметом рассмотрения в данной статье будут так называемые факультативные варианты склонения числительных в русском и татарском языках. Актуальность данного исследования следует рассматривать не только в теоретическом, но и в практическом плане, поскольку сегодняшнее состояние языка вызывает серьезную озабоченность в вопросах стирания и неумеренной подвижности границ языковых норм.

Следует отметить, что, несмотря на то, что имя числительное в анализируемых языках является лексически замкнутой категорией (насчитывает всего несколько десятков слов и не пополняется новообразованиями), даже здесь, в довольно ограниченной группе слов, можно наблюдать случаи вариантного использования. Рассмотрим некоторые случаи проявления факультативности в сфере русского числительного.

• Довольно часто факультативность наблюдается в области склонения русского составного числительного. Как известно, в русских составных числительных нормативная грамматика в строгой письменной речи рекомендует склонять все входящие в его состав элементы (например: *с тремя тысячами четырьмястами шестьюдесятью пятью рублями*). Ярким распространенным явлением при склонении составных числительных является тенденция к упрощению в склонении числительных. В формообразовании современных числительных происходят сдвиги, которые отражают «приемы приспособления архаической морфологии к новым формам мышления» [см.: Виноградов, с. 239], тем самым образуя факультативные формы склонения числительных. Факультативные формы склонения числительных имеют место в устной речи, где допустимо склонять только начальные или конечные элементы (начальные под влиянием предшествующего предлога, конечные — в результате согласования с последующим существительным): *с двумя тысячами четыреста семьдесят пятью рублями*. Например: *Вес искусственного спутника земли равен одной тысяче **триста** двадцати семи килограммов* (ТВ, «Новости», 2010, 23 марта).

*Горели торфяники площадью от пятидесяти до **девятисто** двух метров* (Радио России, из репортажа начальника управления государственной пожарной службы Южного округа Москвы, 2010, 10 авг.).

- Вариантными являются формы творительного падежа: **восьмью** — **восемью**. Особенность склонения числительного *восемь* заключается в том, что все косвенные падежные формы имеют основу с редуцированным гласным *восьм-* (род., дат., предл. пад. — *восьми*), а в творительном падеже появляется гласная — **восемью**. Например: *Иначе обстоит дело с остальными **восемью** аминокислотами* (Первый, «Здоровье», 2009, 5 апр.); *На прошлой неделе компания Matrox представила видеокарту, которая может управлять одновременно **восьмью** видеокартами* (Журнал «Технологии третьего тысячелетия», 2009, авг.). Действующая тенденция к выравниванию основы поддерживает в употреблении вариант *восьмью*, который, на наш взгляд, является облигаторным, форма *восемью*, которая в нормативных грамматиках определяется как устаревшая форма, на наш взгляд, корректно было бы считать факультативным вариантом.

- Существуют варианты употребления числительного *оба* — *обе* в косвенном падеже. Облигаторный вариант требует, исходя из современной литературной нормы, сохранение исходной родовой формы числительного в косвенных падежах (Им. п. *оба* — *обе*; Р. п. *обоих* — *обеих*; Д. п. *обоим* — *обеим*; В. п. *оба* (*обоих*) — *обе* (*обеих*); Т. п. *обоими* — *обеими*; П. п. *в обоих* — *в обеих*). *Наконец, к тем странам, которые пожелают стать нашим противником, мы обращаемся не с обещанием, а с предложением: **обеим** сторонам следует заново начать поиски мира* (Послание президента Федеральному собранию, 2008, 5 нояб.). Факультативный вариант допускает употребление форм числительного *обоих*, *обоим* в разговорной речи с существительными женского рода: *по обоим сторонам дороги, обоим девочкам и т.д.* Например: *Прибывают сверху к **обоим** стропилам затяжку с удалением от балки перекрытия на 270 см и строго параллельно нижнему поясу стропильной фермы* (Первый, «Фазенда», 2008, июнь). В. В. Виноградов в этой связи отмечал: «В этом числительном книжный язык искусственно поддерживает родовые различия и в косвенных падежах (в женском роде основа *обеи* — и в мужском и среднем *обои*), но в разговорной речи формы косвенных падежей женского рода с основой *обеи* — употребляются все меньше, вытесняемые формами *обоих*, *обоими* и т. п.» [см.: Виноградов, с. 243].

- Числительное *пол-*, имеющее значение «половина», в современном литературном языке в качестве самостоятельного слова не употребляется. Оно имеет две падежные формы *пол-* (им. и вин. падежи) и *полу-* (косвенные падежи). Склоняемая форма (*полу-*) и несклоняемая форма (*пол-*) часто конкурируют в сочетаниях с предлогами *в*, *до*, *около* и со словами *более*, *менее*, *больше*, *меньше*, *свыше*. В устных диалогах часто можно услышать несклоняемые формы: *более полмиллиона* (человек); (выпить) *меньше полчашки* (компота); (встретиться) *через полчаса*; (находиться в) *полкилометре* (от города); (расти) *около полгода*. Например: *19 июня 2008 на складах одной из фармацевтических фирм в Киевской области было обнаружено и изъято более **полмиллиона** капсул трамадола*

и 870 тысяч капсул сильнодействующего препарата золдиар, который содержит трамадол (РТ, «Вести», 2008, июнь). В письменной же речи в подобных случаях поддерживается норма употребления с формой *полу-*: *более полумиллиона, свыше полутора тысяч, до полусотни, в полукилометре, около полугода, к полудню* и т. д. *Подземные толчки в Горном Алтае пойдут по «затухающему сценарию», но будут продолжаться еще около полугода* (Труд, 2003, 25 сент.). *Воронежские энергетики отстаивали свое право на возврат полумиллиардного долга* (Коммуна, 2008, окт.). Эта форма числительного является обязательной, конкурирующая с ней форма имеет оттенок факультативности. Здесь необходимо добавить, что в некоторых параллельных образованиях с *пол-* и *полу-* произошла дифференциация по значениям. В сложениях с *пол-* передается чисто количественное значение, речь идет о половинном размере существительного; в сложениях с *полу-* содержится значение неполного (обычно сниженного качества: *полсвета* ‘половина света’ (ср.: *обошел полсвета*) и *полусвет* ‘прослойка буржуазного общества, состоящая из женщин легкого поведения’ (ср.: *дамы полсвета*); *полэтажа* (половина этажа) и *полуэтаж* (невысокий, уменьшенной высоты этаж); *полкустарника* (половина кустарника) и *полукустарник* (о кустарниках с признаками растений древесного типа); *полмеры* (*полмеры овса*) и *полумера* (*ограничиться полумерами*) и т. д. В данном случае о факультативности говорить не приходится, поскольку она исчезает, так как, исходя из заданного смысла, исключена возможность выбора одного из вариантов.

В татарском языке также зафиксированы случаи проявления факультативности в сфере употребления числительных. Остановимся на некоторых из них.

- В татарском языке составные числительные образуются путем сочетания простых и сложных числительных в нисходящем порядке, т. е. единицы высшего порядка предшествуют единицам низшего порядка. Например: *уналты* ‘шестнадцать’, *утыз өч* ‘тридцать три’. Связь между отдельными компонентами в татарских составных числительных согласно предписаниям нормативной грамматики осуществляется без морфологических элементов. Однако в разговорном языке допустимы факультативные варианты, когда после слов *йөз* ‘сто’ и *мең* ‘тысяча’ употребляется союз *дә* ‘и’. Подобные факультативные варианты из устной речи проникают в язык художественных произведений: *Ул алдыңгыларның алдыңгысын йөз дә унике кешенге сайлап алды* (А. Алиш, Кадерле бүләк) ‘Он из самых передовых выбирал сто двенадцать человек’; *Урылганы ике йөз дә жиде, эскертлэгәне илле тугыз* (Г.Бәширов, Жидегән чишмә) ‘Сжато двести семь, заскирдировано пятьдесят девять’.

- В татарском языке наблюдаются факультативные варианты названия круглых десятков от 20 до 90. Обязательный вариант образовывается путем сочетания названий соответствующих единиц в пределах первого десятка со словом *ун* ‘десять’, факультативный вариант с заимствованным из русского языка словом *дистә* ‘десяток’. Чаще всего факультативный вариант употребляется в разговорной речи, хотя находит отражение и в художественных произведениях: *Ильясның шул вакыттагы милке 7 баш бия, 2 сыер һәм ике дистә куйдан*

гыйбарэт иде (Г. Тукай, Шурәле) ‘У Ильяса тогдашнее богатство состояло из 7 голов кобылиц, двух коров и двух десятков овец’.

- Факультативность в сфере употребления татарских числительных можно наблюдать в использовании количественных числительных в значении порядковых, например: *Миңа илле биш тулган, илле алтыга* (вместо обязательного варианта *илле алтынчыга*) *китепмен* ‘Мне исполнилось пятьдесят пять, идет пятьдесят шестой’; *Безнең мең тугыз йөз алтмыш өч* (вместо обязательного варианта *алтмыш өченче*) *йылга жиде мең сум каралган* ‘У нас на тысяча девятьсот шестьдесят третий год предусмотрено семь тысяч рублей’.

- В современном татарском языке семантика форм принадлежности количественных и собирательных числительных одинакова: обе эти формы числительных используются для выражения совокупности или выделения из совокупности определенного количества. Эта семантика усиливается еще и факультативным употреблением частицей *да/дә*, сопровождающей числительные: *Менә хәзер икебез дә картайдык, чәләрбез агарды...* (Ш. Камал, Акчарлаклар) ‘Вот теперь мы оба постарели, волосы поседели...’; *Без икебез дә ул чакны мэхәббәтнең нәрсә икәнән аңлап житә алмаганбыз* (Г. Кутуй, Тапшырылмаган хатлар) ‘Тогда мы оба не совсем понимали, что такое любовь’.

Таким образом, опираясь на вышеуказанные примеры, мы можем констатировать, что и в русском, и в татарском языке имеются случаи реализации вариантного употребления числительных в речи, что свидетельствует о проявлении факультативности на данном срезе языка.

В заключение хотелось бы особо отметить, что проанализированные факультативные варианты в сфере склонения числительных в исследуемых языках целесообразно рассматривать не как аргументы, свидетельствующие о неадекватности и некорректности их употребления, а как проявление гибкости языковых средств, позволяющих разнообразить тактику речевой коммуникации. Существует мнение, что описания подобных факультативных вариантов могут увести исследователя от самого нормативного языка. По-видимому, подобные предостережения следует учитывать, но они не должны препятствовать исследованию факультативности, поскольку при игнорировании этого уникального в своем роде языкового явления любое описание функционирования языка будет по меньшей мере неполным. Другим существенным аргументом в пользу исследования факультативности является тот факт, что «вчерашняя ошибка нередко оказывается завтрашней нормой» [см.: Плунгян, с. 70]. Именно поэтому лингвистам крайне важно в конкретных речевых фактах видеть действующие языковые закономерности и новые тенденции, ведь «употребление — это живая речь (устная и письменная)... именно здесь и формируются новые явления в языке. Употребление опирается на систему, но оно и расшатывает ее, являясь той сферой, в которой возникают, через которую проникают в норму (а через нее и в систему) внесистемные образования» [см.: Ицкович, с. 10]. Действительно, те новообразования, которые происходят в сфере склонения числительных, настолько активны и имеют большое количественное значение, что, по-видимому, свидетельствуют о глубине и интенсивности процесса фор-

мирования новых форм, существование которых, возможно, в скором времени будет признано нормативным. Заметим, что признание существования факультативности вовсе не обозначает нормативного релятивизма — принципа нормативной относительности или научно объясняемой «вседозволенности». Это признание лишней раз доказывает сложность и подлинную научность общих и частных проблем культуры речи как основы перспективной кодификации норм.

-
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 2007.
Быкова Е. М. Факультативность? // Восточ. языкознание: факультативность. М., 1982. С.13–20.
Виноградов В. В. Русский язык : (Грамматическое учение о слове). 3-е изд., испр. М., 1986.
Ицкович В. А. Норма и ее кодификация // Актуал. пробл. культуры речи. М., 2006. С.9–39.
Кисилева Л. Н. Несколько замечаний по вопросу о факультативности // Восточ. языкознание: факультативность. М., 1982. С. 43–47.
Плунгян В. А. «Интегрум» и Национальный корпус русского языка в лингвистических исследованиях // Integrum: точные методы и гуманитарные науки. М., 2006.
Санжеев Г. Д. О факультативности в монгольском языке // Восточ. языкознание: факультативность. М., 1982. С. 79–86.
Солнцев В. М. О понятии «факультативность» // Там же. С.92–102.

Статья поступила в редакцию 10.11.2010 г.

УДК 811.111'37 + 81'342.9 + 81'42

О. М. Букреева

СЕМАНТИКА НИСХОДЯЩЕ-ВОСХОДЯЩЕГО ТОНА В ДИАЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследуется семантика нисходяще-восходящего тона в английском языке на примере диалогических текстов. Работа направлена на изучение интонации целого текста и решение проблемы поиска инвариантных интонационных признаков в смысловой организации звучащего текста.

Ключевые слова: диалог, интонация, семантика, текст, ядерный тон.

Данная статья посвящена исследованию семантического поля сложного нисходяще-восходящего тона в английском языке на текстовом уровне. Под текстом в данной работе понимается «динамическая единица высшего порядка, речевое произведение, обладающее признаками цельности и связности — в информационном, структурном и коммуникативном плане» [Валгина, с. 5].

При восприятии любого текста адресат стремится понять, что автор хотел сообщить, и в этом ему должна оказать существенную помощь общая

организация текста. Результатом же понимания, как известно, является формирование в сознании реципиента целостного образа содержания, в котором реализуется информационный аспект текста. Поэтому можно считать, что переход от внешней формы текста к его содержанию является обязательным, а потому представляет собой одно из фундаментальных внутренних свойств текста, которое можно назвать *информативностью*.

Известно, что структурирование текстовой информации невозможно без участия интонации, так как именно интонация превращает любой текст в оптимальную коммуникативную единицу, отражая структурно-содержательные особенности его организации и оформляя его как цельную, связную структуру посредством своей организующей функции. Под *организующей функцией интонации* в данной работе понимается «способность интонационных средств организовывать речевой поток как на уровне формально-структурном (членение), так и на уровне содержательном (смысловое членение). Реализация организующей функции интонации ... направлена на оптимизацию процесса передачи информации» [Тихонова, с. 34]. Сфера действия организующей функции интонации распространяется на весь текст. Мы полагаем, что важнейшим средством реализации многокомпонентной природы текста на уровне производства устного высказывания является интонация. В современной интонологии направление, занимающееся вопросами семантических особенностей звучащей речи, является одним из наиболее актуальных и перспективных.

Следует отметить, что изучение такого сложного объекта, как текст, открывает новые возможности для интонологических исследований, а изучение интонации текста позволяет исследователю обнаружить, как уже известные особенности интонационных категорий реализуются в речи.

Многие исследователи указывают на очевидную взаимосвязь лингвистической организации внешней речи с ее коррелятом на уровне мысли. Естественно предположить, что если речь в ее финальной, вербально и интонационно организованной форме является продуктом мыслительной сферы деятельности, то эта форма так или иначе должна отражать структуру мысли в ее самом широком рассмотрении. Поэтому, вслед за А. И. Новиковым, мы рассматриваем текст как единство его внешней и внутренней формы. При этом доминирующей признаем внутреннюю форму, так как именно она является той базой, на которой строится весь текст. Она организует его внешнюю форму на уровне замысла, осуществляя распределение информации, смысловое членение текста, выделение стержневых компонентов смысла, интеграцию отрезков в единое целое. А. И. Новиков считает, что текст — это единица не языковой системы, а речевой, коммуникативной. Он обладает своими собственными закономерностями строения и функционирования, отличными от языковых единиц, хотя и состоит из них [см.: Новиков, с. 128]. Интерес к проблемам текста совпал с периодом широкого развертывания семантических исследований на всех уровнях языковой системы и является объективным и закономерным явлением, базирующимся на всеобщей взаимосвязи и взаимодействии языковых единиц в процессе их функционирования. Следует напомнить, что семантика текста включает в себя содержание текста

и его смысл. Важно учитывать, что интонация выражает не только содержание, но и смысл: читающий воспроизводит интонацию как смысл, который она в себе несет. Интонация служит выражению мысли и чувства в устной речи. Поток исследований по проблемам семантики порождения высказывания продолжает расти с каждым днем и отражает значительное разнообразие теоретических платформ, концепций и точек зрения. По мнению А. Е. Кибрика, «к области семантики относится вся информация, которую имеет в виду говорящий при развертывании высказывания и которую необходимо восстановить слушающему для правильной интерпретации этого высказывания» [Кибрик, с. 25].

Важно учитывать, что в интонологии наиболее полно описана категория тона, но, несмотря на это, работу в данном направлении рано считать законченной, так как большинство исследований ограничивается фонетической основой — не учитывается связь интонации с семантикой и контекстом. Известно, что тон — это интонационная категория, которая четко воспринимается на слух и воспроизводится в речи. Более того, тон в английском языке образует развитую, относительно самостоятельную подсистему интонации.

Интерес исследователей к категории интонационного тона объясняется тем, что наиболее значимые тональные изменения подсознательно реализуются говорящим на сегментах, наиболее важных в смысловом отношении, являясь своего рода центром, вокруг которого строятся все другие части синтагмы. С развитием фонетической науки и накоплением фактов растет и число классификаций тонов, происходит расширение и принципиальное изменение характера речевого материала, составляющего объект интонационных исследований. Описание тонов в изолированных фразах сменяется изучением тонов в различных видах звучащего текста. Данное исследование также ставит своей целью изучение семантики тона, а именно нисходяще-восходящего тона, в звучащем тексте.

Следует отметить, что термин «тон» не имеет единого общепринятого определения. Отечественные фонетисты определяют тон как «воспринимаемое качество речи, являющееся отражением изменяющейся во времени частоты колебаний основного тона» [Артемов, с. 3] или как термин, используемый для обозначения «высотной частотной характеристики, которая большей частью определяется абстрактно, в общих чертах говорят о высоком и низком, о восходящем и нисходящем изменении тона во времени» [Кузнецов, с. 107].

Определение тона как повышение или понижение голоса, составляющее предмет мелодики речи, представляется схематичным, упрощенным, не отражающим сложную, комплексную природу определяемого явления, которая ярко проявляется в современных исследованиях по интонологии. Отечественными и зарубежными лингвистами тон характеризуется как важнейшая функциональная единица интонации, с которой ассоциируется лингвистическое значение. Стоит отметить, что в последнее время усилился интерес интологов к исследованию тонов, употребляемых в английской речи как в плане изучения их акустической структуры и функций, так и в плане изучения семантики интонационных тонов. Данное исследование также имеет своей целью выявление

семантики интонационного тона, и в поле зрения нашего исследования оказывается сложный н и с х о д я щ е - в о с х о д я щ и й т о н (НВТ).

Важно отметить, что звуковая форма любого объекта имеет сложную иерархическую структуру, вступающую в систему взаимодействия с его семантической структурой. Форма НВТ представляет собой сочетание падения и подъема с переломом посередине, в современной лингвистике, как известно, форма лингвистических элементов представляет собой новый объект лингвистики и теории формообразования текста. Кроме того, изучение взаимодействия материальной (физической) и идеальной (семантической) сторон текста поднимает ряд актуальных проблем языкознания. В данном направлении развивается синергетика текста, которая устанавливает определенные корреляции между теми или иными аспектами формы и содержанием. Так как форма текста рассматривается как интегральная модель его целостных качеств, то изучение взаимодействия физической и семантической составляющих становится актуальным в современных лингвистических исследованиях.

В качестве материала исследования нами были выбраны фонозаписи диалогических текстов, принадлежащих к информационному и разговорному стилям. Стоит подчеркнуть, что при отнесении текста к тому или иному стилю использовалась классификация фонетических стилей, принятая на кафедре фонетики английского языка МПГУ. Записи были произведены в студийных условиях и представляют собой спонтанные, квазиспонтанные и читаемые речевые произведения носителей южноанглийского стандарта RP. При отборе материала мы обращали внимание на то, что диалогические тексты должны представлять собой неподготовленные разговоры и полуподготовленное чтение, что позволяет проанализировать использование НВТ в тексте и произвести сравнительный анализ употребления данного интонационного тона в диалогических текстах разной степени подготовленности.

Материалом исследования явились интервью, реплики из диалогов, диалогические единства на различные темы: семья, работа, средства связи и т. д. Общий объем экспериментального материала составил 30 диалогических текстов с общей продолжительностью звучания 2 часа 25 минут. Исследуя тексты разной степени подготовленности, мы пытались сравнить семантические оттенки, передаваемые НВТ, и выделить и н в а р и а н т, под которым в данной работе понимается единица, заключающая в себе все основные признаки своих конкретных реализаций, который будет реализовываться вне зависимости от степени подготовленности текста, а также от экстралингвистических факторов. По мнению Р. Кингдона, НВТ является наиболее часто встречающимся тоном из всех сложных тонов в английском языке, частотность его употребления, по мнению автора, составляет 30 % [см.: Kingdon]. Л. З. Путилова, проведя анализ фонограмм, сделала заключение, что «частое употребление НВТ является характерной особенностью современной английской речи» [Путилова, с. 2]. Эти выводы совпадают с данными, полученными в результате обработки нашего экспериментального материала. Как показал аудиторский и электроакустический (компьютерный) анализ текстов, частотность употребления НВТ в диалогических текстах различных стилей составляет 27 %.

Мы полагаем, что семантику (значение единиц, в данном случае интонационных) можно представить в виде некоторого набора сем, при этом каждый элемент данного набора реализуется в реальных текстах в зависимости от условий. Следует отметить, что на уровне отдельно взятой фразы модально-эмоциональное значение, передаваемое тоном (*attitudinal meaning*, по определению О' Коннора и Арнольда), является очень важным, в то время как на текстовом уровне модально-эмоциональные значения, на наш взгляд, уходят на второй план. Модально-эмоциональные значения тона в большей степени проявляются также и в диалогических единствах, где многое зависит от коммуникативной цели адресанта, от взаимоотношений участников коммуникации, их социального статуса и т. д. В диалоге при помощи интонационного оформления выражается отношение собеседников друг к другу. Кроме того, практически на каждую фразу-стимул надо получить фразу-реакцию, следовательно, фразы являются эмоционально окрашенными. Поэтому эмоциональные оттенки значения тонов очень четко прослеживаются в диалогической речи. Например:

- No seriously, Nora. I can't bear it. Lying flat on my back.
- \Well /then|, try lying on your stomach for a change!

В данном отрывке из разговора между мужем и женой НВТ передает эмоциональное значение неохотной уступки. Выражение уступки также прослеживается и в семантике слова *well*. Таким образом, семантика интонационных единиц работает в совокупности с семантикой единиц лексических. Очевидно эмоциональное значение, передаваемое НВТ, и в следующих примерах:

- And turn slightly towards me. Your head slightly towards me.
- All right?
- No, only \slightly /towards me.

В данном примере НВТ, оформляющий слова *\slightly /towards*, имплицитно выражает несогласие говорящего с действием реципиента. Однако эмоциональные оттенки — это не все, что передается тоном. Перелом плавности, постепенности и линейности, возникающий в результате употребления НВТ, заставляет реципиента мысленно вернуться к фоновым знаниям, общим для участников коммуникации. Для объяснения того, каким образом фонд фоновых знаний используется участниками коммуникации, при формировании содержательной связности текста используется теория пресуппозиции, под которой нами понимается компонент общих знаний говорящего и слушающего. Кроме того, пресуппозиция рассматривается в качестве особого способа связи высказываний в тексте. Она выступает в качестве механизма, на основе которого осуществляется связь отдельных частей текста, высказываний с конкретизирующим их контекстом. В данном случае адресант, не соглашаясь с выполненным действием, помогает адресату обратиться к когнитивному опыту и вспомнить, что степень поворота может быть разной. Подобное несогласие и обращение к пресуппозиции можно заметить и в следующем отрывке из диалога:

- How about your smile?
- Mine is...
- No, can you make it a more \natural /smile?

Перелом плавного хода мысли при употреблении НВТ не только заставляет реципиента мысленно вернуться к фоновым знаниям, общим для участников коммуникации, но и на основе общих фоновых знаний продолжить обсуждение темы. Далее рассмотрим отрывок из диалога о собеседовании. В начале диалога адресант интересуется у реципиента, посещал ли тот интервью. Затем разговор посвящен тому, как данное интервью проходило:

- How did it go?
- All right, I \think.
- All \right? You don't sound very \sure.

В случае оформления *think* НВТ прослеживается выражение эмоционального состояния встревоженности и обеспокоенности. Адресант сам не уверен в том, что все прошло хорошо, что и подтверждается оформлением слова *think* НВТ. Во время произнесения фразы автор мысленно возвращается в ситуацию интервью и вспоминает все, что происходило в период времени, о котором ведется речь. В то же время неуверенность и встревоженный характер произнесения фразы побуждают дальнейший разговор, который основывается на общем когнитивном опыте участников.

Фраза *All right, I \think*, произнесенная с нисходящим тоном, выражала бы уверенность говорящего, таким образом, не побуждая к дальнейшему продолжению разговора на данную тему. А в случае употребления восходящего тона *All right, I /think*, отсутствует элемент сравнения, сопоставления, обращенности к фоновым знаниям.

Во фразе *All \right?* НВТ, с одной стороны, передает слегка пренебрежительное отношение адресанта, с другой стороны, чувствуется выражение несогласия, которое также выражается и во фразе *You don't sound very \sure*.

Способствует НВТ передаче эмоционального значения несогласия и в следующем примере, взятом из диалогического текста:

- No, but class doesn't excuse her bad taste.
- But it does in a \way| because having class means being confident in yourself.

Следует отметить, что несогласие всегда подразумевает активную умственную деятельность, так как с помощью интонационных средств выражается отношение говорящего к окружающей действительности. Речевая стратегия неодобрения (несогласия) относится к коннотативно-ориентированным стратегиям. Актуализируя эту стратегию в виде своих планов-вариантов, отправитель текста неосознанно управляет ментальным состоянием, а также вербальным/ невербальным поведением получателя текста. Несогласие свидетельствует о том, что адресату не все равно, что было сказано, и путем выражения противоположного мнения он пытается узнать истину. Очень часто психологическое состояние несогласия ассоциируется с конфликтом, однако стоит учесть, что сам

по себе конфликт как столкновение различных позиций, взглядов и мнений далеко не всегда приводит к негативным последствиям, так как конструктивные конфликты свидетельствуют скорее о заинтересованности, чем о неблагоприятной нравственно-психологической атмосфере, тогда как полная бесконфликтность — признак равнодушного отношения.

Важно учесть, что НВТ в диалогической речи не только способствует выражению несогласия, но и побуждает к мыслительной деятельности. В результате, с одной стороны, сообщаемая информация соотносится с уже известной, ведь, новое знание должно быть введено в модель мира адресата таким образом, чтобы он принял его, соотнес с уже известным, с другой стороны, НВТ выражает нацеленность на продолжение разговора. Если бы, например, данная фраза была оформлена нисходящим тоном, то появился бы элемент категоричности, который не предполагал бы дальнейшего развития и размышления по этому поводу:

- My hair's awful. I can't do anything with it.
- It is not that \downarrow bad.

Слово *bad*, оформленное нисходящим тоном звучит категорично, уверенно. Итак, НВТ выражает несогласие, при этом возвращает реципиента к когнитивному опыту и одновременно стимулирует дальнейшее развитие ситуации. При переводе на русский язык различие в тональном оформлении можно выразить с помощью употребления частиц:

- It is not that \downarrow bad. — Да не так уж и плохо.
- It is not that \downarrow bad. — Это неплохо.

Данный пример показывает, что единицы одного уровня в одном языке, в данном случае интонационного, могут являться эквивалентом другого уровня, например частиц, в другом языке.

Кроме выражения эмоционального состояния говорящего, НВТ в диалогической речи способствует лучшему пониманию в результате апелляции к когнитивным процессам. Диалогическая речь является более эмоциональной, чем монологическая. Одним из важных признаков диалогической речи, как известно, является принцип построения речи как цепи стимулов и реакций, т. е. каждое высказывание является некоторой акцией, вызывающей и обуславливающей реплику-реакцию. Коммуникативные намерения участников диалога, их стратегии, тактики, социальный статус накладывают отпечаток на интонационное оформление диалогической речи.

В тех случаях, когда НВТ оформляет вводные слова, такие как *well*, *unfortunately*, *therefore* и т. д., отмечается прерывание плавности мысли:

- What was your reaction when you heard the news?
- \downarrow Well, the thing is you've got to understand that Dolly was very eccentric and so the family aren't a bit surprised.
- And what do you think Fred will do with the money?
- Un \downarrow fortunately, the only things he can spend it on are his favourite lettuce, tomatoes and courgettes!

В семантическом значении слова *unfortunately* уже содержится элемент противопоставления (*fortunately* – *unfortunately*), который подчеркивается интонационным тоном.

Итак, можно сделать вывод, что в диалогической речи основным элементом семантического значения НВТ является нарушение плавности и линейности мысли, выражающее несогласие, неодобрение, которое способствует обращению к когнитивному опыту и в то же время – связности диалогического единства путем стимулирования реплики-реакции.

В результате экспериментального анализа нами был определен набор сем, составляющих семантическое ядро НВТ: 1) апелляция к пресуппозиции, выражающаяся через обращение к когнитивному опыту участников коммуникации; 2) возвращение к тому, о чем в тексте уже сообщалось; 3) интонационное подчеркивание семантического значения слов; 4) выражение модально-эмоциональных значений неодобрения, несогласия, которые способствуют апелляции к мыслительной деятельности реципиента.

Мы полагаем, что изучение текстовой семантики сложного НВТ способно прояснить представление о глубинных основах когнитивного строения языковой системы и расширить представление о лингвистике.

Артемов В. А. Психология речевой интонации : в 2 ч. М., 1976. 162 с.

Валгина Н. С. Теория текста : учеб. пособие. М., 2004. 280 с.

Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. Изд. 2-е. М., 2002. 336 с.

Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка : морфология. М., 2005. 312 с.

Новиков А. И. Текст и его смысловые доминанты / под ред. Н. В. Васильевой, Н. М. Нестеровой, Н. П. Пешковой. М., 2007. 224 с.

Путилова Л. З. Акустическая структура фраз с терминальным нисходяще-восходящим тоном и его функции в современном южноанглийском литературном произношении : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 39 с.

Тихонова Р. М. О психолингвистическом аспекте исследования интонационных явлений // Функционал. анализ фонет. единиц англ. яз. : межвуз. сб. науч. тр. МГПИ. М., 1990. С. 38–48.

O'Connor J. D., Arnold G. F. Intonation of colloquial English. L., 1966. 272 p.

Kingdon R. The Groundwork of English Intonation. L., 1958. 272 p.

Статья поступила в редакцию 20.05.2010 г.

ИСТОРИЯ

УДК 94(520)“390/415” + 39(=521) + 39(=581) + 39(=531) Д. А. Суровень

КИТАЙСКО-КОРЕЙСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ АЯБИТО В ЯПОНИИ НАЧАЛА V В.

Анализируются сведения древнеяпонских источников о переселении в государство Ямато в царствование государя Хомуда (Ќдзина) (390—414/415 гг. исправленной хронологии) Ачжики (яп. Атики) и Ван Ина (яп. Вани), а также одной из многочисленных групп китайско-корейских переселенцев аябито («ханьцев»), возглавляемой принцем Ати-но оми (кит. А-чжи-ваном). Материалы об этих событиях содержатся в «Кодзики», «Нихон-сёки», «Сёку-нихонги», «Нихон-кёки», «Сандай-дзицуроку», «Синсэн-сёдзи-року», «Тамурамаро-дэнки», «Фусё-рякки». Некоторые подробности сохранились в местных источниках провинции Харима («Харима-фудоки»).

Ключевые слова: Древняя Япония, Ямато, Хомуда, Ќдзин, Ачжики, Атики, Ван Ин, Вани, Ати-но оми, ая, Ямато-но ая, Хигаси-но ая, области Харима и Ямато, «Кодзики», «Нихон-сёки», «Сёку-нихонги», «Нихон-кёки», «Сандай-дзицуроку», «Синсэн-сёдзи-року», «Тамурамаро-дэнки», «Фусё-рякки», «Харима-фудоки».

Рубеж IV—V вв. в истории Ямато стал важнейшим периодом в развитии древнеяпонского государства, когда социальные, политические и культурные процессы шли под сильным влиянием континентальной культуры, носителем которой во многом и стали переселенцы с материка. Значение данной миграции очень велико: она оказала сильное влияние на все стороны жизни древних японцев — их этнический облик, культуру (появилась позднекурганная культура, иммигранты обладали умением и знанием высокоразвитых технологий, привезённых с континента [см.: Акіма, р. 139]), и, самое важное, на государственность [см.: Воробьев, с. 67; см. также: Дьяконова, с. 215—216; Мацумото, 1977, с. 223; Lewin, р. 10; Вокс, р. 1; Корейское классическое... с. 9; Yoshido, р. 9; Vargö, р. 42]. Эта миграция сыграла существенную роль в окончательном

складывании этнического облика японцев. Значение диффузии континентальной культуры, связанной с миграцией, представляется исследователям ещё более важным: «Поскольку она, как лак легла на всю японскую основу, создано впечатление о её всепроникающем и решающем влиянии» [Воробьев, с. 67]. Однако подробности того, как происходила миграция китайцев в Японию в начале V в. и каким образом она повлияла на древнеяпонское общество, государство и культуру, в российской исторической науке исследованы слабо. Поэтому существует необходимость анализа материалов древних и раннесредневековых японских источников и подробной описи событий переселения из Кореи в Ямато китайцев этнической группы аябито и определения степени их влияния на развитие древнеяпонского общества, государства, культуры и этноса.

Первое из описанных в источниках появление китайцев, прозванных в Японии людьми аябито (кит. *хань-жэнь*, досл. ‘ханьцы’)¹, происходивших из южнокорейского государства Силла, случилось в 5-й год (в 351 г. испр. хрон.) правления Окинага-тараси-химэ (государыни Дзингү) [Суровень, 1998, с. 175]. Тогда японский военачальник Кацураги-но Соцубико привез их как пленников из набега, совершённого на южносилласкую крепость Чхора-сон [Нихон сёки, с. 276]²; (Нихон-сёки, св. 9-й, Дзингү, 5-й год пр.). «Пленники, которых он тогда захватил, — первою очередь четырёх сёл, где живут люди ая [кит. *хань*] — Купара, Саби, Такамия и Осинума» [Нихон-сёки, св. 9-й, Дзингү, 5-й год пр., 3-й месяц; Nihongi, т. 9, р. 23—24] [Нихон сёки, с. 276; Kanzaki, с. 6].

Судя по термину *аябито* («ханьцы»), это были потомки китайских поселенцев в Корее II в. до н. э. — III в. н. э. [Джарылгасинова, с. 95, 96], жителей Лолана и Дайфана и других китайских округов на Корейском полуострове. В. Г. Астон считал, что они были потомками переселенцев времен императора Лин-ди (168—190) [Nihongi, р. 265, п. 1]. В связи с этим следует обратить внимание на сообщение «Саньго-чжи» (раздел «Хан [Южная Корея]»), где сказано: «В конце периода правлений Хуань-ди (147—168) и Лин-ди (168—190) настолько окрепли Хан и Е, что [власти китайских] округов и уездов не могли [ими] управлять, [поэтому] много народа ушло [из-под китайской власти] в государство Хан» [цит. по: Пак, с. 29] (т. е. в Южную Корею). Отсюда во второй половине IV в. н. э. потомки китайских поселенцев отправились в Японию.

В. Г. Астон [см.: Nihongi, р. 265, п. 1] и Иноуэ Митиясу полагали, что термины «ая» (японское название китайской династии Хань) и «аябито» (этноним, обозначающий переселенцев из Китая) появились следующим образом: китайская узорчатая материя, которую привезли и потом производили китайские ткачи, переселившиеся в Ямато, называлась в древней Японии «аяхата» (*ая* — узор, рисунок, *хата* — ткань), а сами ткачи-китайцы были названы «аяхатори», от чего уже путём сокращения произошёл этноним «аяхито» («аябито»), а от него название «ая» было перенесено на всё китайское государство

¹ Кит. 漢人 *хань-жэнь*, яп. *аябито*, досл. ‘ханьские люди’.

² Крепость Чхора-сон, возможно, располагалась где-то в землях Янсана на границе с общиной-государством Кымгван, на северо-восток от устья реки Нактонган и к северу от Пусана и Тоннэ.

[Древние фудоки, с. 181]. Однако этноним *ая* записывался иероглифом *хань* (династия Хань), а *аябито* — двумя иероглифами: *хань-жэнь*, которые буквально означали 'люди хань, ханьцы' [см.: Воробьев, с. 68].

В отличие от событий 351 г. (испр. хрон.), более поздняя миграция людей аябито в конце IV — начале V в. имела другие причины и носила добровольный характер [см., например: Воробьев, с. 67; Дьяконова, с. 215—216; Мацумото, 1977, с. 223; Lewin, p. 10; Воск, p. 1; Корейское классическое... с. 9; Yoshido, p. 9; Vargö, p. 42]. Переселение китайцев и корейцев на Японский архипелаг в то время стало результатом ожесточенных когурёско-пэкческих войн конца IV — начала V в., в которые оказались втянуты южнокорейское государство Силла и древнеяпонское государство Ямато [об этом см.: Суровень, 2005, с. 8—45], что вызвало бегство населения из районов военных действий [см.: Воробьев, с. 36; Дьяконова, с. 215]. Жители бывших китайских округов Лолан и Дайфан (главным образом — китайцы по происхождению) начали массово мигрировать на Японские острова, так как другой спокойной территории в этом регионе не было: в Корее шла война, в Китае наступил период смуты, вызванный вторжением северокитайских кочевых народов (период «шестнадцати государств пяти северных племен») [см.: Воробьев, с. 36, 67, 68; Дьяконова, с. 215, 213]. Корейский исследователь Хон Вонтхак называет ещё одну причину миграции населения из Южной Кореи на Японские острова. Около 400 г. н. э. закончился период климатического максимума, за которым последовало похолодание («малый ледниковый период»), что в конце IV в. вызвало у части пэкческих и каяских земледельцев с южного побережья Корейского полуострова стремление переселиться на Японские острова [см.: Hong].

Другая часть корейско-китайских переселенцев была отправлена ко двору Ямато корейскими правителями [см.: Акіма, p. 139]. «Кодзики», «Нихон-сёки» и другие японские источники содержат подробные сведения о японо-корейских культурных связях, и прежде всего между Пэкче и Ямато [см.: Ким Бусик, 1995, с. 356, п. 8]. Власти Ямато благожелательно относились к притоку иноземцев, и в результате с IV в. множество китайских и корейских монахов и ученых, земледельцев и ремесленников (некоторые исследователи называют цифры в тысячи, десятки тысяч человек) приплыли на архипелаг [Нихон-но акэбоно, 29—30; Мацумото, 1977, с. 257, 272; 1978, с. 210; Дьяконова, с. 215; Воробьев, с. 213]. Причём, можно установить даже приблизительное время прибытия отдельных партий, их примерную численность и расселение по стране [См.: Воробьев, с. 67].

По материалам «Харима-фудоки» удаётся проследить маршруты миграции людей аябито: из Кореи через острова Цусима и Ики они двигались на Северный Кюсю, а отсюда плыли вдоль побережья далее на восток по Внутреннему Японскому морю. Одним из пунктов остановки была северо-восточная оконечность острова Сикоку — провинция Сануки (ныне префектура Кагава), где жили люди аябито [Древние фудоки, с. 181, п. 2]. Далее иммигранты двигались к побережью области Харима. «Село Аябэ... это село получило такое название потому, что туда прибыли из провинции Сануки и жили там аяхито» (Харима-фудоки, уезд Сикама, село Аябэ) [Там же, с. 74]. Отсюда переселенцы, плывя

на восток, прибывали в гавань Нанива в Центральной Японии, а далее — по суше ко двору государя Ямато.

Иммигранты с материка были проводниками китайской письменности. Их верхний слой, конечно, был грамотным. Не случайно в течение нескольких столетий переводчиков и писцов набирали только из их среды [Воробьев, с. 70]. В «Нихон-рёйки» сообщается: «Если искать истоки, то внутренние писания³ и внешние книги⁴ появились в Японии в разные времена. И те и другие привезли из Пэкче. Внешние книги доставили в правление государя Хомуда, который повелевал Поднебесной из дворца Тоё-акира, что в [Кару]сима»⁵ [Нихон-рёйки, св.1-й, предисловие] [Нихон-рёйки, с. 33]. Комментаторы текста считают, что здесь речь идёт о событиях 15-го и 16-го годов правления Хомуда (государя Ёдзина) [Там же, с. 74, п. 4]. Тогда в Японию из Пэкче прибыл один из таких высокообразованных китайцев — Ван Ин (*Ван-ин*, яп. *Вани*), который, как полагают исследователи, принадлежал к этнической группе аябито⁶.

История появления Ван Ина при дворе Ямато такова. В 6-й день 8-го месяца 15-го года правления Хомуда (государя Ёдзина) (404 год испр. хрон.) ван Пэкче — Ахва (Асин⁷, 392—405) (хотя в «Кодзики», в разделе «Ёдзин-ки», правителем Пэкче этого времени ошибочно назван Кын-чхого-ван (яп. *Сёко*), царствовавший ранее) прислал подарки (породистых коней — жеребца и кобылу) [см.: Нихон сёки, 1997, с. 466, п. 31; см.: Кодзики, 1994, с. 92; 2001, с. 266, 267; Ким Бусик, 1995, с. 356, п. 8]⁸. Об этом же сказано в «Фусё-рякки»: «15-й год [правления Ёдзина], [циклический год] киноэ-тацу (41-й знак цикла) (404 г. испр. хрон.), 8-й месяц. Страна Кудара (кор. Пэкче) прислала в виде дани двух хороших коней [и] учителя всех вещей из канонических книг (яп. *тэн*) и сутр (яп. *кё*) — доктора наук (яп. *хакасэ*) и прочих»⁹ [Фусё-рякки, св. 2-й, Ёдзин, 15-й год пр., 8-й месяц]. По сведениям «Нихон-сёки», подарки привёз А-чик-ки (*А-чжик-ки*, яп. *Атики*¹⁰), который в «Кодзики» назван именем А-чжи-киси (*А-чжик-киси*, яп. *Ати-киси*¹¹) [см.: Воробьев, с. 67; см.: с. 223; Japan Biographical

³ 内經 — буддийские сутры [Нихон-рёйки, с. 74, п. 2].

⁴ 外書 — произведения небуддийской китайской религиозно-философской традиции [Там же]. Комментаторы текста указывают: «Внутренние писания, внешние книги — [это сочинения] буддизма [и] конфуцианства [соответственно]» [Нихон-коку гэмпо дзэнъаку рёйки].

⁵ 「原夫、内經、外書諸傳^レ於日本而興始代、凡有^レ二時。皆、自百濟國浮來^レ之。輕嶋^ノ豊明宮^ノ御宇^ノ、譽田天皇^ノ代[應神朝]外書來^レ之。」 [Нихон-коку гэмпо дзэнъаку рёйки].

⁶ Не исключено, что это был живший в Пэкче китаец, причём, судя по иероглифам имени, принадлежавший к императорскому роду [Нихон сёки, с. 466, п. 32].

⁷ Асин (阿莘) — видимо, ошибочное написание имени Ахва (阿華). В «Нихон сёки» правильно написано — Ахва (阿花) [Ким Бусик, 1995, с. 355, п. 5; см.: Нихон сёки, 1997, с. 466, п. 31; Ким Бусик, 1995, с. 356, п. 8].

⁸ 「《応神天皇十五年(甲辰)八月丁卯(六)》:十五年、秋、八月、壬戌朔丁卯。百濟王遣^レ阿直岐、貢^レ良馬^ノ二匹。」 [Нихон-сёки, 1957, с. 276].

⁹ 十五年甲辰、八月。百濟國貢^レ良馬二疋、典經^ノ諸物^ノ師博士^ノ等。[Фусё-рякки].

¹⁰ 阿直岐 — кор. *А-чик-ки*/ *А-чжик-ки*, яп. *Атики* [Нихон-сёки, 1957, с. 276].

¹¹ 阿知吉師 — кор. *А-чжи-киси*, яп. *Ати-киси* [Кодзики, 2001, с. 266]; возможен вариант написания — кор. *А-чик-киси*/ *А-чжик-киси*, яп. *Ати-киси* [Ким Бусик, 1995, с. 356, п. 8; Нихон сёки, 1997, с. 290—291].

Encyclopedia, p. 9; Ким Бусик, 1995, с. 356, п. 8]. Ученые полагают, что он возглавлял группу ханьцев (аябито) [см.: Воробьев, с. 67]. Судя по его титулу «киси» (кор. *кильчи*), Атики в Пэкче был чиновником знатного происхождения¹². Некоторые исследователи проводят параллели между титулом 吉師 (киси) и словом 吉支 (киси), использованным в «Нихон-сёки» в звании правителя Пэкче — *коникиси*. Тот факт, что в «Кодзики» это звание использовано в той же форме даже с другими иероглифами имени, укрепляет предположение, что слово «киси» было почётным титулом, используемым в Пэкче для обозначения наивысшего уважения [см.: Anselmo, с. 49]. В связи с этим некоторые исследователи предполагают, что Атики был сыном правителя Пэкче [см.: Кайфүсё]. Подтверждением этого могут быть сведения «Фусё-рякки», где Ван Ин назван «наследным принцем государя (кит. *ван-тайцзы*, кор. *ван-тхэча*, яп. *кимино тайси*) страны Кудара (кор. Пэкче)¹³ [Фусё-рякки, св.2-й, Ёдзин, 16-й год, 2-й месяц]. Другие отмечают, что в имени *Атики* или *Ати-киси* трудно различить часть, являющуюся собственно личным именем и титулом, трудно также определить в данном случае значение титула: или чиновник 14-го ранга (из 17 придворных рангов, принятых в Пэкче [Кодзики, 1994, с. 136, п. 116]), или правитель, или глава местности, и т. п. [Нихон сёки, 1997, с. 466, п. 31; Akima, p. 139].

Атики был назначен заведовать фуражом (кит. *чжан-сы*)¹⁴ в конюшне (яп. *ймая*)¹⁵ с пэкчскими лошадьми на холме Кару-но сака, который, по этой причине стал называться Умая-сака [см.: Нихон сёки, 1997, с. 290]¹⁶. Так как Атики умел читать и знал классическую литературу, он был назначен учителем наследного принца Удзи-но вака-ирацүко (др.-яп. Уди-но ваки-иратуко)¹⁷. Кроме того, Атики стал основателем рода летописцев (кит. *ши*) и писцов-переводчиков «Ати(ки)-но фуми-бито»¹⁸ — одной из первых корпораций (?) иноземцев в Ямато [Нихон-сёки, св.1-й, Одзин, 15-й год пр.] [см.: Воробьев, с. 223, 67; Lewin, p. 28; Japan biographical encyclopedia, p. 9; Нихон дзэнси, с. 320; Ямао, с. 332; Радуль-Затуловский, с. 190; Конрад, 1923, с. 64; 1974, с. 39; Попов, с. 100; Нихон сёки, 1997, с. 466, п. 31].

По мнению комментаторов, о прибытии Атики говорится в предисловии к поэтической антологии «Кайфүсё», так как там упомянут человек из Пэкче,

¹² 吉師 — кор. *киси*; кит. *цзи-ши* — досл. «избранник судьбы» — «прекрасный (достойный) человек (муж)»; невысокий корейский ранг. [Nihongi, I, 262, п. 5; Kojiki, 314, п. 2]. М.В.Воробьев полагает, что он был сыном правителя Пэкче [Воробьев, 223].

¹³ 「百濟國 『王太子』 王仁」 [Фусё-рякки].

¹⁴ 掌飼 — кит. *чжан-сы*; др.-яп. *тукаса-торикава*, яп. *цүкаса-торикава* [Нихон-сёки, 1957, 276].

¹⁵ 厩 — яп. *ймая* «конюшня» [ЯРУСИ, с. 214; см.: Нихон сёки, 1957, с. 276]. В русском переводе употреблён термин «застава» [см.: Нихон сёки, 1997, с. 290].

¹⁶ 即養於輕坂上厩。因以阿直岐令掌飼。故号其養馬之处曰厩坂也。 [Нихон-сёки, 1957, с. 276; Akima, p. 139].

¹⁷ 「阿直岐亦能讀經典。即太子菟道稚郎子ノ師焉。」 [Нихон-сёки, 1957, с. 276].

¹⁸ 「此阿知吉師者、阿直史等之祖。」 [Кодзики, 2001, с. 266]; 「其阿直岐者、阿直岐史之始祖也。」 [Нихон сёки, 1957, с. 277].

который занимался просвещением и служил в конюшне [см.: Кайфүсō] (возможно, что здесь содержится и указание на топоним *Умая-сака* — места, где Атики нёс службу): «...[Когда] государь (яп. *микадо*) Хому[да]¹⁹ взошёл (яп. *нору*, кит. *чэн*)²⁰ на (небесный) [трон] государя²¹ (яп. *кан*, кит. *цян*)²², [люди государства] Пэкче прибыли ко двору, просвещали (яп. *хираку*) [японцев] в книгах выдающихся людей (кит. *лун-бянь*, яп. *рō-хэн*)²³ в конюшне (др.-яп. *умая*, яп. *бакō*, кит. *майцзю*)²⁴ (*Умая-сака*)...»²⁵ [Кайфүсō, предисл.].

Источники прямо указывают, что государь Хомуда был очень заинтересован в привлечении из Кореи новых специалистов. Позже выяснилось, что в Пэкче жил большой специалист в литературе и письме Ван Ин (*Ван-ин*, яп. *Вани*; кит. *Ван Жэнь*, где «Ван» — родовое имя, «Жэнь» — личное имя) [Нихон сёки, 1997, с. 291; Акима, р. 139]. Бруно Левин, А. Ведемэйер и некоторые корейские историки полагают, что Ван Ин был учёным, который жил в Пэкче ещё в царствование ванов Кын-чхого (346—374) и Кын-гусу (375—383) [см.: Anselmo, р. 50]. По совету Атики этот учёный муж Ван-ин-киси (яп. *Вани-киси*)²⁶ был затребован государем Хомуда из Пэкче [Нихон сёки, 1997, с. 291]. В связи с чем в конце 404 г. (испр. хрон.) в это южнокорейское государство было отправлено специальное посольство во главе с Арэда-вакэ, с 369 г. (испр. хрон.) неоднократно ездившего в Южную Корею, предка клана Камицукэно-но кими, и Камунаги-вакэ. Послы должны были передать Ахва-вану повеление японского государя прислать ещё «мудрецов», и в частности Ван Ина [Кодзики, 1994, с. 93; Нихон сёки, 1997, с. 466, п. 32; с. 291].

Во 2-м месяце 16-го года правления Ōдзина (в 405 г. испр. хрон.) [см.: Aston, р. 46; Nihongi, р. 262, п. 5; Anselmo, р. 50], видимо, вместе с вернувшимся из Пэкче японским посольством Арэда-вакэ и Камунаги-вакэ, в Ямато (по распоряжению пэкческого вана) прибыл Ван Ин [Нихон сёки, с. 291; Кодзики, 1994, с. 93]. В «Когосюи» сказано: «Во время царствования государя (Ōдзина)

¹⁹ Комментаторы текста поясняют, что 品帝, император Хон (Хому) — это 品田 — Хомуда, он же 譽田帝 — государь Хомуда, т. е. 應神天皇 — император Ōдзин-тэннō [Кайфүсō].

²⁰ 乘 — яп. *нору*, кит. *чэн* — гл. ...3) подниматься... на..., восходить на... [БКРС, т. 3, с. 782].

²¹ Комментаторы текста поясняют, что словосочетание 乘乾 означает «занять престол (яп. *курай/и*), став императором» (天子 — кит. *тянь-цзы* — сыном Неба) [Кайфүсō]; где 位 — яп. *курай / и* — в сочетаниях ...2) престол, трон... [ЯРУСИ, с. 70].

²² 乾 — кит. *цян* — *собств. и усл.* 1) цян (а) 1-я из восьми триграмм «Ицзина», символизирует мужское начало мироздания, небо, солнце, северо-запад, весну, отца, мужа, г о с у д а р я... [БКРС, т. 4, с. 572]; 乾 — яп. *кэн* — 1-я триграмма И-цзина: северо-восток; небо... [ЯРУСИ, с. 57].

²³ 龍編 — кит. *лун-бянь*, яп. *рō-хэн* — досл. драконьи книги; где 龍 — яп. *тацу / рō*, кит. *лун* — *суц.* 1) дракон...; 2) государь, император; императорский...; 7) выдающаяся личность, знаменитость, гений... [БКРС, т. 4, с. 363].

²⁴ 馬厩 — яп. *бакō*, кит. *майцзю* — конюшня [Там же, т. 3, с. 531].

²⁵ 品帝乘乾. 百濟入朝、啓於龍編於馬厩...; ср.: 品帝 (ほんてい) 乾に乗ずるに至りて、百濟入朝して、龍編 (りゅうへん) を馬厩 (ばきゅう) に啓 (ひら) き...王仁 (わに) 始めて蒙を輕島に導き、 [Кайфүсō].

²⁶ 王仁 — кор. Ван Ин, яп. Вани (в «Нихон сёки»); 和邇吉師 (в «Кодзики») [Нихон сёки, 1957, с. 277; Кодзики, 2001, с. 266; Ким Бусик, 1995, с. 356, п. 8].

(др.-яп. *Помуда*, совр. яп. *Хомуда*. — С. Д.), [правившего] из дворца Тоё-акира в Карусима, правитель [страны] Кудара (Пэкче) (Кын-гусу-ван) [Kogoshūi, p. 78, p. 87] прислал в качестве подношения к государеву двору [Ямато] учёного мужа по имени Вани [кор. *Ван Ин*]...» [Kogoshūi, p. 40] [Kogoshūi, Ōjin; Когосюи, Ōдзин]. В предисловии к «Кайфүсō» (751 г.) также упомянуто прибытие Ван Ина ко двору государя Хомуда: «...[Когда] государь (яп. *микадо*) Хому[да] взошёл (яп. *нору*, кит. *чэн*) на (небесный) [трон] государя (яп. *кан*, кит. *цяннь*), [люди государства] Пэкче прибыли ко двору, просвещали (яп. *хираку*) [японцев] в книгах выдающихся людей (кит. *лүн-бянь*, яп. *рō-хэн*) ... Ван-ин первым указывал путь в невежестве во [дворце государя Хомуда в] Карусима...»²⁷ [Кайфүсō, предисл.]. В «Фусō-рякки» сказано: «[В] 16-й год [правления Ōдзина], [циклический год] *киното-ми* (42-й знак цикла) (405 год испр. хрон.), 2-й месяц, наследный принц государя (кит. *ван-тайцзы*, кор. *ван-тхэча*, яп. *кими-но тайси*) страны Кудара (кор. *Пэкче*) [по имени] Ван Ин (яп. *Вани*) прибыл ко двору»²⁸ [Фусō-рякки, св. 2-й, Ōдзин, 16-й год, 2-й месяц].

О генеалогии Ван Ина (яп. *Вани*) известно следующее. В «Синсэн-сёдзи-року» сказано, что Ван Ин стал предком рода Фуми-но сукунэ²⁹ [Синсэн-сёдзи-року, св. 21-й, Такэфу-но сукунэ]. Чуть выше сообщается, что род Фуми-но сукунэ происходил от Луань-вана (яп. *Ран-кими*) — потомка императора Гао хуан-ди (Гао-цзу, 206—195 до н. э.) — основателя династии Хань³⁰ [Синсэн-сёдзи-року, св. 21-й, Фуми-но сукунэ]. Таким образом, Ван Ин считался дальним потомком основателя династии Хань — императора Гао-цзу [Kogoshūi, p. 78, p. 87]. На его принадлежность к китайскому императорскому дому могут указывать и иероглифы, которыми записывалось его имя Ван Ин (яп. *Вани*) [Нихон сёки, 1997, с. 466, п. 32], где первый знак (*ван*) имеет значение государь, правитель³¹.

Японский исследователь Акима Тосио обратил внимание на одну странность: в «Нихон-сёки» корейский антропоним «Ван Ин» (кит. *Ван Жэнь*) японски читается как «Вани», хотя на камбуне правильно его следует читать как «Ō Нин» (т. е. японское чтение следует корейскому произношению иероглифов); при этом вместо буквального японского прочтения «Ва Ни» (когда родовое и личное имя пишутся отдельно), они соединены вместе, составляя единое целое. В «Кодзики» данный антропоним так и записан фонетически как *Вани* — теми же иероглифами, что и название мистического морского существа *вани*³². Акима Тосио объясняет, что такое искажённое японизированное про-

²⁷ 「品帝乘^レ乾。百濟入朝、啓^レ於龍編於馬厩... 王仁始導^レ蒙於輕島。」 ср.: 品帝 (ほんてい) 乾に乘ずるに至りて、百濟入朝して、龍編 (りゅうへん) を馬厩 (ばぎゅう) に啓 (ひら) き、... 王仁 (わに) 始めて蒙を輕島に導き、」 [Кайфүсō].

²⁸ 「十六年乙巳、二月。百濟國『王太子』王仁來朝。」 [Фусō-рякки].

²⁹ 「文宿禰と同じき祖。王仁...」 [Синсэн-сёдзи-року, св. 21-й].

³⁰ 「文宿禰 (ふみのすくね)。漢の高皇帝の後、鸞王より出づ。」 [Там же].

³¹ 王 — яп. *кими*, кит. *ван* — государь, правитель.

³² Под «вани» понимают то дракона, то крокодила, то акулу.

чтение имени Ван Ина связано с представлением о том, что существа *вани* выступали как посредники в связях континента с Японией [см.: Akima, p. 139]. Хотя это могла быть просто адаптация корейского имени на японский манер в привычном для японцев произношении, похожем на название одного из японских кланов Вани.

Ван Ин привез с собой в качестве подарков от правителя Пэкче [Кодзики, 1994, с. 93; Ким Бусик, 1995, с. 356, п. 8] конфуцианский сборник речей Конфуция «Лунь-юй» (в 10 свитках) и сборник иероглифов (в одном свитке) «Цянь-цзы-вэнь»³³ (яп. «Сэн-дзи-мон» — букв. ‘письмена [в] тысячу знаков; пособие по обучению иероглифике’) [Нихон-сёки, св.10-й, Одзин, 16-й год пр.; 2-й месяц; Кодзики, св.2-й, Фдзин] [Кодзики, 1994, с. 93; Судо, с. 8; см.: Ямао, с. 281; Ким Бусик, 1995, с. 356, п. 8; Akima, p. 139]. Ряд исследователей указывают, что известное издание «Цянь-цзы-вэнь» датируется VI в. н. э. [Нихон сёки, 1997, с. 466, п. 32; Кодзики, 1994, с. 117; The Cambridge history of Japan, p. 454, п. 2; Судо, с. 9]. Однако другие учёные отмечают, что это мог быть более ранний сборник с таким же названием [см., например: The Cambridge history of Japan, p. 454, п. 2]. Текст «Цянь-цзы-вэнь» представлял собой нечто вроде китайской азбуки Раннего Средневековья, содержащий основные сведения о китайской культуре — от мифологии до классических учений её мудрецов [Нихон сёки, 1997, с. 466, п. 32; Кодзики, 1994, с. 137, п. 117]. Его использовали в процессе школьного обучения во всех странах, где получила распространение китайская письменность. Следует обратить внимание, что ныне идентифицированы тексты моккан (деревянных табличек), содержащие отрывки из «Цянь-цзы-вэнь» [см.: Мещеряков, Грачёв, с. 110]. Данный текст в Китае и Японии ученики должны были заучивать наизусть [Нихон сёки, 1997, с. 466, п. 32; Кодзики, 1994, с. 137, п. 117]. О такой практике запоминания иероглифических текстов говорится и в «Нихон-сёки». Удзи-но вакаирацую, учившийся у Ван Ина читать классические китайские книги, также заучивал их. «...Не было ни одной, которую он бы не выучил...» [Нихон сёки, 1997, с. 291; Воробьев, с. 223]. Японский исследователь Судо Кадзуаки отмечает, что когда китайская письменность только-только появилась в Японии, японцы старались придерживаться всех правил грамматики и даже пытались читать вслух так, чтобы произношение было китайским. Пример этого учёные видят в стихотворениях, написанных на китайском языке, которые сохранились в самом древнем сборнике китайских стихов, написанных японцами, «Кайфусё» (751 г.)³⁴.

Официальная японская традиция связывает проникновение письменности в Ямато с Атики и Ван Ином [Воробьев, 223]. Однако, как удалось выяснить, первое знакомство японцев Ямато с китайскими иероглифами произошло раньше

³³ 論語 — кит. *Лунь-юй*; 千字文 — кит. *Цянь-цзы-вэнь*; 名^レ和邇吉師、即 論語 十卷、千字文 一卷、并十卷、付是人即貢進 [Кодзики, 2001, с. 266, 268].

³⁴ Например, стихотворение Кадо-но Окими (669[?]-705), внука императора Тэнти (668-671): 「素梅開素靨 / 嬌鶯弄嬌声」 — Цветут белые сливы. / Поёт милый красавчик-соловей... / Чарующей красоты песня льётся...» [цит. по: Судо, с. 14].

(в середине — второй половине IV в. н. э.)³⁵. Поэтому можно говорить, что с начала V в. китайская письменность в Ямато стала более широко распространяться.

О дальнейшей судьбе привезённых Ван Ином книг говорится в «Дзиннō-сётōки». «...Даже канонические книги и исторические сочинения (кит. *цзйи-ши*), переправленные [в Японию] в царствование [государя] Ōдзина, ныне [мы] не видим, [так как они не сохранились]. В царственные времена [императора] Сёму (724–749), министр Киби-но дайджин, совершив поездку в Китай при династии Тан, книги, [подобные тем, которые] давно [при Ōдзине] были переданы [в Японию], именно [тогда] распространил [в стране]...» [Дзиннō-сётōки, св. 2-й, Кōрэй; Jinnō-shōtōki, I, Kōrei, p. 71]³⁶.

Ван Ин стал новым учителем наследного принца Удзи-но вака-ирацукко: «...Прибыл Ванъин. Он был назначен наставником принца Уди-но ваки-ирацукко, который выучился у Ванъина читать все классические [китайские] книги. Не было ни одной, которую он бы не выучил...» [Нихон-сёки, св.10-й, Ōдзин, 16-й год пр.] [Нихон сёки, 1997, с. 291]. О способностях ученика Ван Ина в освоении китайской грамоты говорит такой факт. В «Нихон-сёки» в разделе 28-го года правления Ōдзина (412 г. испр. хрон.) говорится, что принц Удзи принимал посольство от Когурё, читал послание (кит. *бъяо*³⁷) от вана этой страны. Содержание письма он понял хорошо, так как уловил даже нотки непочтительности в стиле обращения правителя северокорейского государства к государю Ямато и, взбешённый этим, изорвал письмо [Нихон-сёки, св.10-й, Ōдзин, 28-й год пр.], т. е. грамотности наследника престола вполне хватало для нормального осуществления дипломатической переписки.

Таким образом, распространение письменности в Японии в начале V века связывается с появлением среди иммигрантов «людей грамоты» (*фухйто/фумибито*), знавших китайский язык [см.: Кузнецов и др., с. 42; Норито..., с. 222, п. 1]. Акима Тосио указывает, что Ван Ин стал основателем клана писцов и учёных, известных как Фубито (фумибито) [Akima, p. 139]. Л. М. Ермакова отмечает, что род *фумибито*, называемый также *фумибито-бэ*, *фуми-бэ* и *фумино имики-бэ* [частица *бэ* указывает на принадлежность этих людей к корпорации неполноправных свободных бэмин], изначально был кланом грамотеев (фуми), придворных учёных и хронистов из числа иммигрантов, скорее всего корейских. В течение долгого времени они писали только по-китайски. Это была ранняя ветвь рода *фуми-но имики-бэ* из Кавати [Норито..., с. 222, п. 1]

³⁵ «Самкук-саги» сообщает, что правитель Японии «в тридцать шестом году (345) [правления Хыльхэ. — С. Д.]... во втором месяце вэский ван [Тюай] прислал письмо о разрыве отношений» из-за отказа прислать наследнику престола Ямато корейскую невесту [Самкук-саги, летописи Силла, Хыльхэ, 36-й год пр. (345 год)] 倭王 移^レ書 絶交。 [Самкук-саги, Силла-понги, л. 91; 9–10]; где 書 — кит. *шу*; кор. *со* — ...2) письмо, послание... 3) акт, документ, бумага; письменный приказ [БКРС, т. 2, с. 552]; подробнее см.: [Суровень, 2010, с. 121–126].

³⁶ 「応神の御代にわたれる経史だにも今は見えず。聖武の御時、吉備大臣(きびのだいじん)、入唐して伝(つた)へたりける本こそ流布(るふ)したれば...」 [Дзиннō-сётōки, с. 63; см.: Kitabatake, p. 91].

³⁷ 表 — кит. *бъяо* — *суц.* ...6) официальный документ (меморандум), доклад... [БКРС, т. 3, с. 884; см.: Нихон сёки, 1957, с. 281; 1997, с. 294].

(так называемого рода «западных писцов»). Кроме того, Ван Ин стал предком клана руководителей писцов — Фуми-но обито (досл. ‘глав писцов’³⁸) [см.: Воробьев, с. 68; Игнатович, с. 41], поселившихся в Кавати [Kogoshūi, с. 40; Когосюи, с. 95]³⁹; а также, возможно, Фуми-но сукунэ (досл. ‘управляющие] писцами [в ранге] *сукунэ*’)⁴⁰. Титул *обито* обозначал один из низших рангов в традиционной системе кабанэ. Иероглиф, которым записывался этот титул, означает ‘глава, начальник’⁴¹. Данный ранг присваивался как главам местных знатных родов, так и главам корпораций *бэмин* [Синто... с. 417, п. 149].

По сведениям источников, Ван Ин также был (через своего внука Арако-но обито) первопредком родов Такэфу-но сукунэ и Сакура-но обито⁴²; а кроме этого, кланов Курусу-но обито и Коси-но мурадзи⁴³ [Когосюи, Ёдзин; Kogoshūi, Ōjin; Нихон-сёки, св. 10-й, Ёдзин, 16-й год пр.; 2-й месяц; Кодзики, св. 2-й, Ёдзин; Синсэн-сёдзи-року, св. 21-й, Такэфу-но сукунэ, Сакура-но обито; св. 23-й, Курусу-но обито; св. 28-й и св. 29-й, Коси-но мурадзи].

Результаты культурных контактов японцев и корейцев не заставили себя долго ждать. Впервые упоминание об изготовлении бумаги и туши дается под 16-м годом правления Ёдзина (405 г. испр. хрон.). Бумагу получали из коконов шелкопряда и дерева [см.: Воробьев, с. 235]. В «Синсэн-сёдзи-року» упомянут род изготовителей кистей для письма — Фудэ-си (др.-яп. *Пудэ-уди*). Предком данного клана был китаец Вэй Мань (кор. *Ви Ман*) — выходец из северо-восточного китайского государства Янь, на рубеже III—II вв. до н. э. захвативший власть в государстве Чосон (кит. *Чаосянь*), занимавшем территории Северной Кореи и Южной Маньчжурии, основавший в этой стране новую династию⁴⁴ [Ши-цзи, гл. 115, Чаосянь; Цяньханьшу, гл. 95, Чаосянь; Да-цин и-тун-чжи, разд. 421, л. 236]. «Род Фудэ-си. Потомки канцлера (главного царского советника) (кит. *сянь-гё*)⁴⁵ из Янь [по имени] Вэй Мань-гун. Хорошо (яп. *ёку*) изготавливая кисти для письма (др.-яп. *пудэ*, совр. яп.

³⁸ 「王仁者、是書首等之始祖也」 [Нихон-сёки, 1957, с. 277]; 「此和邇吉師者、文首等祖。」 [Кодзики, 2001, с. 268]; где 書首 (по «Нихон сёки»); 文首 (по «Кодзики») — яп. *фуми-но обито*, досл. ‘глава писцов’, где 書 кит. *шү* — *суц.*: 1) книга; 2) письмо; послание... 3) акт, документ... 4)* записи, анналы... 5) письмо... письмена...; *гл.*: 1) писать; описывать; записывать... [БКРС, т. 2, с. 552]; 文 — кит. *вэнь* — *суц.*: 1) изобразительные письменные знаки; иероглифы... иероглифическая надпись; текст, написанный иероглифическим письмом; 2) письменность, письмо, письмена; письменный язык... 5)... текст, документ...; *гл.*: 1) писать... [Там же, т. 4, с. 58, 59].

³⁹ 「王仁。是河内ノ文首ノ始祖也。」 [Когосюи].

⁴⁰ 「栗栖首 (くるすのおびと)。文宿禰と同じき祖。王仁の後なり。」 [Синсэн-сёдзи-року, св. 23-й].

⁴¹ 首 яп. *обито*, кит. *шоу*: 1) голова; 2) глава, лидер, вождь, предводитель... [БКРС, т. 2, с. 636].

⁴² 武生宿禰 (たけふのすくね) ...王仁の孫、阿浪古首の後なり。桜野首 (さくらののおびと)。武生宿禰と同じき祖。阿浪古首の後なり。 [Синсэн-сёдзи-року, св. 21-й].

⁴³ 古志連 (こしのむらじ)。文宿禰と同じき祖。王仁の後なり。 [Синсэн-сёдзи-року, 28-й, 29-й].

⁴⁴ «Чаосяньский государь [Вэй] Мань был уроженец древнего царства Янь. Дом Янь, ещё находясь в цветущем состоянии, покорил владения Чжень-пхань и Чаосянь, поставил там чиновников, построил пограничные укрепления...» [цит. по: Бичурин, с. 10; см.: с. 10—11; 16—17; 15].

⁴⁵ 相國 — кит. *сянь-гё* — премьер-министр, канцлер [БКРС, т. 2, с. 616]; где 相 — кит. *сянь* — *суц.*: 1) канцлер, регент; министр; царский советник... [Там же, с. 615].

фудэ), [они] доставляли удовольствие⁴⁶ образованным слоям общества (яп. *цукаса-хито-но нагарэ* — досл. слою служилых людей)⁴⁷. По этой причине [людям этого клана] было даровано наследственное звание (яп. *кабинэ*; родовое имя) “Фудэ”⁴⁸ [Синсэн-сёдзи-року, 2002, св. 30-й, Фудэ-си]. Когда потомки Вэй Маня появились в Японии, неизвестно. Но произойти это могло только после 108 г. до н. э., когда под ударами китайских войск пало государство Чосон. Сначала потомки Вэй Маня, видимо, бежали в Южную Корею, а уже оттуда они могли перебраться в Японию.

Изготовление бумаги, туши и кистей для письма означало, что эти предметы использовались для составления каких-либо письменных документов. Следует обратить внимание, что в Древней Японии, вслед за Китаем и Кореей, понятие «служилый человек, чиновник» (яп. *цукаса-но хито*, кит. *йи*) стало ассоциироваться со словосочетанием «образованный человек, учёный». Но исследователи задаются вопросом, почему этот грамотный слой почти не оставил после себя конкретных письменных материалов ни на старой, ни на новой родине. Допустимо, что со старой родиной они быстро утратили связь, однако всегда ли на новой родине они встречали дружелюбный приём и попадали на службу к правителям Ямато? [см.: с. 70]. На сегодня эти самые ранние письменные документы не найдены: надо полагать, они не сохранились (учитывая материалы для письма — деревянные таблички и бумагу, на которых писали тушью).

Долгое время исследователи не имели в своём распоряжении никаких письменных подтверждений о существовании в Ямато V—VI вв. письменных источников, в том числе генеалогического и исторического характера [см., например: Мещеряков, 1997, с. 73; Мещеряков, 1991, с. 22; Мещеряков, Грачёв, с. 107]. Однако в последнее время произошло массовое обнаружение памятников эпиграфики [Мещеряков, 1997, с. 73]. Исследователи нашли надписи на мечях и зеркалах V—VI вв. [The Cambridge history of Japan, p. 454; Hall, p. 24; см.: Уэда и др., с. 182—183; Мацумото, 1977, с. 84—89; Ямао, с. 257—282; Джарылгасинова, с. 39—40], надписи на буддийских статуях и в буддийских храмах, на погребальных стелах, надписи на деревянных табличках моккан [см.: Мещеряков, 1997, с. 74; Мещеряков, Грачев, с. 4].

Как указывает М. В. Воробьев, введение в обиход китайской письменности имело революционное значение. Письменность открывала путь к непосредственному овладению накопленными и систематизированными духовными

⁴⁶ 預 — кит. *юй* — гл. ‘быть довольным (весёлым, счастливым), испытывать радость (блаженство, спокойствие)’ [БКРС, т. 4, с. 736].

⁴⁷ 士流 — кит. *йи-лю* — образованные слои общества, интеллигенция; где 士 — яп. *цукаса-хито*, кит. *йи* — суц.: 1) *уст.* учёный; образованный человек... 3) *уст.* служилое сословие; чиновник... [БКРС, т. 2, с. 93].

⁴⁸ 右京、未定雑姓。筆氏。燕ノ相國 衛滿公之後也。善ク作レ筆、預レ於 士流。因口賜レ筆姓。
[Синсэн-сёдзи-року, 1962, с. 336]; ср.: 筆氏 (ふでし)。燕相國、衛滿公ゑいまんこうの後なり。善く筆を作りて、つかさひとのながれ

士流に預かれり。茲によりて筆の姓を賜ひき。[Синсэн-сёдзи-року, 2002, св. 30-й].

богатствами, а это значительно превышало любые возможности личного обмена опытом. Письменность давала возможность зафиксировать достижения и передать их последующим поколениям [см.: Воробьев, с. 224].

В 20-й год правления Хомуда (409 г. испр. хрон.) прибыла новая группа «ханьцев» (др.-яп. *ая*, *аябито*) [см.: Воробьев, с. 67]. В «Фусō-рякки» сказано: «[В] 20-й год [правления О́дзина], [в циклический год] цутино-тори (46-й знак цикла) (409 г. испр. хрон.), “ханьцы” (кит. *хань-жэнь*, яп. *аябито*) пришли ко двору [Ямато]» [Фусō-рякки, св. 2-й, О́дзин, 20-й год пр.]⁴⁹. Во главе них стоял Ати-но оми⁵⁰ — предок клана Ямато-но ая-но атаэ (досл. «руководителей восточных “ханьцев” из Ямато в ранге *атаэ*»)⁵¹, вместе со своим сыном Цука-но оми⁵². В связи с этим, «Кодзики» сообщает, что в правление Хомуда прибыл предок клана Ая-но атаэ⁵³. В «Сандай-дзицуруку» сказано: «Земляки [и] род⁵⁴ Ати-но оми из страны Кудара (кор. Пэкче-*кук*) (пришли), изъявив покорность (кит. *лэй-гуй*⁵⁵)» [Сандай-дзицуруку, 4-й год *Дзэган* (862 г.), 7-й месяц, 28-й день киното-но хицудзи (32-й знак цикла)]⁵⁶. В «Тамурамаро-дэнки» («Жизнеописании [Саканоуэ-но] Тамурамаро»⁵⁷, IX в.) сообщается: «...Правитель А-чжи (яп. А-ти)⁵⁸... выехал из страны Хань и [прибыл] в нашу страну. В 26-й (20-й⁵⁹ — С. Д.) год [царствования государя] О́дзина [это] произошло...» [Тамурамаро дэнки, О́дзин, 26-й год] [Tamuramaro-denki, p. 582].

Согласно «Тамурамаро-дэнки», дальним предком родов аябито (в том числе клана Саканоуэ-но о-сукунэ) считался основатель династии Ранней Хани император Гао-цзу (Лю Бан, 206—195 гг. до н. э.), в числе предков также числятся ещё два императора: Гуан-у-ди (основатель династии Поздняя Хань, 25—57 гг. н. э.) и Линь-ди (168—188) [Синто... с. 471, п. 60]. В «Тамурамаро-дэнки» сказано: «Дайнагон⁶⁰ Саканоуэ о-сукунэ Тамурамаро⁶¹ происходил от импера-

⁴⁹ 廿年己酉。漢人來朝。[Фусō-рякки].

⁵⁰ 阿知 — кит. *А-чжи*; кор. *А-чи* яп. *А-ти*; 阿知使主 — яп. *Ати-но оми*; где *使主* — яп. *оми* (по иероглифам *си-дэю* / *цукаи-ниси*), досл. ‘хозяйин послов’ [Нихон-сёки, 1957, с. 278]; где *使* — кит. *ши* — посланец, посол; дипломатический представитель, посланник... [БКРС, т. 4, с. 70; см.: Нихон сёки, 1997, с. 467, п. 38].

⁵¹ 廿年秋九月。倭漢直ノ祖 阿知使主。[Нихон-сёки, 1957, с. 278].

⁵² 都加使主 — яп. *Цука-но оми*, др.-яп. *Тука-но оми* [Нихон-сёки, 1957, с. 278; см.: Синто... с. 417, п. 150].

⁵³ 漢直之祖 [Кодзики, 2001, с. 268; Кодзики, 1994, с. 93].

⁵⁴ 黨類 — кит. *дан-лэй*, досл. ‘земляки [и его] род’; где *黨* — кит. *дан*: ...4) родственники, родня, род, клан; люди одного рода; 5) *община (селение) в 500 (реже — 250) дворов (административная единица); з е м л я к и... [БКРС, т. 4, с. 908]; 類 — кит. *лэй* — 4) род (генеалогический)... [Там же, с. 741].

⁵⁵ 來歸 — кит. *лэй-гуй* — 3)... изъявить покорность, перейти на (*чью-л.*) сторону [БКРС, т. 3, с. 746].

⁵⁶ 『三代実録』 卷六、貞觀四年 (862) 七月、廿八日乙未: ...阿智使主之黨類、自百濟國來歸也。』 [Сандай дзицуруку].

⁵⁷ 田邑麻呂傳記 [Tamuramaro-denki, p. 582, n. 1].

⁵⁸ 阿智王 — кит. и кор. *А-чжи-ван*, яп. *А-ти-но кими*, досл. ‘правитель А-чжи’ [Ibid., p. 582, n. 6].

⁵⁹ 26-й год (415 год испр. хрон.) — видимо, ошибка вместо 20-го года правления О́дзина (409 г. испр. хрон.).

⁶⁰ 大納言 — яп. *дайнагон*, старший государственный советник императора [Свод законов «Тайхорё», с. 301].

⁶¹ 大納言坂上大宿禰田邑麻呂 — яп. *дайнагон Саканоуэ о-сукунэ Тамурамаро* [Tamuramaro-denki, p. 582, n. 2].

тора Гао-цзю⁶² из Ранней Хани. Двадцать восемь поколений этой [династии] было до императора Гуан-у⁶³ из Поздней династии Хань. [Его] потомком в 19-м поколении⁶⁴ (являлся) почитаемый император Лин⁶⁵...» [Tamuramago-denki, p. 582, 583; Тамурамаро дэнки, Одзин, 26-й год]. Некоторые исследователи полагают, что указание на происхождение от китайских императоров было сделано для того, чтобы доказать знатность своего происхождения и таким образом повысить свой авторитет в глазах других неяпонских родов, проживавших в Японии [Синто...с. 471, п. 60].

По версии «Синсэн-сэдзи-року» (815 г.) и «Нихон-кёки» (840 г.), род Ати-но атаэ возводил своё происхождение к императору династии Поздняя Хань Лин-ди (168—188). Легенда этого рода гласит, что после падения династии Хань принц Ати бежал из Китая в Корею, а оттуда в Японию [Нихон сёки, 1997, с. 467, п. 38; Nihongi, p. 265, п. 1]. В «Нихон-кёки» (св. 21-й) сказано (Кёнин 2-й год, 811 г.): «[5-го месяца] день хиноэ-но тацу (53-й знак цикла) [23-й день]. Дайнагон старшего третьего ранга и одновременно военачальник правой [части императорских] телохранителей (у-кин-вэй)⁶⁶, а также министр (яп. *кё*/ *кэй*, кит. *цын*) военного ведомства (*хёбу*) Саканоуэ-но ё-сукунэ Тамурамаро покинул мир... [Его] предок — Ати-но оми, правнук императора Лин-ди (168—188) из Поздней династии Хань. [Когда] престол от [династии] Хань перешёл к [династии] Вэй (220—265), (Ати) бежал [из Китайского] государства [в округ] Дайфан (кор. Тэбан) [в Корее]...» [Нихон-кёки, св.21-й, 2-й год Кёнин, 5-й месяц, 23-й день]⁶⁷.

Однако источники расходятся в количестве поколений, которые отделяли принца А-чжи (Ати) и императора Лин-ди. В «Нихон-кёки» (св. 21-й) Ати-но оми назван правнуком (потомком в 3-м поколении) императора Лин-ди: «...Ати-но оми, правнук императора Лин-ди (168—188) Поздней династии Хань...»⁶⁸ [Нихон-кёки, св. 21-й, 2-й год Кёнин, 5-й месяц, 23-й день]. В 21-м свитке «Синсэн-сэдзи-року» принц Ати-но оми также назван потомком в 3-м поколении (правнуком) императора Лин-ди⁶⁹ [Синсэн-сэдзи-року, св. 21-й, Кицу-но имики]. А в 28-м⁷⁰ и 29-м⁷¹ свитках этого же источника — уже потомком в 4-м

⁶² 高祖皇帝 — кит. *Гао-цзю хуан-ди*, основатель династии Хань, 206 (202) — 194 гг. до н. э. [Ibid., п. 3].

⁶³ 光武 — кит. *Гуан-у*, основатель Поздней династии Хань, 25–58 гг. н. э. [Ibid., п. 4].

⁶⁴ Предполагают, что здесь ошибка (вместо «9-е поколение», включая императора Гуан-у) [Ibid., п. 5].

⁶⁵ 孝靈皇帝 — кит. *Сяо Лин-хуан-ди* (168–190) [Ibid.].

⁶⁶ 右近衛 — яп. *у-кин-вэй*, досл. ‘правая личная охрана (императора)’, где 近衛 — яп. *кин-вэй*, кит. *цзинь-вэй* — личная охрана, телохранители (*государя*) [БКРС, т. 4, с. 101].

⁶⁷ 《卷廿一弘仁二年(811)五月丙辰【廿三】》: 丙辰。大納言 正三位 兼 右近衛 大將 兵部卿 坂上大宿禰 田村麻呂 薨。...其先 阿智使主、後漢ノ靈帝之曾孫也。漢ノ祚 遷^レ魏、避^レ國 帶方。[Нихон-кёки, с. 5158; см.: Bohner, p. 585].

⁶⁸ 《卷廿一弘仁二年(811)五月丙辰【廿三】》: 丙辰。...阿智使主、後漢ノ靈帝之曾孫也。[Там же; см.: Ibid.].

⁶⁹ 後漢の靈帝の三世孫、阿智使主 ... «...Ати-но оми — потомок в третьем поколении (правнук) императора Лин-ди [династии] Поздняя Хань» [Синсэн-сэдзи-року, св. 21-й].

⁷⁰ 後漢の靈帝の四世孫、阿智使主 ... [Синсэн-сэдзи-року, св. 28-й].

⁷¹ 後漢の靈帝の四世孫、阿智王 ... «...Ати-но оми [Ати-но кими в 29-м свитке. — С. Д.] — потомок в четвёртом поколении (праправнук) императора Лин-ди [династии] Поздняя Хань» [Синсэн-сэдзи-року, св. 29-й].

поколении [Синсэн-сэдзи-року, св. 28-й, Хинацу-но *атаи*; св. 29-й, Хинацу-но *атаи*]. В 6-м свитке «Сандай-дзицуроку» [901 г.] (раздел «4-й год *Дзэган* [862 г.]») опять же сообщается, что, Ати-но оми был потомком в 4-м поколении императора династии Поздняя Хань Сяо-линь-ди (т. е. Линь-ди, 168—188)⁷² [Сандай-дзицуроку, св.6-й, 4-й год *Дзэган* (862 г.), 3-й месяц, 1-й день — день новолуния цутиното-но ми (6-й знак цикла)]. То же самое повторено чуть дальше⁷³ [Сандай-дзицуроку, св.6-й, 4-й год *Дзэган* (862 г.), 3-й месяц, 28-й день киното-но хицудзи (32-й знак цикла)]. Однако по сведениям клановой истории рода Саканоуэ, нашедшим отражение в «Тамурамаро-дэнки», Ати-но кими (А-чжи-ван) был потомком Лин-ди в 13-м поколении⁷⁴: «...Император Лин-[ди]⁷⁵. Тринадцатым поколением [от него был] правитель А-чжи (яп. А-ти)⁷⁶...» [Тамурамаро дэнки, 26-й г.] [Tamuramaro-denki, p. 582]. В 23-м свитке «Синсэн-сэдзи-року» предком родов аябито, восходящих к сыну Ати-но оми — Цука-но атаи (он же Цука-но оми), назван Янь-ван — сын императора Лин-ди из династии Поздняя Хань⁷⁷ [Синсэн-сэдзи-року, св. 23-й, Саканоуэ-но *ō-сукунэ*].

Исходя из всего выше сказанного, можно полагать, что 1) или прибывший в Японию в царствование государя Хомуда — Ати-но оми был тезкой «древне-го» принца А-чжи, бежавшего после падения династии Хань из Китая в Корею; 2) или в официальной версии («потомок в 3-м или 4-м поколении императора Лин-ди»), с целью удревнения времени царствования первых японских государей (включая и государя Хомуда), было занижено количество поколений, разделявших императора Лин-ди и А-чжи. Учёные же считают, что в действительности прибывший в Японию в царствование государя Хомуда (Одзина, 390—414/415 гг. испр. хрон.) принц А-чжи был потомком императора Лин-ди в 13-м поколении [Синто... с. 471, п. 60; Tamuramaro-denki, p. 582, п. 6]. М. В. Воробьев указывает, что ханьцы сперва прибыли в округ Дайфан, а после упразднения последнего — в Японию [Воробьев, с. 68]. В связи с этим следует обратить внимание на сообщение «Тамурамаро-дэнки»: «...Правитель А-чжи (яп. А-ти)... Другое имя — правитель Ин-чжи ([яп.] Эй-ти)...» [Tamuramaro-denki, p. 582—583] (кор. *Ён-чи*, яп. *Эй-ти*, или *Хидэтомо* [см.: Капул, Кириленко, с. 379, 232])⁷⁸ [Тамурамаро дэнки, Фдзин, 26-й год]. Можно предположить, что ханьцев, прибывших в Дайфан в первой половине III в., возглавлял древний принц А-чжи, о чём и сказано в «Нихон-кёки»: «[Когда] престол от [династии] Хань перешёл к [династии] Вэй (220—265), (А-чжи) бежал [из Китайского]

⁷² 『三代実録』 卷六、貞觀四年 (862) 三月、己巳朔: 『...後漢ノ孝靈皇帝ノ四代孫、阿智使主之後。』 [Сандай дзицуроку].

⁷³ 『三代実録』 卷六、貞觀四年 (862) 七月、廿八日 乙未: 『後漢ノ孝靈皇帝ノ四代孫。阿智使主之裔。』 [Сандай дзицуроку].

⁷⁴ Тринадцатое поколение, таким образом, в этом родословном древе (включая Гуан-у) [Tamuramaro-denki, p. 582, n. 6].

⁷⁵ 孝靈皇帝 — кит. *Сяо Лин-хуан-ди* (168—190) [Ibid., n. 5].

⁷⁶ Подробнее см.: [Wedemeyer, p. 68 и далее, особенно: p. 131], а также книги по истории Японии К. Флоренца, В. Г. Астона, Б. Х. Чэмберлэйна [Tamuramaro-denki, p. 582, n. 6].

⁷⁷ 坂上大宿禰 (さかのうへのおほすくね)。後漢の靈帝の男、延王より出づ。[Синсэн-сэдзи-року, св. 23-й; см.: Синсэн сэдзироку, 2002, с. 192].

⁷⁸ 英智王 — кит. *Ин-чжи-ван*, кор. *Ён-чи-ван*, яп. *Эй-ти-но кими* [см.: Tamuramaro-denki, p. 583, n. 10].

государства [в округ] Дайфан (кор. *Тэбан*) [в Корее]...»⁷⁹ [Нихон-кōки, св. 21-й, 2-й год Кōнин, 5-й месяц, 23-й день]. А их потомков, покинувших Корею в начале V века — далёкий отпрыск принца А-чжи и его тезка — Ачжи-ван (яп. *Ати-но оми*), носивший также другое имя — Ин-чжи (кор. *Ён-чи*; на камбуне читалось как *Эй-ти*, в японском произношении — *Хидэтомо*).

В «Нихон-сёки» говорится, что Ати-но оми «предводительствовал своими земляками [и] своим родом из 17 округов»⁸⁰. Сходная информация дана в «Когосюи»: «Ати-но оми, предок Ая-но атаэ, прибыл в Японию и проявил преданность государю [Хомуда], приведя с собой в Поднебесную (т. е. в Ямато. — С. Д.) множество жителей из его 17 округов (имений) в Корее» [Kogoshūi, Ojin; Когосюи, Ёдзин, Ати-но оми] [Kogoshūi, p. 40; Когосюи, с. 95]. «Предок [клана] Ая-но атаэ — Ати-но оми привёл с собой народ 17-ти округов (яп. *агата*) и пришёл ко двору [Ямато] (с изъявлением покорности) (кит. *лай-чао*⁸¹)» [Когосюи, Ёдзин]⁸². Об этом же говорится в «Сёку-нихонги»: «Первопредок Ати-но оми. В царствование государя [Хомуда], управлявшего территорией [страны Ямато из] дворца Тоё-акира-но мия в Карусима, [Ати-но оми] во главе трудового люда (яп. *нимпу*, кит. *жэньфү*)⁸³ [из] семнадцати округов (яп. *агата*) [пришёл и] покорился (яп. *кика-суру*)...»⁸⁴ [Сёку-нихонги, св. 32-й, 3-й год Хōки (772 г.), 4-й месяц, 20-й день, канэ-но ума]. В «Нихон-кōки» (св. 21-й) сказано: «...Ати-но оми... Во время царствования государя Хомуда-тэннф [он иммигрировал в Японию], приведя [людей своего] рода-племени [из своего поселения] (бураку)⁸⁵, [и] стал подданным [японского государя] (яп. *найфу*, кит. *нэй-фү*)⁸⁶...»⁸⁷ [Нихон-кōки, св. 21-й, 2-й год Кōнин, 5-й месяц, 23-й день]. «Тамурамародэнки» сообщает некоторые интересные подробности: «...Правитель А-чжи (яп. А-ти), [из разных] округов (кит. *сянь*, др.-яп. *агата*)⁸⁸ одного рода сотню [множество. — прим. пер.⁸⁹] человек⁹⁰ ведя, выехал из страны Хань и [прибыл] в нашу

⁷⁹ Г 《卷廿一弘仁二年(811)五月丙辰【廿三】》: 丙辰。...漢ノ詐遷ノ魏、避ノ國帶方。[Нихон-кōки, с. 5158; см.: Bohner, p. 585].

⁸⁰ 並率ノ己之黨類十七縣而來歸以焉。— «А также, предводительствуя своими земляками и своим родом [из] семнадцати округов (яп. *агата*), изъявил покорность» [Нихон-сёки, 1957, с. 278; Воробьев, с. 68]; где 來歸 — кит. *лай-гуй*: ...3)... изъявить покорность, перейти на (чью-л.) сторону [БКРС, т. 3, с. 746].

⁸¹ 來朝 — кит. *лай-чао* явиться ко двору (с изъявлением покорности) [Там же].

⁸² 漢直ノ祖阿知ノ使主率ノ十七縣ノ民而來朝焉。[Когосюи].

⁸³ 人夫 — яп. *нимпу*, кит. *жэньфү* — *уст.* 1) труженик, рабочий человек; 2) чернорабочий; рабочий тяжёлых профессий [БКРС, т. 3, с. 589].

⁸⁴ 先祖阿智使主。輕嶋豐明宮馭宇天皇御世、率ノ十七縣ノ人夫歸化。[см.: Hong, 2005; Сёку-нихонги, св.1-й — 40-й; Сёку-нихонги, св. 26-й — 40-й; Сёку-нихонги, св.1-й — 40-й (из серии Кокуси-тайкэй)].

⁸⁵ 部落 — яп. *бураку*, кит. *булү*, *булү*: 1) племя; род... 2)... поселение... [БКРС, т. 2, с. 776].

⁸⁶ 内附 — яп. *найфу*, кит. *нэй-фү* — *уст.* принять вассальную зависимость, стать вассалом... [Там же, т. 3, с. 326].

⁸⁷ 《卷廿一弘仁二年(811)五月丙辰【廿三】》: 丙辰。...阿智使主... 譽田天皇之代、率ノ部落、内附。[Нихон-кōки, с. 5158; см.: Bohner, p. 585].

⁸⁸ 縣系 — кит. *сянь*, яп. *агата* — округ [см.: Bohner, p. 582, п. 7].

⁸⁹ Герман Бонэр указывает, что 百 (сто) здесь, видимо, следует понимать как число множества [см.: Ibid, п. 8].

⁹⁰ Г 縣同姓百人 — досл. 'одного рода сотню [множество] человек' [Тамурамародэнки, р. 583, п. 8].

страну...» [Тамурамаро дэнки, Фдзин, 26-й год] [Tamuramaro-denki, p. 582—583]. Позднее принц А-чжи был пожалован родовым именем Ати-но оми [Синто..., с. 471, п. 60].

Прибывшие люди были расселены в области Ямато [Нихон-сёки, св.10-й, Ёдзин, 20-й год пр.; Nihongi, vol. 10, p. 13—14] [см.: Ямао, с. 281]. Переселенцам из 17 округов было дозволено поселиться в землях уезда (др.-яп. *копори*, яп. *кōри*) Такаити (Такэти), который находился в самом центре государства Ямато [см.: Hong, 2005]. Сам принц А-чжи и его люди поселились в местности Хинокума области Ямато [Синто..., с. 471, п. 60]. В «Тамурамаро-дэнки» сказано: «Указ был издан, [по которому в] области Ямато местность Хинокума⁹¹ была дана ему [А-чжи] к жительству...» [Тамурамаро дэнки, Ёдзин, 26-й год] [Tamuramaro-denki, p. 582—583]. «Синсэн-сёдзи-року» сообщает, что Ати-но оми (он же Ати-но кими) получил от государя Хомуда (Ёдзина) разрешение поселиться в землях уезда Хинокума и создать там округ Имаки (досл. вновь прибывшие), который позднее был переименован в округ Такаити (Такэти) [см.: Hong, 2005]. «Ати-но кими. В царствование государя Хомуда... [люди] аябито (“ханьцы”) [из] семи родов (яп. *сэй*, кит. *син*) [пришли и] покорились (яп. *кика-суру*)... Поэтому [государь] даровал им место (яп. *сато* — досл. родные места, деревни) в уезде (др.-яп. *копори*, яп. *кōри*) Хинокума области Ямато-но куни, [чтобы] жить тут... В то время Ати-но кими [получил позволение] создать округ Имаки-но кōри (досл. округ вновь прибывших)...»⁹² [Синсэн-сёдзи-року, Ати-но кими]. «Первопредок Ати-но оми... [Государь Хомуда] повелел, [чтобы] селение Хинокума-но мура уезда (яп. *кōри*) Такаити (Такэти) и было [тем местом, где переселенцы должны были] жить...»⁹³ [Сёку-нихонги, св.32-й, 3-й год Хōки (772 г.), 4-й месяц, 20-й день, канэ-но ума]. Следует обратить внимание на то, что предком клана Хинокума-но *имики* был Ати-но *оми*⁹⁴ [Синсэн-сёдзи-року, св.27-й <ая>, Хинокума-но *имики*]. Об этом же сказано в «Сёку-нихонги»: «...Хинокума-но *имики*. Первопричина назначения [людей этого рода на должность] управителей уезда (гунси) Такаити (Такэти) области Ямато [закключаются в том, что их] первопредком [был] Ати-но оми...»⁹⁵ [Сёку-нихонги, св. 32-й, 3-й год Хōки (772 г.), 4-й месяц, 20-й день, канэ-но ума]. В «Нихон-кōки» (св. 21-й) записано: «...Ати-но оми... Родом [Ати был] из семьи (яп. *касэй*, кит. *цзя-шү*)⁹⁶, придававшей военному делу (яп. *бу*, кит. *у*) первостепенное значение

⁹¹ 檜前 — яп. *Хинокума* [см.: СЧГНЯ, с. 348]. Герман Бонэр читает этот топоним как *Хиномаэ* [см.: Tamuramaro-denki, p. 583, п. 9].

⁹² 阿智王。譽田天皇ノ御世... 七姓ノ漢人等 歸化。 仍賜ノ大和國ノ檜隈郡ノ郷 居之焉。... 爾時 阿智王 奏建ノ今來郡。 [цит. по: Hong, 2005].

⁹³ 「先祖 阿智使主。... 詔ノ高市郡ノ檜前村 而居ノ焉。」 [цит. по: Hong, 2005; Сёку-нихонги, св. 1—40; Сёку-нихонги, св. 26—40; Сёку-нихонги, св. 1—40 (из серии Кокуси-тайкэй)].

⁹⁴ 檜前忌寸 (ひのくまのいみぎ)。... 阿智王の後なり。 [Синсэн-сёдзи-року, св.27-й].

⁹⁵ ... 檜前忌寸。任ノ大和國ノ高市郡ノ司 元由者。先祖 阿智使主 [Сёку-нихонги, св.1—40; Сёку-нихонги, св. 26—40; Сёку-нихонги, св. 1—40 (из серии Кокуси-тайкэй); см.: Hong, 2005].

⁹⁶ 家世 — яп. *касэй*, кит. *цзя-шү* — социальное происхождение [семьи]; родом из... [БКРС, т. 3, с. 840].

(яп. *сѣбу*, кит. *шан-й*)⁹⁷, приручавшей соколов (яп. *така*), объезжавших лошадей⁹⁸; сыновья и внуки (потомки) передавали эту профессию друг другу последовательно, не прерывая [традиций]...»⁹⁹ [Нихон-кёки, св. 21-й, 2-й год Кёнин, 5-й месяц, 23-й день].

Как видно из материалов «Синсэн-сѣдзи-року», люди 17 округов, прибывшие вместе с Ати-но оми, принадлежали к семи родовым группам. «Ати-но кими. В царствование государя Хомуда... [люди] аябито (“ханьцы”) [из] семи родов (яп. *сэй*, кит. *син*) [пришли и] покорились (яп. *кика-суру*)... Поэтому [государь] даровал им место (яп. *сато* — досл. ‘родные места, деревни’) в уезде (др.-яп. *копори*, яп. *кёри*) Хинокума области Ямато-но *куни*, [чтобы] жить тут... Глава селения (яп. *мура-нуси*, *сугури*) Асёка (Асёка-но сугури)... глава селения Нисикибэ (Нисикибэ-но сугури)... глава селения Курацукури (Курацукури-но сугури), глава селения Харима (Харима-но сугури), глава селения Ая (Ая-но сугури), глава селения Имаки (Имаки-но сугури)... и другие. Эти [люди] являются потомками тех [аябито (“ханьцев”), прибывших с Ати-но кими]...» [Синсэн-сѣдзи-року, Ати-но кими]¹⁰⁰. В родословной клана Саканоуэ-удзи (восходящего к сыну Ати-но оми — Цука-но оми) под названием «Саканоуэ-но удзи кэйдзу» («Генеалогии рода Саканоуэ», XI в.) приведены такие же сведения: «В царствование государя Хомуда (посмертное имя — Ёдзин), спасаясь от смуты в [своей] стране..., [в Японию] прибыли семь китайских (“ханьских”) родов», среди которых были предки родов Саканоуэ-удзи и Такамуко-но сугури [цит. по: Синто..., с. 471, п. 61]. Род Саканоуэ-удзи возводил свою родословную к Янь-вану — сыну императора династии Поздняя Хань Линь-ди¹⁰¹ [Синсэн-сѣдзи-року, св. 23-й, Саканоуэ-но *ё-сукунэ*]. О клане Такамуко-но сугури в «Синсэн-сѣдзи-року» сказано: «[Люди рода] Такамуко-но сугури (“главы селения Такамуко”). Происходят¹⁰² от Вэнь-ди — наследника императора У-ди из династии Вэй»¹⁰³ [Синсэн-сѣдзи-року, св. 24-й, <Хань>, Такамуко-но сугури; Синсэн сѣдзироку, (св. 24-й) Правая сторона столицы; [тип родства] «сѣбан», (852) Такамуко-но сугури]. Этот же первопредок указан для клана Унатэ-но мурадзи [через предка Сёхотоку-кими, кит. Цзунбао Дэ-гун] и Кёри-но обито (др.-яп. *Копори-но обито*) [через предка Дансэйфу-кими, кит. *Дуаньсин*

⁹⁷ 尚武 — яп. *сѣбу*, кит. *шан-й* — питать пристрастие к военному делу; ставить военное дело превыше всего; придавать военному искусству первостепенное значение [Там же, с. 257].

⁹⁸ 調鷹相馬 где 調 — яп. *тоноэру*, кит. *тяо* — гл. ... 3) приручать, дрессировать; объезжать (лошадей)... [Там же, с. 270].

⁹⁹ 〔卷廿一弘仁二年(811)五月丙辰【廿三】〕丙辰。...阿智使主...家世尚武。調鷹相馬。子孫傳業、相次不絶。[Нихон-кёки, с. 5158; см.: Bohner, с. 585].

¹⁰⁰ 〔阿智王。誓田天皇ノ御世...七姓ノ漢人等歸化。...仍賜大和國ノ檜隈郡ノ郷居之焉。...飛鳥村主、...錦部村主、播磨村主、漢人村主、今來村主、...等、是其後也。〕 [цит. по: Hongo, 2005].

¹⁰¹ 〔坂上大宿禰(さかのうへのおほすくね)。後漢の靈帝の男、延王より出づ。〕 [Синсэн-сѣдзи-року, св. 23-й; см.: Синсэн сѣдзироку, 2002, с. 192].

¹⁰² Согласно тексту одного из списков «Синсэн-сѣдзи-року», — «потомки» [см.: Синто..., с. 471, п. 62].

¹⁰³ 〔高向村主(たかむくのすくり)。魏の武帝の太子、文帝より出づ。〕 [Синсэн-сѣдзи-року, св. 24-й; см.: Синсэн сѣдзироку, 2002, с. 192].

Фу-гун; ещё одно его имя *Футо*, кит. *Фудэн*]¹⁰⁴ [Синсэн-сёдзи-року, св. 24-й, <Хань>, Унатэ-но мурадзи, Кфри-но обито].

Каково было количество ханьцев, прибывших вместе с Ати-но оми, указано в «Сёку-нихонги». Переселенцев народа ая (ханьцев) из 17 округов оказалась настолько много, что они составляли 80–90 % населения округа Имаки (досл. вновь прибывших), в то время как людей других кланов (не ханьцев) было 10–20 % [см.: Hong, 2005]. «[Что касается населения, обитавшего] в пределах всего округа Такаити, [то люди клана] Хинокума-но имики и трудовой люд из 17 округов, [приведённые Ати-но оми], заполнили земли [уезда] и жили [здесь]. Членов других родов было из десяти — один—два»¹⁰⁵ [Сёку-нихонги, св. 32-й, 3-й год Хёки (772 г.), 4-й месяц, 20-й день, канэ-но ума].

Округ Имаки, который позднее был переименован в округ Такаити/ Такэти, оказался настолько заполнен людьми ая, что вскоре (по сведениям «Харима-фудоки», ещё в царствование государя Хомуда) их пришлось расселить в нескольких других областях (куни) [см.: Hong, 2005]. «...Округ Имаки-но кфри (досл. “округ вновь прибывших”). Впоследствии [название данного округа] изменили [и] он стал называться Такаити-но *кёри* (Такэти-но *кёри*). И тогда массы народа [ая] было слишком много. [А] земли, [где они] жили, были тесными (узкими) [для такого количества людей]. [По этой причине] заново разделили [их и] определили [жить] во всех областях (яп. *морю куни*). Главы селений (яп. *мура-нуси, сугури*) людей ая (аябито-но сугури) областей Сэццу...Оми (др.-яп. Апуми), Харима... и других [областей] — это [и] есть [те люди аябито, которые пришли вместе с Ати-но оми]»¹⁰⁶ [Синсэн-сёдзи-року, Ати-но кими].

«Харима-фудоки» подтверждает факт поселения людей аябито на территории области Харима-но куни. Так, например, в данном источнике сообщается, что в царствование государя Хомуда в село Тада прибыли люди из Пэкче (яп. *Кудара*). На месте старых укреплений на холме Нука (он же гора Кимурэ, досл. ‘гора у селения с укреплениями’; топоним явно пэкчского происхождения¹⁰⁷) они построили новые оборонительные сооружения¹⁰⁸ [Харима-фудоки, уезд Камудзаки, село Тада, холм Нука].

¹⁰⁴ 「雲梯連 (うなてのむらじ)。高向村主と同じ祖。宗宝徳公そうほうとくこうの後なり。郡首 (こほりのおびと)。

高向村主と同じ祖。段姓夫公だんせいふこう [一名は冨等]の後なり。」[Синсэн-сёдзи-року, св. 24-й].

¹⁰⁵ 「凡 高市郡ノ内ノ者 檜前ノ忌寸及 十七縣ノ人夫 滿ノ地而居。他姓者 十而一二焉。」[Hong, 2005; Сёку-нихонги, св. 1–40; Сёку-нихонги, св. 26–40; Сёку-нихонги, св. 1–40 (из серии Кокуситайкэй)].

¹⁰⁶ 「...今來郡。後改號^レ高市郡而人衆巨多居^レ地隘狹。更分置^レ諸國。攝津... 近江、播磨... 等漢人村主是也。」[цит. по: Hong, 2005].

¹⁰⁷ Хотя точное местоположение горы Кимурэ в уезде Камудзаки провинции Харима неизвестно, Акимото Китирё пишет, что это, очевидно, другое название современной горы Нука-цука [Древние фудоки, с. 285].

¹⁰⁸ «А один человек рассказывал: на том месте, где были вырыты укрепления (на холме Нука в землях села Тада. — С. Д.), прибывшие, во время правления царя Хомуда, из Кудара люди (выходцы из Пэкче. — С. Д.) построили укрепление по-своему (далее перевод по: Харима-но куни-но фудоки, с. 33, строки 1–2; ср.: Древние фудоки, с. 100) [и] жили здесь. Их потомками являются [люди рода] Ясиро из людей [государева владения] мякэ (яп. *мякэ-хито*) селения Каванобэ» [см.: Древние фудоки, с. 263, 100]; Земли села Каванобэ-но сато (досл. ‘Приречного села’; упомянутого

На горном поле Исэ села Хаясида уезда Иибо провинции Харима обосновался китайский переселенец (яп. *аябито* — ханьский человек) — предок рода Аябито-но Тора (досл. 'рода китайских переселенцев Тора [кит. *ху* — тигр]') [Древние фудоки, с. 240] и предок рода Кинунуи-но Итэ (досл. 'Итэ из корпорации [бэ] Кинунуи [швей]')¹⁰⁹ [Там же, с. 245]. Акимото Китирō указывает, что люди Аябито-но Тора принадлежали к роду ассимилировавшихся переселенцев из Пэкче китайского происхождения, так как китайские переселенцы прибывали на Японские острова через Корейский полуостров, поэтому они и записывались как прибывшие из Пэкче [Там же, с. 240]. Кинунуи-но Итэ был родом корейских переселенцев из Пэкче, занимавшихся шитьём одежды (название профессии стало их родовым именем) [Там же, с. 245]. «(Горное поле Исэ); история названия Исэ такова...когда здесь решил обосноваться предок родов Кинунуиноитэ и Аябитонотора, то он построил храм у подножия горы и в нём поклонялся богам. Богом, обитавшим на вершине горы, был великий бог Ива; у него были дети — Исэцухико и Исэцухимэ¹¹⁰. После постройки храма в жилищах стало спокойно, и наконец там возникла деревня; поэтому горное поле и назвали Исэ»¹¹¹ [Харима-фудоки, уезд Иибо, село Хаясида, горное поле Исэ] [Древние фудоки, с. 83]¹¹². Храм, построенный переселенцами местным богам, — это храм Наги в Симо-исэ, в котором поклоняются богу Исэ¹¹³.

Потомки людей аябито¹¹⁴, поселившихся в землях уезда Иибо провинции Харима в царствование Хомуда, ещё в первой половине VI в. проживали в селе Аябэ-но сато (досл. 'селе [людей] из [корпорации] ханьцев [ая]'; в 690 г.

в «Вамёсё») лежали на восточном берегу реки Ити (по главному руслу в окрестностях современного Кавабэ) и в бассейне речек Одавара и Окабэ (притоков реки Ити). Остаточными названиями являются топоним Кавабэ (восточный и западный Кавабэ города Итикава) [Древние фудоки, с. 278]. 「粳岡者...又云^レ城牟礼山。一云:掘城処者、品太天皇^ノ御^ノ俗^ノ参度来^レ百济人等、随^レ有俗、造^レ城、居^レ之。其孫等川辺里^ノ三家人^ノ夜代等。」 [Харима-но кунин-но фудоки, с. 32–33; см.: Бураку-си..., с. 29; Hong, 2005].

¹⁰⁹ 衣縫猪手 — яп. *Кинунуи-но Итэ*, досл. 'Итэ [кабанья лапа] швей (портных) шитья (*нуи*) (*кину* — шёлковой) одежды'; где 縫 — яп. *нуу* — шить; зашивать; прошивать; яп. *Нуи*: 1) шитьё; 2) вышивание [ЯРУСИ, с. 470]; а иероглиф 衣 — яп. *коромо* — одежда [Там же, с. 528] прочитан как *кину* (絹 — 'шёлк, шелка, шёлковый' [ЯРС, с. 275]), что является одним из редких чтений иероглифа 衣 (видимо, в значении 'шёлковая одежда').

¹¹⁰ Дословно: «Богам, обитавшими на вершине горы, были дети Великого бога Ива-но ф-ками — (сын) Исэ-цу хйко (и дочь) Исэ-цу химэ».

¹¹¹ 「伊勢野。所以名^レ伊勢野者: ...於是、衣縫猪手^ノ漢人刀良等^ノ祖^ノ將居^レ此処。立^レ社山本敬^レ祭。在^レ山岑^ノ神^ノ伊和^ノ大神^ノ子^ノ伊勢都比古命^ノ伊勢都比壳命^ノ矣。自此以後家家静安。遂得成^レ里。即号^レ伊勢。」 [Харима-но кунин-но фудоки, с. 29, строки 3–6; Бураку-си..., с. 24].

¹¹² Горное поле Исэ лежало в бассейне реки Исэ, которая протекает по полю Исэ в долине, что восточнее реки Хаясида (верховье реки Ота). В городе Хаясида сохранились названия Ками-исэ (Верхнее Исэ) и Симо-исэ (Нижнее Исэ) [Древние фудоки, с. 276].

¹¹³ Храм находится у подножия горы, расположенной юго-восточнее Симо-исэ и недалеко от старого почтового тракта, ведущего в регион Сангын-дō [Там же, с. 191, п. 25, 24].

¹¹⁴ Акимото Китирō пишет, что люди рода Кавара были потомками переселенцев из Китая [см.: Там же, с. 245].

переименованного в Оякэ¹¹⁵). «Село Оякэ (прежнее название было Аябэ)... История названия Аябэ такова: в этой деревне жили китайцы (аяхито), что и послужило названием села...» [Древние фудоки, 89]¹¹⁶.

Один из родов людей ая — аябито (кит. *хань-жэнь*, «ханьцев») (по сведениям «Синсэн-сэджи-року») происходил от «человека [китайского происхождения, прибывшего] из государства Кудара-но *куни* (кор. Пэкче-*кук*), [по имени] Таяка (кор. *Таяка*, кит. *Доецзя*)»¹¹⁷ [Синсэн-сэджи-року, св. 24-й, Аябито].

С V в. ая особенно густо расселялись на острове Хонсю по побережью Внутреннего Японского моря, вблизи тех мест (Нагато, Ямато), где размещались государственные ставки. Поселения ая (Ямато-но ая), кроме клана Саканоэ, находились в провинциях Ямато и Кавати [см.: Воробьев, с. 68]. Внезапное появление антропонимов ханьцев *Аяхито*, *Аябэ*, *Аяхитобэ* в разных провинциях даёт возможность предполагать, что эти фамилии или группы фамилий есть результат появления пришельцев, в дальнейшем смешавшихся с аборигенами [см.: Воробьев, с. 68, 69]. Высокая численность иммигрантов и их смешение с японцами несомненно оказали значительное влияние на этнический облик древних японцев.

По сообщению «Нихон-сёки», Ати-но оми стал предком клана Ямато-но ая-но атаи¹¹⁸. В 32-м свитке «Сёку-нихонги» дополнительно сказано: «... Переписчик (сисё)¹¹⁹ [министерства] церемоний (яп. *сйки-бу*)¹²⁰ начального 8-го ранга нижней (ступени) Ямато-но ая-но имики Кицу-но Ёсихито и другие восемь человек сказали: “Ёсихито и другие [восемь человек] — являются потомками Ати-но оми”...»¹²¹ [Сёку-нихонги, св. 32-й, 1-й год Энряку (782 г.), 11-й месяц,

¹¹⁵ Земли села Оякэ занимали окрестности современного поселения Оякэ-кита (бывшее село Оякэ), что относится к городу Тацуно, т. е. район, находящийся между реками Ибо и Хаясида. Упомянуто в «Вамёсё» (под названиями Воякэ и Коихэ) [Там же, с. 304].

¹¹⁶ 「少宅里(本名 漢部里)。...所以号 漢部 者: 漢人, 居之此村、故以 為 名。」 [Харима-но куни-но фудоки, с. 30, строки 406–407; Hong, 2005]. Далее сказано: «История изменения [прежнего названия] на Оякэ такова: (потомок китайских переселенцев. — С. Д.) дед (человека по имени. — С. Д.) Вакаса из [рода] Кавара (Кавара-но Вакаса, т. е. Кавара-но Вакаса-но оя-дзи. — С. Д.) взял в жёны дочь кими Оякэнохата (Оякэ-но хата-но кими — досл. “князь циньцев (*хата*) из (селения) Оякэ” — С. Д.) и своё поместье назвал Оякэ [досл. “малый дом”; см.: Древние фудоки, с. 304]; впоследствии Тимаро — внук Вакаса — был назначен деревенским старостой; в связи с этим в год тигра [яп. *каноэ-тора-но тоси*, т. е. 690 г.; см.: Там же, с. 195, п. 66] деревню переименовали в Оякэ» (Харима-фудоки, уезд Иибо, село Оякэ) [Древние фудоки, с. 89]; 「所以後 改曰 少宅 者: 川原, 若狭, 祖父 娶 少宅, 秦公之女。即号 其家 少宅。後 若狭之孫 智麻呂 任 為 里長。由此 庚寅年 為 少宅里。」 [Харима-но куни-но фудоки, с. 30, строки 407–409]. Следует обратить внимание на то, что род ханьцев (яп. *ая*) заключил брачный союз с родом циньцев (яп. *хата*) — другой ветвью китайских переселенцев из клана Оякэ-но хата-но кими («князем циньцев из [селения] Оякэ») [см.: Древние фудоки, с. 253]. Описанные события происходили в первой половине VI в., так как деда и его потомка — Тимаро, жившего в 690 г., разделяет пять поколений: если считать, что в среднем одно поколение — это 30 лет, то $30 \times 5 = 150$ лет; $690 - 150 = 540$ (год).

た や か

¹¹⁷ 「漢人 (あやひと)。百済国の人、多夜加の後なり。」 [Синсэн-сэджи-року, св. 24-й].

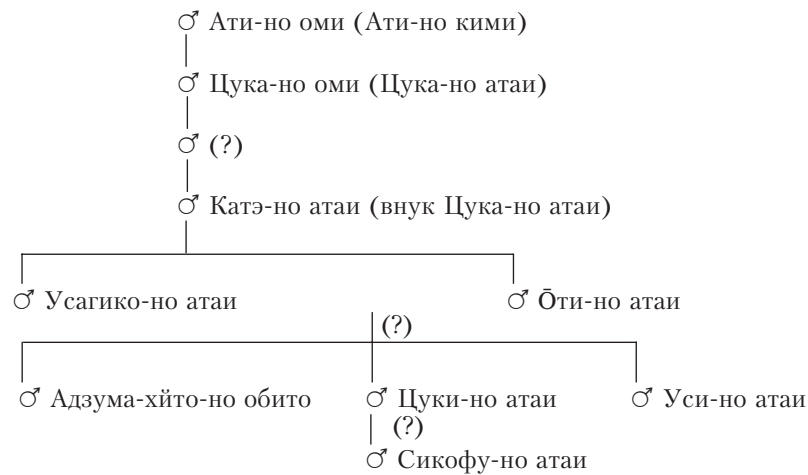
¹¹⁸ 「廿年秋九月。倭漢直ノ祖 阿知使主。」 [Нихон сёки, 1957, с. 278; Нихон сёки, 1997, с. 292; Nihongi, с. 264–265].

¹¹⁹ 史生 яп. *сисё* — переписчик [см.: Свод законов... 340].

¹²⁰ 式部 яп. *сйки-бу* — сокр. 式部省 яп. *сйкибусё* — министерство церемоний [Свод законов... с. 338].

¹²¹ 「(782) 延暦元年、十一月、廿九日丁未。《廿九》: 式部、史生、正八位下 倭漢忌寸木津、吉人 等八人 言: 『吉人等 是 阿智使主之後也』。」 [Сёку-нихонги, св. 1–40; Сёку-нихонги, св. 26–40; Сёку-нихонги, св. 1–40 (из серии Кокусигайкэй)].

29-й день *хиното-но хицудзи* (44-й знак цикла)]. Термин «Ямато-но ая» (досл. ‘ханьцы области Ямато’) обозначал группу аябито, жившую к востоку от резиденции правителей Ямато, поэтому они стали также называться «Хигаси-но ая» (досл. ‘восточные ая’). Эти антропонимы были необходимы для того, чтобы отличать данных «восточных ханьцев» от другой этнической группы, поселившейся в области Кавати. Кавати-но ая (др.-яп. *Капути-но ая* — досл. ‘ханьцы области Кавати’) стали также называться ‘Ниси-но ая’ (досл. ‘западные ая’) [Nihongi, p. 265, n. 1] (см. схему [Синсэн-сёдзи-року, св. 23-й]).

Генеалогия рода Ати-но оми

Из «Синсэн-сёдзи-року» известны потомки Ати-но оми и его сына Цука-но атаи (он же — Цука-но оми). Имя же сына Цука-но оми (т. е. внука Ати-но оми) — неизвестно. Внука Цука-но оми звали Катэ-но атаи. Правнуками (потомками в 3-м поколении) Цука-но оми были Усагико-но атаи и Ôти-но атаи (очевидно, они были сыновьями Катэ-но атаи, но кто из них старший, а кто — младший брат, мы можем только предполагать). К следующему поколению (праправнуков Цука-но оми, потомков в 4-м поколении) относились Адзума-хйто-но обито (досл. ‘глава восточных людей [из областей Адзума]’), Цуки-но атаи и Уси-но атаи. Чьими детьми они были (Усагико-но атаи или Ôти-но атаи), точно неизвестно (старшинство их тоже предположительно). Потомком в 5-м поколении Цука-но оми был Сикофу-но атаи (чей он сын, неизвестно) [Синсэн-сёдзи-року, св. 23-й <ая>, Хихара-но сукунэ, Ути-кура-но сукунэ, Ямагути-но сукунэ, Хирата-но сукунэ, Сата-но сукунэ, Тани-но сукунэ, Унэби-но сукунэ, Сакурави-но сукунэ, Мити-но сукунэ, Фуми-но имики].

Ати-но оми (он же Ати-но кими; кит. Ачжи-ван, кор. Ачи-ван) также стал предком нескольких других родов: 1) Кицу-но имики¹²², 2) Хинокума-но имики;

¹²² あちのおみ
木津忌寸 (きつのいみき)。...阿智使主の後なり。 [Синсэн-сёдзи-року, св. 28-й].

3) Иси-ура-но имики (досл. 'руководители [в ранге] имики гадателей по камням'); 4) Кура-хито (досл. 'людей кладовой'); 5) Асия-но аябито (досл. 'ханьцы из Асия')¹²³, 6) Хинацу-но атай¹²⁴, 7) Икэнобэ-но атай, 8) Курусу-но атай¹²⁵, 9) Така-ясу-но имики¹²⁶ [Синсэн-сэдзи-року, св. 21-й, Кицу-но имики; св. 27-й <ая>; св. 28-й, Хинацу-но атай; св. 29-й, Хинацу-но атай, Икэнобэ-но атай, Курусу-но атай; св. 30-й, Така-ясу-но имики]. В 6-м свитке «Сандай-дзицуруку» сообщается, что Ати-но оми был предком рода Окура-но имики (в тексте упомянут потомок Ати-но оми — Окура-но имики Хирокацу, получивший титул «сукунэ»), а также предком рода Саканоуэ-но о-сукунэ¹²⁷ [Сандай-дзицуруку, св. 6-й, 4-й год Дзэган (862 г.), 3-й месяц, 1-й день — день новолуния цутиното-но ми (6-й знак цикла)]. В том же источнике далее сказано, что Ати-но оми был предком родов Саканоуэ-но имики, Саканоуэ-но сукунэ, Саканоуэ-но о-сукунэ, Корэмити-но сукунэ, Камицумити¹²⁸ [Сандай-дзицуруку, св. 6-й, 4-й год Дзэган (862 г.), 7-й месяц, 28-й день киното-но хицудзи (32-й знак цикла)].

Сын Ати-но оми, Цука-но оми (он же Цука-но атай), фактически стал предком родов Саканоуэ-но о-сукунэ и Мити-но сукунэ¹²⁹, Фуми-но имики (др.-яп. *Пуми-но имики*)¹³⁰; а также Хихара-но сукунэ (др.-яп. *Пипара-но сукунэ*)¹³¹ (через внука Катэ-но атай); Сата-но сукунэ¹³² (через правнука Усагико-но атай); Унэби-но сукунэ (через правнука Оти-но атай)¹³³; Ути-кура-но сукунэ¹³⁴ и Сакурави-но сукунэ¹³⁵ (через праправнука Адзума-хито-но атай); Ямагути-но

¹²³ 「石占忌寸 (いしうらのいみき) ...阿智王の後なり。檜前忌寸 (ひのくまのいみき) ...阿智王の後なり。蔵人 (くらひと) ...阿智王の後なり。...阿智王の後なり。」[Там же, св. 27-й].

¹²⁴ 火撫直 (ひなつのあたひ)。...阿智使主の後なり。」[Синсэн-сэдзи-року, св.28-й]; 「火撫直...阿智王後なり。」[Там же, св. 29-й].

¹²⁵ 「池辺直 (いけのへのあたひ)。...阿智王の後なり。...栗栖直 (くるすのあたひ)。火撫直と同じき祖。阿智王の後なり。」[Там же].

¹²⁶ 「高安忌寸 (たかやすのいみき)。阿智王の後なり。」[Там же, св. 30-й].

¹²⁷ 『三代実録』卷六、貞観四年 (862) 三月己巳朔: 『...後漢ノ孝靈皇帝ノ四代孫、阿智使主之後。与坂上ノ大宿禰ノ同祖也。』[Сандай дзицуруку].

¹²⁸ 『三代実録』卷六、貞観四年 (862)、七月、廿八日乙未: 『...大學少允 從六位上 坂上ノ伊美吉 斯文等九人、賜姓 坂上ノ宿禰。後漢ノ 孝靈皇帝ノ四代孫、阿智使主之裔。与 坂上ノ大宿禰 同祖也。...右京人中位 上道祖 史豐富 賜姓 惟道宿禰、阿智使主之黨類、自百濟國 來歸也。』[Там же].

¹²⁹ 「坂上大宿禰 (さかのうへのおほすくね)。後漢の靈帝の男、延王 延王 より出づ。...路宿禰 (みちのすくね)。坂上大宿禰と同じき祖。」[Синсэн-сэдзи-року, св. 23-й].

¹³⁰ 「文忌寸 (ふみのいみき)。...都賀直の後なり。」[Там же].

¹³¹ 「檜原宿禰 (ひはらのすくね)。...都賀直の孫、賀堤直の後なり。」[Там же].

¹³² 「佐太宿禰 (さたのすくね)。...都賀直の三世孫、兔子直の後なり。」[Там же].

¹³³ 「畝火宿禰 (うねびのすくね)。...都賀直の三世孫、大父直の後なり。」[Там же].

¹³⁴ 「内蔵宿禰 (くらのすくね)。...都賀直の四世孫、東人直の後なり。」[Там же].

¹³⁵ 「桜井宿禰 (さくらゐのすくね)。...都賀直の四世孫、東人直の後なり。」[Там же].

сукунэ (через праправнука Цука-но атаи)¹³⁶; Тани-но сукунэ (через праправнука Уси-но атаи)¹³⁷; Хирата-но сукунэ (через потомка в 5-м поколении Сикофу-но атаи)¹³⁸ [Синсэн-сэдзи-року, св. 23-й <ая>].

О прибывших из Кореи людях хата и ая китайского происхождения [см.: Kogoshūi, p. 78, n. 89] и других переселенцах из Кореи в «Когосюи» сказано: «Переселенцы хата [цинъ] и ая [ханъ], и [другие] переселенцы из Кудара [Пэкче] стали натурализовавшимися [людьми] в этой стране [Япония]. Каждая из этих групп людей была числом в десятки тысяч (яп. *ёродзу*, т.е. множество¹³⁹. — С. Д.), тем не менее, к глубокому сожалению, их служба Японии до сих пор не была публично (открыто) признана; и, что ещё к тому же, уважение, причитающееся божественным духам их уважаемых предков, ещё не выражено при помощи должных религиозных обрядов под покровительством императорского правительства, хотя их почитаемые святилища были частным образом воздвигнуты для поклонения [им] их собственными потомками» [Kogoshūi, p. 40; см. также: Kogoshūi, Ōjin; Когосюи, Ōзин]. В предисловии к «Синсэн-сэдзи-року» о событиях данного периода сказано: «Позже иноземцы из других стран, благодаря почтению перед его [государевой] добродетелью, все пожелали прибыть в Японию. Не беспокоясь за этих чужаков, он [государь] даровал им родовые звания (кабанэ)...» [Синсэн сэдзи-року, 2002, с. 179]¹⁴⁰.

Китайско-корейские переселенцы (хата и ая) дополнили ряды *бэмин* (слова не полноправных свободных). Их расселили компактными группами в Кинай вблизи царских ставок, большинство из них попали в различные корпорации [см.: Воробьев, с. 69–70]. Это позволило им не утонуть в чуждом этническом море, а растворяться в нём постепенно, делясь своими навыками (которые сохранялись и совершенствовались в корпорациях бэ) [Там же, с. 72]. Ая (ханьцы) обладали гораздо более высоким культурным уровнем, чем другая группа китайско-корейских переселенцев — хата (цинъцы) — так как ая были выходцами из китайской колонии Лолан, хранившей ещё традиции ханьской культуры. Их предпочтительнее использовали в аппарате управления, в делопроизводстве, специализированном ремесле и прикладном искусстве. Ая играли большую политическую роль, нежели хата [см.: Там же, с. 70, 72]. Их верхушка, заняв важные посты, вливалась в правящий класс [см.: Игнатович, с. 42].

¹³⁶ 「山口宿禰 (やまぐちのすくね)。...都賀直の四世孫、都賀直つぎのあたひの後なり。」 [Там же].

¹³⁷ 「谷宿禰 (たにのすくね)。...都賀直の四世孫、宇志直うしのあたひの後なり。」 [Там же].

¹³⁸ 「平田宿禰 (ひらたのすくね)。...都賀直の五世孫、色夫直しこふのあたひの後なり。」 [Там же].

¹³⁹ 万 — яп. *ёродзу*, — досл. 'десять тысяч'; употреблено в значении «множество» [см.: Синто..., с. 417, п. 151].

¹⁴⁰ Ср.: «Позже (после установления контроля над Имна (яп. Мимана) в 369 г. испр. хрон. — С. Д.) иноземцы из других стран, благодаря почитанию его [государя Ямато. — С. Д.] добродетели, пожелали прибыть в Японию. По причине беспокойства об этих чужаках, он (видимо, правитель Фдзин. — С. Д.) даровал им клановые звания (кабанэ) 賜姓 [цит. по: Нонг, 1994, с. 70]. В русском переводе данная фраза отнесена к периоду царствования государя Суйнина [ср.: Синсэн сэдзи-року, 2002, с. 179].

- Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшее время. М.; Л., 1950. Т. 2.
- БКРС* — Большой китайско-русский словарь. М., 1983. Т.2—4.
- Бураку-си-ни* кансуру соготэки кэнкю 部落史に関する総合的研究. Токио, 1956. Т. 1.
- Воробьев М. В.* Япония в III—VII веках. М., 1980.
- Джарылгасинова Р. Ш.* Китай и Корея в V веке до н. э. — III веке н. э. // *Историография и источниковедение стран зарубежного Востока : Дальний Восток и Юго-Восточная Азия.* М., 1967. С. 57—73.
- Джарылгасинова Р. Ш.* Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики. М., 1979.
- «*Дзиннō-сētōки* с комментариями» 『*神皇正統記評釈*』 Токио, 1925.
- Древние фудоки.* М., 1969.
- Дьяконова Е.М.* Древняя Япония // *История Древнего мира: упадок древних обществ.* М., 1989. С. 211—219.
- Игнатович А. Н.* Буддизм в Японии : очерк ранней истории. М., 1987.
- Кадзуаки Судо.* Японская письменность от истоков до наших дней. М., 2006.
- Кайфусō.* Предисловие с комментарием и основной текст 懷風藻 [Электронный ресурс]. URL: http://www004.upp.so-net.ne.jp/dassai1/kaihuusou/00jobun/kaihuusou_jobun_frame.htm.
- Капул Н. П., Кириленко В. Ф.* Словарь чтений японских имен и фамилий. М., 1990.
- Ким Бусик.* Самгук саги. Т. 1. М., 1959.
- Ким Бусик.* Самгук саги. Т. 2. М., 1995.
- Когосюи* // Синто: путь японских богов. СПб., 2002. Т. 2. С. 84—100.
- Когосюи* (в одном свитке [с предисловием]) 古語拾遺 一卷 【加序】 [Электронный ресурс] // Когосюи 『古語拾遺』 Токио, 1985. URL: <http://www.neonet.to/kojiki/siryo/kogojuu1.txt>.
- Кодзики* 古事記 (из серии «Нихон котэн бунгаку дзэнсё» 日本古典文学全集). Токио, 2001.
- Кодзики:* Записи о деяниях древности. Т. 2. СПб., 1994.
- Конрад Н. И.* Древняя история Японии // Избр. тр. История. М., 1974. С. 11—74.
- Конрад Н. И.* Япония: народ и государство : ист. очерк. Пг., 1923.
- Корейское* классическое искусство. М., 1972.
- Кузнецов Ю. Д., Навлицкая Г. Б., Сырицын И. М.* История Японии. М., 1988.
- Мацумото Сэйтё* 松本清張. Сэйтё-цуси 清張通史. Т. 2. Токио, 1977.
- Мацумото Сэйтё* 松本清張. Сэйтё-цуси 清張通史. Т. 3. Токио, 1978.
- Мещеряков А. Н.* «Нихон сёки»: историческая мысль и культурный контекст // *Нихон сёки : Анналы Японии.* СПб., 1997. С. 71—110.
- Мещеряков А. Н.* Древняя Япония: культура и текст. М., 1991.
- Мещеряков А. Н., Грачёв М. В.* История древней Японии. СПб., 2002.
- Нихон дзэнси* 日本全史. Т. 1. Токио, 1958.
- Нихон-кōки* [свитки 1—21] 日本後紀. 全廿一卷 (из серии «Сōхо риккокуси» : в 22 т. 増補 六国史』 全十二卷 / под ред. Саэки Ариёси 佐伯有義. Токио, 1940.
- Нихон-коку* гэмпо дзэнъаку рёики (свитки 1—3) 日本國現報善惡靈異記【巻上、巻中、巻下】 URL: <http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/ryoiki/ryoiki.htm>.
- Нихон-но акэбоно* 日本のあけぼの / сост. Сано Ямато 佐野大和. Токио, 1959. С. 29—30.
- Нихон-сёки* 日本書紀 (из серии «Кокуси-тайкэй» 国史大系). Токио, 1957. Ч. 1, т. 1.
- Нихон сёки* : анналы Японии. Т. 1. СПб., 1997.
- Нихон-рёики:* Японские легенды о чудесах. СПб., 1995.
- Норито.* Сэммё. М., 1991.
- Пак М. Н.* Описание корейских племён начала нашей эры (по «Сань-го чжи») // *Рос. корееведение.* Вып. 2. М., 2001. С. 17—39.
- Попов К. А.* Законодательные акты средневековой Японии. М., 1984.

- Радуль-Затуловский Я. Б.* Конфуцианство и его распространение в Японии. М. ; Л., 1947.
- Самкук-саги.* Силла-понги 三国史記、新羅本記 // *Ким Бусик.* Самкук-саги. Т. 1. М., 1959.
- Сандай дэицуроку* : в 50 св. 三代実録、五十卷. [Электронный ресурс]. URL: <http://kodaishi-db.hp.infoseek.co.jp/tool.html> // <http://kodaishi-db.hp.infoseek.co.jp/rikkoku.lzh>.
- Сёку-нихонги* [свитки 1–40] (из серии Кокуси-тайкэй) 続日本紀、第一・ 卅卷. URL: <http://www.j-texts.com/jodai/shokuall.html>.
- Сёку-нихонги* [свитки 26–40] 続日本紀、第廿六・ 卅卷. URL: <http://www.neonet.to/kojiki/siryu/zokuki@26-40.txt>.
- Свод законов «Тайхорё».* Т. 1. М., 1985.
- Синсэн-сёдзи-року* : в 3 ч. 新撰姓氏録 // *Саэки Арикиё* 佐伯有清. “Синсэн-сёдзи-року”-но кэнкё. Хомбун-хэн 『新撰姓氏録の研究 本文篇』. Токио, 1962.
- Синсэн-сёдзи-року* [свитки 1–30] 新撰姓氏録. 全三十卷 // 佐伯有清 『新撰姓氏録の研究 本文篇』 (*Саэки Арикиё.* Исследование «Синсэн-сёдзи-року». Основной текст. Токио, 1962). URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/sujroku.html>.
- Синсэн сёдзироку* (Вновь составленные списки родов), 815 г. // Синто: путь японских богов. Т. 2. СПб., 2002. С. 177–193.
- Синто:* путь японских богов. Очерки по истории синто. Т. 1. СПб., 2002.
- Суровень Д. А.* О времени начала использования письменности при дворе государства Ямато // Актуал. вопр. востоковедения: проблемы и перспективы. Уссурийск, 2010. С. 120–125.
- Суровень Д. А.* Период регентства Окинага-тараси-химэ (правительницы Дзингу) // Пробл. истории, филологии, культуры. М. ; Магнитогорск, 1998. Вып. 6. С. 174–180.
- Суровень Д. А.* Развитие Японии в конце IV — начале V в. // Урал. востоковедение. Екатеринбург, 2005. Вып. 1. С. 8–45.
- СЧГНЯ — Аболмасов А. П., Немзер Л. А., Серебряков В. Я., Микушкин В. И.* Словарь чтений географических названий Японии. М., 1998.
- 上田 正明* Уэда Масааки // *森 浩一 / Мори Кфити.* 山田 宗睦. Ямада Мунэмуцу. Нихон кодай-си 日本古代史. Токио, 1980.
- Фусё-рякки* 扶桑略記 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.umoregi.com/koten/fusoryakki/index.html>.
- Харима-но кун-но фудоки* 播磨國風土記 // *Фудоки* 風土記 Токио, б. г. (Бунгаку-тайкэй. 文学大系).
- Ямао Юкихиса* 山尾 幸久. Нихон кодай фкэн-кэйсэй сирон 日本古代王権形成史論. Токио, 1983.
- ЯРС* — Японско-русский словарь. М., 1984.
- ЯРУСИ* — *Фельдман-Конрад Н. И.* Японско-русский учебный словарь иероглифов. М., 1977.
- Akima Toshio.* The myth of the Goddess of the Undersea World and the Tale of Empress Jingy's subjugation of Silla // Japanese journal of religious studies. 1993, № 20/2-3. P. 95–185.
- Anselmo Valerio.* A research on the name Kudara. Roma, 1974.
- Aston W. G.* Early Japanese history // Transactions of the Asiatic society of Japan. Yokohama, 1889. Vol. 16. P. 39–75.
- Bock F. G.* Development of law in Japan // Engi-shiki : procedures of the Engi Era. Tokyo, 1970. P. 1–16.
- Bohner Hermann.* Tamuramaro-denki // Monumenta Nipponica. 1939. Vol. 2, Jul. N 2. S. 273–285.
- Hall J. W.* Japan: from prehistory to modern times. Michigan, 1991.
- Hong Wontack.* History of ancient Japan. The Yamato Kingdom [Electronic resource]: the first unified state in the Japanese islands established by the Paekche people in the late fourth century. Seoul, 2005. URL: <http://www.wontackhong.pe.kr>.

- Japan* biographical encyclopedia and Who's who. Tokyo, 1960.
- Kanzaki Ivan Hisao*. San kan seibatsu: The Yamato invasion of Korea and the origins of the Japanese nation. A paper submitted to the Faculty of the Department of history in partial fulfillment of the requirements for a degree with honors. Annapolis, 2002.
- Kitabatake Chikafusa*. A chronicle of gods and sovereigns: Jinno-shotoki. N. Y., 1980.
- Kogoshwi*: Gleanings from Ancient Stories. Tokyo, 1926.
- Kojiki*: Records of ancient matters / transl. by B. H. Chamberlain. Tokyo, 1982.
- Lewin B.* Aya und Hata. Wiesbaden, 1962.
- Nihongi* : chronicles of Japan from the earliest times to A.D.697. L., 1956. Pt. 1.
- Tamuramaro-denki* / transl. von Hermann Bohner // Monumenta Nipponica. 1939, Vol. 2. Jul. N 2. S. 273–285.
- The Cambridge history of Japan: Ancient Japan*. Cambridge ; N. Y., 1993. Vol. 1.
- Vargö L.* Social and economic conditions for the formation of the early Japanese state. Stockholm, 1982.
- Wedemeyer A.* Japanische Frühgeschichte. Tokyo, 1930.
- Yoshido Harada*. China and Japan: ancient cultural relations // China Reconstructs. Peiping, 1957. Vol. 6, № 8. P. 5–7.

Статья поступила в редакцию 10.09.2010 г.

УДК 94(410.5) + 94(7) + 325.3(1-52)

Н. В. Ласкова

ПРОПАГАНДА ШОТЛАНДСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ АМЕРИКИ В ТРАКТАТЕ 1625 Г. РОБЕРТА ГОРДОНА ЛОХИНВАРА

Описывается период ранней истории шотландской колонизации Северной Америки — история создания шотландской колонии Новый Гэллоуэй в 1622–1625 гг. Анализируется трактат Р. Г. Лохинвара как исторический источник по шотландской колонизации Нового Света и ранней истории Канады.

Ключевые слова: Шотландия, шотландская колонизация Северной Америки, Роберт Гордон Лохинвар, колония, Кейп Бретон, Новый Гэллоуэй, трактат.

Шотландия встала на путь создания заокеанских колоний в 20-е гг. XVII в. Родоначальником целенаправленного процесса шотландской колонизации Северной Америки считается поэт, придворный и политический деятель сэр Уильям Александер из Менстри [см.: Slafter, p. 17; Donaldson, p. 33]. Он первый из шотландцев в 1621 г. получил от короля Джеймса I патент на право владения обширной территорией в Северной Америке, включавшей незаселенные земли «между колониями Новая Англия и Ньюфаундленд» [см.: Carta Domini Willelmi Alexandri...]. Побуждаемый патриотическими чувствами, свои заокеанские территории Александер назвал Новой Шотландией.

Одним из ближайших соратников и первых компаньонов Уильяма Александера стал его соотечественник и друг Роберт Гордон Лохинвар. 8 ноября 1621 г. Джеймс I Стюарт подписал документ, который передавал этому шотландскому

лэрду и его второму сыну Роберту в наследственное владение часть ранее закрепленной за Александром территории Новой Шотландии. Непременным условием этого земельного пожалования было создание Гордонами шотландской колонии Новый Гэллоуэй на острове Кейп Бретон [см.: *Carta Domini Roberti...*].

Несмотря на то, что современники считали Гордона «одним из первых шотландцев, который участвовал в основании первой шотландской заокеанской колонии, вкладывая в это дело свои средства» [Laing, p. 108], пожалуй, единственным сюжетом, привлечшим внимание зарубежных специалистов в области колониальной истории, стал опубликованный в 1625 г. издателем Джоном Рейтоном в Эдинбурге трактат Роберта Гордона «Поощрение намеревающихся стать предпринимателями в новой колонии Кейп Бретон, сейчас именуемой Новый Гэллоуэй, в Америке, написанное мной, Лохинваром»¹. При этом оценка данного произведения, как правило, очень краткая и сводится в основном к тому, что трактат содержал более основательную по сравнению с предыдущими сочинениями подобного жанра информацию об условиях создания и перспективах развития шотландской заокеанской колонии, был адресован образованным людям из высших слоев общества и уже в начале XX в. представлял большую библиографическую редкость [см.: Insh, p. 96; Paul, p. 115; Hill, p. 6]. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что некоторые современные авторы рассматривают изданный в шотландской столице рекламный проспект Гордона в русле развития колониальной идеи в Англии [см.: Armstrong, p. 37; Jones, p. 459] и даже ошибочно приписывают авторство старшему сыну Роберта — Джону [см.: Chiasson, p. 99]. В отечественной же историографии данный трактат до сих пор не был предметом исследования ни в области шотландской истории, ни в трудах, посвященных ранней истории Америки и Канады. Вместе с тем есть все основания оценить труд шотландского придворного, ступившего на непростой путь колонизаторства, как важный источник по истории шотландской колонизации Нового Света и ранней истории Канады.

Роберт Гордон взялся за перо после того, как его первая попытка создать жизнеспособное поселение на острове Кейп Бретон закончилась неудачей. Полагая, что «главное достоинство состоит в действии», он почти сразу же после получения королевского патента на территорию острова Кейп Бретон «решил действовать и последовать примеру тех героев-первооткрывателей, чей яркий блеск славы достоин подражания и память о чьих деяниях будет жить в веках» [Lochinvar, p. B2²]. Летом 1622 г. Гордон занимался снаряжением двух судов для отправки на их борту шотландцев, готовых стать первыми поселенцами колонии, у которой уже было шотландское название, но которую еще только предстояло основать. Базой для отправки этой экспедиции был выбран портовый город Бьюмарис на побережье Уэльса. Но 1622—1623 гг. оказались не лучшим временем для такого серьезного начинания. Как раз в этот период в Шотландии разразился сильнейший голод, и цены на продовольствие резко

¹ Здесь и далее представлен авторский перевод текста трактата, репринтное издание которого включено в сборник документов, касающихся ранней истории Новой Шотландии [см.: Lochinvar].

² В трактате нумерация страниц дается латинскими буквами: B, B2, B3, C, C2... E2.

возросли, тем самым вызвав дополнительные расходы на приобретение провианта для колонистов [см.: Alexander, p. 33; Stewart, p. 5–41]. С другой стороны, сами шотландцы не только не проявляли энтузиазма и желания следовать в неизведанные земли, но в целом демонстрировали недоверие и скептицизм в отношении поступавших предложений со стороны организаторов колонии. Гораздо популярнее среди уроженцев Шотландии было привычное европейское направление эмиграции, и к XVII в. ставшее уже традиционным наемничество в армии Польши, Швеции, Дании, Нидерландов и России [см.: Grant, 1889; Bartlett, p. 15–24; Ласкова, с. 106–108]. Учитывая то обстоятельство, что с началом Тридцатилетней войны и возобновлением военного конфликта между Испанией и Голландией спрос на «солдат фортуны» в Европе возрос, понятна причина столь устойчивого недоверия шотландцев к новым колонизационным проектам.

Тем не менее Роберт Гордон не отказался от реализации своей идеи и в 1625 г. решил испытать свои литературные способности для рекламы колонии на острове Кейп Бретон. Этот труд, действительно являющийся сейчас библиографической редкостью, посвящался «уважаемому и почтенному сэру Уильяму Александеру из Менстри... а также дворянству, рыцарям баронетам и предпринимателям в колониях Новой Шотландии в Америке»³. Сочинение Лохинвара представляет собой один из немногих образцов нового для Шотландии XVII в. литературного жанра — трактатов, пропагандирующих преимущества всех видов участия в новых колониальных проектах [см.: Mason; Alexander]. Достоинством шедевра Роберта Гордона является четкое структурирование содержания. В состоящем из четырех частей трактате автор дает обзор колониальной истории, привлекая библейские сюжеты, совершает краткий экскурс в историческое прошлое мировых империй, отмечая, что «заселение новых территорий и цивилизация варварских народов было делом великих правителей». Он четко выделяет мотивы, побудившие лично его к созданию заокеанской колонии и, что немаловажно, факторы, способные вызвать заинтересованность шотландского народа в новой, имеющей государственное значение деятельности. Кроме того, Роберт Гордон сформулировал конкретные условия и предложения для представителей разных сословий, решивших покинуть родину и стать колонистами. В заключительной части он указывает на существование экономических и социальных проблем в современном ему шотландском обществе, решение которых непосредственным образом связывает с началом и развитием колонизации новых земель в Америке. Такое скрупулезное внимание к деталям было вызвано не только объективными, но и специфическими трудностями, не позволившими Лохинвару реализовать его первую попытку создать колонию Новый Гэллоуэй уже в течение 1622–1623 гг. Оценив ситуацию спустя два года, в статьях своего трактата он не только прибегает к рекламе проекта Новый Гэллоуэй, но и выделяет признаки «бедственного положения» шотландского королевства, предоставляя, таким образом, информацию, важную для понимания всей совокупности проблем, с которыми вынуждены были столкнуться первые шотландские предприниматели на колониальном поприще.

³ Посвящение следует за титульным листом трактата.

Уже в самом начале «Поощрения...» Лохинвар определяет цель своего сочинения — «необходимость преодолеть неверие людей в перспективы колонизации, то недоверие, которое прочно закрепилось в общественном мнении и дискредитирует перспективные усилия по организации колоний». И чтобы «преодолеть это упрямство в невежестве», Роберт Гордон считает своим долгом «предоставить обоснованную информацию» соотечественникам. Предлагая читателю-шотландцу «оценить все преимущества этого благородного начинания», он обращается и к его патриотическим чувствам, указывая, что это необходимо сделать «не ради собственной выгоды, но чтобы помочь друг другу, и быть достойными памяти наших предков» [Lochinvar, p. B2].

Патриотическая тема находит продолжение в разделе, где автор перечисляет мотивы, по которым стоит обратить внимание на колонизацию Америки. На первом месте «служение Богу и распространение Евангелия среди язычников», далее — «служба моему королю и моей стране» и только на последнем месте — «личная выгода» [Ibid.].

Важной особенностью изложения материала является стремление Лохинвара отразить свое видение шотландской действительности. При этом он с тревогой призывает читателя: «Посмотрите на бедственное положение, в котором пребывают из-за долгов все слои общества в нашем королевстве. Такого не было в прежние времена» [Ibid., p. E2]. В числе причин, которые не позволяют современным шотландцам «жить так, как жили предки», Роберт Гордон называет «расточительность нашу, наших слуг и наших домочадцев». Будучи отцом двух сыновей, он сокрушается по поводу действия традиционного для британского общества обычая майората: «До сих пор у нас не было возможности устроить на родине продвижение по службе нашим младшим братьям и младшим сыновьям наравне со старшими...» [Ibid.]. Жесткой критике подвергается образ жизни современных шотландских аристократов, которые зачастую «являются бременем для своего государства», потому что «только едят, пьют, спят и тратят добытые достойно предками средства», потому что часто, «гордясь своей родовитостью, пребывают в бедности» или «обманывают своих друзей, беря у них в долг и никогда не возвращая его» [Ibid., p. C].

Не остался без внимания Гордона и столь типичный для шотландцев феномен военного наемничества. Он с негодованием вопрошает: «Разве мы в подчинении у других наций?.. И разве мы считаем, что грабежи, преступления или служба Португалии, Испании, Голландии, Франции или Турции (принесшей так много вреда Европе) лучше, нежели служить нашему Богу, нашему королю, нашей родине и самим себе? И правильно ли все наши проблемы объяснять отсутствием достойной службы на родине, тогда как в колонии есть возможность альтернативы для всех?» [Ibid., p. C2]

Далее следует целый ряд риторических вопросов, отражающих моральную суть проблемы:

Для того чтобы жить счастливо и в достатке... разве неправильным будет предпочесть безделью — действие, получению незаконных монополий — достойную деятельность в заграничной колонии?

Что лучше: отправиться туда, где можно жить на плодородной земле, где есть все условия для нашего благополучия, достаточно лишь немного приложить усилия и усердно трудиться, или жить дома как бродяги, которые не несут ответственности ни перед Богом, ни перед королем, ни перед законом? Что может быть хуже, чем наше добровольное заключение!

Разумно ли презирать колонию, которая позволяет заняться достойным предпринимательством и открывает столько возможностей, не связанных с нарушением закона? Нет оснований для этого, особенно в сложившейся ситуации. Что лучше: иметь хорошую репутацию скромного и работающего человека или дурную славу, доводя себя до уничтожения, когда твои дела и поступки либо умрут вместе с тобой, либо о них будут вспоминать потомки как о позоре?» [Lochinvar, p. C3, E2].

Апеллируя к феодальным представлениям о благородстве, автор заключает, что трудности в колонизаторской деятельности неизбежны, «но они могут с честью преодолеваться, принося настоящие истинные почести — почести и славу, которые достойны рыцаря, сражающегося под знаменем короля в битве на поле брани, а не те, которые нередко в наше время покупаются за деньги» [Ibid., p. E2].

Гордон открыто упрекает соотечественников в «упрямом нежелании» согласиться с тем, что «колонизаторская деятельность способна не только прославить нас, но и обеспечить наше материальное благополучие: об этом свидетельствуют яркие примеры перед нашими глазами, связанные как с деятельностью иностранцев, так и наших соотечественников». В качестве подтверждения своей мысли он предлагает обратить внимание на «наглядный пример того, какие выгоды получили за счет колоний Испания и Португалия» и в очередной ставит вопрос: «Разве не было бы правильным и лучшим для нас последовать примеру итальянцев, принцы, герцоги, графы и маркизы которых не считали для себя унизительным пускаться в рискованные морские предприятия?» Наконец, приводится относящийся непосредственно к шотландскому обществу аргумент: «Взять, к примеру, не так давно созданные колонии в Ирландии⁴ и обретенные там шотландцами земли, титулы, уважение, богатства... Разве было все это у них до занятия колонизаторской деятельностью?» [Ibid.]

Используя разные виды мотивации, Гордон делает вывод о том, что включение шотландцев в колониальные предприятия будет достойным выходом из непростой социально-экономической ситуации, сложившейся в шотландском королевстве: «колонизация новых земель не даст нам оторваться от бравого духа наших предков, нашим потомкам обеспечит достойное будущее, а нашего короля сделает одним из сильнейших правителей на земле» [Ibid., p. C2].

Еще одним способом, используемым Робертом Гордоном для «устранения сомнений» потенциальных колонистов, стало подробное описание природных и климатических условий Кейп Бретона. Хотя к первой четверти XVII в. этот

⁴ Колонизация Ольстера была осуществлена королем Джеймсом I Стюартом в 1609–1611 гг. В 1611 г. для большей эффективности колонизации Ирландии королем был создан орден рыцарей баронетов. Они получали свой титул с условием внесения в казначейство суммы в 1100 фунтов [см.: Perceval-Maxwell; Mitchison, p. 175–176].

остров и не был заселен европейцами, однако был хорошо известен скандинавским, испанским, португальским, французским и британским мореплавателям как место, благоприятное для рыбного промысла. Считается, что свое первое название (*The Isle Baccalaos*), которое фигурирует в картах XVI в. и в патенте 1621 г. сэра Уильяма Александера (*insulas Bacalaos vel Cap Britton*), остров получил от баскских рыбаков (*baccalaos* баски называли треску) [см.: Archibald, p. 69; Bourinot, p. 131]. Наименование *Кейп Бретон*, используемое до настоящего времени, связывают как с баскской, так и с бретонской традицией [см.: Bourinot, p. 131–132; Morton, p. 3]. Гордон же, отдав дань патриотическим устремлениям, содействовал тому, что на Британских островах к 1626 г. Кейп Бретон именовался *Новым Гэллоуэем*. По сравнению с ранее изданными сочинениями Джона Мейсона и Уильяма Александера, содержащими информацию о природных условиях Ньюфаундленда и Новой Шотландии, Роберт Гордон в своем трактате предлагает более детальное описание Кейп Бретона. Помимо топографических данных, здесь присутствуют сведения, особо актуальные для переселенцев из Шотландии: состояние почв и перспективы урожая («Почва плодородна... Земля способна давать удивительный и разнообразный урожай, в том числе культур, которые пользуются спросом, и которые, кроме того, что будут обеспечивать обычные нужды жителей-колонистов, еще и можно будет продавать другим странам, то есть существует перспектива стать поставщиками сельскохозяйственной продукции»), возможности судоходства и рыбного промысла («...Удобно все для судоходства. И ветра в целом благоприятны... В море обитают киты, палтус, осетровые, треска, пикша, морские щуки, сельдь, кефаль, угри, крабы, лобстеры и мн. другие виды. Рыба может стать основным продуктом, приносящим доход...»), перспективы пушного промысла («Есть и пушные звери разных видов: куницы, выдры, черные лисы, бобры, дикие кошки и мн. другие...»), многообразие даров природы в целом («...И вообще, чтобы упомянуть разных животных, птиц, рыб, фрукты, цветы, овощи, деревья, травы и другие виды, которые там есть, потребуются десятилетия») [Lochinvar, p. C3, D].

При этом автор, стараясь быть максимально убедительным, неоднократно приводит привычные для жителей Шотландии сравнения, способствующие формированию наиболее верного представления о природных ресурсах будущей колонии: «...Есть разные продукты там, к которым мы привыкли... Здесь хорошие урожаи зерновых, фруктовых и овощных культур. Зерна местной гвинейской пшеницы⁵ очень крупные и напоминают наш горох... Климат похож на климат Франции, как в Европе по берегам Луары, с умеренной температурой. Здесь даже теплее, но без сильной жары» [Ibid., p. D].

Не оставлены без внимания и вопросы безопасности проживания, в связи с чем приводится описание аборигенов: «...Что касается населения, то его немного, люди бедные и нецивилизованные. Одеты в свободные одежды из кожи оленей, подпоясанные. Остальные части тела обнажены. У них нет железного оружия, которое они могли бы использовать против нас. У них только лук, сделанный

⁵ Речь идет о гвинейском сорго, которое было завезено в Европу из Африки.

из ореха и стрелы из тростника. Они не чувствуют необходимости защищать себя, разве что у них щиты и палки. Селений мало, и они небольшие — несколько жителей во главе с вождем. Дома сооружены из небольших жердей, круглой формы. И в случае конфликтов у нас есть большие преимущества» [Ibid.].

Источник столь подробной информации о флоре и фауне Кейп Бретона (Нового Гэллоуэя), приведенной Робертом Гордоном, неизвестен. До издания трактата в 1625 г. колонисты, способные ее предоставить, так и не были отправлены на остров. Члены экипажа зафрахтованного Уильямом Александром в 1623 г. корабля «Святой Лука» привезли на родину описание побережья Новой Шотландии, составленное разведывательной группой из 10 человек, которые видели только «западную часть острова Кейп Бретон» [см.: Alexander, p. 34; Insh, p. 59, 60]. По всей вероятности, Гордон мог использовать их краткие данные и рассказы британских моряков, промышлявших у вод Ньюфаундленда и Кейп Бретона. В результате из-под пера предприимчивого шотландца вышло одно из самых ранних описаний природных и топографических условий острова⁶, которое несомненно является ценнейшим источником по истории Канады.

Третья часть трактата представляет собой описание условий «контракта» для представителей разных сословий, готовых попытаться счастья в далекой Америке. Автор выделяет несколько групп потенциальных колонистов: священнослужители, светские джентльмены-землевладельцы, арендаторы земли и ремесленники. Каждой из этих категорий предлагаются определенные условия жизнеобеспечения в колонии Новый Гэллоуэй.

Служителям церкви обещана «в течение первых трех лет защита и покровительство, пока идет период становления нашей церкви в колонии, и если с Божьей помощью число колонистов будет возрастать, то территория будет поделена на приходы, которые в дальнейшем получит каждый священник», а также проявление «уважения, соответствующего их статусу» и «обеспечение защиты от преступников» [Lochinvar, p. D3].

Более детально расписаны предложения для предпринимателей — потенциальных землевладельцев. Роберт Гордон в полном соответствии с феодальными традициями отмечает, что «с Божьей помощью переселенцы будут расселены на земельных участках каждый в соответствии со своим социальным статусом»: владельцы феодалов в Шотландии должны были стать «держателями земель от меня и моих наследников в Новом Гэллоуэе, точно так же как они владеют землями в Шотландии от короля или “by feaw”»⁷. При этом «размер

⁶ Канадский историк Бриан Теннисон, издавший сборник «Impression of Cape Breton», в котором включены сведения о Кейп Бретоне, начиная с XVII в., явно ошибается, полагая, что «самое раннее из известных описаний Кейп Бретона было составлено французским миссионером-иезуитом Жюльеном Перро в 1634 г.» [Tennyson, p. 1].

⁷ В Шотландии XVI в. приобретение земли *in feuing* получило широкое распространение как среди зажиточных горожан и королевских должностных лиц, так и в среде лэрдов. *Feu (feaw)* являлось формой наследственного держания, отчуждаемого на условиях («*feu-duty*») выплаты крупного вступительного взноса, ежегодной фиксированной ренты и некоторых других дополнительных платежей типа платы за ввод в наследство [см.: Blake, p. 186; Grant, 1930, p. 262–264].

земельного участка будет определяться индивидуально, в зависимости от статуса каждого». Тем же, кто в Шотландии владел землей на условиях лизгольда, в Новом Гэллоуэе также предлагалось стать не более чем арендаторами. При этом способ организации выезда в колонию с членами семьи, льготные условия в течение трех лет проживания там, а также обеспечение безопасности и гарантии сохранности личного имущества предлагались одинаковыми для всех «предпринимателей, готовых рисковать и проявить инициативу»: «Каждый будет перевезен вместе со своей женой, детьми, слугами, домашним скарбом. Переезд из Шотландии в Новый Гэллоуэй будет осуществлен за мой счет... Поселенцы будут снабжены едой, питьем и мясными продуктами на период в течение года. Также им будет выделено зерно для посева на новой земле в первый год... В целях поддержки начинающих предпринимателей-колонистов каждый в течение первых трех лет будет освобожден от каких-либо выплат за полученную землю... В целях обеспечения безопасности и покоя на землях в Новом Гэллоуэе я выступаю гарантом, что в том случае, если их имущество, вывезенное из Шотландии в Новый Гэллоуэй, будет утрачено вследствие агрессии местного населения или иностранцев, то в Шотландии каждый сможет получить двойной размер компенсации утраченного, сам лично, либо его преемник, либо душеприказчик, либо правопреемник» [Lochinvar, p. D3].

Ремесленникам же (портным, сапожникам, кузнецам, мельникам и др.) также был обещан бесплатный переезд и освобождение от выплаты ренты за пользование землей, однако только пожизненно: их наследники должны были полностью оплачивать арендную плату за земельный участок, на котором будут проживать [Ibid., p. E].

Заключительный пункт предлагаемых «Положений» посвящен обязательствам колонистов в отношении самого Роберта Гордона Лохинвара — собственника шотландской колонии Новый Гэллоуэй. Каждый из колонистов должен был выплачивать 1/13 часть с дохода, полученного от продукции, выращенной на предоставленной им земле. Важным дополнением было обещание владельца колонии «не требовать платы деньгами, но только зерном, рыбой, мехом...» [Ibid.], т. е. Гордона устраивала натуральная рента, что, вероятно, должно было стать дополнительным стимулирующим фактором в хозяйственной деятельности начинающих колонистов.

По мысли автора, публикация трактата должна была вызвать более выраженную ответную реакцию общественности, нежели в 1622/23 г. Он явно намеревался, теперь уже по прошествии двух лет, еще раз создать жизнеспособную колонию Новый Гэллоуэй, указывая в «Поощрении...», чтобы «все, кто решит принять мои предложения, явились ко мне не позже 1 декабря, назвали свои имена, указали все имущество, которое они намереваются взять с собой, чтобы я смог обеспечить их переезд и обеспечение в соответствии с указанными выше условиями» [Ibid.].

Сегодня, при знакомстве с сочинением Роберта Гордона, изданным почти четыре столетия назад, невозможно остаться равнодушным к избранным автором, ранее не занимавшимся литературной деятельностью, формой и способом подачи материала. Рассуждая о необходимости участия в колониальных

проектах, он привлекает мотивацию, не утратившую своей актуальности и по сей день. Связывая национальные интересы с моральными и христианскими ценностями, Гордон таким образом пытается убедить соотечественников в том, что, став колонистами, они будут способны одновременно обрести достойным способом благополучие в земном мире и перспективу Царствия Небесного.

Однако и на этот раз проект «Новый Гэллоуэй» потерпел фиаско. Такой итог представляется вполне закономерным. Со стороны короны вспомогательного финансирования первых колонизационных мероприятий не осуществлялось. Общественное мнение невозможно было радикально изменить не только за два года, но и за значительно более долгий срок. Призывы же Роберта Гордона вряд ли могли заинтересовать состоятельных землевладельцев или людей, имевших устойчивое материальное положение на родине. Предлагаемые им условия наделения землей были составлены на основе традиционных феодальных представлений, где сословная принадлежность и родовитость определяли вид феодального землевладения. Для младших наследников небогатых шотландских лэрдов военное искусство было, по сути, единственным профессиональным навыком, который для колониальной деятельности не имел первостепенного значения, тогда как служба под знаменами европейских монархов являлась для этой социальной группы гарантированным заработком в течение ряда столетий. Шотландские арендаторы, как и мастеровые люди, не могли рассчитывать на то, что станут, пусть даже вдали от родины, собственниками земли. Так что издание трактата не возымело ожидаемого Гордоном положительного результата. Он больше не пытался реализовать свои намерения в отношении Кейп Бретона и даже вернул все права на остров первому владельцу — сэру Уильяму Александру [см.: *Acadiensia Nova...*, p. 73–75].

Вместе с тем именно благодаря литературному опыту Роберта Гордона Лохинвара его имя вошло не только в историю шотландской колонизации, но и заняло определенное место среди авторов нового для шотландской литературы XVII в. публицистического жанра. Благодаря трактату «Поощрение стремящихся стать предпринимателями в новой колонии Кейп Бретон...» для современного исследователя существует возможность не только узнать о климате, флоре и фауне Канады начала XVII в., но и составить представление о первом опыте колонизаторской деятельности, целях и мотивах, которыми руководствовался начинающий колонизатор, опираясь на информацию самого участника событий.

Ласкова Н. В. Шотландские наемники в орбите польско-шведского соперничества в XVII в. // Британия: история, культура, образование : тез. докл. междунар. науч. конф., 28–29 мая 2008 г. Ярославль, 2008. С. 106–108.

Acadiensia Nova (1598–1779): new and unpublished documents and other data relating to Acadia / ed. by W. I. Morse. Vol.1. L., 1935.

Alexander W. An Encouragement to colonies. London, 1624: reprint. // Royal letters, charters, and tracts, relating to the colonization of New Scotland, and the institution of the order of knight baronets of Nova Scotia, 1621 – 1638 / ed. by D. Laing. Edinburgh, 1867.

- Archibald Ch.* Early Scottish settlers in cape Breton // Collect. of the Nova Scotia Historical Society. Vol. 18. Halifax, 1914.
- Armstrong C.* Writing North America in the Seventeenth century. English representations in Print and Manuscript. Ashgate Publ. Ltd., 2007.
- Bartlett R.* Scottish Mercenaries in Europe, 1570–1640 : a Study in Attitudes and Policies // Scottish Tradition. 1985. Vol. 13.
- Blake G. R.* Scotland of the Scots. L., 1919.
- Bourinot J.* Historical and descriptive account of the Island of Cape Breton: and of its memorials of the French regime : with bibliographical, historical and critical notes. Montreal, 1892.
- Carta Domini* Willelmi Alexandri equities Domini et Baroniae Novae Scotiae in America. 10 Septembris 1621 // Royal letters, charters, and tracts, relating to the colonization of New Scotland... Charters.
- Carta Domini* Roberti Gordoun de Lochinvar militis baronie de Galloway in Nova Scotia in America. 8 Novembris 1621 // Ibid. Charters under the Great Seal of Scotland.
- Chiasson P.* The Island of Seven Cities: where the Chinese settled when they discovered America. N. Y., 2007.
- Donaldson G.* The Scots Overseas. L., 1966.
- Grant I.* The social and economic development of Scotland before 1603. Edinburgh ; London, 1930.
- Grant J.* The Scottish soldiers of fortune; their adventures and achievements in the armies of Europe. L., 1889.
- Hill D.* The Scots to Canada. L., 1972.
- Insh G.* Scottish colonial schemes, 1620–1686. Glasgow, 1922.
- Jones H.* Origins of the colonial idea in England // Proc. of the American Philosophical Society. 1948. Vol. 85.
- Laing D.* Preface // Royal letters, charters, and tracts, relating to the colonization...
- Lochinvar (Sir Robert Gordon of).* Encouragements, for such as shall have intention to bee under-takers in the new plantation of Cape Breton, now New Galloway in America, by mee, Lochinvar : reprint. Edinburgh, 1625 // Royal letters, charters, and tracts, relating to the colonization...
- Mason J.* A Briefe Discourse of the New-found-land. Edinburgh, 1620 : reprint. // Ibid.
- Mitchison R.* A History of Scotland. Routledge, 2002.
- Morton G.* Guide book to Cape Breton: royal province of Nova Scotia or New Scotland, Dominion of Canada: with an original map, and a plan of Louisburg. London ; Halifax, 1883.
- Paul J.* The Scots peerage: founded on Wood's ed. of Sir Robert Douglas's Peerage of Scotland; containing an historical and genealogical account of the nobility of that kingdom. Vol. 5. Edinburgh, 1908.
- Perceval-Maxwell M.* The Scottish Migration to Ulster in the Reign of James I. L. ; N. Y., 1973.
- Slafter E.* Sir William Alexander and American Colonization. N. Y., 1873.
- Stewart L.* Poor Relief in Edinburgh and the Famine of 1621–1624 // Scottish Tradition. 2005. Vol. 30.
- Tennyson B. D.* Impressions of Cape Breton. Cape Breton University Press. 1986.

Статья поступила в редакцию 14.04.2010 г.

УДК 655.322(09) + 655.418(09) + 2-29

И. В. Починская

**МОСКОВСКАЯ ТИПОГРАФИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.:
АДАПТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОФИЦИАЛЬНОМ КНИГОПЕЧАТАНИИ***

Рассматриваются процессы адаптации Московской синодальной типографии (до 1721 г. Печатный двор) к новым условиям существования, сложившимся вследствие реформ Петра I. На основе анализа архивных материалов прослежены обстоятельства перехода кириллического книгопечатания от дотационной формы существования к самоокупаемости; от монопольного его господства на рынке печатной продукции к бытованию в рамках своей культурной ниши.

Ключевые слова: Россия, кириллическое книгопечатание, Синод, Московская синодальная типография, Печатный двор, церковь.

Раскол русской культуры, уходящий корнями в церковную реформу середины XVII в., в период преобразований Петра I вступил в новую фазу. Начался активный процесс вытеснения традиционной культуры из жизни общества. Наиболее быстро и ярко это происходило в сфере книжности. Во всей полноте традиционная книжная культура сохранялась и развивалась, как известно, оказавшись вне закона старообрядчеством. У сторонников официальной церкви эта культура, постепенно сокращая свою среду бытования, сохранялась преимущественно среди церковнослужителей. Напуганная размахом старообрядческого свободомыслия, официальная церковь установила жесткий контроль за текстами и репертуаром кириллических книг, окончательно сделав единственной формой их бытования печатную книгу, за которой было довольно легко следить, четко определив узкий круг выпускавших ее типографий.

Секуляризационная политика Петра I, затронувшая и сферу книгопроизводства, была направлена на выведение книгоиздания из-под абсолютного контроля церкви. Важнейшими этапами на этом пути стали разработка гражданского шрифта (1706—1708) и создание светских типографий.

Наборными кассами гражданских литер со времени появления нового шрифта были обеспечены и Печатный двор, и вновь учрежденные правительством типографии: В. О. Киприянова в Москве (открыта в 1705), Санкт-Петербургская (1711), при Сенате (1719 — в Петербурге, 1728 — в Москве), Морской академии (1722). В конце 1725 г., вскоре после учреждения Академии наук, начала работать и ее типография. Созданная в 1720 г. типография при Александро-Невском монастыре располагала только кириллическими шрифтами. Все эти полиграфические заведения, с одной стороны, помогали Печатному двору справляться с расширявшимся репертуаром изданий, а с другой — составляли ему конкуренцию.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках проекта «Социокультурные и институционально-политические механизмы исторической динамики переходных периодов», 2009-1.1-301-072-017.

В 1727 г. Верховный тайный совет постановил оставить в Петербурге только две типографии — сенатскую (для печатания указов и распоряжений) и академическую (для издания гражданских книг). Остальные книгоиздательские учреждения были закрыты (синодальная и Александро-Невская типографии в 1736 г. возобновили свою работу), а право издавать церковные книги в этот период имела только типография Синода в Москве [см.: Описание документов и дел, т. 4, № 387/16, с. 593]¹ — так с 1721 г. стал называться Печатный двор.

Таким образом, в первой четверти XVIII в. монополия кириллической книги, производство которой контролировалось церковью, была ликвидирована. Однако внедрение гражданской печати проходило непросто. Довольно долго светское книгоиздание было малоэффективным, так как отсутствовал достаточный спрос на светскую литературу в силу неразвитости систем образования и книготорговли. Потребление новой печатной книги сосредоточилось главным образом в столицах, в первую очередь в Петербурге. Причем широкое распространение имели лишь издания законов, манифестов, календари, инструкции и т. п. Поскольку внедрение нового шрифта в провинции шло медленно, наиболее важные государственные документы печатались двумя шрифтами.

Только ко второй половине XVIII в. стал складываться круг потребителей гражданской печати, сформировались новые интеллектуальные интересы и запросы общества [см.: Сводный каталог]. Это определило дальнейшее развитие светской книги, сделав ее выразительницей меняющихся во времени настроений и взглядов различных общественных групп. Между тем официальная кириллическая книга остановилась в своем развитии, ограничившись преимущественно обслуживанием интересов церкви, ориентированных на отправление культа и укрепление религиозного сознания. В репертуаре кириллических изданий появлялись новые, ранее не издававшиеся сочинения, но они не меняли целевой направленности этой продукции. Сокращение среды бытования не могло не отразиться на реализации изданий и соответственно на финансовом положении типографий, выпускавших кириллические книги.

Изменение книгоиздательской политики в стране сказалось на отношении власти к Печатному двору. В 1700 г. умер патриарх Адриан, с уходом которого прервалось патриаршество в России. Местоблюстителем патриаршего престола был назначен митрополит Рязанский и Муромский Стефан (Яворский) [см.: ПСЗ, № 1818]. Параллельно с утверждением этой должности был воссоздан Монастырский приказ [Там же, № 1829]. В ведение приказа перешел и Печатный двор. С учреждением в 1721 г. Синода управление всеми типографиями, в том числе Печатным двором, передали ему. Для этого была создана Типографская контора и введена должность протектора школ и типографий. Первым протектором стал один из крупнейших церковных деятелей начала XVIII в. архимандрит Ипатьевского монастыря Гавриил (Бужинский) [см.: Описание ..., т. 1, № 402/12, с. 532—533].

¹ В своей работе мы пользовались публикацией извлечений из «Описания документов...», подготовленных А. А. Гусевой, поэтому в примечаниях даны ссылки на страницы этого издания [см.: Гусева].

Новые структуры, в ведение которых переходила типография, не уделяли ей такого внимания, как патриархи в XVII в. При местоблюстителе патриаршего престола ситуация еще не была критической, хотя тенденция уже прослеживалась. Особенно сложным положение типографии стало в начале синодального периода. С момента возникновения книгопечатания в России выполняло идеологические функции, отвечающие интересам государства, до XVIII в. от него не требовали прибыли, напротив, оно было дотационным. В своей записке 1728 г. «О типографском впредь состоянии» директор Московской типографии Ф. П. Поликарпов-Орлов писал: «...Типография отнюдь ниоткуда себе снабдения не имеет, а прежде получала снабдение от дома патриархов, а после них от управителей патриаршего дома многожды и многими тысячами токмо бы станов не умалить и книгами всех удовлетворить...» [Описание ... , т. 6, № 267/305, с. 612; Браиловский, № 10, с. 274]. Заметим, что в своей работе о Поликарпове-Орлове С. Браиловский впервые предпринял попытку разобраться в причинах кризиса кириллического книгоиздания, опираясь на архивные материалы, в первую очередь на многочисленные докладные записки и отчеты Ф. П. Поликарпова.

Несмотря на то, что потребность в кириллической печатной книге в начале XVIII в. вряд ли могла существенно уменьшиться по сравнению с концом XVII в., источники фиксируют ее залежалость на складах типографии [см.: Описание ... , т. 1, № 402/12, с. 534; т. 5, № 25/11, с. 602; т. 6, прил. к № 216/16, с. 623]. Причиной этого в значительной степени являлся рост цен на издания. Ф. Поликарпов объяснял его целым рядом обстоятельств. Во-первых, стала регулярной практика бесплатного изъятия Приказом Большого двора довольно крупных партий книг, выходявших из печати, и стоимость забранных книг прибавлялась к стоимости тех, что поступали в продажу.

Кроме того, Московская типография вынуждена была отправлять в Петербург для создаваемых Синодом новых типографий не только выпускаемые ею книги, но и оборудование, материалы, которые приобретались на собственные средства, а также посылать туда своих сотрудников.

С 1711 г. на типографию также были возложены обязанности по содержанию школ, находившихся в ведении Монастырского приказа, и эти расходы тоже учитывались при установлении цен на книги.

В дополнение к этому, когда поступали распоряжения государя печатать книги гражданским шрифтом, но средств на них своевременно не выделялось, приходилось использовать деньги, предназначенные для кириллических изданий [см.: Браиловский. № 10, с. 276–284].

Попытки снизить цены на книги и сделать производство самокупаемым заставляли власти сокращать количество печатных станков и обслуживающих их работников, уменьшать жалованье персонала.

В 1706 г. по распоряжению главы Монастырского приказа Мусина-Пушкина количество станков типографии было сокращено с 12 до 8. В 1721 г. их число увеличили до 14: кириллические книги печатали на 11 станах, гражданские — на двух и гравюры — на одном. Но в январе 1725 г. было велено оставить в работе для печатания кириллицы только четыре стана с шестью

работниками при каждом вместо прежних 11 [см.: Описание ... , т. 4, № 387/16, с. 596; Полное собрание ... , т. 4, № 1467, с. 933²; Браиловский, № 10, с. 270—274]. В декабре 1725 г. убрали еще два стана — по одному для гражданской печати и гравюр [см.: Описание ... , т. 5, № 25/11, с. 602].

Однако проводимые мероприятия не давали желаемых результатов. В одном из своих доношений 1727 г. Поликарпов, прося восстановить бригады у станов по 11 человек, обосновывал это следующим образом: «Мастеровых убыло, а интересу казне не прибыло: прежде работали в две смены по четыре дня, четыре дня работали, а потом четыре дня отдыхали, а ныне все восемь дней, работая без перемены, из силы вытянулись, и многие захворали, а переменить их некем, от чего и дело книжное “не прозрачно, полусловно и марашковато бывает”» [Там же, т. 6, № 267/305, с. 611].

В 1703 г. наполовину было сокращено жалованье, и с 1703 по 1721 г. оно выдавалось не в форме оклада, а по договору с выработки. В 1721 г. работники опять стали получать жалованье в виде твердого оклада одними деньгами (раньше оклад выплачивался и деньгами, и зерном). В 1726 г. к станам было добавлено по два тередорщика и по два батыйщика, потому оклады всех работников существенно уменьшились. В 1729 г. их немного повысили, и только в 1732 г. они вновь достигли размеров 1721 г. [см.: Там же, т. 10, № 363/409, с. 656].

Уменьшить расходы типографии власти пытались не только за счет ремесленников при станах, но и за счет сокращения конторских служащих. В начале 1726 г. реорганизация управления типографиями сопровождалась следующей акцией. В указе сокращения объяснялись так: «...ради настоящей в типографиях скудости, отчего и дела в них весьма умалились... чтоб в даче излишняго жалования напрасной казне утраты не происходило; но могли б весь тех типографий штат, со всеми их служителями, по потребе содержать из собственных типографских доходов, которые должны оне собирать для себя и довольствоваться каждый по пропорции трудов своих» [Там же, с. 534].

Архимандрит Гавриил (Бужинский) после назначения в 1721 г. на должность протектора школ и типографий развернул активную деятельность по наведению порядка во вверенной ему сфере. Одним из результатов этого стало обвинение руководства Московской типографии в финансовых нарушениях. Директор типографии Федор Поликарпов был обвинен еще и во взяточничестве и отстранен от должности [см.: Браиловский, № 9, с. 27—29].

Однако успешной работу Гавриила на новом поприще назвать трудно. В одном из донесений Синоду конца 1723 г. он писал о том, что слышит нарекания в свой адрес, «будто в выходе книг есть неисправа и книги печатаются не так чисто, как прежде, и будто типографии после того как приняты в его заведывание, пришли в “конечное разорение”, хотя он “против прежняго многое положил тщание”, чтобы привести типографию в лучшее состояние» [Описание ... , т. 1, № 402/12, с. 533]. Пытаясь снять с себя обвинения в выпуске некачественной продукции, Бужинский замечает, что «никаких книг вновь печатано

² В своей работе мы пользовались публикацией извлечений из «Полного собрания...», подготовленных А. А. Гусевой, поэтому в примечаниях даны ссылки на страницы этого издания [см.: Гусева].

не было, а только окончены книги, начатые при прежних правителях, а именно при Иване Алексеевиче [т. е. Мусине-Пушкине], Ф. Поликарпове и Михаиле Авраамове, и теми же литеррами, какими были при них печатаны» [Там же]. Плачевное положение дел в подведомственных ему типографиях Гавриил объяснял, с одной стороны, отсутствием своевременного и необходимого финансирования, с другой — своей обремененностью обязанностями советника Синода. На протяжении всего периода пребывания на посту протектора Гавриил просил Синод освободить его от этой работы или хотя бы сократить обязанности. Такое отношение к делу конечно же не могло привести к каким-то заметным положительным результатам в реорганизации книгопроизводства. Наконец, в 1726 г. должность протектора была ликвидирована [см.: Там же, с. 534].

Ф. Поликарпов, посвятив четыре года доказательству того, что не все выдвинутые против него обвинения справедливы, после ухода в отставку Бужинского все-таки добился в 1726 г. возвращения на прежнюю работу. Вернувшись на пост директора типографии, он застал ее на грани полного разорения. Несмотря на то, что Поликарпов действительно был «не чист на руку» в ведении финансовых дел, он, видимо, искренне переживал за типографию, с которой была связана вся его жизнь, и прилагал немало усилий для поддержания не только ее работоспособности, но и статуса первой русской типографии. Занимавший пост директора типографии в 1724—1726 гг. Г. И. Замятнин был профессиональным чиновником, до назначения на эту должность он работал в камор-коллегии по акцизным делам [см.: Полное собрание ... , т. 4, № 1308, с. 927]. Замятнин, видимо, весьма формально подходил к своим обязанностям и недостаточно хорошо разбирался в порученном ему новом деле. В доношении канцелярии Московской синодальной типографии начала 1725 г. говорилось, что типография «пришла уже ныне во всеконечное оскудение и ни в чем исправляться не может» [Описание ... , т. 5, № 25/1, с. 601]. По подсчетам канцелярии для нормального функционирования типографии необходимо было на новый год более 20 тыс. рублей, а денег в казне не было вообще [см.: Там же].

В 1726 г., после увольнения Замятнина, в казне типографии оставался 71 рубль наличными, долги ей со стороны расходчиков (работников типографии, занимавшихся закупками необходимых ей материалов, реализацией продукции) составляли около 20,5 тыс. руб., а со стороны Синодальной канцелярии и Петербургской синодальной типографии — около 22 тыс. рублей. Как уже отмечалось, число действующих станков сократилось к тому времени до пяти. При типографии официально числился лишь один справщик [Там же, т. 6, № 267/305, с. 610—613; Браиловский, № 10, с. 269]. Работникам выдавали жалованье не деньгами, а книгами, и они продавали их по ценам ниже установленных типографией, что затрудняло сбыт основной части тиражей [Описание ... , т. 4, № 168/484, с. 588]. Кроме того, в 1724 г. было обнаружено, что мастеровые, «кроме указных книг, печатали многия на себя книги, а сторожи те книги продавали воровски, вместо государевых, и деньги делили по себе для своих прибытков» [Браиловский, № 10, с. 269].

В начале 1727 г. свой проект вывода Московской типографии из кризиса предложил В. В. Киприанов, сын создателя первой светской типографии в Рос-

сии В. О. Киприанова, просивший сдать ее ему в аренду на 20 лет. Свою просьбу он сопроводил, говоря современным языком, «бизнес-планом», по которому типография должна была превратиться в прибыльное предприятие. Повышение ее доходности предполагалось осуществить за счет целой системы мер. К их числу принадлежало расширение выпуска листовой гравированной продукции: «свидетельствованных картинок, персон, ландкарт, прешпектов городов и протчего к народной пользе и ведению приличное; понеже за неимением здесь такого довольнаго художества, всякия картины вывозятся из чужих краев» [Описание ... , т. 4, № 168/484, с. 588]. Предприниматель предлагал наладить выпуск переводной литературы, для чего хотел подключить к делу Славяно-греко-латинскую академию, оплачивая должным образом работу переводчиков: «...от чего труждающиеся в переводе практике обучатся. К тому ж авантаж и поощрение для воздаяния, а типографии прибыток, а народу польза от умножения многих книг иметь будут», — находит Киприанов [Там же, с. 589]. Он считал необходимым организовать клеймение специальным клеймом всей продукции типографии для того, чтобы «кражи от типографских служителей и непотребных продаж не было» [Там же].

Важнейшим способом повышения доходности типографии, по мнению В. Киприанова, являлось снижение стоимости книг, что должно было привести к улучшению их продаваемости. Он называет и конкретные источники снижения цен на издательскую продукцию: отменить пошлины с продажи книг; сократить число сотрудников типографии, непосредственно не занятых в книгопечатании (канцелярских служителей, солдат); запретить безденежную раздачу книг: «понеже откуда было ждать прибыли, то, во-первых, в поднося разойдутся» [Там же]; закупать бумагу для типографии на государственных или частных русских предприятиях по цене ниже, чем на импортную бумагу, с оплатой в рассрочку и только в крайних случаях, если не будет необходимой отечественной бумаги, закупать импортную. От этого, по мнению автора проекта, будет двойная польза «заводам обращением денег, а типографии дешевою продажею книг» [Там же].

В. В. Киприанов просит на первые три года освободить его от арендной платы, а затем до конца срока аренды обязуется ежегодно вносить в казну 1 тыс. рублей и полностью содержать типографию.

Конференция Сената и Синода рассмотрела и одобрила предложение Киприанова. Его реализация, вероятно, ускорила бы вывод типографии из кризиса. Однако по каким-то причинам проект так и не был осуществлен [см.: Там же, с. 590—592]. Возможно, дело было остановлено из-за активных действий Поликарпова, который был уверен в том, что типография сможет наладить эффективное производство, оставаясь в прежнем статусе, если ей будут возвращены все долги. Только на протяжении 1727—1728 гг. он не менее шести раз доводил до Синода свое «мнение о типографском впредь состоянии» [см.: Там же, т. 6, № 267/305, с. 610—612]. Результатом этой работы Поликарпова, видимо, следует считать постановления Синода о расширении прав директора типографии в финансовых вопросах с одновременным ограничением функций расходчиков, деятельность которых, по мнению Поликарпова, являлась одним из

главных факторов дестабилизации положения типографии [см.: Полное собрание ... , т. 6, № 2265, с. 954; т. 7, № 2479, с. 962].

Как видим, формирование новой системы взаимоотношений светской и духовной властей сопровождалось поиском устраивающих государство механизмов управления церковью, который выразился в бесконечном реформировании управленческих структур и, конечно, тяжело сказался на внутренней жизни церкви. Обремененная налоговыми недоимками [см.: Смолич, с. 247], она не могла себе позволить существования в своих недрах такого нерентабельного предприятия, каковым являлось книгоиздание. Кроме того, в условиях смены старых культурных традиций, определявших развитие общества, новыми перед набравшим силу светским книгоизданием кириллическая книга, а следовательно, и главная типография, выпускавшая ее, сдавали свои позиции. По сути, церковное типографское производство должно было само найти алгоритм выживания в сложившихся условиях, адаптироваться к ним. Мероприятия руководства Московской типографии по выведению ее из кризиса, в котором она находилась с начала XVIII в., очень медленно давали свои результаты. Этот сложный болезненный период занял всю первую треть XVIII в.

Очевидно, только в начале 30-х гг. XVIII в. типография окончательно перестала быть убыточной. К концу 1734 г. остаток в казне типографии составил 19 316 руб. 65 $\frac{1}{4}$ коп., в 1735 г. — 20 855 руб. 16 $\frac{1}{2}$ коп. [см.: Описание ... , т. 15, № 58/5, с. 700] В конце 1730-х гг. доходы казны хотя были ниже, но стабильны. Это позволило начать постепенное расширение производства, увеличивая количество станов, возвращая на работу сотрудников [см.: Там же, т. 18, № 590/6; № 595/12; т. 20, № 219/456, с. 713–714, 718, 720].

Важнейшим этапом укрепления типографии стали 1740-е гг. Начало этого периода связано с деятельностью архимандрита Новоспасского монастыря Антония (Иляшевича), назначенного суперинтендантом типографии в апреле 1741 г. [см.: Там же, т. 21, № 223/9, с. 758–761].

Антонием был разработан и представлен на рассмотрение Синода план работ, направленных на улучшение ситуации в типографии. По-прежнему важнейшей оставалась проблема книгораспространения. Антоний следующим образом характеризовал сложившуюся ситуацию. С одной стороны, в типографии оставалось много непроданных книг прошлых лет выпуска, среди них проповеди, симфонии, лексиконы, каноны, множество книг гражданской печати; с другой, храмы нуждались в книгах общественного богослужения, псалтырях, часовниках, святцах. Их дефицит, на его взгляд, в значительной степени создавался искусственно, при участии руководства типографии, которое делало это «для своей бездельной прибыли и корысти» [Там же, с. 759]. Как пишет Антоний, издание особо нужных книг специально тормозилось, а те тиражи, что выходили, большими партиями продавались перекупщикам, перепродававшим их в Москве на Спасском мосту в два-три раза дороже типографской цены. По мнению Антония, необходимо было немедленно начать выпуск литературы, пользующейся спросом. Для этого нужно было три дополнительных стана, организовать адресную поставку книг — продавать их по непосредственным заявкам с мест представителям архиерейских домов или развозить через

типографских нарочных по городам и ярмаркам страны, установить контроль за продажей книг на Спасском мосту с помощью солдат, наделив их правом конфискации незаконно продаваемых книг [см.: Описание ... , т. 21, № 223/9, с. 759—760]. Для пресечения краж в типографии суперинтендант намеревался «поставить военные караулы на воротах и не пропускать выходящих с “малейшей вещью”» [Там же, с. 760].

Антоний видел необходимость в проведении публичных торгов по закупке материалов для типографии, в особенности бумаги. Введение такого порядка позволило бы существенно снизить себестоимость книг. Он просил установить строгий список праздников, в которые разрешен отдых, поскольку у работников типографии было слишком много выходных дней.

Среди намеченных Антонием первоочередных задач указана уборка территории типографии, потому что «великое на печатном дворе имеется от нечистот запустение; двор внутри полон навозу, щеп и всякой дряни, так что навоз почти с оградой сравнялся (много тысяч возов будет, не менее 500 р. за вывозку возьмут)» [Там же]. Необходимы были и срочные ремонтные работы: «В погребке, где хранится олифа, стена от улицы вывалилась, под правильною палаткою стена развалилась, — опасно, чтобы и верхняя палаты не тронулись...» [Там же].

В плане Антония стояла и просьба разрешить ему (для ускорения рассмотрения некоторых вопросов) обращаться напрямую в Синод, минуя канцелярию. Предлагал он также и схему ликвидации скоплений непроданных книг, важнейшим пунктом которой была продажа книг гражданской печати, не утративших товарный вид, путем обязательной рассылки в учреждения, где они должны быть востребованы.

В целом Синод одобрил план Антония и дал ход большинству его мероприятий. Деятельность Антония в качестве суперинтенданта была весьма успешной. В 1744 г. он был награжден денежной премией за увеличение доходов Московской типографии: в 1743 г. ее приход составил 23 521 руб. 32 коп., из них 22 557 руб. 37 коп. — за счет книжных продаж [см.: Там же, т. 23, № 87/19, с. 779—780].

Реализации планов Антония по увеличению доходности типографии способствовали и намерения нового обер-прокурора Синода Я. П. Шаховского (1741—1753) повысить образовательный уровень церковнослужителей, который он считал недопустимо низким. В своем предложении Синоду в мае 1742 г. Шаховский писал, что вновь поставляемые священнослужители «в догматах веры и в толковании Божественного Писания неискусны». Поэтому обер-прокурор просил Синод издать указ, требующий, чтобы они «не единому только чтению и пению по книгам знать тщились, но и паче ж здравому разумению и правому толкованию в догматах веры и о прочих закону нашему подлежащих утверждениях заблаговременно познавали и для того б изданные и разосланные книги — букварь и толкование евангельских заповедей и катехизис — в самую тонкость изучали б и правильно по ним о догматах веры знали... а где в епархиях и в прочих местах у священно- и церковнослужителей вышеписанных книг недовольно, то б оных... в Московской типографии повелено б напечатать довольное число и за настоящую цену разослать в каждое место по

препорции из Св. Синода при указах, дабы все приходския церкви теми книгами снабжены... были» [Там же, т. 22, № 403/8, с. 768—769]. Это способствовало активизации издания и рассылки требуемых книг.

С 1744 г. типография стала каждые полгода издавать реестры выходящих книг с указанием цены. Выпуск реестров стоял в ряду мероприятий по борьбе со спекулятивной продажей книг [см.: Полное собрание ... , т. 4, № 720, с. 1004].

Увеличение денежных оборотов типографии заставило ее руководство в 1747 г. просить Синод назначить в нее специалистов для ведения финансовых дел, двух комиссаров из коллегии экономии. В 1754 г. из-за нехватки комиссаров при типографии был оставлен только один, но ему в помощь синодальной конторой был направлен человек в должности актуариуса [см.: Описание ... , т. 23, № 346/13, с. 788—791].

К середине 1750-х гг. оборотный капитал типографии превышал 70 тыс. руб., и если в 20—30-е гг. XVIII в. основной статьей расходов было жалованье, то к середине века преобладающими стали затраты на материалы и инструменты [см.: Там же, т. 32, № 63/12, с. 852—856; т. 34, № 68/9, с. 869]. В 1740—1750-е гг. активно проводился не только ремонт, но и строительство новых помещений типографии [см.: Там же, т. 23, № 91/1, с. 780; т. 29, № 456/1, с. 813—815]. К концу 1750-х гг. типография работала уже на 20 станах, вводились в действие еще шесть, а также планировалось дальнейшее увеличение их числа [см.: Полное собрание ... , т. 4, № 1716, с. 1057—1058]. В 1759 г. Синод принял решение об открытии торговых лавок типографии за пределами Москвы — в Петербурге, Казани и Тобольске [см.: Описание ... , т. 39, № 96/9, с. 893—900]. Все эти факты несомненно свидетельствуют о том, что Московская типография, производство которой перешло на рельсы эффективности и стабильности, сумела выйти из кризиса.

Таким образом, можно говорить, что к середине XVIII в. официальное производство печатных кириллических книг, пройдя тяжелейший путь реформирования, смогло адаптироваться к предложенным временем условиям. Во-первых, из дотационного книгоиздания превратилось в самокупаемое. Во-вторых, вместо монопольного господства на рынке печатной продукции оно вынуждено было найти свою нишу, определив круг пользователей и масштаб потребностей этих пользователей.

Браиловский С. Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов, директор Московской типографии // ЖМНП. 1894. № 9. С. 1—37; № 10. С. 242—286.

Гусева А. А. Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М., 2010.

Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода. СПб., 1868. Т. 1; 1880. Т. 4; 1897. Т. 5; 1883. Т. 6; 1901. Т. 10; 1907. Т. 15; 1915. Т. 18; 1908. Т. 20; 1913. Т. 21; 1914. Т. 22; 1911. Т. 23; 1913. Т. 29; 1915. Т. 32; 1912. Т. 34; 1910. Т. 39.

ПСЗ. Т. 4. СПб., 1832.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания российской империи. СПб., 1876. Т. 4; 1889. Т. 6; 1890. Т. 7.

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, 1725–1800. Т. 1–5. М., 1962–1975.

Смолич И. К. История русской церкви, 1700–1917. М., 1996. Ч. 1.

Статья поступила в редакцию 17.06.2010 г.

УДК 630(470.11) + 338.43(09) + 332.3(09)

И. Н. Белобородова

ТРАДИЦИОННОЕ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЕ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ ПО НОРМАМ ОБЫЧНОГО ПРАВА (СЕРЕДИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

Исследуется исторический опыт регулирования природопользования (на примере лесопользования) по нормам обычного права, рассматривается дихотомия экономических интересов и мировоззренческих представлений севернорусского крестьянства в отношении леса, анализируются различные формы управления лесопользованием, существовавшие на Русском Севере в середине XIX – начале XX в. и служившие формой традиционной самоорганизации крестьян (община, волость, артель), а также их трансформация в связи с капитализацией (модернизацией) традиционного хозяйства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: традиционное лесопользование, Русский Север, традиционная культура, обычное право, модернизация.

Нормы обычного права служили теми социальными рамками, с помощью которых регулировались взаимоотношения человека и природы и происходила регуляция биосоциальных циклов через систему правовой мотивации хозяйственной деятельности и поведения. Как показывает анализ материала и многочисленные исследования по обычному праву, для Русского Севера (по дореволюционному административному делению это территории Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний) была характерна значительная пестрота имущественных отношений, что в известной мере было обусловлено множественностью локальных форм традиционного природопользования, сложившихся на основе природно-ресурсного потенциала микротерриторий.

Лес и его богатства на Русском Севере достаточно рано (уже с XVII в.) были включены в систему регулирования собственности, поскольку являлись одним из важнейших ресурсных источников природопользования и служили основой формирования как традиционных форм земледелия (лесные расчистки, выгоны, сенокосы, пасеки), так и различных лесных промыслов (охота, рубка и сплав леса, смоло- и дегтекурение). Кроме того, для Русского Севера было характерно наличие таких специфических видов хозяйственной деятельности, как судостроение и солеварение, также требовавших большого количества леса.

Согласно статистическим данным, в середине XIX – начале XX в. общая площадь лесов в трех севернорусских губерниях составляла 72 130 144 десятины,

или 59,6 % всех угодий (при среднем показателе по Европейской России в 38,7 %). При этом в Архангельской губернии лес составлял 45,4 % всех угодий, в Вологодской — 86,3 %, в Олонецкой — 63,4 %. Большая часть лесных угодий в этих губерниях находилась в собственности казны и удела: 99,8 %, 92,9 %, 92,9 % соответственно при среднем показателе по Европейской России в 65,09 % (см. табл. ниже).

*Распределение лесных угодий в губерниях по форме владения за 1881 г.**

Форма владения	Лесная площадь, дес.	% к общей площади угодий	Всего угодий	% к общей площади
<i>Архангельская</i>				
Крестьянские наделы	25840	0,008	291527	0,4
Владельческие наделы	38426	0,11	117067	0,16
Казна и удел	32581778	99,8	71474602	99,43
<i>Итого</i>	32646044	100	71883198	100
<i>Вологодская</i>				
Крестьянские наделы	1402276	4,44	3585936	9,8
Владельческие наделы	844654	2,69	1491923	4,08
Казна и удел	29310582	92,87	31475	86,1
<i>Итого</i>	31557512	100	36552860	100
<i>Олонецкая</i>				
Крестьянские наделы	236095	2,97	984569	7,87
Владельческие наделы	326052	4,1	455513	3,65
Казна и удел	7364441	92,9	11069927	88,48
<i>Итого</i>	7926588	100	12510009	100
<i>Всего по Европейской России</i>				
Крестьянские наделы	14016838	8,9	138277484	34,0
Владельческие наделы	41003321	26,01	109087084	26,8
Казна и удел	102596449	65,09	159532359	39,2
<i>Итого</i>	157616608	100	406896927	100

* Рассчитано по: [Сборник сведений, с. 24–29].

Преобладающей формой управления природопользованием в целом и лесопользованием в частности на Русском Севере были три формы крестьянских сообществ: община (как поземельное сообщество), волость (как административно-территориальное сообщество) и приход (как духовно-литургическое сообщество). Все они соединялись в универсальную триаду, являвшуюся, по выражению С. В. Юшкова, «миром единым, но троичным в своих проявлениях» [Юшков, с. 12]. Таким образом, мир этот аккумулировал в себе производствен-

ный, общественный и духовный опыт севернорусского крестьянства. «Яркой чертой севернорусского мира являлась его относительно широкая автономия, общепризнанное распределение функций между ним и государством, что, в свою очередь, способствовало прочной укорененности традиций мирского общественного служения» [Камкин, с. 3].

В этой триаде главная регулирующая роль в регламентации права собственности на основные ресурсные источники принадлежала общине.

С конца XVII в. по мере освоения новых земель, сокращения площадей свободных освоенных угодий, а также в силу ряда государственно-правовых (управленческих) актов преобладающей формой общины на Русском Севере становится государственная община-волость, основанная на принципе подушного уравнительного пользования природными ресурсами [см.: Павлов-Сильванский, с. 152]. С. Щепотьев выделил три типа общины-волости, существовавшие на Севере в конце XVIII — XIX в. и различающиеся по периодичности переделов и способу владения расчищенными участками.

Особенности лесопользования на Русском Севере определялись сложившейся общинной практикой владения лесными ресурсами. Включение лесных угодий в поземельную собственность, нормы и правила регулирования поземельных отношений у русского населения Европейского Севера изучены недостаточно [см.: Бондаренко], поскольку исследователи рассматривают их, как правило, в русле общих проблем общинного землевладения, происхождения и характера северной общины. Так, сторонники общины-волости, например, полагали, что лес находился в ее владении и община сама регулировала подушное распределение земельных угодий [см.: Щепотьев, с. 105]. А. Я. Ефименко, напротив, отрицает волостной характер владения лесами. Она пишет: «Леса были такой всепоглощающей, всезахватывающей Божьей стихией, что разграничивать их не было ни смысла, ни возможности» [Ефименко А., 1882, с. 65].

Однако, как показывает анализ материала, разграничение прав собственности не только имело место, но и постоянно усложнялось, что порождало противоречия между государством и обществом. В основе этих конфликтов лежали не только экономические интересы, но и мировоззренческие представления, зафиксированные нормами обычного права. Исследование их дихотомии и является основной целью нашей статьи.

Поскольку лес во второй половине XIX — начале XX в. находился по преимуществу во владениях казны, то нормы обычного права в его отношении претерпевали некоторую корректировку, которая, впрочем, мало изменила существующие отношения. Этот факт отметил еще П. С. Ефименко, который в середине XIX в. писал: «Свободное бесплатное пользование пастбищами в лесах обратилось в законное право, отнятие которого может повлечь большие потери для жителей, т. к. они в здешней губернии не получают особых участков для бесплатного пользования лесом» [Ефименко П., с. 75—76].

Лесные угодья на Русском Севере составляли объект общего волостного владения, и отвод лесов всегда производился для всей волостной общины или для группы селений. Благодаря глубоко укоренившемуся взгляду северных крестьян на лесные угодья как на запасной фонд пополнения недостатка

пахотных земель путем расчистки лесов, крестьяне до того привыкли смотреть на лес как на общую собственность всех жителей округа, что иногда даже несколько волостных общин объединялись вместе для совместного владения такими угодьями. В этом отношении весьма показателен и приговор 40 деревень Кадниковского уезда Вологодской губернии, входивших в три стана. В 1853 г. жители этих деревень «положили постановить сей полюбовный приговор, чтобы нам, как ныне состоим в одном составе общества нераздельно, потому и въезжаем для лесных угодий по удобности, одному другому не запрещать, также пользоваться распашками, санными покосами и скотскими выгонами» [Щепотьев, с. 105]. Помимо общинного лесопользования каждый домохозяин по приговору общины имел право пользоваться определенным количеством леса «за уменьшенную крестьянскую пошлину». На сельском сходе определялось, сколько требуется отпустить каждому хозяину лесных материалов. Лес, который крестьяне получали один раз в год, мог быть передан другому лицу заимообразно, т. к. продавать его публично запрещалось [см.: Сельская поземельная община, с. 4]. Если леса не хватало, то можно было купить его за полную стоимость «по билетам лесного ведомства».

Общинное регулирование лесопользованием наблюдается и в отношении таких мелких лесных промыслов, как сбор грибов и ягод, заготовление веников и трав. Так, повсеместно на Русском Севере, и особенно в районах развития этих промыслов, практиковалось т. н. з а п о в е д ы в а н и е я г о д. «Для этого в начале лета собирается в данной деревне сход и постановляют приговор не собирать ягоды до известного времени, а ослушникам определяется наказание в виде денежного штрафа. В день “расповедания” ягод отправляются почти все поголовно для сбора» [Герасимов, с. 123–124]. По свидетельству А. А. Чарушина, нарушение общественного запрета на сбор ягод до «роповеди» (обычно Иванов (Петров) день, 24(29) июня¹) наказывалось общиной одним из самых суровых («позорящих») наказаний: виновного раздевали на сходе до нага, вешали на шею корзину с собранной ягодой и всей деревней водили по улицам «с криками, смехом и пляской и звоном сковород и колокольцев» [Чарушин, 1913а, с. 324].

В Вельском уезде практиковались так называемые «сходки с залогами», на которых, в частности, устанавливался запрет на употребление в пищу некоторых овощей, выращиваемых на лесных расчистках (горох и репа), до Преображения (6 августа). «На провинившихся налагают следующее наказание: “укачать колеса” (без них-то никуда не поедешь)», а на полученные за выкупленные колеса деньги община покупала вино или жертвовала их в часовню [АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 99, л. 7–10].

Так же жестко регулировалось и время сенокосения, сбора трав и березовых веников, которое, в зависимости от локальной традиции, наступало в период от Иванова до Прокопьева дня (24 июня — 8 июля). Эти запреты были продиктованы рациональными знаниями о времени созревания трав и деревьев

¹ Здесь и далее даты даны по старому стилю.

и связаны с представлением о том, что до этого срока «трава семя не сбросила», «веники силы не набрали» [ПМА ЛА, запись от Балакиной]. Так, в Карельской общине Онежского уезда «община представляет полную свободу каждому хозяину в устройстве своего полевого надела; но только приговором положено не начинать косьбы сена ранее 20-х чисел июня по наволокам реки Онеги» [Протоколы, № 23, с. 3]. Причиной запрета, очевидно, послужило позднее созревание в этом ареале трав. Нарушители этих запретов, как и в случае с заповеданием ягод, подвергались общественным наказаниям.

Запрет на употребление в пищу ягод, особенно земляники, до Иванова (Петрова) дня, кошение сена, сбор веников и трав был распространен на всей территории расселения русских и имел, кроме рациональной, также религиозную мотивацию. Считалось, что если его нарушить, то «родители [предки] обидятся (не разговоятся)», «лошадь волки задерут»; «зароды ураган разметает (молния спалит)» [ПМА ЛА, запись от Покараева].

Большой удельный вес неземледельческих промыслов в структуре традиционного природопользования населения Русского Севера послужил основой формирования здесь не только общинных, но и артельных форм управления лесопользованием. Организация артелей и регулирование отношений внутри них осуществлялось через систему норм обычного права и традиционной культуры. «Артельщики не связываются никакими письменными обязательствами, — писал Г. И. Куликовский об артелях Олонецкой губернии, — связь чисто нравственная» [Куликовский, с. 206].

Преимущественное распространение в лесопользовании Русского Севера получили артели по рубке и сплаву леса и охотничьи артели.

А. Я. Ефименко, подробно изучавшая вопрос об организации артелей Архангельской губернии второй половины XIX в., писала: «Звериные и птичьи промыслы составляют видную статью Архангельской губернии вообще и для некоторых ее лесистых местностей, особенно для Пинежского и части Мезенского уезда, являются главным источником, из которого добывают средства к жизни местные жители» [Ефименко А., 1874, с. 93].

Важнейшим объектом собственности в ареалах развитого охотничьего промысла были промысловые угодья, которые разделялись на ворги (места для ловли птиц) и путики (лесные тропы, места миграции зверей, на которые ставились ловушки). Права владения ими подтверждались или старинными грамотами, которые передавали «корню», т. е. из рода в род, или было закреплено правом давности владения [Там же, с. 79]. Как правило, эти угодья находились в наследственном владении, но при некоторых обстоятельствах могли быть проданы за 1–10 руб. [см.: Протоколы, № 15, с. 6]. Корреспондент П. С. Ефименко писал, что в Пинежском уезде «пользование охотничьими угодьями переступается, когда владельцы сами не в состоянии почему-либо пользоваться ими, за условное вознаграждение, и о том делаются письменные сделки» [Ефименко П., с. 79]. При семейных разделах, также за вознаграждение, угодья уступались одними членами семьи другим. «Уступившие же отыскивают и приобретают себе новые угодья в свободных местах леса», — писал волостной писарь Пилемской общины Лешуконской волости Мезенского уезда [Протоколы, № 12, с. 4].

С. В. Максимов, посетивший Русский Север в середине XIX в., описывал установление границ угодий следующим образом:

Путик прокладывается просто: идет мужичок с топором, обрубает более бойкие и частые ветви, чтобы не мешали они свободному проходу. В намеченных (по приметам и исконному правилу) местах вешает он по ветвям силки для птиц, прилаживает у кореньев западни для зверя... Верный исконному обычаю и прирожденному чувству понимания чести и уважения к чужой собственности (разрядка моя. — *И. Б.*), он и подумать не сумеет осматривать, а тем паче обирать чужие путики, хотя бы они тысячу раз пересекли его путик [Максимов, с. 499—500].

Поскольку угодья располагались на значительном расстоянии от селений, на пути к ним и по всему периметру устраивались специальные охотничьи избушки (кушни), пользование которыми также регулировалось нормами обычного права. Строительство и пользование кушнями находились в ведении охотников. Например, в Пинежском уезде «как все охотники участвуют в устройстве изб, так равно сообща пользуются приютом, ночлегом и хранилищем в них. Тут промысловые люди складывают свою добычу и ее никто чужой не смеет тронуть. Тут же охотники оставляют провизию даже до другого промысла и никто не берет ее, кроме крайней необходимости, вызванной особенным случаем, вследствие долгого лесования; об этом лишь должно объявить» [Ефименко П., с. 82].

В районах, где охотничий промысел являлся важнейшей частью хозяйственного комплекса, как, например, в Кедвавомской общине Мезенского уезда, право собственности на кушни принадлежало общине [см.: Протоколы, № 15, с. 6]. Община же назначала и общественных смотрителей избушек — кушников, обязанности которых заключались в присмотре за состоянием кушней и уходе за ними. Вероятно, переход права собственности в ведение общины был связан с необходимостью регулировать внутриобщинные отношения в лесопользовании в тех ареалах, где лес становился важнейшим ресурсным источником существования.

Что касается организации охотничьих артелей, то, по замечанию А. Я. Ефименко,

...они крайне просты и имеют чаще временный и случайный характер. Собирается крестьянин на охоту и уславливается с соседом или знакомым, одним или несколькими, идти промыслять вместе, вот и составляется артель; или идет охотник на промысел и где-нибудь в лесу набредает на таких же охотников и идут промыслять сообща — опять артель; или даже случайно столкнутся промышленники у одного дела, например у одного стада животных, бьют вместе, без всяких предварительных соглашений, которые не могут в данном случае иметь место, и эта партия промышленников до окончания того дела, около которого они столкнулись, образует артель. Так как у каждого охотника свое собственное содержание и свое ружье, то, естественно, и добыча делится на равные части между участвующими... Все правовые положения, вытекающие из соглашений такого рода, имеют самые простые, можно сказать первобытные, формы, определяются главным образом издавна установившимся обычаем, на котором держатся все подобные артельные комбинации [Ефименко А., 1874, с. 99—100].

Причиной слабого развития «артельного начала» в охотничьем промысле исследовательница считала его относительно низкую по сравнению с морскими и рыбными промыслами трудоемкость по степени как вложенных затрат, так и физической силы.

Иной точки зрения на охотничьи артели придерживался ученый-лесовод, автор фундаментального труда «Обзор промысловых охот в России» А. А. Силантьев. Он полагал, что исчезновение охотничьих артелей на Русском Севере является следствием упадка этого промысла. Если ранее артели, состоящие из 5–7 человек, сообща осуществляли зимний промысел, то к концу XIX в. они «почти отошли в область преданий. Всюду, по сообщениям губернаторов и лесничих, промышленники охотятся в одиночку, соединяясь в случайные партии по несколько человек для экстренных охот, например гоньбы зверя по насту, на лед, для добывания медведя на берлоге и т. п.» [Силантьев, с. 215].

Капитализация (модернизация) традиционного хозяйства вызвала изменения форм собственности и, как следствие, трансформацию форм управления лесопользованием. Так, в интенсивно развивающейся лесопильной промышленности севера Архангельской губернии конца XIX – начала XX в. артель по рубке и сплаву леса выступает уже не как одна из форм управления лесопользованием, а только в качестве посредника между ресурсами территории и их юридическим собственником – государством. По словам П. С. Ефименко, на заготовках леса в Пинежском уезде подряд артелями брали только для того, чтобы «отвечать круговой порукою как все за одного, так и один за всех» [Ефименко П., с. 179]. Аналогичным образом в Чакульской волости Сольвычегодского уезда артель рубщиков выступала исполнителем заказа лесопромышленника и/или его поверенных; разрешение на рубку общественного леса выдавал староста [см. об этом: АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 331, л. 2–3].

В основном формы управления лесопользованием при рубке и сплаве леса зависели от способа организации промысла. При так называемом семейном подряде, когда крестьянская семья работала «на себя», лес вырубался в пределах тех лесных дач, которые находились в ее собственности. Заготовка леса в этом случае производилась всей семьей: «мужики рубят лес, а женщины и подростки возят его» [Внеземледельческие промысли..., с. 46].

Другой формой организации лесопользования являлось объединение нескольких крестьянских семей и их участков в небольшие артели. Работа здесь была организована по следующему принципу: «один рубит дрова, другой корит (т. е. очищает бревна от коры), третий возит бревна к катищу... Рубящий обыкновенно человек безлошадный и идет к имеющему лошадь в качестве “казака” – работника с платой в 20 коп. и более в день, иногда же “с половины” или “с трети” заработка» [Куликовский, с. 204–205].

В конце XIX – начале XX в., как было сказано выше, наиболее распространенной формой управления промыслом стали *спецализированные артели*, работавшие на крупных лесопромышленниках. «Рубка леса в этом случае производится большей частью из дач, принадлежащих самим лесопромышленникам, или взятых ими в арендное содержание, или, наконец, на сруб», – сообщал А. Шустиков из Кадниковского уезда Вологодской губернии [Шустиков, с. 9].

Традиционную систему регулирования собственности на лес и его богатства условно можно разделить на две части.

Первая связана с поземельными отношениями крестьян Русского Севера, где лес при существующей лесопольной системе земледелия составлял запасной фонд для пополнения недостатка в пахотных землях путем расчистки лесов. В этом случае лес, как и пахотная земля в целом, входил в общую систему землепользования и становился собственностью в соответствии с вложенным в него трудом. Это же касалось лесных сенокосов и выгонов, а позже — участков для лесных порубок. Таким образом, в основе правовой мотивации хозяйственной деятельности и поведения севернорусского крестьянства лежало представление о труде как мере собственности на все природные ресурсы территории. А. Я. Ефименко отмечала, что право собственности на природные ресурсы, прежде всего землю, в севернорусском обычном праве определялось мерой вложенного в освоение данного ресурса труда [Ефименко А., 1882, с. 52]. На это же указывал и корреспондент «Отечественных записок», который, характеризуя общину Олонецкой губернии, писал: «Общинная земля при ее небольшом количестве и малой, вдобавок клочковатой обработке, при обилии озер и болот стоит очень недорого. Стоят только те клочки, которые обработаны. Стоит, стало быть, труд» [А-л. Л-ш, с. 226]. Иными словами, понятие собственности на природные ресурсы в традиционном правосознании населения Русского Севера служило своеобразной мерой интенсивности взаимоотношений человека и природы и зависело как от этнических процессов (колонизация, миграция), так и от природно-ресурсного потенциала осваиваемых территорий. Во всяком случае, достаточно детально разработанные внутри системы обычного права Русского Севера нормы лесопользования базировались именно на возможностях природно-ресурсного потенциала территории, каждого из ее микроареалов. Эти нормы нашли свое отражение в размере наделов, лесных и рыбных угодий, системе переделов и распределения получаемых доходов, особенностях метрических систем, способах организации трудовой деятельности и пр.

Вторая часть представлений о собственности на лес базировалась на фундаментальном мировоззренческом представлении, что «земля (в том числе и лес. — И. Б.) и вода — Божьи». Анализ материала позволяет говорить, что мировоззренческую основу традиционного природопользования составляли импульсы дохристианского происхождения (культ земли и воды), подвергшиеся, однако, значительной перекодировке внутри православной культурной модели. Интересно, что некоторые исследователи связывали возникновение этих представлений с особенностями природно-ресурсного потенциала территорий. Так, корреспондент «Отечественных записок» полагал, что при существующем в Олонецкой губ. подсечно-огневой системе земледелия, обусловленной наличием здесь огромного земельного фонда при малой плотности населения, даже община являлась не собственником, а пользователем земли. Единственным владельцем земли считался Бог. «Земля здесь считается Божьей в гораздо более строгом смысле, чем в Великороссии», — писал он [А-л. Л-ш, с. 227].

Данные мировоззренческие установки во многом послужили основой формирования свободного пользования казенным лесом, что, естественно, приходило в противоречие с существующим законодательством. Можно констатировать, что различного рода нарушения государственных постановлений о казенных и удельных лесах занимали одно из ведущих мест в структуре преступлений и проступков севернорусского крестьянства. Так, по данным Вологодского статистического комитета, из 1 921 осужденного в 1881 г. за различные преступления 526 человек (27,4 %) были осуждены именно за самовольные порубки [Отчет о занятиях..., с. 7].

Массовый характер приняло т. н. «порубочное движение», охватившее 26 вологодских уездов в октябре — декабре 1905 г. и октябре — декабре 1906 г. Причиной его послужил Манифест 17 октября 1905 г., который крестьяне восприняли как разрешение рубить казенный лес [РГИА, ф. 1405, оп. 108, д. 6833, л. 1]. Подобная трактовка, естественно, не могла найти понимания у государственных структур, призванных осуществлять надзор за лесопользованием, что привело к серьезным столкновениям между лесной администрацией и крестьянами. Так, в д. Пономарихи Устьрецкой волости Кадниковского уезда Вологодской губернии вооруженный отряд полицейских стражников, состоящий из 12 человек, не смог заставить крестьян вернуть срубленный лес, поэтому пришлось вызывать на помощь значительный отряд конной стражи [см.: Там же, д. 6955, л. 13].

Всего только за 1905 г. в Вологодской губернии было вырублено 7 061 м³ строительного и 5 548 саженей неделового леса общей стоимостью по казенной таксе 105 690 руб., за что осуждено 19 376 чел. [см.: Там же, ф. 387, оп. 28, д. 962., л. 43—45].

Однако это не остановило «порубочного движения», хотя его размах после 1906 г. заметно пошел на убыль. По указу Правительствующего сената от 11 июня 1914 г. было осуждено 14 крестьян Шенкурского уезда Архангельской губернии за самовольную подсечку леса. «За причиненный ущерб от порубки леса виновные были отосланы в рабочий дом. Штрафные деньги в сумме 2102 рубля 60 коп. взысканы с тех селений, в коих селениях виновные жительствоуют. Лесных надзирателей за несмотрение и допущение истребления казенного леса наказать каждого 20 ударов батогами» [ГААО, ф. 4, оп. 6, т. 2, д. 2043, л. 18]. В декабре 1914 г. рассмотрено дело по обвинению крестьянина Сафонова Романа в самовольной порубке леса. Мезенский уездный суд наказал виновного девятью ударами батогами, оставив осужденного в своем селении [см.: Там же, д. 2016, л. 23]. Подобные примеры можно было бы продолжить. Однако следует заметить, что зачастую самовольные порубки являлись следствием недобросовестности волостных должностных лиц. И. Логинов, наблюдавший в Архангельской губернии в 1880 г. распределение лесоматериалов на волостном сходе, так описывает эту проблему:

Каждый год в августе или сентябре в каждой волости собирается сход, цель которого — распределить бревна на волость таким образом, чтобы крестьяне, имеющие полуразвалившиеся дома, неудобные для жилья, получили достаточное

количество леса для постройки или поправки домов. Гораздо ранее сходов волостные власти обещали «записать леску» зажиточному воротиле, просившему их и подкрепившему свою просьбу веским аргументом. Бедняки предъявляют свои просьбы о лесе, их много, следовательно, и леса требуется много, начинаются горячие споры, препирательства. Громче всех раздаётся голос кулака. Писарь волости (к большому несчастью крестьян или «зашибающий рюмку», или плут — редко бывают деловые люди), записывающий бревна, конечно, не оставлен без внимания кулаком и действует, как желательный хитрому крестьянину... Выходят билеты, и крестьяне приступают, кому нужно, к рубке. Какой-нибудь Пахом едет с этой целью в лес, но останавливается от этого намерения лесной стражей, которая заявляет ему, что он не может рубить лес, потому что ему ничего не назначено. В полной уверенности в своем деле Пахом едет справляться в Правление, где узнает, что ему действительно не назначено ни бревна, тогда как на сходе он ясно слышал, что ему назначено столько-то бревен. Бывает и еще хуже. Пахом, не пойманный вовремя лесной стражей, вырубает бревна и попадает как самовольный порубщик [Логинов, с. 364–365].

Кроме того, государственные меры по регулированию лесопользования, в представлениях крестьян, не имели силы, поскольку противоречили основной мировоззренческой установке, что «лес и земля — Божьи», а потому право пользование ими в равной степени принадлежит всем. Так, например, в Николаевско-Григоровском приходе Вельского уезда «народ смотрит на порубки слишком снисходительно и не видит в этом воровства в собственном смысле, как противонаправственных действий, заслуживающих осуждения» [АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 98, л. 32]. Насколько сильны были эти представления в сознании крестьян, можно судить хотя бы по тому, что традиционной культурой оправдывалось совершение такого тяжкого греха, как лжесвидетельство, если оно совершалось в отношении преследований за пользование лесом. А. А. Чарушин описывает один из таких случаев, когда имущество крестьянина было назначено коронным судом к продаже за самовольные порубки в казенном лесу. «Вся деревня приняла присягу в том, что у виновного ничего нет, кроме лошади и коровы, хотя и знало, что имущество его было спрятано у соседей. «Мужик только стал было оправляться, — приводили в свое оправдание крестьяне, — не зорить же его за лес; да и што они пишут там, будто казенный лес? Лес тут общий, тут и присягнуть никакого греха нет» [Чарушин, 1913б, с. 80].

Таким образом, нормы обычного права в отношении лесопользования носили двойственный характер, что было связано как с практикой хозяйственного освоения края и сложившихся в силу этого специфических форм природопользования, так и с мировоззренческими установками севернорусского крестьянства.

АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1.

ГААО. Ф. 4. Оп. 6, т. 2.

ПМА ЛА. Запись 1986 г. от Е. С. Балакиной, 1910 г. рожд.; С. Л. Покараева 1897 г. рожд. д. Кречетово Каргопольского р-на Архангельской обл.

РГИА. Ф. 387. Оп. 28; Ф. 1405. Оп. 108.

- А-л. Л-ш.* Сельская община в Олонецкой губернии // Отч. зап. 1874. № 2. С. 218–237.
- Бондаренко О. Е.* К вопросу о политике правительства в лесопользовании крестьян Коми края в конце XVIII – начале XX в. // Аграр. отношения и история крестьянства Европейского Севера России (до 1917 г.). Сыктывкар, 1981. С. 131–142.
- Внеземледельческие промыслы Вологодской губернии* / под ред. А. Н. Масленникова. Вологда, 1903.
- Герасимов М. К.* Некоторые обычаи, обряды, верования, приметы и поговорки крестьян Череповецкого уезда Новгородской губ[ерний] // ЭО. 1894. № 1, кн. 20. С. 121–127.
- Ефименко А. Я.* Артели в Архангельской губернии // Сб. материалов об артелях в России. Вып. 2. СПб., 1874. С. 1–174.
- Ефименко А. Я.* Крестьянское землевладение на Крайнем Севере : (ист. очерк) // Рус. мысль. 1882. Кн. 5. С. 48–73.
- Ефименко П. С.* Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. Архангельск, 1869.
- Камкин А. В.* Крестьянский мир на Русском Севере : (материалы по истории севернорусских крестьянских сообществ XVIII в.) : учеб. пособие к спецкурсу. Вологда, 1995.
- Куликовский Г. И.* Артели Обонежья // ЭО. 1892. № 2/3. С. 203–209.
- Логинов И.* Крестьянское самоуправление в лесном деле // Лес. журн. 2/3 [1880]. Кн. 5. С. 364–366.
- Максимов С.В.* Год на Севере / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. Плеханова. Архангельск, 1984.
- Отчет* о занятиях Вологодского статистического комитета за 1882 г. // ВГВ. 1883. № 27, 1 июля. С. 7.
- Павлов-Сильванский Н. П.* Собрание сочинений : в 3 т. Т. 3 : Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910.
- Протоколы* годичного заседания Архангельского губернского статистического комитета, происходившего 21 декабря 1881 г. // АГВ. 1882. № 12. С. 3–4; № 15. С. 5–6; № 23. С. 2–3.
- Сборник* сведений по Европейской России за 1882 г. / Центр. стат. комитет Мин-ва внутр. дел. СПб., 1884.
- Сельская* поземельная община // АГВ. 1886. № 8. С. 4–5.
- Силантьев А. А.* Обзор промысловых охот в России. СПб., 1898.
- Чарушин А. А.* Народный суд // ИАОИРС. 1913а. № 7. С. 311–324.
- Чарушин А. А.* Отношение народа к коронному суду // ИАОИРС. 1913б. № 2. С. 74–82.
- Юшков С. В.* Очерки истории приходской жизни на Севере России XV – XVII вв. СПб., 1913.
- Шустиков А.* Троицина Кадниковского уезда : (этнограф. очерк) // ВГВ. 1883. № 11, 18 марта. С. 9.
- Щепотьев С.* Законодательство и старинные формы землевладения на Севере // Север. вестн. 1886. Кн. 2. С. 80–116.

Статья поступила в редакцию 11.06.2010 г.

УДК 352.075(470.53) + 323(470.53)

И. А. Попп
Э. А. Черноухов**АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ КРОНЕБЕРГ: PROVINCIAL'NYI
NEUDACHNIK ILI USPESHNYI OBYCHOVENNYI DEYATEL'NYI?**

Рассматривается разносторонняя деятельность А. И. Кронеберга в Пермской губернии в период 1850–1870-х гг., по-разному оцениваемая специалистами. На расширенной источниковой базе прослеживается жизненный путь Кронеберга, дается обстоятельный анализ его жизнедеятельности.

Ключевые слова: общественная деятельность А. И. Кронеберга, Пермская губерния, Нижнетагильский горный округ, земство, земская управа.

Многогранная деятельность Алексея Ивановича Кронеберга (1828–1880) в Пермской губернии вызывала неоднозначные оценки уже среди его современников. За три десятилетия своей жизни на Урале он принял активное участие в проведении крестьянской реформы, становлении судебно-мировых учреждений и земского самоуправления. Однако единственной специальной работой, посвященной А. И. Кронебергу, до сих пор остается популярный очерк В. П. Микитюка [см.: Микитюк, с. 44–55].

Необходимость более обстоятельного анализа его жизни предопределяется и серией последних публикаций о взаимоотношениях Д. Н. Мамина-Сибиряка с известными общественными деятелями Пермской губернии. Писатель как напрямую, так и в своих художественных произведениях (в которых четко угадываются прототипы) дал им ряд нелицеприятных оценок.

Л. М. Митрофанова повторила версию Е. А. Боголюбова [см.: Боголюбов, с. 374] о том, что А. И. Кронеберг является прототипом для Окунева — второстепенного персонажа романа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Именинник». А его оценки здесь просто уничижительны: *трагические русские люди, никому не нужные люди, поврежденные, оглашенные, совсем особенные люди-с, андохореты* [см.: Митрофанова, с. 251].

Это мнение во многом основывается на известном шестом письме Д. Н. Мамина-Сибиряка «С Урала», в котором он отметил, что А. И. Кронеберг был «человеком с выдающимися способностями», но его деятельность — «разбросанность потраченного труда целой жизни, которая шаг за шагом разменялась на мелкую монету, не оставив после себя даже заметного общественного следа». Этот «замечательный человек остался в тени и пользовался известностью

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ-Урал № 09-01-83102а/у.

в небольшом кругу знакомых» [ГАСО, ф. 136, оп. 1, д. 101, л. 8–9]. Главной причиной, по мнению Мамина, стал переезд Кронеберга из столицы в провинцию, где российские таланты просто не могли раскрыться.

По нашему мнению, многогранная жизнь и деятельность А. И. Кронеберга имеет малого общего с литературным персонажем из «Именинника». Вышеприведенные оценки Д. Н. Мамина-Сибиряка во многом вызваны его сложной судьбой и неизжитыми комплексами сына провинциального священника.

А. И. Кронеберг происходил из немецкого дворянского рода. Его отец, Иван Яковлевич Кронеберг (1788–1838), был профессором латинской словесности и древностей в Харьковском университете, составителем известного Латинско-русского лексикона. Он сделал успешную административную карьеру: был деканом словесного факультета, а в 1826–1829, 1833–1838 гг. — ректором [см.: Русские писатели, с. 159–160; Русский биографический словарь, с. 447–448; ЖМНП, 1865, с. 107; 1871, с. 59–62].

По воспоминаниям коллег, И. Я. Кронеберг слыл трудолюбивым, скромным и бескорыстным человеком, не оставившим семейству почти никакого состояния, кроме деревянного дома. Декан медицинского факультета Харьковского университета Ф. Ганн считал, что его преждевременной смерти способствовало служебное рвение: «Будучи полноправного сложения, он часто чувствовал припадки головокружения, которые могли быть отвращены только ограничением умственных занятий и переменой сидячей жизни на жизнь физически деятельную, чем Кронеберг, удовлетворяя обязанностям своим по службе, не мог воспользоваться» [РГИА, ф. 733, оп. 49, д. 1207, л. 2–7].

Современники высоко оценивали и семейные качества И. Я. Кронеберга, воспитание им четырех детей, к которым тот относился с «нежной любовью и заботливостью примерного отца, положив в сердцах детей своих начала истинно христианской нравственности» [см.: Харьковские губернские ведомости, с. 374]. После смерти И. Я. Кронеберга его семье была назначена солидная пенсия — 2666 рублей [см.: РГИА, ф. 733, оп. 49, д. 1207, л. 30 об.; ф. 1343, оп. 51, д. 542, л. 72 об.].

Младший сын Ивана Яковлевича Кронеберга Алексей унаследовал многие положительные черты характера своего отца. Он окончил первую Харьковскую гимназию, поступил в университет, где ранее работал его отец. Но юноше не удалось получить полного высшего образования: в 1846 г. Алексей был отчислен с 3-го курса по собственному желанию [см.: ГАПК, ф. 65, оп. 2, д. 1131, л. 10 об.]. Скорее всего, это произошло из-за недостатка средств для продолжения обучения: у вдовы И. Я. Кронеберга оставались на иждивении еще две малолетние дочери.

На следующий год Алексей со старшим братом Андреем уехали из Харькова в Санкт-Петербург. Здесь они начали сотрудничать в журнале «Современник». Андрей опубликовал ряд статей, а Алексей, в должности секретаря редакции, работал над переводами трагедий Шекспира. В начале 1850-х гг. Андрей, будучи уже семейным человеком, видя нестабильность доходов литератора, принял предложение стать директором сахарных заводов [см.: Старчевский, с. 337–338; Русские писатели, с. 159].

Алексей также отказался от продолжения литературной деятельности. К ней он ненадолго вернулся только в апреле 1855 г., когда внезапно умер старший брат. Алексей нашел в его бумагах начало перевода «Летописи» Корнелия Тацита, продолжил работу и в 1858 г. издал в 16 книгах этот труд. Гонорар от этой публикации А. И. Кронеберг передал своим племянникам [см.: Екатеринбургская неделя, 1880. № 17, с. 281].

В начале 1850-х гг. Алексей принял предложение уральского заводовладельца П. Д. Соломирского стать гувернером его детей. Прекрасно образованный, А. И. Кронеберг был подготовлен к этой работе: он владел шестью иностранными языками, серьезно занимался математикой, прекрасно музицировал. Кронеберг принял предложение и переехал в поселок Сысертского завода Екатеринбургского уезда, где постоянно проживало семейство Соломирских. Оставшиеся две трети его жизни были связаны с Пермской губернией, которая стала для него второй родиной.

В поселке Сысертского завода он несколько лет обучал многочисленных детей Соломирских, женившись на их старшей дочери Ольге (1837—1888). В этом браке родилось 8 детей [см.: Пирогова, Неклюдов, Ларионова, с. 252—270].

В 1861 г. А. И. Кронеберг поступил на государственную службу: он был утвержден в должности кандидата в мировые посредники по Пермской губернии, и в начале 1862 г. командирован в 1-й участок Екатеринбургского уезда. Кронеберг поработал в трех уездах губернии, а в 1867 г. был назначен председателем мировых посредников Екатеринбургского уезда. На этой службе он получил первые награды: серебряный знак отличия (1863) и орден Св. Станислава II степени (1868).

В 1869—1872 гг. А. И. Кронеберг временно исполнял должность представителя правительства в Пермском губернском присутствии по крестьянским делам [см. об этом: ГАПК, ф. 65, оп. 2, д. 1131, л. 11—14 об.]. Для известной сенатской ревизии П. Н. Клушина (1870) он составил информативную «Записку о положении крестьянского дела в Пермской губернии», обратившую на себя внимание высшей администрации «обстоятельностью изложения и массой статистических данных» [Екатеринбургская неделя, 1880, № 17, с. 281].

В 1872 г. А. И. Кронеберг вновь перешел на службу к частному лицу. Он стал помощником управляющего по социальной сфере и юрисконсультантом Нижнетагильского горного округа П. П. Демидова, в тот период самого крупного по объемам производства горнозаводского хозяйства региона. Здесь ему предстояло продолжить трансформацию обширной социальной инфраструктуры — медицинских, учебных и благотворительных заведений. При этом владельцы Нижнетагильского округа и местное заводоуправление осознавали невозможность радикального варианта преобразования социальной сферы с перекладыванием практически всех расходов на какие-либо организации местного населения, перспектива создания которых представлялась весьма туманной, поэтому предполагали определенный переходный период, когда существенные суммы на содержание социальной инфраструктуры закладывались в накладные заводские расходы. Кронебергу предстояло постепенно сокращать эти затраты, в том числе за счет налаживания тесного взаимодей-

ствия с созданным в 1870 г. Верхотурским уездным земством [см.: Черноухов, 2010, с. 89–95].

Кронеберг, доложив П. П. Демидову о состоянии Нижнетагильского реального училища, получил указание подготовить проект его реорганизации. Основным требованием владельца стало усиление специализации в обучении. В 1874 г. под председательством Кронеберга в Нижнетагильском поселке состоялось расширенное совещание по реорганизации училища, на котором развернулась острая дискуссия в русле перманентного спора о классицизме и реализме в образовании.

На прикладном характере обучения в реальном училище настаивало большинство представителей администрации округа, против ограничения роли общеобразовательных предметов выступили преподаватели училища и приглашенные на совещание врачи. Получивший классическое образование Кронеберг последовательно выражал мнение владельца. Так, он заявил, что «если допустить необходимость преподавания истории, то тратить на нее поменьше времени, читать ее эпизодически... ограничиваясь главными событиями в русской истории» [РГАДА, ф. 1267, оп. 9, д. 85, л. 1–19; д. 97, л. 18–21].

Эта дискуссия во многом была вызвана отсутствием в Нижнетагильском округе среднего образовательного учебного заведения. Его задачи во многом выполняло горнозаводское училище. В частности, здесь готовили учителей и лекарьских учеников для обширной социальной инфраструктуры округа.

Новый устав Нижнетагильского реального училища принять не удалось, но в организации обучения произошли существенные изменения. Его третий класс стал подразделяться на четыре отделения с более узким кругом преподаваемых предметов. Для улучшения обучения несколько сократили и количество учеников в классах [см.: Черноухов, 1998, с. 181–182].

Кронеберг разработал Устав эмеритальной кассы служащих и мастеровых округа, но он так и не был введен в действие из-за явного противодействия окружной администрации [см.: ГАПК, ф. 790, оп. 1, д. 1243, л. 1].

Личность Кронеберга прекрасно характеризует временная передача им своего обширного личного книжного собрания в распоряжение читателей Нижнетагильской заводской библиотеки на все время его работы в округе в 1872–1876 гг. [см.: Шабаршина, с. 133–137]

Деятельность А. И. Кронеберга в Нижнетагильском горном округе вызывала постоянное недовольство влиятельной части его администрации, в основном из крепостных слугителей, которые традиционно считали наем «посторонних» специалистов вредным для хозяйства [см.: Гуськова, Калистратова, с. 74]. Поэтому Кронеберг заранее подготовил себе новое место службы в Верхотурском уездном земстве. В период 1873–1876 гг. он был председателем IV–VI земских собраний, являлся членом земского училищного совета [ГАПК, ф. 65, оп. 2, д. 1131, л. 15 об.]. Здесь Алексей Иванович уделил особое внимание организации вводимых в Пермской губернии судебно-мировых учреждений. Он способствовал поиску удобных помещений для организации деятельности мировых судей и приставов.

А. И. Кронеберг принял и непосредственное участие в работе новых судебных институтов. В 1873 г. он был избран почетным мировым судьей

Верхотурского судебно-мирового округа [см.: Сборник Пермского земства, с. 70]. Эта должность вводилась для того, чтобы «обеспечить успешное исполнение многообразных обязанностей мирового судьи, с возможным сокращением издержек для государственного казначейства, а равным образом для того, чтобы призвать лучших людей общества к безвозмездной ему службе» [см.: Судебные уставы..., с. 35]. Причем на первом заседании Кронеберга выбрали председателем Верхотурского съезда мировых судей, что предполагало постоянное присутствие на заседаниях съезда, а также и непосредственное участие в судопроизводстве [см.: ГАПК, ф. 65, оп. 1, д. 77, л. 20].

Институт почетных судей, которые должны были работать без какого-либо жалования, подвергался постоянной критике современников [см.: Попп, 109—123]. Реально он функционировал только в ряде уездов империи во многом благодаря таким самоотверженным идеалистам, как А. И. Кронеберг. Он требовал, чтобы судьи съезжались накануне съезда, до открытия заседания подробно знакомились со сложными делами. В результате уважение к первым мировым судьям Верхотурского уезда сохранялось десятки лет [см.: Екатеринбургская неделя, 1880, № 18, с. 298; 1882, с. 609].

В конце первого трехлетия деятельности судебно-мировых учреждений в Верхотурском уезде Кронеберг составил капитальный доклад, систематизирующий накопленный опыт. По решению очередного VII Верхотурского земского собрания он был издан отдельной брошюрой [см.: Кронеберг]. Этот доклад неоднократно ставился в пример мировым судьям, а верхотурские гласные требовали от председателя их съезда «доставлять такие сведения ежегодно, применительно к форме, составленной для сего бывшим председателем А. И. Кронебергом» [см.: Журналы XVI очередного..., с. 57].

Многогранную общественную деятельность Алексея Ивановича отметил пермский губернатор Н. Е. Андреевский. В 1876 г. он послал два представления министрам внутренних дел и юстиции о награждении А. И. Кронеберга чином статского советника. В сопроводительной записке губернатор дал ему лестную характеристику: «Как человек весьма образованный, даровитый от природы и преданный пользам службы, господин Кронеберг всегда с отличным успехом исполнял и исполняет все обязанности и дела, которые возлагались на него по разным должностям. При том все эти должности, за исключением должности члена губернского по крестьянским делам присутствия, господин Кронеберг проходил безвозмездно». Но ответ из Санкт-Петербурга был отрицательным. Лица, состоящие на службе в земских учреждениях, не имели права на награждение классными чинами [см.: ГАПК, ф. 65, оп. 2, д. 1131, л. 2—3, 22—23].

В 1876 г. Кронеберг был избран председателем Верхотурской уездной земской управы на третье трехлетие ее деятельности от лица так называемой северной (верхотурской) группы депутатов, которой удалось временно взять верх над доминировавшей до этого тагильской. Но это не препятствовало успешному развитию Нижнетагильского поселка — самого крупного и экономически развитого центра уезда, где с округой проживало до половины его населения. Кронеберг, регулярно конфликтуя с руководством Нижнетагильского горного

округа по уплате им земских сборов, успешно наладил взаимодействие со многими представителями тагильской общественности.

При его активной поддержке в Нижнетагильском поселке активную деятельность развернул Санитарный комитет, созданный в 1874 г. Верхотурским уездным земским собранием. Его председателями были известные тагильские врачи П. В. Рудановский (заводской), затем П. В. Кузнецкий (земский). В 1876 г. комитет, с целью предотвращения распространения сифилиса, добился открытия в Нижнетагильском поселке домов терпимости.

IX Верхотурское уездное земское собрание 1878 г. учредило должность заведующего статистическим отделением Санитарного комитета, которую занял В. А. Ломан. Под его руководством 9 сентября 1879 г. была проведена первая однодневная перепись населения Нижнетагильского поселка. Ее обширные материалы были частично проанализированы В. А. Ломаном и Р. Н. Румой [см.: Журналы X очередного..., с. 691–707; Рума].

Одной из самых болезненных проблем для Верхотурского земства в тот период стало строительство собственной больницы в Нижнетагильском поселке. Оно началось еще по решению VI земского собрания 1875 г., утвердившего общую смету в 25 тысяч рублей и двухлетний срок строительства. Однако новому составу управы под председательством Кронеберга не удалось выполнить эти планы. За 1876–1879 гг. было израсходовано уже около 40 с половиной тысяч рублей, а до завершения строительства было еще далеко. К тому же многие работы были выполнены некачественно. В результате X уездное земское собрание 1879 г. приостановило строительство больницы.

Не стоит возлагать основную вину на председателя управы Кронеберга. Заниженная смета была принята еще до его вступления в должность. А открыть земскую больницу в Нижнетагильском поселке удалось только в ноябре 1885 г., т. е. через 10 лет после решения о начале строительства (реальные затраты на ее создание превысили первоначальную смету почти в три раза [см. подробнее: ГАСО, ф. 435, оп. 1, д. 283, 396]).

Кронеберг неоднократно исполнял и обязанности гласного в Пермском губернском земском собрании. Здесь он способствовал созданию и увеличению финансирования передвижного госпиталя, действовавшего на русско-турецком фронте в 1877–1878 гг. под руководством П. В. Кузнецкого [Стенографический отчет..., с. 3–5].

В 1879 г. тагильской группе депутатов удалось взять реванш на выборах в Верхотурское уездное земское собрание. Деятельность управы за предшествующее трехлетие была подвергнута основательной критике.

Одной из причин оставления Кронебергом службы в Верхотурском уезде стало и существенное изменение состава земцев в тот период времени. На смену возвышенным идеалистам первых созывов приходили люди практические, смотревшие на земскую службу как на прибыльное место [см.: Никольский, с. 1–2]. В романе «Именинник» приведена еще более жесткая оценка: пришли «кабатчики и волостные писари», т. е. беззастенчивые наживатели и тупые чиновники [см.: Щенников, с. 31]. Земская служба становилась ареной ожесточенной борьбы, в Верхотурском уезде усугублявшейся

к тому же давним противостоянием северной (верхотурской) и тагильской групп земцев.

На прощальном ужине представителями верхотурской общественности было сказано много теплых слов о значительной роли А. И. Кронеберга в развитии уезда. В одной из речей отмечалось, что «всякий вопрос, касавшийся медицинской части и народного здравия, возбуждал в нем самое живое участие. То же было с вопросами о народном образовании и о мерах к рациональному развитию крестьянского хозяйства» [см.: Екатеринбургская неделя, 1879, № 2, с. 17; № 20, с. 272–273].

Кронеберг решил вернуться в систему мировой юстиции. В октябре 1879 г. X очередное Екатеринбургское уездное земское собрание избрало его в участковые мировые судьи. Здесь он успел за полгода разобрать «столько дел, сколько иному судье не разобрать и в целый год» [Журналы Екатеринбургского уездного..., с. 479].

16 апреля 1880 г. А. И. Кронеберг скончался. В том же году было издано его капитальное сочинение «Элементарные начала геометрического анализа или так называемой новой геометрии» [см.: Екатеринбургская неделя, 1880, № 18, с. 299].

В заключение вернемся к проблеме, обозначенной в заглавии статьи. Алексей Иванович Кронеберг прожил не слишком длинную, но насыщенную жизнь, несколько раз кардинально менял род и место своей деятельности. Если рассматривать ее с меркантильной точки зрения, то она действительно весьма драматична. Он не оставил своей большой семье никакого состояния, кроме библиотеки в 8 тысяч томов. Кронеберг явно вынужденно оставил материально доходную службу в Нижнетагильском горном округе и Верхотурском земстве (на последней 3600, затем 4000 рублей годового жалованья).

Но если рассматривать его жизнь с позиций общественной пользы, то вызывает уважение его действительно многогранная деятельность. Он сумел внести значительный вклад в развитие многих государственных и муниципальных сфер Пермской губернии, приняв активное участие в проведении крестьянской реформы, становлении судебно-мировых учреждений и земского самоуправления. Всю свою жизнь А. И. Кронеберг следовал принципам общественного служения, привитым отцом. Он сумел реализовать себя и в личном плане, став автором литературных переводов и математического труда. Скорее всего, он был счастлив и в семейной жизни.

Поэтому его нельзя отнести к «трагическим русским людям». Именно благодаря таким самоотверженным, во многом бескорыстным деятелям происходила сложная модернизация России. А ее успех во многом зависел от перемен в провинции, где в целом успешно работал и наш герой.

Боголюбов Е. А. Имениник // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. Т. 4. Свердловск, 1949. ГАПК. Ф. 65, 790.

ГАСО. Ф. 136, 435.

Гуськова Т. К., Калистратова Э. А. Яким Семенович Колногород // Нижний Тагил

в лицах : организаторы производства, инженеры, техники XIX — начала XX века. Екатеринбург, 1999.

Екатеринбургская неделя. 1879. № 2, 20; 1880, № 17, 18; 1882, № 40.

Журналы X очередного Верхотурского уездного земского собрания и доклады Верхотурской уездной земской управы 1879 года. Пермь, 1880.

Журналы XVI очередного Верхотурского уездного земского собрания. Пермь, 1886.

Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания X очередной сессии. Екатеринбург, 1880.

ЖМНП. 1865. № 10; 1871. № 3.

Кронеберг А. И. Доклад о результатах деятельности мировых судей и съезда Верхотурского округа за 1874 и 1875 гг. Пермь, 1877.

Никольский Д. П. Земская медицина в Екатеринбургский уезде Пермской губернии за 1882—1883 г. // Вестник торговли и промышленности. 1884. Отд. 4.

Микитюк В. П. Алексей Иванович Кронеберг // Нижний Тагил в лицах : общественные деятели Тагила XIX — начала XX века. Н. Тагил, 1998.

Митрофанова Л. Д. Н. Мамин-Сибиряк и Н. К. Чупин: типы времени и интеллекта // Урал. 2008. № 5.

Пирогова Е. П., Неклюдов Е. Г., Ларионова М. Б. Род Турчаниновых : культур.-ист. очерки. Екатеринбург, 2008.

Попп И. А. Почетные мировые судьи Пермской губернии в 1870—1880-х гг.: к проблемам организации и деятельности // Пробл. истории, филологии, культуры. 2010. № 2.

РГАДА. Ф. 1267.

РГИА. Ф. 733, 1343.

Рума Р. Н. Состав населения Нижнетагильского завода. Пермь, 1885.

Русские писатели, 1800—1917 : биограф. слов. / под ред. П. А. Николаева. М., 1994.

Русский биографический словарь / под ред. А. А. Половцова. СПб., 1903.

Сборник Пермского земства. Пермь, 1874. № 1—4.

Старчевский А. В. Воспоминания старого литератора // Ист. вестн. 1891. № 8.

Стенографический отчет заседаний Пермского губернского земского собрания IX чрезвычайной сессии. Пермь, 1878.

Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1867. Ч. 3. Ст. 16.

Харьковские губернские ведомости. 1838. № 43.

Черноухов Э. А. Горнозаводское образование на Урале в XIX веке : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998.

Черноухов Э. А. Реорганизация медицинской части Нижнетагильского горного округа в 1861—1885 гг. // История как ценность и ценностное отношение к истории. Вып. 3. Екатеринбург, 2010.

Шабаршина О. В. Библиотека Алексея Ивановича Кронеберга: попытка реконструкции // Восьмые Татищевские чтения. Екатеринбург, 2010.

Щенников Г. К. «Второй ряд» романов Д. Н. Мамина-Сибиряка // Изв. Урал. гос. ун-та. 2002. № 24. Сер. 2, Гуманитар. науки. Вып. 5.

Статья поступила в редакцию 28.10.2010 г.

УДК 130.2 + 329.4 + 39(=511.152)

И. А. Кубанцева

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ XIX – НАЧАЛА XX В. В ИСТОРИОГРАФИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ МОРДВЫ

Рассматриваются результаты исследований ученых по материальной и духовной культуре мордвы. Описываются первые значительные научные работы по этнографии и фольклору П. И. Мельникова (Андрея Печерского), А. А. Шахматова, В. Н. Майнова, М. Е. Евсеева, И. Н. Смирнова и др., а также вклад Финно-угорского общества (Хельсинки) в формирование научной литературы о мордовском этносе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: научное общество, материальная культура, научное исследование, ученый, мордовский народ, духовное наследие, народный быт, обычай, фольклор.

Реформирование российского общества способствовало повышению интереса не только к естественно-научной литературе, но и к книгам гуманитарного характера.

В XIX в. крупными центрами по подготовке и изданию научной литературы являлись Российская Академия наук и университеты. Однако активизации исследовательской деятельности способствовало и появление во второй половине столетия разнообразных научных обществ. Список существовавших объединений (Вольное экономическое общество, Русское географическое общество) пополнился Русским энтомологическим обществом (1859), Русским историческим обществом (1866), Русским историческим обществом (1866) [см.: Книга в России, с. 103] и др. Практически все они публиковали результаты своих исследований. Создание и активная деятельность научных обществ были своеобразным индикатором изменений, происходящих в России в результате реформ 1860-х гг. Одним из старейших объединений было Русское географическое общество (1845). Его организация способствовала развитию географической и этнографической наук. Им было инициировано большое количество экспедиций не только по России, но и по другим странам. Цель их состояла в исследовании материальной и духовной культуры народов, в том числе мордвы. Первые значительные научные работы по этнографии мордовского народа создали его члены — П. И. Мельников-Печерский, В. Н. Майнов, А. А. Шахматов. Сбор материала ими проводился по инициативе и при финансовой поддержке Русского географического общества. Труды этих авторов публиковались в престижных изданиях.

Одним из первых исследователей мордовского народа был русский писатель-этнограф Павел Иванович Мельников (1818–1883). Навыки литературного творчества он получил, обучаясь на факультете словесности Казанского университета. После его окончания в 1837 г., будучи учителем гимназии, П. И. Мельников занимался исследованием местных архивов, печатался

в различных изданиях. С 1845 по 1850 г. ему доверили редактировать неофициальную часть газеты «Нижегородские губернские ведомости». Печатать свои произведения под псевдонимом *Андрей Печерский* он начал, находясь на службе в Министерстве внутренних дел. Значительное место в творчестве автора занимали сочинения по этнографии. Интересна для него была и мордва. Подтверждением являются его работы «Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь» (1839–1840), «Нижегородская мордва», «Общественные моления эрзян», «Эрзянская свадьба», «Мокшанская свадьба» (1851).

П. И. Мельников в своих произведениях стремился не только представить этнографический материал, но и показать национальный характер мордвы. Так, в «Дорожных записках на пути из Тамбовской губернии в Сибирь» он писал: «...Эта мордва добрый народ... Они не чувствительно смешиваются с русскими, от которых мордвина можно только отличить по платью и по выговору... По характеру мордвина весьма кротки, добродушны, гостеприимны и радушны; в хозяйственном отношении трудолюбивы, рачительны, живут большей частью безбедно и по домашней обиходности стоят выше одноплеменных с ними инородцев» [Мельников, с. 62]. Здесь же он говорил и о делении мордвы на четыре племени: «эрдзя, мокша, терюхане, каратаи» [см.: Там же] и пояснял: «В Нижегородской губернии живет только первая, которая по преданию сперва была и многочисленнее, и сильнее Мокши» [Там же].

За мордвой-мокшей П. И. Мельников наблюдал во время посещения им Темниковского уезда Тамбовской губернии. Свои мысли он изложил также в «Дорожных записках...», где отмечал высокие нравственные качества этого народа и его законопослушность [см.: Там же, с. 63]. Он одним из первых среди исследователей подробно охарактеризовал свадебные обряды мордвы, которые описал в двух очерках: «Эрзянская свадьба» и «Мокшанская свадьба». Опубликованы они были в «Симбирских губернских ведомостях» за 1851 г. Эрзянскую свадьбу писатель рассмотрел на примере обрусевшего села Сескина Терюшевской волости Нижегородской губернии; где были собраны материалы по мокшанской свадьбе, не указано. Сведения о данном действе встречаются и в «Дорожных записках...». Автор наблюдал его в 1839 г. в Темниковском уезде Тамбовской губернии [см.: Мокшин, с. 96]. В очерках П. И. Мельников описал свадебные костюмы, обрядовые кушанья, плату за невесту, обряд похищения и др. Писатель отмечал также крепкие брачные узы у мордвы, нравственную чистоту мордовских девушек [Материалы по истории и этнографии, с. 239].

В 1852 г. по поручению Русского географического общества и Министерства внутренних дел П. И. Мельников приступил к изучению мордвы Нижегородской, Казанской, Пензенской, Симбирской, Самарской, Тамбовской губерний. Для получения полных сведений он изучал архивные документы, осуществлял сбор полевого материала, анализировал опубликованные сведения отечественных и зарубежных авторов о мордве. На основе этого материала ученый написал «Очерки мордвы» — первый значительный труд по этнографии мордовского народа. Они были опубликованы в нескольких номерах «Русского вестника» за 1867 г. Здесь писатель подробно рассказал об истории мордвы, обычаях и древних религиозных верованиях, представил перечень летописных

сказаний о событиях, предшествовавших основанию первого русского города на мордовской земле.

О коренных жителях региона упоминается и в таких произведениях писателя о жизни заволжского старообрядческого купечества, как «В лесах» и «На горах». Эту проблему он знал изнутри, так как с 1847 г. состоял на службе в Министерстве внутренних дел, где занимался в начале своей карьеры расследованием «раскола» и жизни старообрядцев. Таким образом, П. И. Мельников — один из первых авторов, кто познакомил широкий круг читателей России с поволжским народом — мордвой.

В. Н. М а й н о в — ученый секретарь Отделения этнографии Русского географического общества. Он занимался не только этнографией вышеупомянутой финно-угорской группы народа, но и антропологией. В 1877 г. по его инициативе была организована экспедиция, исследовавшая мордву, проживавшую в Нижегородской, Симбирской, Казанской, Тамбовской, Самарской, Пензенской губерниях. По итогам исследований были написаны три монографии: «Результаты антропологических исследований среди мордвы», «Очерки юридического быта мордвы», «Остатки мордовской мифологии». Последняя работа вышла на французском языке в 1889 г. в трудах Финно-угорского общества уже после смерти автора [см.: Мокшин, с. 103]. Исследование по антропологии удостоено золотой медали Русского географического общества. Второй труд ученого («Очерки юридического быта мордвы») был особо оценен еще при его жизни. Профессор П. А. Соколовский дал высокую оценку этой работе: «Исследование г. Майнова вносит в литературу множество новых сведений относительно важных сторон быта мордвы, до сих пор недостаточно изученного, несмотря на то, что племя это по своей численности и по культуре занимает одно из первых мест не только между финскими племенами, но и вообще между инородцами России» [цит. по: Рогачев, с. 17].

По мнению специалистов, монография сохранила научную ценность до наших дней. В ней автор подробно раскрыл внутрисемейные бытовые взаимоотношения патриархальной общины. Описывая семью, семейно-брачные отношения, ученый особое внимание уделил свадебному обряду как самому значительному событию в жизни крестьян. Данный аспект исследован им подробно. Об этом свидетельствует сравнительный анализ восходящих к древности брачных обрядов мокши и эрзи со свадьбами в других регионах. Отмечены прочные родственные узы людей, составляющих мордовскую семью.

Особое внимание В. Н. Майнов уделил дохристианским верованиям мордвы, религиозным праздникам, молянам мокши и эрзи, берущим начало в глубокой древности. По его мнению, они были связаны с хозяйственно-трудовой и общественной деятельностью.

Обращаясь к нравственным качествам народа, ученый показал рачительность, стремление жить и работать на созидание. Он один из первых обратил внимание на знаки собственности у мордвы, истоки которых восходят к хозяйственно-экономическим отношениям древнейших времен.

Научная деятельность В. Н. Майнова отражена не только в трех монографиях, но и в десятках статей по истории мордовского народа, его духовной

культуре, религии, обрядам и традициям, мифологии, семейно-брачным и бытовым юридическим отношениям. Таким образом, ученый воссоздал жизнь патриархальной мордовской общины в дореволюционной России. Хороших результатов по сбору фактических данных исследователю удалось достичь благодаря программам Русского географического общества, разработанным с учетом особой научной методологии сбора и систематизации материалов.

Ценность работ В. Н. Майнова в том, что они сохранили многие исчезнувшие из научного оборота факты, позволяющие реконструировать картины быта мордвы.

Особый вклад в изучение мордовского народа, его языка, быта и культуры внес выдающийся русский ученый академик Александр Александрович Шахматов (1864—1920), в течение нескольких лет возглавлявший Отделение этнографии Русского географического общества. Он известен в отечественной науке как исследователь русского языка и древнерусской литературы, истории летописания, проблем русского и славянского этногенеза. Академик обладал глубокими познаниями в финно-угроведении, в мордовском языкознании, этнографии и народной словесности, хорошо знал эрзя-мордовский язык. Благодаря этому ему удалось в 1905—1906 гг. собрать образцы народного творчества и этнографические материалы о мордве сел Оркино и Сухой Карабулак Саратовской губернии. Особенности оркинского говора он изучал при помощи сельского писаря В. С. Саюшкина и бондаря И. А. Цыбина. Помогал ему в работе также сельский учитель Саратовского уезда Р. Ф. Учаев, который сделал много записей мордовских преданий, сказок села Сухой Карабулак [подробнее см.: Коплан, с. 82]. Кроме того, Р. Ф. Учаев, будучи музыкантом, записал напевы, которые также вошли в сборник [см.: Рогачев, с. 44].

Памятники устной словесности двух сел были опубликованы А. А. Шахматовым в 1910 г. в Санкт-Петербурге в книге «Мордовский этнографический сборник», включающий старинные предания о прошлом тех мест, где находились оба этих села, о происхождении некоторых семейств, воспоминания о крепостном времени, о крещении, описания верований, обычаев, игр, гаданий, народное целительство и врачевание, а также заговоры и приметы, различные ритуалы, описания одежды, орнамента и украшений. Из фольклорных произведений в сборник вошли 123 песни, 33 сказки, семь причитаний (похоронные, рекрутские, бытовые), а также загадки, пословицы и поговорки. Собранный материал ученый распределил по семи отделам: 1. Предания; 2. Обычаи; 3. Свадьба; 4. Сказки; 5. Загадки, пословицы, поговорки; 6. Песни; 7. Рассказы, письма и прочее [см.: Там же, с. 43]. В первом разделе А. А. Шахматов опубликовал несколько мордовских преданий, в частности «Предание о селе Оркино», которое состояло из отдельных рассказов: «Начало Оркина», «Первые поселенцы», «Старинные предания», «Пугачевцы», «Предания о крещении».

Из фольклорных жанров в «Мордовском этнографическом сборнике» достаточно полно представлены песни, содержащие богатый материал по народному быту, жизненному укладу, характеристике мировоззрения жителей мордовской деревни. Впервые в книге были опубликованы сказки саратовской мордвы, большинство из которых, по словам ученого, известны и в русском сказочном

репертуаре. На основе собранного материала А. А. Шахматов подготовил краткую морфологию сухокарбулакского и оркинского говоров.

В предисловии к своему труду академик писал о том, что разобраться в некоторых вопросах фонетики ему помогла книга Х. Паасонена «Mordvinische lautlehre» (Helsingfors, 1903) [см.: Коплан, с. 85]. Работа А. А. Шахматова получила большой резонанс в научном мире. Отклики последовали сразу же после ее выхода в свет. Положительная оценка была дана в рецензии Д. К. Зеленина, опубликованной в журнале «Живая старина» (1910, вып. 4). В ней отмечалось, что «книга А. А. Шахматова представляет собой редкое и выдающееся явление в русской этнографической литературе» [цит. по: Рогачев, с. 43]. Автор рецензии выделил и другую особенность книги: «“Мордовский сборник” — одна из лучших работ, образец объективного краеведческого метода изучения народного быта, народной мифологии, народного словотворчества. Описания быта, обрядов мордовского населения изложены собственными словами этого населения» [Коплан, с. 83]. По словам рецензента, он «интересен не только для специалистов-финнологов, но в неменьшей степени и для исследователей, работающих в области русской этнографии, для историков юго-восточного угла Европы. Исследователю в области русских обычаев и обрядов, русских языческих верований и праздников, а также и многих черт внешнего быта — почти всегда приходится обращаться к соответствующим сторонам в жизни мордвы и находить там весьма ценные параллели...» [Там же]. Б. М. Соколов еще точнее определил суть этого труда, назвав сборник «драгоценным этнографическим трудом» по Саратовскому краю, а также «единственным по своей строгой научности и обстоятельности» [цит. по: Там же, с. 85].

Значение материалов сборника огромно. Они не только дали представление об истории и культуре мордвы, но и оказали влияние на формирование литературных норм наречий мордовского языка — мокши и эрзи.

А. А. Шахматов способствовал формированию Макара Евсеевича Евсеева (1864—1931) как ученого-просветителя, языковеда, этнографа, фольклориста, научная деятельность которого началась со второй половины 1880-х гг. М. Е. Евсеев принимал участие в исследованиях финских ученых А. Гейкеля и Х. Паасонена. Работая в их экспедициях, он приобрел бесценные навыки сбора этнографического, фольклорного, лингвистического материала.

М. Е. Евсеев написал очерки о жизни мордвы, которые называл историко-этнографическими исследованиями. К ним относятся «Батратчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии», «Мордва Татреспублики».

Очерк «Батратчины и другие религиозные обряды мордвы» рисует картины дореволюционной мордовской деревни. Образы крестьян, их настроения, нравственный облик, религиозные верования, взаимоотношения между людьми — все это отражено в его работе. В этом произведении ученый описал, как веками создавался крестьянский мир, проанализировал психологию мордвы. Автор исследовал национальный характер народа в развитии, обратил внимание на коллективизм, спаянность крестьянской общины, высокий нравственный уровень мордовской деревни, определяющийся заботами «о Боге, семье и

хлебе насущном». В очерке М. Е. Евсевьева мордва предстает талантливым и добросердечным народом, с кротким нравом и религиозной добродетелью [см.: Рогачев, с. 56].

Незаурядным ученым М. Е. Евсевьев проявил себя в публикации материалов по мордовской свадьбе. К их сбору и изучению он приступил, еще обучаясь в Казанской учительской семинарии. До 1891 г. ему удалось записать свадебные причитания в двух губерниях — Симбирской и Нижегородской, где наиболее полно сохранился национальный быт. Через традиционный свадебный обряд им были обобщены многие особенности народной жизни, традиции и обычаи, он показал тяжелое, безрадостное положение женщины в обществе, раскрыл стремление человека к счастливой жизни. В свадебной поэзии показаны душа мордовского народа, его жизненная философия, семейно-нравственные ценности, поэтическое мировосприятие. «Мордовская свадьба» раскрывает национальный характер мордовского народа, психологию, этику поведения и взаимоотношения с другими этническими группами [см.: Там же, с. 59].

Материалы по мордовской свадьбе М. Е. Евсевьева представляют интерес для многих научных направлений. Этот труд ученого важен не только для филологов, но и для философов, семейных психологов, исследователей мифологии и истории мордовского народа. Музыкантов он привлекает мелодичностью песен. В книге даны переложения мелодий на ноты. Впервые «Мордовская свадьба» была опубликована в 1892 г. в одном из номеров журнала «Живая старина». За эту работу ученый в 1893 г. был награжден серебряной медалью Русского географического общества [см.: Просветители и педагоги..., с. 87], а в 1912 г. был избран его членом [см.: Мокшин, с. 108].

Мордовская свадебная поэзия, собранная М. Е. Евсевьевым, по оценке специалистов, является народным эпосом. По мнению ученых-филологов, она обладает всеми основными элементами литературного произведения и является значительным памятником эстетической культуры мордовского народа. Исследователю удалось объединить вопросы народного поэтического творчества с проблемами языкознания, истории, этнографии. В этой работе автор проявил себя не только как талантливый ученый, но и как литератор.

К памятнику духовной культуры мордвы, составленному М. Е. Евсевьевым, относятся и сборник «Образцы мордовской народной словесности. Вып. 1. Мокшанские песни», опубликованный в 1896 г. в Казани. В нем были представлены лучшие образцы поэзии мордвы-мокши Инсарского уезда Пензенской губернии [см.: Тингаева, с. 30], причем песни были снабжены русскими переводами. Эта работа также получила признание в научном мире.

М. Е. Евсевьев вошел в историю национальной культуры и как ученый, разработавший методологию отбора материалов устного поэтического творчества, методiku их обработки и издания.

Из многочисленных естественно-научных объединений второй половины XIX в. своей исследовательской деятельностью по изучению народов России, в том числе мордвы, выделялось действовавшее с 1863 г. в Московском университете Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии. Результаты своих научных изысканий его члены

публиковали в собственном печатном органе — «Известиях». Одним из крупных издательских начинаний этого объединения явился четырехтомный каталог антропологической выставки 1879 г., где были представлены археологические и этнографические материалы о мордве. Он содержал научное описание выставки и вышел в виде приложения к «Известиям» [см.: Книга в России, с. 125].

Публиковались работы о мордве и в другом журнале общества — «Этнографическом обозрении», основанном в 1889 г. Так, в 1892 г. в нем были напечатаны статьи Н. Н. Н-лова «Помочи у мордвы Пензенской губернии», А. Н. Минха «Моляны и обряды мордвы Саратовской губернии» [см.: Мокшин, с. 229]. Интересная статья о мордовском народе была написана Д. Н. Анучиным — президентом общества — для «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефроном [Энциклопедический словарь, т. 19, с. 838—839].

Схожее научное направление было и у Общества естествоиспытателей при Казанском университете (основано в 1869 г.). Активной исследовательской деятельностью занимались его члены: В. А. Ауновский — инспектор Симбирской гимназии, Н. М. Малиев — доцент кафедры нормальной анатомии Казанского университета, С. М. Чугунов — русский антрополог, а с 1878 г. член-сотрудник общества. Труды Н. М. Малиева («Общие сведения о мордве Самарской губернии, их антропологический характер, поздние браки и влияние их на крепость и сложение народа»), С. М. Чугунова («Результаты антропологической экскурсии к мордве Симбирской губернии в 1880 г.») и других ученых [см.: Мокшин, с. 125] были посвящены антропологическому исследованию мордвы.

На базе отдела антропологии и этнографии Общества естествоиспытателей в 1878 г. при Казанском университете было основано также Общество археологии, истории и этнографии, просуществовавшее до 1928 г. Научным печатным органом объединения были «Известия», в которых сотрудничали не только ученые России, но и исследователи Западной Европы.

Активно работал в обществе и М. Е. Евсевьев. В «Известиях» (1897—1898, т. 24) были опубликованы «Образцы мордовской народной словесности (мокшанские песни)», собранные этнографом в экспедиционных поездках, а в 1912 г. напечатана его работа «Языческие моления у мордвы Пензенской губернии». М. Е. Евсевьев принимал участие в заседаниях общества, выступал с этнографическими докладами и сообщениями. В 1898 г. он был избран членом-сотрудником данного научного сообщества, а в 1914 г. — действительным членом [Вопросы географии и этнографии, с. 34].

Одной из значительных работ о мордовском народе, опубликованной в нескольких выпусках «Известий» за 1892—1893 гг., был историко-этнографический очерк «Мордва» профессора Казанского университета И. Н. Смирнова, члена-сотрудника Общества археологии, истории и этнографии с 1887 г. В своем исследовании ученый описал важнейшие аспекты жизнедеятельности мордовского народа с древнейших времен до конца XIX в., охарактеризовал мордовско-русские отношения, процесс христианизации народа, налоговую политику правительства, народные восстания мордвы [см.: Мокшин, с. 125] и т. д. Достоинства и недостатки этой работы рассмотрены в многочисленных рецензиях

дореволюционного и советского периода. Несмотря на критические замечания, книга И. Н. Смирнова считается одним из лучших исследований о мордве в дореволюционной русской этнографической науке.

Интерес ученого к истории и культуре восточных финно-угорских народов сформировался в конце 1880-х гг. под влиянием профессора Дерптского университета М. П. Веске, читавшего лекции в Казанском университете. Летом 1891 г. он совершил экспедицию в мокшанские села Чембарского, Городищенского, Инсарского уездов Пензенской губернии, в начале 1890-х гг. приступил к сбору материала для монографического исследования «Восточные финны: историко-этнографический очерк». В середине 1890-х гг. оно было опубликовано в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии» при Императорском Казанском университете, а в 1896 г. этот труд был удостоен Уваровской премии.

Собранный в экспедициях материал ученый обобщил в двух томах. Первый том был посвящен приволжской группе восточных финнов — марийцам и мордве, второй рассказывал о прикамской (пермской) группе восточных финно-угров — удмуртах, коми. После издания этого труда И. Н. Смирнов был признан ведущим российским исследователем финно-угорских народов. Его работа «Восточные финны...» была высоко оценена не только в России, но и за рубежом. В 1898 г. книга была переведена на французский язык и опубликована в Париже [см.: Мордва, т. 2, с. 339]. Русское географическое общество наградило ученого золотой медалью.

И. Н. Смирнов был действительным членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, Венгерского этнографического общества (Будапешт), Финно-угорского общества (Хельсинки) и активно с ними сотрудничал.

Изучением финно-угорских народов занималось Финно-угорское общество (ФУО), созданное в 1883 г. в городе Гельсингфорсе (финское название г. Хельсинки). Инициаторами его организации были ученые О. Доннер, И. Аспелин, А. Алквист, собиратель карело-финского эпоса «Калевала» Э. Ленрот, поэт и писатель Ц. Топелиус и другие представители финской интеллигенции. Основными целями общества было развитие знаний о финно-угорских народах, изучение их языков, истории, культуры, быта. В первые годы существования это научное объединение основное внимание сосредоточило на организации экспедиций в места расселения финно-угорских народов. Материалы исследований публиковались в печатном органе ФУО. В разные годы эту функцию выполняли: «Журнал Финно-угорского общества» (1886), «Труды Финно-угорского общества» (1890), сборник «Финно-угорские исследования» (1901), где печатались работы по финно-угроведению на финском, немецком, французском языках. Так, в первом номере «Журнала» были помещены мокшанские песни о царе Тюште, записанные и переведенные на французский язык В. И. Майновым, статья А. Гейкеля о мордовской избе на финском языке и другие материалы [см.: Мордва, т. 2, с. 766]. Значительный вклад в изучение этнографии мордовского народа внесли члены ФУО А. Гейкель и Х. Паасонен.

Аксель Ольви Гейкель (1851–1924) — известный финский ученый, профессор Гельсингфорского университета. Он подготовил и опубликовал несколько монографий и атласов, посвященных истории архитектуры, национальных костюмов, орнамента и украшений финно-угорских народов.

Интересна ученому была и духовная культура мордвы. С 1883 по 1885 г. он проводил полевые исследования мордвы Тамбовской, Нижегородской, Пензенской, Самарской, Симбирской губерний и параллельно изучал этнографические коллекции о мордве, хранящиеся в фондах музея Российской академии наук, Академии художеств, Румянцевского музея, Казанского городского музея. Изучив и обобщив фактические данные, А. Гейкель подготовил два фундаментальных труда о мордве. Первый — «Постройки черемисов, мордвы, эстов и финнов» — вышел на финском языке, а в 1888 г. был переведен на немецкий. Данная монография лишь отчасти затрагивала вопросы мордовской этнографии и содержала историко-сравнительный анализ жилищ отдельных финно-угорских народов [Вопросы географии и этнографии, с. 36].

Многолетняя обработка полевых материалов, скрупулезное изучение этнографических коллекций музеев, привлечение к этой работе художников, фотографов, лингвистов, знатоков мордовской культуры — все это позволило А. Гейкелю подготовить и издать второе фундаментальное исследование — «Одежда и орнамент мордвы» (1899). При сборе материала и подготовке книги ему помогали лингвист Х. Паасонен (он дал транскрипцию мордовских слов, перевел названия некоторых предметов), а также мордовский ученый и просветитель М. Е. Евсевьев, который принимал участие в этнографических экспедициях финна, был переводчиком и гидом, заказывал для ученого образцы вышивок, рассказывал об орнаменте и его терминологии, собирал этнографический материал.

В своей монографии А. Гейкель описал одежду мордвы, сопроводив текст цветными иллюстрациями, техническими рисунками, фотографиями, на которых представлено около двух тысяч отдельных видов орнаментов мордовской вышивки. В книге показаны способы вышивания, описаны характер и схемы узоров, приведены схемы рисунков костюмов и головных уборов, в которых намечены крой и расположение декора, даны пояснения к таблицам, фигурам, отдельным знакам [см.: Рогачев, с. 30]. Его выводы о том, что многие знаки и символы, простейший орнамент на домашней утвари и одежде восходят к первобытному охотничье-рыболовецкому и раннеземледельческому быту, нашли подтверждение в работах известных исследователей более позднего периода.

А. Гейкель первым дал семантику, описание и народные названия отдельных знаков мордовской вышивки. Ему удалось не только прочесть орнамент костюма, но и дать его терминологию, особенности одежды, а также проследить на основе вышивок этнокультурные связи мордвы с другими народами России. Схожие формы присутствовали в Карелии и Мещере. По мнению специалистов, данная работа не имеет аналогов ни в дореволюционной, ни в современной научной литературе. Это иллюстрированная энциклопедия по материальной культуре мордовского народа.

Работы А. Гейкеля были высоко оценены не только этнографами, но и лингвистами. Он одним из первых среди финских исследователей обратился к самобытной культуре мордовского народа, запечатлел исчезающие факты и явления культуры, ввел в научный оборот этнографический материал, познакомил с материальной культурой мордовского народа российских и зарубежных ученых.

Исследования по мордовскому языкознанию, фольклористике и этнографии составляют значительную часть научного наследия Хейкки Паасонена (1889–1919) — финского ученого, профессора Гельсингфорского университета. Собранный им материал по мордовским языкам, фольклору и этнографии во время экспедиций 1889–1912 гг. прославил ученого в финно-угорском мире. Их результаты он обобщил в работах «Ditürkischen Lehnworten in Mordwinischen» («Тюрские заимствования в мордовском языке») и в восьмитомнике «Mordwinische Volksdichtung» («Мордовская народная поэзия»), которые были признаны бесценным источником для анализа и изучения многих вопросов мордовской культуры, языкознания, истории, этнографии, народной поэзии, мифологии, национальной философии и психологии [см.: Рогачев, с. 34].

В сборе фольклорного и этнографического материала по заказу Финно-угорского общества принимали участие его стипендиаты М. Евсевьев, И. Школьников, М. Тараткин. Они же активно помогали Х. Паасонену в сборе образцов мордовской народной словесности, которые вошли в седьмой том «Мордовской народной поэзии». М. Е. Евсевьев в селах Новая Пырма Саранского уезда Пензенской губернии и Малый Карбулак Буинского уезда Симбирской губернии записал 44 оригинальные семейно-бытовые и социальные песни. В Саратовской и Пензенской губерниях фольклор собирал И. Школьников, а в мокшанских населенных пунктах Темниковского уезда Тамбовской губернии запись песен осуществлял М. Тараткин. Выполнял заявки Общества и священник с. Старое Пшенево Инсарского уезда Пензенской губернии Н. Барсов. В адрес ФУО в 1891 г. им были направлены мордовские песни, а в 1892 г. — карта расселения мордвы в Пензенской губернии и сборник мордовских топонимов [см.: Рогачев, с. 38].

Значительную часть научного наследия Х. Паасонена составляют труды по мордовскому языкознанию. Широко известной является монография «Mordvinische Lautlehre» («Мордовская фонетика»), которая не утратила значения для исследования истории фонетики мордовских языков и в наши дни.

С Финно-угорским обществом и Х. Паасоненом сотрудничал А. А. Шахматов. В 1911 г. он передал ФУО словарный сборник, содержащий 1 300 мордовских слов, а также записанную им легенду о происхождении мокши и эрзи, опубликованную в 30-м томе «Журнала Финно-угорского общества» за 1913–1918 гг. [Вопросы географии и этнографии, с. 37].

Исследователи — члены научных обществ — внесли значительный вклад в формирование научной литературы о духовной и материальной культуре мордовского народа. Их труды заложили основу для последующих этнографических, лингвистических исследований не только о мордве, но и о других

финно-угорских народах. Результаты экспедиционной и исследовательской работы, изложенные учеными в научных публикациях, не утратили своей актуальности до настоящего времени. Преемственность наблюдается в работах современных исследователей, таких как Н. Ф. Мокшин, В. К. Абрамов, А. П. Фектистов Л. А. Тингаева и др.

-
- Вопросы географии и этнографии Мордовской АССР.* М., 1997. 72 с.
Книга в России, 1861 — 1881. Т. 2. М., 1990. 212 с.
Коплан Б. Академик А. А. Шахматов как краевед // *Краеведение.* 1925. Т. 2, № 1/2. С. 81—86.
Материалы по истории и этнографии Мордовии. Саранск, 1974. 124 с.
Мельников П. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь // *Отеч. зап.* 1839. Т. 6. С. 62—121.
Мокшин Н. Ф. Мордва глазами зарубежных и российских исследователей. Саранск, 1993. 240 с.
Мордва : энциклопедия : в. 2 т. Т. 2. Саранск, 2004. 814 с.
Просветители и педагоги мордовского края. Саранск, 1986. 193 с.
Рогачев В. И. Вопросы изучения мордовской национальной культуры : этнология, фольклор, литература (вторая половина XIX — первая четверть XX в.). Саранск, 1998. 97 с.
Тингаева Л. И. Истоки и пути формирования дооктябрьской мордовской литературы. Саранск, 2004. 60 с.
Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1896.

Статья поступила в редакцию 13.10.2010 г.

УДК 94(470)«1941/1945» + 343.81

Н. М. Игнатова

ЧИСЛЕННОСТЬ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ — «БЫВШИХ КУЛАКОВ», ПРИЗВАННЫХ В КРАСНУЮ АРМИЮ В 1941—1942 ГГ.

На основе архивных данных рассматривается частичный призыв спецпереселенцев — «бывших кулаков» — на фронт в 1941 г. и их массовый призыв в 1942 г., описываются этапы принятия решения о призыве «бывших кулаков» в 1942 г. на государственном уровне. Анализируются статистические документы и их особенности.

Ключевые слова: спецпереселенцы, «бывшие кулаки», трудпоселенцы, Великая Отечественная война, призыв в Красную армию.

Процесс массовых насильственных переселений (спецпереселений) начался в 1930 г. в период коллективизации, которая сопровождалась раскулачиванием части крестьян. Принудительная высылка крестьян с осени 1930 г. получила наименование **спецпереселения**, раскулаченные высланные кулаки

«второй категории» стали именоваться спецпереселенцами¹ [см.: Красильников, с. 91]. В 1930–1931 гг. из районов сплошной коллективизации были выселены и отправлены на спецпоселения 381 026 семей (1 803 392 чел.) [см.: Земсков, 1991, с. 164–165]. В годы Великой Отечественной войны из спецпоселков на фронт призывали детей «бывших кулаков» и польских граждан из категории «польских осадников и беженцев». Дети спецпереселенцев — «бывших кулаков» были единственными из насильственно высланных, которые были призваны в Красную Армию, польские граждане призывались в национальные польские соединения.

Проблема призыва на фронт насильственно переселенных крайне мало исследована в историографии. Скудность рассекреченных архивных данных не позволяет представить весь масштаб мероприятий по призыву с 1941 по 1945 г. Существуют единичные публикации, посвященные численности призванных и законодательному сопровождению процесса призыва спецпереселенцев [см.: Земсков, 1992]. Некоторые исследователи объединяют численность призванных в РККА (в кадровые части и стройбатальоны) с призванными в трудовые батальоны во время войны в рамках трудмобилизации помимо РККА, что приводит к неверным итоговым цифрам призванных в армию [см.: Лобченко].

Спецпереселенцы, являясь репрессированными, были лишены гражданского избирательного права (считались «лишенцами», т. е. пораженными в избирательных правах) и свободы передвижения (запрещалось покидать спецпоселки) [см.: Красильников, с. 91]. Спецпереселенцы имели еще ряд ограничений: не могли быть членами профсоюзов; не призывались в армию; при регистрации брака, развода, рождения и смерти свидетельства об этих актах спецпереселенцам не выдавались; с их зарплаты удерживалось от 5 до 25 % на расходы НКВД по их управлению и обслуживанию [Кириллов, с. 156].

Восстановление спецпереселенцев в правах было необходимым условием для возможности призыва их в армию. С 1932 г. постепенно начинается восстановление в гражданских правах отдельных групп в составе спецпереселенцев (ударников производства, в первую очередь из числа молодежи) [см.: Красильников, с. 92]. Но эти процессы не были полноценными, так как спецпереселенцы не получали паспортов и не могли выехать из спецпоселков. По Конституции 1936 г. спецпереселенцы — «бывшие кулаки» были восстановлены в гражданских правах, но права свободного выбора места жительства не получили. В середине 1940 г. в СССР из 317 513 «бывших кулаков» было учтено 40 496 трудпоселенцев, восстановленных в правах до 1936 г. и проживающих в трудпоселках [ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 62, л. 15, 29].

С 1938 г., после принятия секретного постановления СНК от 22 октября 1938 г. «О порядке выдачи паспортов детям спецпереселенцев и ссыльных, достигшим 16-летнего возраста», дети спецпереселенцев практически объявлялись

¹ С 1933 г. спецпереселенцы — «бывшие кулаки» стали именоваться «трудпоселенцами» («трудпереселенцами») в официальных документах, с 1940 г. этот термин вводится повсеместно для «бывших кулаков», в отличие от других насильственно переселенных. Спецпоселки, в которых проживали трудпереселенцы, стали именоваться «трудпоселками».

свободными, но в основном эта молодежь не освобождалась, а попадала под персональный учет [НАРК, ф.р-605, оп. 4, д. 112, л. 10]. Освобождались дети спецпереселенцев, достигшие 16-летнего возраста на спецпоселении. Достигшие 16-летия до 1938 г. под это постановление не попадали. С 1939 г. право выезда со спецпоселения получил каждый достигнувший 16-летнего возраста [см.: Красильников, с. 93]. С 1 января 1939 по 1 октября 1940 г. в СССР было освобождено 30 % от «подлежащих освобождению» детей спецпереселенцев (50 569 из 165 050) [см.: ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 62, л. 1, 2].

Наркоматом внутренних дел 13 мая 1941 г. было издано распоряжение № 35-5160/2, регламентирующее восстановление детей спецпереселенцев в правах независимо от того, есть ли документы о рождении [Там же, д. 71, л. 80]. При этом с начала войны было прекращено освобождение детей всех категорий спецпереселенцев, кроме детей высланных «бывших кулаков». Отделы трудовых и спецпоселений (ОТСП) получили Распоряжение № Е-31/738337 от 2 июля 1941 г.: «Впредь до особого распоряжения освобождение и рассмотрение дел об освобождении трудпоселенцев из трудовых поселков НКВД — прекратить за исключением снятия с учета детей спецпереселенцев по постановлению СНК СССР № 1143-280с от 22 октября 1938 г.» [Там же, д. 71, л. 120].

До войны спецпереселенцы были приравнены к категории лиц, сосланных и высланных, которые на основании Закона о всеобщей воинской обязанности в Красную армию и флот не призывались. В 1940 г. (27 февраля) было издано Указание Главного управления Красной Армии № 22/181387 «О порядке приписки к призывным участкам переселенческой молодежи», которое гласило следующее:

На основании статьи 30 Закона о всеобщей воинской обязанности к категории лиц сосланных и высланных относятся также и трудпоселенцы. Призывников из числа трудпоселенческой молодежи, состоящей на учете местных органов ОТП ГУЛАГ НКВД, к призывным участкам не приписывать, учет их не вести и в Красную Армию и флот не призывать. Лица, указанные в статье 30 Закона о всеобщей воинской обязанности, также не подлежат приписке к призывным участкам. На основании постановления СНК СССР за № 1143-280 с от 22 октября 1938 года, дети трудпоселенцев, при достижении 16-ти летнего возраста, если они лично ничем не опорочены, освобождаются из трудовых поселков с выдачей паспортов, но с ограничением проживания в режимных городах. Освобожденная из трудовых поселков призывная молодежь подлежит приписке к призывным участкам и призыву в Армию с зачислением в кадровые части по особому указанию НКО СССР [Там же, д. 113, л. 6].

Исходя из данного указа, массовый призыв детей раскулаченных был невозможен. Но в ряде областей военкоматы частично призывали трудпоселенцев в стройбатальоны и кадровые части. На 15 октября 1941 г. было призвано 3 218 трудпоселенцев, из которых 301 — в кадровые части и 2 917 — в спецстройбатальоны [Там же, д. 89, л. 235]. Всего с начала Отечественной войны до 1942 г. было призвано 3 761 чел., в том числе по Орджоникидзевскому краю — 1 893, по Архангельской обл. — 377, по Молотовской обл. — 443, по Вологодской обл. — 391 человек. В начале 1942 г. было подано 547 заявлений от

трудоселенцев с просьбой направить их в Красную армию, по Читинской области — 125, по Новосибирской — 82, по Архангельской — 48, по Коми АССР — 35, по Молотовской обл. — 68 заявлений [ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 113, л. 4] (табл. 1).

Таблица 1
Сведения о трудоселенцах, призванных в РККА (на 15 октября 1941 г.)*

№ п/п	Республика. Край. Область	Количество призванных						Всего
		в кадровые части			в спецстроительные батальоны			
		Год рождения			Год рождения			
		1915– 1922	1905– 1914	с 1904 и старше	1915– 1922	1905– 1914	с 1904 и старше	
1	Таджикская ССР	11	—	—	77	—	—	88
2	Узбекская ССР	1	1	—	—	—	—	2
3	Акмолинская обл. Казахской ССР	1	3	—	—	—	—	4
4	Сев.Казахстанская обл. Казахской ССР	—	—	—	1	—	—	1
5	Башкирская АССР	8	10	—	—	—	—	18
6	Бурят-Монгольская АССР	—	—	—	9	2	—	11
7	Калмыцкая АССР	—	—	—	26	—	—	26
8	Коми АССР	18	5	—	2	—	—	25
9	Якутская АССР	11	6	1	—	—	—	18
10	Алтайский край	6	1	—	2	—	—	9
11	Красноярский край	16	19	1	4	35	4	79
12	Орджоникидзевский край	—	—	—	1163	414	—	1577
13	Вологодская обл.	45	4	1	117	287	168	622
14	Иркутская обл.	2	—	—	23	7	—	32
15	Кировская обл.	4	3	—	34	10	—	51
16	Куйбышевская обл.	5	4	1	23	9	7	49
17	Молотовская обл.	8	4	1	2	2	—	17
18	Новосибирская обл.	12	4	3	378	14	2	413
19	Омская обл.	27	20	—	1	12	4	64
20	Свердловская обл.	2	2	3	—	—	—	7
22	Челябинская обл.	2	7	1	1	2	—	13
23	Читинская обл.	—	1	—	—	—	—	1
24	Чкаловская обл.	10	5	—	72	2	1	90
25	Норильлаг	—	1	—	—	—	—	1
	Итого	189	100	12	1935	796	186	3218

* Сведения по: [ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 89, л. 235].

Военное время диктовало государству жесткие условия пополнения мобилизационных ресурсов. С начала войны ГУЛАГ дал указание на местах ускорить освобождение трупоселенческой молодежи. В марте 1942 г. в высших органах власти началось обсуждение вопроса о призыве спецпереселенцев на фронт. Изначально вопрос был рассмотрен в НКВД, прежде всего в рамках Главного управления исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения (ГУЛАГ). Следует отметить, что в НКВД были определенные сомнения по вопросу призыва раскулаченных: в частности, в ГУЛАГе опасались реакции остального населения, призванного на фронт. Официально раскулаченные продолжали считаться врагами советского строя. В итоге было решено призывать не высланных глав семей, а только детей «бывших кулаков», достигших призывного возраста.

В докладной записке начальника ГУЛАГа НКВД СССР заместителю наркома НКВД СССР указывалось:

В трудпоселках НКВД из общего количества 272 473 трудпоселенцев мужчин 174 596 чел. составляют мужчины в возрасте от 16 до 50 лет. Проверкой установлено, что из общего количества мужчин призывного возраста только 37861 человек являются бывшими кулаками, которые в период ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации были главами семей. Остальные 136 735 человек выселены в качестве членов кулацких семей, причем 31 869 человек составляет молодежь, достигшая 16 лет во время нахождения в трудпоселках и которая на основании постановления СНК СССР № 1143-280с от 22.10.1938 г. подлежит освобождению из трудссылки с последующим взятием их на учет военведа. Таким образом, за исключением бывших кулаков, которые к моменту выселения были главами семей, в трудпоселках содержится 104 866 чел. призывного возраста, но которые в Красную Армию не призываются... Исходя из вышеизложенного, ГУЛАГ НКВД полагает, что в настоящее время целесообразно трудпоселенцев, которые к моменту выселения не были главами семей, призвать в Красную Армию на общих основаниях с тем, чтобы их прямых иждивенцев, остающихся в трудпоселках. Освободить от 5 % отчислений с зарплаты, а самих призванных по истечении службы в Красной Армии не менее одного года при наличии положительных отзывов командования с учета трудссылки снимать [ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 113, л. 4, 5].

Начальник ОТСП (Отдела трудовых и специальных поселений) ГУЛАГа НКВД СССР 16 марта 1942 г. в докладной записке начальнику ГУЛАГа НКВД, в частности, отмечал:

...Вопрос о призыве в Красную Армию категории трудпоселенцев, которые к моменту выселения не были главами семей, приобретает сейчас двойное значение. Во-первых, речь идет более чем о 100 тысячах человек призывного возраста. Во-вторых, будучи почти во всех правах уравнены, все трудпоселенцы оказались как бы забронированными от мобилизации... Насколько мне известно, постановления Правительства, запрещающие привлечение к отбыванию воинской обязанности трудпоселенцев, нет. Есть только отношение Г.У. Красной Армии от февраля 1940 г.... Думаю, что целесообразность призыва 2-х и 3-х членов семей бывших кулаков, а не глав, сомнений вызывать не может... Поэтому полагаю, что, в целях ускорения решения вопроса, целесообразно написать в Совнарком за подписями НКВД и НКО... [Там же, л. 3].

В ОТСП был составлен проект постановления СНК «Об отбывании воинской обязанности детей трудпоселенцев», который включал пункты о привлечении к отбыванию воинской обязанности на общих основаниях «тех трудпоселенцев, находящихся в трудпоселках НКВД, которые к моменту выселения в трудпоселки не были главами семей». Проект также включал пункты об освобождении от отчислений и освобождении трудпоселенцев: «Непосредственных иждивенцев трудпоселенцев, призванных в Красную Армию, освободить от 5 % отчислений с зарплаты на покрытие административно-управленческих расходов по трудссылке. Предоставить НКВД СССР право освобождать из трудссылки трудпоселенцев, прослуживших в Красной Армии не менее одного года при наличии положительного отзыва командования» [ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 113, л. 2].

Далее последовало официальное обращение к СНК СССР. Народный комиссариат внутренних дел и Народный комиссариат обороны СССР ставил вопрос перед СНК СССР о призыве в Красную армию трудпоселенцев, находящихся в трудпоселках НКВД, которые к моменту выселения их из районов сплошной коллективизации не были главами кулацких семей, а только их членами. В обращении отмечалось:

До сих пор трудпоселенцы в Красную Армию не призываются. Исходя из того, что в трудпоселках находится свыше 100 000 чел. трудпоселенцев, мужчин призывного возраста, которые на протяжении 10–12 лет занимаются общественно-полезным трудом, а до выселения были только членами кулацких семей, НКВД и НКО полагают, что эту категорию трудпоселенцев следует призывать в Армию на общих основаниях, с тем чтобы предоставить НКВД право освобождать из трудссылки трудпоселенцев, призванных в Красную Армию и прослуживших в ней не менее одного года, при наличии положительной характеристики командования. На непосредственных иждивенцев трудпоселенцев, призванных в Красную Армию, распространить льготы, предоставляемые семьям красноармейцев, а органам НКВД — освобождать их от уплаты 5 % отчислений с зарплаты, взимаемых на покрытие расходов по содержанию административно-управленческого аппарата трудссылки [Там же, л. 1].

Вопрос о призыве в Красную армию членов семей трудпоселенцев был решен положительно. Мобилизация была проведена в два этапа. В соответствии с постановлением Государственного комитета обороны Союза ССР № 1575сс от 11 апреля 1942 г. призыву из трудпоселков подлежало 35 тыс. человек, а в соответствии с постановлением № 2100сс от 22 июля 1942 г. — 15 тыс. человек [см.: Там же, л. 125]. Призыв осуществляли военкоматы.

Учет трудпоселенцев призывного возраста также проводился два раза, перед каждым призывом. Количество трудпоселенцев призывного возраста по данным НКВД на 30 мая 1942 г. составило более 67 тыс. человек, из которых более половины (51 %) были призваны на фронт. На 1 августа призывников из трудпоселков было учтено 74 646 человек, из которых 24 % были призваны (табл. 2).

Призыв членов семей трудпоселенцев был неоднородным по регионам. В одних было призвано больше установленного плана призыва, в других — меньше.

Таблица 2

*Численность трудпоселенцев призывного возраста
и призванных в Красную армию в 1942 г.**

№ п/п	Республика. Край. Область	Всего трудпоселенцев призывного возраста на 30.05.42.	План призыва	Призвано в апреле — мае	Трудпереселенцы призывного возраста на 1.08.42 г.	Призвано в августе — сентябре 1942 г.
1	Казахская ССР	13944	9000	12486	10856	2194
2	Киргизская ССР	—	600	600	486	134
3	Карело-Финская ССР	—	—	—	1013	—
4	Таджикская ССР	—	—	—	780	—
5	Узбекская ССР	2084	1000	1128	522	506
6	Башкирская АССР	—	500	300	866	250
7	Бурят-Монгольская АССР	—	150	287	66	30
8	Коми АССР	3388	1000	935	453	1489
9	Якутская АССР	—	400	—	249	460
10	Алтайский край	—	—	—	209	173
11	Красноярский край	5361	2000	2000	2429	1124
12	Приморский край	—	50	—	—	51
13	Хабаровский край	2014	1200	405	2175	294
14	Архангельская область	6581	2500	2129	5178	1400
15	Вологодская область	1057	200	279	716	400
16	Иркутская область	4544	1500	1036	2444	1353
17	Кировская область	—	600	1131	452	196
18	Куйбышевская область	—	—	—	311	142
19	Молотовская область	—	1500	1500	8857	1161
20	Мурманская область	—	—	—	1987	449
21	Новосибирская область	23386	6350	4680	17468	3600
22	Омская область	4278	1500	1500	1466	905
23	Свердловская область	—	3000	1740	6011	723
24	Челябинская область	—	350	350	6723	500
25	Читинская область	533	1500	1760	2714	—
26	Чкаловская область	нет св.	100	189	153	112
	<i>Всего</i>	<i>67619</i>	<i>35000</i>	<i>34435</i>	<i>74584</i>	<i>17646</i>

*Составлено и подсчитано по: [ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 113, л. 16, 53, 218, 139].

В докладной записке от ГУЛАГа НКВД СССР в Главное управление формирования и комплектования войск Красной армии от 20 октября 1942 г. отмечалось: В соответствии с Постановлением Государственного комитета обороны № 2100 НКВД СССР обязан был передать в армию 15000 трудпоселенцев. В течение августа – сентября месяцев передано в Армию 17646, то есть на 2646 человек задание перевыполнено... По отдельным областям (Свердловская, Кировская, Мурманская области, Казахская ССР) произошло невыполнение задания вследствие того, что большая часть трудпоселенцев призывного возраста работает в предприятиях угольной, лесной и металлургической промышленности. Невыполненные задания были выполнены за счет других областей» [ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 113, л. 139]. Например, ОТСП УНКВД Архангельской области в документах отмечал, что в июне и июле 1942 г. облвоенкоматом производился призыв без соответствующих нарядов на основании распоряжений Главного управления формирования Красной армии и штаба Архангельского военного округа. Указывалось также, что из числа оставшихся непризванными членов семей трудпоселенцев призывного возраста «абсолютное большинство работают в системе лесозаготовительных и сплавных организаций, а также в системе водного и железнодорожного транспорта, в частности по заготовке топлива для железной дороги и пользуются отсрочкой по призыву, поэтому призыв (их) в армию в настоящее время облвоенкоматом не производится» [Там же, л. 141].

Наибольшее число призывников из спецпоселков было занято на лесозаготовительных работах, где спецпереселенцы составляли основу постоянного кадра рабочих. Из 67 619 членов семей «бывших кулаков» призывного возраста на 30 мая 1942 г. наибольшее количество использовались на работах на предприятиях Наркомлеса (15 392) человека, Наркомзема – сельхоз- и промартели (14 160), Наркомугля (14 056), Наркомата цветных металлов (4 614), Наркомата путей сообщения (2 479) человек [Там же, л. 16]. Например, в Коми АССР подавляющее большинство спецпереселенцев использовалось на предприятиях лесной промышленности, что приводило к задержкам в проведении мобилизации. После объявления второго призыва в отчете от 10 сентября 1942 г. указывалось: «Невыполнение наряда 1000 человек объясняется тем, что из оставшегося контингента было забронированных специалистов 720 человек и 381 человек сплавщиков, оставленных до окончания сплавных работ. Контингент 1101 человек используется на работах в системе Наркомлеса – 764 чел., Наркомречфлота – 95, Наркомместпрома – 34, Наркомзема – 141, в разных организациях – 67 человек. По проведению мобилизации в некоторых районах встречались и встречаются трудности, особенно в настоящее время, отдаленность лесных и сплавных участков до пунктов призыва (бездорожья, распутицы), в результате призыв затягивается». В ходе призыва также отмечались проблемы, связанные со здоровьем призывников. По Коми АССР в октябре 1942 г. сообщалось: «В отдельных районах призывной контингент до мобилизации медосвидетельствования не проходил, а числились годными к строевой службе по возрастному признаку. Таким образом, при проведении мобилизации, как предыдущей, так и дополнительной, медосвидетельствование показало, что

по одному только Сыктывдинскому району было отсеяно по состоянию здоровья и другим мотивам до 50 %» [ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 113, л. 156].

В СССР в итоге массового призыва 1942 г., проходившего в два этапа, членов семей трудпоселенцев в армию было призвано 60747 человек. Наибольшее количество, 52261 человек, были призваны в мае и августе — сентябре 1942 г. Следует отметить, что учет спецпереселенцев наряду со своими особенностями имел погрешности и недостатки, которые были характерны для советской статистики в целом [см. подробнее: Игнатова, с. 42—53]. Существуют несовпадения общих данных с отчетами из регионов. По общей статистике НКВД из Архангельской области в мае месяце было призвано 2 129 человек, и всего с мая по сентябрь — 5 114 трудпоселенцев. В спецсообщении из Архангельска «Об итогах призыва в Красную Армию членов семей трудпереселенцев» сообщалось, что с мая по сентябрь было призвано 4 752 человека, из которых в мае месяце 3 203 человека [Там же, л. 141].

Общие итоговые данные, приведенные в документах, в некоторых случаях разнятся с подсчетами цифр, приведенных в этом же документе. Например, по телеграмме зам. наркома Круглова № 52/7852 от 30 мая 1942 г. всего трудпоселенцев призывного возраста указано 67 618 человек, при пересчете таблицы итоговая цифра по числу призванных свелась к 67 619 трудпоселенцам. Аналогичная ошибка в документе по призванным на 30 мая 1942 г.: указывается призванных 34 615 человек, при этом пересчет данных, по итогам которых была составлена эта цифра, выявил, что всего призвано было 34 435 человек.

Количество учитываемых регионов, как видно из табл. 2, при проведении призыва трудпереселенцев в течение полугода меняется от 11 регионов в мае 1942 г. до 27 в ноябре. Вызывают вопросы некоторые итоговые данные по регионам. В частности, по Казахской ССР, Кировской, Омской, Чкаловской областям общее число призванных меньше, чем при сложении показателей за май и август — сентябрь. Например, по Казахской ССР, указывается, что к 1 ноября 1942 г. было призвано 11 294 человека, при этом число призванных к 30 мая 1942 г. составляет 12 486 человек, а призванных в августе — сентябре 2 194 человека, что в общем на 3 386 человек больше, чем указано на 1 ноября. При этом следует учитывать, что, помимо периодов массового призыва, частичный призыв (допризыв) осуществлялся на протяжении всего периода с мая по декабрь 1942 г. В целом, в 1941—1942 гг. было призвано 64 тыс. человек. Период массового призыва приходится на май — сентябрь 1942 г. (табл. 3).

22 октября 1942 г. вышел Приказ № 002303 НКВД СССР, по которому все спецпереселенцы, призванные в Красную армию, и прямые члены их семей (жена, дети) с учета трудссылки снимались и получали паспорта. По этому приказу спецпереселенцам выдавали паспорта и они имели право выехать из спецпоселков, «за исключением тех мест, для выезда куда, требовалось особое разрешение органов НКВД, в связи с войной» [НАРК, ф. Р-605, оп. 4, д. 112, л. 10]. К 10 декабря 1942 г. было снято в целом по стране с учета 47 116 спецпереселенцев, из них 17 775 призванных и 29 341 человек членов их семей [Земсков, 1992, с. 20, 22].

Таблица 3

*Численность трудпоселенцев, призванных в Красную Армию в 1941–1942 гг.**

№ п/п	Республика. Область. Край	Призвано на 15.10.41	Призвано в апреле – мае 1942 г.	Призвано в августе – сентябре 1942 г.	Всего призвано на 1.11.42	Всего призвано в 1941– 1942 гг.
1	Казахская ССР	5**	12486	2194	11294	11299
2	Киргизская ССР	—	600	134	767	767
3	Таджикская ССР	88	—	—	106	194
4	Узбекская ССР	2	1128	506	1658	1660
5	Башкирская АССР	18	300	250	601	619
6	Бурят-Монгольская АССР	11	287	30	462	473
7	Калмыцкая АССР	26	—	—	—	26
8	Коми АССР	25	935	1489	2589	2614
9	Якутская АССР	18	—	460	460	478
10	Алтайский край	9	—	173	185	194
11	Красноярский край	79	2000	1124	3231	3310
12	Орджоникидзевский край	1577	—	—	7780	9357
13	Приморский край	—	—	51	51	51
14	Хабаровский край	—	405	294	1505	1505
15	Архангельская обл.	—	2129	1400	5114	5114
16	Вологодская обл.	622	279	400	679	1301
17	Иркутская область	32	1036	1353	2308	2340
18	Кировская область	51	1131	196	1194	1245
19	Куйбышевская область	49	—	142	150	199
20	Молотовская область	17	1500	1161	2666	2683
21	Мурманская область	—	—	449	503	503
22	Новосибирская область	413	4680	3600	10084	10497
23	Омская область	64	1500	905	2380	2444
24	Свердловская область	7	1740	723	3158	3165
25	Сталинградская область	—	—	—	34	34
26	Челябинская область	13	350	500	860	873
27	Читинская область	1	1760	—	803	804
28	Чкаловская область	90	189	112	125	215
29	Норильлаг	1	—	—	—	1
	Итого	3218	34435	17646	60747	63965

* Составлено и подсчитано по: [ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 89, л. 235; д. 113, л. 52, 53, 125, 139].

** Приведены суммарные данные по Северо-Казахстанской и Акмолинской областям.

Снятие с учета трудссылки оформлялось специальными постановлениями, вынесенными на каждую семью в отдельности, утвержденными на местах руководством УНКВД и прокурором, на основании справок, выданных военкомками. Снятие с учета призванных в армию и членов их семей было осуществлено в основном в ноябре — декабре 1942 г. и закончено в 1943 г. Например, на 1 декабря 1942 г. по Вологодской области снято с учета трудссылки 2 505 человек, из них призванных в Красную армию — 944 человека, их жен — 477, детей до 16 лет — 1 084 человека [см.: ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 113, л. 180]. К 26 июня 1943 г. по области было всего снято с учета 2 648 человек, из них призванных в Красную армию — 995 человек, их жен — 489, детей до 16 лет — 1 164 человека. Снятым с учета были выданы паспорта без ограничений, все они освобождались от 5%-х отчислений с их зарплаты [см.: Там же, л. 211].

Массовый призыв спецпереселенцев прекратился в конце 1942 г. Было призвано более 60 тыс. человек (при 50 тыс. изначально запланированных). В целом мобилизация прошла организованно и спокойно. Фиксировались единичные негативные проявления со стороны спецпереселенцев. Наиболее типичными фразами в отчетах были следующие: «Фактов прямого отказа членов семей трудпереселенцев от призыва в Красную Армию не установлено»; «Подавляющее большинство членов семей трудпоселенцев явились на призывные пункты с большим желанием, что подтверждается значительным количеством заявлений, поданных в райвоенкоматы с просьбой о зачислении в части Красной Армии» [Там же, л. 141]. Такая толерантность вполне объяснима, так как призыв в период войны членов семей «бывших кулаков» на фронт был единственной возможностью для полного восстановления трудпоселенцев во всех правах и освобождения от режима спецпоселения. После 1942 г. сохранился частичный призыв в армию детей «бывших кулаков», существовавший с 1941 г.

ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 62, 71, 89, 113.

Земсков В. Н. Заключение, спецпереселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные // История СССР. 1991. № 5. С. 164—165.

Земсков В. Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социс. 1992. № 2. С. 3—25.

Игнатова Н. М. Особенности учета численности спецпереселенцев в Коми АССР в 1930—1950-е годы // Вестн. Челяб. ун-та. 2008. № 35. [Сер.] История. Вып. 28. С. 42—53.

Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала, 1920—1950-е годы : в 2 т. Т. 2. Екатеринбург, 1997.

Красильников С. А. Спецпереселенцы: «правовое положение» в бесправном обществе // Гуманитар. наука в России: соросовские лауреаты. М., 1996. С. 89—97.

Лобченко Л. Н. Спецтрудпоселенцы Северного края в тылу и на фронте, 1941—1945 гг. // Вопр. истории. 2010. № 3. С. 140—143.

НАРК. Ф. Р-605. Оп. 4.

Статья поступила в редакцию 16.09.2010 г.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.472 + 371.336.5

**Е. С. Барзгова
М. Н. Вандышев
Л. С. Лихачева**

СОЦИАЛИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАНИКУЛ ПОДРОСТКОВ*

Рассматривается проблема социализационного потенциала летних каникул как пространства развития современных российских подростков, приводятся результаты эмпирического исследования.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социализация, каникулы, подростки, социализационный потенциал.

Термин «социализация» стал активно использоваться в социально-гуманитарных науках благодаря книге американского социолога Ф. Г. Гиддинга «Теория социализации» (1887), где он впервые употребил это понятие в значении «подготовка человеческого материала к социальной жизни». С тех пор понятие «социализация» закрепилось в научном дискурсе и активно используется представителями разных научных направлений. В свою очередь, теория социализации стала одной из самых востребованных в социологии. Ее теоретические основания были заложены в европейской социологии конца XX в. Г. Тардом. В американской социологии теория была развита Ч. Х. Кули и Дж. Г. Мидом.

Г. Тард понимал становление человека в обществе как подражание. Американские социологи констатировали неразрывность развития (социализации) ребенка (подростка) и его социального окружения. При этом Ч. Кули в предложенной им теории зеркального «я» не только зафиксировал

* Публикуется в рамках реализации проекта РГНФ-Урал № 10-03-83-313а/У по теме: «Каникулы подростка: социокультурный анализ социализационного потенциала».

воздействие социальной среды на личность ребенка, но и обосновал избирательный характер его поведения. Он отмечал, что в зависимости от условий личность адаптируется к ситуации, принимая на себя определенную роль. В соответствии с этой ролью идет отбор ценностей, которыми и руководствуется личность в процессе социализации. Проявлением недостатков социализации личности ребенка становится девиантное (делинквентное) поведение. Все таланты и склонности ребенка, его навыки и наклонности носят социальный характер и являются во многом следствием его включения в социальную среду. Этот подход получил название «принципа социального развития» [см.: Кули]. Дж. Мид, восприняв подход Ч. Кули, указал на механизм развития личности, создающий избыточное развитие «я», которое при определенных условиях становится источником развития общества [см.: Мид]. Учение о социализации значимым образом дополнил Т. Парсонс, который видел в социализации решающее условие сохранения социального равновесия. В процессе социализации происходит усвоение культуры, системы норм и ценностей, являющейся фундаментом целостной социетальной системы. Процесс институционализации оформляет социализацию, определяя ее успешность или неуспешность для определенных социальных групп в определенных исторических обстоятельствах развития общества [см.: Парсонс].

Теория социализации была интегрирована в отечественную социологию в 60–70 гг. XX в. во многом благодаря усилиям И. С. Кона, который соединил в своих работах, посвященных проблемам социального взросления личности, социологический и психологический подходы, а также раскрыл взаимодействие социализации с воспитанием, образованием и развитием. Он писал: «...слово “социализация” обозначает совокупность всех социальных и психологических процессов, посредством которых индивид усваивает систему знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества. Она включает в себя не только осознанные, контролируемые, целенаправленные воздействия (воспитание в широком смысле слова), но и стихийные, спонтанные процессы, так или иначе влияющие на формирование личности» [Кон, с. 19]. Кроме того, И. С. Кон убедительно показал в своих работах, что по мере развития общества, возрастания степени его индустриализации и урбанизации увеличивается число институтов и агентов социализации, возрастает обособление отдельных аспектов и функций социализации.

Современные социологи рассматривают социализацию преимущественно как процесс и механизм духовного воспроизводства и развития конкретного общества посредством социального становления молодого поколения. Так, американский социолог Н. Смелзер определяет социализацию как «процесс формирования умений и социальных установок индивидов, соответствующих их социальным ролям» [Смелзер, с. 98–113]. Польский социолог Я. Щепанский понимает под социализацией «влияния среды в целом, которые приобщают индивида к участию в общественной жизни, учат его пониманию культуры, поведению в коллективах, утверждению себя и выполнению различных социальных ролей» [Щепанский, с. 123].

Таким образом, на сегодняшний день в теоретической социологии сложилась довольно пестрая и многовариантная картина подходов к проблеме социализации. Сторонники различных направлений и подходов по-разному определяют сущностные характеристики социализации, ее цели, этапы и т. д. В этой ситуации мы вынуждены определить собственную исследовательскую позицию в отношении понятия «социализация», дать его рабочее определение и уточнить ряд теоретических положений, важных для последующего анализа процесса социализации подростков.

Под социализацией нами понимается всестороннее и последовательное вхождение индивида в объективный мир общества или в отдельную его часть; процесс и результат усвоения и активного воспроизводства индивидом социального опыта, осуществляемый в деятельности и общении; процесс становления личности, обучения и усвоения индивидом ценностей, норм, ролей, образцов и моделей поведения, присущих данному обществу, социальной общности, группе. Таким образом, мы стремимся осуществить попытку соединения интериоризационного и интраиндивидуального подходов к анализу процесса. При этом социализация подростков интерпретируется в единстве стихийного и целенаправленного воздействия, осуществляемого в процессе первичной и вторичной социализации.

Под первичной социализацией понимается процесс и результат социализации, осуществляемой в сфере межличностных отношений в малых группах (родители, близкие и дальние родственники, друзья семьи, сверстники, тренеры и т. п.); первая социализация, которой индивид подвергается в детстве и благодаря которой он становится членом общества. Первичная социализация (начальная, происходящая в детстве) является наиболее важной для формирования личности, поскольку определяет ее базовую структуру. Вторичная социализация — это процесс и результат социализации, осуществляемой в сфере социальных отношений на уровне включенности индивида в большие социальные группы и институты (формальные организации, официальные учреждения, семья, школа, вуз, государство и т. д.).

Важным моментом для раскрытия проблематики социализации подростков является выделение агентов и институтов социализации. Этот вопрос в социологической и психолого-педагогической литературе решается по-разному различными исследователями. Поэтому, чтобы избежать двусмысленности и неопределенности, в рамках данного исследования эти понятия использовались в следующих значениях. Под агентами социализации понимаются конкретные люди, ответственные за передачу социально-культурного опыта в процессе осуществления социализации. Агенты первичной социализации — родители, братья, сестры, бабушки, дедушки, близкие и дальние родственники, приходящие няни, друзья семьи, сверстники, учителя, тренеры, врачи, лидеры молодежных групп. Агенты вторичной социализации — представители администрации школы, университета, предприятия, армии, церкви, государства, сотрудники телевидения и т. д. Агенты первичной социализации взаимозаменяемы и универсальны. Агенты вторичной социализации действуют узко специализированно в соответствии со своими функциями. И н с т и т у т ы

с о ц и а л и з а ц и и — это формальные организации и официальные учреждения, оказывающие целенаправленное воздействие на процесс социализации и направляющие его (семья, дошкольные детские учреждения, школа, трудовые коллективы, неформальные объединения и др.).

Несмотря на разносторонний интерес к развитию теории социализации, необходимо заметить, что к а н и к у л ы как особое организованное время развития личности всегда уходило на обочину исследований. Роль и значимость каникул в социализации подростков социологами практически не изучалась. На сегодняшний день каникулы находятся на периферии социологических исследований, интерес к ним носит фрагментарный и, скорее, фоновый характер. Совершенно неизученной в современной социологии остается и проблема определения п о т е н ц и а л а и р и с к о в каникулярного воздействия на социализацию подростка. Между тем школьные каникулы являются первым опытом подростка в свободном самоопределении. Его выбор лишь в определенной мере обусловлен взаимодействием с социальными агентами, на самом деле в своей каникулярной деятельности и общении подросток самостоятелен. В этом, как нам представляется, состоит когнитивная ценность изучения каникул. Именно в этот институционально определенный период проявляется направленность социального и культурного развития подростков, их готовность к самоопределению во взрослой жизни. Этот период одновременно проявляет риски социализации, продуцируемые как характером личностной социализации, так и достаточностью или недостаточностью институционального обеспечения рассматриваемого процесса. Авторское видение проблемы определило построение методологии и методической стратегии ее изучения.

Методически реализация 1-го этапа проекта заключалась в сборе сведений о планах проведения летних каникул школьниками, их субъективных намерениях, а также об организационных усилиях, предпринимаемых агентами и институтами социализации по организации летнего отдыха подростков.

Для того чтобы выстроить спектр возможных агентов социализации, осуществлялся сбор документальной информации о разнообразных вариантах проведения каникул (предлагаемых муниципальными досуговыми учреждениями, оздоровительными лагерями, языковыми курсами, образовательными учреждениями и пр.). О планах проведения каникул школьникам подросткового возраста предлагалось написать сочинение на тему «Мой план проведения летних каникул». Расчет делался на необходимость фиксации намерений подростков, их умение формулировать план проведения времени, которое формально предоставляется им самим. В отличие от учебного времени, в каникулярное время у подростков возникает пространство выбора, в котором они могут реализовывать свои собственные представления о том, как надо, как хочется, т. е. учатся выбирать, принимать решения, т. е. становятся взрослее и разумнее. В то же время ситуация выбора во многом определяется институциональным устройством социального пространства (наличием учреждений и организаций, в которых можно проводить свободное каникулярное время), а также действующими акторами, поведение которых может существенным образом корректировать возможности выбора (например, родители и состояние семейного бюджета).

Сочинения проводились в классе по месту учебы подростков, написание выделялся стандартный урок, ученики были предупреждены о том, что их работы не будут проверяться на предмет орфографических и иных ошибок. В целом, исследовательский выбор метода определился возможностями фиксации рационализированной, спонтанной информации о желаниях проведения каникул. Подросткам не задавалось специальной тематики, которая могла бы повлиять ценностно или содержательно на конечный результат, им не навязывался «принцип реальности», т. е. не предлагалось оценить вероятность осуществления планов. Единственным агентом, воздействующим на формулировку планов, стали учителя, но даже этот агент являлся частью привычной повседневной школьной ситуации, поэтому они не могли стать существенным искажающим фактором.

В целом, использование метода написания спровоцированных документов позволило получить субъективно значимую информацию, организующую мотивационную сторону деятельности подростков в летний каникулярный период. Другими словами, с помощью указанного метода мы получили информацию о субъективной оптике восприятия каникулярного будущего.

Объем выборочной совокупности составил 681 единицу. Выборочная совокупность формировалась многоступенчатым путем.

• **1-я ступень.** Отбор населенных пунктов, в которых проводится исследование. Общая идея отбора заключается в необходимости включения в исследование единиц отбора, представляющих различные типы территориальных поселений:

1.1. Городские поселения:

- а) большой город, мегаполис (Екатеринбург);
- б) средний город (Нижний Тагил);
- в) малый город (Лесной).

1.2. Сельские поселения:

- а) село Первомайское;
- в) село Коптелово.

• **2-я ступень.** Отбор образовательных учреждений в выбранном поселении. На данной ступени вводится дополнительный критерий — статус образовательного учреждения (лицей, гимназия и пр.):

- 2.1. Екатеринбург — 3 школы, в том числе гимназия.
- 2.2. Нижний Тагил — одна гимназия.
- 2.3. Лесной — одна школа.
- 2.4. Первомайское — одна школа.
- 2.5. Коптелово — одна школа.

• **3-я ступень.** В образовательном учреждении с помощью гнездового отбора выбирались классы, в которых обучаются дети подросткового возраста (с 6-го по 10-й класс).

• **4-я ступень.** В отобранном классе сочинения писали все присутствующие в день проведения исследования (табл. 1).

В первичном анализе сочинений удалось выявить наличие у подростков (и их семей) планов на проведение летних каникул, в том числе предполагаемую

Таблица 1

Объем выборочной совокупности по населенным пунктам

№ п/п	Название поселения	Объем выборочной совокупности, абс.	Доля, %
1	Екатеринбург	217	32
2	Нижний Тагил	257	38
3	Лесной	141	21
4	Село Первомайское	23	3
5	Село Коптелово	43	6
	<i>Всего</i>	<i>681</i>	<i>100</i>

досуговую и образовательную деятельность, трудовую занятость (как в домашнем хозяйстве, так и в виде оплачиваемой работы), их продолжительность и соотношение; ориентацию информантов на определенных социальных агентов взаимодействия во время каникул.

Анализ сочинений показал, что у 30 % подростков нет конкретных планов проведения каникул: «не знаю, что писать, в будущее не смотрю» (из сочинения мальчика-шестиклассника). Фактически подростки не приобщаются к культуре рационального планирования собственного времени. В дальнейшем отсутствие таких навыков может выступать существенным ограничением в эффективном осуществлении деятельности, в том числе образовательной и профессиональной.

В целом, подростки достаточно слабо представляют, чем конкретно будут заниматься во время каникул; скорее это больше похоже на желания, мечты, нежели на реально продуманные четкие планы. И чем старше становятся подростки, тем более стихийный характер приобретает их каникулярное времяпрепровождение.

Ситуативность и стихийность являются важнейшими характеристиками выбора форм и содержания проведения каникул указанной категорией опрошенных, что сопряжено с возможными социализационными рисками.

При этом практически все респонденты высказывают надежду на то, что каникулы «пройдут весело, интересно, удастся хорошо отдохнуть». Содержательно время каникул предполагается занять следующим образом: «буду просто веселиться», «быть целый день на улице», «на природе», «гонять на велике», «загорать и купаться» и т. п. Иначе говоря, самым популярным планируемым способом проведения каникул оказались прогулки по городу, развлечения с друзьями и другие неорганизованные способы проведения досуга в местах с ограниченными возможностями контроля со стороны представителей среды первичной социализации. Каникулы воспринимаются подростками скорее как отсутствие школы, контроля со стороны учителей и родителей, как время свободного ничегонеделания, чем как пространство личностного развития, самообразования и обретения новых социальных и коммуникативных навыков. Такие формы проведения каникул потенциально также содержат риски

освоения социально не одобряемых форм поведения, а сами каникулы не становятся пространством социально-культурного развития и саморазвития личности подростков.

Релаксационная функция каникул (отдых, развлечение) доминирует у подростков в их планах. Об этом свидетельствует и малый процент подростков, планы которых связаны с трудоустройством на работу, чтением книг и дополнительными интеллектуальными занятиями, например, изучением иностранных языков (даже среди тех, кто собирается отдыхать за границей).

Заниматься подготовкой к школе во время каникул планирует сравнительно небольшое число подростков (порядка 10 %), причем практически все они — девочки. Очевидно, что интеллектуальная деятельность (чтение, дополнительные занятия и т. п.) не входит в обиходу предпочитаемых летних занятий для большинства детей подросткового возраста.

От 16 % (в сельских поселениях) до 40 % (в больших городах) респондентов указали, что в каникулы приоритетными для них будут такие занятия, как помощь родственникам по дому и на даче (в саду), а также работа с целью самостоятельного заработка. Однако точно указать, где именно они собираются работать, большинство подростков не смогли и высказали лишь свое желание работать («хотелось бы», «хорошо бы»). Ценность работы с целью самостоятельного заработка в каникулярных планах подростков оказалась не самым значимым показателем даже для группы старших школьников. Гедонистическая ориентация в планах проведения каникул преобладает, а с увеличением возраста информантов даже нарастает.

Среди названных вариантов трудоустройства наиболее популярными оказались: «работать промоутером», «раздавать листовки», «торговать косметикой», «продавать семечки», «на автомойке» и др. В качестве мотивов отказа от планов устройства на работу указываются следующие: «не нуждаюсь в карманных деньгах», «родители против», «мне мама платит за каждую пятерку по 50 рублей». Любопытно, что некоторые подростки планируют заработать «карманные деньги» на оказании помощи родственникам в выполнении домашних дел. В частности, в сочинениях встречаются следующие виды «помощи»: «буду готовить еду и убирать квартиру. За это будут платить»; «я планирую заработать у дедушки на стройке дома в деревне». В сочинениях удалось зафиксировать и тот факт, что подростки, у которых близкие родственники имеют свой бизнес (как правило, малый), планируют во время каникул подрабатывать в этой сфере («работать в кафе у тети»; «помогать маме в цветочном магазине» и пр.).

Относительно высокой популярностью среди подростков пользуется проведение времени в спортивных и оздоровительных лагерях. Причем, чем крупнее город, в котором проживают подростки, тем выше доля планирующих отдохнуть в лагерях: от 9 % в сельской местности до 22 % — в городах. Обращает на себя внимание и тот факт, что многие подростки употребляют лексику, характерную скорее для советского времени, — «пионерский лагерь». По всей видимости, это свидетельствует о высокой степени преемственности поколений, по крайней мере в обозначении и маркировке собственной повседневности.

Анализ нормативно-правовых документов, регламентирующих отдых детей и подростков Свердловской области в период летних каникул, также подтвердил их релаксационную направленность. Исследование нормативно-правовой базы организации летних каникул показало, что в настоящее время главным регулятором летнего организованного отдыха детей является областное Министерство социальной защиты населения. Именно оно регламентирует порядок пребывания детей в лагерях различных типов, определяет стоимость пребывания одного ребенка и затраты из регионального бюджета и бюджета семьи. Система образования в целом и Министерство образования в частности не относятся к числу ведущих институтов социализации подростков в период летних каникул. Это дает основания считать, что главной функцией каникул является оздоровительная (релаксационная) функция. Содержательное наполнение каникул находится преимущественно в зоне компетенции самого ребенка, его семьи или иных (стихийных) агентов. В частности, в ходе исследования удалось выяснить, что в летних оздоровительных лагерях области практикуется проведение так называемых «тематических» смен, в рамках которых подростки должны знакомиться с деятельностью тех или иных организаций и осваивать пропагандируемые ими ценности (лучший вариант — основы безопасной жизнедеятельности, противопожарной безопасности и др.). Однако преимущественно время каникул рассматривается в нормативно-правовых документах как время релаксации, отдыха, но не повышения уровня знаний, умений, компетенций.

Данная картина планируемых занятий подкрепляется и представлениями о предполагаемых местах проведения каникул. Отметим, что здесь наблюдается некоторое расхождение с рейтингами планируемых подростками занятий (табл. 2).

Таблица 2

Предпочтительные места планируемого подростками проведения каникул

№ п/п	Место проведения каникул	Доля, %
1	Отдых на море, в том числе за рубежом	26
2	Дом, место постоянного проживания	22
3	Сад, дача	20
4	Лагерь, в том числе спортивный	14
5	Соседние города, села	9
6	Работа	7
7	Санаторий, профилакторий	2
	<i>Всего</i>	<i>100*</i>

* За 100 % было принято общее число выборов подростков (их можно было сделать сколь угодно много).

Из указанных данных следует, что самым желаемым местом проведения каникул является выезд на море, в том числе за рубеж (26 %), но очевидно, что реальность воплощения такого варианта не слишком высока. Более того, такой вариант проведения каникул не охватывает всего каникулярного времени, а только небольшую его часть (как правило, 2 недели). На наш взгляд, это еще раз подчеркивает размытость представлений подростков о том, где и чем они будут заниматься три летних месяца. Соответственно и ожидания от каникулярного времени размыты и неопределенны, что является существенным фактором, повышающим социализационные риски.

Кроме того, в каникулярных планах подростков отразился факт статусной и имущественной дифференциации их семей. Отдохнуть за рубежом планируют преимущественно подростки, проживающие в городах. Более того, это расхождение наблюдается внутри классов и школ. Даже в рамках одного класса есть ученики, которые в течение каникул планируют посетить несколько зарубежных стран («сначала поеду в ЮАР на чемпионат мира по футболу, оттуда в Германию (Берлин, Мюнхен), а остаток каникул проведу в Англии (Манчестер) у мамыной подружки»), и есть дети, которые не планируют выезд не только за рубеж, но даже за пределы региона.

Примерно пятая часть информантов планирует провести каникулы дома, в пределах постоянного места проживания. Именно этой группе подростков наиболее сложно реализовать свои потребности в организованных формах досуга, специально ориентированного на подростков, даже в пространстве большого города. В качестве таких мест отдыха в сочинениях называются зоопарк, парк им. В. Маяковского и супермаркеты как наиболее доступные места проведения досуга. Посещение супер(гипер)маркетов представляется подросткам, особенно из сельской местности и малых городов, как планируемый полноценный и привлекательный вариант отдыха и развлечения. В этом плане российские подростки могут рассматриваться в качестве перспективной маркетинговой группы, потребности которой в малой степени учитываются на рынке досуговых услуг.

Третьим по числу выборов планируемым местом проведения каникул является отдых и проведение времени в саду, на дачах, в том числе у бабушек, дедушек и других близких родственников. Этот факт дает возможность предполагать, что каникулы во многом способствуют закреплению родственных связей по всей стране и передаче ценностных ориентаций из поколения в поколение. Таким образом, одним из наиболее значимых агентов социализации подростков во время летних каникул фактически становятся родственники, причем не столько родители (роль которых ситуативна — кратковременные поездки на пикник, путешествие к морю и т. п.), сколько бабушки, дедушки, дяди и тети. Родители большинством подростков воспринимаются в качестве «спонсоров», финансово обеспечивающих их веселый и разнообразный досуг в каникулы.

Таким образом, материалы проведенного эмпирического этапа научно-исследовательского проекта позволяют сделать следующие выводы и обобщения:

- Отсутствие у подростков четких реалистичных планов проведения каникул свидетельствует не только об их зависимости от родителей, но и об

отсутствии умений и навыков самостоятельного планирования своего свободного времени.

- Планируемое подростками содержание летних каникул носит гедонистически-развлекательный характер. Каникулы не воспринимаются ими как время и пространство саморазвития, личностного и профессионально-образовательного самоопределения.

- Ведущими агентами социализации подростков в каникулы становятся не родители и учителя, а близкие родственники (бабушки, дедушки, дяди и тети) и сверстники («появилось много новых друзей»). Их социализационное воздействие на подростков носит преимущественно стихийный, неорганизованный и противоречивый по своему ценностному содержанию характер.

- Основной группой социализационного риска в период каникул становятся подростки, вынужденные оставаться дома по причине низкого материального статуса родителей, которые не могут вывести детей за город, на дачу, в сад или обеспечить иные формы организованного отдыха детей.

В целом, анализ каникулярных планов подростков показывает, что каникулы являются наиболее рискованным пространством и временем с точки зрения социализации и культурного развития личности подростков.

Представленные материалы и выводы являются результатами первого этапа исследования социализационного потенциала каникул и потому носят промежуточный характер. Полученные данные будут дополнены сравнительным анализом результатов первой волны контент-анализа сочинений (каникулярные планы) и второй волны (фактическое содержание каникул). Этот аналитический метод позволит установить «принцип реальности» в вопросах организации летнего каникулярного времени подростков, в осуществлении планируемых ими форм и содержания каникулярного времени, в оказываемых воздействиях на этот процесс со стороны агентов социализации (в частности, родителей, образовательных учреждений и пр.).

Кон И. С. Психология ранней юности : кн. для учителя. М., 1989.

Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок. М., 2000.

Мид Дж. Сознание, самость и общество. М., 2007.

Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.

Смелзер Н. Социология. М., 1998.

Социальная философия : словарь / сост. и ред. В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. М. ; Екатеринбург, 2006.

Щепанский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969.

Статья поступила в редакцию 14.10.2010 г.

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО УРАЛА

УДК 008.061.3(470.5) + 001.061.3(470.5)

Л. С. Соболева

ПРОБЛЕМЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В РЕШЕНИЯХ РЕГИОНАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ

Рассматривается значение региональных научных конференций в аспектах возрождения исторической памяти общества, сохранения культурных традиций и их взаимосвязи с проблемами современности. Приводятся материалы конференций Уральского региона в аспекте их результативности. Пример дискуссии на круглом столе Строгановских чтений позволяет говорить о формирующемся фрактале гражданского общества.

Ключевые слова: культурная память, региональные научные конференции, гуманитарные исследования, Уральский регион, Строгановские чтения, связь науки и бизнеса.

Предлагаемые заметки основаны на опыте участия автора в ежегодных научных конференциях разного уровня, посвященных гуманитарным проблемам и организованных в различных регионах. Конференция — весьма отработанный механизм трансляции научных идей, обкатки нового материала, но главная ее функция состоит в поддержании неформальных связей между специалистами, без цеховой солидарности которых невозможно осуществление многих научных проектов. Начиная с 90-х годов XX в. активизируется деятельность по организации конференций, посвященных гуманитарным проблемам регионов.

В сознании общества укрепляется идея невозможности органичного развития региона вне его историко-культурной составляющей. Мысль о значимости человеческой деятельности в области духовной жизни сопрягается с идеей самостоятельности территорий, поиском нитей, связующих временные пласты, установлением личностей, символизирующих собой самобытность жизни в региональном измерении. Это серьезная проблема, решение которой зависит от качества научных изысканий.

Стремительная смена ценностей привела к изменению представления о духовных лидерах. Коммунистические вожди, пролетарские борцы с царизмом и религией, беззаветные герои труда и даже страдальцы за идеи светлого будущего — все они потерпели полное банкротство в представлениях поколения 90-х. Исключение составили события и герои Великой Отечественной войны, что и к настоящему моменту является чуть ли не единственным объединяющим моментом в национальном сознании и соответственно эксплуатируется в идеологических построениях. В советский период истории, начиная уже с конца 20-х гг., краеведческое движение было совершенно сознательно уничтожено как серьезное научное направление, надолго став уделом энтузиастов. Оказались дискредитированы, иногда оболганы, а чаще всего равнодушно забыты люди, в судьбах которых реализовывались интенции локальной истории и культуры, без активности которых, весьма вероятно, события местной жизни имели бы другую логику и иные результаты. Подобная политика привела к весьма плачевному результату. К примеру, спекуляция на мифах о героях гражданской войны, заменявшая на долгие годы осмысление трагичности и сложности процесса, породила лавину анекдотов (о Чапаеве, Фурманове), противопоставивших здоровое смеховое начало прокоммунистическому пафосу, с одной стороны; с другой же — профанирование любых гуманистических идей в сознании политической и бизнес-элиты усугубляется неверием масс в новые начинания и декларируемые благие помыслы. Не менее печальным результатом является потеря чувства места, разрушение причастности человека к судьбе своего дома в различных масштабных измерениях.

Между тем важным моментом социализации человека и укрепления его связей с окружающим миром в пространственно-временных координатах является осознание связей с конкретным регионом. Выражение регионального самосознания воплощается в признание природной, культурной и исторической уникальности места в сопряжении с его современной судьбой. Но эта уникальность нуждается в постоянной «подпитке» человеческим энтузиазмом, энергией, воплощенной в формировании культурных гнезд (термин Н. Пиксанова) как топографических единиц культурного ландшафта.

Многолетнее равнодушное отношение к культурному достоянию, сменившее время разрушительного отрицания традиционных ценностей как материального, так и духовного ряда, уничтожило многие качественные характеристики связей человека с окружающим миром, по сути, расшатывая его идентичность как представителя конкретного хронотопа и конкретного типа культуры. Утрата культурной памяти — процесс, чреватый негативными последствиями, так как память является фактором, порождающим неформальную ответственность перед историей, зависимость от общественного мнения. Совесть не только нравственная категория: она имеет вполне ясно выраженную экономическую цивилизационную семантику. Рядом локальных администраций как важная проблема была воспринята проблема создания имиджа региона, привлекательного не только для туристического бизнеса, но и для сохранения и воспроизводства трудовых ресурсов. Необходимость восстановления культурной памяти была осознана не только как научная, но и как общественно-

политическая задача учеными-гуманитариями в последние десятилетия. Во многих территориальных образованиях происходит выявление «икон» локуса — персонажей и героев истории, чьи судьбы были существенны для региона и чьи дела признавались исторически значимыми с точки зрения современников и потомков, наряду с событийным рядом, из которого выстраивается значимая для территории история.

Трибуной, с которой в наиболее органичной форме звучат не квазипатриотические идеи и призывы, а размышления, основанные на архивных, полевых исследовательских изысканиях, стали региональные конференции, посвященные актуальным гуманитарным проблемам. По материалам докладов, прочитанных во время конференции, как правило, публикуются сборники научных трудов. И хотя они часто оказываются очень пестрыми по научному уровню и не без налета местечкового патриотизма, выражающегося в публикации откровенно реферативных или любительски-краеведческих статей, доминирующими остаются очерчивание существующих и наметка новых путей в познании края. Научные конференции локального статуса способны обретать новое качество, являясь не только местом позиционирования научных идей, но и своеобразным тонизирующим средством, стимулирующим местные амбиции и активизирующим обращение к культурным событиям, артефактам и их творцам. Стимулирующим научное, а значит, системное и многоаспектное изучение векторов развития локальной культуры в синхронном и диахронном контекстах является соединение усилий локальных структур и современных научных школ, привлечение авторитетных исследователей, в чьих работах используются пласты ранее неизвестного полевого и архивного материала.

Выдающиеся гуманитары, в чьих трудах произошло формирование научной базы «краеведения», стали своего рода духовными гуру в развитии краеведения и справедливо вспоминаются на конференциях, организуемых в память о них. Это «Дергачевские чтения» в Екатеринбурге — конференция, которую проводят Музей писателей Урала и Уральский университет им. А. М. Горького в честь профессора Ивана Алексеевича Дергачева (1911—1991), в 2011 г. она будет проводиться уже в 10-й раз. В Челябинске много лет фольклористы и филологи съезжаются на «Лазаревские чтения», отдавая дань памяти и уважения громадному вкладу в изучение региональной словесности, который связан с многолетней деятельностью профессора А. И. Лазарева (1928—2001). Подобного же рода контингент присутствует на чтениях в честь известного оренбургского фольклориста профессора Л. Г. Барага (1911—1994).

При этом научная конференция зачастую совмещается и с демонстрацией местных художественных традиций, а значит, на подобные конференции привлекаются сотрудники местных музеев, что возвращает музеям, кроме просветительских и собирательно-консервирующих, задачи научно-исследовательского плана.

Кроме имен исследователей, объединяющими моментами в названиях конференций для участников становятся имена творцов локальных артефактов.

Так, например, в Карелии сотрудниками музея «Кижы» совместно с университетом в Петрозаводске проводится конференция «Рябининские научные

чтения», названная в честь знаменитого исполнителя былин XIX в. Трофима Григорьевича Рябинина (1791–1885). По результатам конференции выпускается одноименный научный сборник статей, год от года расширяющий свою тематику.

Подобного же рода творческая личность оказалась в центре внимания академических и университетских кругов Республики Коми. «Мяндинские чтения» обязаны своим названием крестьянину села Усть-Цильма, старообрядцу Ивану Степановичу Мяндину (1823–1894), создателю рукописной библиотеки в древнерусской традиции, автору новых редакций многочисленных древнерусских памятников литературы. Конференция приурочивается к местному празднованию дня Петра и Павла, когда на берегу Печоры местные жители, как и в давние времена, собираются и отмечают Петровщину (в ночь с 11 на 12 июля), а на следующий день происходит хороводное гулянье «Красная Горка». На праздник съезжаются родственники из самых разных мест, отдавая дань памяти своему роду. В отличие от самодельных костюмированных псевдофольклорных праздников, здесь наблюдается уникальный феномен сохранившейся народной традиции, и конференция, проводимая в эти дни, пропитана желанием поддержать культурную память, не дать угаснуть традиции, имеющей древнейшие корни в родовом быте. Заключительное заседание Чтений 2010 г. вылилось в обсуждение возможных издательских проектов, которые могли бы существенно обновить и обогатить знания об истории и культуре края.

Город Тобольск, подлинное возрождение которого происходит буквально на наших глазах, в научных кругах известен «Ремезовскими чтениями», имеющими международный статус. Писатель, картограф, строитель Семен Ульянович Ремезов (1642 — не позднее 1720) получил вторую жизнь в памяти не только земляков, но и всей России благодаря замечательно изданным факсимиле созданных им рукописей — «Ремезовская летопись» (Тобольск, 2006), «Сибирская чертежная книга» (Тобольск, 2006). Примером такого успешного научного сотрудничества оказалась конференция «Ремезовские чтения», которая на протяжении последнего десятилетия организовывалась Тобольским историческим музеем, общественным фондом «Возрождение Тобольска» и группой исследователей, возглавляемой профессором Новосибирского университета Е. И. Дергачевой-Скоп.

На фоне скудного бюджетного финансирования и отсутствия поддержки гуманитарных исследований со стороны местной власти и бизнес-структур конференции выполняют компенсаторную функцию, позволяя участникам ощутить сопричастность процессу порождения научной мысли, а кроме того, могут иметь весьма серьезные последствия в организации исследовательских направлений. На многолетних «Дергачевских чтениях», собиравших гуманитариев Уральского региона и близлежащих территорий, формировались неформальные исследовательские контакты. В итоге, когда возникла идея создания обобщающего труда по истории литературы Урала, для ее реализации были задействованы наработанные в процессе конференций объединения исследователей фольклора и уральской литературы. Задача реализации глобального проекта

вызвала к жизни проведение ежегодных конференций «Литература Урала». На заседаниях происходило обсуждение содержательной стороны проекта, наиболее перспективных методик, выработка последовательности и полноты изложения. Фактически это были перманентные секции научной исследовательской программы с четкой направленностью на результат. Я убеждена в перспективности подобного рода объединений, но при наличии постоянного лидера, способного убедить исследователей в необходимости долговременной совместной работы и координации их усилий. В наших условиях таким научным и организационным лидером стала профессор Е. К. Созина, филолог школы И. А. Дергачева. Публикации материалов конференции стали своего рода площадками для создания концепции регионального развития словесности и рекрутирования новых научных сил.

Весьма существенную роль в возрождении внимания к прошлому, в раздумьях о настоящем состоянии духовного мира играют также конфессиональные институты. Совместными усилиями научных и православных кругов Кирова (Вятки) актуализировалась память об основателе храмов и монастырей в пермской и вятской землях преподобном Трифоне (XVI — начало XVII в.). В опубликованных трудах по материалам конференции нашло отражение удачное сочетание светских и конфессиональных интересов. Этот опыт интересен еще тем, что дает возможность сравнить пути исследования и пропагандирования культа Трифона Вятского в XIX — начале XX в. и сегодня. Историки прошлого века, среди которых были и священнослужители, не ограничивались пропагандой почитания святого, юбилей которого отмечался в 1911 г. Именно тогда были найдены и опубликованы все основные тексты житий, посвященных Трифону Вятскому. Несмотря на существенные недостатки, связанные в основном с трудностью идентификации рукописи по местам их современного хранения, эта работа не потеряла своего значения. Однако современных научных изданий текстов древних памятников вятской литературы с учетом сохранившихся списков не существует, воспроизводятся только популярные, хотя красиво изданные жития вятских святых. Популяризация и научное изучение оказываются в разных плоскостях интересов, и если на первое средства еще находятся, то исследовательская часть ограничивается академическими задачами, и не часто осознается как необходимая составляющая современного имиджа места.

В контексте подобной информации незаурядным явлением предстает конференция «Строгановские чтения», проводимая вот уже в четвертый раз группой учредителей, в которую в 2010 г. на паритетной основе вошли администрация Усольского района Пермской области, Соликамский пединститут, Пермский педагогический университет и Московская художественно-промышленная академия им. С. Г. Строганова. Главным же «мотором» всех конференций выступает Усольский историко-архитектурный музей «Палаты Строгановых» и его директор С. В. Хоробрых. Научная часть конференции выглядела вполне представительной, основная тема, выбранная на 2010 г. («Умозрение в красках»), привлекла внимание исследователей не только словесного творчества, но и искусствоведов и собрала более ста участников из различных мест России.

В целом ряде докладов проблема колористической образности сливалась с проблемой сохранения и познания культуры Строгановского региона. Не вдаваясь в подробности тематики конференции (материалы готовятся к публикации), отметим лишь то, что интересно в контексте нашей статьи, — желание организаторов объединить научные исследования и практическую деятельность по восстановлению исторической памяти.

Имя Строганова отнюдь не случайно задействовано в названии всероссийской конференции. Обширный регион Прикамья формировался благодаря деловой хватке и инициативе рода Строгановых. Предпринимательская удача сочеталась у представителей рода с интеллектуальной энергией. Их усилиями регион насыщался на протяжении нескольких столетий книжностью, строились и расписывались по их воле московскими художниками храмы. Этому посвящено немало исследований, но интересно, что необходимость включения культурного множителя в формулу развития региона осознается и современной властью региона. Свидетельство тому — характер присутствия на научной конференции администрации района. Хотя ни одна конференция не обходится без ритуального приветствия со стороны властей предрержащих, однако приветствием и благосклонным выделением некоторых средств на проведение конференции это внимание, как правило, и ограничивается. На этот раз конференцию открыл круглый стол, на котором была развернута дискуссия о путях сохранения, восстановления и использования комплекса памятников строгановской культуры в современных условиях*. В обсуждении этих вопросов оказались заинтересованы как ученые, для многих из которых эта тема определила вектор судьбы, так и администрация района, видящая в восстановлении культурного потенциала региона доминанту его развития.

Прагматическую направленность разговора предопределило выступление главы Усольского района *Геннадия Петровича Шехматова*. Отдав должное многообразию приложения научных разработок в регионе, Г. П. Шехматов, сам уроженец этих мест, с неподдельной горечью говорил о том, как много потерял регион в результате бездумного уничтожения природно-культурного ландшафта из-за поспешного строительства в советское время водохранилища. В его выступлении прозвучали идеи, что в Усольском регионе в первую очередь придется развивать малый и средний бизнес, и туристическое направление здесь не будет лишним. Крупное химическое предприятия «Еврохим», на его взгляд, могло бы оказать немалое содействие восстановлению историко-культурного комплекса, продолжая то направление в развитии предпринимательства, которое было заложено еще Строгановыми, т. е., развивая дело, помнить о людях и всячески стараться задержать их на этой земле, привлечь как делом, так и особым духовным комфортом проживания. В районе восстанавливается также архитектура купеческого дома Брагина. О вкладе купечества в развитие края необходимо помнить, подчеркнул глава местной администрации, немало сил следует приложить к восстановлению имен тех, кто свою жизнь и все свои

* Благодарю С. В. Хоробрых за предоставленную запись выступлений на круглом столе.

силы вложил в создание уникальной культурной структуры, какой был район Усолье-Соликамск. К сожалению, считает Г. К. Каюмов, сегодняшний бизнес еще не готов продолжить традицию Строгановых: никого из них нет на круглом столе, хотя приглашались многие лица из градообразующих химических предприятий. Насколько возможно, район субсидирует издательскую деятельность исторического и краеведческого плана. «И здесь мы готовы к сотрудничеству с исследователями», — завершил свое выступление Каюмов.

В дискуссию включился ректор МГХПА им. С. Г. Строганова профессор А. Н. Стасюк. В его эмоциональном выступлении прозвучала мысль, что регион деятельности Строгановых имеет отнюдь не местное значение. Тот постоянный контакт, который отлажен между музеем «Палаты Строгановых» и академией, существен для обеих сторон. Природа края и та атмосфера, которую хранят архитектурные и живописные памятники, являются стимулятором творческой энергии. Не случайно Строгановы стали основателями художественно-промышленного образования в России, а также образования в сфере декоративно-прикладного искусства. Это, по мнению А. Н. Стасюка, вытекало из их родового мироощущения, что красота является неотъемлемой частью человеческого бытия. Здесь это очень хорошо понимается и чувствуется, поэтому с таким энтузиазмом прибыли сюда сотрудники академии, готовые привозить сюда выставки, дарить экспонаты в местный музей, отправлять студентов на художественную практику, чтобы активизировать внимание к краю. Кроме того, считает ректор академии, очевидно, насколько здесь готовы прислушиваться к мнению специалистов и вдумчиво восстанавливать историко-культурный ландшафт, соотнося интересы всех заинтересованных сторон.

Идею постоянного профессионального сотрудничества поддержал директор музея «Палаты Строгановых» С. В. Хоробрых. Особо Станислав Валерьевич отметил, насколько выигрывает от этого реставрационное дело. К сожалению, в регионе недостаточно профессиональных реставраторов и мастерских, которые могли бы на достойном уровне работать с артефактами XVII — XVIII вв. И привлечение заинтересованных московских специалистов в этом случае — не только правильное, но и единственное решение.

Тему взаимодействия в проектах прошлого и настоящего, коммерческого успеха и бережного отношения к прошлому заострил в своем выступлении Р. В. Багдасаров, представляющий Институт культуры и права при Государственной думе. Он представил программу «Арт-деколог», нацеленную на то, чтобы построить мосты между традиционными духовно-нравственными ценностями и различными сферами современной культуры, современного искусства. Очень важно, на его взгляд, сохранить преемственность между различными этическими императивами, которые, хотя и существуют не в физической реальности, а в умопредставлениях людей, оказывают воздействие непосредственно на бытие, на нашу физическую реальность. И чтобы упорядочить это влияние, следует сопрягать эти умопредставления с актуальными тенденциями в нашей культуре, в нашем искусстве. Здесь очень важен опыт староверческой культуры, которая была поставлена в условия автономного выживания, несколько отсоединенного от генерального пути развития российской культуры.

И в то же время староверы должны были воспроизвести образное целостное представление о допетровской Руси, чтобы передать последующим поколениям. Поэтому эта культура обладает огромным жизненным потенциалом, большой единой идеологической стойкостью, чему можно поучиться сегодня. И что предопределило отбор для показа выставки «Движение души», представляющей настенные картинки староверов о путях спасения души, отделяющих праведников от грешников. Коллекция принадлежит протоиерею Владиславу Провоторову, настоятелю храма Благовещения в Павловской слободе Московской области, в прошлом довольно известному художнику, выставлявшемуся на Малой Грузинке, чьи картины вызвали большой интерес не только профессиональных художников, но и широкой публики, интересовавшейся неофициальным искусством Советского Союза. Эта коллекция создавалась многие годы северодвинскими мастерами и хранилась в роду Шестаковых. Как известно, картинки, создаваемые северодвинскими мастерами, являются самыми изысканными как в цветовом, так и в композиционном отношении, с очень выверенными и разветвленными сюжетами. Фактически представленные здесь картинки охватывают полный спектр мистических представлений древнерусского православия, отраженного уже через призму староверчества, и относятся к четырем главным темам: аскетика (учение о духовном подвиге), география (примеры из житий святых), малая эсхатология (представления о посмертном бытии души в ином мире), великая эсхатология (космические судьбы человечества и Вселенной). Картинки находятся в разной степени готовности, некоторые докрашены до конца, и были, видимо, предназначены для продажи, часть из них — прориси, полураскрашенные, недоделанные работы, поэтому мы можем проследить все этапы создания этого специфического жанра. Музей и городская администрация профинансировали выпуск каталога, где исследователи попытались описать и раскрыть символику этой коллекции в надежде вызвать ответную реакцию специалистов, занимающихся старообрядчеством, древнерусским искусством, христианской иконографией и во многом продвинуть изучение этих тем на отечественном и мировом уровнях. Существенно возвращение в регион традиций религиозного искусства, которое остается стержневым для национальной традиции, не менее важной является визуализация духовных, религиозных образов, которая, будучи современной и как бы находясь в смысловом центре художественной культуры, оказывает благотворное влияние на все остальные области.

На необходимость сочетать выставочные проекты с исследовательскими обратила внимание профессор Уральского государственного университета им. А. М. Горького *Л. С. Соболева*. Важным моментом в восстановлении историко-культурного ландшафта является насыщение пространства информацией о письменности, о памятниках словесной культуры и их авторах. Эти материалы присутствуют в архивах и рукописных собраниях страны, и их возвращение в регион позволит наполнить атмосферу памятью о великом духовном труде, душевных переживаниях живших здесь творцов, открыть их биографии. Как известно, Строгановы находили и прекрасно использовали возможности местного населения, привозили талантливых людей из других регионов. Этот

аспект не должен быть утерян. В музее следует организовать фонд и сайт, где можно было бы выставить документы и литературные тексты, воплощающие образ строгановского культурного региона. Ближайшая задача — исследование и публикация оригинального сочинения конца XVII в. сборника учительных слов «Статир», созданного неизвестным автором в Орле-городке. В субсидировании проектов нуждается не только издательская, но и исследовательская деятельность, направленная на информационно-архивный поиск. Учитывая, что исследованием проблем локальной культуры менее всего озабочены в центральных фондах, без подключения местных ресурсов эта задача становится трудновыполнимой.

О сложности выживания культуры в современной российской действительности говорил профессор МГХПА *К. Н. Гаврилин*. В его мягких интонациях звучала подлинная горечь: «Хотелось бы просто пожелать пермским предпринимателям, российским предпринимателям оглянуться на славу Строгановых, на славу российских купцов, которые не только поднимали экономику, но внесли мощный вклад в нашу национальную культуру. Когда мы бываем в Эрмитаже или в музее Метрополитен в Нью-Йорке, мы видим там огромную часть коллекции Строгановых, в Пушкинском музее коллекции русских купцов, хорошо известна издательская деятельность бизнес-элиты XIX в. и т. д. Мне кажется, современному предпринимательству не достает традиций, которые были заложены уральскими промышленниками».

Завершая трудный разговор, глава районной администрации *Г. П. Шехматов* проинформировал, что в районе создан к сегодняшнему дню фонд попечителей, куда входят предпринимательские структуры. Из крупных — прежде всего руководители «Еврохима», а также представители среднего бизнеса. Участвуют в этом фонде многие руководители предприятий г. Березники. Это пока только начало, развитие фонда обещает быть долгим и непростым, поскольку в российском законодательстве отсутствует механизм поощрения меценатской и благотворительной деятельности.

Столь подробное изложение материалов круглого стола последней конференции позволяет сделать важный вывод, что научные конференции способствуют формированию гражданского общества. Сообщества ученых-гуманитариев берут на себя ответственность за состояние исторической памяти, за развитие историко-культурного ландшафта конкретных территорий. Именно от них исходит инициатива налаживания связей с властными структурами, обращение к промышленным кругам.

Бессмысленно завершать приведенные размышления успокоительными фразами о будущих перспективах: самоощущения участников конференций колеблются от оптимизма до безнадежности. Феномен гуманитарных конференций важен не только для истории науки, но и существенен как проявление механизма воздействия научного интеллекта в контексте сохранения культурного пространства и актуализации человеческого потенциала.

Статья поступила в редакцию 12.11.2010 г.

УДК 821.161.1'282(470.5)

К. В. Анисимов
Е. К. Созина**ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ УРАЛА
В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ***

Рассматривается становление в регионе литературно-письменной традиции, связанное с историей освоения Урала. Анализируется возможная методология изучения областных (региональных) литератур, предложенная еще в первой трети XX в. учеными-культурологами И. Гревсом, К. Пиксановым, Н. Анциферовым и развиваемая современной регионалистикой и культурной географией.

Ключевые слова: культурогенез Урала, областные литературы, культурные гнезда, историко-культурный ландшафт, семиотика места.

Относясь к небольшому числу территориально интегрированных империй, т. е. при колоссальной обширности занимаемых пространств не располагая океанскими владениями, Россия была «обречена» на громкое звучание региональной проблематики в своей истории — от земских соборов позднего Средневековья до радикальных федералистских доктрин XIX в. и беспрецедентных экспериментов с собственными границами в XX столетии. При этом культурный статус инкорпорировавшихся в государственное «тело» стран и народов исторически был различен. Западные (балтийские, польские, финские), кавказские и присоединенные позднее центральноазиатские территории имели на момент включения в империю развитые устные и/или письменные традиции. Кроме того, располагая довольно большим собственным населением, они не становились в сколь-нибудь значительном масштабе объектом этнически русской крестьянской колонизации. Иначе обстояло с восточными территориями, которые располагались вдоль Камы и далее, захватывая в свою орбиту Урал и Зауралье. Урал исторически складывался как многонациональный регион, этнический «котел» народов, где русские были пришлыми, все более и более укреплявшими свои позиции за счет промышленно развитой цивилизации, но где сохранялись иные по истокам и характеру культуры народов, проживавших здесь издревле. По словам современных исследователей, «...в полосе “подвижной границы” заселения русскими Урала и Сибири формировалась чересполосная, комбинированная система существования различных социально-экономических и культурно-бытовых укладов, которые либо были занесены переселенцами из областей Европейской России, либо имели автохтонное происхождение, либо представляли собой результат воздействия более развитых, чем автохтонные, азиатских цивилизаций» [Азиатская Россия, с. 32]. Так, если в Сибири пришлое русское население вскоре начало численно преобладать над

* Публикуется в рамках исследования, выполненного в русле комплексного интеграционного проекта УрО – СО РАН «Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы в системе контекстуальных и интертекстуальных связей (национальный и региональный аспекты)».

аборигенами, тесня их культуру¹, то в Приуралье и Урало-Поволжском регионе, несмотря на возрастающую ассимиляцию местного населения и русских, удмурты, коми, мордва, татары и другие народы сохраняли основы этнических религий и самобытное искусство, ставшие затем базой этнонациональных идентичностей. На юге же Урала башкирская культура, исторически складывавшаяся в зоне интенсивного тюрко-арабо-персидского взаимодействия и объединившаяся затем с арабо-мусульманской культурой, имела свои мощные фольклорные и литературно-письменные корни, обеспечившие сохранность духовного потенциала этноса, несмотря на сложность его положения в составе империи с принципиально иными конфессиональными установками.

В этом плане Урал может быть сопоставлен со всей Россией. Еще В. О. Ключевский отмечал, что «великорусское племя» складывалось «в краю, который лежал вне старой, коренной Руси и в XII в. был более инородческим, чем русским краем» [Ключевский, с. 270]. Преобладание пространственно-территориального над иными факторами — социально-экономическим, духовно-религиозным, национальным — обусловило «уникальность формирования русского суперэтноса» по сравнению с другими европейскими нациями и афро-азиатскими этноконфессиональными общностями [см.: Зеленева, с. 18], и оно же, по видимому, создало основу для складывания в России «совершенно новых региональных “миров” (от мистического Беловодья до экзотической маньчжурской “Желто-России” и Русской Америки) и перспективных геополитических проектов» [Азиатская Россия, с. 15].

Таким образом, исторические особенности заселения края обусловили ряд фундаментальных черт культурогенеза Урала и Зауралья с XVI в. по настоящее время. Являясь не просто присоединенными, но по большей части завоеванными землями и по этой причине географически, экономически, а подчас и психологически отчуждаясь от Центра страны, уральские и зауральские владения России по факту сделались преимущественно русскими составными частями империи, в которых литература коренных народов имела большею частью дописменный характер и сформировалась значительно позже, поскольку письменность получила ограниченную сферу бытования или отсутствовала вовсе (становление младописьменных литератур народов Севера произошло только в XX в., литературным языком башкир, которым владело ограниченное число грамотных людей, был общий для ряда близких народов язык тюрки). Русская книжная культура быстро сформировала свои центры («культурный регион» Строгановых, Тобольск, Туруханск и др. [см.: Литературные памятники; Ромодановская, с. 283–291; Соболева]) и, по существу, монополизировала роль поставщика сведений о новообретенных землях как для русского, так и для европейского читателя. Так, восточные владения России уже в XVII в. обнаружили становление литературного регионализма в собственном смысле, т. е. такого явления письменной культуры, которое, совпадая по

¹ Демографическое преобладание русских в Сибири обозначилось уже в начале XVIII в. и позднее только нарастало [см.: Любавский, с. 461].

языковому признаку с книжной традицией Центра, являет собой особую территорию разновидность общенациональной литературы [см.: Панченко; Дергачева-Скоп; Ромодановская], на базе которой в Новое время начали развиваться письменные литературы коми, удмуртов, собственно башкир — литературные памятники каждого конкретного народа.

Расширение ареала русской словесности приводило к формированию двоякой перспективы описания новых географических реалий. Во-первых, появление разнообразных опытов символизации и семиотизации новых участков Русского государства происходило посредством конструирования образа, радикально остраивающего покоряемую территорию с позиции идеологии формирующегося имперского Центра, которому эта территория в военном отношении была противопоставлена. Начиная, по-видимому, с «Казанской истории» (1564—1566) русский читатель мог познакомиться с примерами подобного внешнего воззрения на участки активно формирующейся государственности. Во-вторых, в процессе хозяйственно-административного освоения края, а также и в результате деятельности приезжих культуртрегеров, сначала вынужденно, а затем вполне естественно инкорпорировавшихся в его социальную и культурную жизнь, в региональных центрах зарождались собственно местные литературные сообщества, возникновение которых свидетельствовало об изменениях в структуре литературного процесса: он переставал зависеть исключительно от культурных усилий столицы, обретая самобытные центры развития. Эти локальные культурные силы смотрели на регион, в котором они появились, словно изнутри, предоставляя читателю в своих текстах опыт самоописания территории, т. е. такого ее освещения, которое велось с точки зрения укорененного в ней человека, а не «завоевателя» или «покровителя».

В отечественной критике проблема краевых литератур была сформулирована еще в первой половине XIX в. Характерно, что наиболее показательным примером для рассуждений на эту тему стала письменная традиция Урало-Сибирского региона. Первым заметным прецедентом рефлексии о русской литературе за пределами ее привычной географии явилась книга немецкого критика Г. Кёнига «Литературные картины России» (1837) (русский перевод см.: [Кёниг]). Говоря о перспективах словесности востока страны, автор уподобил ее англоязычным литературам Северной Америки, подразумевая при этом слабую дистанцированность последних от «материнской» литературы Англии: «образующаяся... сибирская литература не будет, разумеется, иметь собственного, отличного характера»; «Она будет иметь такое же положение и такое же отношение к российской литературе, как англо-американская к английской» [Кёниг, с. 220]. Принципиально важно при этом, что работа Г. Кёнига родилась в сотрудничестве с «любомудром» Н. А. Мельгуновым, который, судя по всему, подсказал своему собеседнику некоторые ключевые положения его книги, например то, что «к многообразным элементам русской природы и русской жизни... принадлежат еще провинциальные элементы... русско-немецкий, сибирский и малороссийский» [Там же, с. 119], что язык сибиряков «во многих оборотах отстает от русского. У них есть свои поэты, произведения которых,

обращаясь в рукописях, неизвестны в России» [Кёниг, с. 218]² и т. д. Примечательно, что русская сибирская словесность фигурирует здесь в ряду этнических литератур: «локальное» как экзотика инациональных окраин империи и «локальное» как продолжение русской культуры в новом для нее ареале критиком дифференцируется еще недостаточно четко. Очевидно, что эпизодические вкрапления диалектизмов в тексты областных писателей Сибири к появлению «местного» литературного языка ни в коем случае не привели [см.: Черных, с. 95–97]. Своеобразное положение Урало-Сибирского региона в составе империи как преимущественно русского, но отдаленного от национально-государственного центра делало подобную тенденцию потенциально возможной, однако лишь как некую попытку с исключительно маловероятным результатом. Осмысление самобытности региона пойдет в литературном творчестве по иному пути.

После Г. Кёнига и его высказываний об этнообластных литературных традициях пройдет достаточно много времени, прежде чем критика и филологическая наука вернутся к поставленной проблеме. Середина и вторая половина XIX в. стали временем развития самих этих традиций, которые вновь окажутся в поле зрения историков, краеведов, культурологов уже в начале XX столетия. Русское краеведение этого времени связано с деятельностью трех выдающихся ученых — Н. К. Пиксанова, И. М. Гревса и Н. П. Анциферова.

Вслед за литературой, которая в начале XX в., по словам одного из авторов обобщающего исследования по истории отечественной литературы, заново приходит к изучению многонациональной России («с ее еще неизведанными краями, с ее еще мало познанными социальными слоями населения» [Сливицкая, с. 605]), к культурным реалиям провинции обращаются и гуманитарные науки. Во многом это было связано с произошедшими во второй половине XIX — начале XX в. значительными изменениями в оценках России как государства, имеющего множество отдаленных от центра разнообразных слагаемых своего громадного ареала. По мере начавшейся в 1860-е гг. интенсивной модернизации привычная для имперского контекста антитеза метрополии, с одной стороны, и колониального владения — с другой, меняется на представление об органическом единстве составных частей страны. Имперский «проект» неуклонно эволюционирует в сторону «проекта» национального. Иначе говоря, по оценке современного исследователя, «...после 1863 г. произошло изменение принципов национальной политики: стал осуществляться курс на административную интеграцию национальных окраин в состав империи и языково-культурная унификация в форме русификации» [Зеленева, с. 89]. Перемены во внутриполитическом курсе правительства по-своему отражаются в общественном сознании российской интеллигенции. В 1888 г. Вл. Соловьев в статье «Русская идея» выдвинул тезис о провиденциальной миссии, объединяющей всю нацию на пути ее духовного развития. Это религиозно-философское учение

² В специальной статье о книге Г. Кёнига М. К. Азадовский отметил также влияние, оказываемое на немецкого критика Н. А. Полевым, автором «сибирских» статей журнала «Московский телеграф» [см.: Азадовский, с. 13].

имело разнообразные варианты, предлагавшиеся многими авторами (до и после Соловьева) — от Н. Я. Данилевского с его концепцией культурно-исторических типов (1869—1871), в рамках которой Россия мыслилась как особая цивилизация, и близкого ему В. И. Ламанского с его геополитической доктриной до находившихся на противоположном полюсе социальной полемики теоретиков федерализма (таких, как А. П. Шапов), также настаивавших на единстве национального «тела», но делавших акцент на борьбе областей с Центром. Несмотря на острую взаимную конфликтность, обе «ветви» этой полемики произрастали из сходного понимания того, что развитие страны диктуется не одной только волей монарха. Новое освещение получает и «провинциальный» вопрос, который сначала разрабатывался народниками 1870—1880-х гг., а затем вновь громко зазвучал в начале XX в. Так, из числа интересующих нас авторов новое видение провинции продемонстрировал в 1926 г. И. М. Гревс, последовавший в своем определении «органической» терминологии в духе Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера: «...В самом деле, край, область — это как бы отдельные индивидуальности, подобие живых ячеек... из объединения которых складывается “коллективная личность” страны-нации, и ее душа образуется из постепенного органического сочетания культурных свойств ее частей» [Гревс, с. 491]. Описывающееся ниже становление русской литературной регионалистики было откликом на сумму этих культурно-философских и идеологических трансформаций.

В предложенной Н. К. Пиксановым и близкими к нему учеными перспективе провинция обрела непривычное для нее качество — «культурного гнезда» (Н. К. Пиксанов), «историко-культурного ландшафта» (Н. П. Анциферов), превратившись если не в самостоятельного «игрока» культурной сцены, конкурирующего с Петербургом и Москвой, то по меньшей мере в такую силу, влияние которой игнорировать уже было невозможно. Свой законченный в пределах данной эпохи облик краеведческая концепция в области литературоведения обрела в книге Н. К. Пиксанова «Областные культурные гнезда» (1928) и сопутствовавших ей работах ученого³.

В первой половине XIX в. общепринятым было мнение, согласно которому столиц у русской культуры две — Санкт-Петербург и Москва. Причем как образы самих городов, так и их роли в культурном процессе осмысливались в виде противопоставления, в рамках которого имеющееся у одного из полюсов качество на другом полюсе менялось на противоположное. Эта оппозиция особенно активно обсуждалась в литературе и критике «натуральной школы», неоднократно затрагивалась В. Г. Белинским (например, в статье «Петербург и Москва», открывавшей сборник «Физиология Петербурга», 1846).

Не менее важным для русской культуры было возникшее ранее и приобретшее популярность в эпоху 1830-х гг. рассмотрение России как аморфно-срединного пространства, растянутого между полюсами Запада и Востока, Европы и Азии. Первый «бином» был заброшен в русскую общественную мысль

³ О значении изысканий Н. К. Пиксанова в этой области см.: [Дергачева-Скоп, Алексеев; Соболева, с. 7–16].

П. Я. Чаадаевым («...мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого» [Чаадаев, с. 41]), второй (с принципиально разной расстановкой ценностных акцентов) актуализируется в спорах западников и славянофилов. И если в 1830-е гг. отечественная словесность подходила к освоению экзотических национальных окраин страны, то в 1840-е гг. в литературу на равных правах с «извозчиками», «дворниками» и «шарманщиками» приходят представители региональных общностей: не только лермонтовский «кавказец» (очерк 1841 г.), но и «уральский казак» (одноименный очерк В. И. Даля, 1841), «ярославец» (очерки В. Толбина, 1847; И. Кокорева, 1849), «орловцы», «калужане» и др. («Хорь и Калиныч» из «Записок охотника» И. Тургенева, 1847); не счесть, сколько раз изучаются и с разных сторон осматриваются москвичи и петербуржцы. Однако само по себе значение географического фактора в истории русской словесности и общественно-философской мысли, зафиксированное Н. В. Гоголем («Мысли о географии», «О преподавании всеобщей истории», 1831–1834, и др.), П. Я. Чаадаевым, А. И. Герценом (от художественных произведений 1840-х гг. до работы «О развитии революционных идей в России», 1851–1852, и др.), еще не стало предметом целенаправленной культурно-философской рефлексии. Экзотический мир инациональных имперских окраин воспринимался почти исключительно как объект военного контроля, административного управления и источник поэтического вдохновения, но не идентифицировался как структурный компонент самого механизма культуры.

Поэтому, при всем желании Н. К. Пиксанова провести «топографическую дифференциацию культуры... дальше и глубже — в области» [Пиксанов, с. 18], литературный процесс XIX столетия (особенно до 60-х гг.) дает современному исследователю множество примеров скорее с т а н о в л е н и я областных культурных очагов в рамках традиции Нового времени, «прорастания» тенденции, нежели яркую картину ее расцвета. В указанный период областные интеллигентские сообщества только формировались, делали свои первые шаги. Не случайно господствующая модель взаимодействия столичных центров с долго и непросто складывавшимися провинциальными сообществами видится Н. К. Пиксанову в образе эмиграции их наиболее ярких представителей в один из столичных городов.

Иерархическое положение «культурного гнезда», характеризуемого как «тесное единение», «органическое слияние» местных «культурных явлений» [Там же, с. 60], предстает под пером Н. К. Пиксанова скорее как подчинение столицам, предполагающее в основном исполнение «донорской» функции по отношению к Петербургу и Москве, насыщение столичной словесности этнографическим колоритом провинции. «Все эти областные культурные гнезда... объединены тем признаком, что, издавна накапливая местные культурные средства, они воспитывали исподволь своих питомцев, которые потом перемещаются в столицу» [Там же, с. 30]. Именно на этом основании исследователь предлагает «четко различать три группы русских писателей XIX в.: 1) усадебные, 2) столичные и 3) провинциальные» [Там же, с. 54, 57]. Н. К. Пиксанов отдает себе отчет в небесспорности предложенной классификации. Более того, он же отмечает возможность иного отношения столицы и провинции, как, например,

в жизнедеятельности казанского литературного гнезда начала XIX в., деятели которого, «минуя традиционное посредничество столицы», взаимодействовали с более мощным источником культуры — европейским, а потому и впоследствии они «не разбредались в разные стороны, но оставались в одном гнезде» [Пиксанов, с. 42]. Однако сама по себе логика исследователя весьма показательна: локальные элементы привносятся в общерусскую литературу, отождествляющуюся со столичной, и как непосредственный людской ресурс, и как понимаемые в широком смысле тематические компоненты, черпаемые этой общерусской литературой из местных очагов.

Отметим, что вне зависимости от принципиального значения этой наглядно описанной Н. К. Пиксановым закономерности ее способности быстро и продуктивно концентрировать культурогенный потенциал буквально в одной точке (показательна здесь история Петербурга — тоже своеобразного культурного гнезда), ее длительное господство приводило в других местах к прямо противоположному эффекту — культурному опустошению тех самых провинциальных локальностей, периферийный и вторичный статус которых консервировался на неопределенно долгое время. Н. К. Пиксанов, по-видимому, чувствовал эту черту анализируемого процесса и потому уделил специальное внимание областничеству как альтернативе центростремительного движения выходцев из провинции, покидающих ее навсегда. «Областничество — это уже не фактическая наличность того или другого местного культурного запаса; это — осознанная тенденция, учет живых местных сил, стремление организовать их к дальнейшему развитию и противопоставить нивелирующему центру» [Там же, с. 32]. Весьма важно, что на излете 1920-х гг., накануне «великого перелома» и репрессий в отношении краеведения, ученым была сформулирована возможность качественного видоизменения культурной среды края: от самобытности как таковой («местный колорит») — к развитию культурного сообщества региона на основе локального самосознания (идентичности), приносящего новый смысл в культурный диалог Центра и периферии.

Параллельно в русской регионалистике развивался и другой подход, связанный с именем Н. П. Анциферова и заключающийся в изучении текстов, посвященных конкретной местности (как правило, городу), вся совокупность которых обретала черты единого «городского текста», а сам город представлял как важнейшая обстановка действия, а подчас и как самостоятельный герой целого ряда литературных произведений. По отношению к воззрениям Н. К. Пиксанова на «культурное гнездо» идеи Н. П. Анциферова находятся в ситуации дополнительности: если Н. К. Пиксанова интересовали силы, составляющие местный культурный очаг и либо остающиеся в нем, либо перемещающиеся в столицу, т. е. в центре внимания ученого находился аспект социальный (преимущественно люди и их биографии), то Н. П. Анциферов в первую очередь уделял внимание тексту, а точнее, группировкам текстов, циклизующихся вокруг образа города и формирующих связанный с этим городом метатекст. Способностью организовывать вокруг себя культурное пространство наделяется сама локальность, а происхождение вовлекаемых в ее орбиту людей, которые пишут о ней, оказывается второстепенным обстоятельством.

Так, образ Петербурга, по Н. П. Анциферову, «...живет своей жизнью, как и сам город, независимой от впечатлений отдельных его обитателей. Он имеет свои законы развития, над которыми не властны носители этого образа, его выразители» [Анциферов, 1991, с. 45]. Согласно этой логике, исследуемый локус должен обладать предельной притягательной силой. Таковой в начале XX в. располагал Санкт-Петербург, город и прежде интенсивно мифологизировавшийся, но в начале века сделавшийся символом того двухсотлетнего исторического периода, который, как считали писатели и поэты Серебряного века, подходил к своему эсхатологическому финалу. Петербург превратился в ключевой историко-культурный ландшафт эпохи сначала под пером художников (А. Пушкин, Н. Гоголь, Ф. Достоевский, Д. Мережковский, А. Блок, А. Белый, А. Ахматова и мн. др.), а затем — как главный герой русского имперского мифа — город стал предметом внимания историков культуры. По Н. П. Анциферову, «общение с местом становится путем приобщения к великому событию. “Здесь это было” — и оживает прошлое. Такова возрождающая сила историко-топографического чувства» [Анциферов, 1928, с. 323].

Предложенный Н. П. Анциферовым новаторский опыт исследования семантики «городского текста» оказался прологом к широко развернувшемуся в России 1980-х гг. исследованиям семиотики как Петербурга (классическими здесь стали труды В. Н. Топорова и Ю. М. Лотмана [см.: Топоров; Лотман, т. 2, с. 9—21]), так и иных пространств и локусов, в том числе иностранных, создававших, однако, в произведениях русской литературы свои символические «территории» [см., например: Меднис; Константинова; Прохорова; Италия в русской литературе; Образы Италии...].

В свою очередь, программа изучения «культурных гнезд», восходящая к построениям Н. К. Пиксанова, оказалась востребованной авторами пионерского для своего времени научного проекта, осуществленного после десятилетий замалчивания региональной культурной проблематики, — академического двухтомника «Очерки русской литературы Сибири» (1982), подготовленного коллективом новосибирских филологов. Издание венчало собой почти двадцатилетнюю традицию частных исследований сибирской литературы начиная с момента ее зарождения в первой половине XVII в., а кроме того, сопровождалось масштабной эдиционной деятельностью (сер. «Литературные памятники Сибири», 1969—1990), в рамках которой были впервые напечатаны, а также возвращены из забвения многие малоизвестные литературные тексты и писательские имена. В духе времени основу методологии издания составила варьировавшая положения Н. К. Пиксанова и высказанная в 1930-е гг. М. К. Азадовским идея связи писателя с местной культурной средой как главного фактора идентификации его в качестве регионального автора. «На наш взгляд, — писали составители двухтомника в его вводной части, — литература области или края — это часть общенациональной литературы, представленная художниками, которые тесно связаны с общественной жизнью данной области и участвуют в местном литературном движении. <...> ...В основу данного исследования положен территориальный признак, и рассматривается в нем главным образом то, что происходило в самой Сибири» [Очерки русской

литературы Сибири, т. 1, с. 11]. Проблема текстуализации ландшафта в разных перспективах и с разных точек зрения (в том числе и с внерегиональной) внимание авторов двухтомника не привлекла.

Уральский регион наряду с Петербургом, к которому в начале XX в. было приковано всеобщее внимание, является одним из важнейших историко-культурных ландшафтов России. Отталкиваясь от представления об Урале как об историко-культурном ландшафте, следует учитывать разнообразное семантическое поле, сложившееся в гуманитарных науках вокруг этого понятия за последние годы⁴. По словам историка, «любой культурный ландшафт проходит определенные стадии развития, а следовательно, историчен» [Манькова, с. 83]. Он является исторически сложившимся комплексным и многослойным образованием, включая в себя «пейзажные (материальные, физические) и нематериальные (духовные, информационные) компоненты. Целостный культурный ландшафт — это не просто “картинка”, это целый текст... прочтение которого является сложным и неочевидным процессом. При этом нематериальная часть культурного ландшафта — это не просто “плоский” текст, набор фраз, но и целая гамма свойств, отношений, восприятий и т. д. Поэтому важнейшей задачей исследователя становится интерпретация культурного ландшафта» [Туровский, с. 130]. Воссоздавая историю того или иного литературного памятника и осуществляя его интерпретацию с точки зрения сегодняшнего дня (что неизбежно для исследователя), мы входим в неповторимый контекст того места, где вырос этот памятник, соприкасаемся с «гением места». Понимание Урала как целостного, хотя внутренне неоднородного историко-культурного ландшафта, позволяет представить его морфологию не только как сочетание продуктов материальной и духовной культуры, имея в виду под первыми рукотворные элементы (книги, журналы, летописи, библиотеки), но и как совокупность «предметностей» иного порядка (культурные гнезда, очаги, центры и регионы), из которых, собственно, и складывается «ментальная карта» региона. Ландшафт раскрывается по мере постижения его культурно-исторических, духовно-информационных свойств и ресурсов, и в этом плане исследование и познание литературной истории Урала предстает как одновременное развитие и рост, творческое обогащение культурного ландшафта края.

Само по себе выделение Урала в качестве весомого слагаемого национального геокультурного пространства не является исследовательской прихотью и

⁴ Понятие культурного ландшафта сегодня активно разрабатывается не только в культурной географии (см. работы сотрудников Института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, в частности Д. Н. Замятина), но и в смежных с нею областях — культурологии, литературоведении, истории. «Классическими» на сей день признаются определения культурного ландшафта, принадлежащие Ю. Веденину [Веденин], В. Каганскому [Каганский, Родоман], В. Калуцкову и др. [Калуцков, Иванова и др.; Калуцков, 2008] (обзор западных концепций ландшафтоведения см.: [Главацкая]). В целом, культурный ландшафт сегодня выступает не только как объект исследований (определенная территория, наделенная рядом структурно организованных признаков), но и как комплексный подход или метод междисциплинарного исследования некоего «места», понимаемого в его целостности и способности генерировать культурно-исторические и феноменологические смыслы.

может быть без особого труда объяснено. Нетрудно заметить, что ряд территориальных миров, входящих в географический контур России, располагают в отечественной культурной традиции чрезвычайно емким знаковым потенциалом: частотность их описаний, эстетический уровень и драматизм связанных с ними текстов, масштаб писателей, обращавших к ним свой взор, несравненно значительнее, чем в случае с большинством прочих территорий страны. И дело не в том, сколько (и каких) писателей здесь родилось, проживало, какой именно классик проезжал через регион и обессмертил его имя в своем сочинении. Дело в другом: акценты на тех или иных участках национального геокультурного ареала подчинены определенной закономерности. Как правило, неординарной семантической насыщенностью характеризуются территории, связанные с концептом *п е р и ф е р и и*, или, говоря более традиционно, окраинные территории империи, к тому же довольно часто находившиеся вблизи от границы. Отметим здесь уже упомянутый Петербург, а также Крым, Кавказ, Сибирь, Урал. Представляя собой примеры не просто периферии, но *з а в о е в а н н о й* периферии, эти новообретенные земли при переходе под державу русского царя тем более нуждались в идеологическом переосмыслении и символическом «переименовании» (вплоть до переименования самой местности и ее конкретных локусов). В свою очередь, значимость «московского текста» определяется соотносительностью Москвы с прямо противоположной структурной позицией *Ц е н т р а*. Пространство, расположенное между периферией и Центром, воспринимается как давно освоенное, а потому концентрирует в себе значительно меньший семантический ресурс и в семиотическом плане неизбежно *п р о в и н ц и а л и з и р у е т с я*, учитывая разнообразный семантический потенциал, накопленный концептом «провинция» за последние два века, когда от обозначения административной единицы слово «дрейфует» ко вполне определенному культурному контексту и к концу XIX в. обретает два основных «неразрывно связанных друг с другом смысла — убогого никчемного захолустья и потерянного рая» [Зайонц, с. 323].

Провинции, «понятию для русской культуры неоднозначному и даже болезненному» [Геопанорама русской культуры, с. 10], посвящено немало сборников и соответственно научных встреч, состоявшихся на протяжении 1990-х — начала 2000-х гг. В высказываниях ряда современных авторов акцентируется позитивная для русской культуры роль этого «нравственно-культурного» феномена, нередко тематизирующая почвеннические воззрения самого исследователя: «...Провинциальная культура — в каких бы территориальных пределах ее ни выделять и сколь бы высокой или примитивной с точки зрения стороннего исследователя она ни казалась — есть творческое выражение исторически сложившихся духовных, материальных и общественных потребностей там живущего народа, и именно эти почвенные интересы придают областной культуре тот оригинальный облик, что отличает ее от культуры столичной, находящейся под постоянным инновационным воздействием Запада» [Серебрянников, с. 36].

Не только собственно географическая — рубежная — локальность, но и особый знаковый статус Урала и вообще «уральского» в русской литературе [см. по этому поводу: Абашев; Анисимов] не позволяют отнести его к российской

провинции. Однако приходится признать и чрезвычайную сложность, историческую изменчивость границ региона — как собственно топографических, так и смысловых, ибо далеко не сразу регион обрел современный контур на ментальной карте русского человека и далеко не сразу получил свое, ныне привычное, название. В отличие от Москвы и Петербурга, имеющих точные географические координаты, или Крыма, очертания которого заданы морями, и Кавказа, чей образ неразрывно связан со стабильными референтами в виде Кавказского хребта и уникального образа жизни местных народов, Урал издавна был пространством необычайно «эластичным» и диффузным. Парадокс заключается в том, что в русской политико-административной традиции он сравнительно поздно (во второй половине XVIII — начале XIX в.) был оформлен как единое пространство совместно с Прикамьем и, таким образом, административно отделен от Сибири. Вместе с тем первые репрезентации Уральского хребта (Камня, Каменного пояса) в текстах как русского, так и европейского происхождения являются гораздо более ранними, чем репрезентации самой Сибири, название которой в русских источниках начинает звучать только с XV столетия [см.: Лимонов, с. 115–116]. Данное положение вещей обусловлено тем огромным значением, которое издревле приписывалось европейскими наблюдателями далеким горам на северо-востоке. Навсегда зафиксировавшись сначала в европейском, а затем и в русском сознании как восточная граница Европы и одновременно как «шов», соединяющий ее с Азией, Урал в семантическом отношении оказался равно открыт обеим (и северо-азиатской и европейской) перспективам с соответствующим разнообразием возможных истолкований: и как последнего бастиона Европы, и как начала «другого» (неевропейского) мира — настоящий «фронт»⁵, если воспользоваться термином американского ученого Ф. Тернера.

Литература на это давнее предназначение Урала реагировала чутко и пронищательно, вписывая образ территории в мифологический сюжет о переходе героя в «иной», сказочный, ирреальный мир, хотя и в этой своей сюжетной роли «уральский текст» русской литературы граничил с «сибирским», как бы «открывая» его. Как отметил сначала Ю. М. Лотман, а затем более детально продемонстрировал В. И. Тюпа, в классических романах XIX в. (типа «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского или «Воскресения» Л. Н. Толстого) пребывание в Сибири обещает герою наряду с телесными страданиями (в центре внимания писателей обычно находится каторжник, ссыльный, переселенец) еще и духовное перерождение [см.: Тюпа; Лотман, т. 3, с. 98–103]. Таким образом, можно сказать, что символично-идеологическая интерпретация Уральского горного хребта дает жизнь сибирскому, а затем и собственно уральскому тематическим субстратам русской словесности⁵.

В широком смысле Уральский регион включает в себя целый ряд прилегающих к горному хребту территорий, чья историческая судьба оказалась тесно

⁵ Кроме упомянутых, см. по этому поводу исследования: [Сибирский текст в русской культуре, 2002; 2007; Созина; Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве].

связанной с движением русской государственности, русской культуры на восток, а интеллигентские сообщества которых формировали в своих текстах единую «смысловую доминанту», которая «в случае локального текста» является собой «сгущенность передачи местной атмосферы» [Башмакофф, с. 581]. Это единство «местной атмосферы», художественная манифестация самосознания края реконструируются в процессе анализа ключевых литературных памятников и связанных с данным регионом литературных традиций, что составляет центральную задачу проекта по воссозданию академической истории литературы Урала⁶.

Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2008.

Азадовский М. К. Сибирская литература. К истории постановки вопроса // Сибир. лит.-краевед. сб. Иркутск, 1928.

Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике, XVI—XX века / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков, И. В. Побережников. М., 2004.

Анисимов К. В. Урал глазами путешественников: мифопоэтика, идеология, этнография // Лит. процесс на Урале в контексте ист.-культур. взаимодействий, конец XIV—XVIII в. / отв. ред. Е. К. Созина. Екатеринбург, 2006. С. 21—51.

Анциферов Н. П. Краеведный путь в исторической науке : (историко-культурные ландшафты) // Краеведение. 1928. Т. 5, № 6. С. 321—338.

Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга. М., 1991.

Башмакофф Н. Локальный текст, голос памяти и поэтика пространства // История и повествование / под ред. Г. В. Обатнина и П. Песонена. М., 2006. С. 576—591.

Веденин Ю. А. Искусство как один из факторов формирования культурного ландшафта // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1988. № 1. С. 17—24.

Геопанорама русской культуры : провинция и ее локальные тексты / отв. ред. Л. О. Зайонц ; сост. В. В. Абашев, А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. М., 2004.

Главацкая Е. М. Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реконструкции, методы исследования // Урал. ист. вестн. 2008. № 4(21). С. 76—82.

Гревс И. История в краеведении // Краеведение. 1926. Т.2, № 4. С. 487—508.

Дергачева-Скоп Е. И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965.

Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. Концепт «культурное гнездо» и региональные аспекты изучения духовной культуры Сибири // Культурное наследие Азиатской России : материалы I Сибиро-Урал. ист. конгресса (25—27 ноября 1997 г.). Тобольск, 1997. С. 3—8.

Зайонц Л. О. История слова и понятия «провинция» в русской культуре // Russian Literature. North Holland. 2003. 53. С. 307—330.

Зеленева И. В. Геополитика и геостратегия России, XVIII — первая половина XIX в. СПб., 2005.

Италия в русской литературе : сб. ст. / под ред. Н. Е. Меднис. Новосибирск, 2007.

Каганский В. Л., Родоман Б. Б. Культура в ландшафте и ландшафт в культуре // Наука о культуре: итоги и перспективы : (информ.-аналит. сб.). Вып. 3. М., 1995. С. 2—4.

⁶ В настоящее время проект, развиваемый на базе Института истории и археологии УрО РАН силами ученых региона (в первую очередь Уральского госуниверситета), находится в стадии реализации.

- Культурный ландшафт Русского Севера : Пинежье, Поморье / В. Н. Калуцков, А. А. Иванова, Ю. А. Давыдова и др. М., 1998.*
- Калуцков В. Н. Ландшафт в культурной географии. М., 2008.*
- Кёниг Г. Очерки русской литературы. СПб., 1862*
- Ключевский В. О. Курс лекций по русской истории. Лекция 17 // Ключевский В. О. Русская история : полный курс лекций : в 3 кн. Кн. 1. Ростов н/Д., 1998.*
- Константинова С. Л. «Итальянский текст» русской литературы XIX–XX вв. Псков, 2005.*
- Лимонов Ю. А. Первое упоминание о Сибири в русских источниках // Изв. СО АН СССР. 1967. № 1. Сер. обществ. наук. Вып. 1.*
- Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. Новосибирск, 2001.*
- Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Таллин, 1992–1993.*
- Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.*
- Манькова И. Л. Формирование православного ландшафта Зауралья в XVII в. // Урал. ист. вестн. 2008. № 4(21). С. 83–97.*
- Меднис Н. Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск, 1999.*
- Образы Италии в русской словесности XVIII–XX вв. : сб. ст. / под ред. О. Б. Лебедевой, Н. Е. Меднис. Томск, 2009.*
- Очерки русской литературы Сибири : в 2 т. Новосибирск, 1982.*
- Панченко А. М. Литература «переходного века» // История рус. лит. Т. 1. Л., 1980. С. 291–407.*
- Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда : ист.-краевед. семинар. М. ; Л., 1928.*
- Прохорова Л. С. Лондонский городской текст русской литературы первой трети XIX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.*
- Ромодановская Е. К. Избранные труды : Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002.*
- Серебрянников Н. В. Опыт формирования областнической литературы. Томск, 2004.*
- Сибирский текст в русской культуре. Томск, 2002.*
- Сибирский текст в русской культуре. Вып. 2. Томск, 2007.*
- Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве / отв. ред. К. В. Анисимов. Красноярск, 2010.*
- Сливицкая О. В. Реалистическая проза 1910-х гг. // История рус. лит. : в 4 т. Т. 4 / под ред. К. Д. Муратовой. Л., 1983.*
- Соболева Л. С. Рукописная литература Урала: наследование традиций и обретение самобытности. Очерки 1, 2. Екатеринбург, 2005.*
- Созина Е. К. Уральский текст в литературе региона 1800–1820-х гг. // Литература Урала: история и современность : сб. ст. Вып. 4 : Локальные тексты и типы региональных нарративов. Екатеринбург, 2008. С. 53–69.*
- Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» : введение в тему) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического : избранное. М., 1995. С. 259–367.*
- Туровский Р. Ф. Структурный, ландшафтный и динамический подходы в культурной географии // Гуманитарная география : науч. и культур.-просвет. альм. Вып. 1. М., 2004. С. 120–137.*
- Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибир. филол. журн. 2002. № 1. С. 27–35.*
- Чаадаев П. Я. Философические письма // Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М., 1989.*
- Черных П. Русский язык в Сибири. Иркутск, 1937.*

Статья поступила в редакцию 15.09.2010 г.

УДК 7.036(470.5) + 159.923

Е. П. Алексеев**ЛИДЕР В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ УРАЛА 1900–1930-х гг.**

Описывается процесс влияния творческой личности, взявшей на себя функции лидера, на развитие изобразительного искусства края в первой трети XX в. Сравниваются типы традиционного лидера, стремящегося сохранять основы профессионального мастерства, и харизматического лидера, разрушающего привычные нормы и правила. Рассматриваются наиболее яркие мастера, их взаимоотношения с коллегами, зрителями и властными структурами.

Ключевые слова: художественная жизнь Урала, изобразительное искусство, традиционный лидер, харизматический лидер, формальный лидер.

Школы и традиции могут создавать умелых художников, но они не порождают художников, отмеченных печатью гения. Только одна природа обладает этим преимуществом, но секрета своего она нам, к сожалению, не открывает. И, не обращая внимания ни на правила, ни на предписания, она нет-нет да рождает неких избранников, которые потом становятся гордостью и славой своей эпохи.

Амори Дюваль

Как идет процесс развития искусства, как происходит его ускорение или замедление, как меняются ориентиры, направления поисков, система художественных приемов и насколько яркие личности влияют на эти изменения, сказать не просто, хотя вряд ли кто-либо будет отрицать, что именно на деятельности неординарных, талантливых мастеров сосредоточено основное внимание исследователей и любителей изобразительного творчества. Не вызовет особых возражений и утверждение, что развитие искусства Урала первой трети XX в. было определено наличием одаренных художников, разноплановых как в вопросах профессиональной подготовки, так и в понимании задач искусства. Не объединенные рамками единой творческой концепции, деятели искусства уральской провинции либо самостоятельно, на ощупь, либо под влиянием Центра стремились определиться в изменчивых социальных и культурных условиях. При этом их роль в жизни края возрастала, как и сам статус художника в обществе. В эти годы как никогда остро встала проблема лидера, всегда необходимого в условиях существования провинциального искусства, причем лидера, тонко понимавшего происходящее и могущего направить творческую деятельность своих последователей в новое созидательное русло.

Макс Вебер, чьи труды в значительной мере определили направление развития социально-научного знания в XX в., выделял три типа легитимной власти: 1) рациональный, основанный на вере в законность существующего порядка; 2) традиционный, основанный на вере в святость традиций; 3) харизматический,

основанный на вере в сверхъестественную святость и необычное достоинство властителя¹.

В XVIII–XIX вв. на Урале, где значительную роль в художественной жизни края играло декоративно-прикладное искусство, лидером выступал художник — мастер, чей профессионализм и компетенция были общепризнанными, а в учениках и подмастерьях поддерживалась вера в законность и священность издревле существующих порядков. Патриархальные взгляды на творчество проявлялись в отношении учеников к мастеру, которого часто воспринимали как отца, чьи установки беспрекословно исполнялись. Подобный цеховой принцип определял художественную жизнь уральской провинции и в начале XX в., когда ведущее положение в ней стали занимать выпускники столичных художественных учебных заведений, строивших свои отношения с учениками на устоявшейся базе академического образования. Традиционными лидерами в этом смысле были А. С. Шанин, Н. М. Плюснин, М. Ф. Каменский, В. П. Рупини, Н. А. Вьюнов, В. В. Алмазов, А. А. Арнольдов, В. Ф. Ульянов. Разные по своим педагогическим талантам и творческим предпочтениям, все они были едины в решении общей задачи — развитии уральского «высокого искусства» в рамках русской культуры, со своими самобытными чертами, обусловленными влиянием «промышленного искусства». Для этого, по их мнению, необходима была сеть художественно-промышленных учебных заведений, обучение в которых должно было проходить по единой, определенной Центром программе.

Преподавательская деятельность большинства уральских художников вводила их в среду провинциальных чиновников, для которой была свойственна своя манера поведения и своя этика². Если по отношению к учащимся возможен был определенный демократизм, то отношения между художниками часто определялись по принципу чиновничьей иерархии. Статус художника влиял и на отношение к нему заказчиков. Все это ограничивало творческую деятельность мастеров провинции, заставляя их работать в строго определенных рамках. Художники должны были прислушиваться к мнению товарищей по искусству, как и к мнению местных общественных деятелей и непосредственного начальства.

¹ «В принципе имеется три вида внутренних оправданий, то есть оснований легитимности... Во-первых, это авторитет “вечно вчерашнего”: авторитет нравов, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение, — “традиционное” господство, как его осуществляли патриарх и патримониальный князь старого типа. Далее, авторитет внеобыденного личного дара (харизма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя... Наконец, господство в силу “легальности”, в силу веры в обязательность легального установления и деловой “компетентности”, обоснованной рационально созданными правилами, то есть ориентации на подчинение при выполнении установленных правил...» [Вебер, с. 646–647].

² Именно как нарушение последней была воспринята картина И. П. Чиркова «Именины у директора», демонстрировавшаяся на выставке в Перми (1911). Профессиональный живописец, ученик И. Е. Репина, Чирков, как и большинство уральских художников этого времени, был вынужден преподавать рисование в гимназии и, таким образом, в понимании обывателей, являлся чиновником. Нарушение корпоративной этики, неписаных правил чиновничьего мира усмотрели в его полотне, на котором он изобразил своих коллег по гимназии во время праздничного застолья. По распоряжению властей И. П. Чирков был сослан на Невьянский завод.

Личностью иного плана был А. К. Денисов-Уральский. Он не получил законченного художественного образования и в профессиональном мастерстве не был первым, но его цельная, увлеченная, открытая натура, яркая внешность, патриотизм привлекли к нему внимание общественности. Журналист В. А. Весновский так рассказывал о художнике: «В то время Кузьмич был в полном расцвете сил и таланта. Высокого роста, статного телосложения, всегда со вкусом одетый, с черной окладистой бородой и густой шевелюрой вьющихся волос на голове... Веселый, жизнерадостный, вечно с какими-нибудь художественными планами, внимательно-любезный в разговорах, предупредительно-вежливый в общении...» [цит. по: Будрина, с. 116]. Столичная пресса писала: «Господин Денисов в данном случае более чем художник. Уроженец Урала, сам работавший на приисках, знающий и ценящий каждый уголок Урала на поверхности земли и под нею, он, скорее, похож на влюбленного в этот край энтузиаста-пропагандиста, за каждым словом, картиной которого слышится: “Идите сюда, братья, любуйтесь и работайте”» [цит. по: Семенова, с. 94]. Камнерез, ювелир, живописец, публицист, путешественник, краевед, успешный предприниматель и коллекционер, Денисов-Уральский взял на себя не совсем свойственную уральским художникам роль пропагандиста Каменного Пояса и добился в этом качестве определенного успеха. Его инициативы по устройству на Урале художественных и минералогических выставок получают одобрение и внимание широких слоев населения и делают его центральной фигурой уральской художественной жизни начала XX в.

Процессы, определявшие появление качественно новых лидеров в уральском искусстве, как и в искусстве всей страны, шли параллельно с изменением роли отдельной личности в политике и культуре. Вместе с меняющимися типами легитимной власти приходят харизматические лидеры. На Урале их появление и деятельность вместе с чертами, характерными для всего государства, имели региональные особенности. Революционные потрясения привели в движение массы людей. В эти и последующие годы гражданской войны и разрухи на Урале происходит значительная смена населения. Именно приезжие художники оказались способными объединять вокруг себя местные художественные силы. Традиционный лидер стремился опираться на общепринятые основы, каноны и правила. Харизматический лидер, напротив, опирался на нечто экстраординарное, необычное, никогда ранее не признававшееся. Авторитет харизматического лидера базируется на силе его дара, его ученики и поклонники верят в его уникальность и следуют его указаниям. Но харизматический лидер должен постоянно демонстрировать и развивать свой дар, доказывая его состоятельность³.

Доказывать силу своего дарования умел и любил «отец русского футуризма» Давид Давидович Бурлюк. «...Гениальный организатор... Человек в ободранных брюках, одноглазый, остроумный и с лорнетом», — напишет о нем

³ «К харизматическим качествам Вебер относит магические способности, пророческий дар, выдающуюся силу духа и слова. Харизмой, по Веберу, обладают герои, великие полководцы, гениальные художники, выдающиеся политики» [Гайденко, Давыдов, с. 86].

Виктор Шкловский. Его точный словесный портрет оставил Николай Евреинов: «...Тяжеловесный, плечистый, слегка сгорбленный, с выражением лица отнюдь не чарующим, немножко неуклюжий, хотя и не без приязни к грациозничанью, “легкости”, дендизму (его знаменитый лорнет, сюртук, кудлатые после завивки волосы и пр.), его степенный характер, далекий от безыдейного вольничанья, деловитость, чисто русская прямота в связи с чисто французской (наносной) заковыристостью, его грубость, так странно вяжущаяся с его эстетизмом...» [Евреинов, с. 167–168].

В 1915 г. Бурлюк с семьей поселился на станции Иглино Самаро-Златоустовской железной дороги, недалеко от Уфы. Три года Бурлюк жил в Башкирии, время от времени выезжая в обе столицы для участия в различных выставках и футуристических диспутах. Незадолго до приезда именитого футуриста уфимские художники организовали художественный кружок, в деятельности которого Давид Давидович принял самое живое участие. Летом 1918 г. Бурлюк оказался на территории, занятой антибольшевистскими силами. Имея хороший опыт гастрольных поездок по дореволюционной России, он решил начать гастрольное турне с лекциями о поэзии и живописи футуристов по Уралу и Сибири, полагая, что это единственная возможность заработать художественным творчеством и при этом укрепить свое положение лидера русского художественного авангарда. В отличие от предыдущих гастролей мирного времени, «большое сибирское турне», как называл Бурлюк свое путешествие от Златоуста до Владивостока, потребовало учитывать реалии гражданской войны. Трудности с транспортом и с помещениями для выставок, нехватка продуктов и художественных материалов, разнородность и психологическая напряженность зрителей — вот неполный перечень тех проблем, с которыми постоянно сталкивался Бурлюк. Его организаторский талант, опыт лектора и художественное чутье заставляли действовать в соответствии с реальными условиями, настраиваться на конкретную аудиторию и импровизировать. В процессе гастролей менялись названия лекций: «Реализм и футуризм в искусстве» (Златоуст), «Футуризм — единственное искусство современности» (Уфа), «Грандиозарь» (Курган), «Экстраординарная лекция-вечер Грандиозарь» (Омск). Параллельно с лекциями устраивались художественные выставки. Первоначально это были небольшие экспозиции, на которых художник демонстрировал 15–20 своих картин. Выполненные в разных направлениях и техниках, они словно иллюстрировали его теоретические положения. В дальнейшем количество работ увеличилось, Бурлюк активно пишет новые произведения и привлекает к участию в своих выставках местных художников, часто далеких от футуризма. Бесшабашную удаль, энергию и остроумие маэстро отмечали все писавшие о его лекциях-концертах: «Бурлюк встает, вскидывает лорнет, медленно обводит глазами собравшихся, как опытный актер, и выпаливает рычащим голосом:

Я попробую вбить в вашу мягкую душу из глины и мусора — гвоздь! И на этот гвоздь я повешу прекрасную картину нового искусства. <...> Теперь не времена Рафаэля, когда кисточка любовно выводила какой-нибудь хвостик. Эти времена

прошли безвозвратно. <...> Мы пришли, мы творцы новой жизни и прямо из ведра плещем краски бодрости и жизни в вашу большую расплывчатую душу [цит. по: Курсанов, с. 364–365].

Собственно, агитируя за футуризм, Бурлюк не ставил перед собой цель обратиться в новую веру всех присутствующих, прекрасно понимая элитарность нового художественного явления. Он искал и находил талантливую молодежь, поддерживал их творческие порывы (в более широких, чем футуризм, рамках) и на собственном примере учил общению со зрителем — этой сложной науке привлечения интереса общества к художнику и его произведению. Удивительно, но в условиях гражданской войны популярность его выступлений и выставок была столь значительна, что он не только мог содержать себя и свою семью, но и обеспечивал сносное существование еще целому ряду поэтов и художников.

Подобным лидером на короткое время в Екатеринбурге становится Степан Дмитриевич Эрзья (настоящая фамилия Нефедов). Скульптор, имевший европейскую известность, он возглавил в 1919–1920 гг. деятельность местных художников по выполнению в городе плана монументальной пропаганды и устроил ряд выставок своих произведений. Колоритная фигура Эрзьи, его необычные для Урала работы и планы (проект грандиозной скульптуры из скалы, идея создания Академии скульптуры в Екатеринбурге) вызвали к нему повышенный интерес как городских властей, так и общественности. «В нем все было необыкновенно. Лицо — тонкий лик русского святого с большими, порой озорными голубыми глазами, сиявшими добротой и мудрой одухотворенностью, и крепкая фигура крестьянина, привычного к тяжелому труду. <...> Характер у Эрзьи был сложный. Он знал себе цену и был очень самолюбив и обидчив. Эрзья никогда не кривил душой, всегда говорил то, что думал, ему чужда была всякая дипломатия. Он не выносил бюрократической канители при разрешении деловых вопросов, часто на нее бурно реагировал, это ему очень вредило и порой ставило в трудное положение» [Сутеев, с. 144]. Возможно, именно поэтому довольно скоро деятельность мастера стала вызывать раздражение и неприязнь партийных чиновников, его скульптуры казались обывателю чуждыми, его педагогический принцип «Смотри, как я работаю, и делай все, что захочешь» не был понятен его ученикам. Эрзья не смог создать вокруг себя группу единомышленников и вынужден был покинуть край. Это произошло еще и под давлением личностей, претендовавших на собственное лидерство в художественной жизни города. Прибывшие из Москвы уполномоченные по организации Свободных художественных мастерских в Екатеринбурге А. Ф. Боева и П. Е. Соколов начали проводить жесткую политику в отношении всех инакомыслящих; в отличие от Д. Бурлюка, они стремились не убеждать своих противников, а устранять их из художественного процесса. Свердловский живописец Н. С. Сазонов впоследствии вспоминал: «Но подлинное бедствие обрушилось на художников с приездом в Екатеринбург художника П. Е. Соколова и его супруги А. Ф. Боевой, получившей назначение на пост директора художественной школы. Эта энергичная парочка представляла в нашем городе идеи Пролеткульта... В первую очередь в художественной

школе были истреблены учебные пособия: античные бюсты, гипсовые орнаменты, маски. Гипсы выбрасывали из окон, по лестницам волокли, отбивая головы, руки и ноги, статуи... Развешанные в классах картины выдирали из рам, резали на куски и на оборотной стороне холста писали кубики, треугольники и прочую футуристическую чепуху... Грустно, но факт: молодежи импонировала пролеткультовская архаичная демагогия, подслащенная грубой лезтью. Соколов и Боева не стеснялись внушать ученикам, что они талантливы и гении по сравнению с художниками-реалистами» [Сазонов, с. 61–62]. Поклонники левых направлений в искусстве стремились стать центральными фигурами в художественной жизни города путем развенчания авторитета педагогов традиционных направлений. Они предлагали ученикам самим стремиться к лидерству, поощряя их инициативу и самостоятельность. Определенное время это было воспринято многими с энтузиазмом, однако вскоре выяснилось что, разрушив старую систему педагогических отношений, новоявленные лидеры не смогли создать иную, адекватную по продуктивности. Агрессивность уполномоченных из центра привела к консолидации их противников, в результате чего А. Ф. Боева и П. Е. Соколов были вынуждены вернуться в столицу. Они не смогли обрести основу на уральской почве, их утверждению помешало полное пренебрежение к художественным традициям края, оттолкнувшее от них большинство уральских художников.

Подлинным вождем художественной жизни в этот период мог стать человек, имевший до революции репутацию традиционного лидера, но обладавший и чертами харизматического, которые проявились в период смуты. Для Екатеринбурга таким художником первоначально был А. Н. Парамонов. С. П. Ярков, отмечая его роль в развитии художественной школы Урала, писал: «Природные дарования, солидный запас знаний и постоянная упорная работа сделали Парамонова разносторонним художником... Он олицетворял собой нового художника, сложившегося в конце прошлого столетия, когда понятие “художник” расширялось и вбирало в себя как станковые и монументальные формы искусства, так и декоративно-прикладные. Парамонов, воспитанный на примерах народного искусства, искренне любил и понимал его...» [Ярков, с. 93–94]. Именно Парамонов в июне 1919 г. был избран директором Екатеринбургских свободных художественных мастерских, а в 1925 г. стал первым председателем Свердловского филиала АХРР.

Другим мастером, пользовавшимся еще до революции любовью и уважением екатеринбургских деятелей искусства, был Леонард Викторович Туржанский. Безошибочное чувство цветовых отношений, широкая и смелая живописная манера Леонарда Викторовича сделали его известным в российских столицах. Екатеринбургец по рождению и по духу, Туржанский меняет казалось бы неизменное представление о художественном образе горной столицы Урала. Его полотнам не свойственны графическая сухость, декоративная театральность или романтическая экзотика. Он в стороне от бойких проспектов, сутолоки и делового шума городского центра; окраины — вот что, по его мнению, выражает суть человеческой жизни. Вязкая екатеринбургская грязь, буйные растрепанные сорняки, вековая пыль, выросшие среди грязи, сорняков

и пыли строения да плотное уральское небо — все значительно и мощно, все активно впитывает солнечный свет и воздух, во всем чувствуется спокойный и мудрый человеческий взгляд. В доме-мастерской Туржанского в Малом Истоке учились И. Слюсарев, Н. Сазонов, А. Минеев, О. Бернгард и многие другие художники. Дочь художника, И. Л. Туржанская, в своих воспоминаниях сообщала: «Туржанский не являлся педагогом в прямом смысле этого слова, он был мастером живописи со своим ярко выраженным языком. Ему было трудно разъяснять ученикам азы искусства. Тех, кому тяжело давались занятия живописью, он учил по-своему. Туржанский брал кисти и на работе ученика выявлял характер портретируемого, прописывал большие цветковые отношения, “вырубал форму”. После этого ученику независимо от способностей было легче продолжать работу... Своим ученикам он все время твердил: “Не теряйте цветовой тон, тоньше ищите цвет, гармоничнее берите цветковые отношения”... Писать он любил пастозно. Даже маленькие этюды им написаны мастихином, но это не мешало ему, наряду с широкой плотной живописью, тщательно прописывать отдельные места колонковой кистью» [Л. В. Туржанский..., с. 57–58]. Творчество Л. В. Туржанского основывалось на традициях русского лирического пейзажа конца XIX — начала XX в., но обладало и самобытными чертами. Эти черты и особенности, которые художник отстаивал в спорах и дискуссиях, стремились перенять его ученики.

Но А. Н. Парамонов и Л. В. Туржанский были неофициальными лидерами екатеринбургской (свердловской) художественной среды. Поглощенные собственным творчеством, они не стремились распространять свое влияние за круг близких учеников и последователей. Не пытались они и каким-либо образом влиять на политику местных властей в отношении к искусству.

Уральские художники остро нуждались в лидере, признанном властью, который мог бы отстаивать их интересы перед партийной администрацией. Подобный человек необязательно должен был быть художником, но обязан был понимать особенности развития уральского искусства. Таким лидером в начале 1920-х гг. мог стать В. М. Б ы к о в — старый большевик, журналист, заведующий партийным архивом и одновременно заместитель председателя правления УОЛЕ. Он становится директором Уральского художественного техникума и стремится на его базе консолидировать художественные силы города.

Иначе решалась проблема с художественным лидером в Перми. Практически сразу после восстановления советской власти летом 1919 г. им становится П е т р И в а н о в и ч С у б б о т и н - П е р м я к. Уполномоченный из центра и местный уроженец, в своей деятельности он гармонично соединял столичное стремление к новому искусству и традиции уральского народного творчества. Его разносторонняя, всеохватная деятельность — организационная, научная, художественная, краеведческая, педагогическая — поражала современников. Ученик Субботина-Пермяка М. О. Кузнецов вспоминал: «Петр Иванович работал неутомимо по административно-хозяйственным и организационным вопросам, по руководству учебной работой и составлению учебных программ, т. к. учебных программ Наркомпроса не было и все учебные планы и программы практических работ составлялись на месте. Постоянно созывались совещания,

проходили диспуты, горячие споры, обсуждения работ, выставок внутри мастерских и на улицах города. Оформляли площади и улицы к праздникам, писали декорации в театре, оформляли клубы, устраивали городские диспуты по вопросам изобразительного искусства и поэзии... Все это организовывал П. И. Субботин, постоянно живой и неутомимый. Он успевал ездить по организации художественно-производственных мастерских в Кудымкар и Кунгур. Часто ездил в Москву и привозил массу учебных пособий, руководящих материалов, красок и т. п., несмотря на то, что здоровье Петра Ивановича было чрезвычайно неважное» [цит. по: Субботина, с. 39]. Субботин-Пермяк вел напряженную борьбу с чиновниками губернского отдела народного образования за снабжение учащихся техникума пайками и денежным содержанием. Он отстаивал интересы организованных им учебных заведений перед властями всех уровней, вызывая серьезное недовольство и жалобы чиновников. При этом, несмотря на загруженность в хозяйственных делах, Субботин-Пермяк непрерывно совершенствуется как художник, его профессиональный уровень и мастерство признавали даже живописцы, не разделявшие его взглядов на новое искусство. Так, Д. Ф. Николаев отмечал: «Как художник Субботин представляет собой силу, с которой, безусловно, приходится считаться, силу искренно увлекающуюся, но и способную честно и правдиво сознаваться в заблуждениях» [ГАПО, ф. Р-23, оп. 1, ед. хр. 236, л. 90, 91]. В Курдов, учившийся в это время в Перми, рассказывал: «В мастерской у Субботина-Пермяка писали яркими красками. Порошки разводили на клею в горшках. Кисти употреблялись широкие, даже флейцы. Холсты из мешковины брались большие, до двух метров и больше. Петр Иванович ставил цветные декоративные натюрморты из предметов народного обихода. Работали вдохновенно. Атмосфера в мастерской царила товарищеская» [Курдов, с. 14]. Субботин-Пермяк и до революции стремился в своих работах к ярким цветовым сочетаниям и театрально-декоративным композициям. В неопубликованном труде «Приемы и системы нового искусства» он писал: «Моей задачей является найти общие места для всех систем и приемов, понять язык творческой логики новых положений и этим самым, может быть, положить начало обоснованию единой твердой линии в новом для нового. Старая логика геометризации в живописи, логика симметрий, перпендикуляров и непрерывных линий должна быть отброшена. Новые положения должны создать искусство, соответствующее революционной эпохе исканий, творчества и нового строительства гигантских размахов. Утверждаю, что новое искусство должно основываться на следующих пяти положениях: структура, фактура, динамизм, экономизм, централизация» [цит. по: Алексеев, с. 171]. Под с т р у к т у р о й Субботин-Пермяк понимал новый способ организации живописной поверхности, где фон и фигура становятся равноценными; под ф а к т у р о й — умение пластически предать внутренние свойства предметов, их тяжесть, мягкость, упругость, чтоб материал «звенел», «шумел», «шелестел» на полотне; под д и н а м и з м о м — передачу в живописи «круговращения тел и всевозможные состояния движения», под э к о н о м и з м о м (или экономикой) — стремление к простоте и лаконичности выражения; под ц е н т р а л и з а ц и е й — подчинение всех систем и приемов главной идее произведения. Особо

интересовала Петра Ивановича проблема цвета в живописи, он убежденно доказывал, что «цвет на расстоянии так же, как и звук, теряет свою силу, поэтому необходимо, чтобы цвет не пропадал на далеком расстоянии и оставался поющим, говорящим и издали. Пусть цвет будет ярким, кричащим, вполне насыщенным!» [Алексеев, с. 44]. За три года активной деятельности П. И. Субботин-Пермяк, умело используя потенциал и традиции уральского искусства и новые художественные идеи, пришедшие из центра, создал основу и наметил пути для дальнейшего развития искусства края. Напряженный труд подорвал здоровье художника, его любимое детище — Кудымкарские свободные художественные мастерские, с которыми он связывал надежды на развитие народного искусства, закрываются из-за отсутствия средств, ряд соратников и последователей уезжают в столицу. Единоличное управление П. И. Субботиным-Пермяком художественным техникумом вызывало ропот коллег. В 1920-х гг. в Пермском художественном техникуме преподавали талантливые художники, различные по взглядам и отношению к искусству. М. Б. Вериге, художница и поэтесса, до революции училась в Париже в Академии Рансон у Боннара, Валлатона, Пюви де Шавана, что нашло отражение и в живописной технике, и в художественном восприятии мира. В. А. Оболенский, окончивший Московское училище живописи, ваяния и зодчества, занимался исследовательской работой, посвященной анализу детского творчества, и собрал крупную коллекцию детских рисунков. Авторитетом у коллег пользовался Д. Ф. Николасов, выпускник Высшего художественного училища и педагогических курсов при Императорской Академии художеств. Он имел солидный педагогический опыт и был одним из организаторов Пермского общества любителей живописи, ваяния и зодчества (1909) и Союза свободных художников Перми (1918).

Все эти художники имели черты харизматического лидера и стремились к собственной творческой независимости, что привело в 1923 г. к острому конфликту. В сложившейся ситуации П. И. Субботин-Пермяк вынужден был покинуть техникум, через несколько недель он умер от туберкулеза. В последующие годы в Пермском художественном техникуме преподавали яркие творческие личности и мастера: И. Н. Вроченский, М. П. Каменская, И. Я. Хазов. Но подлинными лидерами городской художественной жизни они не стали. Авторитетом и уважением пользовались среди художников Перми А. Н. Зеленин и И. И. Туранский, но и их влияние распространялось лишь на ближайшее окружение. Во многом это объясняется осторожным, если не подозрительным, отношением к художникам со стороны местных властей. Их независимая позиция и стремление к творческой свободе раздражали чиновников. Ряд художников в эти годы открыто высказывают недовольство поведением советских госслужащих⁴.

⁴ Сложные отношения с пермскими властями сложились у И. Н. Вроченского. Талантливый художник (в 1908 г. окончил Центральное училище технического рисования б. Штигица по классу ксилографии В. В. Матэ) и педагог, он пользовался уважением учеников и коллег, его картина «Рабкор», демонстрировавшаяся на Первой выставке творчества современных художников края в Перми (1925), была признана критиками, но конфликт с партийными чиновниками привел к аресту и гибели мастера в ГУЛАГе.

Функцию руководителя художественной жизни края одно время взял на себя заведующий Пермской художественной галереи Н. Н. Серебренников. При его непосредственном участии в Перми были организованы следующие выставки: «Первая выставка творчества современных художников Урала» (1925), «Вторая выставка творчества современных художников Урала» (1927), «Выставка революционного искусства Запада» (1928), «Выставка произведений графики ленинградских художников» (1929), «Выставка гравюр и рисунков И. Н. Павлова и его учеников» (1929), «Вторая государственная передвижная выставка Наркомпроса» (1930). Все это сыграло положительную роль в развитии уральского искусства 1920-х гг. Но отношение Серебренникова к уральским художникам строилось с оглядкой на политику в сфере искусства местной и столичной власти. Художникам все настойчивей предлагают выполнять «социальный заказ». Власти особо выделяли художников-партийцев, стремясь вывести их на руководящие должности⁵.

Если в Свердловске и Перми борьба за лидерство в художественной жизни в 1920-х гг. протекала довольно бурно, то в Челябинске этот процесс проходил более спокойно. Художественная неразбериха первых революционных лет сменялась деятельностью небольшой, но стабильной группы художников. Наиболее самобытным мастером в ней был Николай Афанасьевич Русаков. «Это был прекрасный педагог и неутомимый организатор. Из открытой и руководимой им студии вышли многие ставшие профессионалами челябинские художники и архитекторы. Он был основателем Союза художников в нашем городе. Во многом Николай Афанасьевич был первым», — писал о нем хорошо знавший мастера художник П. Г. Юдаков [цит. по: Байнов, с. 199].

Н. А. Русаков не стремился как-либо направлять творчество товарищей по искусству, помогая им в вопросах организации выставок и материалов. Он активно защищал интересы художников и пытался привлечь на свою сторону общественность города: «Помогите нам расти и развиваться! Помогите создать для нашей работы элементарные условия!» [цит. по: Там же, с. 220].

В плане развития изобразительного искусства Челябинск отставал от Свердловска, Перми, Уфы. В нем отсутствовали художественные учебные заведения и музеи, местные чиновники совершенно игнорировали проблемы художников города. В таких тяжелых условиях Н. А. Русаков, лидер харизматического плана, поддерживал в своих коллегах творческую активность и веру в значимость и необходимость искусства. Ученица Русакова О. П. Перовская так вспоминала о нем: «Об искусстве он говорил пламенно и как-то самозабвенно. Слыл искренним, смелым, порой резким. Поэтому для многих Русаков был “неудобным человеком”. Пряמודушие его и погубило»⁶.

Неуютно приверженцы «новой революционной эпохи в искусстве» чувствовали себя в Оренбурге. Лидеры местной художественной жизни С. М. Карпов и С. В. Рянгина, не успевшие завершить своего образования в Академии худо-

⁵ Так, если в апреле 1925 г. членов партии среди работников искусств на Урале было 3,7 %, то к октябрю 1928 г. — 5 %. [см.: Адрианова, с. 32].

⁶ В 1941 г. по ложному обвинению Н. А. Русаков был арестован и приговорен к расстрелу.

жеств, твердо стояли на принципах реализма. Сложившаяся вокруг них группа мастеров враждебно относилась ко всем авангардным новшествам. Ситуацию не смог изменить и приезд в город К а з и м и р а М а л е в и ч а. 25 июля 1920 г. основатель супрематизма вместе с Э. Лисицким выступил в помещении театра «Люкс». Лекция К. С. Малевича «Государство, общество, критика и новый художник (новатор)» имела успех, и вскоре было создано оренбургское отделение УНОВИСа. Возглавил филиал верный сторонник Малевича И. А. К у д р я ш о в, стремившийся найти для супрематических композиций утилитарное применение. Еще в 1918 г. в столице он проектировал агитпроповские конструкции, которые монтировались на автомобили во время ежегодных октябрьских торжеств. Кудряшов сделал эскиз настенной живописи для местного театра и образцовый для супрематизма холст «Первый советский театр в Оренбурге» (1920, ГТГ), он руководил праздничным оформлением города и устраивал выставки. Отношение населения к подобным выставкам было единодушно отрицательным, газеты злорадно отмечали, что представленные на них картины являются образцом «стряпни, которую для напускания пыли, дым-тумана называют загадочно-таинственными именами “абстракционизм”, “супрематизм” и еще какой-нибудь факиро-кабалистический “изм”» [Посторонний].

Оригинальным художественным мышлением обладал входивший в филиал УНОВИСа С. И. К а л м ы к о в. Ученик К. С. Петрова-Водкина и М. В. Добужинского, он участвовал в оформлении революционных праздников, писал портреты ударников на заводе «Орлес», читал лекции по истории искусств, делал эскизы театральных костюмов и афиши для Оренбургского театра и цирка. В абстрактных композициях, которые художник создавал в 1920-е гг., он стремился интуитивно постичь суть явлений: «Свою живопись Калмыков называл “математико-физико-метафизической”. Во многих картинах Калмыков был занят проблемой включения непосредственно в структуру композиции фактора времени, под воздействием которого формы как будто текут, а рисунок отражает сам процесс формирования образа. Предметные формы колышутся и прогибаются, вытягиваются и скручиваются. Вместе с повышенной выразительностью цвета это производит сильное впечатление, превращая изображение в отражение каких-то необыкновенных космических миров» [Бучинская, с. 148]. Свое отношение к современному творчеству и задачам художника Сергей Калмыков выражал в литературных записках и статьях. Искренне и убежденно он считает, что: «Искусство — это мифология, магия, а не деловой расчет. Я как бы оторван от действительности в своих лучших художественных произведениях. Так, например, у меня есть слоны, трубящие в свои поднятые вверх хоботы на фоне вавилонских башен, виселиц и закатного горящего неба, висячих садов и серпа большой желтой луны на горизонте, люди с пиками, на концах которых воздеты отрубленные головы, сидят на слонах, на загорках, в люльках. Слоны вопят и шествуют по реке, переливающейся множеством оттенков, но в целом желтой и мягкой — воробью по колено там, где они идут! Между делом долго писал этот эскиз масляными красками, старался добиться необыкновенного сочетания цветов. Небо зелено-фиолетовое, вода огненная, а не синяя... В общем, дико и романтично...» [цит. по: Там же, с. 148]. Художник был своеобразен во

всем, его манера поведения, одежда, высказывания о науке и искусстве поражали современников не менее, чем его фантастические полотна. «На нем был огненный берет, синие штаны с лампасами и зеленая мантилья с бантами. Так он одевался не для себя и не для людей, а для космоса, Марса и Меркурия, ибо это и был “гений 1 ранга Земли и всей Вселенной — декоратор и исполнитель театра оперы и балета имени Абая — Сергей Иванович Калмыков”, как он себя именовал» [Домбровский, с. 131–132]. Столь яркий художник, погруженный в мир собственных мыслей и грез, в то время и в той среде не мог стать объектом для подражания. Обладая качествами харизматического лидера, С. И. Калмыков был замкнут и одинок. В середине 1920-х гг. он покидает Оренбург, еще раньше из города уехали И. Кудряшов и его немногочисленные сторонники.

Иная ситуация с лидерами сложилась в Уфе. Художественную жизнь в городе 1920 — 1930-х гг. определяли художники, чей авторитет был признан еще до 1917 г. Повышенный интерес к истории и любовь к природе родного края стали основой товарищеских отношений внутри этой группы. Ю. Ю. Блюменталь, К. А. Девлеткильдеев, М. Н. Елгаштина, А. П. Лежнев, А. Э. Тюлькин, каждый по-своему, обладали чертами как традиционного, так и харизматического лидера. Особое влияние на развитие изобразительного искусства в Башкирии оказал А. Э. Тюлькин. Ученик Н. И. Фешина, он всю жизнь был неутомимым экспериментатором. Говоря о своем творчестве, художник заявлял: «Я люблю фантазию. Прошел через все направления в живописи XX века. Но в итоге своей жизни пришел к выводу, что выше природы, выше жизни нет ничего. Надо все брать только из жизни. Фантазию — тоже! Жизнь — бездна!» [цит. по: Янбухтина, с. 21]. Автор монографии о живописце А. Г. Янбухтина писала: «Тюлькин — художник эмоциональный, подвластный прежде всего чувствам, идущим из глубины его души. Окружающий мир ему видится бесконечно живописным, и он спешит запечатлеть его. Он писал на всем, что попадалось под руку: бумага, картон, фанера, холст, стекло... Холсты записывались жадно, часто с обеих сторон» [Там же, с. 20–21].

Именно подобная страсть к живописи, полная поглощенность искусством могли противостоять холодному «официальному заказу», это притягивало к нему учеников и увлекало их. Харизматический лидер А. Э. Тюлькин, не конфликтуя открыто с властью, своим творчеством противостоял консервативной среде, сохраняя для будущих поколений традиции уральского искусства.

Таким образом, лидеры художественной жизни на Урале были озабочены в первую очередь сохранением основ изобразительного искусства края. В ряде уральских городов художественная жизнь проходила именно только благодаря присутствию равнодушных и деятельных художников. В Миассе это был Э. И. Мали, в Кунгуре — Г. А. Мелентьев. Деятельность лидеров уральского искусства в 1900–1930-е гг. разделялась на ряд функций: организаторские, педагогические и просветительские. Лидеры стремились также повысить материальный уровень художников и улучшить условия их работы, обратить внимание местных властей на проблемы художественной жизни края, установить творческие контакты с художниками из центра, вызвать интерес к изобразительному

искусству у населения. Большинство лидеров концентрировали усилия на одной из данных функций. Традиционные лидеры выполняли, как правило, педагогические функции, стремясь к сохранению художественных традиций края. Харизматические побуждали к поиску новых выразительных средств и приемов, чтобы придать уральскому искусству новые современные черты и поднять его на более высокий уровень. В полном объеме все функции удавалось осуществлять, пожалуй, только П. И. Субботину-Пермяку.

И традиционный, и харизматический лидеры в своей деятельности опираются на личные отношения, в этом оба этих типа противостоят формальному лидеру, чья власть поддерживается бюрократическим аппаратом. Формальные лидеры начинают насаждаться с конца 1920-х гг. местной властью с целью осуществления преимущественно функции контроля за художниками. Первым председателем Оргбюро (так поначалу называлось руководство Свердловского отделения Союза, правлением оно стало называться с 1937 г.), стал Н. И. Козлов. По своему влиянию на художественную жизнь Свердловска он несомненно уступал и Л. В. Туржанскому, и А. Н. Парамонову, зато был членом партии. После постановления 1932 г. деятельность художественных организаций была под неусыпным контролем партийных органов. Периодическими становятся мероприятия по «укреплению изобразительного искусства». «Укрепление» проводили за счет отсева неугодных и провинившихся. Перерегистрацию членов стали проводить ежегодно, уделяя этому повышенное внимание. Доктрина центра на политизацию изобразительного искусства, усиленно проводимая представителями власти на местах, приводила к крайней консервативности художественной атмосферы Урала. Партийный контроль был всепроникающим, план работ по изобразительному искусству согласовывался и проверялся, кандидатуры председателей правления отделений Союза художников не должны были вызывать недовольства местных властей. Союз складывался и развивался как бюрократический аппарат, где конфликты с творческими личностями становились запрограммированными. В условиях нетерпимости эти конфликты часто оставались незаметными со стороны, и именно их неразрешимость приводила порой к срывам и творческим кризисам отдельных ярких уральских художников. Власть, как центральная, так и на местах, стремилась превратить художника в послушный инструмент, «прибрать к рукам» именно тех, чей авторитет среди творческой интеллигенции был неизменно высок. Старые традиционные и харизматические лидеры уральского искусства подавляются и устраняются, даже физически: В разные годы покинули Урал М. Б. Вериго, С. И. Калмыков, С. М. Карпов, К. М. Николаев, В. А. Оболенский, А. Н. Парамонов; были репрессированы и провели годы в заключении Л. А. Старков и А. Н. Самохвалов; погиб в тюрьме И. Н. Вроченский; были расстреляны П. П. Шарлаимов, Э. И. Мали, Н. А. Русаков. Уральское искусство потеряло не только талантливых художников, оно потеряло лидеров, способных придать ему интенсивное развитие и вывести на новый, более высокий уровень.

По сути, полнокровная художественная жизнь — это борьба различных субъективных творческих позиций, а значит, любой неформальный лидер хорош уже тем, что будоражит общественность, заставляя оценивать и переоценивать

художественную ситуации, спорить и искать новые выразительные приемы. Процесс взаимоотношения между художниками, между мастером и учениками, между творческой личностью и зрителями может строиться лишь на взаимном доверии, на особом притяжении, на ощущении значительности предлагаемого художественного продукта. Большую роль в этом играют энергичность и деятельность мастера, его готовность отстаивать свои принципы до конца, а также личное обаяние, умение увлекать за собой, ободрять сомневающихся и поддерживать начинающих.

Одни художники осознанно претендуют на лидерство, объявляя о своей уникальности и значительности, используя для утверждения на местном олимпе самые оригинальные средства и доводы, другие становятся центральными фигурами художественной жизни помимо своей воли, благодаря признанию общественности, третьих выдвигает группа единомышленников. При этом не исключено отрицательное воздействие творческого лидера в определенной художественной ситуации: нередко мастер своим авторитетом подавляет самостоятельность учеников, превращая их в безликих подражателей, сбивает с толку зрителей, порождает вокруг себя атмосферу нетерпимости и нервозности.

Прав или не прав конкретный лидер, зовущий за собой, предлагающий свое отношение к миру и искусству, свою систему творческих приемов, современникам сказать необычайно сложно. Но если талантливая личность, кроме значительного художественного дара, обладает еще чувством ответственности перед зрителями и последователями, а главное, особой проницательностью, то его влияние на развитие искусства региона может стать определяющим.

-
- Адрианова Г. С.* Художественная интеллигенция Урала, 30-е гг. Екатеринбург, 1992.
- Алексеев Е.П.* Давид Бурлюк и художники левых направлений в искусстве на Урале // Образ Урала в изобразительном искусстве. Екатеринбург, 2008.
- Байнов Л. П.* С солнцем в голове и ураганом в груди // Неизвестный Челябинск : краевед. сб. Челябинск, 1998.
- Будрина Л. А.* «Идите сюда, братья, любуйтесь и работайте» // Образ Урала в изобразительном искусстве. Екатеринбург, 2008.
- Бучинская В.С.* Сергей Калмыков (1891 — 1967) // Панорама искусств. Вып.13. М., 1990.
- Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
ГАПО. Ф. Р-23.
- Гайденок П. П., Давыдов Ю. Н.* История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991
- Домбровский Ю.* Факультет ненужных вещей // Нов. мир. 1988. № 11.
- Евреинов Н.Н.* Оригинал о портретистах. М., 2005.
- Курсанов А.В.* Русский авангард, 1907 — 1932 : в 3 т. Т. 2. М., 2003.
- Посторонний [Залитка]* // Коммунар (Оренбург). 1922, 22 февр.
- Сазонов Н.С.* Записки уральского художника. Л., 1966.
- Семенова С. В.* Очарован Уралом. Свердловск, 1978.
- Сутеев В. Г.* Мой первый учитель : воспоминания о скульпторе С. Д. Эрзье. Саранск, 1968.
- Л. В. Турганский, 1875 — 1945* : сб. материалов и каталог выставки произведений / сост. В. П. Лапшин. М., 1978.
- Янбухтина А.* Александр Тюлькин. Л., 1975.

Ярков С. П. Екатеринбургская художественно-промышленная школа и некоторые проблемы художественного образования в России на рубеже XIX–XX веков : дис. ... канд. искусствовед. наук. Свердловск, 1974.

Статья поступила в редакцию 10.09.2010 г.

УДК 741.02(470.5) + 002.2(09)

А. М. Сафронова

ПЕРВАЯ ШКОЛА РИСОВАНИЯ НА УРАЛЕ И ЕЕ УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ (1735–1750-е)

На основе архивных документов раскрывается история создания В. Н. Татищевым школы рисования в Екатеринбурге, характеризуются книги из библиотеки Татищева, использовавшиеся в процессе обучения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Екатеринбург, школа рисования, Татищев, иностранная литература.

По инициативе В. Н. Татищева, начальника казенных заводов Урала и Сибири, в Екатеринбурге в 1735 г. была открыта первая на Урале школа знаменования, действовавшая более полувека. После издания Устава народных училищ 1786 г. эта школа слилась со словесной, арифметической и немецкой, образовав единую горную школу Екатеринбурга. Учитывая редкость подобных учебных заведений даже в масштабах страны, попытаемся на основе архивных документов раскрыть основные вехи ее истории и показать, какие книги послужили пособиями для подготовки ее учащихся.

Хотя в «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищах» Татищев отнес знаменование и живопись не к полезным, а к щегольским наукам — наряду с поэзией, музыкой, танцами, вольтежированием, он все-таки подчеркнул особое значение этого предмета: «Знаменование же во всех ремеслах есть нужно» [Татищев, с. 92]. Термин «знаменовать» в словаре В. И. Даля разъясняется как «налагать знак, метить, помечать, обозначать...», слово «знамя» — это знаменье, печать, клеймо, подпись или рукоприкладство, а также чертеж, изображение, рисунок. В XVIII в. под «знаменованием» понимали **р и с о в а - н и е** карандашом, пером, тушью, красками.

Через два месяца по возвращении на Урал в качестве начальника заводов Татищев начал хлопотать о найме учителя знаменования. На заседании Канцелярии Главного заводов правления 12 декабря 1734 г., «разсуждая о содержании здешних школ, что в тех школах ученики обучаютца словесному и арифметики, и иные отчасти и копированию чертежей, токмо в знаменовании тех школьников обучать некому, согласно определили: в Правительствующий Сенат послать доношение, чтоб для оной науки повелено было прислать из учеников Академии[и] наук в знаменовании искусного одного человека» [ГАСО, ф. 24,

оп., 12, д. 215, л. 715]. Поскольку Татищев при новом назначении получил право обращаться по всем важным вопросам непосредственно в Кабинет министров и к Анне Иоанновне, 2 января 1735 г. он лично просил кабинет-министров о присылке учителя знаменования, а также архитектора: «Також весьма нам нужно иметь здесь для научения детей знаменования, а для надзирания в каменных строениях архитектора, каковы из обученных при Академии, мню, способны найдутся. А понеже нам архитектор не столько для украшения, сколько для укрепления нужен, то прошу, чтоб повелено было прислать такого, которой бы уже практику имел» [РГАДА, ф. 248, оп. 17, д. 1133, л. 63]. На Урале ежегодно вводились в строй новые заводы, плотины, строились крепости, активно обустраивался и Екатеринбург, ставший столицей горного края, здесь возводилось много общественных зданий, шло бурное частное строительство, поэтому просьба о присылке архитектора была вполне уместной.

В тот же день Татищев составил инструкцию посылававшемуся в Саксонию на поиск мастеров гитенмейстеру Улиху, служащему уральских заводов, которому поручалось нанять трех учителей для открывавшихся школ латинского и немецкого языка, один из которых «чтоб в мафематике и знаменовании мог обучать» [см: Там же, оп. 22, д. 1528, л. 27 об.], т. е. Татищев предполагал обучать рисованию и учащихся немецкой школы, куда собирался привлечь в первую очередь детей горных офицеров, управителей заводов и мастеров. Ясно, что в подготовке будущих специалистов рисование должно было, по мысли Татищева, занять достойное место, не случайно он включил этот предмет и в программу обучения четырех уральцев, которых Улиху поручалось определить в гимназию Академии наук.

Но кабинет-министры рассудили, что достаточно будет одного человека, который мог бы исправлять должность архитектора и одновременно обучать детей. Именным указом от 25 апреля 1735 г. Татищеву сообщалось, что Академии наук повелено представить архитектора для учения детей знаменованию и укрепления строений [см.: Там же, оп. 17, д. 1133, л. 258 об.]. В самом этом повелении, отправленном из Кабинета министров в Академию 29 апреля, приказывалось представить архитектора для посылки на заводы «к обучению тамошних обывателей детей».

Академия наук располагала единственным архитектором, в услугах которого нуждалась сама, и до осени 1735 г. никаких шагов в поиске архитектора, видимо, не предпринимала. Президент Академии И. А. Корф 6 октября 1735 г. доложил кабинет-министрам о явке инженера Шварца, требующего службы, который «может и архитектурную должность отправить», он и был представлен Кабинету [Материалы..., с. 801–802]. Через 10 дней Христоф Шварц подал прошение о принятии его на уральские заводы, подписавшись как «гамбурец», т. е. житель Гамбурга. Через полмесяца представил и собственноручные чертежи как свидетельство познаний в инженерной науке [Там же, с. 809, 813].

Между тем Улих сам подыскал кандидата на должность архитектора, но не представлял его в Сенат, ожидая предварительной санкции Татищева. Получив ее и узнав о Шварце, Улих 3 ноября сообщил в академическую канцелярию: «а знаменования учителя Дункеля я здесь приискал, который в Сибирь

ехать охоту имеет». Улих просил Академию наук освидетельствовать как архитектора, так и учителя, чтобы он мог о них представить в Сенат, как ему приказывал Татищев [Там же, с. 816].

Академия признала Шварца годным в архитекторы. Дункель представил образцы своего рисовального искусства в «разных фигурах». Для более объективной оценки его способностей Академия привлекла живописца Кадетского корпуса Ведекена. И в отношении Дункеля академическое начальство приняло положительное решение [Материалы..., с. 820–821]. Но ни архитектор, ни учитель на Урал так и не были отправлены по неизвестным причинам.

Проблему с учителем знаменования пришлось решать на месте. 3 ноября 1735 г. Татищев и члены Канцелярии заслушивали итоги переписи детей школьного возраста на горнозаводском Урале и наборе в Екатеринбурге 152 детей для обучения, назначили учителей, обучение знаменованию поручили Миرونу Аврамову [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 226, л. 12]. Но и после этого уральское начальство продолжало настаивать на присылке учителя вместе с архитектором из Петербурга: в феврале 1736 г. Татищев с А. Хрущовым, обосновывая невозможность сокращения должностей в новых заводских штатах 1735 г., как предлагал Кабинет министров, просили прислать еще ряд специалистов, в том числе отмечали: «в школу весьма нужны учитель знаменования один, механики и архитектуры один или два...» [Там же, д. 229, л. 13].

Как видим, Татищев не отказался от идеи заполучить учителя из столицы, более того, аппетиты его выросли: он хотел иметь специальных учителей механики и архитектуры, т. е. намеревался ввести преподавание архитектуры в одной из школ Екатеринбурга (вероятно, в знаменованной). По сути, Татищев подхватил идею верховной власти об архитекторе-учителе. Параллельное использование архитектора по прямому назначению (для «укрепления строения») в целом не исключалось. Знание же основ архитектуры будущим заводским специалистам наверняка пригодилось бы. К тому же для преподавания архитектуры в Екатеринбурге имелась достаточная учебная база: в личной библиотеке Татищева, привезенной им в Екатеринбург, насчитывалось более 50 западноевропейских изданий по гражданской и военной архитектуре и рисованию на немецком языке. Заметим, основы архитектуры были включены Уставом народных училищ 1786 г. в программу обучения детей в главных народных училищах, открываемых Екатериной II в губернских центрах России. Для горнозаводского Урала, где в 30-е гг. XVIII в. велось широкое строительство, знания архитектуры были как нельзя кстати. Но Кабинет министров словно перестал замечать просьбы Татищева: ни архитектора, ни учителя знаменования из столицы так и не прислали.

В Екатеринбурге с 1735 г. знаменование и основы живописи преподавал на протяжении 15 с лишним лет (до своей смерти в 1753 г.) Мирон Аврамов (исключая 1745–1747 гг., когда школа временно закрывалась). В справочнике А. В. Козлова о нем дается следующая краткая информация: «Мирон Васильевич Аврамов (1682–1753). Один из первых уральских графиков, живописец. Он обучался живописи и шпалерному делу в Петербурге. Затем исследовал месторождения минеральных красок на Урале (1726), работал живописцем на

заводах Демидова (1730–1733), преподавал черчение, рисование и живопись в екатеринбургских школах (1735–1753). В 1753 г. обследовал месторождение краски темной мумии возле Сысерти» [Козлов, с. 6–7]. В. Н. Будрин отмечал, что Мирон Аврамов – тобольский беспоместный дворянин, с 1719 г. служил в солдатах, ему было 37 лет, когда его назначили учителем [см.: Будрин, с. 60].

Об Аврамове нам удалось выявить ряд документов, уточняющих этапы его деятельности до назначения учителем. В протоколах Берг-коллегии за декабрь 1721 г. о нем имеется такое решение: «живописцу Аврамову за ево искусство в живописном мастерстве, которое в Берг-коллегии объявлено, и дабы он к тому наипаки прилагал прилежание и наилутче, к прежнему ево окладу прибавить по рублю ж на месяц... и в Штатс-контор-коллегию в общем именном списке... как о протчих Берг-коллегии служителях будет посылатца, объявить имянно». Деньги выдавать на счет Кабинета, «понеже шпалерное дело содержится на кабинетных деньгах» [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 90, л. 580 об.]. Видимо, Аврамов состоял на службе в Берг-коллегии, и в конце 1721 г. состоялось решение об обучении его шпалерному искусству для потребностей Кабинета Петра I либо об участии в этих работах. Аврамову тогда было 23 года. На Урале в 1726 г. он побывал временно: начальник заводов Геннин отмечал в указе 1728 г.: «в прошлом 726 году в бытность твою в Екатеринбургх доношением ты меня просил, чтоб тебя к сысканию всяких красок на оные заводы определить» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 569, л. 641].

Указ Геннина об этом назначении был дан Аврамову 8 апреля 1728 г. в столице: «И того ради по получении сего Е. И. В. указу ехать тебе отсель в Сибирь на Екатеринбургские заводы и искать со всякою ревностию и радением всякие разные краски, которые ты в доношение ко мне объявил, да и сверх того какие сыскать можешь...». Найденные краски Аврамов должен был объявлять в Сибирский обер-бергамт для отправки в Берг-коллегию [см.: Там же]. На заводах Акинфия Демидова Аврамов работал в 1730–1733 гг. Вероятно, писал иконы. Может быть, некоторые из них дошли и до нашего времени как безымянные. Плохого живописца Демидовы вряд ли бы стали держать.

Когда по инициативе Геннина начала строиться каменная церковь Святой Анны в Екатеринбурге, в октябре 1733 г. в обер-бергамте он вынес единоличное решение: заблаговременно «писать надлежащие в ней быть образы и иконостас», пока «маляры» и резчики, затребованные у митрополита Тобольского и Сибирского Антония, не прибыли в Екатеринбург, вызванному с демидовских заводов Аврамову готовить холст на «образы», прикреплять его к рамам, грунтовать. Для этого подобрать «особливую квартиру», топить ее, дать свечи. Холст сшивать находящимся под караулом женкам или «присыльным» за указную плату. Для помощи в изготовлении грунтовых красок дать из школьников одного человека. Аврамову платить по 4 руб. в месяц, школьнику – по 2 коп. на день, ставить деньги на церковный счет в 2 тыс. руб. [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 569, л. 637–638 об.] Таким образом, Аврамов во второй раз был нанят Генниным в связи со строительством новой церкви. Примечательно, что «образы» и иконостас должны были делаться «по учиненному от него, генерала-лейт[н]анта, абрису», т. е. по его рисунку.

В ноябре 1733 г. был отправлен в контору Коммерц-коллегии в Москву заказ на краски и на двух «знающих силу в тех красках людей». Но краски так и не прислали, поэтому в марте 1734 г. был отправлен нарочный в Москву к приказчику Демидова и к фабриканту Томилину с просьбой о красках, но ни золота, ни серебра достать так и не удалось. Из-за этого работы по написанию икон в Екатеринбурге с июля 1734 г. приостановились и вновь начались лишь через полтора года — в декабре 1735-го.

Об этом стало известно из протокола заседания Канцелярии от 19 декабря 1735 г. в связи с прошением Аврамова о выплате ему жалованья по окладу, какой был определен «во время письма образов в здешнюю церковь» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 227, л. 208]. Видимо, с возобновлением этих работ Аврамов и подал такое прошение. По справке оказалось, что он «был на воле» с июля 1734 г. до 3 ноября 1735 г., до назначения учителем знаменованной школы, т. е. из-за отсутствия красок перестал получать жалованье из казны. К тому же в апреле 1735 г. Татищев приказал строительство церкви прекратить, «для малости оной разобрать» и построить новое здание. В связи с этим Аврамов сдал оставшиеся у него краски и «образы»; уже «отделанные» были приняты в церковь, «неотделанные» — в заводскую контору [Там же, д. 219, л. 155].

Ясно, что и в XVIII в. художник считался человеком вольной профессии: перестал работать, хотя и не по своей вине, — не стало и жалованья. «Простой» у Аврамова длился 15 месяцев. Члены уральской Канцелярии во главе с Татищевым решили: жалованье ему за те месяцы, что не был у церкви, не давать, «ибо он тогда, может, работал постороннее, для того, что был свободен». На учительской должности ему положили те же 48 руб. в год, с 1736 г. — 60 руб., как планировалось новыми штатами [Там же].

Став учителем, Аврамов продолжал использоваться и как живописец для заводских нужд, писал иконы. Как уже отмечалось, через месяц с начала занятий в школе он просил выдать ему разных красок для письма «образов» [Там же, д. 227, л. 248]. В июле 1736 г. он требовал краски умбры 3 фунта и «пристойного числа» конопляного масла для покраски дверей и окон в новом загородном доме Татищева, выстроенном на том самом месте, где сейчас стоит церковь Вознесения [Там же, оп. 1, д. 234, л. 123—124]. Видимо, рядовым малярам эту работу решили не доверять. Аврамов писал иконы и для строящейся на Сысертском заводе церкви во имя святых Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы. В январе 1736 г. начальство поручило ему «на царские двери зделать рамы... а к рамам двери написать на полотне», «местных икон» отделать две: «Рождества Богородицы, Сретения Христова, да написать Симеона Богоприимца, и Анну Пророчицу»; «для скорости в письме» Аврамову определили в помощь «вольного иконника» [Там же, д. 228, л. 165—166]. Через год, в январе 1737 г., учителю поручили для этой церкви «иконы и прочее, кроме образов в иконостас, написать» (для иконостаса уже имелись к тому времени иконы). Под «прочим» подразумевались, видимо, «царские южные и северные двери», о росписи которых речь шла в этом же документе [Там же, д. 240, л. 241].

3 ноября 1735 г. он был назначен учителем, 22 ноября Аврамов затребовал «припасы» для обучения школьников, которые ему были выданы из

Канцелярии [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 226, л. 167], с 24 ноября начались занятия: это число указано в ведомостях школьников как время «вступления в науку». Аврамову дали из арифметической школы 4 учеников — сыновей молотовых мастеров Ивана Борисова и Андрея Оберехтина, сына молотового подмастерья Ивана Юдина и солдата Семена Звонарева [Там же, д. 625, л. 192]. Ученики были уже зрелыми юношами 18 и 20 лет. По-видимому, их отобрали как наиболее способных к рисованию и живописи.

Следующее пополнение школы произошло через год, в сентябре 1736 г. снова направили четверых (уже из словесной школы): сына мастера Ивана Денисова, детей молотовых подмастерьев Кирилла Шагова и Тита Михалева (12-летних), капральского сына Гаврилу Панаева (15 лет). В мае 1739 г. поступило еще семеро из арифметической школы (трое детей мастеров, дети кузнеца, капрала, солдата (12–14 лет): Агап Палкин, Павел Барышников, Иван Мокроносов, Петр Коптелов, Степан Лопаницын, Егор Сунгуров [Там же, д. 857, л. 120].

Судя по аттестатам учеников знаменованной школы, они посещали в определенные часы арифметическую школу и параллельно с рисованием осваивали математику. Умения учеников видны из их «удостоинств» и аттестатов, дававшихся учителем в связи с подачей ими прошений об увеличении жалованья или определении к делам. Так, об Иване Денисове в 1742 г. Аврамов показал, что он «набело» «книги рисовальные» «прорисовал» все три части, а также «волдеевы фигуры». «Из иных книг рисовал и тушевал царские персоны и разные фигуры из евангельских притчей, к тому ж рисовал монстров и другие разные фигуры в Главную Канцелярию и в аптеку здешнюю, о чем и в Канцелярии[и] не без известно есть, под которыми он, Денисов, и подписывался. Оной же Денисов обучает арифметики пята[ю] статью и в письме своем исправен и во всей помянутой науке против своей братьи учеников искуснее и в том деле силу знает лутчее» [Там же, д. 2321, л. 55]. О Кирилле Шагове в том же 1742 г. учитель отмечал, что и он «волдеевы фигуры», «цветы» и «другие фигуры» рисовал в аптеку [Там же].

Петр Коптелов писал о себе в 1749 г.: обучился «знаменовать, и тушевать, и грунтовать, и подмалевать, и на подмалевку краски составлять и позолотить, ныне состою в твержении трегонометрии, копирование чертежей и тушевать обучаю, сочинению планов, профилей и прешпектов, а в живописном обучаю[сь] отживке» [Там же, д. 1248, л. 440–441]. Ученики знаменованной школы использовались в случае срочных работ в помощь чертежным для копирования планов заводов и рудников. В 1741 г., например, в школу выдавались бруски чернил и карандаши для «сочинения машинных и прочих чертежей» [Там же, д. 907, л. 441].

Основным учебным пособием в школе являлась книга И. Д. Прейслера (1666–1737), главы Нюрнбергской академии живописи, изданная в переводе на русский язык (с параллельным текстом на немецком) академической типографией в 1734 г., — «Основательныя правила, или Краткое руководство к рисовальному художеству». Она состояла из трех небольших по объему частей (от 10 до 22 страниц), каждая имела по 18 листов иллюстраций [см.: Сводный каталог, с. 469]. Это было первое руководство по изобразительному искусству, изданное на русском языке, которое должно было привить ученикам навыки

рисования с натуры. Не случайно Академия наук ходатайствовала перед Сенатом о распространении этого издания в школах России в качестве учебного пособия [Луппов, с. 81]. Книга переиздавалась в 1734, 1781 и 1795 гг. и, как отмечают специалисты, играла «...огромную роль в художественном образовании на протяжении всего XVIII в.» [Гравировальная палата, с. 14]. Судя по школьным ведомостям, обучение начиналось с последовательного прорисовывания изображений человеческого тела, имевшихся в этой книге.

В Государственном архиве Свердловской области нами выявлен уникальный документ, поданный в Канцелярию Главного правления заводов библиотекарем Лаврентием Сехтингом в мае 1740 г., — рапорт о книгах, взятых из Екатеринбургской библиотеки и не возвращенных, несмотря на его напоминания [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2321, л. 222–226 об.]. Сехтинг просил Канцелярию, «чтоб повелено было объявленные книги собрать и возвратить по-прежнему в библиотеку, ибо у иных неоднократно просил, но оные их не присылают».

Рапорт Сехтинга дает нам представление о круге литературы, использовавшейся в знаменитой школе. Учитель Мирон Аврамов оказался среди наиболее активных пользователей казенной библиотеки. В знаменитую школу «для обучения» Аврамов взял в апреле 1737 г. 11 томов книг. Среди них были специальные труды по живописи и архитектуре, числившиеся в каталоге библиотеки Татищева, оставленной им в июне 1737 г. в Екатеринбурге, перед отъездом к новому месту назначения в Самару в качестве главы Оренбургской экспедиции. Эти книги уже хранились в помещении казенной библиотеки, но, отметим, являлись личной собственностью Татищева. Среди них — двухтомная «Кирхнерава живопись». В библиотеке Татищева числилось двухтомное издание «Kunst pforte» (Врата в искусство) в двух частях под № 510. Как нам удалось установить по электронным каталогам библиотек Германии, ее автор — J. Kanold. «Кирхнерову живопись», к сожалению, атрибутировать не удалось.

«Перспектива хитрости наук» Шублера, зарегистрированная в каталоге библиотеки Татищева под № 332 как «Schüblers persctivische Zeichen Kunst, pars 1, 1719; pars 2, 1720. Nürn[b]erg», — это двухтомный труд немецкого художника и скульптора Иоганна Шублера (1689–1741), в котором излагались правила овладения искусством перспективы — изображения на поверхности предметов в соответствии с кажущимся изменением их величины, четкости, обусловленным степенью их отдаленности от зрителя; правила построения изображения трехмерных предметов на плоскости, которые необходимы как архитекторам, так и художникам. Более половины первого тома занимали рисунки (47 листов). Богато иллюстрирован был и второй том

«Декерова. Архитектура цивялис» («Deikers Furstlicher Baumeister oder architectura Civilis, pars I. Augsp[urg], 1711», КБТ № 329) — это сочинение немецкого архитектора Пауля Деккера (1677–1713), известного в Германии как теоретика архитектуры, автора нескольких классических и барочных проектов, опубликованных в «Княжеском архитекторе». Книга имела 60 гравированных на меди иллюстраций, которые, по-видимому, и перерисовывали ученики.

«Клараций. Арс пектория, в лист» — какое-то специальное руководство по искусству рисования, числившееся в каталоге татищевской библиотеки под

№ 361 («Klarakzii ars pictoria»), в переплете с двумя книгами: «Kromsemers Reis u[nd] Zeichnungs Buch» («Книга чертежей и рисунков») и «Weigels schönste Blihen» («Красивейшие цветы»). Первые две книги конволюта идентифицировать нам так и не удалось, третья — это «Der Flora schönster Garten-Schmuck: T. 2 ; ...das ist Ausbund außerlesener schöner Blumen... / Johann Christoph Weigel, без места и года издания [см.: GBV]. Книга редчайшая, ее 1-й том не числится ни в одной из библиотек Германии.

Были также взяты и другие книги, имевшие богатые иллюстрации. Это «Описание коронации» Анны Иоанновны (М., 1730) с 14 гравюрами, среди которых портрет императрицы, изображение короны, державы и скипетра; виды Успенского собора, в котором проходила коронация, и Соборной площади, заполненной народом; изображение фейерверка, устроенного в честь этого события, и др. Учитель взял и один из 7 томов «Анналов Фердинанда» Ф. Х. Кевенгиллера (1584—1650) о жизни курфюрста Бранденбурга Фердинанда (1578—1637), лейпцигское издание 1720-х гг. на немецком языке, имевшее замечательные гравюры исторической тематики, в частности изображения крепостей, битв, виды городов. Взял Аврамов и «Аугсбургскую золотую резьбу», числившуюся в каталоге татищевской библиотеки как «Augspurgische Gold Arbeit» (№ 334). В электронных каталогах Германии по ключевым словам «Gold Arbeit» отыскивается только книга Давида Баумана «Ein neues Buch von allerhand Gold-Arbeit...», изданная в Аугсбурге в 1695 г., в которой раскрывались различные техники работы с золотом.

Все эти книги принадлежали Татищеву и были взяты Аврамовым в апреле 1737 г., т. е. до отъезда Татищева с Урала. Поэтому можно с уверенностью говорить, что Татищев как владелец книг разрешал Сехтингу выдавать свои книги учителям, позволял использовать иностранные издания для преподавания в школе, несмотря на то, что это были дорогие книги. Примечательно, что наряду с этими западноевропейскими изданиями в апреле 1737 г. учитель взял и 3 «тома» книги И. Д. Прейслера (три части книги не были переплетены, поэтому и числились за учителем как три «тома»). Поскольку первый экземпляр книги Прейслера для казенной библиотеки Екатеринбурга был выдан из Книжной палаты Академии наук лишь в феврале 1736 г., причем в переплетенном виде, еще 4 экземпляра прибыли 30 июля 1739 г. вместе с уральцами, обучавшимися в гимназии Академии наук [см.: Сафронова, 2002, с. 353, 362]. Можно предположить, что обучение в знаменованной школе с самого начала велось по какому-то другому экземпляру книги Прейслера, также принадлежавшему Татищеву. Ряд изданий он имел в двойных экземплярах, и далеко не все книги татищевской библиотеки вошли в ее каталог 1737 г. [см.: Сафронова, 2008, с. 279—292]. Только Татищеву могла принадлежать и книга, упоминаемая в аттестате ученика Денисова, с которой тот перерисовывал некие «волдеевы фигуры». Наша попытка найти сведения об этом издании не увенчалась успехом.

Из росписи должников библиотеки 1740 г. следует, что учитель Аврамов обращался к Татищеву за нужной книгой и непосредственно: «1737 году взято живописцом Аврамовым у его превосходительства 1) Ниренбергскую немецкую личную Библия в 2 листа», — записал Сехтинг [ГАСО, ф. 24. оп. 1, д. 2321,

л. 223]. Это единственное указание на передачу книги самим Татищевым. Видимо, Библия находилась у него на дому.

Вероятно, иллюстрированная Библия помогала Аврамову не только в обучении живописному делу своих питомцев, но и в росписи церквей, в частности, церкви на Сысертском заводе. Примечательно, что в июле 1738 г. Аврамов взял второй том этой Библии, изданной в Нюрнберге в 1720 г., уже у Сехтинга [ГАСО, ф. 24. оп. 1, д. 2321, л. 223 об.]. Академик РАХ С. В. Голынец в работе, посвященной уральской иконописи, отмечал: «Уральские иконописцы, без сомнения, знакомы с изданиями типа лицевых Библий (например, с “Нюрнбергской немецкой Библией”) или типа шеститомной “Аугсбургской золотой резьбы” с образцами для ювелиров, скульпторов и столяров» [Голынец, с. 210]. А ведь эти книги, Библия и «Аугсбургская золотая резьба», оказавшие определенное влияние на уральское иконописание, были из библиотеки Татищева.

Однако этих 15 книг учителю было недостаточно, и в апреле 1739 г. он взял «Боклереву Фантальную хитрость», в декабре на него была записана «Краусова Хисторицкая в лицах Библия» [ГАСО, ф. 24. оп. 1, д. 2321, л. 223 об., 224, 226]. Хотя эта книга Боклера не числится в каталоге библиотеки Татищева, она могла принадлежать только ему, т. к. списки поступлений книг в казенную библиотеку в эти годы нам известны, каталог же неполон. В первой партии литературы, переданной Татищевым по приезду на Урал в пользу заводов за плату, имелась другая книга этого же автора, известного немецкого архитектора и инженера Георга Боклера (1644–1698), — «Механика верная» [см.: Сафронова, 2009, с. 201]. В списке книг Екатеринбургской библиотеки, составленном по запросу Генерал-берг-директориума в 1739 г., числится «Boeiklers bau und Wasser-Kunst. Nberg. In Fol.» [ГАСО, ф. 24. оп. 1, д. 820, л. 913, № 22]. Описание этой книги мы нашли в электронных каталогах библиотек Германии: «Nova architectura curiosa: das ist: Neue, Ergötzliche, Sinn und Kunstreiche, auch nützliche Bau- und Wasser-Kunst / Georg Andreas Boeckler. Nürnberg : Helmers, 1704». Могли быть и более ранние издания: 1664, около 1665 или 1670, 1701 гг. [см.: BVB]. В книге Боклера при 82 страницах текста имелось 228 таблиц-иллюстраций, некоторые из них, видимо, и перерисовывали ученики.

Вторая книга, облюбованная учителем (иллюстрированная Библия), пришла в Екатеринбург в составе партии книг из Самары. Это «Historische Bilder-Bibel : welche besteht in fünff Theil, Als: Erster Theil, der Patriarchen, Ander Theil, der Richter in Israel, Dritter Theil, der Könige in Jerusalem, Vierdter Theil, der Propheten, Fünffter Theil, der Apostel / gezeichnet und in Kupffer gestochen von Johann Ulrich Kraussen. Augspurg, 1700. [135] Bl. : Ill».

Таким образом, на руках учителя знаменитой школы числилось по меньшей мере 15 томов, а учитывая 3 переплетенные вместе книги, 17 изданий. Поскольку в школе в эти годы имелось не более 10 учеников, можно говорить о хорошей обеспеченности их литературой, как учебной, так и иллюстративной. На требование вернуть книги в библиотеку, учитель Аврамов объявил в августе 1740 г.: «онные книги у него все налице при школе и ко обучению детей ему впредь надобны» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2321, л. 232].

На 1750 г. для обучения знаменованию было затребовано 3 книги «краткого руководства к рисовальному художеству Прейслера» и «французские фигуры». Члены Канцелярии решили, что пособия Прейслера следует заказать в Берг-коллегию, а «фигуры к рисовальному делу неспособны». Аврамову предписывалось «из архитектурных и прочих книг, которых при библиотеке довольно находится, выбрав способные, срисовать довольно число аккуратно и по регулом рисовального художества, и те ученикам для навывания предложить» [Там же, оп. 12, д. 396, л. 190].

Для обучения нужны были карандаши, кисти, краски. С конца 1735 г. списки на припасы, необходимые школам в следующем году, подавались члену канцелярии Юдину, он оформлял сводные требования. В декабре 1735 г. «к живописному делу» было затребовано 28 названий красок, кисти хорьковые большие, средние и малые 200, три барсучьи кожи; по 5 фунтов: щетин свиных, охры турецкой темной, скипидару, к рисованию карандашей красных и черных; хвостов хорьковых «пятков», александрийской бумаги 3 дести (десть — 24 листа), картузной — 6 [Там же, оп. 1, д. 624, л. 20 об. — 21]. Татищев вместе с А. Хрушовым приказали: краски, «каких нет здесь», карандаши, хорьковые хвосты купить на Ирбитской ярмарке, бумагу — в Москве [см.: Там же, оп. 12, д. 228, л. 108]. На 1737 г. учитель затребовал до 30 цветов красок, в том числе две «венерианской», умбру немецкую и турецкую, но члены Канцелярии уменьшили число красок наполовину, как и большинство других припасов. Решено было купить щетинок свиных 10 фунтов, шелку китайского на вязание кистей 5 золотников, мыла 10 фунтов, золота червонного 3 «книги», в 20 «книгах» серебра было отказано. Утиных крыльев решено было купить 30 штук, как и просил учитель, гусиных же 30 вместо 50 и лебяжьих 10 вместо 20 [см.: Там же, оп. 1, д. 693, л. 13—14].

На 1745 г. запрашивалось бумаги «на рисовку и тушевку» 12 дестей (№ 1), «александрийской на тушевку» — 12, «картузной серой на подкладки ученикам 8 листов», «мелу белого для рисовки» 5 фунтов, 40 хорьковых хвостов, клею на кисти 1 фунт, «барсуков на кисти и на фленцыи 2», ниток на кисти 1 фунт, дюжина толстых карандашей и т. д. Отдано было и 6 скамей в починку [Там же, д. 1035, л. 31—32].

Иногда Аврамов заказывал припасы дополнительно: в октябре 1737 г. просил выдать 70 свечей «для остережения книг» и прочих, «имеющихся при школе припасов и картин»; плиту, изготовленную на гранильной фабрике, отполировать и передать школе для растирания красок [Там же, д. 691, л. 223]. Летом 1749 г. были заказаны на Ирбитскую ярмарку карандаши, чернила, хвосты хорьковые и беличьи для изготовления кистей, но до сентября их не купили, из-за этого в обучении произошла остановка. Поэтому решено было купить у купца в Екатеринбурге, хотя и дороже, половину карандашей, чернил 30 брусков, часть хвостов; заказать хвосты и на ярмарку, а 24 карандаша и 2 коробки чернил — в Берг-коллегию [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 392, л. 228—229].

В июне 1745 г. в условиях нехватки людей начальство назначило Аврамова лесным надзирателем на Сысертский завод, работа школы приостановилась. Но в октябре 1746 г. президент Берг-коллегии А. Томилов во время пребывания на

Урале приказал возобновить занятия в знаменованной школе, а на Сысертский завод послать другого человека [Там же, оп. 12, д. 349, л. 111; д. 50, л. 505].

После скоропостижной смерти Аврамова (он заболел во время обследования месторождения красок в Сысерти в мае 1753) обучать школьников поручено было его лучшим ученикам — Ивану Морозову и Егору Южакову, «с переменою». С июня 1754 г. занятия стал вести Южаков, назначенный официально подмастерьем с жалованьем 18 руб. в год [Там же, д. 449, л. 12]. В декабре 1757 г. жалованье ему было повышено до 24 руб., т. к., будучи подмастерьем, он продолжал совершенствовать свое мастерство. Знание арифметики, геометрии, умение рисовать планы и делать чертежи, рисовать и тушевать на бумаге Южаков дополнил навыками грунтовать на дереве и холсте, «подтушевать, помалевать, вызолотить и отживить из масла (хотя не так, чтоб против чистой живописной работы умеет)...» [Там же, д. 491, л. 62—65]. В 1762 г. Южаков был послан в Петербург для сопровождения каравана с мраморными изделиями и как специалист высокого класса оставлен на время в Берг-коллегии. Президент Берг-коллегии И. А. Шлаттер, автор «Обстоятельного наставления рудному делу», поручил ему роспись красками «по изданным им... чертежам плавильным и прочим горным печам и другим вещам моделям по содержанию каждого качества...». Эту работу не мог выполнить живописец Академии наук, Южаков же раскрашивал модели на пробу «не хуже академического живописца» [Козлов, с. 175—176].

Выпускники школы знаменования использовались в качестве помощников геодезистов при проведении ими картографических работ: Оберехтин в марте 1737 г. был послан с В. Шишковым для этого в Казанское начальство, Звонарев в 1739 г. определен в ученики геодезии. Борисова в 1739 г. направили к камнерезным делам мастеру Рейнеру, Шагова — в 1744 г.; Михалева в 1745 г. — к доменному уставщику [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 692, л. 509; д. 1035, л. 65—67; д. 1076, л. 296]. Палкина и Коптелова начальство отказалось определить к мастерствам по их просьбе в 1746 г., приказало «доучиваться наукам»; в 1747 г. отказало распределить в кузницу и к слесарному делу. В 1748 г. Сунгуров и Коптелов просили определить их учениками резчика на Екатеринбургский монетный двор, куда требовались два человека с навыками рисования, но начальство решило направить туда менее способных Палкина и Пазникова. В 1750 г. Палкин и Денисов были определены в ученики инструментального дела, параллельно должны были совершенствовать свои познания в геометрии, тригонометрии, знаменовании, для чего по часу ежедневно обучались этим предметам в школе. Коптелова зачислили в маркшейдерские ученики, а в 1750 г. произвели в ундер-шихтмейстеры Екатеринбургского завода [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 351, л. 280—281; д. 374, л. 347—348; д. 405, л. 105—107; д. 402, л. 130].

Воспитанник Аврамова Егор Сунгуров в 1749 г. был представлен надзирателем школ Ф. Санниковым на должность подмастерья знаменования и «малевания» в помощь учителю. В школе было уже более 20 учащихся, к тому же для обучения рисованию должны были приходиться все ученики арифметической школы, приступившие к геометрии. Но поскольку Берг-коллегия молчала на представление уральского начальства о назначении новых учителей, Сунгурову

поручили «смотрение иметь... над каменною мраморною фабрикою и при том самому тому каменному делу и вождению машин практикою обучаться». В 1751 г. он официально был назначен смотрителем первой камнерезной фабрики Екатеринбурга [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 389, л. 108–110; д. 411, л. 35].

Деятельность школы рисования сыграла большую роль в подготовке специалистов для горных заводов — маркшейдеров, геодезистов, чертежников. Кроме того, ее выпускники направлялись и к новому для Урала мастерству — камнерезному делу. За короткий срок школа воспитала собственных рисовальщиков и живописцев, способных обучать молодежь. Навыки знаменования уральских школьников по достоинству были оценены и в столице. Не случайно в 1749 г. в Петергоф на шлифовальную мельницу для обучения («как машины удержат и ими действовать») были взяты 6 учащихся екатеринбургских школ и «совершенно обучены» «содержанию машин и действованию», шлифованию и полированию агатов и прочих камней. В 1757 г. Кабинет императрицы Елизаветы Петровны затребовал в столицу к камнерезному делу уже 20 учащихся екатеринбургских школ, знающих геометрию, от 15 до 20 лет. Среди отправленных были и ученики, которые «знаменования, рисовать и тушевать исправно» умеют (Д. Левзин, С. Вонявин), «знаменования совершенно рисовать умеют» (Л. Морозов, Ф. Иванов, Н. Кайгородов) [Там же, оп. 1. д. 2321, л. 963].

Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII в. и в начале XIX в. // Материалы второй науч. конф. по истории Екатеринбурга-Свердловска (26–29 мая 1948 г.). Свердловск, 1950.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1, 12.

Гольнец Г. В. Невьянская икона: традиции Древней Руси и контекст Нового времени // Невьянская икона. Екатеринбург, 1997.

Гравировальная палата Академии наук XVIII века. Л., 1985.

Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале XVII — начала XX века. Свердловск, 1981.

Луттов С. П. Книга в России в послепетровское время (1725–1740). Л., 1976.

Материалы для истории Имп. Академии наук. СПб., 1886. Т. 2.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 17, 22; Ф. 271. Оп. 1.

Сафронова А. М. Екатеринбургская библиотека Татищева: реконструкция состава в свете данных новых источников // Россия и мир: панорама исторического развития : сб. науч. ст., посвящ. 70-летию ист. фак. УрГУ им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2008. С. 279–292.

Сафронова А. М. Передача Татищевым книг в пользу Уральских заводов в 1734 г. // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2009. № 1/2 (63). С. 201.

Сафронова А. М. Поступления книг на иностранных языках в Екатеринбургскую библиотеку горного ведомства в 1735–1739 гг.: публикация документов // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Вып. 2. Екатеринбург, 2002.

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века (1725–1800). М., 1964. Т. 2. С. 469.

Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979.

BVB: Bamberg, Staatsbibliothek [Электронный ресурс]. URL: <http://www.staatsbibliothek-bamberg.de>

GBV: Gemeinsamer Bibliotheksverbund [Электронный ресурс]. URL: www.gbv.de

Статья поступила в редакцию 05.03.2010 г.

РЕЦЕНЗИИ

Н. Н. Баранов

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ДЕПУТАТЫ ГЕРМАНСКОГО РЕЙХСТАГА

Рец. на кн.: *Haunfelder B. Die liberalen Abgeordneten des deutschen Reichstags, 1871–1918 : ein biographisches Handbuch / Bernd Haunfelder. – Münster : Aschendorff Verl., 2004. – 512 S.*

При всем обилии опубликованных источников и исследовательской литературы по истории второго рейха до сих пор в Германии не создан справочный обзор депутатского корпуса рейхстага, который мог бы отвечать современным научным критериям. В наличии всего два издания, посвященные депутатам социал-демократической партии [см.: Schröder] и партии Центра [см.: Haunfelder]. Теперь историк из Мюнстера Бернд Хаунфельдер посвятил отдельный обширный том либеральным фракциям рейхстага, который по форме и структуре до деталей воспроизводит его предшествующую публикацию, посвященную партии Центра.

В силу запутанной истории либеральных фракций, отмеченной многочисленными расколами, объединениями, новообразованиями и переформированиями, Хаунфельдер решился на то, чтобы учесть депутатов всех либеральных группировок. В его книге впервые представлены биографии всех 979 правых и левых либеральных депутатов, которые избирались в германский рейхстаг в период между 1871 и 1918 гг.: от прогрессистов и национал-либералов (включая различные их фракции и отделения) до Прогрессивной народной партии. Автор предлагает самый обстоятельный на сегодняшний день обзор либеральной политической элиты империи. Наряду с видными деятелями первой величины, такими как Людвиг Бамбергер, Теодор Барт, Эрнст Бассерманн, Роберт Фридберг, Эдуард Ласкер или Евгений Рихтер, в преобладающем большинстве представлены гораздо менее известные политики, которые обладали

авторитетом в своих регионах и имели определенный политический вес в своих фракциях. Однако их имена никогда раньше не находили места в биографических справочных изданиях. Наряду с подробными жизнеописаниями в работе нашли место также сюжеты, связанные с эволюцией партийных структур и часто менявшейся фракционной принадлежностью депутатов-либералов.

Информация собрана в основном из опубликованных официальных справочников рейхстага, которые, в свою очередь, создавались на основе личных анкетных данных депутатов. Кроме того, автор привлек обширную биографическую литературу. Дополнительная информация, прежде всего о мало известных или вовсе неизвестных депутатах, устанавливалась с помощью архивных документов. В целом, речь идет о впечатляющем результате объемного и кропотливого труда автора.

Короткое введение содержит несколько замечаний, относящихся к социальному облику и истории либеральных фракций, а также некоторые интересные наблюдения по репрезентациям самих депутатов на основе информации, содержащейся в парламентских справочниках. Так, записи практически никогда не содержали указания на участие в партии или фракции.

Биографические очерки содержат сведения об уровне образования, профессиональной деятельности, парламентских мандатах и политических занятиях либеральных депутатов. Кроме того, Хаунфельдер попытался определить функции депутатов в пределах либеральных фракций и в либеральных партийных формированиях, партиях и комитетах. Здесь с высокой степенью вероятности возможны ошибки, однако, учитывая организационную неразбериху и неблагоприятное положение источников, вины автора здесь нет. Гораздо существеннее то, что он при случае снабжает биографические заметки комментариями, которые являются спорными и даже излишними в справочном издании такого рода. Например, о Рудольфе фон Беннигсене, бывшем долгое время председателем фракции национал-либералов в рейхстаге, сообщается (S. 65): «Ослаблял политический вес своей партии безуспешными дискуссиями с Бисмарком, а также принципиальными расхождениями во мнениях о его экономической политике, он так и не разгадал тактическую игру канцлера против собственной партии по вопросам беспощинной торговли» (здесь и далее перевод наш. — *Н. Б.*).

Сопроводительный изобразительный материал (впервые опубликованы 69 фотопортретов либеральных политиков первого рейхстага 1871 г. из частных коллекций) используется лишь как иллюстративный и не воспринимается всерьез автором как самостоятельный источник. Скучный по сравнению с предшествующей публикацией изобразительный ряд Хаунфельдер обосновывает тем, что от либеральных партий до нас дошло очень немного депутатских альбомов или других фотографических источников (S. 19). Представляется, что это не вполне верно. По мнению сотрудника Комиссии по истории парламентаризма и политических партий из Бонна А. Бифанга, ни у какого другого политического направления, за исключением социал-демократии с 1900 г., не было такого богатого изобразительного наследия, как у либеральных фракций. Несмотря на эти замечания, данное справочное пособие является весьма полезным и значимым. Работа Б. Хаунфельдера проясняет глубокую разобщенность не-

мецкого либерализма на примере хорошо прослеживаемых в биографиях парламентариев частых переходов от одной группировки к другой. Из содержания работы становится очевидной связь между «либеральными метаниями туда и обратно, между прагматизмом и фундаментальной оппозицией по отношению к империи Бисмарка» и очевидными проблемами политической эффективности, которые переживал немецкий либерализм после 1918 г.

Haufelder B. Reichstagsabgeordnete der Deutschen Zentrumspartei, 1871–1933 : Biographisches Handbuch und historische Photographien. Düsseldorf, 1999.

Schröder W. H. Sozialdemokratische Parlamentarier in den deutschen Reichs- und Landtagen, 1867–1933 : Biographien – Chronik – Wahldokumentation : ein Handbuch. Düsseldorf, 1995.

А. А. Шеметев

ЗАРОЖДЕНИЕ ПРАКТИЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МАТРИЧНОГО АНАЛИЗА РИСКОВ В УПРАВЛЕНИИ СИСТЕМАМИ В ЕВРОПЕ

Рец. на: *Parigi, G. Fronte capilatta, 1598 / Guilio Parigi // Архив Библиотеки Конгресса США. Ф. LJRC MS 27. Рук. R1363. – Размер 6 × 4,24 дюйма. Объем 300 л. (600 с.) [тип почерка – гуманистическая скоропись].*

Благодаря новым технологиям создания цифровых силиконовых подложек мы имеем сейчас возможность познакомиться с книгой Джулио Париджи, которая имеется в электронных архивах Библиотеки Конгресса США и представляет существенный интерес при решении историографической проблемы интерпретации зарождения матричного анализа рисков при управлении системами в Европе.

Следует сказать несколько слов и о судьбе рукописи. До 1944 г. она находилась в частной коллекции Л. Дж. Розенвальда (Lessing J. Rosenwald), известного коллекционера раритетных изданий, который, понимая ее культурно-историческое значение, передал рукопись Библиотеке Конгресса США¹. По заключению экспертизы время создания книги 1592 – 1608 гг. Значительная часть книги была написана в конце XVI в., а в самом начале XVII в. была дополнена некоторыми рисунками.

Экспертиза подтвердила автора данного произведения – Джулио Париджи, математика-практика, который всю жизнь создавал военные машины для городов, находившихся на территории современной Италии, а также для Испанской империи. Книга написана на староитальянском языке со значительной долей староиспанского языка, главным образом классического иберийского

¹ R1363 (или полная аббревиатура: LJRC MS 27, № R1363 (Библиотека Конгресса США, Lessing J. Rosenwald Collection библиотека. Т. 27, № R1363).

диалекта. Само произведение выполнено в форме монографии с текстом и иллюстрациями на одной стороне листа так, что оборотная часть листа остается пустой для последующих возможных авторских и читательских записей. Следует также упомянуть об отсутствии четкой нумерации листов рукописи. В данном случае нумерация происходит на основании силиконовых матриц копии произведения, где первой цифрой является боковая часть обложки (матрица 1), второй является корешок твердого переплета, третьей — страница за корешком и так далее. Таким образом, обложка, сделанная самим автором после твердого переплета, находится только на 6-й странице, а предисловие автора — на 8-й. Книга имеет 601 матричный лист².

Задолго до появления классической ветви в европейской традиции стал развиваться особый подход к матричному анализу, базирующийся на практическом использовании матриц с целью анализа рисков при управлении системами, что имело глубокую экономическую подоплеку. Ярким примером зарождения практического использования матричного анализа рисков при управлении системами можно считать рукописное сочинение Джулио Париджи (Gulio Parigi) «*Fronte capillata*» («Волосы на лбу», староитал./испанск.). Это комическое название характеризует циркового акробата — ученого, который пытается постичь законы математической фортификации и потому в древнеримском одеянии катается на пушечном ядре с «волосами на лбу», которые еще стоят дыбом. Данная картина была нарисована автором на первой странице его книги.

Первые зачатки матричного анализа появились еще в Древнем Китае. Однако магические квадраты, как их называли в Китае и Индии, изобретенные еще в 2200 г. до н. э. предположительно Лом Шу, почти не имели практического использования. Тогда существовала идеальная матрица (сумма строк, столбцов и диагоналей равны одной и той же константе). Любое отклонение от идеальной матрицы немедленно снижало ее ценность. Ценностью обладали и так называемые «демонические» магические квадраты — матрицы, в которых с константой совпадали суммы чисел по ломаным диагоналям. Однако широкого практического использования данные матрицы не получили.

² Нумерация страниц в данной статье пойдет по матричным листам, поскольку автор изначально не проставил свою нумерацию страниц: он нумеровал рукопись только до 81 листа (с. 164); далее нумерация отсутствует и появляются пометки на тыловых сторонах листа. В данном случае нумерация раритетных изданий идет в соответствии с международными нормами и выражается в матричных листах, т. е. отпечатанных на силиконовой подложке цветных цифровых копиях каждого листа книги, включая обложку. При этом первый лист отводится под боковое тиснение книги, также могут быть добавлены листы, если в результате реставрации обложки оригинальную обложку полностью реставрировать не удалось и она была заменена на аналогичную воссозданную обложку. В рецензируемой книге обложка была заменена в ходе реставрации в январе 1979 г. ведущими американскими экспертами-реставраторами, что увеличило объем книги на пару силиконовых матричных листов восстановленного изображения крыльев птиц на тыловой стороне твердого переплета. В дальнейшем будут приводиться номера матричных листов книги, понимая, каким образом были пронумерованы при оцифровке книги (внесение номеров страниц в книгу XVI в. было бы верхом некорректности со стороны реставраторов). Книга была поименована экспертом Фредериком Хартон (Frederick Hart) как «*Sketchbook on military art, including geometry, fortifications, artillery, mechanics, and pyrotechnics*», поскольку само заглавие книги, по мнению эксперта, выделено недостаточно четко (см.: Lamberini, p. 107–108).

В европейской традиции матрицы до конца XVII — середины XVIII в. использовали в искусстве³. Широкое практическое использование анализа на основании матриц появилось во второй половине XIX в. При анализе рисков матрицы стали использовать главным образом с 3-й четверти XX в. Это классическая ветвь развития матричного анализа.

Важным является то, что именно автор книги понимал под системой. В период постепенного перехода от эпохи позднего Средневековья к Ренессансу еще не существовало экономической науки как отдельной отрасли человеческого знания. Самой большой системой был сам город, который представлял собой промышленный, коммерческий, торговый и военный узел. Особо важной системой была столица государства, потеря которой означала наиболее существеннейший кризис. Теоретизация науки математики и ее раздела, матричного счисления, произойдет намного позже, почти через 250 лет после выхода в свет данной книги.

Выводы и предложения книги, наиболее вероятно, были практически применены. Существует вероятность применения их при строительстве модели идеального города-крепости «Города-птицы» в Южно-Американской колонии; Петропавловская крепость в Санкт-Петербурге также построена во многом в соответствии с выводимыми автором законами идеальной военной фортификации коммерческих и политических центров.

На с. 412 Джулио Париджи описывает матрицу зависимости кубов различных веществ — воды, камня, мрамора, железа, и сплава (железо и свинец) — от долей идеальных пропорций при создании оборонительных линий систем (рис. 1).

Под управлением системой в книге понимается следующее.

Во-первых, под управлением системой он понимал управление коммерческой и промышленно-бытовой инфраструктурой замка, которая должна быть выстроена в соответствии с идеальной матрицей; наиболее идеальной он считал квадратичную матричную систему расположения данной инфраструктуры так, как это показано на рисунке матрицы с художественными иллюстрациями (с. 336) (рис. 2). Матрица делится на зоны: *F* — зона за пределами матрицы, считается пустым пространством; *A* — зона жилой инфраструктуры, соответствует крайним строкам и столбцам матрицы; *B* — зона промышленно-коммерческой инфраструктуры, соответствует всем верхним внутренним столбцам и строкам матрицы, за исключением центра; зона *E* соответствует дислокационному ядру военной инфраструктуры, это центр идеальной матрицы; зона *D* соответствует коммерческой инфраструктуре, которая напрямую связана с военной (склады продовольствия, распределительные сети для военных и пр.); зона *C* соответствует исключительно военному сектору инфраструктуры; зона *G* соответствует укрепленному сектору «последнего оплота», который должен быть использован в случае, если город (зоны за стенами) будет занят врагом для оказания сопротивления. По мнению Джулио Париджи, это нижняя правая ячейка, которая находится по диагонали слева

³ Например, магический квадрат Альбрехта Дюрера 1514 г.

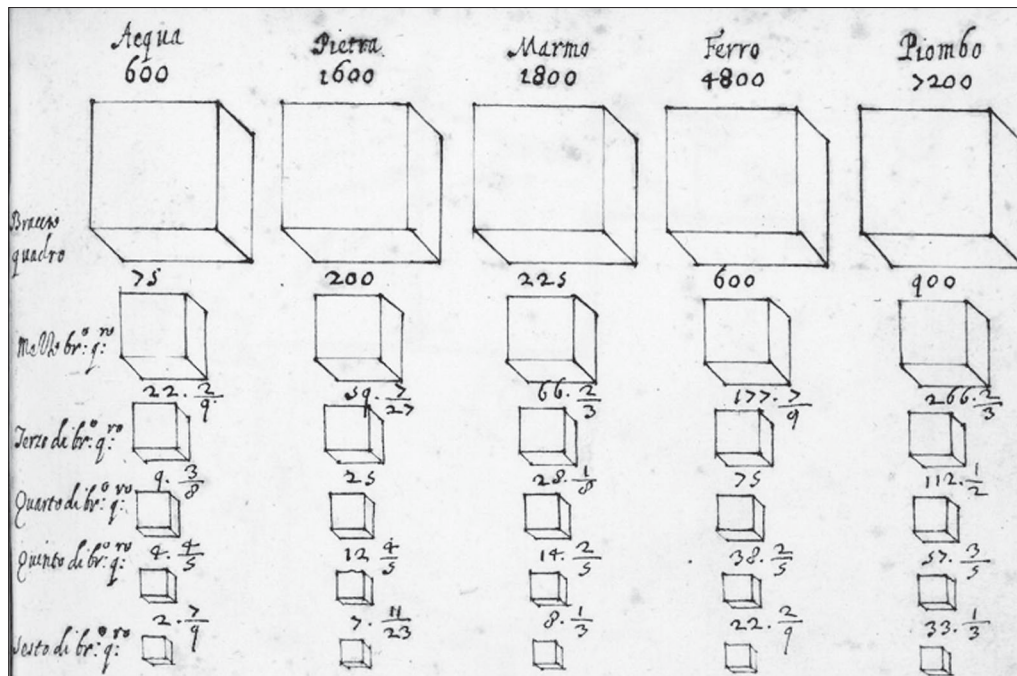

Рис. 1. Иллюстрированная матрица блоков веществ в соотношении с рисками

снизу направо вверх сразу за крайней нижней ячейкой матрицы. При выполнении идеальной матрицы риски разрушения системы вследствие захвата, а также вследствие прочих кризисных трендов внешней среды, под которыми он понимал главным образом кризисные военные тренды внешней среды, сводились к минимуму (см. рис. 2).

Таким образом, на основе разработанного им матричного анализа идеальности системы управления Джулио Париджи пытался минимизировать риски этого управления или менеджмента (от старорит. *Maneggiare*⁴ — взять в руки (инструмент), что-то делать руками; и старолат. *Manus*⁵ — рука). «Брать в руки инструмент» планировалось при создании системы с минимальными рисками, в то время для этого необходимо было строительство. Для строительства необходимо было знать, сколько ресурсов, каких и куда уйдет в процессе этого строительства, что вычислялось Джулио Париджи на основании разработанного практического применения матричного анализа. В данных условиях можно было заранее рассчитать точное количество необходимых ресурсов, а следовательно, количество денежных средств, которое необходимо для создания системы с минимальными рисками, способной противостоять кризисным изменениям внешней среды, главным образом военных экспансий.

⁴ В современном итальянском этот термин, наряду со старинным значением, означает целый ранг понятий — от манипуляции своими руками до манипуляций и управления/менеджмента вообще.

⁵ Раньше могло употребляться в итальянской литературе. Сейчас осталось главным образом в устойчивых выражениях (фразеологизмах): например, *Longa manus* — досл. 'длинная рука'.

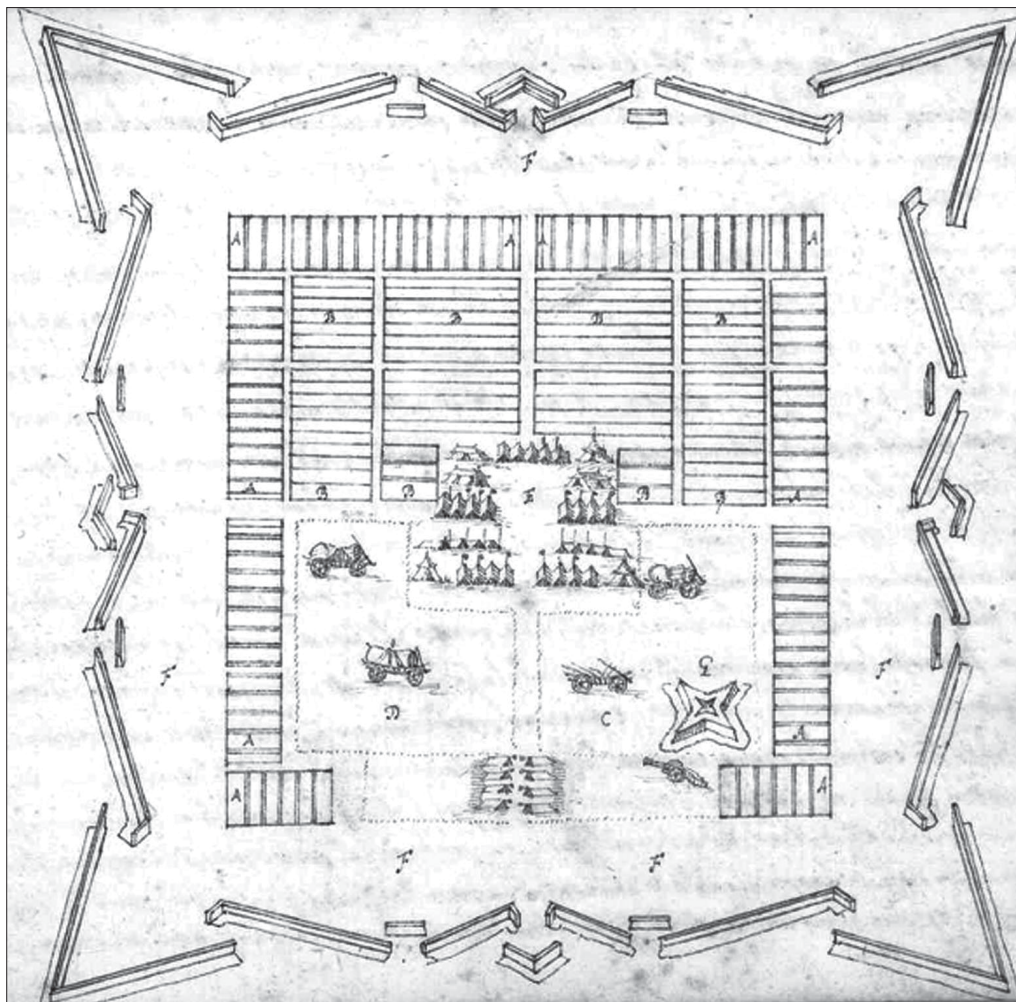

Рис. 2. Иллюстрированная матрица минимизации

На основании матрицы, согласно Джулио Париджи, можно определить, хватит ли ресурсов на создание идеальной системы. Если нет, то автор предлагает широкий спектр более дешевых в реализации и не таких «идеальных» систем, которые приведены в начале книги (с. 46, 48, 54). Одно из таких «дешевых» с точки зрения необходимых ресурсов решений приведено в форме ломаного треугольника (с. 54). Согласно вычислениям по матрице преобразований, на создание такой системы уйдет совсем немного ресурсов, при этом риски данной системы при ограниченном наборе исходных ресурсов будут минимальны.

Во-вторых, под управлением системой Джулио Париджи понимал управление набором осадных орудий (в частности, на основании матричного анализа).

Одновременно с этим Джулио Париджи применил матричный анализ при создании проектов, схем и чертежей идеальной системы. Изначально Джулио

Париджи изобрел принцип *Camera obscura* (камера-обскура), заново открытый только в конце XVIII — начале XIX в., когда стала развиваться фотография. Этот принцип, описанный Джулио Париджи, используется и сегодня. Принципу камеры-обскуры посвящен раздел в книге Джулио Париджи (с. 480—540). Джулио Париджи знакомит читателя с принципом камеры-обскуры, который заключается в точном копировании изображения художником (с. 480). Изображение при этом проходит через линзу и проецируется на особо обработанном холсте, на котором художник делает точную копию изображения (с. 480). Однако такое применение копирования Джулио Париджи счел приемлемым лишь для профессионального искусства, истории и архитектуры. При построении моделей систем необходимо было не просто копирование, а **высоко точное копирование**.

Для этого ученый разрабатывает матрицу точного переноса изображений, на основании которой удавалось точно сфокусировать либо точку на холсте, либо линию в зависимости от стадии высокоточного копирования. Принцип используется в современных цифровых фотоаппаратах, в которых также существует цифровая матрица коррекции, которая задает четкие границы изображений.

Для фокусирования изображения, вдобавок к матрице, применялась также система рычагов для точного отображения угла падения тени при копировании. В работе приведено практическое применение матрицы при использовании рамки для копирования, в которой проделаны определенные ячейки для высокоточного копирования (с. 492) (при современном цифровом копировании в данной точке код импульса должен четко отличаться от кодов импульсов соседних элементов матрицы; тогда четко матрицу не выделяли, а выделяли данную точку для высокоточного копирования, затем выделяли следующую точку или линию и т. д., пока процесс высокоточного копирования не будет завершен).

В книге приведено сравнение копии изображения без использования дискретной рамки (изображение крайне размыто) (с. 494) с изображением, полученным с использованием рамки (с. 492). Конечно, практическое применение еще не разработанного в то время методологически и методически матричного анализа сказывалось на полноте применения современных автору методов матричного анализа.

Классическое применение метода камеры-обскуры в условиях отпечатки изображения, проходящего через линзу в условиях идеально темного помещения, приведено на с. 500 книги при иллюстрации применения метода для копирования копии изображения готического собора в деталях.

В качестве художника Джулио Париджи использует образ маленького ребенка, подразумевая, что и маленький мальчик может справиться с копированием сложного изображения в условиях камеры-обскуры. (Первые фотоаппараты делались именно в форме таких темных комнат, где в течение многих минут происходило высокоточное копирование, при этом объекту копирования нельзя было двигаться; отличие же первого фотоаппарата от камеры-обскуры по методу Джулио Париджи (1598 г.) состояло в использовании художника, к которому не предъявлялось особых профессиональных требований в искусстве. При этом был ликвидирован риск движения объекта в процессе фото-

копирования, а также имелась возможность без проблем копировать не только изображения маленьких предметов и людей в условиях темной комнаты, но и масштабных объектов в условиях яркого солнечного света.) Дискретно-матричный же аппарат нужен только при копировании моделей сложных систем для минимизации рисков ошибок при построении моделей, вызванных естественными ошибками при копировании схем и чертежей (рис. 3).

Вариант матричного анализа — матрица расчета зависимости объемов и характеристик ядра, перегородки, горла пушки, толщины стен бастиона и прочих факторов (с. 44). В ходе анализа можно выявить идеальную конструкцию системы с минимальными рисками при различных исходных и прикладных характеристиках. Таким образом, происходит противодействие рискам разрушения системы — создание идеальной системы, удовлетворяющей матрице условий; т. е. это модель идеальной системы на основании матрицы. Одновременно с этим Джулио Париджи рассматривает риск непопадания артиллерийским орудием во врага. Для минимизации риска, по его мнению, необходимо усложнение геометрии стены для повышения зоны покрытия всеми орудиями.

Чертежные матрицы автор предлагает сверять по оптическим щелям в выделенных дискретных единицах, через которые проецируется свет, с готовой системой с целью анализа ее идеальности (с. 516) (рис. 4).

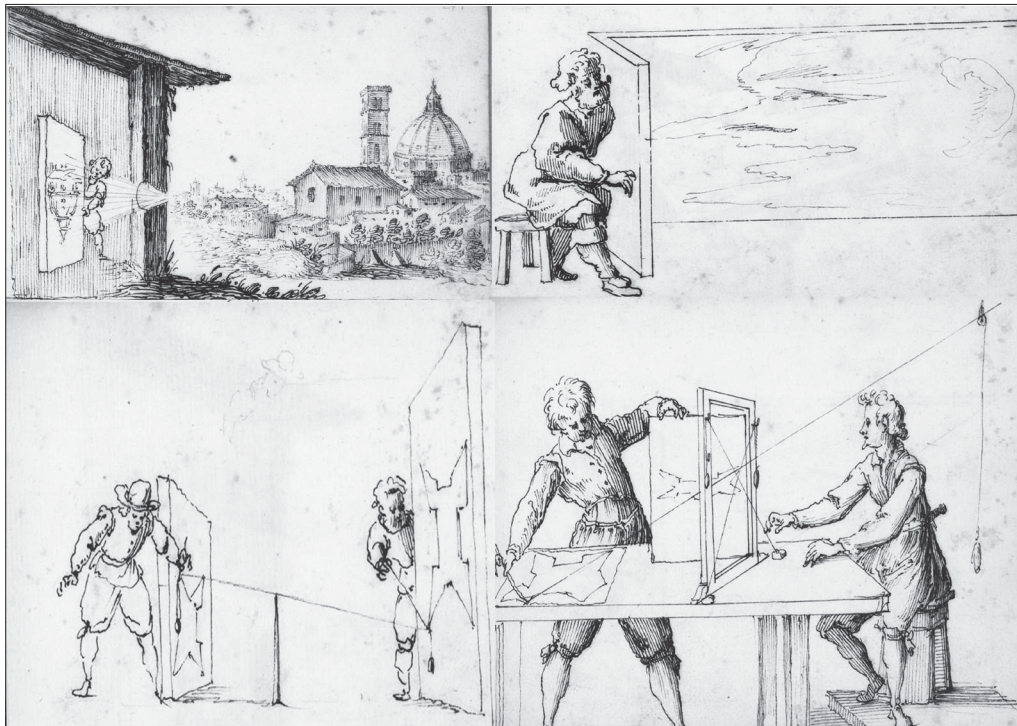

Рис. 3. Камера-обскура с матрицей и без матрицы

На с. 260–262 приводится матрица зависимости необходимого количества железа, камня, стали, специалистов при определенных конструкциях бойниц с расчетом идеального количества пушек. Следствием расчета матрицы является установление стоимости проекта, что выражается в его ресурсозатратности. Автор пытался выявить диагональную зависимость между столбцами матрицы, что отчетливо видно в его заметках (рис. 5).

Наибольшим риском для системы Джулио Париджи видел во множестве рисков, которые происходят одновременно: например, при аналоге касетной бомбардировки системы, когда минимальный риск негативного действия одного снаряда максимизируется за счет множественности касетных снарядов. На с. 318 автор описывает пушку для массивной касетной бомбардировки замков, материалы для создания и работы которой можно рассчитать на основании матричного анализа. Автор предлагал два типа касетных бомбардировок: 1) при помощи касетной пушки, 2) при помощи адаптации механизма подачи фейерверков к массовому запуску ракет, начиненных прототипами фугасных снарядов: при взрыве расплывается газ; при этом риск непопадания минимизируется за счет множества ракет, фугасного газа и осколочных элементов во взрывном элементе (аналога гвоздей). Джулио Париджи описывает в аллегорическом образе, что риск касетной бомбардировки для систем сопоставим для них с риском, который дает Дьявол миру, поджигая для маскарада корабль, на котором он сам плавает (с. 352) (рис. 6).

Джулио Париджи также приводит в рукописи детализированный чертеж пистолета-кольца с барабаном патронов (с. 286) (рис. 7), а также противокавалерийских мин (с. 220) и схему их установки (с. 202) (рис. 8). Кроме того, автор приводит тип быстроустанавливаемого бастиона, принцип которого впоследствии часто применялся при строительстве русских городов (с. 136) (рис. 9).

В целом, по окончании Средних веков в Европе была создана альтернатива будущему матричному анализу исходя из первоисточника — возможности практического применения данного типа анализа. Автор отказался от теоретической конструкции диагональной взаимосвязи столбцов одной из матриц, необходимых для расчета потребностей в ресурсах при организации и управлении системами, поскольку, по-видимому, не смог найти практического применения данной теоретической конструкции. Матричный анализ Джулио Париджи при анализе рисков при управлении системами был, по сути, анализом самих систем за счет сравнения их с эталоном на основании матрицы. Следовательно, на основании данного анализа можно вычислить количество и качество эталонных ресурсов, необходимых для создания системы, — камней, дерева, металла (железа и сплавов), пороха и прочих компонентов. В результате мир получил теорию строительства идеальных систем, максимально устойчивых к основному риску внешней среды тех времен — риску военной интервенции. Так, например, первая крепость на территории современного Екатеринбурга, построенная во время Петра Великого, также была создана по описанным Джулио Париджи принципам (рис. 10). Менеджмент в те времена воспринимался исходя из практического значения — «взять в руки инструмент» для создания системы для минимизации рисков (рис. 11, 12).

Рис. 6. Философия огня

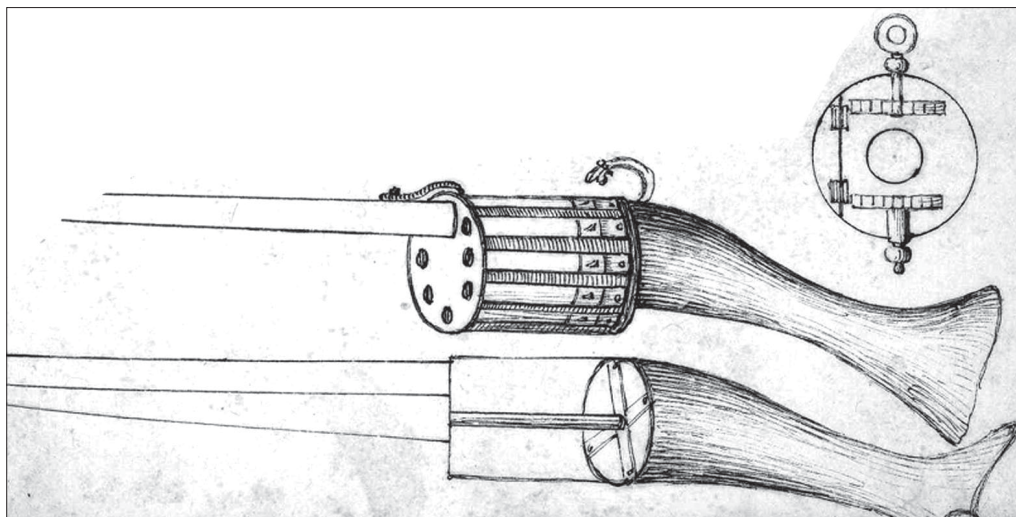

Рис. 7. Кольт образца 1598 г.

Рис. 8. Противокавалерийские мины

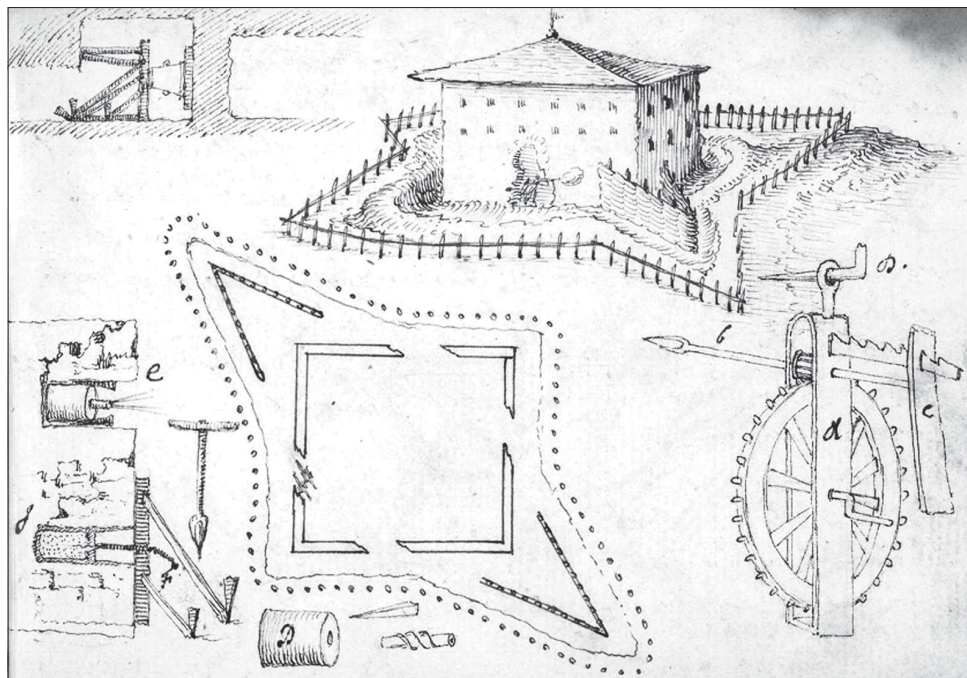

Рис. 9. Быстроустанавливаемый бастион

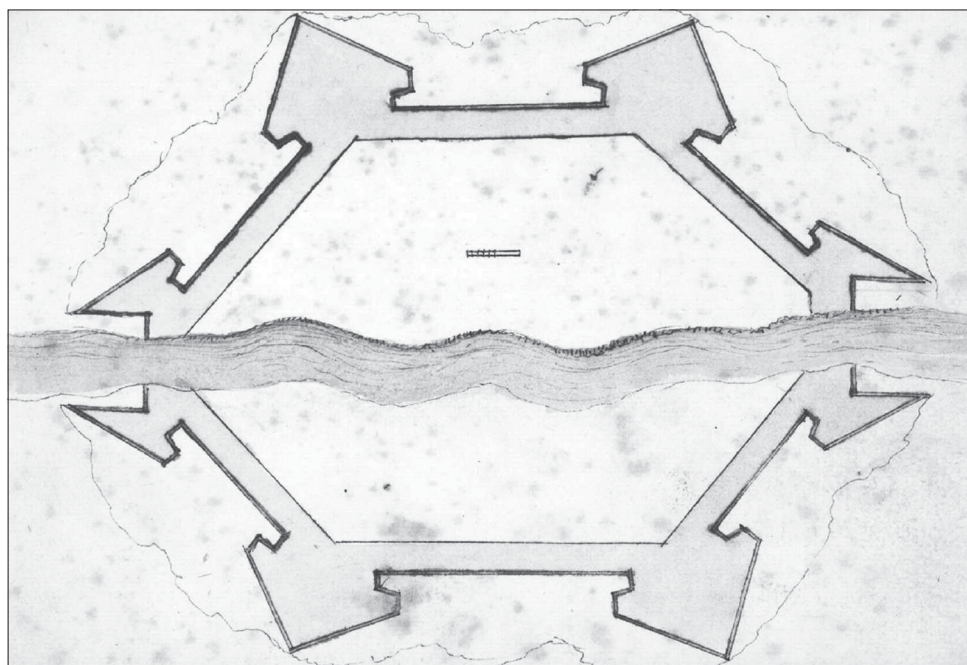

Рис. 10. Идеальная крепость на реке

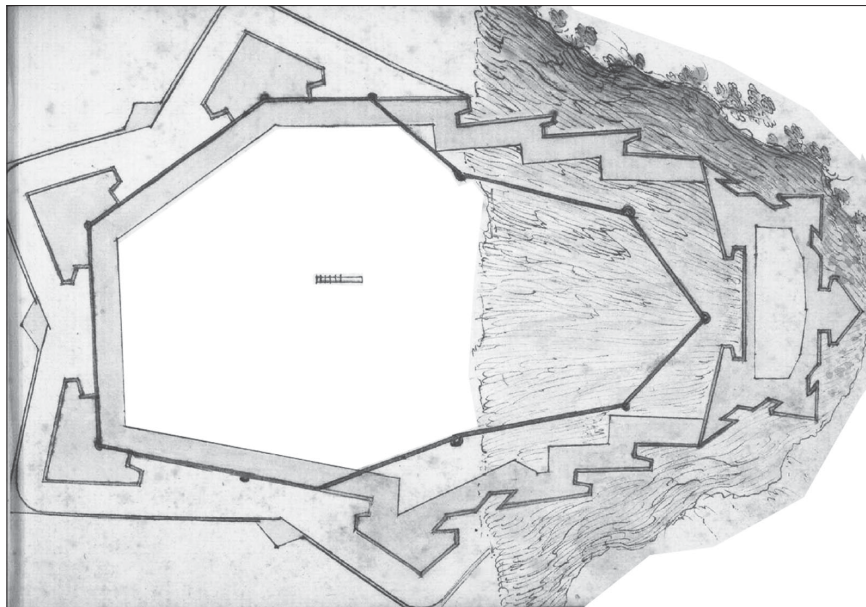

Рис. 11. Выравнивание квадратом крепости в условиях гор

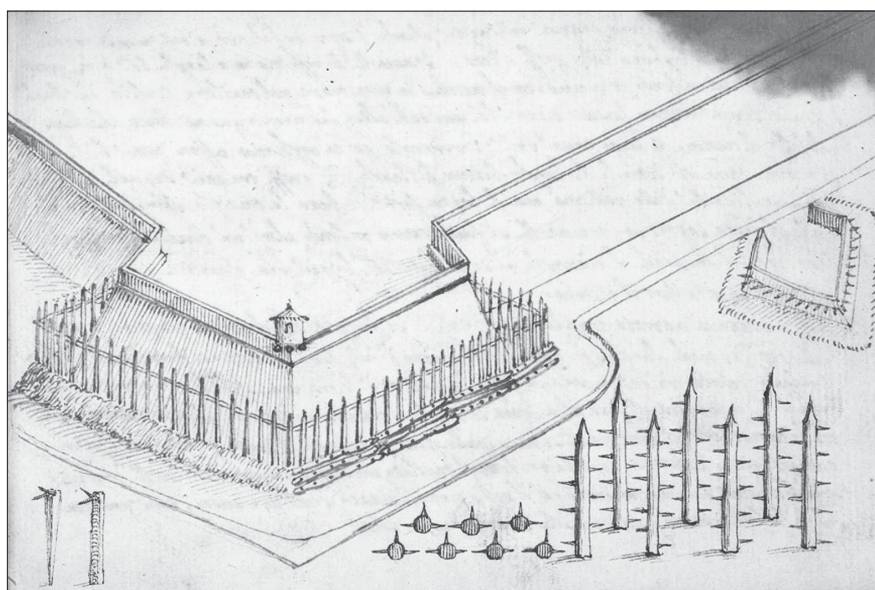

Рис. 12. Обнесение частоколом крепостей

Lamberini D. Two projects: a sketchbook on military architecture and the Frederick Hart papers // Record of activities and research reports. Washington, 2004. P. 107–110.

А. В. Федотов

НОВАЯ КНИГА О БУДДИЙСКОЙ СКУЛЬПТУРЕ

Рец. на кн.: *Деменова В. В., Уроженко О. А. Пространство смыслов буддийской металлической скульптуры / В. В. Деменова, О. А. Уроженко. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. — 143 с.*

Несмотря на сравнительно небольшой объем, монография, посвященная поиску и описанию смыслов буддийской металлической скульптуры, предлагает своим читателям исключительно богатый по содержанию, точный по фактологии и интригующий по сути рассказ о том, как трехмерное буддийское искусство передает идею абсолютной реальности.

Буддизм Тибета и Монголии (а именно буддийская скульптура этих стран исследуется авторами книги) в целом эзотеричен, и разобраться в нем человеку неискушенному чрезвычайно сложно. Столь же сложно, полифонично и полисемантически буддийское искусство, в частности буддийская пластика. Видимо, поэтому монография носит столь удачное название, включающее понятие «смыслов». Она призвана проанализировать и раскрыть взаимосвязь божества, творца и произведения, передать неразрывность Абсолютной и относительной природы.

Авторы книги исследуют так называемый северный буддизм — буддизм Тибета, Непала, Монголии, Бурятии, Калмыкии и т. д. Поэтому вполне логично и закономерно их обращение к учению создателя тибетской буддийской школы гэлугпа Цзонхаве и его медитативной практике. Создание буддийского произведения рассматривается Цзонхавой как процесс реализации пяти этапов «ясного восприятия божества». Как правильно отмечают авторы книги, этому процессу предшествуют обряды очищения и всеобъемлющая медитация-визуализация на божество, которое нужно изобразить. При этом мастер (скульптор или мастер тханок) как бы становится медиатором изображаемого божества и имплицитной частью самого произведения. Так, процесс сотворения божественного образа превращается по сути в сакральное священнодействие. Благодаря последующему «очищению» и освещению, сотворенное произведение получает соответствующий статус и рассматривается как тождественное изображенному божеству. Когда же это произведение используется кем-либо для совершения медитации, круг замыкается: абсолютность и относительность воплощаются в едином образе.

По замыслу авторов, эта книга призвана описать буддийскую пластику комплексно, т. е. с учетом философских, общеэстетических и искусствоведческих аспектов. Именно поэтому первая глава книги посвящена доктрине Пустоты — шуньявады — в буддийской религиозно-философской мысли. Концепция Пустоты важна не только сама по себе, ибо это центральная проблема буддийской философии всех школ и направлений, но еще и потому, что она связана с поня-

тием природы Будды. Чандракирти описывает этот феномен следующим образом: «Ты, обладающий неколебимым телом, благодаря своим манифестациям снова проявляешься в трех мирах и демонстрируешь нисхождение, рождение, просветление и колесо умиротворения». Тела Будды — Тело Закона (Дхармакайя), Тело наслаждений (Самбхога-кайя) и Тело воплощений (Нирманакайя) — проявляются и существуют имманентно. Иными словами, проявление и существование тел Будды представляет собой континуум, Цзонхава же рассматривает само изображение как сложный континуум, на разных уровнях отражающий тела Будды (с. 34). Именно здесь, на мой взгляд, авторы книги проникают в самую сущность корреспонденций между божеством и его двумерным или трехмерным претворением.

Две последующие главы («Ре-презентация и Со-крытие Природы Истинного в буддийском искусстве» и «Буддийская металлическая скульптура как проявление многоаспектности Кауа (Тело)») являются логическим продолжением первой главы. В них авторы анализируют ряд очень важных для правильного понимания буддийской деноминации «изображение» понятий и терминов, в частности понятий «тело» и «форма».

В произведениях буддийского искусства тело и форма как составляющие понятия «изображение» в данной работе рассматриваются через взаимопроникновение принципов репрезентации и сокрытия Абсолюта/Истинного, рассмотренных в контексте эстетического (с. 48). Буддийская металлическая скульптура рассматривается как проявление многоаспектности Кауа (Тело). Плодотворность введения иконографического Тела, иконометрического Тела, Тела украшений, Тела света раскрывается через тонкие искусствоведческие наблюдения, через возможность ракурсного анализа деталей. Прослеживается выразительная и глубокая взаимосвязь многоаспектных тел со смыслами художественного образа.

Книга В. В. Деменовой и О. А. Уроженко предлагает читателям окунуться в сложный мир буддийской пластики, почувствовать его сакральную первозданность и проникновение в нее скульпторов-творцов. Книга, вобравшая в себя все ценное и актуальное, изданное по проблемам буддийского искусства в России и за рубежом, написана очень корректно и профессионально. Цветные фотографии произведений металлической пластики и их компьютерная обработка помогают проникнуть в суть описанных концепций и решений. Все это делает книгу полезной для тех, кто интересуется буддийским искусством, философией и эстетикой.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

Константин Комаров

Константин Комаров — магистрант филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Стихи пишет с 15 лет. Публиковался в журналах «Урал», «Уральский следопыт», альманахе «Воскресение», различных поэтических сборниках и альманахах в Екатеринбурге, Москве, Оренбурге, Астрахани и других городах. Автор книг, стихов «На ощупь иду» (Екатеринбург, 2008), «Одни под одеялом» (Екатеринбург, 2010). Активно публикуется и как литературный критик (например, в журнале «Урал»). Участник форума молодых писателей России и стран СНГ в Липках (2010). Участник регионального семинара-совещания молодых писателей (Оренбург, 2008) и всероссийского совещания молодых писателей (Сургут, 2009). Лауреат премии журнала «Урал» за литературную критику (2010). Живет и работает в Екатеринбурге.

Питер

На Васильевском острове плавленный ел я сырок,
я бы мяса поел, только денег уже не осталось,
уезжать не хотелось, ведь здесь даже в крике сорок
что-то слышится, кажется, будто бы из Мандельштама.

Я влюблен в прямизну этих мощных уверенных линий,
что томление пространства практически сводят на нет,
рассекаешь по Невскому, словно какой-нибудь Плиний,
а не как по Свердловску убогий свердловский поэт.

Питер, я прорастаю в тебя до упора,
до излома сетчатки, до звона пустых позвонков,
я тебя увезу далеко, за Уральские горы,
Питер, я тебя в строчки упрячу — и буду таков.

Вечереет уже, и в Неве, как в зеркале летейском
отражается все, что я знаю теперь наизусть,

и туманное небо щекочет шпиль Адмиралтейства
и, пришпорив коня, Петр топчет посконную Русь.

Послезавтра уже поднимусь я немного фатально
на родной и привычный, заплеванный третий этаж,
и по дням потеку с безмятежным спокойствием Фонтанки,
утешаясь лишь тем, что зафоткал я весь Эрмитаж.

Но доеден сырок и осталась одна лишь сорока,
неспокойно бедняге, кроит побледневшую тьму,
и на этот раз чудится что-то как будто из Блока,
и молчит Петербург, но отвечает вечность ему.

* * *

Смерть. Поцелуй. И кофе с коньяком.
Наверное, в порядке убывания.
Я помню только неба коленкор.
Я знаю, что кого-то убивали.

Меня, тебя... Не все ли нам одно?
Без времени и умирать не страшно
И падать на паласа полотно,
Ни на мгновение уже не ставши старше.

И здесь не место логике вещей,
В абсурде смерти человек невинен.
Ну а бессмертны разве лишь Кошей
И Гений. Да и те наполовину.

* * *

Стоит ли укорять
солнце за то, что село,
если по рукоять
слово уходит в тело?
Или в слепую даль
взгляд устремлять, как мичман,
если моя печаль
миру омонимична?
Нет, мы совсем другие,
не по пути с мальками,
вечные андрогины
мира кривой амальгамы.
Забавно — любовь разменять
осколками битых тарелок...

Так смотрят часы на меня,
как ты, уходя, посмотрела.

* * *

Так любит гонимого зверя
Охотник, наведший прицел,
Я раз в миллионный изверюсь,
Что все же поверю в конце.
Но вот, от безверья трезвея,
Я все же надеюсь пока,
Что хватит сноровки у зверя,
Заклинит курок у стрелка.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИИ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНГЛИСТИКИ

XX Международная конференция

27–30 сентября 2010 г. Уральский государственный университет стал местом проведения XX Международной конференции Российской ассоциации английской литературы и культуры (RAES), ассоциированного члена Европейской ассоциации изучения проблем англистики (ESSE). Российская ассоциация изучения англистики является некоммерческой, неполитической организацией, объединяющей более 200 специалистов, изучающих английскую литературу и культуру. Она была создана в 1991 г. по инициативе почетного профессора Московского педагогического государственного университета, заслуженного деятеля науки Нины Павловны Михальской. Российская ассоциация англистики имеет тесные связи с зарубежными коллегами, в частности с Оксфордским университетом. Ассоциация издает альманах «Anglistika» (на сегодняшний день вышло 10 тематических выпусков альманаха).

Ежегодные конференции Ассоциации проходят в разных российских университетах. Трижды они проводились в Москве, а также в Н. Новгороде, Новгороде Великом, Перми, Кирове, Уфе, Орле, Тамбове, Самаре, Воронеже, Пушкинских Горах, Минске, Рязани, Владимире. Впервые конференция прошла в Екатеринбурге.

Конференция англистов в Екатеринбурге проводилась на базе Уральского государственного университета им. А. М. Горького и Объединенного музея писателей Урала. Тема конференции — «Литературная провинция (образ провинции в британской и русской литературе)» — позволила участникам обсудить широкий спектр вопросов историко-литературного, теоретического, компаративистского характера. На **пле-нарном заседании** с докладами выступили президент RAES доктор филологических наук, профессор МПГУ *Е. Н. Черноземова*, глава отдела образования и культуры генерального консульства США в Екатеринбурге *Кимберли Уильямс* и доцент филологического факультета УрГУ *А. В. Подчиненов*. Участниками конференции стали представители ведущих российских университетов и научных учреждений из 22 городов (Москва, Санкт-Петербург, Казань, Н. Новгород, Екатеринбург, Пермь, Саратов, Новосибирск, Черкесск, Уфа, Челябинск и др.). Кроме того, на конференции присутствовали англисты из Польши и Болгарии: проф. *О. Глебова* из Академии им. Яна Длугоша (г. Ченстохов) и проф. *И. Перянова* из Экономического университета (г. София). В рамках конференции прошло обсуждение широкого круга проблем

английской литературы, языка, взаимосвязей и взаимовлияний английской и русской литературы.

Доклады 95 участников конференции были представлены на 8 секциях, самыми многочисленными из которых стали секции «*Дух английской провинции в литературе*», «*Имперский дискурс в литературе Великобритании*», «*Литературная и экстралитературная интерпретация художественного текста*», а также секция «*Маргинальность в языке и литературе*». Доклады, прозвучавшие на последней секции, продемонстрировали удачный и интересный синтетический подход к изучению языковых явлений. Отдельно была организована сессия стендовых докладов для магистрантов и аспирантов УрГУ.

Особое внимание участников конференции привлекли доклады «“Полная энциклопедия рыболова” Исаака Уолпола и “Записки об ужении рыбы” С. Т. Аксакова» профессора *Т. Л. Селитриной* (БГПУ им. М. Акмуллы, г. Уфа), «“Книга Марджери” (XV век), уроженки средневекового Линна, как литературный памятник эпохи» профессора *М. Н. Николы* (МПГУ, г. Москва), «Аксиология провинции в современной ирландской драматургии» профессора *Н. И. Прозоровой* (КГУ им. К. Э. Циолковского, г. Калуга), «На перекрестке художественных направлений: Уильям Моррис» доктора филологических наук *Э. В. Седых* (СПб ИВЭСЭП, г. Санкт-Петербург) и ряд других сообщений. Екатеринбургские вузы были представлены участниками из Уральского государственного педагогического университета и Уральского государственного университета им. М. Горького. Кроме представителей филологического факультета, среди последних были и представители исторического факультета, выступившие с докладами «Имперский дискурс в сочинении Эд. Гиббона “История упадка и гибели Римской империи”» (доцент *В. В. Высокова*) и «Английское провинциальное дворянство в романах Джейн Остен» (аспирант *К. А. Макрушина*), оба сообщения вызвали оживленное обсуждение, поскольку представляли нетрадиционные на филологической конференции взгляды на известные произведения.

Кроме того, в рамках работы конференции была организована встреча участников конференции с известным переводчиком англоязычной поэзии *С. М. Рабинович*, а также *круглый стол* с участием известных уральских писателей и критиков, на котором в качестве гостей присутствовали главный редактор журнала «Урал», известный драматург *Олег Багаев*, критик, зав. отделом прозы журнала *Андрей Ильенков*, поэт *Андрей Расторгуев*, известный литературный критик, профессор УрГУ *Л. П. Быков*. Тема дискуссии «Провинциальная литература» вызвала горячие споры и дискуссии всех присутствующих.

Среди новшеств, которые появились во время подготовки и работы конференции, отметим сайт litprov.philol.usu.ru, на котором оргкомитет размещал необходимую информацию по ходу конференции и на котором был выложен фотоотчет о работе конференции.

Впервые став одним из организаторов конференции Российской ассоциации англистики, УрГУ заявил о себе как о важном центре изучения английского языка, литературы и культуры, что, несомненно, будет способствовать дальнейшему повышению его рейтинга, а также росту интереса молодых исследователей к этой области филологии.

О. Г. Сидорова

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА В ВУЗЕ: ИННОВАЦИИ, МЕТОДИКА, ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

II Международная научно-практическая конференция

В УрГУ 26 марта 2010 г. состоялась II Международная научно-практическая конференция «Зарубежная литература в вузе: инновации, методика, проблемы преподавания и изучения», организованная силами преподавателей кафедры зарубежной литературы Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Опыт первой конференции, проведенной в 2008 г., показал, насколько актуальными и остродискуссионными являются для преподавателей-зарубежников проблемы, связанные с организацией занятий по мировой литературе, составлением программ для разнопрофильных аудиторий, выбором форм и методов контроля самостоятельной работы студентов, интерпретацией того или иного материала.

Проведение уже второй конференции на эту тему стало для организаторов еще одним веским доказательством того, что выбранная проблематика вызывает живой интерес у коллег из разных регионов и даже стран. Конференция приобрела статус международной благодаря участию в ней преподавателей из США — *Мелиссы Фрейзер* и *Джозефа Хатема*. Доклад г-жи Фрейзер открыл **пленарное заседание** конференции, вызвав оживленную дискуссию и задав главный вектор последующей работе секций. Он был посвящен сравнению двух подходов (американского и российского) к преподаванию литературы. Работая благодаря поддержке программы Фулбрайт в течение семестра в Уральском государственном университете и имея опыт изучения русской литературы в МГУ, наша коллега из колледжа Сары Лоренс (Нью-Йорк) смогла сопоставить системы литературного образования России и США и выявить круг основных «болевых точек» того и другого.

Также на пленарном заседании были заслушаны доклады доц. *А. В. Маркина* (Екатеринбург), размышляющего над феноменом зарубежной литературы («зарубежки») в его связи с многотомным изданием Библиотеки всемирной литературы, и *Б. В. Орехова* (Уфа), предложившего вниманию коллег презентацию результатов анкетирования студентов первого — второго курсов в отношении их представлений о сути и значении изучаемого предмета (литературы) и поделившегося с коллегами результатами своей аналитики по данному поводу.

Далее работа конференции развивалась по трем основным направлениям, тематика которых отразилась в содержании прозвучавших на секциях докладов. **Проблемы рецепции иноязычного художественного текста** (одно из приоритетных направлений, разрабатываемых на сегодняшний день кафедрой зарубежной литературы УрГУ) были затронуты в выступлениях *Дж. Хатема* (Нью-Йорк), говорившего о восприятии детьми образного поэтического языка конкретных авторов; *В. О. Возмилкиной* (Екатеринбург) и доц. *Н. В. Горбуновой* (Тюмень), представивших оценку творчества английских писательниц Э. Гаскелл и Дж. Элиот британским и российским литературоведением соответственно; *Е. С. Ессяк* (Екатеринбург), сравнившей процесс восприятия студентами литературной и экранной классики в аспекте ее интерпретации; *Д. В. Спиридонова* (Екатеринбург), поднимающего вопрос об эмпирических методах исследования литературы, в том числе и в связи с процессом ее восприятия. **Проблема рецепции творчества Шекспира** английской литературой последующего столетия была поднята проф. *М. В. Кожевниковым* (Магнитогорск). Определенной «двунаправленностью» содержания оказались отмечены на секции доклады доц. *Н. О. Ласкиной* (Новосибирск) и доц.

А. И. Лаврентьева (Ижевск). В первом из них речь шла о специфике рецепции модернистского текста (на примере романистики М. Пруста), во втором — о сложном взаимодействии дискурсов массовой и элитарной литературы в современном образовательном пространстве. В то же время оба докладчика апеллировали к собственной преподавательской практике, предлагая конкретные решения заявленных проблем.

Практический опыт преподавания зарубежной литературы студентам разных специальностей — тема еще одной секции на конференции. Одной из самых актуальных проблем в этой области, и это было отмечено всеми участниками, остается проблема приобщения к книге. Разные варианты повышения читательской мотивации у студентов-нефилологов были предложены в докладах проф. *С. Н. Кожевниковой* (Магнитогорск) и доц. *О. Н. Турышевой* (Екатеринбург), о том же, но относительно студентов-филологов размышляла *Е. С. Пургина* (Екатеринбург). Успешность сравнения литературного произведения с его театральным воплощением в качестве действенного методического приема обосновывалась в докладе доц. *А. К. Никулиной* (Уфа). О роли и месте литературы бидермейера в курсе изучения немецкой литературы XIX в. говорила проф. *Е. Р. Иванова* (Орск). Об антиномии свободы — необходимости как форме презентации трагического при изучении древних литератур — доц. *Л. А. Назарова* (Екатеринбург). Различные концепции барокко как литературного направления, представленные в вузовских учебниках по истории зарубежной литературы XVII в., были детально рассмотрены в докладе доц. *М. Р. Чернышова* (Екатеринбург). Авторскую концепцию курса «Зарубежный роман XX века» предложила доц. *Е. В. Исаева* (Елец).

Еще одна секция конференции была посвящена **собственно проблемам интерпретации литературного материала** — как классического, так и современного. О проблемах авангарда в творчестве Ж. Грака рассказала участникам доц. *Л. И. Литская* (Тюмень). О семантике ключа и мифологии смеха в трагедии Гете «Фауст» — доц. *В. Г. Пожидаева* (Тара). Английской классике на страницах дневника Дж. Фаулза был посвящен доклад проф. *Т. Л. Селитриной* (Уфа). Историко-культурные параллели образа терпеливой Гризельды, воплощенного в пьесе К. Черчилл, были найдены и проанализированы *Е. Н. Политыко* (Екатеринбург). Интереснейший сопоставительный анализ романов Д. Томаса «Портрет художника в щенячестве» и Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» был проведен в выступлении проф. *Н. Ф. Швейбельман* (Тюмень).

Закрыв работу конференции «Зарубежная литература в вузе: инновации, методика, проблемы преподавания и изучения» **круглый стол**, на котором были подведены ее итоги. По результатам конференции вышел сборник научных трудов с одноименным названием.

Л. А. Назарова

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ УРАЛА: ЛИТЕРАТУРА, ЭТНОС, ВЛАСТЬ

VI Всероссийская научная конференция

На базе Института истории и археологии УрО РАН, Уральского государственного университета им. А. М. Горького и Объединенного музея писателей Урала 7–8 октября 2010 г. состоялась VI Всероссийская научная конференция, проходящая под общим заглавием «Литература Урала: история и современность». Тема нынешней конференции — «Историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть». Она стала закономерным продолжением предыдущей, посвященной национальным образам мира

в региональной проекции, но на это раз национально-этническая проблематика была выведена, с одной стороны, в сферу геокультурного пространства, с другой — в сферу социально-политических, властных отношений, влияющих как на развитие литературы, так и на процессы национально-этнической идентичности. Л а н д ш а ф т — одно из популярных интегративных понятий современной гуманитаристики, обычно под ним имеется в виду «этнокультурный феномен», «природно-культурная среда развития этноса, местного сообщества» (В. Н. Калуцков). Ландшафт раскрывается по мере постижения его исторических, духовно-информационных свойств и ресурсов, и поэтому исследование и познание литературной истории Урала предстает как одновременное обогащение его культурного ландшафта.

На конференцию съехались ее постоянные гости из разных городов Урало-Сибирского региона — Уфы, Сыктывкара, Перми, Челябинска, Тюмени, Красноярска, Новосибирска, Оренбурга и др. В рамках конференции был также проведен *научный семинар*, посвященный 130-летию со дня рождения классика башкирской и татарской литературы Мажита Гафури. Его участниками стали ученые из Уфы, Казани, Екатеринбурга. Инициатором проведения семинара явилось Общество башкирской и татарской культуры имени Мажита Гафури (Екатеринбург), в частности его председатель *С. Л. Надыров*.

На *пленарном заседании* прозвучали доклады, открывающие направления работы конференции. Доклад заведующего сектором истории литературы Института истории и археологии УрО РАН *Е. К. Созиной* был посвящен обсуждению семантики понятия историко-культурного ландшафта Урала, задающего методологию коллективного исследования истории литературы региона, которое уже не первый год ведут уральские филологи. Различая регионы-ячейки и регионы-страны, московский географ М. П. Крылов к числу последних относит Урал, и в справедливости этого положения людям, живущим на Урале, не приходится сомневаться. Урал сначала в европейском, а затем и в русском сознании зафиксировался как восточная граница Европы, а одновременно как «шов», соединяющий ее с Азией, в семантическом отношении он был равно открыт обеим (и северо-азиатской, и европейской) перспективам, поэтому в истории он получал самые разнообразные истолкования: и как последний бастион Европы, и как начало «другого» (неевропейского) мира, настоящий «фронт» (термин Ф. Тёрнера). Поэтому разнообразна и многопрофильна культура, складывавшаяся на территории региона. Отследить историческое развитие ее литературной составляющей — задача академического проекта по созданию многотомной «Истории литературы Урала», объединившего участников этой и всех предшествовавших конференций. Заведующий кафедрой фольклора и древней литературы Уральского государственного университета *В. В. Блажес* рассказал об истории изучения региональной литературы на Урале. Одним из первых на особость словесности региона (областной литературы) как некой специфической общности обратил внимание Д. Н. Мамин-Сибиряк. В первые десятилетия XX столетия П. С. Богословский, профессор Пермского университета, поставил задачу изучения «местного края в историко-литературном отношении». Он развернул активную деятельность по сбору печатных и рукописных материалов «о творчестве уральских и внеуральских писателей, в произведениях которых отразилась жизнь Урала», так что создание в 1990-е гг. в Пермском университете исследовательской лаборатории литературного краеведения имени П. С. Богословского явилось закономерной данью памяти ученого, сегодня это один из центров по изучению литературной жизни русской провинции. В докладе были также очерчены направления работы екатеринбургских (свердловских) краеведов по изучению и восстановлению литературной жизни края.

Гость из Уфы профессор Башкирского государственного университета *Г. С. Кунафин* сделал доклад о развитии башкирской прозы начала XX в., рассмотрев ее в плане

идейно-эстетических воззрений писателей, творческих методов и жанровых систем, сложившихся в литературе в те годы. Активное развитие прозы, особенно малых жанров, демонстрирует творчество Мажита Гафури, который с первых шагов в литературе складывался как писатель, тяготеющий к реалистическому направлению; несколько иные закономерности прослеживаются в его поэтическом движении. Докладчик еще раз заострил проблему создания объективной картины развития литературы на Урале и необходимости отражения в ней национальных литератур всех народов, живущих в регионе. Эту тему продолжил профессор кафедры татарской литературы Татарского государственного педагогического университета *Ф. Г. Галимуллин* (Казань). Без истории татарской литературы, заявил он, литература Урала будет неполной. В содержании своего доклада *Ф. Г. Галимуллин* раскрыл связи творчества Мажита Гафури с Казанью и с татарской литературой в целом. Ведущий научный сотрудник Института языка, истории и литературы Коми научного центра УрО РАН *В. А. Лимерова* (Сыктывкар) обратилась к творчеству известного в Коми писателя середины XX в. *В. В. Юхнина* и показала, как в 1930-е гг. в республике проходил процесс «приспособления» литературы к идеям и требованиям партии. «Правда жизни была заменена правдой идеи», и *В. Юхнину* пришлось перерабатывать свои произведения в угоду новым лозунгам: он создал утопический роман о героическом строительстве социалистического города в Заполярье, заменив национальное универсально советским. Центральным героем доклада заведующего кафедрой журналистики Пермского государственного университета *В. В. Абашева* стал известный во второй половине XIX в. журналист и культуртрегер *Д. Д. Смышляев*, его «палестинское путешествие», в ходе описания которого научно-просветительский дискурс побеждает эстетические впечатления и развенчивает «поэтику Востока», сложившуюся в европейской литературе. Доклад *В. В. Абашева* поставил чрезвычайно важную проблему прочтения произведений, созданных в регионе. Далекое не всегда эти произведения отличались высоким уровнем художественности и эстетическим новаторством, но именно из документальной и «учено-познавательной» словесности, как показывают в своих работах многие исследователи, рождалась не только «областная» (русская) литература, но и многие национальные художественные традиции.

Секционные заседания выстраивались вокруг ряда центральных проблем, заявленных выше. Первая секция («*Национальные образы мира в литературе региона*») позволила осуществиться диалогу носителей разных национальных миров. *М. Х. Идельбаев* (Уфа) рассказал об отражении башкиро-русских отношений в шежере — древнейших историко-литературных памятниках башкирского народа, повествующих об истории, повседневной жизни и быте народов и племен и составляемых представителями нескольких поколений подчас в течение столетий. В докладе *Е. Г. Власовой* (Пермь) была раскрыта эволюция образа Урала в литературе путешествий XVIII — начала XX в., сопутствующая истории транспортных средств, которыми осваивался Урал. В докладах *С. Т. Ареевой* (Ижевск), *Р. А. Шаяхметова* (Уфа), *Н. А. Ягодинцевой* (Челябинск), *Т. Л. Кузнецовой* (Сыктывкар), *И. Е. Васильева*, *Е. В. Харитоновой* (Екатеринбург) были затронуты различные аспекты бытования национальных литератур в контексте общероссийской на протяжении XX в. *Е. Г. Соболева* и *Е. Ю. Дуреко* (Екатеринбург) перевели разговор в плоскость современности — информационного поля СМИ и рекламы, формирующих национальную и региональную идентичность сегодняшних россиян. Проблему «художник и власть» в творчестве *В. Шахрина* осветил *А. В. Снигирев* (Екатеринбург).

На секции «*Фольклор и книжность Урала в национальном и региональном измерении*» были представлены доклады, посвященные главным образом духовной литературе региона, печатной и рукописной: историческим сочинениям уральских старообрядцев-поморцев (*прот. П. И. Мангишев*, Екатеринбург), литературному наследию

Арк. Гаряева (А. В. Печерин, Екатеринбург) и Тихона Задонского (Е. Н. Коледич, Серов), различным типам литературы в библиотеках Урала (М. С. Бессонов, Е. А. Полетаева, Екатеринбург), древнерусскому «Прологу» (И. А. Шилова, Новосибирск), некоторым «темным» фрагментам в биографии П. П. Бажова (А. В. Мангилева, Екатеринбург), рукописям, найденным археографической экспедицией Башкирского института истории, языка и литературы (М. Х. Надергулов, Уфа).

Секция **«Национальное, региональное, социальное в истории литературы»** была посвящена историческому измерению литературного процесса. Концепция власти в сочинениях А. Курбского, протопопа Аввакума и В. Шукшина рассматривалась в докладе В. В. Васильева (Красноярск), «Конек-горбунок» П. Ершова — в докладе С. А. Комарова (Тюмень), Пугачевский бунт в мемуарах русских писателей — в докладе Е. Е. Приказчиковой (Екатеринбург). Гости из Оренбурга Г. П. Матвиевская и А. Г. Прокофьева рассказали о писателях Оренбуржья, доклады С. В. Голиковой (Екатеринбург), А. Н. Садриевой (Н. Тагил), Л. М. Слобожаниновой, Т. Н. Огневой (Екатеринбург), О. А. Перваловой (Екатеринбург), Т. Н. Масальцевой (Пермь) и других касались произведений авторов Среднего Урала (А. Кирпищикова, Д. Мамин-Сибиряк, Е. Гадмер и др).

На секции **«Современная литература Урала»** прозвучали доклады и сообщения о художниках XX в., так или иначе испытавших на себе давление власти, политического режима, социума: о кинорежиссере М. Заплатине (А. А. Сидякина, Пермь), о произведениях М. Алданова (Н. Н. Горбачева, Тюмень), о поэзии Б. Рыжего (Т. А. Арсенова, Е. А. Четвертных, Екатеринбург), о творчестве М. Ботевой (Н. В. Барковская, Екатеринбург), М. Имшенецкой (Г. Л. Девятайкина, Екатеринбург), А. Шлякова (С. О. Драчева, Тюмень), об уральской поэзии 1930-х гг. в целом (Ю. С. Подлубнова, Екатеринбург) и др. Сам подбор имен весьма симптоматичен: каждый год конференция открывает новые имена и произведения современных авторов региона.

Достаточно продуктивно прошел **семинар, посвященный 130-летию М. Гафури**. На нем выступили гости из Уфы (И. И. Баке, Г. Г. Галина, М. А. Гафуров, Э. Г. Дударь, Е. Н. Лиханова, С. А. Искандарова, Г. И. Кацерик, Л. М. Камаева), Казани (Н. А. Асулкаева, Ш. Ш. Мустафин, З. З. Зайниев), екатеринбургские исследователи (Р. Л. Исхаков, С. Л. Надыров, А. Н. Старостин). В творчестве М. Гафури рассматривались серьезные и интересные проблемы истории литературы в ее межнациональных связях, выходы в современную культуру.

На заключительном **пленарном заседании** выступили главный научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы В. М. Ванюшев (Ижевск) с докладом о субъектной организации этнографических очерков Г. Е. Верещагина, заведующий кафедрой русской литературы Уральского государственного университета О. В. Зырянов (Екатеринбург) — на тему образа этнически «другого» в русской поэзии от Г. Державина до М. Лермонтова, профессор кафедры русской литературы XX и XXI вв. Уральского государственного университета М. А. Литовская — с докладом о литературе как «месте» поиска региональной идеи. В заключение работы конференции состоялась **дискуссия** об узловых проблемах истории литературы Урала XX в. и принципах построения ее академической истории; содокладчиками выступили И. Е. Васильев и М. А. Литовская. Гости конференции высказали мысль о том, что в ходе регулярных встреч участников проекта и всех интересующихся культурой региона изменилось направление литературоведческих исследований: от национальных образов мира в литературе Урала — к многонациональной литературе региона, где русская литература занимает одно из мест в общем ряду и общей симфонии литератур других народов, проживающих на Урале.

Е. К. Созина

ИНФОРМАЦИЯ

О работе диссертационного совета Д 212.286.08 в 2010 г.

Диссертационный совет Д 212.286.08 утвержден при Уральском государственном университете им. А. М. Горького приказом Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор) № 737-548 от 18 апреля 2008 г.

Диссертационному совету разрешено принимать к защите диссертации по трем специальностям: 09.00.04 «Эстетика» (по философским наукам); 24.00.01 «Теория и история культуры» (по культурологии), 17.00.04 «Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура» (по искусствоведению).

В период с 1 января по 31 декабря 2010 г. совет провел 11 заседаний, на которых были рассмотрены и приняты к защите 8 кандидатских диссертаций (4 — по специальности 24.00.01 и 4 — по специальности 17.00.04).

• Кандидатская диссертация **Н. А. Белолипецкой «Образ Египта и египтян в британской культуре последней четверти XIX — первой четверти XX в.: механизмы формирования»** (24.00.01) посвящена анализу проблемы этнокультурных и этнорелигиозных образов Египта и египтян в британской ментальности конца XIX — начала XX в. и механизмов их стереотипизации в общественной мысли. Вычленены и проанализированы основные принципы и ведущие приемы создания британцами этнического образа Египта. Источниковую базу диссертации составили британская мемуаристика, публицистические и художественные тексты, официальные документы и материалы, публиковавшиеся правительством Великобритании.

Автор выходит за рамки событийной истории и характеризует целостные культурные константы британского мировоззрения рубежа веков, вычленяет и анализирует основные принципы и ведущие приемы создания британцами этнического образа Египта и египтян. Материалы диссертации могут служить теоретической базой при подготовке комплексных работ по этнокультурной и этнорелигиозной истории Ближнего Востока, а также исследований, посвященных европейскому восприятию колонизированных народов.

• Кандидатская диссертация **Т. И. Кузуб «Музыкальная культура XX века как феномен эпохи глобализации»** (24.00.01) посвящена анализу инновационных процессов, преобразований и трансформаций в музыкальной культуре XX в. как отражение глобализации. Научная новизна исследования состоит в создании авторской концепции музыкальной культуры XX в. как феномена модернизированного интеграционного типа, динамично развивающегося в эпоху глобализации (от первых десятилетий к рубежу XX—XXI вв.). В работе выявлено, что эволюция музыкальной культуры XX в. обусловлена технико-урбанистическими тенденциями эпохи глобализации, появлением новых технических способов сохранения и передачи музыкальной информации, новых рационально-прагматических и аналитических типов мышления в композиторском и исполнительском творчестве, ведущих к изменениям в процессах слушательского восприятия музыки. Научная значимость исследования Т. И. Кузуб заключается в том, что её результаты вносят вклад в теоретическую разработку проблем типологии куль-

туры (применительно к музыкальной культуре XX в.) и могут служить основой дальнейшего изучения проблемы влияния глобализации на музыкальную культуру XX в.

• Кандидатская диссертация **В. В. Флоренской** «Архетипы единства человека и природы традиционных обществ и формирование экологической культуры» (24.00.01), посвящена анализу экологического потенциала архетипов единства человека и природы, отвечающих нравственно-этической направленности формирования экологической культуры. Научная значимость диссертации заключается в определении содержания архетипов единства человека и природы традиционных обществ, механизма их воздействия на процессы формирования экологического сознания современного человека и становление экологической культуры. В исследовании определены механизмы воздействия мифосимволических систем на индивидуальное и коллективное сознание, применения архетипов с целью построения эффективных социальных программ экологизации общественного сознания.

• В кандидатской диссертации **Е. А. Антиповой** «Формирование и специфика воплощения буддийского художественного канона в скульптуре Монголии» (17.00.04) исследованы специфические черты генезиса буддийской пластики на примере ее становления и развития в Монголии, взаимосвязи отдельных элементов буддийского и народного искусства монголов. В качестве доказательной базы автором проведен анализ малоизученной пластики из фондов краеведческого музея им. В. В. Бианки г. Бийска (Алтайский край). В диссертации предложен авторский метод установления национальной школы по поиску аналогов орнамента облачений божеств пантеона. Научная ценность исследования состоит в результатах комплексного изучения процесса развития буддийского канона в скульптурном искусстве Монголии и установлении преемственности искусства народов буддийского региона.

• Кандидатская диссертация **Т. В. Барановой** «Флорентийская мозаика в России середины XIX — начала XXI веков: Петергоф, Екатеринбург, Кольвань» (17.00.04) посвящена исследованию региональной специфики развития флорентийской мозаики, средств ее художественной выразительности и связей с другими видами изобразительного искусства. Научная новизна исследования заключается в сравнительном искусствоведческом анализе произведений ведущих художественных школ флорентийской мозаики — Петергофа, Екатеринбурга, Алтая, этапов становления этих школ, выявления их специфических черт и особенностей творческих подходов мастеров различных регионов. В научный оборот введен значительный архивный материал, составлен научный каталог произведений флорентийской мозаики, выполненных на Кольванском камнерезном заводе.

• В кандидатской диссертации **А. Н. Филнковой** «Развитие книжной графики в Екатеринбурге-Свердловске в 1920-е — первой половине 1950-х годов» (17.00.04) исследуются особенности становления и развития книжной графики в Екатеринбурге-Свердловске. В научный оборот введен новый материал: названия книг и имена художников, сотрудничавших со свердловскими издательствами в обозначенный период, в результате исследование искусства книги Среднего Урала получило комплексный характер. Проанализированы параллели и взаимовлияния свердловской книжной графики и других видов пластических искусств (живопись, скульптура, архитектура), художественной и краеведческой литературы, театра, что дает возможность увидеть в искусстве книги проявление регионального своеобразия художественной культуры. Раскрыты творческие контакты екатеринбургских (свердловских) художников с московской и ленинградской графическими школами.

• Кандидатская диссертация **М. В. Капкан** «Феномен гастрономической культуры: специфика форм репрезентации (на примере России XIX—XX веков)» (24.00.01)

посвящена исследованию социокультурной обусловленности и специфики форм репрезентации гастрономической культуры (национальная кухня, поваренная книга, система общественного питания) на примере России XIX–XX вв. В диссертации предложено авторское определение понятия «гастрономическая культура» и обосновано методологическое значение данного понятия для культурологического анализа сферы питания. Это дает возможность структурировать описание пищевых норм и их исторической, культурной и социальной обусловленности, а также проанализировать механизмы их распространения и функционирования в разных культурно-исторических условиях.

• Кандидатская диссертация **О. Б. Терешинной «Ротондальные храмы Урала»** (17.00.04) представляет собой специальное комплексное исследование ротондальных храмов Урала в контексте развития архитектуры ротондальных форм в истории мирового и российского культового зодчества. Научная ценность диссертации заключается в типологизации ротондальных храмов, определении географии и количества уральских ротондальных храмов в России, реконструировании истории создания каждого из исследованных памятников на основе собранного и систематизированного фактологического материала. Результатом исследования стала атрибуция уральских ротондальных храмов, включающая их типологическую принадлежность, объемно-планировочные и композиционные характеристики, авторство; выявление существенных особенностей уральских ротондальных храмов, их стилистической связи с архитектурными школами Москвы и Санкт-Петербурга.

(С авторефератами диссертаций можно ознакомиться на сайте Уральского госуниверситета: http://lib.usu.ru/rus/inquiry/disser/defence_arch)

Л. С. Лихачева

Новые книги факультета искусствоведения и культурологии

Галеева, Т. А. Спартак Киприн. Графика / Т. А. Галеева, Г. С. Родионова. — Екатеринбург : Автограф, 2010. — 256 с.

Альбом посвящен творчеству известного уральского художника С. С. Киприна (1930–1986) и демонстрирует успехи мастера в различных техниках графики — офорте, линогравюре, карандашном рисунке. В издании анализируются основные этапы творчества С. С. Киприна в контексте развития уральского изобразительного искусства, а также приводятся воспоминания дочери художника Г. С. Родионовой.

Галеева, Т. А. Спартак Киприн. Графика : каталог выставки / Т. А. Галеева. — Екатеринбург : Автограф, 2010. — 28 с.

К 80-летию со дня рождения С. С. Киприна в выставочном зале Свердловской организации Союза художников России состоялась ретроспектива произведений мастера и к этому же событию было приурочено издание каталога.

Деменова, В. В. Пространство смыслов буддийской металлической скульптуры / В. В. Деменова, О. А. Уроженко. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. — 144 с.

Монография посвящена актуальной проблеме современного искусствоведения — поиску методологических путей исследования религиозного искусства. На примере буддийской

металлической пластики авторы раскрывают плодотворность искусствоведческого анализа для постижения произведения религиозного искусства. Книга может быть полезна преподавателям и студентам гуманитарных факультетов — искусствоведам, культурологам, востоковедам, философам, а также широкому кругу читателей.

Добрейцина, Л. Е. Исторические города Урала : учеб. пособие / Л. Е. Добрейцина, Т. О. Санникова. — Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 2010. — 334 с.

Рассматривается история культуры Уральского региона, представленная сквозь призму истории его городов и поселений. Представлены города и поселения, которые когда-либо являлись или являются сейчас культурными центрами региона, а также обладают достопримечательностями, представляющими интерес для тех, кто неравнодушен к истории Урала. Учебное пособие рассчитано на студентов и преподавателей вузов.

Китай: история и современность : материалы науч.-практ. конф., Екатеринбург, 11–12 ноября 2009 г. / Урал. гос. ун-т ; ред. Т. А. Кемерова. — Екатеринбург, 2010. — 140 с.

Кириллова, Н. Б. Классик уральского кино. Штрихи к портрету Ярополка Лапшина. — 2-е изд. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2010. — 224 с.

Книга является продолжением изданного в 2005 г. исследования по истории уральского кино, его места в российском и мировом кинематографе. В центре данной работы — личность Ярополка Леонидовича Лапшина, кинорежиссера, народного артиста России, лауреата Государственной премии РСФСР имени братьев Васильевых, лауреата премии губернатора Свердловской области, почетного гражданина Свердловской области, автора многих известных фильмов, таких как «Угрюм-река», «Приваловские миллионы», «Демидовы», «Перед рассветом», «На полпути в Париж», «Сель» и др.

Праздник в пространстве современной городской культуры : материалы всерос. конф. с элементами науч. шк. для молодежи (26–28 ноября 2009 г.) / Урал. гос. ун-т ; отв. ред. Л. С. Лихачева. — Екатеринбург, 2009. — 344 с.

В сборник вошли работы студентов, аспирантов, преподавателей вузов и специалистов-практиков. Предназначены для культурологов, социологов, искусствоведов, специалистов в области социально-культурной деятельности и event-менеджмента, а также всех, кто интересуется вопросами истории, теории и индустрии праздника.

Список сокращений

АСУ	Автоматизированная система управления
АГВ	Архангельские губернские ведомости
АРЭМ	Архив Российского этнографического музея
АХРР	Ассоциация художников революционной России
БКРС	Большой китайско-русский словарь
ВГВ	Вологодские губернские ведомости
ГААО	Государственный архив Архангельской области
ГАПК	Государственный архив Пермского края
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАСО	Государственный архив Свердловской области
ГМИИ	Государственный музей изобразительного искусства
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ИАОИРС	Известия Архангельского общества изучения Русского Севера
ИРЛИ	Институт русской литературы
КБТ	Каталог библиотеки Татищева
НАРК	Национальный архив Республики Коми
ОР РНБ	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ОТСП	Отдел трудовых и специальных поселений
ПМА ЛА	Полевые материалы автора. Личный архив
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства
РГБ	Российская государственная библиотека
РГИА	Российский государственный исторический архив
РГИА	Росскийкий государственный исторический архив
СЧГНЯ	Словарь чтений географических названий Японии
УНОВИС	Устроители нового искусства
ЭО	Этнографическое обозрение
ЯРС	Японско-русский словарь
ЯРУСИ	Японско-русский учебный словарь иероглифов

Сведения об авторах

Авдеева, Вера Владимировна (avdvera@yandex.ru). Выпускница факультета искусствоведения и культурологии Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Кандидат искусствоведения, ассистент кафедры истории искусств УрГУ (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-73-64; doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — искусство Германии.

Алексеев, Евгений Павлович (Ev-alex@yandex.ru). Выпускник факультета искусствоведения и культурологии Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1995). Кандидат искусствоведения (2001), доцент кафедры истории искусств УрГУ (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-73-64; doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — изобразительное искусство Урала.

Анисимов, Кирилл Владиславович (kirill@vzletka.net). Выпускник филологического факультета Красноярского государственного университета (1995). Доктор филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Сибирского федерального университета (660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а; (391) 249-70-77). Сфера научных интересов — геокультурология, нарратология, семиотика, имагология и идеология литературы; история и поэтика русской литературы XX в.; творчество И. А. Бунина; история и поэтика русской литературы Сибири XVII—XX вв.

Архангельская, Вера Вячеславовна (arhver@mail.ru). Выпускница филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2006). Аспирант кафедры русской литературы УрГУ (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-92; doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — русская литература XIX в., творчество Ф. М. Достоевского.

Баразгова, Евгения Станиславовна (Elena.Barazgova@uara.ru). Выпускница факультета иностранных языков Свердловского государственного педагогического института (1966). Доктор философских наук (1991), профессор кафедры философии и политологии, Уральской академии государственной службы (620219, ГСП 502, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66; (343)257-44-27, rector@uara.ru). Сфера научных интересов — история социологии, региональная социология, социология образования.

Баранов, Николай Николаевич (baranov61@mail.ru). Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Кандидат исторических наук (1989), доцент, зав. кафедрой новой и новейшей истории УрГУ (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-32; doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — германистика, история международных отношений.

Белобородова, Ирина Николаевна (bin2000@mail.ru). Выпускница Ленинградского государственного университета (1986). Кандидат исторических наук (1994), доцент кафедры истории и мировой политики Северо-Западной академии государственной службы (199178, г. Санкт-Петербург, Средний пр., В. О., д. 57/43; (812)335-94-64; istor@szags.ru). Сфера научных интересов — этнология, социальная и культурная антропология, этнополитология.

Билялова, Альбина Анваровна (Abill71@mail.ru). Выпускница Казанского государственного педагогического университета (1994). Ассистент кафедры иностранных языков Камской государственной инженерно-экономической академии (423800, Республика Татарстан,

г. Набережные Челны, пр. Мира, 68/19; (8552)71-24-03). Сфера научных интересов — сравнительное языкознание, грамматика русского и татарского языков.

Букреева, Оксана Михайловна (bukreeva-ok@yandex.ru). Выпускница Курского государственного педагогического университета (2001). Ассистент кафедры английской филологии Курского государственного университета (305000, г. Курск, ул. Радищева, 33; (4712)51-42-89). Сфера научных интересов — семантика интонации.

Вандышев, Михаил Николаевич (mrv@k96.ru). Выпускник факультета политологии и социологии Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1999). Кандидат социологических наук (2006), доцент кафедры теории и истории социологии УрГУ (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-73-68; doc_office@usu.ru.). Сфера научных интересов — социология риска; социология личности; региональная социология, история зарубежной социологии.

Гашева, Наталия Николаевна (gasheva2010@yandex.ru). Выпускница Пермского государственного института искусства и культуры. Доктор культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии Пермского государственного института искусства и культуры (614000, г. Пермь, ул. Газеты «Звезда», 18; (342)212-65-52; culture-pgiik@yandex.ru.). Сфера научных интересов — теория и история культуры, русская культура, эстетика, проблемы культурогенеза и динамики культуры.

Григоренко, Ольга Владимировна (az_buka@rambler.ru). Выпускница Воронежского государственного университета (1991). Кандидат филологических наук (1994), доцент кафедры русского языка Воронежского государственного педагогического университета (394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 86/ 3; (4732)54-56-43; olanew@mail.ru). Сфера научных интересов — неология, неография.

Гусев, Андрей Вячеславович (gusev89@list.ru). Студент 5-го курса пастырско-богословского факультета Екатеринбургской православной духовной семинарии (620017, г. Екатеринбург, ул. Вали Котика, 13а; (343)331-25-01). Сфера научных интересов — кириллическое книгопечатание, книжная справа первой пол. XVII в.

Доронченков, Илья Аскольдович (idoronchenkov@eu.spb.ru). Кандидат искусствоведения, декан факультета истории искусств Европейского университета в Санкт-Петербурге (191187, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3; (812)275-5142). Сфера научных интересов — европейское искусство.

Игнатова, Надежда Максимовна (ignatova11@rambler.ru). Выпускница Сыктывкарского государственного университета (1996). Кандидат исторических наук (2001), старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 24; (8212)24-53-78; askhabov@presidium.komisc.ru). Сфера научных интересов — массовые насильственные переселения на Европейский Север в 1930–1950-е гг.

Комаров, Константин Маркович (poetezis@mail.ru). Магистрант филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-94; doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — русская поэзия.

Кубанцева, Ирина Алексеевна (kubancevair@rambler.ru). Выпускница Московского государственного института культуры (1981). Кандидат исторических наук (2004), доцент Института национальной культуры Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (430000, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Полежаева, д. 44 а; (8342)481819). Сфера научных интересов — история культуры Мордовии.

Кушнир, Ольга Николаевна (info17275@mail.ru). Кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры документоведения, архивоведения и прикладной лингвистики

(167982, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 11; (8212)20-16-82). Сфера научных интересов — лингвокультурология, стилистика.

Ласкова, Наталья Васильевна (lasna@mail.ru). Выпускница Ростовского государственного университета (1993). Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков Южного федерального университета (344006 г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105; (863)263-83-89; decanat@hist.sfedu.ru. Сфера научных интересов — история Шотландии в Средние века и раннее Новое время, внешняя миграция шотландцев, становление Британской колониальной империи.

Летова, Ирина Анатольевна (irina_letova51@mail.ru). Выпускница филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (1974). Старший преподаватель кафедры фольклора и древней литературы Уральского государственного университета им. А. М. Горького (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-92; doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — церковнославянский язык и письменность, древнегреческий и новогреческий языки, славянские и русские переводы Евангелия, поздняя античная литература.

Лихачева, Лилия Сергеевна (Likhacheva08@rambler.ru). Выпускница философского факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1982). Доктор социологических наук, профессор кафедры культурологии и социально-культурной деятельности УрГУ (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-74-49; doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — теория и история культуры, методология социально-культурных исследований, социология личности, социология и культурология повседневности.

Макрушина, Ксения Андреевна (makrushina86@list.ru). Выпускница филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2008). Аспирант кафедры новой и новейшей истории УрГУ (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-32; doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — английская аристократия на рубеже XVIII—XIX вв., английские писательницы в 1790-е гг., Джейн Остен.

Мережников, Андрей Николаевич (mereznikov7@rambler.ru). Выпускник Свердловского архитектурного института (1988). Доцент кафедры истории искусств Уральского государственного университета им. А. М. Горького (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-73-64; doc_office@usu.ru). Член Союза художников России. Сфера научных интересов — история искусств.

Налегач, Наталья Валерьевна (Nalegach@list.ru). Выпускница Кемеровского государственного университета (1995). Кандидат филологических наук (2000), доцент кафедры журналистики и русской литературы XX в. КемГУ (650042, г. Кемерово, ул. Красная, 6/6; (3842)58-27-45; dekanat-filol@kemsu.ru). Сфера научных интересов — поэзия Серебряного века.

Попова, Виктория Николаевна (vick-n@rambler.ru). Выпускница факультета искусствоведения и культурологии Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2005). Аспирант кафедры культурологии УрГУ (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-74-49; doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — культура России, праздничная культура, культурная память, методология исследования культуры.

Попп, Иван Александрович (popr82@mail.ru). Выпускник Уральского государственного педагогического университета (2008). Аспирант кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета (620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; (343)235-76-72). Сфера научных интересов — мировая юстиция Российской империи.

Починская, Ирина Викторовна (lai@usu.ru). Выпускница исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1984). Кандидат исторических наук (1991), доцент кафедры истории России, зав. лабораторией археографических исследований УрГУ (620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343)350-27-08;

doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — история России, традиционная книжная культура, старообрядчество.

Рабинович, Евгений Ильич (Svet-evg@mail.ru). Выпускник факультета искусствоведения и культурологии Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2008). Аспирант кафедры культурологии УрГУ (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-74-49; doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — культурная антропология; культуры северобуддийского региона, иррациональные аспекты культуры.

Сафронова, Алевтина Михайловна. Выпускница исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1969). Кандидат исторических наук, доцент кафедры архивоведения и истории государственного управления (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-34; doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — история образования в России XVIII — XIX вв., В. Н. Татищев как деятель просвещения, библиотеки Екатеринбурга XVIII в.

Соболева, Лариса Степановна (l.s.soboleva@mail.ru). Выпускница гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета (1971). Доктор филологических наук (2006), профессор кафедры фольклора и древней литературы УрГУ, главный редактор журнала «Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки» (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-92; izvestia_2@usu.ru). Сфера научных интересов — древнерусская литература, уральская рукописная литература.

Созина, Елена Константиновна (sozina@internethome.ru). Выпускница филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1980). Доктор филологических наук (2002), профессор кафедры русской литературы УрГУ (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-92; doc_office@usu.ru), зав. сектором истории литературы Института истории и археологии УрО РАН (620026, Екатеринбург, Р.Люксембург, 56; (343)2516518; Office@istor.uran.ru). Сфера научных интересов — история отечественной литературы, литература Урала.

Суровень, Дмитрий Александрович (Yamato.ur@mail.ru). Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1989). Кандидат исторических наук (1997), доцент кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии (620034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, к. 315; (343)245-35-98; sea003@usla.ru, igr@usla). Сфера научных интересов — история общества, государства и права древней и раннесредневековой Японии, история Восточной Азии в период древности и раннего Средневековья, процессы формирования классового общества и государства, варварские общества и государства.

Тарасова, Наталья Александровна (nsova74@mail.ru). Выпускница Петрозаводского государственного университета (1996). Кандидат филологических наук (2001), доцент кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета ПетрГУ (185000, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33; (8142)71-10-54; kafrl@psu.karelia.ru). Сфера научных интересов — творчество Достоевского, текстология, поэтика текста, история русской словесности.

Федотов, Александр Викторович (alexfedotoff@yahoo.com, alexfedotoff@abv.bg). Выпускник Ленинградского государственного университета. Доктор филологических наук, профессор. Директор Центра востоковедения Софийского университета Св. Климента Охридского. Председатель ВАК Болгарии. Сфера научных интересов — восточное искусство.

Худенко, Елена Анатольевна (helenahudenko@mail.ru). Выпускница Барнаульского государственного педагогического университета (1993). Кандидат филологических наук (1997), доцент кафедры теории, истории и методики преподавания литературы Алтайской государственной педагогической академии (656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55; (3852)36-82-74 ; rector@uni-altai.ru). Сфера научных интересов — жизнетворческие стратегии в литературе XIX—XX вв.

Черноухов, Эдуард Анатольевич (echernoukhov@yandex.ru). Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1992). Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета (620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; (343)235-76-72). Сфера научных интересов — социальная инфраструктура горнозаводских округов Урала в XIX в.

Шеметев, Александр Александрович (anticrisis2010@mail.ru). Выпускник Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2009). Аспирант кафедры денег и банковского дела Уральского государственного экономического университета (620000, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62; magam_m_s@usue.ru ; (343)251-96-15). Сфера научных интересов — деньги, финансы, банковское дело, лингвистика.

CONTENTS

ARTS AND CULTURE STUDIES

- Popova, V. N.* Festivals as a Form of Cultural Memory: *Oblivion* Problem and Past Reconstruction 6
The article studies the problem of festival culture transformation, demonstrating the potential to study festivals in the context of cultural memory, and analyzes the reasons for society's approval or rejection of festivals. The conclusion describes conditions to create a new cultural memory.
Key words: festival culture, festival, cultural memory.
- Rabinovich, E. I.* Dream as a Traditional Tibetan Culture Modernization Mechanism 17
The author analyzes the role of dreams as a mechanism to introduce cultural innovations in the traditional Tibetan Buddhist culture, studying the ways to introduce innovations, i.e. mechanisms to alter the conservative traditional culture.
Key words: dream, traditional culture, Tibet, modernization and traditional culture alteration mechanisms.
- Avdeyeva, V. V.* Naive Art Origins in 20th Century Germany: Artistic Tradition Specificity 25
The article studies the origins of naive art in Germany, its sources being votive painting (ex voto), glass painting, folk art and amateur art. The author describes the art of the most significant amateur painters of the 19th – early 20th century, O. Braren and his followers, K-Ch. Thegen, A. Trillhaase, F. Ramholz, and their relationships with the professional community (e.g., with *Das Junge Rheinland* (Young Rhineland group) in Dusseldorf).
Key words: naive art in Germany, national artistic tradition, votive art, glass painting, folk art, amateur art.
- Doronchenkov, I. A.* Matisse in Russia: Main Perception Problems in 1900–1910s 36
The author analyzes the main perception stages and problems as well as evaluation of Henri Matisse's painting by Russian painters and critics, as revealed in the 1900-1910s press. The author studies the struggle among Russian artistic tendencies, determining Matisse's creative work perception.
Key words: Matisse, fauvism, modernism, avant-garde, *The World of Art*, *Apollo*.
- Gasheva, N. N.* N. Gumilev and P. Gauguin: a Creative and Aesthetic Union 49
The article studies the tendency for spiritual and aesthetic union characteristic for late 19th – early 20th century. The contextual and hermeneutical approach to the analysis reveals a similarity of Gumilev's (as a writer) and Gauguin's (as a painter) psychological types, and a profound coincidence in their life strategies semantics and aesthetic aspirations. The author concludes that arts, belonging to kindred styles show a stronger likeness in their creative search than a single art of different styles, as long as style is perceived as a rhythm of a culture's thinking.
Key words: union, context, polylogue, hermeneutics, psychological type, life strategy, creative behaviour algorithm, myth creation, existence, exoticism.

Merezhnikov, A. N. M. A. Vrubel's Artistic Method: Interpretations and Evaluations 57

The article analyzes arguments over M.A. Vrubel's artistic method, comparing scholars' positions, with some characterizing Vrubel as an art nouveau artist and others viewing him as a creator of classically perfect forms, their meaning not conditioned by a certain style. The artist's creative method is viewed from the positions of structuralism and hermeneutics.

Key words: M.A. Vrubel, classics, art nouveau, form, style, method, structuralism, hermeneutics.

Budrina, L. A. Russian Precious Stone Cutters at Cartier 66

The article studies a case in Russian-European cooperation, i.e. the work of the French jeweler Cartier placing their orders with Russian suppliers, including ones from the Urals. The analysis is made with reference to Cartier's archival materials.

Key words: Cartier S.A., Russian precious stone cutting, Art Deco, cooperation between jewelers and stone cutters.

PHILOLOGY

*Archangelskaya, V. V. The First Name Alexei: a Motif in *The Brothers Karamazov** 79

The article studies the problem of the hypothesis foundation of the autobiographic motivation for Alexei Karamazov's name with reference to the poetics of the novel *The Brothers Karamazov*. The author argues that Dostoyevsky's memories of his younger son determine the topic and a number of the novel's most significant motifs to a considerable extent, one of the motifs being the name Alexei proper.

Key words: F.M. Dostoyevsky, *The Brothers Karamazov*, name as a motif.

*Tarasova, N. A. The Dash in *The Diary of a Writer* Typesetting Manuscript for 1877: Dostoyevsky's Punctuation Peculiarities* 89

The author analyzes Dostoyevsky's punctuation peculiarities as reflected in *The Diary of a Writer* typesetting manuscript as of 1877 and publications thereof. The article first introduces new textual facts testifying to the importance of the author's individual linguistic peculiarities to the understanding the semantics and poetics of the novel.

Key words: text criticism, Dostoyevsky's creative work.

Khudenko, E. A. M. M. Prishvin's Life-Creation: a Strategy of Play 96

The author studies M.M. Prishvin's life-creation concept as a particular strategy of play analyzing the philosophic and aesthetic as well as artistic forms of this strategy realization with reference to the writer's diaries and the novel *Motherland of Cranes*.

Key words: M. Prishvin, life-creation, strategy of play, creative behaviour.

*Nalegach, N. V. The *Exhausted* Word Motif in I. Annensky's Lyric Poetry and Development thereof in Post-Symbolist Poetry* 104

The article studies the *exhausted* word motif in I. Annensky's poetry, and development thereof in post-symbolist lyric poetry, special attention being paid to the works by the poets of the Parisian note.

Key words: poetry, I. Annensky, N. Gumilev, A. Shteiger, B. Zakovich, motif, Parisian note.

Makrushina, K. A. Jane Austen: Feminism and Postcolonial Studies 112

The article describes the contemporary approaches to Jane Austen's (1775 – 1817) creative work, i.e. feminist criticism and postcolonial studies, tracing the evaluation evolution the writer's works underwent from moral and didactic literature to specific and historical studies of her works.

Key words: feminism, second wave of feminism, postcolonial studies, colonial policy, gender.

- Letova, I. A., Gusev, A. V.* Psalter Linguistic Proofreading (*Sprava*) before the 18th Century (1640s) 120
 The article analyzes the linguistic work (proofreading, or *sprava*) on the Psalter in the 1640s, more particularly, on its spelling. The Psalter dating back to September, 1645 came to be the result of proofreaders' work on the 1641 and 1642 editions, thus making the last Psalter an important source of grammar and orthographic tendencies data in the Old Church Slavonic language of the period in question.
 Key words: Psalter, Old Church Slavonic language, linguistic proofreading, orthographic tendencies.
- Kushnir, O. N.* Loan Prefixes Re-Etymologization as a Factor of Linguocultural Concepts Actualization 133
 The author studies the necessity to analyze cultural concepts, verbalized by loan prefixes, in the aspect of dynamic synchrony, proposing a typology of the aforementioned concepts, with a further division into vectorial, temporal, and spatial. The author gives examples of linguoconceptual re-etymologization.
 Key words: dynamic linguoculture, concept, linguoconceptual re-etymologization
- Grigorenko, O. V.* New Word-Formative Families with a Neologism Base Denoting a Person 145
 The author analyzes new word-formative families whose base is a neologism denoting a person. The article studies the structural and semantic peculiarities of word-formative families, characterizes the structure thereof, and determines the specificity of the complex word-forming units, making part of the families, i.e. word-forming pairs, chains, and paradigms.
 Key words: neologisms, persons' denomination, derivation, word-forming paradigms.
- Bilyalova, A. A.* Grammatical Categories Optionality in Numerals (with Reference to the Russian and Tartar Languages) 155
 The article considers the optional variants in the declension of numerals in the Russian and the Tartar languages resulting from active transformations in the inflexion of numerals. The author briefly characterizes the optionality thereof and points to the necessity to study this linguistic phenomenon.
 Key words: Russian language, Tartar language. optionality, numerals, word-formation transformations, optional and obligatory variants.
- Bukreyeva, O. M.* The Meaning of Falling-Rising Tone in English Dialogic Texts 161
 The article considers the meaning of the falling-rising tone in the English language with reference to dialogic texts. The research seeks to study the intonation of a whole text and solve the problems of search for invariant intonational features in the semantic organization of a sounding text.
 Key words: dialogue, intonation, semantics, text, nuclear tone.

HISTORY

- Suroven', D. A.* Chinese-Korean *Ayabito* Migrants in 5th Century Japan 169
 The article analyzes Old Japanese data on the influx to the Yamato Kingdom in the reign of Homuda (Φjin), (390-414/415 according to the new chronology) A-chik-ki (Jap. Atogi) and Wang-in (Jap. Wani), as well as one of the numerous Chinese-Korean *ayabito* (*Han Chinese*) migrants lead by Prince Achi-no omi, the aforementioned events reflected in the *Kojiki*, *Nihon Shoki*, *Nihon-koku*, *Sandai Jitsuroku*, *Shinsen shōji-roku*, *Tamuramaro-denki*, and *Fuso Ryakki*. Some of the details of the events in question are described in the local sources of Harima Province (*Harima-Fudoki*).
 Key words: Ancient Japan, Yamato, Homuda, Φjin, A-chik-ki, Atogi, Wang-in, Wani, Achi-no omi, aya, Yamato no Aya, Higashi no Aya, Harima and Yamato Provinces, Kojiki, Nihon Shoki, Nihon-koku, Sandai Jitsuroku, Shinsen shōji-roku, Tamuramaro-denki, Fuso Ryakki, Harima-Fudoki.

- Laskova, N. V.* Scottish Colonization of Canada Propaganda in Robert Gordon Lochinvar's Treatise (1625) 194
 The article describes the early stages of Scotland's colonization of North America, more particularly, the foundation history of the New Galloway colony during 1622–1625. The author analyzes R.G. Lochinvar's treatise as a historic source on Scottish colonization of the New World and the early history of Canada.
 Key words: Scotland, Scottish colonization of North America, Robert Gordon Lochinvar, colony, Cape Breton, New Galloway, treatise.
- Pochinskaya, I. V.* Moscow Publishing House in the 1st half of the 18th Century: Adaptive Processes in the Official Cyrillic Typography 204
 The article studies adaptation processes in the Moscow Synodal Publishing House (until 1721 – Moscow Print Yard) to the new conditions resulting from Peter the Great's reforms. With reference to archival analysis, the author traces the background for Cyrillic typography moving from subsidized existence to self-repayment, from monopolistic market dominance to existing in its cultural niche.
 Key words: Russia, Cyrillic typography, Synod, Moscow Synodal Publishing House, Print Yard, church.
- Beloborodova, I. N.* Traditional Customary Forest Management in the Russian North (Mid-19th – Early 20th Century) 213
 The author considers the historic practice of nature management regulation (with reference to forest management) based on customary law, analyzing the dichotomy of economic interests and worldviews of the north Russian peasantry as to forest, along with various forms of forest management, which existed in the Russian north in the mid-19th – early 20th century and served as a form of traditional peasant self-organization (community, volost, artel) as well as transformation thereof as a result of capitalization (modernization) of traditional economy.
 Key words: traditional forest management, Russian North, traditional culture, customary law, modernization.
- Popp, I. A., Chernoukhov, E. A.* Alexei Ivanovich Kroneberg: a Provincial Failure or a Successful Public Figure? 224
 The authors review A.I. Kroneberg's versatile activity in Perm Province in the 1850-1870s, it being differently evaluated by specialists. With reference to an extensive number of materials, the authors trace Kroneberg's life and offer a substantial analysis of his activity.
 Key words: A. I. Kroneberg's public activity, Perm Province, Nizhny Tagil mining district, Zemstvo, provincial administrative assembly.
- Kubantseva, I. A.* Public Associations' Role in Mordvinian Material and Spiritual Culture Historiography (19th – Early 20th Century) 232
 The article considers research results in the sphere of Mordvinian material and spiritual culture undertaken by scholars making part of scientific societies. The author describes the first most significant works on folklore by P.I. Melnikov (Andrey Pechersky), A.A. Shakhmatov, V.N. Maynov, M.E. Evseyev, I.N. Smirnov, etc. as well as the contribution the Finno-Ugrian Society (Helsinki) has made to the development of scientific literature on the Mordvinian ethnoses.
 Key words: scientific society, material culture, scientific research, scholar, Mordvinian people, spiritual heritage, folk way of life, custom, folklore.
- Ignatova, N. M.* The Number of Special Migrants, *Former Kulaks*, Called up to the Red Army in 1941–1942 242
 The article considers the partial special migrants' (*former kulaks*) conscription in 1941 and the mass conscription in 1942, describing stages of the state decision on the *former kulaks*' conscription in 1942. Furthermore, the author analyzes statistical documents and peculiarities thereof.
 Key words: special migrants, *former kulaks*, labour settlers, Great Patriotic War, conscription to the Red Army.

SOCIOLOGY

- Barazgova, E. S., Vandyshev, M. N., Likhacheva, L. S.* Teenage Holidays: a Socialization Potential 253
 The authors study the socialization potential problem with reference to summer holidays as a sphere for contemporary Russian teenagers' development, offering results of an empirical survey.
 Key words: socialization, holidays, teenagers, socialization potential.

URAL SOCIOCULTURAL SPACE

- Soboleva, L. S.* Cultural Memory Restoration Problems in Regional Conferential Materials.... 263
 The article considers the importance of regional scientific conferences to society's historic memory restoration, cultural traditions preservation, and interaction thereof with present-day problems, analyzing conferential materials of Ural region as to their effectiveness. Roundtable discussions in Stroganov Readings testify to the formation of the civil society fractal.
 Key words: regional scientific conferences, studies in the humanities, Ural region, Stroganov Readings, connection between science and business.
- Anisimov, K. V., Sozina, E. K.* Ural Literature History in the Contest of Regional Studies ... 272
 The article considers the region's literary writing tradition in connection with Ural region development, analyzing the methodology of regional literary studies, put forward as early as the 1st 1/3 of the 20th century by culturologists I. Grevs, K. Piksanov, N. Antsiferov, and presently developed by regional studies and cultural geography.
 Key words: cultural genesis of the Urals, regional literatures, cultural centres, historic cultural landscape, semiotics of place.
- Alexeyev, E. P.* Leader of Ural Cultural Life in the 1900–1930s 285
 The article describes the extent in which a leading creative personality could influence the region's fine art development in the 1st 1/3 of the 20th century, and compares the types of a traditional leader meaning to preserve the professional skills fundamentals, on the one hand, and a charismatic leader, overthrowing the customary rules and norms. The author considers the role of the most outstanding representatives of the period in question, analyzing their relations with their colleagues, the public, and authorities.
 Key words: artistic life in the Urals, fine arts, traditional leader, charismatic leader, formal leader.
- Safronova, A. M.* The First Drawing School in the Urals and Its Learning Aids (1735–1750s) 299
 The article describes the foundation history of Yekaterinburg's first drawing school by Tatishchev with reference to archival documents and characterizes books of Tatishchev's library employed in the teaching process.
 Key words: Yekaterinburg, drawing school, Tatishchev, foreign literature.

REVIEWS

- Baranov, N. N.* Liberal deputies in the German Reichstag 311
- Shemetev, A. A.* Matrix Risk Analysis in Systems Management: Initial Practical Application in Europe 313
- Fedotov, A. V.* A New Book on Buddhist Sculpture 326

LITERATURE PAGES

<i>Komarov, K.</i> [Poems]	328
----------------------------------	-----

ACADEMIC CURRICULUM

Conferences

Contemporary Problems of Anglistics: 20 th International Conference (<i>Sidorova, O. G.</i>)	331
Foreign Literature in University: Innovations, Methodology, Problems of Teaching and Study. 2 nd International Theoretical and Practical Conference (<i>Nazarova, L. A.</i>)	333
6 th All-Russian Scientific Conference “Historic and Cultural Landscape of the Urals: Literature, Ethnos, and Power” (<i>Sozina, E. K.</i>)	334

Information

On the work of D 212.286.08 Dissertation Council in 2010	338
New books of the Arts and Culture Faculty	340
List of Abbreviations	342
On the Authors	343

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
2011. № 1 (87)

Редактор и корректор *Р. Н. Кислых*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-23104 от 10.10.05.
Учредитель — Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО.
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 28.03.2011. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 29,2. Усл. печ. л. 28,9. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ». 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

ПАМЯТКА АВТОРА

Порядок приема и движения рукописи

- Серия «Гуманитарные науки» журнала «Известия Уральского государственного университета» является периодическим изданием (4 номера в год).
- Журнал включен в Перечень ведущих научных журналов ВАК и подписной каталог «Пресса России. Газеты и журналы» (т. 1), индекс 82412.
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки.
- Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды объемом не более одного учетно-издательского (авторского) листа (40 000 знаков).
- К рукописи прилагается одна официальная рецензия.
- Авторский оригинал предоставляется в электронной версии и с обязательной распечаткой текста, аннотацией на русском и английском языках, перечнем ключевых слов на русском и английском языках и сведениями об авторе: фамилия, имя, отчество; год окончания вуза и его название; место работы; ученая степень и звание; сфера научных интересов; средство связи (телефон, e-mail, почтовый адрес).
- Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту.
- Страницы рукописи нумеруются.
- Иллюстрации к статье даются отдельным файлом, с нумерацией и соответствующей распечаткой.
- Рукописи высылаются по адресу: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51. Главному редактору серии «Гуманитарные науки» журнала «Известия Уральского государственного университета».
- Статьи принимаются к рассмотрению в течение всего года.
- Редколлегия уведомляет автора рукописи о том, принят или не принят к публикации материал. При одобрении рукописи рецензентами и редколлегией редакция пересылает автору электронной почтой реквизиты УрГУ для частичного возмещения им расходов на рецензирование, научное редактирование и т. д.
- С аспирантов оплата указанных расходов не взимается.
- Рукописи, не принятые редколлегией к изданию, не рецензируются и автору не возвращаются.
- Статьи на корректуру авторам не высылаются.

Требования к авторскому оригиналу

Подготовка электронного варианта рукописи

- **Формат бумаги** — А4 (210 × 279 мм), ориентация книжная.
- **Программа** — Word, **гарнитура** — Times.
- **Поля** — все по 2 см.
- **Размер шрифта** (кегель) — 14 (алгоритм набора: **Формат** — **Шрифт** — **Размер 14**).
- **Межстрочный интервал** — полуторный (**Формат** — **Абзац** — **Междустрочный** — **Полуторный**).
- **Межбуквенный интервал** — обычный.
- **Абзацный отступ** — 1,25 (**Формат** — **Абзац** — **Первая строка** — **Отступ 1,25**).
- **Выравнивание текста по ширине** (**Формат** — **Абзац** — **Выравнивание** — **По ширине**).
- **Нумерация страниц** (**Вставка** — **Номер страницы** — **Внизу, справа**).
- **Переносы обязательны** (**Сервис** — **Язык** — **Расстановка переносов** — **Автоматическая расстановка переносов**).

- **Квадратные скобки** — на латинской клавиатуре (переход на латиницу с помощью клавиш Shift и Ctrl, нажатых одновременно).
- **Межсловный пробел** — один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях *т. е.*, *т. п.*, *т. д.*, *т. к.* Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: *М., 1995*. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: *А. С. Пушкин*.
- **Дефис** должен отличаться от тире, например: *Творчество Н. Заболоцкого конца 1920-х — начала 30-х годов*.
- **Тире** должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах, например: *1941—1945 гг., с. 8—61*.
- **Кавычки** должны быть одного начертания по всему тексту («...» — внешние, “...” — внутренние).
- **Точка, запятая и точка с запятой** при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски, например: «*Наши дети — энциклопедисты по самому характеру своего мышления*», — *говорил Маршак*¹.
- **Буква ё/Ё** заменяется буквой *e/E* за исключением важных для смыслового различия контекстов, например: *Всем обо всём*.
- При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.
- Не допускаются пробелы между абзацами.

Виды и приемы выделений в тексте

- Основные виды выделений в рукописи — **рубрикационные** (заголовки рубрик) и **смысловые** (термины, значимые положения, логические усиления).
- Смысловые выделения в авторском тексте оформляются разрядкой (Формат — Шрифт — Интервал — Разреженный — 2).
- Короткие примеры в авторском тексте выделяются светлым курсивом, при необходимости используется полужирный курсив, например: «Неблагозвучны громоздкие сочетания согласных на стыке слов (*пусть встреча состоится*)». Отдельные фрагменты цитируемого текста выделяются мелким шрифтом с отбивками от основного текста.

Библиографические ссылки и примечания

- Ссылки — затекстовые, оформляются в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5—2008, введенным с 1 января 2009 г.
- Отсылки в тексте — в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1—3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники), а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитировании. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора. Например: [Толстой, т. 4, с 285]. Отсылки в тексте на архивные документы оформляются аналогично: в квадратных скобках, элементы отсылки через запятую. Ссылки на архивный источник за текстом — по правилам оформления затекстовых ссылок.
- Для ссылок на электронные ресурсы вместо слов «Режим доступа» используют аббревиатуру URL (Uniform resource Locator — унифицированный указатель ресурса) и ссылку на дату обращения. Например: URL: <http://www.prognosis.ru> (дата обращения: 13.03.09).
- Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания приводятся в виде отсылки в квадратных скобках.

Телефон для справок: (343)350-75-92 (кафедра фольклора и древней литературы).

Электронный адрес: izvestia_2@usu.ru